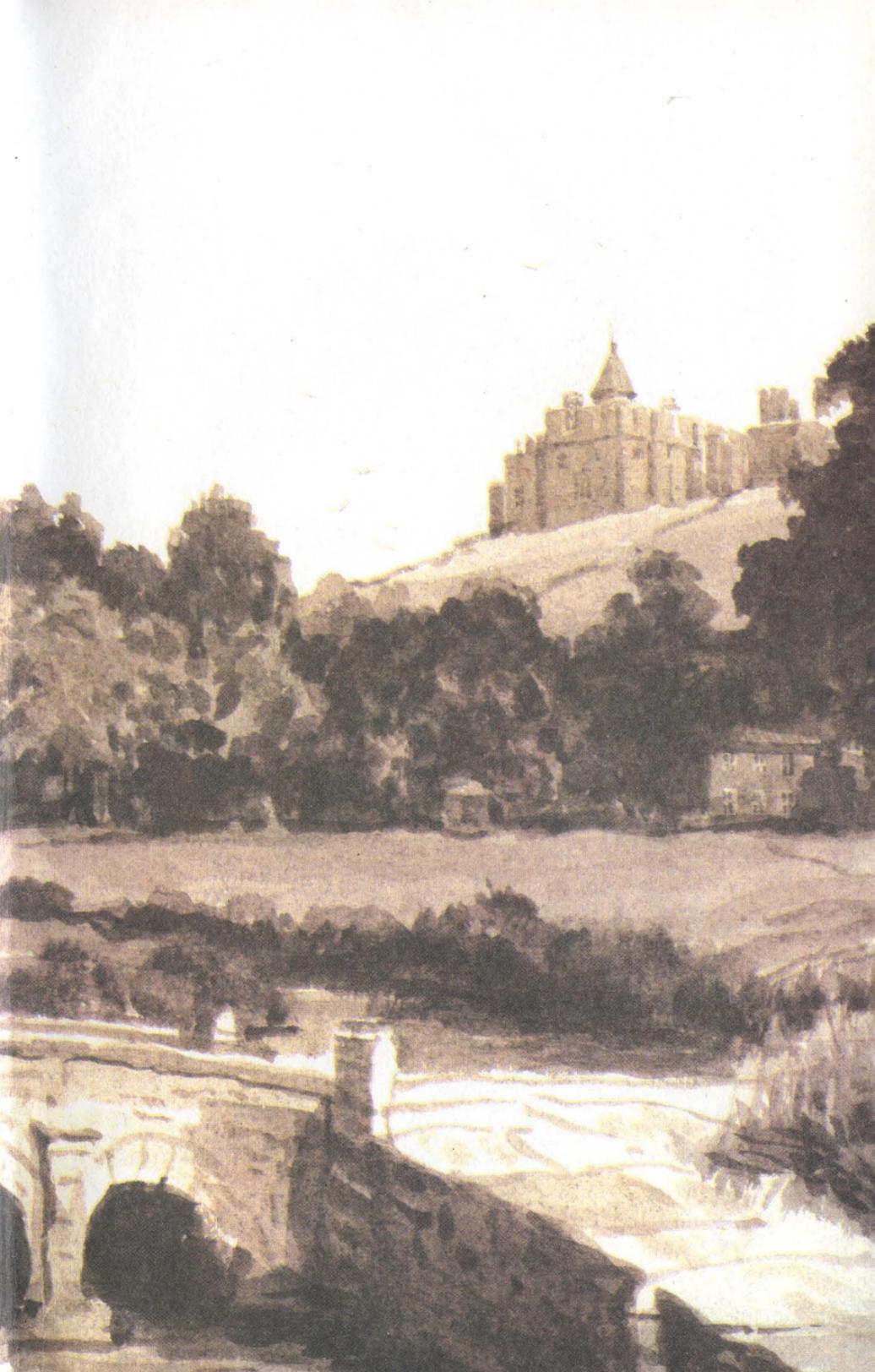

АГАТА КРИСТИ

К 100-летию со дня рождения

АГАТА КРИСТИ

АГАТА КРИСТИ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
ТОМ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ

●

Москва

«АРТИКУЛ-ПРИНТ»

2003

АГАТА КРИСТИ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
ТОМ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ

АВТОБИОГРАФИЯ

Перевод с английского

Москва

«АРТИКУЛ-ПРИНТ»

2003

УДК 820 Кристи 2+820-31
ББК 84(4Вел)
К82

AGATHA CHRISTIE

1891—1976

Составление
А. ТИТОВА

Художественное оформление
Н. КЛОДТА

ISBN 5-93776-029-8 (т. 27/1)
ISBN 5-93776-001-8

© Составление, художественное оформление, редакция произведений. Издательство «Артикул-принт», 2003

АВТОБИОГРАФИЯ

РОМАН

Перевод

В. ЧЕМБЕРДЖИ, И. ДОРОНИНОЙ

под редакцией

М. МАКАРОВОЙ

An Autobiography

1976

© Перевод. Чемберджи В., Дорониной И., 1999
© Редакция. Издательство «Артикул-принт», 2003

Вступление

Нимруд, Ирак. 2 апреля 1950 г.

Нимруд — нынешнее название древнего города Калаха, военной столицы ассирийцев. Наша экспедиция помещается в доме, выстроенном из саманного кирпича. Расположенный у восточной стороны холма, он состоит из кухни, гостиной, столовой, маленькой конторы, реставрационной мастерской, просторного склада, помещений для гончарных работ и крошечного чуланчика (мы все ночуем в палатках). Однако в этом году к экспедиционному дому добавилась еще одна комнатка площадью примерно в три квадратных метра. Земляной пол покрыт циновками и двумя грубошерстными ковриками. На стене — выполненная яркими красками картина молодого иракского художника-кубиста¹, изображающая двух осликов, бредущих по суку². Есть в комнатке и окошко, через которое открывается вид на снежные вершины восточного хребта Курдистана³. Снаружи к двери прикреплена квадратная табличка со стилизованными под клинопись словами: «Бейт Агата» (Дом Агаты).

¹ Кубизм — модернистское течение в изобразительном искусстве первой четверти XX века, в основе которого изображение предметного мира в виде комбинаций геометрических фигур и тел.

² Сук (*араб.*) — базар, где не только продают, но и изготавливают различные ремесленные изделия.

³ Курдистан — горная область в пределах Турции, Ирана и Ирака, вблизи Курдистанских гор, населенная племенами курдов.

Это мой «дом», предназначенный для того, чтобы здесь, в полном уединении, я могла посвятить себя литературной работе. Вполне вероятно, что по мере продвижения раскопок у меня не окажется времени писать. Придется чистить и приводить в порядок найденные предметы, фотографировать, наклеивать ярлыки, каталогизировать и упаковывать. Но первую неделю или дней десять я, может статься, буду более или менее свободна.

По правде говоря, не все здесь способствует сосредоточенному труду. Над головой по крыше с радостными воплями скачут арабские рабочие, весело перекрикиваются друг с другом и переставляют с места на место хлипкие стремянки. Лают собаки, кулдыкают индюки. Позвякивает сбрусы лошадь полицейского. Двери и окна не желают закрываться и хлопают на ветру. Я сижу за шатким деревянным столом, а рядом стоит весело раскрашенный жестяной сундучок, неизбежная принадлежность путешествующих арабов. В него я намереваюсь складывать страницы рукописи.

Мне нужно бы сочинить полицейский роман, но поскольку типичное свойство писательской натуры заключается в том, чтобы рваться писать обо всем на свете, кроме того, что он должен, мне вдруг страстно захотелось написать автобиографию. Я слышала, что любой человек рано или поздно ощущает эту настоятельную потребность. Совершенно неожиданно такое желание овладело и мною.

С другой стороны, автобиография обязывает к слишком многому. Подразумевается скрупулезное исследование жизни, с именами, местами и датами в строгой хронологической последовательности. Мне же хочется наугад запустить руку в собственное прошлое и выудить оттуда пригоршню воспоминаний.

Жизнь, мне кажется, состоит из трех периодов: бурное и упоительное настоящее, минута за минутой мчащееся с роковой скоростью; будущее, смутное и неопределенное, позволяющее строить сколько угодно интересных планов, чем сумасброднее — тем лучше, все равно жизнь распорядится по-своему, так что мечтайте себе на здоровье; и, наконец, третий период — прошлое, фундамент нашей нынешней жизни, воспоминания, разбуженные невзначай каким-нибудь ароматом, очертаниями холма, старой песенкой, чем-то совсем обычным, вдруг заставляющим нас пробормотать:

— Помню, как... — с особым и неизъяснимым наслаждением.

Воспоминания — одна из наград, которые приносит возраст, и при этом награда сладостная.

К несчастью, вам очень часто хочется не только вспоминать, но и рассказывать. Постоянно повторяйте себе, что людям скучно слушать вас. В самом деле, с какой стати их должна интересовать ваша жизнь, а не их собственная? В молодости они порой снисходят до вас, восприимчивая вас исключительно как ходячий исторический справочник.

— Полагаю, — вежливо интересуется юная особа, — вы помните все о Крымской войне?¹

Почти оскорбленная, я отвечаю, что для этого еще недостаточно стара. Я категорически отрицаю возможность своего участия в восстании сипаев² в Индии. Но согласна поделиться всем, что знаю об Англо-бурской войне³, потому что мой брат сражался в Южной Африке.

Первое воспоминание, которое возникает у меня в памяти, — отчетливая картина: я иду с мамой по улицам Динарда⁴ на базар. Мальчишка с тяжеленной корзиной пирожков на полном ходу пулей врывается в меня, расцарапывает мне руку и чуть не опрокидывает на землю. Больно. Я заливаюсь слезами. Мне, наверно, лет семь.

Мама, превыше всего ставящая стоицизм⁵ поведения в общественных местах, тихо увещевает.

— Подумай, — шепчет она, — о наших храбрых солдатах в Южной Африке.

¹ Крымская война — центральная кампания в войне 1853—1856 годов между Россией и коалицией Англии, Франции, Турции и Сардинии за господство на Ближнем Востоке, в ходе которой царская Россия потерпела поражение.

² Сипаи — наемные солдаты из индийских крестьян в англо-индийской армии, возглавившие в 1857—1859 годах крестьянское восстание в Северной Индии против местных феодалов и англичан и, несмотря на жестокий террор и резню, добившиеся отмены крепостного права и других реформ.

³ Англо-бурская война — война Великобритании в 1899—1902 годах против республик Трансвааль и Оранжевое Свободное Государство, основанных бурами — голландскими переселенцами в Южную Африку. Война завершилась аннексией обеих республик Великобританией.

⁴ Динард — морской курортный город на северо-западе Франции в Бретани.

⁵ Стоицизм — философское учение, восходящее к древнегреческому философу Зенону (IV век до н. э.), учившему спокойно принимать волю богов; в широком смысле эмоциональная сдержанность, безразличие как к боли, так и к удовольствию.

В ответ я реву еще громче

— Не хочу быть храбрым солдатом, я хочу быть трусихой.

Отчего вспоминается то, а не другое? Жизнь — вереница диапозитивов. Вы сидите и смотрите на экран. Хлоп! Я, совсем маленькая, ем шоколадные эклеры на своем дне рождения. Хлоп! Прошло два года, и я на коленях у Бабушки, со связанными взаправду руками и ногами. Я — цыпленок, прибывший только что от мистера Уайтли и приготовленный для духовки, и я почти в истерике от смеха.

Всплывают мгновения — а между ними долгие месяцы или даже годы. А что же происходило тогда? И пошеволе возвращаешься к вопросу Пер Гюнта¹: «Где был я сам, я весь, я настоящий?»

Нам не дано знать всего человека, хотя иногда в ярких мгновенных вспышках мы видим его истинным. Думаю, что воспоминания, какими бы незначительными они ни казались, как раз и высвечивают внутреннюю человеческую суть.

Я, сегодняшняя, точно такая же, как та серьезная маленькая девочка с белесыми льняными локонами. Дом — тело, в котором обитает дух, — вырастает, развивает инстинкты, вкусы, эмоции, интеллект, но я сама, я вся, я — настоящая Агата, я — остаюсь. Я не знаю всей Агаты. Всю Агату знает один только Господь Бог.

Вот мы проходим все поочередно: маленькая Агата Миллер, юная Агата Миллер, Агата Кристи и Агата Мэллоуэн. Куда мы идем? Конечно же никто не знает, и именно от этого перехватывает дыхание

Я всегда считала жизнь захватывающей и думаю так до сих пор. Мы мало знаем о ней — разве что крошечную частичку собственной, как актер, которому предстоит произнести несколько строк в первом акте. У него есть напечатанный на машинке текст роли, и это все, что ему известно. Пьесы он не читал. Да и зачем? Все, что от него требуется, это произнести «Телефон не работает, мадам» — и исчезнуть.

Но когда в день спектакля занавес поднимется, он увидит всю пьесу и займет в ней место наряду с остальными персонажами.

¹ Пер Гюнт — главный персонаж одноименной драмы норвежского поэта и драматурга Хенрика Ибсена (1828—1906).

Думаю, что быть частичкой чего-то целого — одно из самых увлекательных таинств жизни.

Я люблю жизнь. И никакое отчаяние, адские муки и несчастья никогда не заставят меня забыть, что просто жить — это великое благо.

Насладиться радостями памяти, не спеша писать время от времени несколько страниц — вот что я собираюсь делать. Задача, на решение которой, скорее всего, уйдут годы. Но почему же задача? Это не задача, а прихоть, потворство своему желанию.

Однажды меня восхитил старинный китайский рисунок, я полюбила его навсегда. На нем изображен сидящий под деревом старик. Он играет в бильбоке¹. Рисунок называется: «Старик, наслаждающийся праздностью». Никогда не забуду его.

Итак, предупредив, что собираюсь развлекаться, пожалуй, и начну. И хотя нисколько не верю в свою способность придерживаться хронологии, могу, по крайней мере, начать с начала.

¹ Бильбоке (*фр.*) — детская игрушка, шарик, прикрепленный на веревке к палочке, который нужно поймать, подбросив, в «чашечку».

Часть первая

ЭШФИЛД

O! Ma chère Maison; mon nid mon gîte.
Le Passé t'habite... O! ma chère Maison¹

Глава 1

Самое большое счастье, которое может выпасть в жизни, — это счастливое детство. У меня было очень счастливое детство. Милые моему сердцу дом и сад, мудрая и терпеливая Няня, мама и папа, горячо любившие друг друга, сумевшие стать счастливыми супругами и родителями.

Оглядываясь в прошлое, я понимаю, что в нашем доме в самом деле царило благоденствие и главной его причиной была необыкновенная доброта моего отца. В наши дни доброта не слишком ценится. Людей гораздо больше интересует, умен ли человек, трудолюбив ли, приносит ли пользу обществу, вписывается ли в принятые рамки поведения. Но Чарлз Диккенс в «Дэвиде Копперфилде» восхитительно сказал об этом:

«А твой брат — добрый, Пеготти? — предусмотрительно осведомился я.

— Ах какой добрый! — воздев руки, воскликнула Пеготти»².

Задайте себе этот вопрос, вспомните ваших многочисленных друзей и знакомых, и вы, наверное, удивитесь, как редко сможете ответить на него словами Пеготти.

Сейчас мой отец вряд ли заслужил бы одобрение. Он был ленив. Но в его времена никто не работал, имея постоянный доход, никто и не ждал этого. В любом случае я решительно склоняюсь к тому, что из папы не вышел бы работяга.

Каждое утро он покидал наш дом в Торки³ и отправлялся в свой клуб. К ленчу возвращался в кебе⁴, а после

¹ О, мой милый Дом, мое гнездо, мое пристанище. Здесь живет Прошлое... О, мой милый Дом (*фр.*).

² Цитата из романа «Жизнь Дэвида Копперфилда, рассказанная им самим», английского писателя Чарлза Диккенса (1812—1870).

³ Торки — приморский курорт с минеральными источниками на юго-западе Англии в графстве Девоншир.

⁴ Кеб — наемный экипаж (каreta, автомобиль).

полудня снова сехал в клуб играть в вист¹ и приезжал домой как раз вовремя, чтобы переодеться к обеду. Весь сезон он коротал свои дни в Крикетном² клубе, президентом которого состоял.

Иногда папа с удовольствием играл в любительских спектаклях. У него было несметное количество друзей, и он обожал приглашать их в гости. Два или три раза в неделю родители выезжали сами.

Только позднее я поняла, как любили его окружающие. После смерти папы нас засыпали письмами — местные лавочники, извозчики, старые рабочие; то и дело ко мне подходил какой-нибудь старичок со словами:

— Ах, я отлично помню мистера Миллера. Никогда его не забуду. Теперь таких людей не бывает.

Между тем он не обладал ни какими-то особыми достоинствами, ни редкостным умом. У него было простое и любящее сердце, и он действительно любил людей. Выделяло его отменное чувство юмора, он легко мог рассмешить кого угодно. В нем не было ни мелочности, ни ревности, он отличался фаустастической щедростью, вплоть до расточительности. Счастливый и безмятежный.

Совсем другой была мама. Натура загадочная, притягательная, более сильная личность, чем папа, на удивление оригинально мыслящая и в то же время робкая и неуверенная в себе, в глубине души, как мне кажется, склонная к меланхолии.

Слуги и дети были всецело преданы ей и несмеленно повиновались каждому ее слову. Она могла бы стать первоклассным педагогом. Все, что она говорила, казалось важным и неизменно вызывало прилив энтузиазма. Ничто не раздражало ее больше, чем однообразие, и в разговоре она перескакивала с одной темы на другую с такой легкостью, что иной раз трудно было уловить ход ее мысли. Как считал папа, у мамы не было ни малейшего чувства юмора. Мама возмущенно протестовала против этого обвинения.

— Представь себе, некоторые из твоих историй я вовсе не нахожу забавными, Фред! — говорила мама, и отец заливался смехом.

¹ Вист — разновидность карточной игры.

² Крикет — популярная спортивная командная игра на травяном поле с мячом и битами (напоминает русскую лапту).

Мама была лет на десять младше папы и страстно полюбила его еще десятилетней девочкой. Пока молодой беспечный повеса курсировал между Нью-Йорком и югом Франции, мама, робкая, тихая девочка, сидела дома, погруженная в мечты о нем, писала в дневнике стихи и вышивала ему кошелек. Этот кошелек отец хранил всю жизнь.

Типичный для Викторианской¹ эпохи роман оказался наполненным глубокими чувствами.

Я пишу о родителях не только потому, что они мои родители, они явили собой редкий феномен — счастливый брак.

До сих пор я видела только четыре счастливых супружества. Существует ли рецепт успеха в браке? Вряд ли. Из четырех моих примеров в одном случае семнадцатилетняя девушка вышла замуж за человека старше ее на пятнадцать лет. Он сопротивлялся, уверяя, что она не понимает, что делает. Она упрямо отвечала, что прекрасно понимает и уже три года как твердо решила стать его женой! В дальнейшем их супружеская жизнь осложнилась появлением сначала одной, а потом и другой матери, которые стали жить вместе с ними; уже этого более чем достаточно, чтобы разрушить любой союз. Но жена отличалась спокойствием и положительностью. В чем-то она напоминает мне маму, хоть и не блещет ее интеллектуальными достоинствами. У них трое детей, которые рассеялись теперь по всему белу свету. Брак этот длится вот уже более тридцати лет, и супруги по-прежнему преданы друг другу. В другом случае молодой человек женился на вдове, пятнадцатую годами старше его. Многие годы она отказывала ему, наконец приняла его предложение, и они прожили тридцать пять счастливых лет вплоть до самой ее смерти.

Мама, урожденная Клара Бомер, в детстве была очень несчастлива. Ее отца, служившего в шотландском полку в Аргайле², сбросила лошадь, он разбился насмерть; моя бабушка, юная и красивая, осталась вдовой с четырьмя детьми на руках и, кроме скудной вдовьей пенсии, без всяких средств к существованию. Ее старшая сестра, только

¹ Викторианский — характерный для эпохи правления королевы Виктории (1819—1901, правила с 1858 года), высокоморальный, чопорный, соблюдающий этикет.

² Аргайл (Аргайлшир) — графство на западном побережье Шотландии.

что вышедшая замуж за богатого американского вдовца, написала Клариной матери письмо, в котором предложила взять кого-нибудь из детей на воспитание и обещала обращаться с ребенком как с родным.

Молодая вдова, не выпуская из пальцев иголки, чтобы как-то прокормить и воспитать четырех детей, приняла предложение. К сестре она решила отправить свою единственную дочку; то ли оттого, что ей казалось, будто мальчики легче найдут дорогу в жизни, в то время как девочка нуждается в поддержке, то ли, как всегда говорила мама, потому, что она больше любила трех ее братьев.

Мама покинула Джерси¹ и поселилась в незнакомом доме на севере Англии. Думаю, нанесенная ей обида, горькое чувство отринутости наложили отпечаток на всю ее жизнь. Она потеряла уверенность в себе и стала сомневаться в чувствах окружающих. Тетя, щедрая, веселая, не имела, однако, ни малейшего представления о детской психологии. Мама получила все: богатство, комфорт, уют, заботу. Но безвозвратно потеряла беспечную жизнь с братьями в своем доме.

В газетных столбцах, отведенных для писем обеспокоенных родителей, я часто наталкиваюсь на просьбы: «Хотела бы передать на воспитание в богатую семью ребенка, чтобы он получил блага, которых я не могу ему обеспечить, — прежде всего первоклассное воспитание и образование».

Мне всегда хочется крикнуть: «Не отпускайте своего ребенка!» Дом, семья, любовь и надежный домашний очаг — разве самое лучшее образование в мире может заменить это или сравниться с этим?

Моя мать была глубоко несчастна в новом доме. Каждый вечер она засыпала в слезах, бледнела, худела. Наконец, она заболела, и пришлось вызвать врача. Пожилой опытный доктор немножко поговорил с девочкой, после чего сказал:

— Девочка тоскует по дому.

Тетя страшно удивилась и не поверила.

— О нет, — возразила она, — этого не может быть. Клара — хорошая, спокойная девочка. Она нисколько не скучает и совершенно счастлива.

¹ Джерси — остров в проливе Ла-Манш в составе Нормандских островов.

Но старый доктор снова пошел к девочке и еще раз поговорил с ней. Не правда ли, у нее есть братья? Сколько? Как их зовут? В ответ девочка разрыдалась, и сомнения рассеялись.

Когда все вскрылось, наступило облегчение, но ощущение отверженности осталось навсегда. Думаю, мама сохранила горечь обиды на Бабушку до конца жизни. Она очень сильно привязалась к своему американскому «дяде». Уже тяжело больной, он полюбил тихую маленькую Клару и часто читал девочке вслух ее любимую книгу «Король золотой реки»¹. Однако настоящим утешением в ее жизни были периодические визиты пасынка тети — Фреда Миллера, так называемого кузена Фреда. Фреду было около двадцати лет, и он всегда проявлял большую нежность к своей маленькой кузине. Однажды — Кларе было одиннадцать лет — Фред сказал маме:

— Какие у Клары красивые глаза!

Клара, твердо считавшая себя уродиной, побежала в тетины комнаты, чтобы посмотреть в большое зеркало, перед которым одевалась и причесывалась тетя. Может быть, у нее и вправду красивые глаза... Клара ощутила невероятный восторг. С того момента ее сердце безвозвратно принадлежало Фреду.

В Америке старинный друг семьи как-то сказал юному бонвивану:²

— Фредди, когда-нибудь ты женишься на своей маленькой кузине.

Пораженный Фред ответил:

— Она ведь совсем крошка!

Но он всегда питал особое чувство к обожавшей его девочке, хранил детские письма и стихи, которые она ему писала. После множества любовных приключений с нью-йоркскими красотками и светскими львицами (среди них — Дженни Джером, будущая леди Рэндолф Черчилль³) он вернулся в родную Англию и попросил тихую маленькую кузину стать его женой.

Характерно для мамы, что она решительно ему отказала, что было абсолютно в ее характере.

¹ «Король золотой реки» — роман английского писателя и теоретика искусства Джона Рескина (1819—1900).

² Бонвиван (*фр.*) — кутила, прожигатель жизни.

³ Леди Рэндолф Черчилль (урожд. Дженни Джером) — супруга лорда Рэндолфа Черчилля, британского государственного и политического деятеля, представителя «независимых консерваторов».

— Но почему же? — спросила я ее однажды.

— Потому что я была скучная, — ответила она.

Причина довольно-таки необычная, но для мамы совершенно достаточная.

Отец не стал спорить. Он повторил предложение, и на сей раз мама, преодолев свои опасения, согласилась выйти замуж за него, хотя страх разочаровать мужа по-прежнему терзал ее.

Так они поженились. У меня есть портрет мамы в свадебном платье: красивое серьезное лицо, темные волосы и большие глаза цвета ореха.

Перед тем как родилась моя сестра, они переехали в Торки, в те времена модный зимний курорт, впоследствии уступивший свой престиж Ривьере¹, и сняли там меблированную квартиру. Торки очаровал моего отца. Он любил море. Несколько его друзей жили здесь, а другие, из Америки, приезжали на зиму. Моя сестра Мэдж родилась в Торки, и вскоре мама с папой отправились в Америку, которой, как они тогда считали, суждено было стать их вторым домом. Бабушка и дедушка моего отца были еще живы. После того как во Флориде² скончалась его мать, бабушка и дедушка воспитывали отца в сельской тиши Новой Англии³. Папа был привязан к ним всей душой, они спешили познакомиться с его женой и малышкой. Брат родился в Америке. Некоторое время спустя отец решил вернуться в Англию. Но не успел он вернуться, как деловые хлопоты снова призвали его в Нью-Йорк. Он попросил маму снять дом в Торки и до поры обосноваться там.

Мама послушно отправилась на поиски меблированного дома в Торки и по возвращении торжественно объявила:

— Фред, я купила дом.

Отец чуть не упал в обморок. Он по-прежнему намеревался жить в Америке.

— Почему же ты сделала это? — спросил он.

— Потому что он мне понравился, — объяснила мама. Она осмотрела по крайней мере тридцать пять домов. И только

¹ Ривьера — полоса франко-итальянского побережья Средиземного моря, международный курорт.

² Флорида — штат на юго-востоке США на одноименном полуострове.

³ Новая Англия — общее название шести северо-восточных штатов США: Мэн, Вермонт, Новый Гемпшир, Массачусетс, Род-Айленд и Коннектикут.

один приглянулся ей, а он как раз не сдавался, а продавался. Мама попросила у своего доверенного лица — тети — оставленные ей дядей две тысячи ливров¹ и, не мешкая, купила дом.

— Но мы пробудем здесь самое большее год, — ворчал папа, — максимум год.

Мама — мы всегда считали ее ясновидящей — ответила, что они в любой момент смогут продать дом. Вполне вероятно, она уже смутно представляла себе всю свою семью, поселившуюся в нем на долгие годы.

— Я полюбила этот дом, едва вошла в него, — утверждала мама. — В нем удивительно спокойная атмосфера.

Вилла принадлежала неким Браунам, квакерам². Когда мама почувствовала миссис Браун, что ей приходится расставаться с домом, в котором они прожили так много лет, старая леди ответила:

— Я счастлива, что здесь будете жить вы и ваши дети, моя дорогая.

Мама сказала, что ее слова прозвучали как благословение. По правде говоря, я думаю, что этот дом в самом деле был благословенным. Он представлял собой вполне обычную виллу, расположенную не в фешенебельной части Торки, каком-нибудь Уорберри или Линкомбе, а в противоположном конце города, старой части — Тор Моун. В то время дорога, ведущая сюда, терялась в просторах Девона³, среди его тропинок и полей. Вилла называлась Эшфилд, и ей предстояло стать моим домом, отныне и навсегда, почти на всю жизнь.

Кончилось тем, что отец не построил дом в Америке. Он так полюбил Торки, что не захотел уезжать оттуда, обосновался в своем клубе и наслаждался вистом и обществом друзей. Мама терпеть не могла жить возле моря, не любила светской жизни и была неспособна играть ни в одну карточную игру. Но она счастливо жила в Эшфилде, давала званные обеды, занималась общественной деятельностью и тихими вечерами с горячим нетерпением расспрашивала папу о местных драмах и о том, что сегодня произошло в клубе.

— Ничего, — весело уверял ее отец.

¹ Ливр (*фр.*) — фунт стерлингов.

² Квакеры — протестантская секта «Общество друзей», основанная в XVII веке Дж. Фоксом. Квакеры не признают духовенства, религиозных обрядов, войн.

³ Девон (Девоншир) — графство на юго-западе Англии.

— Но, Фред, наверняка же кто-нибудь рассказал что-то интересное?

Отец послушно рылся в памяти, но ничего не мог придумать. Наконец он сообщал, что М. по-прежнему слишком скуп, чтобы купить утреннюю газету; он приходит в клуб, читает новости, а потом поровнит пересказать их остальным членам клуба.

— Послушайте, друзья, вы видели, что напечатано на первой странице «Норд-Уэст»?

Но никто не хочет его слушать, потому что он... самый богатый из клубных завсегдатаев.

Мама, которая уже двадцать раз слышала эту историю, не удовлетворена. Отец впадает в состояние полного блаженства. Он откидывается на спинку кресла, вытягивает ноги к огню и легонько почесывает голову (запрещенное удовольствие).

— О чем ты думаешь, Фред? — спрашивает мама.

— Ни о чем, — отвечает отец, и это чистая правда.

— Но ведь это невозможно — ни о чем не думать!

Подобные заявления отца всегда озадачивают маму. Она не понимает этого. Ее голова всегда переполнена разными идеями. Не думать ни о чем — невероятно! Она обычно думает о трех вещах одновременно.

Спустя многие годы я поняла, что мамины мысли были далеки от реальности. Окружающий мир всегда представлялся ей в более ярких тонах, люди казались то гораздо лучше, то хуже, чем были на самом деле. Может быть, оттого, что в детстве она была очень сдержанной и никогда не давала выхода своим чувствам, у нее появилась склонность драматизировать окружающее. Мама была наделена настолько сильным воображением, что не могла воспринимать мир как однообразные будни. У нее бывали удивительные вспышки интуиции — или внезапной способности читать мысли. Мой брат, юный офицер, попал однажды в затруднительное финансовое положение и хотел скрыть это от родителей. Вечером, глядя на его нахмуренное лицо, мама сказала:

— Послушай, Монти, — ты ходил к ростовщику и поднял завещание дедушки. Не надо было этого делать. Лучше пойти к отцу и рассказать ему обо всем.

Мамина способность проникать в душевные тайны всегда поражала всю семью. Моя сестра однажды сказала:

— Если я не хочу, чтобы мама о чем-то узнала, я даже думать об этом не стану в ее присутствии.

Глава 2

Всегда трудно выбрать первое воспоминание. Отчетливо помню день рождения, когда мне исполнилось три года. Чувство собственной значительности, которое я тогда испытала. Мы пили чай в саду — в том уголке, где потом между двумя деревьями повесили гамак.

На чайном столике, уставленном množеством сладостей, меня поджидает облитый сахарной глазурью торт с тремя свечами. Но главное событие дня — это крошечный красный паучок, настолько маленький, что я едва могу его разглядеть; он бежит по белой скатерти, и мама говорит:

— Это паучок счастья, Агата, паучок счастья в честь твоего дня рождения...

Потом в памяти все сливается, кроме нескончаемой дискуссии по поводу количества эклеров, которые позволяется съесть моему брату.

Прекрасный, надежный и вместе с тем такой волнующий мир детства! Меня, наверное, больше всего увлекал сад. С каждым годом он значил для меня все больше и больше. Я знала в нем каждое дерево и каждому приписывала особую роль. С незапамятных времен он делился для меня на три части.

Во-первых, огород, обнесенный высокой стеной, прилегающей к дороге. Совершенно неинтересно, если не считать клубники и зеленых яблок, которые я поглощала в огромных количествах. Тут все понятно. Никакого волшебства.

Потом шел собственно сад — вытянутая в длину лужайка, сбегаящая по склону холма, усеянная разными интересными «существами». Каменный дуб, кедр, секвойя¹ (такая высокая, что голова кружилась). Две пихты, по неясной для меня теперь причине олицетворявшие моих брата и сестру. Я осторожно проскальзывала на третью ветку дерева Монти. Если же тихонько пробраться в глубь кроны дерева Мэдж, можно было сесть на гостеприимно изогнувшуюся ветку и оттуда никем не замеченной наблюдать за жизнью внешнего мира. И еще там было дерево — я называла его скипидарным — с густой и сильно пахнущей смолой, которую я тщательно накапливала: это был

¹ Секвойя — вечнозеленое дерево, родиной которого является Америка и которое достигает огромной высоты.

«драгоценный бальзам». И возвышался бук — самое высокое дерево в саду, — щедро раскидывавший кругом орешки, которые я с наслаждением поедала. Медный бук, который тоже рос в нашем саду, я почему-то не причисляла к своим деревьям.

И, наконец, лес. В моем воображении он выглядел, да и сейчас смутно вырисовывается как самый настоящий Нью-Форест¹. Лиственный, скорее всего ясеневый, лес с вьющейся между деревьями тропишкой. Все, связанное с представлением о лесе, жило здесь. Тайна, опасность, запретное удовольствие, неприступность, неведомые дали...

Лесная тропа выводила к крокетной площадке или теннисному корту на вершине откоса против окна гостиной. Тотчас волшебство кончалось. Вы снова оказывались в мире повседневности, где дамы, придерживая подол юбки, катили крокетные шары или, надев соломенные шляпки, играли в теннис.

Досыта насладившись игрой в сад, я возвращалась в детскую, где царил Няня — раз и навсегда, непреложно и неизменно. Может быть, оттого, что она была уже совсем немолода и страдала ревматизмом, я всегда играла рядом с Няней, но никогда — с ней самой. Больше всего я любила превращаться в кого-нибудь. Сколько себя помню, в моем воображении существовал целый набор разных придуманных мною друзей. Первая компания, о которой я ничего не помню, кроме названия, — это Котята. Кто были Котята, не знаю, — не знаю также, была ли я одним из них, — помню только их имена: Кlover, Блэки и еще трое. Их маму звали миссис Бенсон.

Няня была достаточно мудрой, чтобы не говорить со мной о них и не пытаться принять участие в беседе, тихо журчавшей у ее ног. Может быть, ее вполне устраивало, что я так легко нахожу себе развлечения.

Поэтому для меня было страшным ударом, когда однажды, поднимаясь по лестнице, я услышала, как наша горничная Сюзен говорит:

— По-моему, ее совершенно не интересуют игрушки. Во что она играет?

И прозвучавший в ответ голос Няни:

— О, она играет в котят, будто она котенок, и есть еще другие котята.

¹ Нью-Форест — живописный лесистый район на юге Великобритании.

Почему в детской душе существует такая настоятельная потребность в секрете? Сознание, что кто-то — даже Няня — знает о Котятках, потрясло меня до глубины души. С этого дня я никогда больше не бормотала вслух во время игры. Это мои Котятка, и никто не должен знать о них.

Разумеется, у меня были игрушки. Как младшей, мне всячески потакали и, наверное, покупали все на свете. Но я не помню ни одной, кроме, и то смутно, коробки с разноцветным бисером, который я нанизывала на нитки и делала бусы. Заодно припоминаю занудливого, гораздо старше меня кузена, который все время спорил со мной и называл синий бисер зеленым, а зеленый синим. А я из вежливости не спорила. Шутка казалась мне глупой.

Из кукол помню Фебу, на которую я не слишком обращала внимание, и Розалинду, Розу. У нее были длинные золотые волосы, и я восхищалась ею невероятно, но долго играть с ней не могла, предпочитая Котят. Миссис Бенсон была ужасно бедной и печальной: семья еле сводила концы с концами. Их отец, настоящий морской капитан Бенсон, погиб в море, поэтому они и оказались в такой нужде. Этим сюжетом сага¹ о Котятках более или менее исчерпывалась, если не считать, что у меня в голове смутно вырисовывался другой, счастливый конец: оказывалось, что капитан Бенсон уцелел, он возвращался, притом с солидным состоянием, как раз в тот момент, когда ситуация в доме Котят становилась уже совершенно отчаянной.

От Котят я перешла к миссис Грин. У миссис Грин было сто детей, но самыми любимыми всегда оставались Пудель, Белка и Дерево. Именно с ними я совершала все свои подвиги в саду. Они не олицетворяли собой точно ни детей, ни собак, а нечто неопределенно среднее между ними.

Раз в день, как полагалось всем хорошо воспитанным детям, я «отправлялась на прогулку». Я этого терпеть не могла, в особенности потому, что надо было застегнуть на все пуговицы ботинки — необходимое условие. Я плелась позади, шаркая ногами; единственное, что заставляло меня ускорить шаг, были рассказы Няни. Ее репертуар состоял из шести историй, крутившихся вокруг детей из разных семей, в которых она жила. Я не помню ничего: в одной,

¹ Сага — героическое эпическое повествование у древних скандинавов и древних кельтов.

кажется, фигурировал тигр из Индии, в другой — обезьяны, в третьей — змеи. Все были страшно интересные, и я имела право выбирать. Няня повторяла их без устали, не проявляя ни малейших признаков неудовольствия.

Иногда как большую награду я получала разрешение снимать белоснежный Нянин чепец. Без него она сразу становилась частным лицом, теряя свой официальный статус. И тогда, пытаясь от напряжения (потому что для четырехлетней девочки это была непростая задача!), я обвязывала вокруг ее головы широкую голубую атласную ленту. После чего отступала на несколько шагов назад и восклицала в восторге:

— Ой, Няня, до чего ты красивая!

Она улыбалась и отвечала своим ласковым голосом:

— В самом деле, милая?

После чая меня наряжали в накрахмаленное муслиновое¹ платье, и я спускалась в салон, чтобы поиграть с мамой.

Если прелесть историй Няни заключалась в том, что они никогда не менялись и служили для меня оплотом неизблемости, очарование рассказов мамы состояло в том, что она ни разу не повторила ни одного из них, ее истории всегда были разными, и мы в самом деле ни разу не играли с ней в одну и ту же игру. Одна сказка, как я вспоминаю, была о мышке по имени Большеглазка. С Большеглазкой происходили разные приключения, и вдруг однажды, к моему ужасу, мама объявила, что сказки о Большеглазке кончились. Я так плакала, что мама сказала:

— Но я расскажу тебе о Любопытной Свече.

У нас были готовы уже два эпизода из жизни Любопытной Свечи, явно носившие детективный характер, когда вдруг ни с того ни с сего появились непрошенные гости; они пробыли у нас несколько дней, и наши тайные игры и истории остались неоконченными. Когда гости наконец уехали, я спросила маму, чем же кончается «Любопытная Свеча» — ведь мы остановились в самом захватывающем месте, когда преступник медленно подливал яд в подсвечник, — мама страшно растерялась и явно не могла вспомнить, о чем идет речь. Этот прерванный сериал до сих пор тревожит мое воображение.

Другая упоительная игра заключалась в том, чтобы собрать все банные полотенца, составить вместе столы и сту-

¹ Муслин — легкая шелковая ткань.

лья и построить дом, в который можно было вползти только на четвереньках.

Я плохо помню своих брата и сестру, думаю, оттого, что они были в школе. Брат — в Хэрроу¹, а сестра — в Брайтоне², в школе мисс Лоренс, которая впоследствии стала Роудин. Передовые идеи, как считалось, свойственные маме, побудили ее отдать дочь в пансион, а папа оказался достаточно широко мыслящим, чтобы не перечить ей. И в самом деле, мама обожала разные новшества.

Ее собственные эксперименты касались в основном религии. Думаю, что ее по-настоящему тянуло к мистицизму. У нее был дар молиться, дар погружения, но ее горячая вера и набожность никак не могли обрести подходящую форму вероисповедания. Многострадальный папа позволял вовлекать себя то в одну, то в другую конфессию.

Большинство религиозных метаний пришлось на пору до моего рождения. Мама чуть было уже не стала прихожанкой Римско-католической церкви, но потом ее потянуло к унитаризму³ (именно поэтому мой брат остался некрещеным), затем ее заворожил теософия⁴, но тут ее постигло разочарование в проповедях, которые читала миссис Безант⁵. После короткого периода горячей приверженности зороастризму⁶ она наконец, к вящему облегчению отца, обрела покой в лоне Англиканской церкви. Возле ее

¹ Хэрроу — одна из старейших престижных мужских привилегированных средних школ. Основана в 1571 году. Находится в пригороде Лондона.

² Брайтон — фешенебельный приморский курортный город на побережье пролива Ла-Манш в графстве Суссекс (юго-восток Великобритании).

³ Унитаризм — разновидность протестантизма, возникшая в Англии в XVII веке; унитаристы проповедуют «единосущность» бога, а не его «триединство».

⁴ Теософия — мистическое учение, соединившее буддизм и другие восточные вероучения с элементами оккультизма и неортодоксального христианства.

⁵ Безант Анни (1847—1933) — английская последовательница теософии и спиритизма.

⁶ Зороастризм — религиозная система древних персов, создателем которой считается мифический пророк Зороастр (Заратустра, VII век до н. э.) и согласно которой конечную победу в борьбе духа добра с духом зла одержит добро.

кровати висело изображение святого Франциска¹, а «Подражание Иисусу Христу»² стало ее настольной книгой, которую она читала денно и нощно. Я не расстаюсь с этой книгой по сей день. Папа простодушно исповедовал ортодоксальное христианство. Каждый вечер он молился, а по воскресеньям ходил в церковь. Религия была частью его повседневной жизни, не вызывающей сердечных смут; но если мама нуждалась в каких-то приправах к религии — что ж, он не возражал. Как я уже сказала, это был добрый человек.

Думаю, папа был просто счастлив, что к моменту моего рождения мама признала Англиканскую церковь — это позволило крестить меня в церковном приходе. Меня назвали Мэри в честь папиной бабушки, Кларисса по матери и Агата — это имя подказала маме по дороге в церковь ее подруга, сказав, что оно очень красивое.

Своими религиозными воззрениями я обязана Няне, которая была библейской христианкой. Она не ходила в церковь, но читала Библию дома. Соблюдать Субботу она считала священным долгом, и всякая суетность, по ее мнению, была смертным грехом в глазах Всемогущего. Я с несносной самоуверенностью причисляла себя к «спасенным душам». По воскресеньям я ни во что не играла, не пела, не садилась за рояль и страшно тревожилась за вечное спасение отца, потому что он воскресными вечерами наслаждался крокетом и позволял себе подшучивать над кюре³, а однажды даже над епископом.

Неожиданно мама, неустанно искавшая новые методы обучения, пришла к оригинальному выводу: ребенку нельзя позволять читать до восьми лет — чтение вредно для глаз, да и для головы.

Однако на этот раз маминым наказам никто не подчинялся. Если сказка, прочитанная вслух, мне нравилась, я обычно просила потом книжку и изучала страницы, которые, сама не знаю как, постепенно становились понятны-

¹ Святой Франциск (1182—1226) — итальянский монах, основатель ордена францисканцев, католического монашеского «нищенствующего» ордена.

² «Подражание Иисусу Христу» — популярное изложение христианской доктрины, созданное на рубеже XIV—XV веков и приписываемое разным авторам, чаще всего немецкому монаху и богослову Фоме Кемпийскому (1380—1471).

³ Кюре — приходский священник во Франции.

ми. Во время прогулок с Няней я спрашивала ее, какие слова написаны на вывесках над лавками, на афишных щитах. В результате однажды я обнаружила, что совершенно свободно читаю «Ангела любви». Очень гордая, я стала читать эту книгу вслух Няне.

— Боюсь, мэм, — извиняющимся тоном сказала Няня маме на следующий день, — мисс Агата научилась читать.

Мама очень расстроилась, но делать было нечего. Мне не исполнилось и пяти лет, когда передо мной открылся мир книг. С тех пор к Рождеству и на день рождения я просила дарить мне только книги.

Отец сказал, что, если уж я умею читать, хорошо бы научиться и писать. Это оказалось далеко не так приятно. Измятые тетради, заполненные крючками и палочками, все еще хранятся в глубине шкафов. «В» трудно отличить от «R», я не различала эти буквы, потому что привыкла читать слова, а не составляющие их знаки.

Потом папа заявил, что я могу заодно начать заниматься и арифметикой. Каждое утро после первого завтрака я садилась к окну в столовой и от души наслаждалась цифрами в отличие от упрямых фигурок, составлявших алфавит.

Отец гордился моими успехами. В качестве поощрения я получила маленькую коричневую книжку «Задачи». Я любила «Задачи». Хотя за интригой маскировались подсчеты, но в ней самой для меня заключалась некая прелесть. «У Джона было пять яблок, а у Джорджа шесть; если Джон возьмет у Джорджа два яблока, сколько яблок останется у Джорджа к концу дня?» и т. д. Размышляя над этой проблемой сейчас, я чувствую настоящую потребность ответить: «Это зависит от того, насколько Джордж любит яблоки». Но тогда я писала в ответе «четыре», испытывала удовлетворение от разрешения столь запутанной ситуации и от себя добавляла: «...А у Джона будет семь». Маму удивляло, что я так люблю арифметику. Сама она никогда не чувствовала вкуса к бесполезным, по ее мнению, цифрам, доставлявшим ей кучу хлопот в связи с приходившими домой счетами, заботу о которых в конце концов брал на себя отец.

Еще одно крупное событие произошло в моей жизни, когда мне подарили канарейку. Голди очень быстро стал ручным, летал и прыгал по детской, иногда садился даже Няне на шляпу, а когда я звала его, — мне на палец. Это была не просто моя птичка, но начало новой секретной

саги. Главными персонажами были Дики и Диксмистресс. Они вместе носились верхом на конях по всей стране (то есть по саду), пускались в опасные приключения и в самый последний момент ускользали из рук грозной разбойничьей шайки.

Однажды произошло страшное несчастье: Голди исчез. Окно было открыто, и дверца его клетки отперта. Все решили, что он просто улетел. До сих пор помню, как невероятно долго тянулся тот мучительный день. Он не кончался и не кончался. А я плакала, плакала и плакала. Клетку выставили за окно, положив между прутьями кусочек сахара. Мы с мамой обошли весь сад и все звали: «Дики! Дики! Дики!» Мама пригрозила горничной, что уволит ее за то, что та, смеясь, сказала: «Должно быть, его съела кошка», после чего я заревела в три ручья.

И только когда я уже лежала в постели, держа за руку маму и продолжая всхлипывать, где-то наверху послышался тихий веселый щебет. С карниза слетел вниз Господин Дики. Он облетел всю детскую и потом забрался к себе в клетку. Что за немыслимое счастье! Вы только себе представьте: весь этот нескончаемый горестный день Дики просидел на карнизе.

Мама не преминула извлечь из этого происшествия мораль.

— Смотри, Агата, — сказала она, — до чего же ты глупенькая. Сколько слез пролила впустую! Никогда не плачь заранее, если не знаешь точно, что случилось.

Я уверила маму, что никогда не буду плакать зря. Но кроме чуда возвращения Дики что-то еще случилось со мной тогда: я ощутила силу маминой любви и ее сочувствие в момент моего горя. Единственным утешением в тот миг полного отчаяния была ее рука, которую я сжимала изо всех сил. В этом прикосновении было что-то магнетическое и успокаивающее. Если кто-то заболел, маме не было равных. Только она могла придать вам силы и мужества.

Глава 3

Главной фигурой детства была Няня. И мы с Няней жили в нашем особом, собственном мире — в Детской.

Как сейчас вижу обои — розовато-лиловые ирисы, вьющиеся по стенам бесконечными извилистыми узорами. Вечерами, лежа в постели, я подолгу рассматривала их при

свете стоявшей на столе Няниной керосиновой лампы. Обоим казались мне очень красивыми. Я на всю жизнь сохранила любовь к лиловому цвету.

Няня сидела у стола с иглой — шила или чинила что-нибудь. Моя кровать стояла за ширмой, и считалось, что я сплю, но обычно я не спала, а любовалась ирисами, пытаюсь разглядеть, как же они переплетаются между собой, а также сочиняла новые приключения Котят. В половине девятого горничная Сюзен приносила для Няни поднос с ужином. Сюзен, высокая крупная девица, отличалась резкостью движений и неуклюжестью и обыкновенно крушила все на своем пути. Некоторое время они с Няней переговаривались шепотом, потом Сюзен удалялась, а Няня подходила и заглядывала за ширму.

— Я так и думала, что вы не спите. Хотите что-нибудь попробовать?

— О да, Няня, пожалуйста!

Мне в рот попадал кусочек нежнейшего сочного бифштекса — сейчас трудно поверить, что Няня всегда ужинала бифштексами, но я помню только их.

Другой важной персоной в доме была наша кухарка Джейн, которая властвовала в своем кухонном царстве со спокойным превосходством королевы. Она начала работать у мамы девятнадцатилетней худенькой девочкой: сначала помощница кухарки, потом кухарка. Джейн прослужила у нас сорок лет и, когда уходила, весила не меньше ста килограммов. За все эти годы она ни разу не дала волю каким-либо эмоциям, но когда, уступив наконец уговорам своего брата, отправлялась в Корнуолл¹, чтобы вести его дом, крупные слезы катились по ее щекам. Она взяла с собой один-единственный чемодан, должно быть, тот самый, с которым сорок лет назад пришла к нам в дом. Видно, она не накопила никакого имущества. Джейн по теперешним временам была отличной кухаркой, но мама иногда жаловалась, что ей не хватает воображения.

— Дорогая, что за пудинг будет у нас сегодня вечером? Придумайте что-нибудь интересное.

— Что бы вы сказали, мэм, о «каменном пудинге»?

«Каменный пудинг» был единственной идеей Джейн, но мама почему-то не слишком высоко оценила оригиналь-

¹ Корнуолл — графство на юго-западе Великобритании на одноименном полуострове.

ность ее выбора; она сказала: «Нет, нам это не подходит, мы бы хотели что-нибудь другое». По сей день я не знаю, что такое «каменный пудинг», мама тоже не знала, но название показалось ей просто удручающим.

Когда я впервые увидела Джейн, она поразила меня своими размерами — одна из самых толстых женщин, каких мне довелось видеть в жизни. У нее было невозмутимое лицо, разделенные на прямой пробор выющиеся темные волосы, забранные в пучок на затылке. Щеки Джейн находились в непрерывном ритмическом движении, она неизменно жевала что-то — кусочек пирога, гренок, ломтик пирожного, как большая добрая корова, постоянно жующая жвачку.

Из кухни появлялись великолепные блюда. После обильного «первого завтрака» в одиннадцать часов подавали изумительное какао и на подносе — печенье и сдобные булочки с изюмом или горячий пирог с ветчиной, прямо с пылу с жару. Прислуга ела после нас, и по неписаному домашнему этикету до трех часов дня действовало строжайшее табу¹, согласно которому я не имела права заходить на кухню в это время. «Это время принадлежит им, и мы не должны мешать», — говорила мама.

В случае непредвиденных обстоятельств — например, отмены званого обеда — мама, чтобы сообщить об этом, входила с извинениями, что потревожила всех, и по неписаному закону никто из слуг не поднимался из-за стола при ее появлении.

Слуги работали с утра до вечера не покладая рук. Джейн каждый день приготавливала к обеду пять различных блюд на семь или восемь персон. А если ждали гостей, то на двенадцать или больше, причем каждое блюдо дублировалось: два супа, два рыбных блюда и т. д. Горничная чистила около сорока серебряных рамок для фотографий и серебряные вещицы на туалете.

Она должна была наполнять сидячие ванны и потом выливать из них воду (маме казалось ужасным пользоваться общей ванной комнатой), четыре раза в день приносить в спальни горячую воду, зимой зажигать там камины и каждый день менять постельное белье. Другая горничная за-

¹ Табу (*полинез.*) — запрет на определенное действие или на употребление определенного слова, связанный с религиозными или морально-этическими представлениями.

нималась чисткой изрядного количества столового серебра и мытьем посуды, на хрустале не должно было быть ни единого пятнышка. Она же накрывала на стол.

Несмотря на такую загруженность, мне кажется, слуги были счастливы, главным образом потому, что их ценили как настоящих специалистов самой высокой квалификации. Они ощущали, насколько важен их труд и взирали сверху вниз на всяких там продавщиц и прочую мелюзгу.

Если бы я вдруг сейчас снова стала маленькой девочкой, то, вероятно, сильнее всего тосковала бы по слугам. В каждодневную жизнь ребенка они вносили, конечно, самые яркие краски. Няни представляли общеизвестные истины, слуги — драматические коллизии¹ и все прочие виды необязательных, но очень интересных жизненных познаний. Далекие от угодничества, они зачастую становились деспотами. Да, «они знали свое место», как тогда говорили, но держались с достоинством истинных профессионалов. В начале девятисотых годов от них требовалась немалая сноровка. От главной горничной, прислуживающей за столом, помимо обязательного высокого роста ждали ловкости и приятного тембра голоса, умения нежно прошепелеть на ушко: «Вам рейнского² или хересу?³» Они совершали буквально чудеса, обслуживая многолюдные застолья.

Сомневаюсь, что теперь существуют настоящие горничные. Может быть, и осталось несколько, лет семидесяти-восьмидесяти. В любом случае, это просто обыкновенные домашние работницы, официантки, которые «делают одолжение»; помощницы или работающие экономки; очаровательные молоденькие женщины, которые между службой и уходом за своими детьми выкраивают время, чтобы немножко подработать. Это симпатичные дилетантки; они часто становятся друзьями, но редко внушают уважение, с которым мы относились к нашей прислуге.

Разумеется, наличие слуг не являлось признаком особой роскоши, отнюдь не только богатые люди могли позволить себе это удовольствие. Единственное различие

¹ Коллизия — серьезное столкновение, конфликт мнений, интересов и т. п.

² Рейнское — сухое белое вино, производимое в долине реки Рейн.

³ Херес — крепкое желтое или коричневое испанское виноградное вино.

состояло в том, что богатые могли позволить себе иметь больше прислуги. Они нанимали камердинеров, лаксеев, экономок, главную горничную, помощниц горничных, помощниц кухарки и т. д. Спускаясь по ступеням этой иерархии, вы дошли бы до «девушки», которая так прелестно описана в очаровательных книгах Барри Пэйна¹ «Элиза и Элизин муж».

Со слугами меня связывали гораздо более близкие отношения, чем с мамиными друзьями. Стоит мне закрыть глаза, как я вижу Джейн, царственно двигающуюся по кухне, с необъятной грудью, невероятного объема бедрами, перепоясанную тугим накрахмаленным кушаком. Тучность никогда не беспокоила ее, никаких жалоб на мозоли, боль в коленях или лодыжках, а если у нее поднималось давление, она не обращала на это никакого внимания. Сколько помню ее, она никогда не хворала. Это была истинная олимпийка². Абсолютная невозмутимость никогда не позволяла догадаться об ее истинных чувствах; она ничем не умилялась и ни на что не сердилась. И только когда ей предстояло приготовить большой званый обед, Джейн чуть-чуть краснела. Ее невозмутимое лицо делалось более строгим: щеки розовели, губы сжимались тверже, легкая складка появлялась на лбу. В такие дни меня беспощадно изгоняли из кухни.

— Сегодня, мисс Агата, у меня нет времени. Хлопот полон рот. Вот вам горсть изюма. Отправляйтесь в сад и больше не беспокойте меня!

Я немедленно ретировалась, как всегда под большим впечатлением от ее важного тона.

Джейн отличалась молчаливостью и скрытностью. Мы знали, что у нее есть брат, но об остальных членах семьи она никогда не распространялась. Даже не упоминала о них. Она родилась в Корнуолле. Из учтивости все называли ее миссис Роу, но она не была замужем. Как всякая хорошая служанка, она всегда была на месте, на капитанском мостике, и давала понять это остальной прислуге.

¹ Пэйн Барри (1864—1928) — английский писатель-юморист, автор целой серии книг об Элизе и ее родственниках.

² Олимп — гора в Северной Греции, где согласно древнегреческим мифам обитали величаво-спокойные и безмятежные бессмертные боги.

Джейн по праву могла бы гордиться великолепными блюдами, которые умела готовить, но никогда не хвасталась. Принимая похвалы по поводу приготовленного накануне обеда, она никогда не выказывала ни малейших признаков радости, хотя, думаю, ей наверняка было приятно, что мой отец специально зашел в кухню, чтобы выразить ей свое восхищение.

Горничную Баркер занимали совсем другие проблемы. Отец Баркер был ревностным пуританином¹, и Баркер всегда знала, что есть грех, и остро ощущала свою причастность к нему.

— Конечно же я буду осуждена на вечные муки, это точно, — уверяла она с явным чувством удовлетворения. — Я даже подумать боюсь, что сказал бы папа, если бы узнал, что я присутствовала на службе в англиканской церкви. Мало того, она мне страшно понравилась. В прошлое воскресенье я просто наслаждалась проповедью викария², и пели они прекрасно.

Однажды мама услышала, как маленькая девочка, гостившая у нас, сказала Баркер:

— Вы ведь всего лишь служанка!

— Чтобы я никогда больше не слышала подобных разговоров! Со слугами надо обращаться предельно вежливо. Они выполняют трудную работу, с которой мы наверняка никогда бы не справились, если бы не поучились как следует. И помни: они не могут ответить тебе. Надо всегда проявлять особенную учтивость к людям, чье положение не разрешает отвечать в том же тоне. Если ты не будешь вежлива, они начнут презирать тебя, и совершенно правильно сделают, потому что настоящие леди так себя не ведут.

«Вести себя как леди» — главный лозунг того времени. Под ним подразумевались некоторые любопытные требования.

Помимо вежливости по отношению к нижестоящим, он заключал в себе и многое другое: «Всегда оставляйте на тарелке немножко еды; никогда не пейте с набитым ртом; никогда не бойтесь наклеить лишнюю марку на конверт,

¹ Пуританизм — религиозное движение XVI—XVII веков, ратовавшее за очищение Англиканской церкви от остатков католицизма в доктрине, богослужении и обрядах, пуритане — люди строгой, часто показной морали.

² Викарий — приходский священник англиканской церкви.

если в нем, конечно, не счета из магазина. И главное: надевайте чистое белье перед поездкой по железной дороге на случай катастрофы».

Так уж повелось, что часпития на кухне собирали множество друзей нашей кухарки, один или два приходили навестить ее ежедневно. Из духовки извлекалось печенье с изюмом. Нигде больше не пробовала такого печенья, как пекла Джейн, — рассыпчатого, тоненького, тающего во рту, есть его горячим — все равно что побывать на небесах.

При всей своей доброй коровьей внешности Джейн была настоящим жандармом; если кто-нибудь поднимался из-за стола, она повышала голос:

— Я еще не кончила, Флоренс. — И Флоренс, сконфуженная, садилась на свое место, бормоча:

— Простите, миссис Роу.

В определенном возрасте кухарок всегда называли «миссис». У горничных должны были быть «подходящие» имена — Джейн, Мэри, Эдит и т. д. Такие имена, как Вайолет, Мюриэл, Розамунда, считались, наоборот, неподходящими, и девушкам твердым тоном говорили: «Поскольку ты находишься у меня на службе, отныне тебя будут называть Мэри». Главных горничных, достигших определенного возраста, часто называли по фамилии.

Между «детской» и «кухней» нередко возникали трения, но Няня, ни в коем случае не допуская никакого ущемления своих прав, отличалась необыкновенно мирным характером, и с ней постоянно советовались все молодые служанки.

Дорогая Няня. В моем доме в Девоне висит ее портрет, написанный тем же художником, который сделал портреты всех остальных членов семьи, знаменитым по тем временам Н.Х.Дж. Бэрдом. Мама относилась к произведениям мистера Бэрда критически. «Все у него такие грязные, — жаловалась она, — у вас такой вид, будто вы целыми неделями не моете рук».

Как ни странно, довольно меткое замечание. Глубокие синие и зеленые тени на лице моего брата наводили на подозрения о его отвращении к мылу и воде; что же касается моего портрета в шестнадцатилетнем возрасте, то на нем явно видны пробивающиеся над верхней губой усики — недостаток, которым я никогда не страдала. Напротив, отец выглядит на своем портрете таким бело-розовым, что определенно мог бы служить рекламой мыла. Думаю, ху-

дожник совершенно не хотел писать все эти портреты и согласился исключительно под давлением мамы, не устояв перед ее напором. Портреты брата и сестры отличались отсутствием какого бы то ни было сходства с ними, зато портрет отца поражал точностью, хотя и он явно не был удачным.

Я совершенно уверена, что любимым детищем художника был портрет Няни. Прозрачный батист ее сборчатого чепца великолепно обрамляет морщинистое лицо с глубокими впадинами глазниц; стиль напоминает старых фламандских мастеров¹.

Я не знаю, в каком возрасте пришла к нам Няня, почему мама выбрала такую немолодую женщину, но она всегда говорила:

— С того момента, как появилась Няня, я могла больше не беспокоиться о тебе, я знала, что ты в хороших руках.

Великое множество детей прошли через эти руки, я была последней.

Во время переписи населения отец должен был сообщить возраст всех обитателей нашего дома.

— Весьма деликатная работа, — сказал он удрученно. — Слуги не любят, когда их спрашивают о возрасте. И что делать с Няней?

Няня, скрестив руки на своем белоснежном фартуке, кротко ждала приказаний.

— ...Так что, понимаете, — заключил папа, вкратце объяснив суть переписи населения, — я просто обязан сообщить возраст каждого. Что... э-э-э... мне написать о вас?

— Что желаете, — сказала Няня вежливо.

— Да, но я... э-э-э... должен знать...

— Пишите, как вам кажется лучше, сэр.

Считая, что ей, по крайней мере, лет семьдесят пять, папа осторожно предположил:

— Э-э-э, ну, например, пятьдесят девять? Что-то в этом роде?

На морщинистом лице отразилось страдание.

— Неужели я выгляжу такой старой, сэр? — спросила Няня с неподдельной горечью.

¹ Старыми фламандскими мастерами называют художников Фландрии и Брабанта (Южные Нидерланды) XVI—XVII веков — Брейгеля, Рубенса, Ван Дейка и других, создавших целую галерею замечательных портретов.

— Нет, что вы, но все-таки что мне сказать?

Няня была тверда.

— То, что вы считаете правильным, сэр, — сказала она с достоинством.

Сдавшись, папа написал, что ей шестьдесят четыре года. И в наши дни случается встретить таких чудачков. Когда мой муж, Макс, работал с польскими и югославскими пилотами во время последней войны, он сталкивался с подобной реакцией.

— Возраст?

— Какой угодно — двадцать, тридцать, сорок, как вам будет угодно, — отвечали они, благодушно разводя руками, — не имеет никакого значения.

— Где родились?

— Где хотите. Краков, Варшава, Белград, Загреб... Где хотите.

Нельзя яснее выразить всю нелепость этих уточнений, будто они что-то значат.

Совершенно так же ведут себя арабы.

— Как поживает ваш отец?

— Хорошо, но только он очень старый.

— Сколько же ему лет?

— О, очень много, девяносто или девяносто пять.

При этом оказывается, что на самом деле отцу всего лет пятьдесят.

Но так уж устроена жизнь. Когда вы молоды, вы молоды, когда обретаете зрелость, вы «в расцвете лет», но когда расцвет сменяется увяданием, вы стары. А уж если стары, то возраст не имеет никакого значения.

В пять лет на день рождения мне подарили собаку — это было самое яркое событие из всех, которые мне довелось пережить до тех пор; настолько невероятное счастье, что я в прямом смысле лишилась дара речи. Встречаясь с расхожим выражением «онеметь от восторга», я понимаю, что это простая констатация факта. Я действительно онемела: я не могла даже выдать из себя «спасибо», не смела посмотреть на мою прекрасную собаку и отвернулась от нее. Я срочно нуждалась в уединении, чтобы осознать это потрясающее чудо. (Подобная реакция на всякие потрясения так и осталась моей слабостью на всю жизнь — и почему я уродилась такой глупой?) Кажется, насколько подсказывает память, я убежала в туалет — идеальное место, чтобы

прийти в себя, где никто не сможет потревожить мои размышления. Туалеты в те времена были комфортабельными, чуть ли не жилыми помещениями. Я опустила крышку унитаза, сделанную из красного дерева, села на нее, уставилась невидящими глазами на висевшую напротив карту Торки и стала думать об обрушившемся на меня счастье.

— У меня есть собака... собака... Моя собственная собака, моя собственная настоящая собака... Йоркширский терьер... моя собака, моя собственная настоящая собака...

Позднее мама рассказала мне, что папа был очень разочарован моей реакцией на подарок.

— Я думал, — сказал он, — девочка будет довольна. Но, похоже, она даже не обратила внимания на собаку.

Но мама, которая всегда все понимала, сказала, что мне нужно время.

— Она еще не может уяснить себе все до конца.

Пока я размышляла, четырехмесячный щенок печально побрел в сад и прижался к ногам нашего сварливого садовника по имени Дэйви. Щенка вырастил один из сезонных садовых рабочих. Вид заступа, погруженного в землю, напомнил ему родной дом. Он сел на дорожку и стал внимательно наблюдать за садовником, рыхлившим почву.

Именно здесь в положенный срок и состоялось наше знакомство. Мы оба робели и делали нерешительные попытки приблизиться друг к другу. Но к концу недели мы с Тони оказались неразлучны. Официальное имя, данное ему папой, Джордж Вашингтон¹, я тотчас для краткости предложила заменить на Тони. Тони был идеальной собакой для ребенка — покладистый, ласковый, с удовольствием откликавшийся на все мои выдумки. Няня была теперь избавлена от некоторых испытаний. Как знаки высшего отличия разные банты украшали теперь Тони, который с удовольствием поедал их заодно с тапочками. Он удостоился чести стать одним из героев моей новой тайной саги. К Дики (кенарю Голди) и Диксмистресс присоединился теперь Лорд Тони.

В те далекие годы я отчетливее помню брата, чем сестру. Сестра обращалась со мной очень ласково, а брат презирал и называл девчонкой, и я, конечно, привяза-

¹ Вашингтон Джордж (1732—1799) — первый президент США.

лась к нему и бегала за ним, как собачка, — когда он позволял. Главное, что я помню в связи с ним, — это белые мыши, которых он дрессировал. Я была представлена мистеру и миссис Усики и всей их семье. Няня не одобряла этого знакомства. «Они дурно пахнут», — сказала Няня. И это было чистой правдой.

У нас в доме уже была собака, старый терьер денди динмонт по кличке Скотти, принадлежавший брату. Брата называли Луис Монтант в честь лучшего американского друга моего отца, но все называли его Монти. Брат никогда не расставался со Скотти. Мама машинально повторяла:

— Монти, не наклоняйся к собаке, не позволяй ей лизать тебе лицо.

Растянувшись на полу рядом с корзиной Скотти, Монти обнимал его за шею обеими руками и не обращал на мамины слова никакого внимания. Папа говорил:

— От собаки несет псиной.

Скотти было тогда уже пятнадцать лет, и только страстный любитель собак решился бы спорить с этим обвинением.

— Розами, — шептал Монти любовно, — розами, вот чем он пахнет.

Увы, со Скотти произошла трагедия. Еле волоча ноги, слепой, он тащился за мной и Няней через дорогу, когда из-за угла стремительно выехал экипаж, доставлявший на дом покупки, и Скотти попал под его колеса. Мы привезли его домой в кебе, вызвали ветеринара, но через несколько часов Скотти умер.

Монти в это время находился с друзьями на морской прогулке. Мама не знала, как сообщить ему ужасную новость. Она распорядилась, чтобы тело собаки положили в прачечную, и с волнением поджидала брата. Вернувшись, Монти, к несчастью, прошел не сразу в дом, а в поисках каких-то нужных ему инструментов пересек двор и заглянул в прачечную... Там лежал Скотти. Монти вышел и пропадал где-то несколько часов. Родители, чтобы лишний раз не делать ему больно в его присутствии не упоминали о гибели Скотти. Монти сам вырыл ему могилу на собачьем кладбище в уголке сада, предназначенном для погребения домашних питомцев; на каждой могилке стоял камень с выгравированным на нем именем.

Брат, как я уже сказала, безжалостный задира, называл меня обычно «тошим цыпленком», и я всякий раз об-

ливалась слезами. Почему это прозвище так оскорбляло меня, не знаю. Совсем крошкой я бежала к маме жаловаться: «Я ведь не тощий цыпленок, правда, мамочка?» На что мама невозмутимо отвечала: «Если ты не хочешь, чтобы он тебя дразнил, зачем ты все время ходишь за ним по пятам?»

Ответить на этот вопрос было невозможно; обаяние Монти действовало на меня с такой силой, что я решительно не могла отстать от него. Монти находился как раз в том возрасте, когда принято презирать и всячески третировать младшую сестру. Иногда он проявлял великодушие и допускал меня к себе в «мастерскую», где стоял его токарный станок. Монти позволял мне держать дощечки и инструменты и подавать их ему. Но рано или поздно «тощему цыпленку» советовали пойти прогуляться. Однажды благосклонность Монти зашла настолько далеко, что он пригласил меня с собой на лодочную прогулку. У него была маленькая прогулочная лодка, на которой он плавал в бухте Торки. К всеобщему удивлению, мне разрешили сопровождать его. Няня была категорически против, она боялась, что я промокну, испачкаюсь, прищемлю пальцы и вообще, вряд ли останусь в живых. «Молодые джентльмены не умеют обращаться с маленькими девочками».

Мама заявила, что у меня достаточно здравого смысла, чтобы не упасть за борт, и что прогулка только пойдет мне на пользу. Думаю, она хотела показать, что ценит альтруизм¹ Монти. Мы отправились на пирс. Монти подтянул лодку к ступенькам, и Няня передала меня на руки брату. В последний момент мама встревожилась.

— Будь осторожен, Монти, очень осторожен. И, пожалуйста, недолго. Ты ведь будешь следить за ней, будешь?

Брат, который к этому моменту, должно быть, глубоко раскаивался в своем великодушии, буркнул:

— Да ничего с ней не сделается.

Мне он сказал:

— Сиди где сидишь и не шевелись, а главное, ничего не трогай.

Потом он начал делать что-то с канатами и тросами. Лодка накренилась так, что я совершенно не могла сидеть не шевелясь, как было приказано, и страшно испугалась,

¹ Альтруизм — бескорыстная забота о благе других людей.

но потом она выровнялась и плавно заскользила по воде, я воспряла духом и пришла в полный восторг.

Глядя на нас, мама и Няня застыли на краю пирса точно фигуры из античной трагедии. Няня, готовая зарыдать в предчувствии катастрофы, и мама, пытающаяся преодолеть собственные опасения. Возможно, она думала о том, что сама была никудышным моряком.

— Надеюсь, она больше никогда не захочет кататься на лодке. Море такое переменчивое.

Ее предсказание оказалось совершенно справедливым. Я вернулась очень скоро, зеленая и, как выразился мой брат, три раза «кормила рыб»¹. Он помог мне высадиться, с отвращением заметив, что все женщины одинаковы.

Глава 4

Незадолго до того, как мне исполнилось пять лет, я впервые испытала настоящий страх. Весенним днем мы с Няней собирали примулы. Пересекли железнодорожные пути и пошли к Шиппей-Лейн, собирая цветы вдоль шпалер живой изгороди, они росли там россыпями. Через открытую калитку мы зашли внутрь и продолжали срывать цветы. Наша корзинка была уже полна, когда вдруг раздался грубый и грозный окрик:

— Вы где шатаетесь, по-вашему?

Мужчина, выросший перед нами, с красным от гнева лицом, показался мне гигантом.

Няня ответила, что мы ничего плохого не делаем, просто собираем примулы.

— Вы вторглись в частные владения, — завопил он, — вот что вы сделали! Убирайтесь отсюда! Если через минуту вы не выкатитесь отсюда вон, я сварю вас живьем! Понятно?

В отчаянии я вцепилась в Нянину руку. Мы поспешили обратно. Няня не могла идти быстро, да и не прилагала к этому никаких стараний. Страх мой усиливался. Когда мы наконец оказались в безопасности и вышли на дорогу, я едва стояла на ногах. Я так побледнела и ослабела, что Няня вдруг заметила:

— Милочка, неужели вы подумали, что он и в самом деле намеревался сделать это? Сварить нас в кипятке или что-нибудь еще в таком духе?

¹ Имеется в виду — страдать морской болезнью, испытать приступ рвоты

Я безмолвно кивнула. В этот момент я как раз живо представляла себе, как меня засовывают в огромный котел с кипятком. Предсмертные стоны. Неумолимая реальность.

Няня спокойно объяснила, что у некоторых людей просто такая манера говорить. Если угодно, даже шутить. Конечно тот человек очень неприятный и грубый, просто отвратительный, но он вовсе не имел в виду того, что сказал. Пошутил.

Но для меня это вовсе не было шуткой, и по сей день, когда я иду по полю, легкая дрожь пробегает по спине. С тех пор я больше ни разу не испытывала такого страха.

В то же время меня никогда не преследовали ночные кошмары, связанные с этим происшествием. Всем детям снятся кошмары, и я не знаю, что чаще вызывает их: разные страшные рассказы горничных или происшествия из реальной жизни. В моем страшном сне мне являлся некто по прозвищу Человек с пистолетом. Я никогда ничего не читала о нем. Он назывался Человек с пистолетом, потому что у него был пистолет, но я не боялась, что он выстрелит в меня, и вообще не пистолет внушал мне страх. Просто пистолет был неотъемлемой частью его облика. Скорее всего, он был французом, в серо-голубой форме, в папуренном парике с косичкой, в треуголке, а пистолет представлял собой старинный мушкет¹. Больше всего меня пугало само его появление. Мне мог сниться самый обычный сон — чаепитие или прогулка в большом обществе, чаще всего в честь какого-нибудь праздничного события, и вдруг я ощущала смутное чувство угрозы. Кто-то был здесь, кто-то должен был быть здесь — панический страх охватывал меня: и вот он уже передо мной — сидит за чайным столом, гуляет по пляжу, играет с нами. Его бледно-голубые глаза встречались с моими, и я просыпалась с криком: «Человек с пистолетом! Человек с пистолетом!»

— Мисс Агате сегодня опять снился ее Человек с пистолетом, — невозмутимо сообщала Няня.

— Что же в нем такого страшного, дорогая? — обыкновенно спрашивала мама. — Что, ты думаешь, он хочет с тобой сделать?

Я не знала, почему я так его боюсь. Позднее сон изменился. Человек с пистолетом не всегда был одет в свой

¹ Мушкет (*фр.*) — ручное огнестрельное оружие с фитильным замком, появившееся в XVI веке.

обычный костюм. Иногда мне снилось, что мы сидим во-круг стола, и, взглянув на кого-нибудь из своих друзей, членов семьи, я вдруг понимала, что это не Дороти, или Филлис, или Монти, не моя мама и не кто-нибудь другой, кто мог быть среди нас. Бледно-голубые глаза в упор смотрели на меня со знакомого лица — но под ним скрывался человек с пистолетом.

В четыре года я влюбилась — сокрушительное и сладостное переживание. Героем моего романа был курсант морского училища в Дартмуре¹, друг моего брата. Золотоволосый, голубоглазый, он пробудил во мне романтические чувства. Ему, конечно, и в голову не приходило, какую бурю переживаний он вызвал в моем сердце. Восхитительно равнодушный и попросту не замечавший сестренки своего друга Монти, он наверняка, если бы его спросили, ответил, что не нравится мне. Я пускалась наутек при его появлении, а за столом решительно от него отворачивалась. Маме приходилось напоминать мне о правилах приличия:

— Дорогая, я знаю, что ты стесняешься, но нужно быть вежливой. Это так невоспитанно — все время отворачиваться от Филиппа, а когда он заговаривает с тобой, бормотать в ответ что-то невнятное. Даже если он тебе не нравится, ты должна быть вежливой.

Не нравится! Если бы кто-нибудь только знал! Мысленно возвращаясь к своему тогдашнему состоянию, я думаю теперь: сколь малым довольствуется первая любовь! Она не требует ничего — ни взгляда, ни слова. Чистое обожание. Охваченная любовью, я брожу по улице и создаю в воображении разные героические ситуации, требующие спасения любимого. Я кормлю его, когда он болен чумой. Выхватываю из огня, загораживаю от шальной пули, совершаю все подвиги, которые только может подсказать фантазия. В этих воображаемых историях не может быть счастливого конца. Я сгораю в огне, погибаю от пули, умираю от чумы. Герой даже не подозревает о жертве, которую я ему принесла.

Я сидела на полу детской, играла с Тони, торжественная, гордая собой, и голова моя кружилась от ликования, вызванного самыми сумасбродными мечтами. Проходили

¹ Дартмур — полное название «Британское королевское военно-морское училище» в городе Дартмут (портовый город в графстве Девоншир).

месяцы. Филипп стал гардемарин¹ и покинул Великобританию. Некоторое время его образ жил в моем сердце, но потом незаметно исчез. Любовь ушла, чтобы повториться через три года, когда я безответно полюбила высокого темноволосого молодого капитана, ухаживавшего за сестрой.

Эшфилд был моим домом, замечательным, но привычным, а вот поездки в Илинг² сулили нечто увлекательное. Тамашний дом был неизведанной страной. Главной его достопримечательностью был туалет. Роскошное, широкое сиденье красного дерева. Сидя на нем, я чувствовала себя как Королева на троне, быстро превращала Дикс-мистресс в Королеву Маргариту, Дики — в ее сына, Принца Голди — в наследника трона. Он сидел по правую руку от Королевы, на маленьком ободке, обрамлявшем рукоятку из веджвудского фарфора³. Я уходила туда с утра, чтобы проводить аудиенции, протягивать руку для поцелуев, и сидела до тех пор, пока не раздавался отчаянный стук в дверь: кто-то требовал, чтобы я немедленно уступила место. Там же висела на стене цветная карта Нью-Йорка, тоже представлявшая большой интерес для меня.

Повсюду в доме были развешаны американские гравюры. Спальню для гостей украшала целая серия цветных гравюр, к которым я питала особое пристрастие. Одна, под названием «Зимний спорт», изображала человека, по-видимому, продрогшего до костей, на фоне зимнего арктического пейзажа, удившего рыбу в крошечном отверстии, прорубленном во льду. Этот вид спорта не вызвал у меня энтузиазма. На противоположной стене во весь опор несли рысью Серый Элди.

Поскольку мой отец женился на племяннице своей матери (второй, английской жене своего отца-американца) и продолжал называть ее «мамой», в то время как его жена называла ее «тетушкой», кончилось тем, что она получила официальное прозвище Тетушки-Бабушки. Дедушка проводил последние годы своей жизни в постоянных разъез-

¹ Гардемари́н — звание, присваиваемое курсантам военно-морского училища после окончания второго курса.

² Илинг — небольшой город в 12 км к западу от Лондона.

³ Имеется в виду фарфор компании, основанной в 1759 году Джоном Веджвудом, с белым рельефом в виде камней.

дах между Нью-Йорком и Манчестером¹, где размещалось дочернее предприятие его фирмы. Дедушка воплощал собой «американскую мечту». Малыш из бедной массачусетской семьи, он поехал в Нью-Йорк и начал с того, что кое-как перебивался в одной из фирм, а кончил тем, что стал одним из основных ее совладельцев. В нашей семье осуществился знаменитый «путь от мальчишка на побегушках до президента через три поколения». Дедушка сколотил приличное состояние. Отец, главным образом из-за доверчивости к партнерам, существенно уменьшил его, брат же молниеносно спустил оставшееся.

Незадолго до смерти дедушка купил большой дом в Чeshire². Он был в ту пору уже больным человеком, и его вторая жена овдовела в сравнительно молодом возрасте. Она пожила немного в Чeshire, а потом купила дом в Илинге, стоявший, как она частенько говаривала, чуть ли не посреди чистого поля. Однако к тому времени, как я приехала к ней в гости, в это трудно было поверить. В округе чинно выстроились ряды опрятных солидных домов.

Неотразимую привлекательность таили в себе для меня дом и сад Тетушки-Бабушки. Детскую же я разделила на несколько «территорий». Первая состояла из большой оконной ниши и постеленного перед ней на полу веселого полосатого коврика. Эту часть я окрестила Комнатой Мюриэл, вероятно, под влиянием пленившего меня слова «эркер»³. Другая часть, сплошь покрытая брюссельским ковром, называлась Столовой. Разные кусочки ковра и линолеума я тоже считала отдельными комнатами. С озабоченным и важным видом я переходила из одной «комнаты» в другую, тихо разговаривая сама с собой. По обыкновению невозмутимая Няня тихонько вязала в уголке.

Колдовским очарованием манила меня и кровать Тетушки-Бабушки: огромное ложе красного дерева с балдахином, из-под которого свешивались алые тканые занавеси. На кровати лежала перина, и ранним утром, прежде чем одеться, я зарывалась в нее. Тетушка-Бабушка просыпалась около

¹ Манчестер — крупный промышленный центр в графстве Ланшир на северо-западном побережье Великобритании.

² Чешир — графство на западе центральной части Великобритании.

³ Эркер — архитектурная деталь: выступ, обычно застекленный, в наружной стене здания, увеличивающий внутренний объем помещения.

шести утра и всегда была рада мне. Внизу находился большой салон, набитый мебелью маркетри¹ и дрезденским фарфором², постоянно погруженный в полумрак из-за примыкавшей к нему оранжерей. Салоном пользовались только во время приемов. По соседству, в маленькой гостиной, неизменно сидела, уютно устроившись в уголке, домашняя портниха. Как я теперь понимаю, домашняя портниха была неотъемлемой принадлежностью семейного обихода. Все домашние портнихи походили друг на друга и были отмечены печатью определенной изысканности, так как всегда являлись жертвами неких трагических обстоятельств. Обычно хозяйка дома и вся семья обращались с ними с подчеркнутым уважением, чего никак нельзя сказать о слугах, которым вменялось в обязанность подавать им в положенные часы поднос с едой. Насколько я помню, ни одна из них так и не дошила и не дочинила ни одного платья, над которым трудилась, — все они трещали по всем швам, так как были слишком узки или висели как на вешалке. Ответ на жалобы всегда был одним и тем же: «О да, но ведь мисс Джеймс такая несчастная!»

Итак, в маленькой гостиной, окруженная со всех сторон выкройками, сидела за швейной машинкой мисс Джеймс.

Тетушка-Бабушка — по-викторианским канонам — счастливо проводила жизнь в своей обставленной солидной мебелью красного дерева столовой, посреди которой стоял окруженный стульями стол. На окнах висели тяжелые шторы с бахромой. Она или сидела за столом в громадном кожаном кресле и писала письма, или просто наслаждалась покоем в большом бархатном кресле перед камином. Столы, диван и стулья были сплошь завалены книгами, нужными и ненужными, выскользнувшими из неплотно перевязанных пачек. Тетушка-Бабушка постоянно покупала книги — для себя и чтобы дарить; в конце концов их накапливалось столько, что она забывала, кому собиралась послать их, или, например, оказывалось, что «милая крошка Беннет» незаметно для нее достиг восемнадцати лет и ему больше не подхо-

¹ Мебель маркетри — мебель, украшенная инкрустацией из дерева, слоновой кости и т. п.

² Дрезденский фарфор — разновидность саксонского фарфора, производимая в округе Дрезден в Германии с начала XVIII века.

дят такие книги, как «Мальчишки из Сент-Галдред» или «Приключения тигра Тимоти».

Добрый друг моих детских игр, Бабушка откладывала в сторону длинное письмо, которое писала с тяжелыми вздохами, густо зачеркивая строчки, «чтобы сберечь почтовую бумагу», и с удовольствием погружалась в сладостное времяпрепровождение с «цыпленком от мистера Уайтли». Сначала Бабушка выбирала цыпленка; она звонила торговцу, чтобы проверить, действительно ли цыпленок молодой и нежный. Меня приносили домой, со связанными крылышками и лапками, нанизывали на вертел, чтобы цыпленок зажаривался, медленно вращаясь, ставили блюдо на стол, и вот уже Бабушка начинала точить большой нож, готовясь разделать птицу, когда вдруг цыпленок оживал и кричал: «Это же я!» — кульминация всего действия. Эта игра могла повторяться до бесконечности.

Одним из важных утренних событий был поход Бабушки в «домашний магазин», расположенный рядом с садовой калиткой. Я немедленно возникала перед ней, и она восклицала:

— Что здесь надо этой малышке? — Полная надежд малышка ждала и таращила глаза на полки, битком набитые разными припасами.

Ряды банок с вареньем и компотами; коробки с финиками, сухими фруктами, инжир, чернослив, маринованные вишни, ангелика¹, пакеты с изюмом и, конечно, глыбы масла, мешки сахара, чай, мука — вся снедь находилась здесь и торжественно изымалась соответственно нуждам каждого дня. При этом тщательно учитывалось соотношение с взятым накануне. Стол Тетушки-Бабушки всегда отличался щедростью и был общим для всех обитателей дома, но она терпеть не могла «расточительства». Все нужное должно было всегда наличествовать в хозяйстве, а вечерашнему не следовало пропадать. Бабушка давала мне пригоршню чернослива, и я радостно бежала в сад.

Как странно: когда вспоминаешь прошлое, в иных местах погода стоит будто всегда одинаковая. В моей детской в Торки постоянно осенний или зимний полдень. В камине горит огонь, на решетке сушится одежда, а снаружи падают листья и, что особенно волнует, иногда даже идет

¹ Ангелика — растение семейства зонтичных, используемое в медицине и кулинарии.

снег. В саду в Илинге всегда жаркое лето. На меня до сих пор веет горячим воздухом и ароматом роз, когда я вхожу в Бабушкин сад. Маленький квадрат газона, окаймленный розовыми кустами, не казался мне маленьким. Это тоже был целый мир. Самое главное — розы; каждый день увядшие отстригали, а цветущие срезали, уносили в дом иставляли по маленьким вазам. Бабушка невероятно гордилась своими розами, приписывая их величину и красоту «удобрениям из спальни». «С жидким навозом ничто не может сравниться! Ни у кого нет таких роз, как у меня».

По воскресеньям к завтраку обыкновенно приезжали два моих дяди и другая бабушка. Мы проводили самый настоящий «викторианский день». Бабушка Бомер, более известная всем как Бабушка Б., мать моей матери, приезжала к одиннадцати часам, изрядно запыхавшись, поскольку была очень толстая, еще толще, чем Тетушка-Бабушка. Сменив по пути несколько поездов и омнибусов¹, первое, что она делала по приезде, — немедленно избавлялась от своих зашнурованных ботинок. При этом она не могла обойтись без помощи своей горничной Гарриэт. Гарриэт становилась на колени, чтобы стянуть ботинки и заменить их на мягкие, удобные комнатные туфли. После этого с глубоким вздохом облегчения Бабушка Б. устраивалась за столом, и две сестры начинали обсуждать свои утренние дела. Следовали обстоятельные и длинные рассказы. Бабушка Б. большую часть покупок для Тетушки-Бабушки совершала в «Арми энд Нэйви»² — магазинах на Виктория-стрит. Для обеих сестер магазины «Арми энд Нэйви» были центром мироздания. Списки, цифры, счета доставляли им истинное наслаждение. Начинались дискуссии о качестве приобретенных товаров.

— Тебе не следовало бы покупать эту материю, Маргарет, она грубая, не то что лиловый бархат, который ты привезла в прошлый раз.

Потом Тетушка-Бабушка доставала свой большой, туго набитый кошелек, к которому я всегда относилась с благоговением, усматривая в нем очевидное свидетельство ог-

¹ Омнибус (*лат.*, «для всех») — многоместная конная карета, совершавшая регулярные рейсы в городах и между городами, первый вид общественного транспорта, появившийся в XVII веке и просуществовавший в ряде стран до начала XX века.

² «Арми энд Нэйви» — лондонский универсальный магазин, который первоначально обслуживал офицеров сухопутных войск и военно-морского флота.

ромного богатства. В среднем отделении лежало много золотых соверенов¹, а остальные распухли от полукрон², шестипенсовиков и случайных монет по пять пенсов. Подсчитывались расходы за починку и разные мелочи. Само собой разумеется, в магазинах «Арми энд Нэйви» у Тетушки-Бабушки был открыт счет, и я несколько не сомневаюсь, что она всегда дарила немного денег Бабушке Б. в благодарность за хлопоты и потраченное время. Сестры очень любили друг друга, что совершенно не мешало им пререкается и вставлять друг другу шпильки на почве ревности. Каждая с удовольствием подтрунивала над слабостями другой. Бабушка Б. считала себя признанной красавицей. Тетушка-Бабушка обыкновенно не соглашалась с этим.

— У Мэри (или Полли, как она ее называла), конечно, красивое лицо, — возражала она. — Но у нее никогда не было такой фигуры, как у меня. Главное для мужчин — это фигура!

Несмотря на недостатки фигуры Полли (которые, могу сказать со всей ответственностью, она впоследствии ликвидировала — я никогда не видела такого необъятного бюста), в шестнадцать лет ее страстно полюбил капитан полка Блэк Уоч. Хотя в семье считали, что она слишком молода для того, чтобы выходить замуж, капитан заявил, что его полк покидает Англию, не известно, когда вернется, и поэтому он предпочел бы жениться немедленно. И Полли вышла замуж в шестнадцать лет. Думаю, этот брак несомненно служил одной из причин ревности. Брак по любви. Полли была молода и красива, а ее капитан слыл самым красивым мужчиной в полку.

Скоро у Полли было уже пятеро детей, один из которых умер в младенчестве. В двадцать семь лет она, как я уже говорила, осталась вдовой — ее муж погиб, упав с лошади. Тетушка-Бабушка вышла замуж гораздо позже. У нее был роман с молодым морским офицером, но они оказались слишком бедны, чтобы пожениться. Кончилось тем, что он женился на богатой вдове, а она, в свою очередь, вышла замуж за богатого американского вдовца с

¹ Соверен — золотая монета в один фунт стерлингов, чеканившаяся до 1917 года.

² Полукрона — монета, равная двум шиллингам шести пенсам, имевшая хождение до 1971 года.

сыном. В известном смысле она чувствовала себя разочарованной, хотя здравый смысл и любовь к жизни никогда ее не покидали. У нее не было детей. Овдовев, она стала очень богатой женщиной. Постоянно проявляя большую щедрость по отношению к сестре, она кормила и одевала всю ее семью. После гибели мужа Полли жила на крошечную пенсию. Помню, как она целыми днями сидела у окна, шила, вязала на спицах чехлы для подушек с причудливыми узорами, вышивала картины и каминные экраны. Она делала чудеса иголкой, работала без устали, думаю, гораздо больше восьми часов в день. Так и получилось, что они завидовали друг другу в том, чего не испытывала каждая по отдельности. Подозреваю, они получали немалое удовольствие от своих пылких перепалок.

— Какая чушь, Маргарет, никогда в жизни не слышала ничего подобного!

— Ну что ты, Мэри, в самом деле, дай мне сказать... — и т. д.

К тому времени как улаживались дела с воскресными счетами и записывались поручения на следующую неделю, приезжали дяди. Дядя Эрнест работал в Министерстве внутренних дел, а дядя Генри служил секретарем в конторе торгового дома «Арми энд Нэйви». (Старший из братьев, дядя Фред отсутствовал: находился в Индии со своим полком). Стол был уже накрыт к воскресному завтраку.

Как правило, подавали огромный кусок холодного жареного мяса, торт с вишнями и кремом, головку сыра и, наконец, десерт в лучших праздничных тарелочках — и тогда и теперь, по-моему, изумительно красивых: они все еще у меня; кажется, восемнадцать из тогдашних двадцати четырех, что не так уж плохо для каких-нибудь шестидесяти лет! Не знаю, колпортовского или французского фарфора — окаймленные ярко-зеленой и золотой полосками по краю, а в центре каждой нарисованы фрукты — моя любимая была и осталась с ишжиром, сочным фиолетовым плодом. А вот моей дочери Розалинде больше всего нравится тарелочка с крыжовником, огромной аппетитной ягодой крыжовника. Роскошные персики, красная смородина, белая смородина, клубника, малина — чего только тут не было! Кульминация завтрака наступала, когда эти тарелочки, накрытые маленькими салфеточками, и мисочки для мытья пальцев ставили на стол и каждый по очереди должен был угадать,

какой фрукт украшал его тарелочку. Не знаю почему, но это был очень торжественный момент, и если тебе удавалось отгадать, появлялось чувство, что ты совершила поступок, заслуживающий самой высокой похвалы.

После этой достойной Гаргантюа¹ трапезы все засыпало. Тетушка-Бабушка пересаживалась на свое второе кресло у камина — просторное и довольно низкое. Бабушка Б. устраивалась на диване, обитом светлой кожей, с пуговичками по всей поверхности, натянув шерстяное одеяло на свои грандиозные формы. Не знаю, что подельвали в это время дяди. Может быть, прогуливались по саду, а может быть, переходили в маленькую гостиную. Но маленькой гостиной пользовались редко, поскольку там постоянно пребывала мисс Грант, занимавшая пост очередной портнихи.

— Дорогая, такое несчастье, — шептала Бабушка обычно, — вы представьте себе, бедное маленькое создание с таким уродством — только один проход, как у домашних птиц.

Эти слова всегда производили на меня неотразимое впечатление, потому что я совершенно не понимала их смысла. При чем здесь проход, который я представляла себе исключительно в виде коридоров, по которым бегала.

Потом все, кроме меня, спали никак не меньше часа — я использовала это время, чтобы тихонько покачаться на кресле-качалке, а после сна мы играли в школьного учителя. И дядя Гарри, и дядя Генри были настоящими эрудитами. Мы садились в ряд, и тот, кто был школьным учителем, вооружившись свернутой в трубку газетой, вышагивал перед остальными взад и вперед и грозным голосом спрашивал:

- Назовите дату изобретения иголок!
- Кто был третьей женой Генриха Восьмого?
- При каких обстоятельствах умер Уильям Руфус?
- Какой болезнью может быть заражена пшеница?

Тот, кто мог ответить, вставал и делал шаг вперед, а ответивший неправильно — назад. Думаю, эта игра была викторианской предшественницей современной викторины, которой мы теперь так увлекаемся. Дяди после нашей

¹ Гаргантюа — персонаж сатирического романа «Гаргантюа и Пантагрюэль» французского писателя и гуманиста Франсуа Рабле (1494—1553), исполинских размеров великан-король, обладавший огромным аппетитом.

игры, выполнив долг внимательных сыновей и племянников, удалялись. Бабушка Б. оставалась попить чаю с пирогом, пропитанным мадерой, а затем наступал ужасающий миг, когда на сцене снова появлялись ботинки на пуговицах, и Гарриэт опять принималась за экзекуцию. Мучительное зрелище и мучительное испытание. К концу дня щиколотки бедняжки Бабушки Б. отекали. Чтобы с помощью специального крючка пуговицы попали каждая в свою петельку, приходилось нажимать очень сильно, так что несчастная каждый раз испускала крики боли. О! Эти башмаки на пуговицах! Почему надо было обязательно носить их? По рекомендации врача? Или это было рабское подчинение моде? Я слышала, что ботинки полезны для детских щиколоток, чтобы укреплять их, но вряд ли это могло играть существенную роль для семидесятилетней женщины.

Так или иначе, но в конце концов обутая и все еще бледная от боли, Бабушка Б. пускалась в обратный путь: сначала на поезде, потом на омнибусах, домой, в Бейсуотер.

Пожилые джентльмены из окружения Тетушки-Бабушки являли собой столь замечательный атрибут тогдашней жизни, что я не могу отказать себе в удовольствии коротко упомянуть и о них.

В то время Илиинг во многом напоминал Челтнем или Лемингтон Спа. Сюда в большом количестве съезжались пехотные и морские отставники, чтобы «подышать свежим воздухом», да к тому же в двух шагах от Лондона. Тетушка-Бабушка, отличаясь общительностью, вела бурную светскую жизнь. Ее дом всегда был переполнен старыми полковниками и генералами, которым она вышивала узоры на жилетах и вязала толстые шерстяные носки.

— Надеюсь, ваша жена не заметит, — вскользь роняла она, преподнося подарки. — Я бы ни в коем случае не хотела огорчать ее.

Старые джентльмены галантно благодарили ее и уходили, чертовски гордясь своей мужской неотразимостью. Я всегда робела от их галантности. Шутки, которые они отпускали, чтобы развеселить меня, не казались мне забавными, а манера заигрывать заставляла нервничать.

— А что наша маленькая леди хочет на десерт? Сладости для маленькой сладкой леди. Персик? Или, может быть, золотистую сливу под стать золотым локонам?

Покраснев от смущения, я, запинаясь, невинно выговаривала:

— Персик, пожалуйста.

— А какой? Выбирайте!

— Пожалуйста, — говорила я тихо, — самый большой и самый спелый.

В ответ раздавался взрыв смеха. Совершенно невольно я, оказывается, очень удачно пошутила.

— Никогда не следует просить самый большой, — объясняла мне потом Няня, — вас будут считать обжорой.

Обжора — да, с этим я могла согласиться, по что тут смешного? Знаток светской жизни, Няня свободно ориентировалась в ее стихии.

— Есть надо быстрее. Представьте себе, что, когда вы вырастаете, вас пригласят на обед к герцогу!

Нельзя было представить себе ничего более невероятного, но допустим.

— В доме герцога будет главный дворецкий и несколько лакеев, и, когда придет время, они заберут вашу тарелку, независимо от того, кончили вы есть или нет.

От такой перспективы я побледнела и, не мешкая, набросилась на баранью котлету.

Няня часто рассказывала мне о различных случаях из аристократической жизни. Ее рассказы разжигали мое честолюбие. Больше всего на свете я мечтала в один прекрасный день стать леди Агатой. Но глубокая осведомленность Няни в иерархии социальных отношений делала ее абсолютно неумолимой.

— Этого не случится никогда, — сказала она.

— Никогда? — с ужасом спросила я.

— Никогда, — ответила Няня, убежденная реалистка. — Чтобы стать леди Агатой, вы должны родиться ею. Вы должны быть дочерью герцога, маркиза или графа. Если вы выйдете замуж за герцога, вы станете герцогиней, но только потому, что такой титул носит ваш муж. Это вовсе не то же самое, что родиться леди Агатой.

Так произошло мое первое столкновение с неизбежностью. Недостижимое существует. Важно осознать эту истину как можно раньше, и она сослужит вам хорошую службу в жизни. Да, есть на свете вещи, которых у вас не будет никогда: например, от природы выющиеся волосы, темные глаза (если у вас голубые) или титул знатной леди.

В целом я думаю, что те проявления врожденного снобизма, которые оказались не чуждыми моему детству, не

так невыносимы, как снобизм, идущий от богатства или интеллекта. Нынешний интеллектуальный снобизм породил особую форму зависти и злобы. Родители убеждены в том, что их потомство должно блистать.

«Мы принесли огромные жертвы ради того, чтобы дать тебе хорошее образование», — говорят они.

Если ребенок не оправдывает родительских ожиданий, он живет с чувством вины. Окружающие твердо уверены, что все зависит только от благоприятного стечения обстоятельств, а отнюдь не от природных склонностей.

Думаю, что в конце Викторианской эры родители мыслили реалистичнее и принимали во внимание возможности своих детей, озабоченные больше всего тем, чтобы жизнь принесла им счастье. Они гораздо меньше думали о том, чтобы их дети были «не хуже других». Сейчас я часто чувствую, что родители жаждут успеха своих детей исключительно ради собственного престижа. Викторянцы хладнокровнее смотрели на своих отпрысков и имели твердое мнение об их способностях. «А», совершенно очевидно, будет красавицей, «В» — умницей, «С», по-видимому, не суждено ослеплять ни красотой, ни умом. Лучше всего для «С» какое-нибудь порядочное ремесло. И так далее. Конечно, они ошибались иногда, но в целом такой принцип срабатывал. Сознание, что от вас не ждут того, к чему вы не способны, приносило огромное облегчение.

В отличие от многих наших друзей мы отнюдь не были зажиточной семьей. Американец по происхождению, мой отец автоматически считался богатым, как все американцы. На самом деле мы жили вполне комфортно, но не более того. У нас не было ни дворцового, ни лакея. Мы не держали выезд с кучером. У нас было трое слуг, а по тем временам меньше нельзя было себе представить. Если в дождливый день мы собирались пойти к друзьям на чашку чаю, то полторы мили шагали под дождем в плащах и галошах. Мы никогда не вызывали кэб, разве что речь шла о настоящем бале и под угрозой оказывался балыный наряд.

С другой стороны, угощение, принятое в нашем доме, отличалось поистине невероятной роскошью по сравнению с тем, что обычно подают гостям теперь. Тут уж, казалось бы, никак нельзя было обойтись без помощи повара и поварят. Недавно мне попалось на глаза меню одно-

го из наших давних обедов (на десять персон). Сначала предлагался выбор из двух супов — пюре и бульона, за ними следовало горячее тюрбо¹ из палтуса или язык. После этого шел шербет, за ним седло барашка². И уж полной неожиданностью был лангуст³ под майонезом; на сладкое пудинг «Дипломат» или русская шарлотка и потом уже десерт. И все это приготовила одна Джейн.

Теперь семья такого же достатка, как наша, конечно, владела бы машиной и нанимала бы прислугу — двух человек. Что же касается приемов, то наиболее важные из них проводились бы в ресторане или устраивались хозяйкой дома.

В нашей семье «умницей» раз и навсегда была признана моя сестра. Директриса ее школы в Брайтоне настаивала на том, чтобы сестру послали в Гертон⁴. Папа расстроился и сказал:

— Мы не хотим, чтобы Мэдж выросла сипим чулком. Лучше отправим ее заканчивать образование в Париж.

Так моя сестра, к полному своему удовольствию, поехала в Париж, поскольку ни под каким видом не желала ехать в Гертон. Мэдж и в самом деле была «головой». Остроумная, большая выдумщица, обладающая мгновенной реакцией, она всегда добивалась успеха во всем, за что бы ни бралась.

Брат, годом моложе сестры, отличался огромным обаянием, прекрасно разбирался в литературе, но уступал ей в интеллекте. Думаю, мама с папой рано поняли, что «тут будут сложности». Монти питал пристрастие к прикладным инженерным работам. Отец же надеялся, что Монти сделает финансовую карьеру, но вскоре ему стало ясно, что за отсутствием способностей у Монти нет никаких шансов преуспеть на банковском поприще. Тогда Монти принялся за изучение инженерного дела, но и здесь его поджидала неудача, так как он был слаб в математике.

Относительно меня в семье существовало устойчивое мнение, что я «несообразительная». Я никогда не поспевала за невероятно быстрой реакцией мамы и сестры. К тому

¹ Тюрбо — рыба с гарниром из овощей.

² Седло барашка — поясничная часть гуши молодого барашка.

³ Лангуст — крупный съедобный рак.

⁴ Гертон — женский колледж Кембриджского университета, основанный в 1869 году.

же мои высказывания отличались некоторой невразумительностью. Когда мне надо было что-то сказать, я с трудом подыскивала нужные слова.

— Агата такая несообразительная! — постоянно восклицали все окружающие. Вот уж чистая правда, я это знала и полностью соглашалась. Однако нисколько не беспокоилась и не расстраивалась по этому поводу. Я покорилась своей участи постоянно плестись в хвосте событий. И только в возрасте двадцати с чем-то лет я поняла, что в нашей семье был необычайно высокий уровень, и я была не менее, если не более сообразительная, чем все прочие. Что же касается невразумительности речи, то косноязычие останется при мне навсегда. Может, именно поэтому я решила стать писательницей.

Первое настоящее горе, которое я испытала, была разлука с Няней. С некоторых пор один из ее бывших воспитанников, владевший недвижимостью в Сомерсете¹, настоятельно советовал ей уволиться. Он предлагал ей принадлежавший ему комфортабельный небольшой коттедж, где Няня вместе с сестрой могли бы жить до конца своих дней. Наконец она решилась. Пришло время оставить работу.

Я невыносимо скучала по Няне и каждый божий день посылала ей короткие, со строчками, бегущими вкривь и вкось, и кучей ошибок письма: писать, да еще без ошибок, всегда казалось мне невероятно трудной задачей. Все мои письма были совершенно одинаковые: «Дорогая Няня. Я очень скучаю по тебе. Я надеюсь, что у тебя все хорошо. У Тони блохи. Целую тебя много-много раз. Агата».

Мама наклеивала марки на эти письма и отправляла их, но через некоторое время выразила легкий протест:

— Я не думаю, что тебе следует писать каждый день. Может быть, два раза в неделю?

Я была потрясена.

— Но я думаю о ней каждый день. Я должна писать.

Мама вздохнула, но не стала возражать. Тем не менее потихоньку она продолжала убеждать меня писать пореже. Мне понадобилось несколько месяцев, чтобы свести переписку к двум письмам в неделю, как предлагала мама. Няня не слишком хорошо владела пером, и в любом случае была достаточно мудрой, как я понимаю теперь, чтобы не поддерживать мою упрямую верность. Она отвечала мне

¹ Сомерсет — графство на юге Англии.

дважды в месяц милыми, довольно неопределенного содержания посланиями. Думаю, маму очень тревожило, что я никак не могу забыть Няню. Позднее мама рассказывала мне, что обсуждала эту проблему с папой. Неожиданно папа ответил с озорным огоньком в глазах:

— А что же особенного, ведь ты всегда помнила меня, когда я был в Америке.

Мама ответила, что это совершенно другое.

— А тебе приходило в голову, что, когда ты вырастешь, я в один прекрасный день вернусь и жепось на тебе? — спросил папа.

— Нет, конечно, — сказала мама.

Потом, поколебавшись немного, призналась, что конечно же у нее просто должна была существовать некая мечта — почти сказка, причем типично викторианская: отец вступил в блестящий, но несчастный брак. Разочарованный после смерти своей жены, он возвратился, чтобы разыскать свою маленькую кузину Клару. Увы, Клара, безнадежно больная, была обречена на постоянное лежание на диване и окончательно убила его своей преждевременной смертью. Мама рассмеялась и добавила:

— Я надеялась, что, лежа на диване под красивым легким одеялом, я не буду выглядеть такой толстой.

Ранняя смерть и неизлечимая болезнь были по тем временам такими же столпами романа, как теперь жестокость и насилие. Тогда, насколько я могу судить, молодой женщине ни в коем случае не полагалось обладать оскорбительно отменным здоровьем. Бабушка постоянно с большим самодовольством рассказывала мне, что в детстве отличалась необычайной хрупкостью: «Никто даже не надеялся, что я доживу до зрелых лет». Якобы стоило легкому ветерку дунуть посильнее, и ее бы не стало. Между тем Бабушка Б. так говорила о своей сестре: «Маргарет-то всегда была очень крепкой, а я — хрупкой».

Тетушка-Бабушка дожила до девяноста двух лет, а Бабушка Б. до восьмидесяти шести, и у меня лично существуют большие сомнения относительно слабости их здоровья. Но тогда в моде были чрезвычайная чувствительность, истерические припадки, обмороки, чахотка, анемичность¹. Бабушка сохраняла свою приверженность этим идеалам до такой степени, что часто появлялась перед молодыми людьми, с которыми я собиралась поехать куда-

¹ Анемичность — болезненная бледность и худоба.

нибудь, чтобы с таинственным видом предупредить их, насколько я нежная и хрупкая и как мало надежд, что я долго протяну на этом свете. Когда мне было восемнадцать, один из моих кавалеров часто с озабоченным видом спрашивал:

— Вы уверены, что не простудитесь? Ваша Бабушка сказала мне, что вы очень слабы.

Я возмущенно протестовала и утверждала, что совершенно здорова.

— Но почему же тогда ваша Бабушка говорит, что вы такая хрупкая?

Приходилось объяснять, что Бабушка изо всех сил старается, чтобы я выглядела как можно более интересной. Она рассказывала мне, что в ее молодые годы юная девушка в присутствии джентльменов могла позволить себе за обедом лишь поклевать что-нибудь самое легкое. Основные блюда приносили ей в спальню потом.

Болезнь и ранняя смерть проникли и в детские книжки. Я больше всего любила книгу «Наша златокудрая Виолетта»¹. Маленькая Виолетта — безгрешная и неизлечимо больная уже на первой странице, на последней поучительно умирает, окруженная рыдающими близкими. Трагедия смягчалась беспрестанными проказами двух ее братьев — Панни и Феркина. В «Маленьких женщинах»², книге в целом веселой, автор тем не менее должна была принести в жертву прекрасную Бет. Смерть маленькой Нелл в «Лавке древностей»³ оставляла меня равнодушной и даже вызывала отвращение, хотя во времена Диккенса, конечно, целые семьи рыдали над ее страданиями.

Диван и кушетка, эти предметы мебели, ассоциирующиеся в наши дни с психиатрами, в Викторианскую эпоху служили символом преждевременной смерти, чахотки и Романа с заглавной буквы.

Я склоняюсь к мысли, что викторианские женщины извлекали из этих обычаев немалую выгоду для себя, избавляясь таким образом от утомительных домашних обязанностей. К сорока годам они забывали все «болезни» и жили в свое удовольствие, наслаждаясь заботой преданного мужа

¹ «Наша златокудрая Виолетта» — роман английской писательницы Элеоноры Гафт (1814—1879).

² «Маленькие женщины» — роман английской писательницы Луизы М. Алкотт (1832—1888).

³ «Лавка древностей» — роман Чарльза Диккенса (1812—1870)

и взвалив все домашние тяготы на дочерей. Их навещали друзья, а кроткое смирение перед чередой преследующих их несчастий вызывало всеобщее восхищение. Страдали ли они в самом деле от какого-нибудь недуга? Вряд ли. Конечно, могла болеть спина или тревожили ноги, как это случается со всеми нами с возрастом. Так или иначе, но лекарством от всех болезней был диван.

Вторая из моих любимых книг повествовала о маленькой немецкой девочке (само собой разумеется, калеке), которая всегда лежала у окна и смотрела на улицу. Однажды гувернантка, легкомысленное и эгоистичное создание, кинулась к окну, чтобы посмотреть на проходящую по улице процессию. Заинтересовавшись, калека высунулась слишком далеко, выпала из окна и разбилась насмерть. С тех пор жизнерадостную гувернантку постоянно мучили угрызения совести, она раскаивалась до конца жизни. Все эти книги я читала с огромным удовольствием.

И конечно же Ветхий Завет, которым я наслаждалась с самых ранних лет своей жизни. Поход в церковь был одним из самых радостных событий недели. Приходская церковь в Тор Моуне была самой старой в Торки. Собственно Торки представлял собой современный водный курорт, но Тор Моун — это настоящий древний поселок. Ввиду того что старая церковь была совсем крошечная, приняли решение построить для прихожан новую, побольше. Ее начали строить как раз, когда я родилась, и папа внес определенную сумму денег от моего имени, так что я оказалась среди основателей этой церкви. Все это он рассказал мне позже, в положенный срок, и я страшно возгордилась.

— Когда же я пойду в церковь? — постоянно спрашивала я.

И наконец великий день настал. Я сидела рядом с папой поблизости от алтаря, на скамейке, специально отведенной для важных персон, и следила за службой по большому папиному молитвеннику. Папа заблаговременно сказал мне, что перед проповедью я могу уйти, если мне захочется. Когда пришло время, он шепнул:

— Может быть, ты хочешь уйти?

Я решительно замотала головой и осталась. Папа взял меня за руку, и я сидела очень счастливая, боясь даже шелохнуться.

Как же я любила воскресные службы! Дома заранее приготавливали специальные книги, которые позволялось читать только по воскресеньям (что превращало их в вознагра-

раждение), а также сборники библейских сказаний, которые я уже знала. Нет ни малейших сомнений, что, с точки зрения ребенка, библейские истории — это лучшие в мире сказки. В них всегда есть драматический накал, которого жаждет детское воображение: Иосиф и его братья¹, его разноцветная одежда, восхождение к власти в Египте и драматичекий финал великодушного прощения безнравственных братьев. Моисей и горящий кустарник² — другая любимая история. Не говоря уже о неоспоримой притягательности сказания о Давиде и Голиафе³.

Год или два тому назад, стоя на вершине холма в Нимруде, я наблюдала, как местный отпугиватель птиц, старый араб с горстью камней в одной руке и рогаткой в другой, готовился защищать свой урожай от хищных стай. Его мишень была как на ладони, а оружие обладало смертоносной силой, и я вдруг впервые огдала себе отчет в том, что именно Голиафу была расставлена ловушка. Давид с самого начала был в более выгодном положении — он обладал оружием дальнего действия против безоружного человека. И речь идет вовсе не о борьбе между двумя парнями, низеньким и высоким, но о коварстве, одолевшем грубую силу.

В дни моей юности к нам часто приходили очень интересные люди, и жаль, что я не обращала на них внимания. Все, что я помню о Генри Джеймсе⁴, — это сетования мамы на то, что во время чая он всегда разламывал пополам кусок сахара — чистое притворство, как будто не было другого, маленького. Приходил Редьярд Киплинг⁵, и опять в моей памяти осталось лишь, как мама с подругой обсуждают, почему же он в свое время женился на миссис Киплинг. Обсуждение кончилось тем, что мамина подруга сказала:

— Я знаю почему. Они прекрасно дополняют друг друга.

¹ Легенда об Иосифе и его братьях, продавших его из зависти проезжим кушачам, и о его дальнейшей судьбе рассказана в Библии (Ветхий Завет, Исход, 3)

² Имеется в виду явление вождю и законодателю древних евреев Моисею Бога в горящем терновом кусте и его повеление вывести евреев из Египта (Ветхий Завет, Книга Бытия, 37,39-41).

³ Имеется в виду библейское сказание о том, как во время войны израильтян с филистимлянами юный пастух Давид, вооруженный только посохом и пращей, победил великана-филистимлянина Голиафа, попав ему камнем из пращи прямо в лоб (Ветхий Завет, Первая книга Самуила, 17)

⁴ Джеймс Генри (1843—1916) — американский писатель и эссеист, с 1876 года живший в Англии

⁵ Киплинг Редьярд (1865—1936) — английский поэт и новеллист, лауреат Нобелевской премии, родившийся в Индии

Приняв слово *compléments* за *compliment*¹, я нашла это заключение совершенно бессмысленным. Но когда Няня в один прекрасный день объяснила мне, что самый большой комплимент, который джентльмен может сделать даме, — это предложить ей руку и сердце, все встало на место.

Хотя я всегда присутствовала на чаепитиях, одетая, как сейчас помню, в белое муслиновое платье, перепосанное желтой атласной лентой, гости не запечатлелись в моей памяти. Люди, которых я придумывала, всегда были для меня более реальными, чем настоящие. Зато я очень хорошо помню близкую подругу моей мамы, мисс Тауэр, главным образом потому, что она постоянно делала мне больно, и я стремилась избежать встречи с ней. У нее была привычка набрасываться на меня с поцелуями и при этом восклицать:

— Сейчас я тебя съем!

Я всегда опасалась, что она действительно может съесть меня. Всю жизнь я тщательно следила за тем, чтобы не кидаться на детей с непрошеными поцелуями. Бедные малютки, ведь они совершенно беззащитны. Дорогая мисс Тауэр, добрая, сердечная, она любила детей, но так мало задумывалась над их чувствами.

Леди Мак-Грегор была одной из самых влиятельных фигур общественной жизни в Торки, и нас с ней связывали счастливые шутливые отношения. Я еще сидела в коляске, когда однажды она подошла ко мне и спросила, знаю ли я, кто она такая. Я честно ответила, что не знаю.

— Передай маме, — сказала она, — что ты сегодня повстречалась с миссис Неизвестнокто.

Как только она отошла, Няня устроила мне выволочку:

— Это была леди Мак-Грегор, и вы прекрасно знаете ее.

Но с тех пор я всегда называла ее миссис Неизвестнокто, и это был наш общий веселый секрет.

Настоящим весельчаком был мой крестный, лорд Лиффорд, в те времена капитан Хьюит. Однажды он пришел к нам и, узнав, что мистера и миссис Миллер нет дома, не огорчился:

— О, ничего страшного. Я зайду и подожду их. — И попытался войти вслед за старшей горничной.

Добросовестная горничная захлопнула дверь перед его носом и помчалась на второй этаж, чтобы продолжить беседу с ним из удобно для этой цели расположенного окна

¹ Произошло смешение двух сходно звучащих французских слов «дополнение» и «комплимент»

туалета. В конце концов капитан убедил ее, что он — друг дома, главным образом потому, что сказал:

— И я прекрасно знаю, из какого окна вы со мной говорите, — это ватерклозет.

Доказательство было дерзким, но неоспоримым, она впустила его, но тотчас ушла, сгорая от стыда при мысли, что капитану было известно, откуда она разговаривала с ним.

В те дни мы были чрезвычайно стеснительны во всем, что касалось уборной. Немыслимо было даже представить себе, чтобы кто-то заметил, как вы входите или выходите отсюда, — разве что близкий член семьи. В нашем доме это вызывало большие затруднения, так как туалет находился ровно на полпути между этажами, у всех на виду. Самым ужасным было, конечно, оказаться внутри и слышать доносящиеся извне голоса. Выйти — невысказано. Приходилось сидеть взаперти в четырех стенах и ждать, пока расчистится путь.

Я не слишком хорошо помню и своих друзей-сверстников.

Вспоминаю неких Дороти и Делей, обших младше меня, вялых девочек с заложенными носами, довольно скучных, на мой взгляд. Мы пили чай в саду и бегали вокруг толстого дуба, поедая девонширские печенья с кремом. Не понимаю, почему нам это так нравилось. Их отец, мистер Б., был закадычным другом папы. Вскоре после того как мы приехали в Торки, мистер Б. сказал отцу, что собирается жениться. На потрясающей, как он описал ее, женщине.

— И что меня пугает, Джо (так называли папу все его друзья), — говорил он, — что меня положительно пугает, это до какой степени она меня любит!

Вскоре после этого к нам приехала погостить одна мамина подруга. Она была серьезно озабочена. Находясь в качестве чьей-то компаньонки в гостинице «Норт Девон», она встретила там высокую, довольно красивую молодую женщину, которая громко, во всеуслышание беседовала в холле гостиницы со своей подругой.

— Я поймала птичку в сети, — победоносно заявила она. — Приручила так, что она теперь клюет у меня с ладони.

Подруга поздравила ее, они принялись во весь голос обсуждать предстоящее супружество, детали брачной церемонии, тут-то и прозвучало имя жениха — им оказался мистер Б.

Мама с папой собрались на срочное совещание. Что следует предпринять в подобных обстоятельствах? Могут ли они

допустить, чтобы несчастный мистер Б. позволил этой бессовестной женщине так бесцеремонно женить себя из-за денег? Но, может быть, вмешиваться уже поздно? Повсрнит ли он, если они расскажут ему о том, что услышали?

Наконец папа принял решение. Не следует говорить мистеру Б. ничего. Сплетни — дело недостойное. И мистер Б. — уже не мальчик. Он сделал свой выбор с открытыми глазами.

Из-за денег вышла миссис Б. за мистера Б. или нет, но она стала ему превосходной женой, и они были счастливы друг с другом, как голубки. Они вырастили троих детей, никогда не расставались, и трудно вообразить себе более крепкую семью. Бедный мистер Б., к несчастью, умер от рака языка, и в течение всех долгих его страданий жена ухаживала за ним преданнейшим образом.

— Хороший нам всем урок, — сказала мама однажды. — Никогда не думайте, что вы лучше разбираетесь в том, что нужно другим людям.

За обедом у мистера Б. с супругой разговор обычно вертелся исключительно вокруг еды.

— Персифаль, дорогой, — рокотала миссис Б., — еще чуть-чуть этого изумительного барашка. До чего же нежный вкус!

— Как скажешь, Эдит, любовь моя. Разве что чуть-чуть. Разреши мне передать тебе соус. Великолепный, надо признаться. Дороти, милая, еще чуточку барашка?

— Нет, спасибо, папа.

— Далей? Совсем крошечный кусочек ножки? Нежной-пренежной?

— Нет, спасибо, мама.

У меня была еще одна подружка, Маргарет. Полуофициальная. Мы не ходили в гости друг к другу (мать Маргарет красила волосы в ярко-рыжий цвет и накладывала густые румяна на щеки; как я теперь подозреваю, ее считали женщиной легкого поведения, и папа не разрешал маме встречаться с ней), но с ее дочкой мы гуляли вместе. Думаю, наши няни дружили между собой. Маргарет была страшной болтушкой и приводила меня в полное смятение. У нее только что выпали передние зубы, и это делало ее речь настолько нечленораздельной, что часто я просто не понимала ее. Я чувствовала, что было бы невежливым сказать ей об этом, поэтому отвечала наугад, впадая все в большую и большую безнадежность. Наконец Маргарет предложила «рассказать мне оффу исфорию». История касалась «офних

офрафленных конфет», но что из-за этого получилось, я так никогда и не узнала. Невнятица все тянулась и гянулась, пока Маргарет торжественно не закончила:

— Фы не фумаеф, фто эфо прекрасная исфория?

Я горячо согласилась, но когда Маргарет задала мне вопрос, связанный со своей «исфорией», я поняла: это уже чересчур, я сейчас сойду с ума. И пылко ринулась в бой со встречным предложением:

— А сейчас, Маргарет, я расскажу историю тебе.

Маргарет перешительно посмотрела на меня. Совершенно очевидно, что ей страстно хотелось обсудить отравленные конфеты, но к этому времени мною уже овладело настоящее отчаяние.

— Это история — о-о... о персиковой косточке, — смело симпровизировала я, — о фее, которая жила внутри персиковой косточки.

— Давай рассказывай, — сказала Маргарет.

И я стала рассказывать. Я тянула до тех пор, пока не показалась калитка Маргарет.

— Здорово, — восхитилась Маргарет. — А где ты это вычитала?

Я нигде это не вычитала. Я выдумала все на ходу из головы. Думаю, ничего особенно хорошего в моей сказке не было. Но она спасла меня от вопиющей бестактности, которую я проявила бы, намекнув Маргарет на ее отсутствующие зубы. Я ответила, что совершенно не помню, из какой книги эта сказка.

Когда моя сестра, «покончив» с образованием в Париже, вернулась домой, мне было пять лет. Помню, с каким волнением я наблюдала, как она выходит из запряженного четверкой лошадей экипажа в Илинге. В кокетливой маленькой соломенной шляпке, вуалетке с черными мушками, она показалась мне совершенно другой. Всячески проявляя доброту к своей маленькой сестре, она рассказывала мне сказки. Мэдж также прилагала все усилия, чтобы усовершенствовать мое образование, и пыталась обучать меня французскому языку по учебнику под названием «Маленький наставник». Боюсь, она была не слишком хорошим преподавателем, и вскоре я воспылала ненавистью к этой книге. Два раза я искусно засовывала ее в шкаф позади других книг, но, к сожалению, через короткое время она вновь появлялась на свет.

Я поняла, что нужно действовать более основательно. В углу стояла огромная стеклянная горка, где находилось

чучело плешивого орла — гордость и слава моего отца За него-то я и засунула «Маленького наставника». Успех превзошел все ожидания. Дни проходили в тщательных, но бесплодных поисках пропавшей книги.

Впрочем, мама с легкостью одержала надо мной победу. Она объявила, что любой, кто найдет книгу, получит премию в виде особенно восхитительного шоколада. Наклонность к гурманству до добра не доводит. Попав в расставленную ловушку, я решительно принялась обыскивать комнату. Наконец, взобравшись на стул, я заглянула за орла и с удивлением радостно воскликнула.

— Ой! Вот же она!

Возмездие последовало незамедлительно. Меня отчитали и отправили в постель на весь остаток дня. Я сочла наказание справедливым, так как оказалась разоблаченной, но то, что мне не дали шоколада — это было несправедливо: ведь он был обещан любому, кто найдет «Наставника», а нашла его я!

Мэдж изобрела игру, которая одновременно пугала и зачаровывала меня. Игра называлась «Старшая сестра». Идея состояла в том, что в нашей семье существовала еще одна старшая сестра, старше Мэдж. Она сошла с ума и жила в Корбин Хед, но иногда приходила домой. Они с Мэдж были похожи как две капли воды, но говорила «старшая сестра» совершенно другим голосом — страшным, елейным.

— Ты ведь знаешь, дорогая, кто я такая? Я твоя сестра, Мэдж. Ты ведь не принимаешь меня за кого-то другого? Надеюсь, нет?

Я приходила в неописуемый ужас. Конечно, я понимала, что на самом деле это была Мэдж, что она притворялась, ну а если. . . Вдруг «старшая сестра» действительно существует? Этот голос, взгляд искоса. Это «старшая сестра»!

Обыкновенно мама очень сердилась

— Я же просила тебя, Мэдж, не пугать ребенка своими глупыми играми.

Мэдж отвечала вполне резонно

— Но она просит меня играть в это!

Я просила. Я спрашивала Мэдж:

— А скоро придет старшая сестра?

— Не знаю. Ты хочешь, чтобы она пришла?

— Да-да, хочу..

Хотела ли я в самом деле? Не знаю, но думаю, что хотела. Моя просьба никогда не удовлетворялась немедленно.

но. Только дня через два в дверь детской стучали, и раздавался голос:

— Можно мне войти, дорогая? Это твоя старшая сестра...

Многие годы спустя, стоило Мэдж заговорить голосом «старшей сестры», как у меня немедленно бежали мурашки по спине.

Почему мне нравилось это чувство ужаса? Какой инстинкт нуждается в удовлетворении страхом? Почему в самом деле дети любят сказки про медведей, волков и ведьм? Может быть, это бунт против чересчур благополучной жизни? Может быть, человек нуждается в ощущении некоторой опасности? Может быть, детская преступность в современном мире обязана своим возникновением чересчур благополучному обществу? Не нужно ли человеку бороться с чем-то, победить противника, — доказать себе свою силу? Уберите из «Красной Шапочки» Серого Волка — разве хоть какому-нибудь ребенку это понравится? Короче говоря, как и во всем, что существует в жизни, вы нуждаетесь в некоторой порции страха, но не слишком большой.

Моя сестра была великолепной рассказчицей. Малышом Монти часто умолял ее:

— Расскажи это еще раз.

— Не хочу.

— Ну расскажи, расскажи, пожалуйста.

— Не хочу.

— Ну расскажи, пожалуйста, Мэдж, я сделаю что хочешь.

— Дашь укусить за палец?

— Да.

— Я сильно укушу. Может быть, вообще откушу.

— Не важно.

Мэдж послушно начинает рассказывать все сызнова. Потом берет палец Монти и кусает его. Монти вопит. Прибегает мама. Мэдж наказывают.

— Но мы ведь так условились, — упорствует Мэдж.

Отлично помню свой первый рассказ, мелодраматический и очень короткий, главным образом потому, что писать хорошим почерком и без ошибок было для меня сущим мучением. Речь шла о благородной леди Мэдж (хорошая) и кровожадной леди Агате (плохая). Сюжет разворачивался вокруг наследства.

Я показала рассказ сестре и предложила ей разыграть по нему спектакль. Сестра немедленно заявила, что лучше она

будет кровожадной леди Мэдж, а я — благородной леди Агатой.

— Но разве ты не хочешь быть хорошей? — спросила я, пораженная. Сестра ответила, что гораздо интереснее быть плохой. Я пришла в восторг, потому что предложила Мэдж играть положительную роль исключительно из вежливости.

Помню, папа умирал от смеха, — впрочем, весьма доброжелательного, а мама сказала, что, может быть, мне стоит подобрать какое-нибудь другое слово вместо «кровожадной», потому что это слишком сильное выражение.

— Но она была кровожадной, — объяснила я. — Она убила много людей. Как Кровавая Мария Тюдор...¹ Она ведь тоже сжигала людей, привязанных к столбам.

Сказки играли в моей жизни большую роль. Бабушка дарила мне книги на день рождения и на Рождество: «Желтая книга волшебных сказок», «Голубая книга волшебных сказок» и так далее — я любила все и перечитывала их снова и снова. Еще был любимый сборник рассказов о животных, написанных Эндрю Лэнгом², включающий, среди прочих, рассказ «Андрокл и лев».

Примерно тогда же я открыла для себя серию книг миссис Моулсворт³, самой известной тогда детской писательницы. Эти книги сопровождали меня многие годы, и, перечитывая их теперь, я снова убеждаюсь, что они очень хороши. Конечно, нынешние дети нашли бы их устаревшими, но миссис Моулсворт искусно закручивала сюжет и умела создавать характеры. «Рыжие», «Просто малыш», «Господин Крошка» предназначались для совсем маленьких, так же как и множество волшебных сказок. Мне и сейчас случается перечитывать «Часы-кукушку» и «Комнату с гобеленом». Но самую любимую из всех — «Хутор на четырех ветрах» — я нахожу теперь неинтересной и не понимаю, почему она так сильно нравилась мне в детстве.

Чтение считалось слишком большим удовольствием, чтобы стать добродетелью. Никаких сказок до обеда. По утрам полагалось делать что-нибудь «полезное». И по сей день, если после завтрака я сажусь почитать какой-нибудь

¹ Мария Тюдор (1516—1558) — английская королева (1553—1558), восстановившая католицизм и жестоко преследовавшая протестантов, за что и была прозвана Кровавой.

² Лэнг Эндрю (1844—1916) — шотландский литератор и ученый. Названиям сборников его сказок, как правило, соответствовал цвет их обложки.

³ Моулсворт Энни (1836—1901) — английская детская писательница.

роман, то чувствую себя виноватой. По воскресеньям запрещались карточные игры. Я преступила заповедь Няни, считавшей карты «дьявольскими картинками», но и много лет спустя в воскресный день за бриджем¹ не могу избавиться от ощущения, что делаю что-то дурное.

Незадолго до ухода Няни мама с папой на некоторое время уехали в Америку. Мы с Няней отправились в Илинг. Мне предстояло провести там несколько месяцев — какое счастье! Все хозяйство Тетушки-Бабушки держалось на старой, морщинистой кухарке Ханне, настолько же тощей, насколько пышнотелой была Джейн, — просто-напросто мешок костей; глубокие складки на лице и сутулая спина. Готовила она великолепно. Ханна тоже пекла домашний хлеб три раза в неделю, и мне позволялось присутствовать в это время в кухне, помогать и делать самые маленькие крендельки. Только один раз мне случилось вызвать ее недовольство: я спросила, что такое гусиные потроха. Очевидно, хорошо воспитанные молодые леди не спрашивают о таких вещах, как гусиные потроха. Я носилась по кухне взад-вперед и дразнилась:

«Ханна, а что такое гусиные потроха? Ханна, я в третий раз спрашиваю: что такое гусиные потроха?» В конце концов Няня увела и отчитала меня, а Ханна не разговаривала со мной два дня. С тех пор я изо всех сил старалась не нарушать правил приличия.

Однажды в Илинг мне пришло письмо из Америки от папы: в нем сообщалось, что мне оказана честь присутствовать на праздновании шестидесятилетия Тетушки-Бабушки. Папино письмо, написанное согласно требованиям времени довольно велеречиво, не имело ничего общего с его манерой говорить, речь его была полна юмора и порой довольно рискованных шуток.

Агата, будь как можно более внимательной к дорогой Тетушке-Бабушке, ведь ты понимаешь, с какой необычайной добротой она всегда обращалась с тобой. Я узнал, что тебе предстоит присутствовать на великоленном зрелище, которого ты никогда не забудешь, — такое доводится увидеть лишь раз в жизни. Ты должна выразить Бабушке глубокую признательность; показать, как дорого тебе ее отношение. Мне бы тоже очень хотелось быть в этот день среди вас, так же, как и маме. Я знаю, что ты никогда не забудешь этот день.

¹ Бридж — разновидность карточной игры, в которой принимают участие две пары партнеров.

Папа не обладал пророческим даром, потому что я именно забыла юбилей. До чего же дети странные существа! Что приходит мне на память, когда я оглядываюсь в свое прошлое? Всякая чушь: домашняя портниха, крендельки, которые я делаю в кухне, запах табака от полковника Ф. И о чем я забыла? О зрелище, за мое участие в котором кто-то заплатил немало денег, только чтобы я увидела и запомнила его. Я очень сердита на себя. До чего же несносным и неблагодарным ребенком я была!

Это напоминает мне об одном совпадении, настолько потрясающем, что любому оно показалось бы неправдоподобным. Случилось это во время похорон королевы Виктории¹. И Тетушка-Бабушка, и Бабушка Б. — обе собирались присутствовать на них. Они загодя обеспечили себе окно в доме где-то вблизи от Паддингтона² и должны были встретиться там в этот великий и торжественный день. Чтобы не опоздать, Бабушка встала у себя в Илинге в пять часов утра и поспешила на станцию метро «Паддингтон». Она высчитала, что таким образом прибудет на место за добрых три часа до начала церемонии, и захватила с собой вышивание, кое-что из еды и какие-то необходимые мелочи, чтобы скрасить ожидание. Увы, времени, рассчитанного ею впрок, не хватило. Улицы были запружены толпой. Выйдя из станции метро, она уже не могла сделать ни шага вперед. Два санитары из «скорой помощи» вытаскивали ее из толпы и стали убеждать ее не пытаться идти дальше.

— Но я должна! Должна! — плакала Бабушка, и слезы струились по ее лицу. — У меня есть комната, у меня есть место, два первых стула у второго окна на втором этаже, чтобы все рассмотреть.

— Это невозможно, мэм, улицы забиты, никому не пройти в ближайшие полчаса.

Бабушка зарыдала сильнее. Санитар, добрый человек, сказал:

— В любом случае, мэм, вы ничего уже не увидите, но я провожу вас до нашей машины, там вы сможете сесть, и вам приготовят хорошую чашку чаю.

Бабушка пошла с ними, не переставая плакать. Около кареты «скорой помощи» сидела похожая на нее телосложением дама, тоже рыдавшая, монументальная фигура в

¹ Королева Виктория умерла в 1901 году.

² Паддингтон — лондонский вокзал, конечная станция поездов Западного района, а также пересадочный узел метро.

черном бархате, расшитом бисером. Они переглянулись и в один голос воскликнули:

— Мэри!

— Маргарет!

И два гигантских бисерных бюста жались друг к другу.

Глава 5

Размышляя о том, какая из игрушек была самой любимой, я склонна отдать первенство обручу, который стоил... сколько? Шесть пенсов? Шиллинг? Никак не больше. И какой неоценимый подарок для родителей, нянь и слуг! В погожий день Агата идет в сад играть с обручем, и все могут быть совершенно спокойны и свободны, вплоть до следующей трапезы или, точнее говоря, до момента, когда даст о себе знать голод.

Обруч по очереди превращался то в коня, то в морское чудовище, то в поезд. Гоня обруч по тропинкам сада, я становилась то странствующим рыцарем в доспехах, то придворной дамой верхом на белом коне. А еще Кloverом (из «Котят»), совершающим побег из тюрьмы, или — несколько менее романтично — машинистом, кондуктором или пассажиром на трех железных дорогах моего собственного изобретения.

Я разработала три ветки: «Трубная» — железная дорога с восемью станциями протяженностью в три четверти сада, «Баковая» — по ней ходил товарный поезд, обслуживающий короткую ветку, начинавшуюся от огромного бака с краном под сосной, и «Террасная» — железная дорога, которая шла вокруг дома. Совсем недавно я обнаружила в чулане лист картона, на котором шестьдесят с лишним лет назад коряво начертила план железнодорожных путей.

Никак не могу постичь теперь, почему мне доставляло такое неизъяснимое удовольствие гнать перед собой обруч, останавливаться и кричать: «Ландышева». Пересадка на «Трубную». «Труба». «Конечная. Просьба освободить вагоны». Я играла так часами. Наверное, это было очень полезно для развития мускулов. Я старательно постигала искусство так бросать свой обруч, чтобы он возвращался ко мне, этому трюку меня научил один из наших друзей — морских офицеров. Сначала у меня ничего не получалось, но я упорно пробовала снова и снова и наконец уловила нужное движение — как же я была счастлива!

В дождливые дни моей отрадой становилась Матильда. Большая американская деревянная лошадь-качалка. Матильду подарили сестре и брату еще в Америке, когда они были маленькими. Ее привезли в Англию и теперь оставшуюся от нее бледную тень — грива вылезла, краска облупилась, хвост исчез и т. д. — поместили в примыкавшую к дому маленькую теплицу, — не путать с оранжереей, помпезным сооружением, уставленным горшками с бегонией, геранью, целыми ярусами всевозможных папоротников и несколькими пальмами. Маленькая теплица называлась, сама не знаю почему, Кей Кей (а может быть, Кай Кай?); лишившись всех растений, она приютила у себя крокетные молотки, обручи, мячи, сломанные садовые кресла, старые крашенные железные столы, рваную теннисную сетку и Матильду.

Матильда работала прекрасно — гораздо лучше всех английских лошадей-качалок, которых я когда-либо видела. Оседланная, она скакала вперед и назад, вверх и вниз и, если ее как следует прищипорить, могла запросто сбросить седока. Рессоры, нуждавшиеся в смазке, отчаянно стонали, и к удовольствию примешивалось чувство опасности. Опять же прекрасная тренировка. Неудивительно, что я была тощей. Компанию Матильде составлял Верный, тоже заокеанского происхождения. Верный — маленький крашенный конь с педальной коляской. Вероятно, из-за долгих лет неподвижности педали больше не крутились. Щедрая порция смазки, конечно, сделала бы свое дело, но существовал гораздо более легкий способ заставить Верного служить. Подобно всем садам в Девоне, наш сад располагался на склоне холма. Мой метод состоял в том, чтобы втащить Верного на самую верхушку поросшего травой откоса, осторожно сесть на него верхом, прошептать ему на ухо что-нибудь подбадривающее — и вот мы уже едем вниз, сначала медленно, потом набирая скорость, так что мне приходится тормозить ногами, чтобы остановиться у самой араукарии¹ в глубине сада. Потом я снова втаскивала Верного на вершину, и все начиналось сначала.

Спустя несколько лет выяснилось, что за этим трудоемким процессом, длившимся порой час кряду, наблюдал мой будущий зять, причем с превеликим удовольствием.

С уходом Няни я, конечно, потеряла товарища своих игр. Я бродила по саду как неприкаянная — до тех пор, пока меня не утешил обруч.

¹ Араукария — хвойное дерево из семейства слюхов, достигающее большой высоты, завезено в Европу из Америки.

Как все дети, я, конечно, всегда стремилась вовлечь в свою игру сначала маму, а потом кого-нибудь из слуг. Но в те времена, если в чьи-то прямые обязанности не входило играть с детьми, то никаких потачек. Слуги, хоть и настроенные очень дружелюбно, были по горло заняты своей работой, а потому обычно я слышала в ответ:

— А сейчас, мисс Агата, бегите играть. У меня полно дел.

Доброта Джейн ограничивалась горстью изюма или кусочком сыра, которые она давала мне, но с неизменным условием съесть все это в саду.

Так я оказалась в своем собственном мире и сама придумывала товарищей по играм. Думаю, это прекрасно. Я никогда не знала, что такое скука, унылое «мне нечего делать», в отличие от многих женщин, всю жизнь страдающих от одиночества и не знающих, чем себя занять. Свое свободное время они воспринимают как кошмар, а не благо. Если вас постоянно развлекают, естественно, вы к этому привыкаете. И когда никто не обращает на вас внимания, приходите в полное замешательство.

Полагаю, из-за того что подавляющее большинство детей начинают теперь ходить в школу очень рано и жизнь их расписана по минутам, они совершенно не знают, куда себя деть во время каникул, и отчаянно скучают. Я всегда очень удивляюсь, когда ребенок подходит ко мне со словами:

— Ну мне совершенно нечего делать.

Притворно ужаснувшись, я спрашиваю:

— У тебя ведь очень много игрушек, не правда ли?

— Не очень.

— Ну да, разве что два поезда, грузовики, краски да кубики. Ты не можешь поиграть сам?

— Но я не умею играть один.

— Вот как? А я умею. Нарисуй птичку, потом вырежь ее, сделай клетку из кубиков и посади птичку в клетку.

Тучи расходятся, и примерно на десять минут воцаряется тишина.

Перебирая в памяти прожитые годы, я все больше и больше убеждаюсь в одном: мои пристрастия совершенно не изменились.

Все, во что я любила играть в детстве, осталось любимым занятием на всю жизнь.

Например, игра в дом.

Думаю, у меня было разумное количество игрушек: кукольная кровать с настоящими простынями и одеялами

и доставшиеся мне от брата и сестры кубики, из которых можно было построить домик. Многие игрушки я изобретала сама. Вырезала картинки из старых иллюстрированных журналов и наклеивала их в альбомы, сделанные из коричневой толстой бумаги. Разрезала старые рулоны обоев и оклеивала ими коробки. Дело небыстрое.

Но главное удовольствие в дни, когда нельзя было гулять в саду, конечно же доставлял мне самый обыкновенный крашенный кукольный домик со съемной передней стеной, за которой открывались кухня, столовая и холл на первом этаже, а на втором — две спальни и ванная комната. По крайней мере, с этого все начиналось. Потом, постепенно, предмет за предметом, приобреталась мебель. Тогда в магазинах был огромный выбор очень дешевой кукольной мебели. Мои карманные деньги по тем временам составляли приличную сумму. Она складывалась из медяков, которые могли завалиться в папиных карманах. Я приходила к нему в комнату, говорила «доброе утро», а потом поворачивалась к туалетному столику посмотреть, что судьба уготовила мне на этот раз: двухпенсовик? пятипенсовик? Однажды целых восемь пенсов! А иногда вовсе ничего. Неизвестность делала ожидание волнующим.

Я покупала всегда одно и то же. Немножко конфет — из жженого сахара, потому что мама признавала полезными только их. Конфеты делались прямо в лавке мистера Уайтли, поэтому стоило пересечь ее порог, как по запаху сразу же можно было определить, что изготавливается сегодня: характерный запах жженого сахара — значит, ириски, острый — мятные леденцы, едва уловимый — ананасовые, довольно неприятный, совсем слабый — ячменного сахара, и заглушающий все остальные аромат грушевых леденцов.

Все стоило одинаково: восемь пенсов за фунт. Я тратила четыре пенса в неделю — по одному пенни за каждый из четырех разных сортов. Один пенс полагалось откладывать на нужды беспризорных и бездомных детей (на столе в холле стояла копилка); с сентября копились монеты на рождественские подарки, которые предстояло купить, помимо сделанных дома. Остальное шло на обзаведение моего кукольного домика.

Я до сих пор помню эти оборожительные вещицы. Продукты, например. Маленькие картонные тарелочки с жареной курицей, яичница с ветчиной, свадебный торт, баранья ножка, яблоки и апельсины, рыба, бисквит, рождественский пудинг с изюмом. Плоские коробки с ножами,

вилками и ложками. Наборы крошечных рюмок. И наконец, собственно мебель. В моей гостиной стоял гарнитур из обитых голубым атласом стульев, к которым я постепенно подобрала софу и довольно громоздкое золоченое кресло. Продавались туалетные столики с зеркалом, и круглые полированные обеденные столы, и уродливый столовый гарнитур, отделанный оранжевой парчой. Лампы и вазы, особенно вазы с цветами. Ну и, конечно, все, что требуется в домашнем хозяйстве: щетки, совки, метла, ведра, кастрюли.

Вскоре мой кукольный домик стал похож на мебельный магазин.

А можно — вдруг можно? — чтобы у меня был еще один кукольный домик?

Мама считала, что маленькой девочке не полагается иметь два кукольных домика. Но почему бы, предложила она, не использовать в качестве домика буфет? Так в моем распоряжении оказался целый буфет — это было настоящее счастье. В просторном пустом помещении, расположенном на самом верху, папа когда-то задумывал сделать две спальни для гостей, но сестре и брату так понравилось играть там, что оно осталось комнатой для игр. По стенам кое-где стояли полки с книгами и буфеты, и больше никакой мебели. Мне выделили буфет с четырьмя полками, встроенный в стену. Мама разыскала обрезки красивых обоев и разрешила мне наклеивать их на полки как коврики. Собственно кукольный дом стоял на верху буфета, став теперь шестиэтажным.

Дом, конечно, нуждался в семье, которая жила бы в нем. Я поселила туда папу и маму, двух детей и служанку, куклу с фарфоровым лицом и набитым опилками тряпичным телом. Мама сшила из лоскутков кое-какую одежду для них. А папе даже наклеила на лицо маленькую черную бородку и усики. Папа, мама, двое детей и няня. Не семья, а само совершенство. Не припоминаю, чтобы члены семьи отличались какими-то особенностями характера — они никогда не были для меня живыми людьми, так, безымянные обитатели дома. Но когда семья усаживалась вокруг стола, это действительно выглядело здорово. Тарелки, рюмки, на первое — жареная курица и потом всякая изысканная розовый пудинг.

Еще одним упоительным развлечением был переезд. Грузовой машиной служила большая картонная коробка. В нее грузили мебель и за веревочку тянули по комнате, совершая несколько кругов, после чего «грузовик» оста-

навливался у «нового дома». (Переезд совершался по крайней мере раз в неделю.)

Сейчас мне совершенно ясно, что я продолжаю играть в дома до сих пор. Я сменила бесчисленное множество домов, я их покупала, меняла на другие, обставляла, отделяла, перестраивала. Дома! Благослови, Господи, дома!

Но вернусь к воспоминаниям. Странное дело, когда начинаешь собирать их воедино, действительно вспоминаешь всю свою жизнь. То счастливые события, то — очень живо — страхи. Но что удивительно: боль и страдания всплывают с трудом. Не хочу сказать, что не помню их, помню, но не чувствую. Все, что касается горестных моментов, задевает меня самым поверхностным образом. Я говорю: «Агата была страшно несчастна. У Агаты болели зубы». Но по-настоящему я не испытываю при этом ни горя, ни боли. А повест вдруг откуда-то ароматом липы — и я с головой в прошлом, и оживает день, проведенный среди липовых деревьев, я вновь ощущаю блаженство, с которым бросилась тогда на землю, запах нагретой солнцем травы и внезапное восхитительное осознание великолепия лета; совсем близко кедр, а чуть дальше за ним — река... Чувство слияния с жизнью. В этот момент все возвращается ко мне. Не только то, что возникло в голове как воспоминание, но и давнее пережитое ощущение, во всей полноте.

Живо помню лютиковое поле. Наверное, мне было лет пять, потому что я гуляла с Няней. Мы жили у Тетушки-Бабушки в Илинге и как-то раз поднялись на холм позади церкви Святого Стефана. Вокруг простирались поля, но мы вышли на одно, особенное, сплошь усыпанное лютиками. Я уверена, что мы ходили туда часто. Не знаю, что сохранила моя память — первый раз или какой-то из следующих, но волнение, овладевшее мною, я не только помню, я его снова ощущаю. Мне кажется, что за многие годы, прошедшие с тех пор, я больше ни разу не видела столько лютиков сразу. Попадались поля с небольшими «пятачками», поросшими лютиками, и только. Огромное поле, сплошь из золотых цветков, ранним летом — это и в самом деле сказка, она и осталась со мной до сих пор.

Что приносит человеку самое большое удовольствие? Осмелюсь предположить, что это зависит от человека. Я долго над этим думала и поняла, что мне милее всего тихие

радости обычной повседневной жизни. Конечно же именно тогда я ощущала самое большое счастье. Украшать голубыми бантами седую голову Няни, играть с Тони, аккуратно расчесывать шерсть на его широкой спине, скакать на воображаемой лошади, которую моя фантазия создала в нашем саду. Гнать обруч через все станции «Трубной» железной дороги. Счастливые часы игр с мамой. В более поздние годы, во время чтения Диккенса, у мамы, случилось, очки частенько сползали с переносицы и голова клонилась вперед, а я отчаянным голосом будила ее:

— Мама, ты же засыпаешь! — На что она с достоинством отвечала:

— Ничего подобного, дорогая. Я несколько не хочу спать.

И несколько минут спустя засыпала. Какая же она была смешная, в очках, сползших на кончик носа; как я любила ее в эти минуты!

Мысль довольно парадоксальная, но только в те мгновения, когда вы видите людей смешными, вы действительно понимаете, как сильно вы их любите! Можно восхищаться красотой, умом или обаянием, но все это лопнет, как мыльный пузырь, при малейшем намеке на смешное. Любой девушке, собравшейся замуж, я дала бы такой совет: на минуту представьте себе, что он страшно простудился, гундосит что-то в нос, вместо «м» и «н» говорит «б» и «д», ежесекундно чихает, а глаза у него слезятся. Что вы к нему почувствуете?

Хороший тест, право. Мне кажется, что чувство, которое вы должны испытывать к мужу, — сродни нежности, привязанности; такая любовь воспримет без разочарования и жуткий насморк, и некоторые привычки. А страсть — это уже само собой.

Брак означает больше, чем любовь, я придерживаюсь старомодной точки зрения: самое главное — это уважение. Только не надо путать его с восхищением. Восхищаться мужчиной на протяжении всего брака, мне кажется, безумно скучно, и кончится болями в области шеи. Но об уважении вы не обязаны думать, вы лишь с благодарностью постоянно ощущаете его. Как сказала о своем муже одна старая ирландка: «Он и есть моя голова».

Думаю, именно в этом больше всего нуждается женщина. Она ищет в своем супруге честность, хочет чувствовать в нем опору, уважать его суждения и, если придется принимать трудное решение, спокойно довериться ему.

Так забавно оглядывать свою жизнь, разные происшествия и сцены — такое великое множество странностей,

исходов. Что из всего этого было важным? Что скрывается за выбором, который сделала память? Все равно что подняться на чердак, подойти к большому сундуку, набитому хламом, погрузить в старье руку и сказать: «Я возьму это, и еще это, и вот то».

Спросите трех или четырех человек об их впечатлениях, скажем, о путешествии за границу, и вы удивитесь тому, насколько разными окажутся их ответы. Помню сына наших друзей, мальчика лет пятнадцати, которого во время весенних каникул взяли в Париж. Когда он вернулся, один из не слишком умных друзей дома, привыкший, как это бывает, говорить с молодежью снисходительно, немного свысока, спросил:

— Ну-с, молодой человек, что больше всего поразило вас в Париже?

Мальчик немедленно ответил:

— Трубы. У них на крышах трубы совершенно не такие, как в Англии.

С его точки зрения, это было весьма существенное наблюдение. Несколько лет спустя он стал учиться в художественной школе. Следовательно, этот образ, эта деталь, действительно произвела на него впечатление, сделала Париж отличным от Лондона.

А вот другое воспоминание. Оно относится к тому периоду, когда мой брат после ранения, полученного во время войны в Восточной Африке, выздоравливал дома. Он привез с собой слугу, африканца, по имени Шebани. Брат жаждал показать простому африканцу красоты Лондона; он нанял извозчика и, сидя в коляске рядом с Шebани, объехал весь Лондон. Он показал ему Вестминстерское аббатство¹, Букингемский дворец², Вестминстерский дворец³, ратушу⁴, Гайд-парк⁵ и т. д. Наконец они возвратились домой, и брат спросил Шebани:

¹ Вестминстерское аббатство — особая королевская церковь в Лондоне, место коронации английских монархов и место захоронения многих выдающихся людей.

² Букингемский дворец — главная королевская резиденция в Лондоне, построенная в 1703 году; перед дворцом ежедневно проходит церемония смены караула королевских гвардейцев.

³ Вестминстерский дворец — здание английского парламента, в центре Лондона на берегу Темзы в районе Вестминстер.

⁴ Ратуша — здание городского самоуправления; обычно имеет часовую башню.

⁵ Гайд-парк — самый известный парк в центре Лондона, открытый для публики с 1635 года, излюбленное место проведения митингов и демонстраций.

— Ну как тебе Лондон?

Шебани сделал большие глаза:

— Потрясающий, бвана. Потрясающий. Никогда не думал, что увижу такое.

Брат удовлетворенно кивнул.

— А что понравилось тебе больше всего?

Ответ последовал незамедлительно:

— О, бвана. В магазинах полно мяса. Такие удивительные магазины. Повсюду висят эти туши, разные части туш, никто не ворует их, никто не врывается туда, не толкается, не грабит магазины. Какой великой и богатой должна быть страна, где в магазинах открыто висит столько мяса. Да, действительно, Англия — великая страна! Лондон — потрясающий город!

Точка зрения ребенка — мы все понимали ее когда-то, но ушли так далеко, что с трудом можем вернуться к ней.

Помню, как я наблюдала за своим внуком Мэтью — ему было тогда около двух с половиной лет. Он не знал, что я рядом. Я смотрела на него с верхней лестничной площадки. Он очень осторожно спускался вниз по ступенькам. Это было новое достижение, и Мэтью гордился им, хоть и побаивался. Он бормотал себе под нос:

— Это Мэтью спускается по ступенькам. Мэтью спускается по ступенькам. Мэтью спускается по ступенькам.

Интересно, мы все начинаем жизнь, думая о себе (как только вообще получаем способность думать) в третьем лице? Наблюдая за собой как бы со стороны? Это я сказала себе когда-то: «Вот Агата в своем праздничном платье входит в столовую»? Как будто тело, в которое помещен наш дух, еще непривычно для нас. Некое целое, которое мы знаем по имени, с которым находимся в определенных отношениях, но еще не полностью отождествили себя с ним. Мы — это Агата, которая идет на прогулку, Мэтью, который спускается вниз по лестнице. Мы скорее видим, чем ощущаем себя.

И погом в один прекрасный день происходит скачок в следующую стадию. Внезапно «Мэтью, который спускается по лестнице», превращается в «Я спускаюсь по лестнице». Постигание «Я» — первая ступень становления личности.

Часть вторая

ПОРА НЕ ПОРА — ИДУ СО ДВОРА

Глава 1

Не задумавшись над прошлым, никогда не восстановишь правильного представления о необыкновенном взгляде на мир, свойственном ребенку. Он смотрит на окружающее совсем под другим углом зрения, не так, как взрослые.

Дети бывают очень проницательны, способны на точные суждения о характерах, но понять «как» и «почему» что-то происходит они не в состоянии.

Наверное, мне было около пяти лет, когда папа впервые столкнулся с финансовыми трудностями. Сын богатого человека, он пребывал в уверенности, что регулярный доход обеспечен ему навсегда. Дедушка осуществил ряд сложных операций по размещению капитала. Распоряжения входили в силу после его смерти. Из четырех опекунов имущества один был очень стар и, я думаю, давно уже отошел от дел, другой попал в психиатрическую больницу, а двое оставшихся, весьма почтенного возраста, умерли вскоре после дедушки. Предусматривалось и право сына распоряжаться собственностью. Не знаю, что послужило причиной дальнейшего — абсолютная неумелость или то, что в ходе перемещения капитала кому-то удалось извлечь из него свою пользу. В любом случае, финансовая ситуация становилась хуже с каждым днем.

Папа, озадаченный и подавленный, не будучи деловым человеком, совершенно не знал, что делать. Он писал одному «дорогому старине» Такому-то и другому «дорогому старине» Такому-то, и они отвечали ему, то успокаивая, то ссылаясь на ухудшение положения на бирже, обесценивание бумаг или еще что-то в этом роде. В это время папа получил наследство от старой тетушки, и, насколько я понимаю, оно выручило его года на два, между тем как основной доход так и уплыл.

Примерно в это же время стало ухудшаться и его здоровье. Папа уже давно страдал так называемыми сердечными приступами — весьма общее понятие, под которым может скрываться все что угодно. Думаю, угроза разорения подорвала его организм. В качестве безотлагательных мер

было принято решение экономить. Испытанным средством в те далекие времена считалась поездка на некоторое время за границу. И вовсе не из-за налогов, как теперь; насколько я понимаю, налоги составляли шиллинг с фунта — просто за границей жизнь была гораздо дешевле. Смысл отъезда состоял в том, чтобы сдать дом вместе со слугами за хорошие деньги, уехать на юг Франции и поселиться в скромном отеле.

Если память мне не изменяет, это переселение произошло, когда мне было шесть лет. Эшфилд сдали, кажется, американцам, за внушительную сумму, и семья начала готовиться к отъезду.

Нам предстояло переехать на юг Франции, в По¹. Естественно, я была в восторге от этой перспективы. Мы поедем, говорила мне мама, в такое место, где увидим горы. Я задавала кучу вопросов. «Они очень-очень высокие? Выше, чем колокольня церкви Святой Марии?» — спрашивала я с огромным интересом. Выше колокольни Святой Марии я ничего не видела. Да, горы гораздо, гораздо выше. Они поднимаются на сотни, тысячи футов². Я убежала в сад с Тони, захватив с собой огромную горбушку хлеба, выклянченную в кухне у Джейн, и, не переставая грызть ее, принималась обдумывать все это, пытаюсь представить себе горы. Я запрокидывала голову и смотрела в небо. Вот какие будут горы — вверх, вверх, вверх, пока не утонут в облаках. От этой мысли все во мне замирало. Мама любила горы. «К морю я совершенно равнодушна», — часто слышали мы. Горы конечно же, думала я, станут чем-то великим в моей жизни.

Единственным, что омрачало будущую поездку за границу, была предстоящая разлука с Тони. Само собой разумеется, Тони не собирались оставить дома; его доверяли бывшей горничной по имени Фрауди, которая вышла замуж за плотника, жила неподалеку от нас и выразила полную готовность взять Тони. На прощание я горячо расцеловала Тони, а он облизал мне лицо, шею и руки.

Отъезд за границу — если сравнивать с теперешним временем — происходил невероятно просто. Естественно, не было никаких паспортов, и не нужно было ничего заполнять. Вы покупали билеты, резервировали места в спаль-

¹ По — город во Франции в предгорьях Пиренеев

² Фут — мера длины, равная 30,48 см

ном вагоне, и все, можно было отправляться. Но Сборы! (Заглавная буква должна дать некоторое представление о том, что это обозначало.) Не знаю, из чего состоял багаж остальных членов семьи; я хорошо помню, что брала с собой мама. Начнем с трех огромных сундуков с выпуклыми крышками. Самый большой, высотой в четыре фута, был внутри двухэтажным. Далее шли шляпные коробки, гигантские квадратные кожаные чемоданы, три дорожных баула американского происхождения, которые в те времена часто можно было увидеть в коридорах отелей. Они тоже были огромные и, подозреваю, чрезвычайно тяжелые.

По меньшей мере за неделю до отъезда мамину спальню уже загромождали сундуки. Так как мы были недостаточно богаты для того, чтобы мама имела собственную горничную, она занималась приготовлениями к отъезду сама. Но прежде чем начать собираться, ей предстояло все разобратить. Шкафы стояли с распахнутыми дверцами, комоды с выдвинутыми ящиками; среди них сновала мама, «разбирая» и сортируя искусственные цветы, шляпные булавки и прочие мелочи. «Мои ленты», приговаривала мама, или: «мои драгоценности». На то, чтобы уложить все это в соответствующие отделения, уходила уйма времени.

Теперь мы называем драгоценностями несколько «настоящих» (две-три) и массу побрякушек. В те времена подделки считались свидетельством дурного вкуса, разве что это была редкая старинная брошка. Настоящие драгоценности мамы — это «моя бриллиантовая пряжка, мой бриллиантовый полумесяц и мое бриллиантовое обручальное кольцо». Остальные украшения тоже были «настоящие», но сравнительно недорогие. Тем не менее они возбуждали в нас напряженный интерес. Там было «мое индийское ожерелье, мой флорентийский гарнитур, мое венецианское кольцо, моя камея¹» и т. д., не говоря о шести брошках, которые в особенности привлекали наше с Мэдж внимание. рыбки — пять маленьких бриллиантовых рыбок, омела² — маленькая брошь с бриллиантами и жемчужинками, пармская фиалка — эмалевая брошь в форме фиалки, «мой шиповник», тоже в форме цветка — лепески из ро-

¹ Камея — резной камень, обычно оникс, украшенный выпуклым изображением

² Омела — вечнозеленый кустарник с овальными кожистыми листьями и желтыми цветами

зовой эмали, окруженные бриллиантовыми листиками, и, наконец, самая любимая брошь — «ослик», жемчужина неправильной формы, оправленная в бриллианты — в виде ослиной головки. Каждая была уже предназначена в будущем кому-то из нас, согласно маминому завещанию. Мэдж должна была получить пармскую фиалку (ее любимый цветок), бриллиантовый полумесяц и ослика. Мне же достанутся шиповник, бриллиантовая пряжка и омела. Эти посмертные дары совершенно спокойно обсуждались в нашей семье и не вызывали никаких печальных ассоциаций со смертью — лишь горячую признательность.

Эшфилд буквально ломился от написанных маслом картин, купленных папой. В те дни было модным сплошь увешивать картинами стены. Одна была выделена мне: огромное полотно, изображающее море и молодую жеманную красотку, поймавшую в сети мальчика. Я воспринимала ее как высшее воплощение красоты. Позже, когда мне пришлось сортировать картины для продажи, я с грустью понял, насколько жалкими были мои представления о прекрасном. Даже на память нечего было оставить. Вынуждена констатировать, что у папы всегда был очень плохой вкус в живописи.

Зато мебель, которую он покупал, — это просто чудо. Папа был одержим любовью к старине, и шератоновские¹ столы, и стулья в стиле чиппендейл², которые он покупал по дешевке, радовали душу и тело. Со временем они так возросли в цене, что после папиной смерти маме удавалось бороться с угрозой нищеты, распродавая нашу обстановку.

И папа, и мама, и Бабушка с неистовым азартом коллекционировали фарфор. Когда Бабушка переехала жить к нам, она привезла с собой свой дрезденский и итальянский фарфор Капо ди Монте³. Наши буфеты и так ломались от посуды, поэтому пришлось заказать новый, чтобы

¹ Шератон — стиль мебели XVIII века, отличавшийся неоклассической простотой форм и тонкой резьбой (по имени краснодеревщика Томаса Шератона, 1751—1806).

² Чиппендейл — стиль мебели XVIII века, характеризующийся обилием декоративных деталей и тонкой резьбы (по имени краснодеревщика Томаса Чиппендейла, 1718—1779).

³ Капо ди Монте (Каподимонте) — Национальный музей и галереи в Неаполе, основанные в 1738 году и обладающие богатой коллекцией произведений итальянской живописи и прикладного искусства.

разместить в нем бабушкины сервизы. Семья, без всяких сомнений, состояла из коллекционеров, и я в этом смысле не исключение. Досадно только, что, если вы унаследовали коллекцию фарфора или мебели, это лишает вас радости «первооткрывателя». Как бы то ни было, тяга к коллекционированию неодолима, и я собрала внушительный ассортимент вполне красивой мебели из папье-маше и безделушки, которых не было в коллекциях моих родителей.

В день отъезда я так разволновалась, что едва не заболела, при этом не проронила ни слова, как будто набрала в рот воды. Когда происходит что-то действительно захватывающее, я обычно теряю дар речи. Первое, что я отчетливо вспоминаю об этой поездке за границу, — это как мы вступаем на борт корабля в Фолкстоуне¹. Мама и Мэджд отнеслись к переправе через Ла-Манш как к серьезному испытанию. Ни та, ни другая не переносили морских путешествий. Они немедленно удалились в дамский салон, легли и закрыли глаза, лелея надежду достичь Франции, избежав самого страшного. Я же, несмотря на достаточно печальный опыт со шлюпкой Монти, была убеждена в том, что мне не страшны никакие качки. Папа подбадривал меня, укрепляя в этой вере, и я осталась с ним на палубе. Плавание прошло наилучшим образом, видимо, море было очень спокойным, но я была страшно горда, что оказала качке достойное сопротивление. Мы прибыли в Булонь², и так приятно было услышать, как папа сказал:

— Агата — настоящий моряк.

Следующее волнующее событие — это ночь, проведенная в поезде. Мы с мамой ехали в купе вдвоем, и я забралась на верхнюю полку. Мама всегда питала страсть к свежему воздуху, и поэтому жара в спальном вагоне была для нее истинной пыткой. Помнится, ночью я проснулась и увидела, как мама, опустив вагонное стекло, жадно вдыхает ночной воздух.

Ранним утром мы приехали в По, где нас уже ждал омнибус отеля «Босежур»; наш восемнадцатиместный багаж следовал отдельно. И вот мы в отеле. Там имелась большая терраса, выходившая на Пиренеи.

¹ Фолкстоун — город и порт на юго-востоке Англии в графстве Кент у пролива Па-де-Кале.

² Булонь — город и порт на западе Франции у пролива Па-де-Кале.

— Вот! — сказал папа. — Видишь? Это Пиренеи. Со снежными вершинами.

Я посмотрела... Это было одно из самых тяжелых разочарований в моей жизни, этого чувства я никогда не забуду. Где же громады, взмывающие вверх, вверх, вверх, до самого неба? Такая высь, что не поймешь, насколько она велика... Вместо этого я увидела на горизонте нечто похожее на острые зубы, поднимающиеся на один или два дюйма¹ над уровнем земли. Значит, это и есть горы? Я ничего не сказала, но до сих пор ощущаю это чудовищное разочарование.

Глава 2

Нам предстояло провести в По около шести месяцев. У меня началась совершенно новая жизнь. Папа, мама и Мэдж немедленно погрузились в лихорадочную деятельность. У папы оказалось немало американских друзей в этих местах. К тому же он завел многочисленные знакомства в отеле, и мы привезли с собой рекомендательные письма в разные другие отели и pensions².

Чтобы присматривать за мной, мама пригласила подходящую гувернантку — девушка была англичанкой, но всю жизнь прожила в По и говорила по-французски так же хорошо, как по-английски, если не лучше. Планировалось, что с ее помощью я выучу французский. Но из этого ничего не вышло. Мисс Маркхем приходила за мной каждое утро, вела меня на прогулку и всячески привлекала мое внимание к вывескам, которые встречались по дороге.

Я послушно повторяла все эти слова, но когда мне нужно было что-нибудь спросить, я задавала вопрос на английском языке, и мисс Маркхем отвечала мне тоже по-английски. Насколько я помню, эти долгие прогулки тяготили меня: бесконечное хождение в обществе мисс Маркхем, милой, ласковой, добросовестной, но очень скучной.

Мама очень скоро заявила, что с мисс Маркхем толку не получится и мне нужно регулярно заниматься с французенкой, которая будет приходить каждый день. Новое приобретение называлось мадемуазель Моура. Это была высокая, крепкая особа, увешанная множеством коричневых пелеринок.

¹ Дюйм — мера длины, равная 2,54 см.

² Пансионаты (*фр.*).

В те времена в комнатах было чересчур много мебели и разных безделушек. Так уж полагалось. Мадемуазель Моура отличалась неуклюжестью. Она неловко передвигалась по комнате, дергала плечами, резко жестикулировала и то и дело задевала какую-нибудь вазочку, которая падала и разбивалась. Шуткам и веселью по этому поводу не было конца. Папа говорит:

— Она напоминает мне птичку, которая у тебя была, Агата, Дафну. Большая, неловкая — помнишь? — она всегда опрокидывала свою кормушку.

Мадемуазель Моура, невероятно словоохотливая, изливала на меня стремительный поток своих чувств, чем очень меня смущала. Мне становилось все более тягостно отвечать на ее бесконечные взвизгивания: *Oh, la chère mignonne! Quelle est gentille cette petite! Oh, la chère mignonne! Nous allons prendre des leçons tres amusantes, n'estce pas?*¹

В ответ я молча и холодно смотрела на нее. Потом, под требовательным взглядом мамы, с трудом выдавливала: «Merci», чем и ограничивался мой французский язык на то время.

Уроки тем не менее протекали в приятной атмосфере. Как всегда, я отличалась одновременно прилежностью и тупостью. Мама, любившая быстрые результаты, была не удовлетворена моими успехами.

— Она совершенно не продвигается так, как могла бы, Фред, — жаловалась мама папе.

Папа, неизменно доброжелательный, отвечал:

— О, Клара, дай ей время, дай ей время. Эта женщина здесь всего десять дней.

Но терпение не принадлежало к числу маминых добродетелей. Кульминация наступила, когда я заболела какой-то легкой детской болезнью, сперва, видимо, подхватив местный грипп. У меня поднялась температура, я была в плохом настроении; и даже потом, уже идя на поправку — у меня оставался лишь легкий жар, — я совершенно не могла выносить мадемуазель Моура.

— Пожалуйста, — просила я, — пожалуйста, не надо сегодня урока, я не хочу.

Когда на то были серьезные причины, мама всегда шла на уступки. Она согласилась. В обычный час явилась мадемуазель Моура, во всех своих пелеринах и с прочими атри-

¹ О, дорогая малышка! Как же она мила, эта крошка! О, дорогая малышка! Сейчас мы начнем наши веселые уроки, не так ли? (*фр.*)

бугами. Мама объяснила, что у меня еще держится жар, я не выхожу из дому, и было бы лучше отменить урок. В тот же миг мадемуазель бросилась ко мне, заколыхалась надо мной, дергая локтями; пелерины развевались, она дышала мне в шею:

— О, бедная моя крошка! Бедная крошка!

Она предложила мне почитать, рассказать что-нибудь интересное — надо же развлечь «это бедное дитя».

Я бросила на маму отчаянный взгляд. Ни минуты больше я не могла этого вынести. Мадемуазель Моура кудахта-ла всю — голос ее звучал уже на самых высоких нотах. «Уведите ее, — молила я взглядом, — ради всего святого, уведите ее!» Не допуская никаких возражений, мама, взяв мадемуазель Моура под руку, увлекла ее к двери.

— Думаю, будет лучше, если Агата отдохнет сегодня.

Проводив француженку, мама вернулась и погрозила мне пальцем:

— Я все понимаю, но совершенно незачем было строить такие ужасные гримасы.

— Какие гримасы?

— Да ты все время обезьяничала, глядя на меня. Мадемуазель Моура прекрасно поняла, что тебе хотелось, чтобы она ушла.

Я расстроилась. Мне совсем не хотелось прослыть невежливой.

— Но, мамочка, — возразила я, — я же строила гримасы не по-французски, а по-английски!

Мама рассмеялась и начала объяснять, что когда корчишь рожицы, то говоришь на некоем едином международном языке, и понять его может кто угодно. Тем не менее отцу она сообщила, что я не очень-то преуспела в своих занятиях с мадемуазель Моура и она начинает подыскивать ей замену. Папа согласился, что это избавит нас в будущем от многих неприятностей. «На месте Агаты, — добавил он, — я бы не смог вынести эту женщину».

Избавившись от забот мисс Маркхем и мадемуазель Моура, я начала развлекаться сама. В нашем отеле жила миссис Селвин, вдова или, может быть, невестка епископа Селвина, с двумя дочерьми, Дороти и Мэри. Дороти (Дар) была на год старше меня, а Мэри на год младше. Вскоре мы стали неразлучны.

Предоставленная себе, я всегда вела себя хорошо и слушалась взрослых, но, оказываясь в компании детей, с удовольствием принимала участие в любых шалостях. Осо-

бенно наша троица досаждала несчастным официантам во время table d'hôte¹. Однажды мы заменили соль на сахар во всех солонках. В другой раз вырезали из кожуры апельсинов поросят и положили всем в тарелки как раз перед тем, как позвонили к табльдоту.

Никогда в жизни не встречала таких добрых людей, как французские официанты. В особенности наш Виктор, квадратный маленький человечек с длинным подергивающимся носом. От него исходил чудовищный запах (мое первое знакомство с чесноком). Несмотря на все наши проказы, он нисколько не сердился и все прощал. И даже вырезал нам из редиски восхитительных мышек. И если нам ни разу не влетело как следует за все наши проделки, то только благодаря Виктору, который никогда не жаловался на нас ни хозяевам, ни родителям.

Дружба с Дар и Мэри значила для меня гораздо больше, чем прежние отношения со сверстниками. Наверное, я как раз достигла того возраста, когда играть вместе стало несравненно интереснее, чем одной. Мы с наслаждением проказничали всю зиму.

Конечно, наши фокусы не всегда оставались безнаказанными, но только один раз мы испытали праведный гнев по поводу последовавшего наказания.

Как-то мама и миссис Селвин сидели вместе и весело болтали, и вдруг горничная принесла им записку.

С почтением от бельгийской леди, которая живет в другом крыле отеля. Известно ли миссис Селвин и миссис Миллер, что их дети ходят по карнизу на четвертом этаже?

Вообразите себе чувства двух матерей, которые, поспешив во двор, посмотрели наверх и увидели три фигурки, балансирующие на карнизе не больше фута в ширину. Нам и в голову не приходило, что мы рискуем жизнью. Дело в том, что мы немножко перестарались, поддразнивая одну из горничных, и ей удалось заманить нас в кладовую, захлопнуть дверь и торжествующе повернуть ключ в замке. Мы страшно возмутились. Что мы могли предпринять? В чулане было крошечное окошко, и, просунув в него голову, Дар сообщила, что если удастся вылезти через него, то по карнизу можно дойти до угла, повернуть и

¹ Обед по общему меню, общий стол (фр.).

добраться до какого-нибудь открытого окна. Сказано — сделано. Дар пролезла первой, за ней — я, за мной — Мэри. К нашему общему удовольствию, оказалось, что ходить по карнизу очень легко. Смотрели ли мы вниз с высоты четвертого этажа, я не помню, но даже если и посмотрели бы, полагаю, у нас бы не закружилась голова и мы не подумали бы, что можем упасть. Меня всегда поражало, с какой непринужденностью дети могут стоять на самом краю пропасти и не испытывать при этом ни малейшего головокружения.

Нам не пришлось идти слишком долго. Первые три окна, насколько я помню, были закрыты, но следующее, ванной комнаты, оказалось открытым, и мы влезли в него. К нашему удивлению, нам было велено немедленно явиться в гостиную миссис Селвин. Обе мамы были вне себя. Мы не понимали почему. Нас отправили в постель на весь оставшийся день. Никакие доводы в защиту не принимались во внимание; нас даже не захотели выслушать. И напрасно.

— Но вы никогда не говорили нам, — наперебой пытались сказать мы, — вы никогда не говорили нам, что нельзя ходить по карнизу...

А мама по-прежнему была озабочена проблемой моего образования. Они с сестрой шили платья у городской портнихи, довольно строптивой дамы, и однажды во время приемы мама обратила внимание на ее помощницу, молодую женщину, обязанности которой состояли в том, чтобы помогать клиентам надевать платье и подавать булавки. Мама заметила терпеливую и приветливую помощницу и решила присмотреться к ней. После следующих двух примерок они разговорились. Помощницу звали Мари Сижэ, ей было двадцать два года. Отец Мари держал маленькое кафе, у нее были старшая сестра, тоже портниха, два брата и младшая сестра. Мама как бы вскользь спросила, не хочет ли она поехать в Англию. У Мари даже перехватило дыхание — так она обрадовалась неожиданному предложению.

— Конечно, я должна прежде поговорить об этом с вашей матерью, — заметила мама. — Возможно, ей не захочется отпускать вас так далеко.

Договорились о встрече, мама навестила мадам Сижэ, и они подробно все обсудили. Только после этого мама обратилась к папе.

— Но, Клара, — запротестовал папа, — ведь эта девушка вовсе не гувернантка, ничего общего с гувернанткой.

Мама ответила, что, по ее мнению, Мари — как раз то, что мне нужно.

— Она совершенно не знает английского языка, ни полслова. Агата будет вынуждена выучить французский. У девушки чудесный характер, она веселая. Из приличной семьи. Ей хочется поехать в Англию, и она может обшить всю семью.

— Ты уверена, Клара?

Мама всегда была уверена.

— Как раз то, что нужно, — повторила она.

Как это часто бывало, очередная мамина сумасбродная идея оказалась очень удачной.

Закрывая глаза, я вижу перед собой милую Мари. Круглое розовое личико, маленький вздернутый носик и темные волосы, собранные в пучок. Отчаянно робея (как она рассказывала мне потом), Мари вошла утром в мою спальню, вызубрив перед этим английскую фразу, которой должна была приветствовать меня:

— Доброе утро, мисс. Надеюсь, у вас все хорошо.

К сожалению, Мари говорила с таким акцентом, что я ничего не поняла и только с опаской посмотрела на нее. В первые дни мы вели себя как две собаки, которые только что познакомились. Мы почти ничего не говорили и присматривались друг к другу. Мари попыталась причесать меня — мои длинные льняные локоны, — но так боялась случайно дернуть и причинить мне боль, что едва дотрагивалась до волос щеткой. Я хотела объяснить ей, что она может расчесывать волосы смелее, но, разумеется, это было невозможно, так как я не могла подобрать нужных слов.

Как получилось, что меньше чем через неделю мы с Мари уже могли разговаривать друг с другом, я не знаю. При этом мы объяснялись по-французски. Одно слово, за ним другое, подхваченное на лету, и я начала понемногу понимать французскую речь. А еще через пару дней мы были уже настоящими друзьями. С ней было весело гулять, с ней всегда было интересно что-то делать. Так сложился наш счастливый союз.

В июне в По наступила сильная жара, и мы поехали на неделю в Аржель, на другую — в Лурд, а потом — в Котре, чудное место у самого подножия Пиренеев. (Здесь я отчасти преодолела свое разочарование горами. Впрочем, хотя из Котре они смотрелись гораздо лучше, увы, и здесь, на

мой взгляд, они были все-таки недостаточно высокие). Каждое утро мы долго брели по горной дороге, которая приводила нас к минеральному источнику, где мы выпивали по стакану воды отвратительного вкуса. Укрепив таким образом здоровье, мы покупали леденцы. Мама предпочитала анисовые, которые я терпеть не могла. На извилистых дорожках близ отеля я вскоре открыла для себя новый восхитительный спорт. Усевшись прямо на землю, я лихо съезжала вниз. Мари пыталась меня журить, но — каюсь! — Мари никогда не пользовалась у меня авторитетом. Мы были друзьями, товарищами по играм, однако мне и в голову не приходило слушаться ее.

Авторитет — странная штука. Мама обладала им в полной мере. Она редко сердилась и никогда не повышала голос, но стоило ей мягко о чем-то попросить, как ее просьба немедленно выполнялась. Мама очень удивлялась, что не у всех есть эта способность.

Когда я в первый раз вышла замуж и у меня уже был ребенок, мама приехала пожить со мной; я как-то пожаловалась ей, что мне очень досаждают соседские ребята, которые постоянно лазают через забор. И сколько я ни просила их не делать этого, они будто меня не слышат.

— Как странно, — сказала мама, — почему же ты просто не скажешь им, чтобы они шли прочь?

— Что ж, попробуй, — предложила я. Как раз в этот момент появилось двое мальчишек, готовых прокричать свое обычное: «Эй! А мы не уйдем» — и начать кидать камешки на газон. Один уже начал карабкаться на дерево. Мама обернулась.

— Роналд, — сказала она. — Тебя ведь, кажется, так зовут?

Роналд кивнул.

— Пожалуйста, не играй так близко от нас. Я не люблю, когда меня беспокоят. Пожалуйста, отойди немного подальше.

Роналд посмотрел на нее, свистнул своему брату, и они тотчас исчезли.

— Видишь, дорогая, — сказала мама, — это же очень просто.

Действительно, для нее это было просто. Я совершенно уверена, что мама без всяких затруднений справилась бы с целой колонией малолетних преступников.

В отеле в Котре жила тогда девочка гораздо старше меня, Сибил Паттерсон; ее мама дружила с семьей Селвин. Сибил была предметом моего обожания. Я находила ее красавицей, но больше всего меня восхищала расцветающая в ней женская прелесть. В те времена пышные формы были в большой моде, особенно бюст — предмет особых забот. У Бабушки Б. и Тетушки-Бабушки возникали серьезные трудности при попытке обменяться сестринским поцелуем, поскольку прежде сталкивались их выступающие вперед, как буфетные полки, огромные бюсты. Я считала бюст привилегией взрослых, и поэтому появление у Сибил намеков на развивающуюся грудь вызвало во мне ревнивую зависть. Сибил было четырнадцать лет. Сколько же мне еще надо ждать, пока я не начну тоже так восхитительно изменяться? Восемь лет? Восемь лет быть плоской, как доска? Я торопилась, мне хотелось скорее обзавестись этими свидетельствами женской природы. Увы, единственным выходом было терпение. Мне оставалось только терпеть. И через восемь лет, или, может быть, через семь, если повезет, две округлости чудесным образом скрасят мой тощий силуэт. Я могу только ждать.

Семья Селвин жила в Котре не так долго, как мы. После их отъезда я выбрала себе двух других подружек: маленькую американку, Маргерит Престли, и другую — англичанку Маргарет Хоум. Мои родители дружили с родителями Маргарет Хоум и, конечно, надеялись, что и мы с Маргарет станем друзьями и будем проводить время вместе. Как всегда бывает в таких случаях, я отдала предпочтение Маргерит Престли, сыпавшей необыкновенными фразами и удивительными словами, которых я до сей поры в жизни никогда не слышала. Мы рассказывали друг другу истории, и в одной из историй Маргерит речь шла об опасности, грозящей при встрече со «скаррапином», что совершенно завораживало меня.

— Но что такое скаррапин? — спрашивала я.

У Маргерит была няня по имени Фанни, говорившая на протяжном южном диалекте, — как правило, я ничего не понимала из ее речи. Фанни тщетно пыталась описать это страшное создание. Я обратилась с вопросом к Мари, но она понятия не имела о скаррапинах. Наконец я взялась за папу. Он тоже сначала несколько затруднялся с ответом, но, подумав еще раз, сказал:

— Полагаю, что ты имеешь в виду скорпиона.

Почему-то волшебство сразу улетучилось. Скорпион вовсе не казался таким страшным, как воображаемый скаррапин.

Мы с Маргерит горячо спорили и по поводу того, как проявятся на свет дети. Я уверяла Маргерит, что детей приносят ангелы. Сведения были получены от Няни. Маргерит была твердо убеждена, что детей находили среди медицинских инструментов, и доктора приносили их в своих черных сумках. Когда наш ожесточенный спор достиг уже опасной стадии, Фанни внесла ясность.

— Нет ничего проще, дорогие мои, — сказала она. — Американских детей приносит доктор в черной сумке, а английских — ангелы. И все дела.

Ссора тотчас прекратилась — мы были удовлетворены объяснением.

Папа и Мэдж часто совершали верховые прогулки и однажды в ответ на мои настойчивые мольбы пообещали на следующее утро взять меня с собой. Я несказанно обрадовалась. Мама попыталась возражать, но папа успокоил ее.

— С нами едет опытный гид, — сказал он, — часто сопровождающий детей и умеющий следить за тем, чтобы они не упали.

Утром подали трех лошадей, и мы тронулись в путь. Мы ехали по извилистой дороге над пропастью, и я была вне себя от восторга, сидя верхом на огромном, как мне казалось, коне. Мы поднимались к вершине вслед за гидом, и время от времени он собирал небольшие букетики цветов, протягивал их мне, а я засовывала их за ленту шляпы. До поры все шло как нельзя лучше, но когда мы добрались до вершины и стали готовиться к ленчу, гид превзошел самого себя: он исчез на некоторое время, а потом вернулся бегом, держа великолепную бабочку, которую ему удалось поймать. «Для маленькой мадемуазель», — воскликнул он. Вытащив из лацкана булавку, он проткнул бабочку и прикрепил ее к моей шляпе! О, ужас этого мгновения! Сознание, что несчастная бабочка отчаянно машет крылышками, пытаясь избавиться от булавки. Агония, которая выражается в этих взмахах. Конечно же я ничего не могла сказать. Во мне боролись противоречивые чувства. Ведь со стороны гида это было проявлением любезности. Он принес мне бабочку. Он преподнес ее мне как особый дар. Разве я могла оскорбить его чувства, сказав, что та-

кой дар мне не нравится? И вместе с тем как же мне хотелось избавиться от него! А бабочка тем временем трепетала, умирая, я слышала, как бьются о мою шляпу ее крылья. В таких обстоятельствах у ребенка есть только один выход. Я заплакала.

— В чем дело? — спросил папа. — У тебя болит что-нибудь?

— Наверное, она боится ездить верхом, — предположила сестра.

— Ничего подобного, — сказала я. — Я несколько не боюсь, и у меня ничего не болит.

— Устала, — предположил папа.

— Нет.

— Что же тогда с тобой?

Но я не могла ответить. Конечно же не могла. Гид стоял рядом, не сводя с меня внимательного и озабоченного взгляда. Тогда папа сказал довольно сердито:

— Она еще слишком мала. Нечего было брать ее с собой.

Я зарыдала с удвоенной силой. Я испортила день им обоим, и папе и сестре, но не могла остановиться. Единственное, чего я желала и на что надеялась, это чтобы папа или сестра догадались, в чем дело. Неужели они не видели эту бабочку? Конечно видели и могли бы сказать: «Может быть, ей не нравится бабочка на шляпе?» Если бы только они сказали это, все бы уладилось. Но я не могла ничего объяснить им. Ужасный день! Я отказалась есть, сидела и плакала, а бабочка хлопала крыльями. В конце концов она перестала шевелиться. Тут бы мне почувствовать облегчение. Но к этому времени я пришла уже в такое истерическое состояние, что никак не могла успокоиться.

Мы поехали обратно, сердитый папа, сестра в плохом настроении, гид — по-прежнему любезный, доброжелательный и озадаченный. К счастью, ему не пришлось в голову во второй раз облагодетельствовать меня бабочкой. Мы вернулись в расстроенных чувствах и нашли маму в гостиной.

— О боже, — сказала она, — что случилось? Агата ушиблась?

— Не знаю, — сердито ответил папа. — Понятия не имею, что с ней. Наверное, болит что-нибудь. Она непрерывно плачет с самого ленча и ничего не стала есть.

— В чем дело, Агата? — спросила мама.

Я не ответила. Я только безмолвно смотрела на нее, и слезы продолжали катиться у меня из глаз. Мама задумчиво разглядывала меня несколько минут, а потом спросила:

— Кто посадил ей на шляпу эту бабочку?

Мэдж ответила, что это сделал гид.

— Понятно, — сказала мама. — Ты из-за этого расстроилась, правда? — обратилась она ко мне. — Она была живая, и ты думала, что ей больно?

О, восхитительное чувство облегчения— наконец кто-то понял твои чувства и сказал тебе об этом, и ты теперь свободен от кабалы долгого молчания! Я бросилась к маме в объятия, обхватила ее за шею и закричала:

— Да, да, да! Она билась. Она билась. А он был такой милый и хотел сделать приятное. И я не могла сказать.

Мама ласково похлопала меня по спине. Все происшедшее как-то сразу потеряло свою драматичность.

— Я прекрасно понимаю, что ты чувствовала, — сказала мама. — Но теперь все уже позади, и не будем больше говорить об этом.

Примерно в это время я вдруг поняла, какой неотразимой привлекательностью обладает моя сестра. Она была совершенно прелестна, хорошенькая, пусть и не красавица в строгом смысле этого слова, и унаследовала от папы живой ум и умение очаровательно вести себя в обществе. А главное, в ней была чисто сексуальная притягательность. Молодые люди не могли устоять и падали перед ней как кегли. Мы с Мари постоянно, словно на бегах, «делали ставки», то бишь заключали пари и «ставили» на разных ее поклонников. Мы обсуждали их шансы.

— Может быть, мистер Палмер? Как ты думаешь, Мари?

— *C'est possible. Mais il est trop jeune*¹.

— Да нет же, — возражала я, — ему столько же, сколько Мэдж.

Но Мари уверяла меня в том, что он *beaucoup trop jeune*².

— По-моему, — говорит Мари, — скорее сэр Амброуз. Я с жаром протестую:

— Он на сто лет старше Мэдж, Мари.

¹ Возможно. Но он слишком молодой (*фр.*).

² Уж слишком молод (*фр.*).

— Может, и так, — соглашается Мари, — но разница в возрасте способствует устойчивости брака. Хорошо, когда муж старше жены. — Мари добавляет, что сэр Амброуз — прекрасная «партия», честь для любой семьи.

— Вчера, — говорю я, — она воткнула гвоздику в петлицу Бернару.

— Но Мари не признает Бернара, он не *garçon sé-rieux*¹, — утверждает она.

О семье Мари я знаю все досконально. Знаю, например, что их кот может бродить среди бокалов, не задвывая их, а потом свернуться клубочком и заснуть прямо на столе. Старшая сестра, Берта, очень серьезная девушка, а младшая, Анжель, — всеобщая любимица. Ее братья в результате своих проделок постоянно попадают в беду.

Мари поведала мне даже семейный секрет, заключавшийся в том, что когда-то раньше у них была фамилия Шиж, а не Сиже, как теперь. Хотя я совершенно не понимала — и не понимаю до сих пор, — в чем, собственно, разница, я горячо соглашалась с Мари и поздравляла ее с принадлежностью к столь знатному роду.

Иногда Мари читала мне французские книги, как это делала мама. Но наступил счастливый день, когда я взяла «Воспоминания осла»² и, листая страницы, вдруг поняла, что совершенно спокойно могу читать сама. Поздравления посыпались со всех сторон, но особенно радовалась мама. Наконец-то! После стольких мучений я знаю французский и могу читать! Попадались, конечно, трудные места, и тогда я просила помочь их разобрать, но в целом успех был налицо.

В конце августа мы отправились в Париж. Проведенные в Котре летние месяцы вспоминаются мне как едва ли не счастливейшие в жизни. В самом деле, чего еще мог желать ребенок моего возраста? У меня было все. Волнующая новизна. Деревья — я всегда их обожала. (Недаром одного из моих первых воображаемых друзей звали Древо.) Новая очаровательная подруга, моя дорогая курносая Мари. Прогулки верхом на осликах. Путешествия по крутым горным дорогам. Замечательно веселые и добрые родители. Моя американская подружка Маргерит. Экзотика

¹ Несерьезный молодой человек (*фр.*).

² «Воспоминания осла» — роман французской писательницы русского происхождения Софи де Сегюр (1799—1874).

заграничной жизни. «Нечто редкое и странное»¹. Как хорошо знает все Шекспир! Это не просто детали, панорамные в памяти одна на другую. Это — любимый мой Котре... городок, долина с маленькой железной дорогой, лесистые склоны и высокие холмы.

Я никогда больше туда не ездила. Хотя года два назад мы размышляли, не провести ли в Котре лето. Не задумываясь, я сказала: «Я бы хотела оказаться там снова». И это правда. Но потом поняла, что я не могу «оказаться там снова». Никто не может вернуться в заповедные места, живущие в памяти. Даже если предположить, что там ничего не изменилось, а это, конечно, невозможно, вы смотрите на все уже другими глазами. То, что было, уже было. «Путей, которыми ходил, мне больше не пройти»².

Никогда не возвращайтесь туда, где вы были счастливы. Пока вы не делаете этого, все остается живым в вашей памяти. Если вы оказываетесь там снова, все разрушается.

Существуют на свете и другие милые моему сердцу уголки, и я сопротивляюсь с искушением увидеть их снова. Например, гробница шейха Ади³ на севере Ирака. Мы были там во время моего первого посещения Мосула⁴. Тогда добраться до нее было нелегко; полагалось получить разрешение и остановиться на полицейском посту в Анн Сифни у подножия скал Джебл Маклуб.

Оттуда мы, в сопровождении полисмена, зашагали по извилистой горной дороге. Стояла весна, глаз ласкала свежая зелень, повсюду росли полевые цветы. Горная речка неслась по склону вниз. Изредка навстречу брели козы и дети. Так мы дошли до гробницы Изиды⁵. И на нас снизошел покой — я помню это: вымощенный каменными пли-

¹ Видоизмененная цитата из драмы Вильяма Шекспира «Перикл» (акт III, сцена 2).

² Строки из поэмы «Уэльские границы» английского филолога-классика и поэта Алфреда Хаусмана (1859—1936).

³ Имеется в виду гробница шейха Ади (ок.1074—1164), главного святого езидов в Северном Ираке и основателя езидизма, религии, которую исповедуют некоторые племенные группы курдов и которая представляет собой синтез древнеиранских, иудейских и других верований.

⁴ Мосул — город на северо-востоке Ирака на реке Тигр.

⁵ Изиды — древнеегипетская богиня плодородия, сестра и жена главного бога египтян Осириса.

тами внутренний дворик, черная змея, вырезанная на стене гробницы. Потом ступенька — нужно с осторожностью переступить через нее, а не ступить на нее, чтобы подняться на порог маленького темного святилища. Там мы сели во внутреннем дворике под ласково шелестящим деревом. Потом один из жрецов Изиды принес кофе, предварительно расстелив на столе грязную скатерть, явно с намерением показать, что им известны обычаи европейцев. Мы оставались там долго. Никто не докучал нам объяснениями. Смутно я знала, что эти жрецы были поклонниками дьявола и что Павлин-ангел — одно из воплощений Люцифера — их идол. Меня всегда удивляло, что почитатели Сатаны были самой мирной из всех религиозных сект в этой части света. На закате мы ушли, вкусив блаженства абсолютного покоя.

Думаю, что сейчас туда организован туристический маршрут. Фестиваль «Весна» конечно же привлекает туристов. Но я застала эти места в пору их невинности. И не забуду никогда.

Глава 3

Оставив Пиренеи, мы отправились в Париж, а оттуда — в Динард. Досадно, но все, что я помню о Париже, — это моя спальня в отеле, стены которой были окрашены в такой густой шоколадный цвет, что на их фоне было совершенно невозможно различить комаров.

Поистине полчища комаров. Они гудели и звенели всю ночь напролет. Наши лица и руки были совершенно искусапы. (Крайне унижительно для Мэдж, которая в этот период ревностно следила за цветом лица.) Мы пробыли в Париже всего неделю, и у меня осталось впечатление, что все это время мы только и делали, что сражались с комарами; мы обмазывали друг друга всевозможными пахучими мазями, ставили на ночные столики курящиеся палочки, расцарапывали укусы, капали на них горячим воском. В конце концов, после долгих препирательств с хозяином гостиницы (который категорически утверждал, что в гостинице нет ни одного комара), нам выдали москитную сетку, и это впечатление — спать под москитной сеткой! — конечно было одним из самых ярких! Стоял на редкость жаркий август, под москитной сеткой спать было еще душней.

Думаю, что мне показали некоторые парижские достопримечательности, но они не оставили в моей памяти

ни малейшего следа. Помню только, что меня взяли на Эйфелеву башню, но, как и горы в свое время, она совершенно не оправдала моих ожиданий. В самом деле, единственным воспоминанием от Парижа стало полученное мною новое прозвище: Moustique¹. Вполне заслуженное.

Нет-нет, неправда! Именно тогда я познакомилась с предтечами великой механической эры. По улицам Парижа во множестве сновали новые средства передвижения, именуемые «автомобилями». Они неслись с бешеной скоростью (по теперешним временам, наверное, очень медленно, но тогда ведь можно было сравнивать только с лошадью), тархтели, выставляя напоказ свои моторы и механизмы, издавали ужасный запах, а за рулем сидели мужчины в кепи и защитных очках. Ошеломляющее зрелище. Папа сказал, что скоро они будут везде. Мы не поверили ему. Я смотрела на это диво без всякого энтузиазма, поскольку мое сердце навеки было отдано поездкам.

Мама с досадой восклицала:

— Какая жалость, что Монти нет с нами! Ему бы они понравились.

Когда я вспоминаю этот период моей жизни, у меня возникает странное ощущение: будто мой брат тогда вообще не существовал. Вероятно, он приезжал домой из Хэрроу на каникулы, но я представляю его смутно. Вероятно, потому, что он не обращал на меня никакого внимания. Только гораздо позже я узнала, что он доставлял папе много волнений. Его исключили из Хэрроу, так как Монти оказался совершенно не в состоянии сдать экзамены. Кажется, он пошел сначала на судостроительные верфи в Дартмуте, потом переместился севернее, в Линкольншир², но вести и оттуда приходили неутешительные. Папа получил прямой совет: «Из Монти ничего не получится, поскольку у него нет никаких способностей к математике. Как только дело касается практики, все в порядке: у него золотые руки. Но он никогда не станет инженером».

В любой семье всегда есть постоянный объект беспокойства и хлопот. В нашей семье это был Монти. До после-

¹ Комар (*фр.*).

² Линкольншир — графство на востоке Великобритании.

днего дня своей жизни он заставлял окружающих нервничать. Я часто спрашиваю себя: существовала ли когда-нибудь такая ниша, куда бы Монти мог вписаться? Безусловно, родился Монти Людвигом II Баварским¹, он чувствовал бы себя отлично. Я представляю его себе сидящим в пустом театре и наслаждающимся оперой, которую дают специально для него. Очень одаренный в музыке, обладатель красивого баса, Монти по слуху играл на различных инструментах — от дешевых дудок до флейты. Однако никогда не учился, чтобы стать профессионалом, такая идея ему и в голову не приходила. Великолепно воспитанный, обаятельный, Монти постоянно был окружен людьми, жаждущими помочь ему выпутаться из любой затруднительной ситуации. Всегда находился альтруист, готовый одолжить ему денег или освободить от докучливых обязанностей. Когда Монти было шесть лет, они с сестрой получали карманные деньги, и события разворачивались неизменно по одному и тому же сценарию. Монти тратил все свои деньги в первый же день. А через день-другой проделывал такой фокус: вталкивал сестру в лавку, мимо которой они проходили, и тоном, не терпящим возражений, требовал у продавца свои любимые сладости за три пенни, после чего вызывающим взглядом смотрел на Мэдж. Она, естественно, всегда платила, чтобы не опозориться перед лавочником. Конечно она страшно злилась и отчаянно ругала его. Монти же только снисходительно улыбался и с невинным видом предлагал ей конфетку.

Он вел себя так всю жизнь. Казалось, будто существовал негласный сговор, чтобы угождать ему. Снова и снова сердобольные дамы твердили нам:

— Знаете, вы просто не понимаете своего брата. Он ведь нуждается только в сочувствии.

А мы-то как раз отлично его понимали. И, несмотря на все это, невозможно было не любить Монти. Он признавал свои грехи с обезоруживающей откровенностью и клялся, что больше ничего подобного не повторится.

Думаю, что в Хэрроу Монти был единственным, кому позволили держать у себя в комнате белых мышей. Его воспитатель, объясняясь с папой, сказал:

¹ Людвиг II Баварский (1845—1886) — король Баварии, прозванный «Безумным», известный своей эксцентричностью.

— Мальчик так увлечен естественными науками, что я просто не могу лишить его этой привилегии.

По мнению всей семьи, Монти несколько не был увлечен естественными науками. Он просто хотел, чтобы у него жили белые мыши.

Думаю, Монти — очень интересная личность. Из него мог бы получиться большой человек, если бы не его натура, но это уже зависит от генов.

Ему просто чего-то не хватало. Гармонии? Равновесия? Умения приспособливаться? Не знаю.

Выбор карьеры решился сам собой. Разразилась Англо-бурская война. Почти все юноши записались добровольцами, и Монти, конечно, в их числе. (Однажды Монти снизошел до того, чтобы поиграть с моими оловянными солдатиками; он выстроил их для предстоящего боя и окрестил офицера, командующего войском, капитаном Дэшвудом. Но потом, для разнообразия, он под мои рыдания отрубил Дэшвуду голову за измену родине.) В определенном смысле папа почувствовал облегчение — армия подошла вовремя, в особенности если принять во внимание фиаско инженерных проектов Монти.

Бурская война была, наверное, последней, которую можно отнести к «старым войнам», не наносящим ущерба ни стране, ни жизни. Все зачитывались героическими рассказами о храбрых юношах, доблестных солдатах. Они с честью погибали (если погибали) в славном сражении. Гораздо чаще они возвращались домой, с медалями за бранные подвиги и ассоциировались со сторожевыми постами Империи, стихами Киплинга и с розовыми кусочками Англии на карте мира. Сегодня кажется странным, что все — в особенности девушки — как одержимые раздавали юношам белые перья, а юноши только и мечтали о том, чтобы выполнить свой долг и умереть за родину.

Я плохо помню начало войны в Южной Африке. Она не рассматривалась как серьезная война — цель состояла в том, чтобы «проучить Крюгера»¹. «Война не протянется больше двух-трех недель», — повторяли все с обычным английским оптимизмом. В 1914 году мы слышали те же самые фразы:

¹ Крюгер Паулюс (1825—1904) — президент бурской республики Трансвааль в 1883—1900 годах, в Англо-бурскую войну один из руководителей сопротивления буров английским войскам.

«К Рождеству все будет окончено». И в 1940 году, когда Адмиралтейство¹ заняло наш дом под свои нужды: «Не стоит сворачивать ковры и пересыпать их нафталином, уж к концу-то зимы все кончится».

Так что в моей памяти остались скорее веселая атмосфера, мелодия песни «К концу зимы все кончится» и неунывающие молодые люди, приехавшие из Плимута домой в короткий отпуск.

Мне вспоминается один забавный эпизод накануне отправки в Южную Африку третьего батальона Королевского валлийского полка. Монти захватил с собой из Плимута², где они стояли в это время, своего друга Эрнеста Макинтоша, которого мы почему-то всегда называли Билли. Ему было суждено навсегда стать моим другом и братом, в гораздо большей степени, чем настоящий родной брат. Этот обаятельный весельчак уже тогда был немного влюблен в мою сестру, впрочем, это как бы само собой разумеется... Так вот, Монти и Билли только что надели форму и были чрезвычайно заинтригованы обмотками, которых до тех пор никогда не видели. Они обматывали их вокруг шеи, делали из них тюрбаны и вытворяли еще массу всяких глупостей. Я сфотографировала их в нашей оранжерее с обмотками вокруг шеи. Мое детское преклонение перед героями тотчас нашло себе достойный объект — Билли Макинтоша. Я поставила рядом с кроватью его фотографию в рамке, украшенной незабудками.

Из Парижа мы направились в Бретань, в Динард. Динард памятен мне тем, что я там научилась плавать. Помню ту неописуемую гордость и восторг, которые я испытала, обнаружив, что, отчаянно колошматя по воде руками, я плыву и меня никто не держит.

Еще я запомнила ежевику: никогда в жизни не видела столько и такой ежевики — крупной, зрелой, сочной. Мы с Мари обычно набирали целые корзины, не переставая одновременно уплетать ягоды за обе щеки. Причина невероятного изобилия состояла в том, что местные жители считали ежевику смертельно опасной.

— Они не едят ежевику, — с удивлением отметила Мари, — они говорят мне: «Это же отрава».

¹ Адмиралтейство — Военно-морское министерство Великобритании, вошедшее в 1964 году в состав Министерства обороны на правах самостоятельного ведомства.

² Плимут — город на юго-западе Великобритании.

Но мы с Мари с удовольствием продолжали «отравляться».

В Динарде я впервые познала сладость актерского успеха. У папы с мамой была большая спальня с громадным эркером — практически альковом, задернутым шторами. Естественная сцена для представлений. Вдохновенная пантомимой, которую видела в предыдущее Рождество, я уговорила Мари разыгрывать разные волшебные сказки. Я выбирала роль, которая мне нравилась, а Мари должна была изображать всех остальных.

Я так благодарна папе и маме за их неисчерпаемую доброту. В самом деле, что может быть скучнее, чем ежевечерне аплодировать после обеда мне и Мари, покуда мы в импровизированных костюмах минимум полчаса разыгрывали перед ними представления? Мы ставили «Спящую красавицу», «Золушку», «Красавицу и Чудовище» и тому подобное. Я обожала играть главные мужские роли. Чтобы достичь большего сходства со своими персонажами, я одалживала у Мэдж чулки, натягивала их на себя и расхаживала так по сцене, декламируя свой текст. Спектакль всегда шел на французском языке, поскольку Мари не знала по-английски ни одного слова. До чего же золотой характер был у этой девушки! Только один раз она забастовала, и то по совершенно непостижимой для меня причине. Ей предстояло играть Золушку, и я требовала, чтобы Мари распустила волосы. В самом деле, ведь невозможно представить себе Золушку с пучком! Но Мари, которая безропотно исполняла роль Чудовища, бабушки Красной Шапочки, — Мари, изображавшая добрых фей, злых фей, уродливых старух, участвовавшая в уличных сценах, весьма убедительно пользуясь просторечными словечками: «Et bien crache!»¹ (в этом месте папа корчился от смеха), — Мари со слезами на глазах решительно отказалась играть Золушку.

— Mais, pourquoi pas, Marie?² — спрашивала я. — Ведь это очень хорошая роль. Золушка — главная. Она — героиня пьесы!

Мари отвечала мне, что это совершенно невозможно, она не может играть эту роль. Распустить волосы, появиться с распущенными волосами перед мосье! Нет, это исключе-

¹ Ну же, давай раскалывайся! (фр)

² Но почему ты не хочешь, Мари? (фр)

но. Для Мари было просто немыслимо появиться перед мосье с непричесанной головой. Озадаченная, я сдалась. Мы соорудили ей нечто вроде кашонона, и вопрос был решен.

Вообще, существовало множество крайне нелепых запросов! Вспоминаю дочку моих друзей, очаровательную четырехлетнюю девчушку. Ей наняли гувернантку-француженку. Как обычно в таких случаях, все трепетали: «примет» девочка гувернантку или нет, но, ко всеобщему удовольствию, все устроилось наилучшим образом. Девочка пошла с ней гулять, болтала с ней, показала Мадлен свои игрушки. Казалось бы, все отлично. И только перед сном, когда наступил час купания, она категорически отказывалась от услуг Мадлен. Несколько обескураженная мама выкупала ее в первый день сама, считая, что малышке, может быть, не вполне уютно с новым человеком. Но и на второй, и на третий день последовал столь же решительный отказ. Мир, счастье и дружба царили до того момента, когда надо было купаться и ложиться спать. И только на четвертый день Джоан, уткнувшись с горькими рыданиями маме в шею, сказала:

— Ну как ты не понимаешь, мамочка? Неужели ты не понимаешь? Как же я могу показать тело иностранке?

Вот и наша чудачка Мари. Она щеголяла по сцене в брюках, во многих ролях довольно смело показывала ноги, но появиться перед мосье с распущенными волосами — нет, этого она не могла.

Наверное, наши первые представления были совершенно уморительными, папа, во всяком случае, получал от них огромное удовольствие. Но как же они должны были наскучить вскоре! И все-таки мои родители были чересчур добры, чтобы откровенно сказать мне, что не могут проводить все вечера в моем театре. Время от времени, ссылаясь на гостей, они отказывались подняться наверх, но обычно мужественно отправлялись на спектакль. И каким же счастьем, во всяком случае для меня, было играть перед ними!

Мы остались в Динарде на сентябрь — папе посчастливилось встретить старых друзей: Мартина Пири, его жену и двух сыновей, завершавших здесь свой отдых. Папу и Мартина Пири связывала закадычная дружба, начавшаяся еще в школе. Миссис Лилиан Пири я до сих пор считаю одной из самых ярких личностей среди своих знакомых. Подоб-

ную натуру прекрасно описала Сэквил-Уэст¹ в книге «Когда умирают страсти».

Глядя на нее, невольно испытываешь благоговейный трепет, была в ней чуть заметная надменность. У нее был красивый мелодичный голос, тонкие черты лица и ярко-синие глаза. Все движения отличались необычайной грацией. Мне кажется, что впервые я увидела ее именно в Динарде, и с тех пор мы встречались достаточно часто, вплоть до самой ее кончины в возрасте восьмидесяти лет. И все это долгое время мое восхищение и уважение к ней только росли.

Она действительно была очень интересным человеком с оригинальным мышлением, таких людей очень мало. Внутреннее убранство ее дома (а их было несколько) поражало своеобычностью. Она изумительно вышивала, на свете не существовало книги или пьесы, которую она не читала бы или не видела, и у нее всегда было свое мнение. Думаю, в наши дни эта женщина могла бы сделать блестящую карьеру, но, боюсь, в этом случае она не сумела бы в полной мере явить обществу все свои таланты.

В ее доме паслось множество молодых людей, жаждавших с ней поболтать. Провести с ней несколько часов, даже когда ей уже перевалило за семьдесят, было все равно что надышаться кислородом. Она как никто другой из моих знакомых умела наслаждаться досугом. Обыкновенно она сидела на стуле с высокой спинкой в своей великолепной комнате, занятая рукоделием по собственным образцам, а рядом лежала какая-нибудь интересная книга. У нее был такой вид, будто она готова разговаривать с вами сутки напролет. Критические замечания миссис Пири отличались едкостью и ясностью. Хотя она могла рассуждать обо всем на свете, имена упоминались крайне редко. Но больше всего меня привлекала певучая красота ее голоса. Большая редкость! Неприятный голос отталкивает меня сильнее, чем уродливая внешность.

Папа был счастлив снова увидеть своего друга Мартина. У мамы и миссис Пири оказалось много общего, и, если мне не изменяет память, они, едва познакомившись, тотчас затеяли горячую дискуссию о японском искусстве. Один из сыновей Пири, Хэролд, учился в Итоне², а дру-

¹ Сэквил-Уэст Виктория (1834—1929) — английская поэтесса и романистка.

² Итон — одна из старейших привилегированных мужских средних школ Великобритании, расположенная в городе Итон недалеко от Лондона

гой, Уилфред, кажется, в Дартмуте, поскольку собирался стать морским офицером. Позже Уилфред стал одним из самых близких моих друзей, но в Динарде я знала о нем только то, что при виде банана он всякий раз раздражался громким смехом. Это и заставило меня обратиться на него внимание. Естественно, ни тот, ни другой не брали меня в расчет. Разве мог питомец Итона или кадет уделять внимание семилетней девчонке!

Из Динарда мы двинулись в Гернси¹, где и провели большую часть зимы. На день рождения меня ждал сюрприз: три яркие экзотические птички. Я назвала их Кики, Туту и Бебе. Вскоре после нашего приезда в Гернси Кики, самая хрупкая, умерла. Поскольку она жила у нас не так уж долго, ее смерть не стала для меня страшным горем. Моей любимицей была очаровательная крошечная Бебе. В некотором смысле я получила удовольствие от роскошных похорон, устроенных Кики. Ее торжественно положили в картонную коробку, перевязанную атласной лентой, которую дала мама, после чего мы отправились в окрестности Сент-Петер-Порт; коробку бережно опустили в землю и положили на могилку птички огромный букет цветов.

Похоронная церемония немного утешила меня, тем не менее я потом часто просила: «Пойдемте на могилку Кики». Посещение могилки Кики стало своего рода ритуалом, причем очень приятным.

В Сент-Петер-Порт дивный цветочный рынок — масса разных изумительных цветов, и очень дешевых. Если послушать Мари, то именно в самый холодный и ветреный день на вопрос: «Куда мы сегодня пойдем гулять, мисс?», я бодро отвечала: «Навестить могилку Кики».

Мари тяжело вздыхала. Две мили на жгучем ледяном ветру! Но я была непреклонна. Я тащила ее на рынок, мы покупали восхитительные камелии или еще какие-нибудь цветы и потом шли две мили под бешеными порывами ветра, часто вместе с дождем, чтобы возложить эти цветы на могилку Кики. Думаю, пристрастие к похоронам и похоронным ритуалам у людей в крови. В самом деле, что бы делала сейчас археология, если бы не это свойство человеческой природы? Что бы ей осталось? Если я отправлялась на прогулку не с Няней, а с кем-нибудь из слуг, мы неизменно шли на кладбище.

¹ Гернси — принадлежащий Великобритании остров в составе Нормандских островов в проливе Ла-Манш

Какие трогательные сцены можно наблюдать на парижском кладбище Пер-Лашез, когда целые семьи собираются вместе, чтобы почтить и украсить могилы в День Всех Святых! Поминовение усопших — святой обычай. Может, это инстинкт действует? Погружаясь в церемониал погребения, как бы облегчаешь себе страдание и почти забываешь дорогих усопших. В какой бы бедности ни жила семья, первое, на что копят деньги, — это похороны. Одна добрая старушка, работавшая у меня, однажды сказала:

— Да, дитя мое, я знавала тяжелые времена. В самом деле тяжелые. Но случись мне оказаться нищей, я все равно бы не тронула деньги, которые отложила на свои похороны, и никогда не трону их, даже если мне придется голодать!

Глава 4

Иногда мне кажется, что в своей прошлой жизни (если все эти реинкорнации не полная чушь) я была собакой, с типичными собачьими повадками. Стоило затеять какое-нибудь мероприятие, как я тотчас увязывалась вслед и принимала во всем участие. Возвращаясь домой после долгого отсутствия, я тоже вела себя совершенно на собачий манер. Собака всегда прежде всего обегает весь дом с целью разведки: понюхает здесь, понюхает там, — что новенького появилось в доме за время ее отсутствия и обязательно навестит все свои «заповедные уголки». Я действовала точно так же. Я обошла весь дом, потом побежала в сад и навестила свои заповедные места: чан, Дерево, мой маленький секретный наблюдательный пункт, скрытый в стене. Отыскала обруч и проверила его состояние — я потратила около часа, чтобы удостовериться в том, что все осталось на своих местах, все, как было раньше.

Самая большая перемена произошла с моим Тони. Когда мы уезжали, он был худеньким и изящным, как и положено йоркширскому терьеру. Но благодаря нежным заботам Фрауди и бесконечным трапезам, он раздулся как мяч. Фрауди превратилась в полную рабыню Тони, и, когда мы с мамой и папой пришли за ним, она прочитала нам длинную лекцию о том, как именно ему нравится спать, чем его нужно накрывать, что он любит есть и в котором часу привык гулять. Паузы в своей речи она за-

полняла восклицаниями, обращенными к Тони: «мамочкина любовь», «мамочкин красавец». Тони весьма благосклонно реагировал на эти реплики, впрочем, принимая их как должное.

— И он не съест ни кусочка, — гордо сказала Фрауди, — если вы не будете кормить его с руки. О нет! Никогда! Я давала ему сама каждую крошечку. Только так.

По маминому лицу я поняла, что дома с Тони никто так носиться не будет. Мы увезли его с собой в кебе, который наняли по этому случаю, захватив с собой его коврик, миску и все прочее. Тони, конечно, был счастлив увидеть нас снова и облизал меня с ног до головы. Когда ему принесли обед, выяснилось, что Фрауди была совершенно права. Тони посмотрел на миску, потом на маму, потом на меня, сделал несколько шагов назад и сел в ожидании того, когда ему будут подавать еду по кусочкам. Один он милостиво взял из моих рук, но мама тут же меня одернула.

— Это никуда не годится, — сказала она. — Теперь ему придется привыкать есть самостоятельно, как раньше. Поставь все на место, сам подойдет и поест.

Но Тони продолжал сидеть. Никогда не видела собаку, до такой степени охваченную справедливым негодованием. Он обводил своими огромными, полными страдания карими глазами всех членов семьи, собравшихся вокруг него, и затем переводил взгляд на свою тарелку, словно хотел сказать: «Я хочу это. Разве вы не видите? Я голоден. Покормите меня».

Но мама осталась тверда.

— Даже если он не станет есть сегодня, он съест все завтра.

— А вдруг он умрет от голода? — спросила я.

Мама задумчиво посмотрела на внушительную спину Тони.

— Пусть немножко поголодает, — сказала она, — это пойдет ему на пользу.

Лишь на следующий вечер Тони сдался, но соизволил приступить к еде только тогда, когда в комнате никого не было. На этом противостояние кончилось. Дни, когда с ним обращались как с *grand seigneur*¹, прошли, и Тони смирился с этим фактом. Тем не менее он целый год не забывал, каким баловнем был в другом доме. Стоило ему услы-

¹ Важной персоной (фр.).

шать малейший упрек или прийти в дурное расположение духа, как он тотчас украдкой убежал и пускался со всех ног в дом Фрауди, где, очевидно, горько жаловался на то, что его не оценили по достоинству. Эту привычку он сохранял довольно долго.

Теперь Тони оказался на попечении Мари, в дополнение к ее прежним обязанностям. Мы с ним обычно играли вечером в саду, когда появлялась Мари, уже в фартуке, и вежливо говорила:

— Monsieur Toni, pour le bain¹.

Это было очень забавно. Тони немедленно улепетывал и забирался под диван, поскольку терпеть не мог этих еженедельных купаний. Его извлекали из-под дивана — поникшего, поджавшего хвост, прижавшего уши — и уносили. Мари потом с гордостью докладывала, сколько блох осталось плавать на поверхности воды после купания.

Должна сказать, что теперь у собак почти не бывает блох, не то что раньше. Несмотря на то что их регулярно купали и прочесывали щеткой, несмотря на щедрые порции дезинфицирующего раствора, у всех наших собак было полно блох. Может быть, оттого что они не вылезали из конюшен или играли с дворовыми собаками? Но зато они были гораздо менее избалованными и гораздо реже нуждались в ветеринаре, чем теперешние. Не припомню, чтобы Тони когда-нибудь болел, его шерсть всегда блестела, он с аппетитом съедал свое мясо, то бишь объедки, оставшиеся после нашего обеда, и над его здоровьем никто никогда не трясся.

Надо сказать, что и над детьми теперь трясутся куда больше, чем раньше. На легкий жар вообще не обращали внимания. Если температура выше тридцати девяти держалась сутки, могли вызвать врача, но на меньшие цифры никто не реагировал. Случалось, кто-то обедался зелеными яблоками и мучился от так называемой «печеночной колики». Двадцать четыре часа в постели, голодная диета — и болезни как не бывало. Пища была добротной и разнообразной. Возможно, тогда детей слишком долго держали на молоке и молочном киселе, дольше, чем теперь; но лично я с самого юного возраста любила мясо, которое подавали на обед Няне — она меня угощала, — и просто обожала бифштексы с кровью. И еще очень любила девонширские

¹ Мосье Тони, ванна готова (*фр*)

сливки¹. Насколько это вкуснее, говорила я маме, чем рыбий жир! Можно было намазывать их на хлеб или просто есть ложкой. Увы! В нынешнем Девоне уже не найти настоящих девонширских сливок, снятых с кипяченого молока и уложенных пластами с желтыми верхушками в глиняные крынки. Тем не менее это по-прежнему самое любимое лакомство и думаю, останется таковым навсегда.

Мама, не любившая однообразия в пище, как и во всем остальном, время от времени оказывалась во власти какого-нибудь нового веяния. То выяснялось, что «самое питательное — это яйца». Под этим лозунгом мы ели яйца чуть ли не три раза в день, пока не взбунтовался папа. То переживали рыбный период и питались исключительно камбалой и хеком, чтобы улучшить работу мозга. И только отдав дань всем диетам, мама возвратилась к нормальной еде. Так же как, помнится, после насильственного вовлечения папы в теософию, унитаристскую церковь, после заигрывания с католицизмом и флирта с буддизмом² мама благополучно вернулась на круги своя, к Англиканской церкви...

Но вернусь к своему рассказу. Было на редкость приятно возвратиться домой и убедиться, что ничего не изменилось, разве что к лучшему: у меня была теперь моя Мари.

Признаться, до сих пор — пока меня не затопила лавина воспоминаний — я никогда не думала о ее судьбе, это была просто Мари, часть моей жизни. Для детей мир — это только то, что происходит с ними, и, следовательно, люди в нем делятся на тех, кто им нравится, кого они ненавидят, и тех, кто делает их счастливыми или несчастными. Мари, юная, веселая, улыбающаяся, всегда со всем согласная, была лишь частью — хоть и очень мной ценимой — домашнего уклада.

Это теперь мне интересно, как ей жилось в нашей семье... Думаю, она чувствовала себя очень счастливой, по

¹ Девонширские сливки — варенец из сливок, которые сквашиваются путем нагревания и медленного охлаждения.

² Буддизм — одна из мировых религий, распространенная в Центральной и Восточной Азии и восходящая, по преданию, к учению индийского религиозного деятеля и мыслителя VI—V ввек до н. э. Гаутам Сиддхартхи по прозвищу Будда (санскр. «Просветленный»); призывает к освобождению от земных страстей и земных страданий

крайней мере, осенью и зимой, которые мы провели в путешествиях по Франции и англо-нормандским островам. Перемена мест, комфортная жизнь в отелях, и — как ни странно — она любила свою юную подопечную. Мне, конечно, очень хочется думать, что она любила ее только потому, что это была я. Но Мари вообще обожала детей и привязалась бы к любому другому ребенку, за исключением разве что какого-нибудь юного монстра, которые иногда попадают среди избалованных чад. Я не особенно слушалась ее; не думаю, что французы вообще способны заставить кого-то повиноваться. Часто я вела себя просто отвлеченно. В особенности перед сном: я терпеть не могла, когда меня укладывали спать и изобрела роскошную игру, заключающуюся в том, чтобы залезть на комод, оттуда вскарабкаться на гардероб и так обходить всю комнату поверху, ни разу не коснувшись пола. Стоя в дверях, Мари стонала:

— О, ми-исс, ми-исс! Madame votre mère ne serait pas contente!¹

Мама, конечно, и понятия не имела о том, что происходило.

Если бы только она вдруг зашла, ей достаточно было бы поднять брови и сказать:

«Агата! Почему ты еще не в постели?» — И через три минуты я была бы в постели как миленькая, без дальнейших понуканий. Однако Мари никогда не ябедничала на меня; она умоляла, вздыхала, но никогда не доносила. С другой стороны, не завоевав моего послушания, она завоевала мою любовь. Я очень любила ее.

Только один раз я по-настоящему огорчила Мари, но совершенно невольно. Это случилось уже в Англии. Мы спорили о чем-то, вполне мирно. Под конец, отчаявшись убедить Мари в своей правоте, я сказала:

— Mais, ma pauvre fille, vous ne savez donc pas que les chemins de fer sont...²

И вдруг Мари ни с того ни с сего разразилась слезами. Я уставилась на нее в полном недоумении. Сквозь всхлипывания донеслось: да, она действительно «pauvre fille»³. Ее родители — бедные люди, не такие богатые, как у мисс.

¹ Ваша матушка будет недовольна! (фр)

² Но, моя бедная девочка, разве вы не знаете, что железные дороги . (фр)

³ Бедная девушка (фр)

У них есть только кафе, в котором работают все их сыновья и дочери. Но это не *gentille*¹, не *bien élevée*² со стороны ее дорогой мисс напоминать о ее бедности.

— Но, Мари, — убеждала я, — я вовсе не имела этого в виду.

Мне никак не удавалось объяснить, что мысль о ее бедности вообще не приходила мне в голову и что «*та pauvre fille*» я произнесла в пылу спора. Бедная Мари была оскорблена, и понадобилось по меньшей мере полчаса, чтобы протестами, ласками и бесконечными уверениями в любви успокоить ее. В дальнейшем я очень опасалась употреблять это выражение.

Думаю, что, оказавшись в Торки, Мари первое время чувствовала себя неуютно и тосковала по дому. Естественно, ведь в отелях, где мы останавливались, всегда было много горничных, нянь, гувернанток, тоже переезжавших из страны в страну, и она не чувствовала себя оторванной от семьи. В Англии в это время у нас служили, по-моему, совсем молоденькая горничная и прислуга лет тридцати. Их взгляды на жизнь настолько отличались от привычных Мари, что она не могла не чувствовать себя очень одинокой. Они критиковали ее скромные платья, смеялись над тем, что она не тратила ни одного пенни на побрякушки, ленты, перчатки и прочую чепуху.

По мнению Мари, ее жалованье было фантастически огромным. Каждый месяц она просила мать оказать ей большую любезность и перевести практически все полученные деньги матери в По. Она оставляла себе ничтожную сумму. Ей это представлялось совершенно естественным и правильным; она откладывала деньги себе на *dot*³, все девушки во Франции в то время (а может быть, и сейчас, не знаю) усердно копили деньги, чтобы выйти замуж, поскольку без приданого устроить свою судьбу было почти невозможно. То же самое, что у нас в Англии «нижний ящик», но гораздо более основательное. Вполне разумная бережливость, оцененная у нас лишь сравнительно недавно, ведь теперь молодая чета обычно хочет купить себе дом, и поэтому оба — и юноша, и девушка — копят на него

¹ Тактично (*фр*).

² Воспитанно (*фр*)

³ Приданое (*фр*).

деньги. Но в то время, о котором я пишу, девушки не откладывали денег — это было мужское дело. Мужчина должен был предоставить жене дом, обеспечить ей питание, гардероб и все прочие нужды. Поэтому девушки, находящиеся в услужении, и более низкий класс — продавщицы — распорядились заработанными деньгами по своему усмотрению и тратили их на всякие пустяки. Они покупали новые шляпы, нарядные блузки, а то и брошки и ожерелья. Конечно, тут тоже был свой расчет — привлечь внимание подходящего жениха. И тут вдруг в доме появляется Мари, в своей черной юбочке, простой блузке, в крошечной шляпке на голове, никогда не пополнявшая свой гардероб, не покупавшая ничего лишнего. Не думаю, чтобы английские горничные умышленно обижали Мари, но они втайне смеялись над ней; они презирали ее. Мари страдала.

Только мамина проникательность и доброта помогли Мари выдержать такую жизнь первые месяцы. Она тосковала по дому. Мама утешала ее, называла умницей и убеждала в том, что Мари все делает правильно, что английские девушки не такие дальновидные и благоразумные, как француженки. Подозреваю, что мама не преминула провести назидательную беседу, объяснить насмешницам, что Мари несчастна по их вине. Пусть подумают, каково было бы им в чужой стране. И постепенно Мари воспряла духом.

Предвижу, что в этом месте все, кто имел мужество не бросить эту книгу, воскликнут:

— Но разве вам не приходилось ходить в школу?

И я отвечу:

— Нет, не приходилось.

В девять лет у большинства детей были гувернантки, которых, полагаю, нанимали в основном для того, чтобы следить за ребенком, развивать его физически и воспитывать. То, чему они учились на «уроках», всецело зависело от их наклонностей и вкусов.

Смутно припоминаю гувернанток наших друзей. Одна не признавала ничего, кроме «Детской энциклопедии» доктора Бруэра, копию теперешних «Вопросов и ответов». Отрывочные знания, почерпнутые оттуда, были такого рода: «Назовите три главные болезни зерновых культур», ответ: «Ржавчина, милдью и сажа».

Я запомнила эти сведения на всю жизнь, хотя, увы, они ни разу не понадобились мне.

«Что производят в Реддиче?» — «Иголки». — «Дата сражения в Гастингсе?» — «Тысяча шестьдесят шестой год».

Другая гувернантка, помнится, обучала своих питомцев исключительно естественным наукам. В основном это сводилось к сбору листьев, ягод и полевых цветов, которые затем препарировали. Это было невероятно скучно.

— Ненавижу кромсать все это, — призналась мне одна моя маленькая приятельница. Я ее хорошо понимала: при слове «ботаника» я до сих пор вздрагиваю как ретивый конь.

Мама в детстве посещала школу в Чешире, Мэдж она определила в пансион, но в пору моего детства ее увлекла теория, что единственно правильный путь для воспитания девочек — это полная воля; обеспечить им хорошее питание, свежий воздух, ни в коем случае не забивать им голову и не принуждать ни к чему. (Конечно мальчики — дело другое; мальчики обязательно должны были получать настоящее образование.)

Мама также вычитала где-то, что детям не следует читать до восьми лет. Но все же мне разрешали читать сколько душе угодно, и я не теряла времени. Так называемая классная комната представляла собой просторное помещение на верхнем этаже, вдоль стен которого выстроились полки с книгами. На некоторых стояли детские книги, такие, как «Алиса в Стране чудес», «Алиса в Зазеркалье»¹, ранние сентиментальные викторианские повести, которые я уже упоминала: «Наша белокурая Виолетта», книги Шарлотты Янг², включая «Венок из ромашек», полное собрание сочинений Хенти³, а кроме того, масса школьных учебников, романов и всего прочего. Я читала все подряд, без разбора, снимая с полки любую заинтересовавшую меня книгу, и часто ничего не понимала, что нисколько не уменьшало моей жажды читать.

Однажды я наткнулась на французскую пьесу, которую папа и обнаружил у меня в руках.

¹ Имеются в виду книги Льюиса Кэрролла (1832—1898), английского писателя, математика, священника (наст. имя Чарлз Доджсон)

² Янг Шарлотта (1823—1901) — английская писательница, автор исторических сочинений и произведений для детей, издательница религиозных журналов.

³ Хенти Джордж (1832—1902) — английский писатель и журналист, писавший книги для мальчиков

— А это где ты взяла?! — воскликнул он в ужасе. Оказывается, это была одна из тех книг, которые папа держал тщательно запертыми в курительной комнате, поскольку они предназначались исключительно для взрослых.

— Она стояла в классной комнате, — сказала я.

— Нечего ей там делать — ей место в моем шкафу.

Я с готовностью отдала папе пьесу. По правде говоря, я почти ничего не могла в ней понять и с удовольствием вернулась к «Воспоминаниям осла», «Без семьи»¹, а также к прочим невинным произведениям французской литературы.

Наверное, я все-таки как-то училась, но у меня не было гувернантки. Я продолжала заниматься арифметикой с папой, гордо переходя от простых дробей к десятичным. В конце концов, я достигла таких высот, как задачки, в которых много коров едят много травы, а цистерны наполняются водой много часов — я находила все это очень увлекательным.

Моя сестра теперь официально «вышла в свет», что означало приемы, туалеты, посещения Лондона и т. д. Мама была всецело поглощена новыми заботами, и у нее оставалось мало времени для меня. Иногда я испытывала ревность, так как все внимание сосредоточилось исключительно на Мэдж. У самой мамы девичество не отличалось особым блеском. Хотя ее тетя была богата и Клара постоянно путешествовала вместе с ней, пересекая Атлантический океан в обоих направлениях, тете не приходило в голову «вывести Клару в свет», как тогда говорили. Мама совершенно не жаждала светской жизни, но, как всякой юной девушке, ей, конечно, тоже очень хотелось иметь гораздо более красивые платья, чем те, которые она носила. Тетушка-Бабушка заказывала себе роскошные и модные туалеты у самых дорогих парижских портных, но Клару по-прежнему считала ребенком и так ее и одевала. И опять же существовала «эта бедняжка» — домашняя портниха! Мама поклялась себе, что у ее дочерей будут самые красивые платья со всеми необходимыми аксессуарами, то, чего она была лишена. Поэтому она так усердно занималась туалетами Мэдж.

Минуточку-минуточку! Платья-то в те времена действительно были платьями! Их было очень много, из роскош-

¹ «Без семьи» — роман французского писателя Гектора Мало (1830—1907).

ных тканей, роскошной работы. Оборочки, гофрированные складочки, воланы, кружевная отделка, сложные швы и вытачки; чтобы юбка не волочилась по полу, надо было изящным жестом поддерживать ее при ходьбе; а вот капоров¹, накидок или боа² из страусовых перьев тогда почти не носили.

Знали толк и в прическах: причесаться значило тогда в самом деле причесаться, а не просто провести расческой по волосам, и дело с концом. Волосы завивали, делали букли, локоны и волны, ночью спали в папильотках³, волосы укладывали горячими щипцами; если девушка собиралась на бал, она начинала заниматься своими волосами по крайней мере за два часа до выхода; на прическу уходило не меньше полутора часов, и еще полчаса на то, чтобы надеть платье, натянуть чулки, вечерние туфли и так далее.

Все это, конечно, были проблемы взрослых и моего мирка до поры до времени не касались. Миру взрослых, к которому я не имела касательства. Тем не менее я тоже исподволь впитывала «светские» навыки. Мы с Мари обсуждали всех мадемуазелей, выбирая, кому отдать предпочтение.

Так получилось, что ни у кого из наших соседей по кварталу не было детей моего возраста. Поэтому мне так же пришлось снова выдумывать себе целую компанию близких друзей, преемников Пуделя, Белки, Деревы и знаменитых Котят. На этот раз я сочинила Школу. Школа служила лишь местом, где встречались семь девочек разных возрастов и разной наружности, вышедших из различных социальных кругов. У Школы не было названия — просто Школа.

Первые девочки, которые появились в ней, — это Этель Смит и Анни Грей. Этель Смит было одиннадцать лет, а Анни — девять. Этель, брюнетка, с пышной гривой волос, отличалась умом, любила играть в разные игры и говорила басом. Ее лучшая подруга Анни Грей, с льняными локонами и голубыми глазами, была совсем другой; она постоянно робела, нервничала и чуть что начинала плакать. Она держалась за Этель, которая никому не давала ее

¹ Капор — детский или женский головной убор, завязывающийся под подбородком.

² Боа — широкий женский шарф, обычно меховой.

³ Папильотки (*фр*) — бумажные полоски для завивки волос

в обиду. Мне нравились обе, но все же смелая и сильная Этель — больше.

К Этель и Анни я прибавила еще двух девочек: Изабеллу Салливан, богатую золотоволосую красавицу с карими глазами. Ей было одиннадцать лет. Я не просто не любила Изабеллу — я ее ненавидела. Она была «светская». (Это слово очень часто употреблялось в тогдашних повестях и романах: целые страницы «Венка из ромашек» были посвящены страданиям семьи из-за приверженности Флоры к светской жизни.) Изабелла олицетворяла собой светскость. Она важничала, хвасталась своим богатством и носила слишком дорогие и шикарные для ее возраста платья. Ее кузина, Элси Грин, похожая на ирландку, с темными кудрявыми волосами и голубыми глазами, была очень веселая и беспрерывно хохотала. К Изабелле она относилась довольно дружелюбно, но иногда как следует ее дубасила. Элси была бедная; она донашивала старые платья Изабеллы, и это иногда вызывало у нее обиду, но не слишком сильную, потому что у нее был легкий характер.

Кое-какое время мне прекрасно жилось с ними. Они путешествовали со мной по «Трубной» железной дороге, ездили верхом, занимались садоводством и подолгу играли в крокет. Я часто устраивала турниры, состоящие из нескольких матчей. И очень старалась, чтобы ни в коем случае не выиграла Изабелла. Я даже жульничала: криво держала ее молоток, била быстро, почти не целясь, но чем более небрежно я играла, тем больше везло Изабелле. Она попадала в воротца из самых неудобных позиций, посылала шар издали через все поле, и почти всегда с успехом; она почти всегда выигрывала или уж, во всяком случае, не вылетала из турнира. Просто невыносимо.

Через некоторое время я решила, что было бы неплохо принять в Школу девочек помладше. Ими оказались шестилетние Элла Уайт и Сью де Верт. Пышноволосая Элла, прилежная и трудолюбивая, была невероятно скучной особой. Она всегда готовила уроки, прилежно читала «Детскую энциклопедию» доктора Бруэра и очень недурно играла в крокет. Сью де Верт, на редкость бесцветную, не только внешне, с ее светлыми волосами и бледно-голубыми глазами, но и, так сказать, внутренне, я почему-то не очень

чувствовала. Элла и Сью очень дружили между собой, но Элле я знала как свои пять пальцев, а Сью ускользала от меня. Думаю, причина заключалась в том, что Сью — это на самом деле была я сама. Я даже разговаривала с остальными как Сью, а не как Агата, так что Сью и Агата вдвоем олицетворяли одного человека: Сью скорее наблюдала со стороны, чем участвовала во всем как один из моих персонажей. Наконец, чтобы завершить компанию, в Школу поступила сводная сестра Сью — Вера де Верт. Страшно сказать, как много ей было лет — тринадцать! Пока еще нескладная, она обещала стать восхитительной красавицей. Обстоятельства ее рождения были покрыты тайной. Относительно будущего Веры я строила самые романтические планы. У нее были волосы соломенного цвета и синие, как незабудки, глаза.

Для «сотворения» девочек отлично послужили репродукции картин, изданные Королевской академией¹, в доме Бабушки в Илинге. Бабушка обещала, что когда-нибудь книга станет моей, и дождливыми днями я часами перелистывала страницы, не столько из интереса к живописи, сколько в поисках подходящих типажей для моих девочек. Кроме того, на Рождество мне подарили книгу, иллюстрированную Уолтером Крейном², — «Праздник Флоры»³, где цвета соотносились с разными типами красоты. В особенности меня восхищала одна картинка — лицо, обрамленное незабудками, — вылитая Вера де Верт. Маргаритки как две капли воды походили на Эллу, а роскошная «Корона императора»⁴ — конечно же на Этель.

Должна сказать, что «девочки» не расставались со мной долгие годы, разумеется, меняясь и взрослея. Они участвовали в музыкальных вечерах, пели в опере и получали роли в музыкальных комедиях. Уже взрослой девушкой я то и дело вспоминала их и примеривала им разные платья из моего гардероба. Я и сама придумывала для них туалеты. Помню, Этель была очень хороша в платье из темно-синего тюля — и белые лилии на плече. Бедняжке Анни

¹ Имеется в виду Королевская академия искусств, созданная в 1768 году в Лондоне.

² Крейн Уолтер (1845—1915) — английский художник и поэт, близкий к префаэлитам.

³ Флора — в римской мифологии богиня цветов.

⁴ Имеется в виду сорт роз.

всегда не хватало нарядов. По отношению к Изабелле, несмотря на личную неприязнь, я проявляла справедливость и одевала ее в самые элегантные туалеты невероятной красоты — нарядная парча, атлас... Даже и теперь, доставая из шкафа какое-нибудь из своих платьев, я говорю себе:

«Ах, как бы оно украсило Элси, ей всегда так шло зеленое! Как прекрасно выглядела бы Элла в этой шерстяной тройке!»

Я сама смеюсь над собой в такие моменты, но девочки по-прежнему со мной, хотя, в отличие от меня, не состарились. Двадцать три года — самое большее, что я могу представить.

Со временем я прибавила еще чегыре персонажа: Аделаиду, старшую из всех, высокую блондинку, довольно надменную; Беатрис, попрыгунью, веселую маленькую фею, самую младшую; и двух сестер, Роз и Айрис Рид, овеванных ореолом романтизма. За Айрис ухаживал молодой человек, который писал ей стихи и называл ее Полевой Фиалкой; Роз же была довольно вредной особой, любила розыгрыши и всюю флиртовала с первым встречным. Само собой разумеется, судьба у всех моих героинь сложилась поразному — одни вышли замуж, другие на всю жизнь остались одиночками. Этель не встретила суженого и жила в маленьком домике с доброй и милой Анни — сейчас мне кажется, что это весьма правдоподобно, в реальной жизни все сложилось бы именно так.

Вскоре после возвращения из-за границы фройляйн Удер открыла мне счастье наслаждения музыкой. Низенькая, крепкая, грозная немка. Не знаю, почему она преподавала музыку именно у нас в Торки, я никогда не слышала ни слова о ее семейной жизни. Просто однажды мама появилась в классной комнате, ведя за собой фройляйн Удер, и заявила, что Агате пора начать заниматься музыкой.

— Ах! — сказала фройляйн с сильнейшим немецким акцентом, хотя превосходно говорила по-английски. — В таком случае начнем немедленно.

Мы направились к пианино, стоявшему в классной комнате, — конечно же не к роскошному роялю в гостиной.

— Встань здесь, — скомандовала фройляйн Удер.

Я встала слева от пианино.

— Слушай, — сказала она, ткнув клавишу с такой силой, что я испугалась, как бы не лопнула струна, — это

до мажор. Понятно? Это нота «до». А вот до-мажорная гамма. — Она сыграла гамму. — Теперь возьмем мажорный аккорд, он звучит так. Теперь снова гамма — вверх и вниз. Ноты такие: до, ре, ми, фа, соль, ля, си, до. Понятно?

Я сказала, что понятно. По правде говоря, я давно знала все это.

— А теперь, — сказала фройляйн, — а теперь отвернись, чтобы не видеть клавиши, и угадай ноту, которую я возьму после «до».

Она взяла «до», а потом с такой же силой другую ноту.

— Ми, — сказала я.

— Правильно. Прекрасно. Попробуем еще. — Она еще раз обрушилась на «до», а потом на другую ноту. — А это?

— Ля? — Я заколебалась.

— Ах, просто великолепно. Очень хорошо. Ребенок музыкальный. У тебя есть уши, да-да. Мы пойдем превосходно.

Что и говорить, начало было положено отличное. Если честно, мне кажется, что ноты тогда просто отгадала — случайно. Тем не менее после такого превосходного старта мы двинулись вперед, обе преисполненные энтузиазма. Вскоре дом уже оглашался звуками гамм и арпеджио¹, а потом и неизбежного «Веселого крестьянина»². Я обожала уроки музыки. И мама и папа играли. Мама обыкновенно играла «Песни без слов»³ Мендельсона и многие другие пьесы, выученные еще в юности. Она играла достаточно хорошо, но, думаю, не была страстной любительницей музыки. Папу же отличала истинная музыкальная одаренность. Он мог играть по слуху все на свете, вплоть до американских народных песен и негритянских спиричуэлз⁴. К «Веселому крестьянину» мы с фройляйн Удер добавили вскоре «Грезы» и другие волшебные мини-

¹ Арпеджио (арпеджо, *ит*) — при игре на музыкальном инструменте исполнение звуков аккорда последовательно, обычно начиная с нижнего тона.

² «Веселый крестьянин» — фортепьянная пьеса из сборника «Альбом для юношества» немецкого композитора Роберта Шумана (1810—1856).

³ «Песни без слов» — цикл произведений для фортепьяно немецкого композитора Феликса Мендельсона (1809—1847).

⁴ Спиричуэлз — духовные песни американских негров (первонач. рабов).

атюры Шумана. Я с энтузиазмом занималась по часу или два в день. От Шумана я перешла к Григу¹, в которого попросту влюбилась, в особенности меня пленяли «Любовь» и «Первые вздохи весны». Когда я наконец смогла сыграть «Утро» из «Пер Гюнта», счастье просто переполнило меня. Фройляйн Удер преподавала великолепно, немцы, как правило, отличные педагоги. Занятия не сводились к тому, чтобы постоянно играть разные пьесы, приятные для души: бесконечные этюды Черни² не вызывали у меня такого рвения, как Григ или Шуман, но фройляйн Удер не допускала возражений.

— Прежде всего должна быть хорошая база, — сказала она. — Этюды — это реальная действительность, необходимая суть всего. Мелодии — да, конечно, изумительные вышитые узоры, они похожи на цветы, они расцветают и исчезают, но у них должны быть корни, крепкие корни и листья.

Так что в основном я занималась корнями и листьями и, может быть, одним или двумя встретившимися по пути цветками. Мне кажется, я была даже более довольна достигнутыми результатами, чем родители, несколько ошарашенные моим рвением и находившие, что я слишком много занимаюсь.

Раз в неделю в помещении под помпезным названием «Атенеум»³, расположенном над лавкой кондитера, проводились уроки танцев. Меня начали учить танцевать рано — наверное, в пять или шесть лет, потому что я помню, как еще Няня водила меня в «Атенеум». Самые младшие начинали с польки. Учили польке так: три раза топнуть правой ногой, три раза левой, правой — левой, правой — левой, топ-топ-топ, топ-топ-топ. Сомнительное удовольствие для тех, кто пришел выпить чайку этажом ниже. Когда я вернулась тогда домой, Мэдж обескуражила меня, сказав, что польку танцуют совершенно не так.

— Нужно сначала скользнуть одной ногой, приподняв другую, а потом наоборот — вот так.

¹ Григ Эдвард (1843—1907) — норвежский композитор, автор музыки к драме Ибсена «Пер Гюнт».

² Черни Карл (1791—1857) — австрийский пианист и музыкальный педагог.

³ Атенеум — название храма древнегреческой богини мудрости Афины в городе Афины, где собирались философы и писатели.

Замечание Мэдж смутило меня, но, видимо, учительница танцев, мисс Хики, прежде чем показывать нам па, считала нужным дать представление о ритме польки. Мисс Хики внушала мне восторг и даже благоговение. Высокая, величественная, с седыми волосами, уложенными в роскошную прическу, всегда в длинных, струящихся складками юбках, она явно напоминала маркизу де Помпадур¹, и танцевать с ней вальс — разумеется, значительно позже — было очень страшно. У нее было две помощницы — одной было лет восемнадцать, другой примерно тринадцать — мы очень любили младшую, добрую и славную Айлин, которая трудилась в поте лица. Старшую, Элен, мы побаивались, она занималась только с самыми способными.

Уроки проходили так: мы начинали с получасовых упражнений с эспандером, растягивая его изо всех сил для развития грудной клетки и рук. (Эспандер представлял собой синие эластичные резиновые ленты, прикрепленные к двум ручкам.) Затем шла полька; после обычного топ-топ-топ все танцевали вместе, причем старшие девочки с младшими. «Видела, как я танцую польку?», «Видела, как у меня кружится юбка?»

Танцевать польку было весело, но неинтересно. За полькой следовал «большой марш». Мы становились в пары и чинно шествовали к центру залы, после чего расходились в стороны и выполняли разные фигуры — младшие повторяли движения за старшими. Марши мы танцевали с партнерами, которых должны были выбирать сами, и чаще всего именно это возбуждало страшную ревность. Конечно же все стремились заполучить себе в партнеры Элен или Айлин, но мисс Хики зорко следила за тем, чтобы никто не монополизировал право танцевать с ними. После марша младших отправляли в отдельную комнату, где они разучивали па польки, а позже — вальса или других, более затейливых танцев, в которых проявляли особенную неловкость. В это время старшие под бдительным оком мисс Хики танцевали в зале сложные танцы — с тамбурином², кастаньетами или веером.

Как-то раз в разговоре с моей дочерью Розалиндой и ее подружкой Сьюзен, в ту пору восемнадцатилетними девуш-

¹ Маркиза де Помпадур — Жанна Антуанетта Пуассон (1721—1764), фаворитка французского короля Людовика XV.

² Тамбурин (*фр.*) — род небольшого барабана цилиндрической формы.

ками, я упомянула, что в юности танцевала с веером. Взрыв смеха, раздавшийся в ответ, озадачил меня.

— Ну неправда, мама, не может быть! Танец с веером! Сюзеи, мама танцевала с веером!

— Ну и что? Я всегда знала, что от викторианцев можно ожидать чего угодно!

Оказалось, что под танцем с веером мы подразумеваем совершенно разные вещи...

Итак, потом старшие садились и отдыхали, а младшие танцевали матлот¹ или какие-нибудь несложные народные танцы. В конце концов мы одолели изощренный лансье (старинная форма кадрили). Научились танцевать шведский деревенский танец и «Сэр Роджер де Коверли». Два последних очень мне потомгодились; не приходилось стыдиться своей неуклюжести на вечеринках.

В Торки наш класс состоял почти полностью из девочек. Когда же я стала учиться в Илинге, появилось довольно много мальчиков. Мне было тогда лет девять, я робела и вообще не отличалась большими способностями к танцам. Один совершенно прелестный мальчик, годом или двумя старше, подошел и пригласил меня танцевать с ним лансье. Сконфуженная и удрученная, я сказала, что не умею танцевать лансье. Сердце мое ныло — я еще никогда не видела такого привлекательного мальчика, темноволосого, темноглазого, — я сразу почувствовала, что у нас много общего. Опечаленная, я села, и тотчас ко мне подошла учительница.

— Агата, у нас никто не сидит.

— Я не умею танцевать лансье, мисс Уордсуорт.

— Ничего, скоро научишься, деточка. Сейчас мы найдем тебе кавалера.

Она подозвала рыжего веснушчатого мальчика с заложенным курносом:

— Вот и он, Агата. Его зовут Уильям.

Во время танца я увидела приглянувшегося мне партнера с другой девочкой. Он шепнул мне с обидой:

— Мне вы сказали, что не танцуете, а сами умеете. Очень некрасиво с вашей стороны.

Я попыталась объяснить ему, что не виновата, я в самом деле думала, что не умею танцевать лансье, но мне

¹ Матлот — старинный матросский танец.

приказали — однако попробуйте объясниться во время танца — ничего не вышло. Он не сводил с меня укоризненного взгляда до конца занятий. Я надеялась увидеть его в следующий раз, но, увы, мне вообще больше не пришлось встретиться с ним — еще одна печальная любовная история.

Единственный танец, которому я научилась и который часто везде танцевали, — это вальс, но при этом я никогда не любила вальсировать. Мне не нравился ритм, и у меня всегда страшно кружилась голова, в особенности когда мне оказывала честь своим приглашением на танец мисс Хики. Она закруживала вас так, что ноги практически не касались пола, и к концу танца все плыло перед глазами, я едва могла устоять на ногах. Но, должна признаться, сама она танцевала великолепно, нельзя было не залюбоваться.

А фройляйн Удер исчезла из моей жизни, не знаю когда и куда. Может быть, возвратилась в Германию. Ее заметил молодой человек по имени, если я не ошибаюсь, мистер Троттер. Органист одной из церквей, он подавлял меня совсем другим стилем преподавания, к которому мне пришлось привыкать. Я сидела чуть ли не на полу, откуда тянула руки к клавиатуре, и должна была играть кистью. Метод фройляйн Удер заключался, как раз наоборот, в том, чтобы сидеть очень высоко и играть от локтя. Нависая над клавиатурой, можно было извлекать из нее сколь угодно громкое звучание. А это так приятно!

Глава 5

Вскоре после нашего возвращения с Нормандских островов папа сильно сдал. Он и за границей чувствовал себя не слишком хорошо и дважды обращался к докторам. Второй доктор поставил тревожный диагноз: почечная недостаточность. Папа обратился к нашему доктору, который не согласился с диагнозом коллеги и направил папу к специалисту. Тень беды в доме повисла теперь навсегда. Смутное, ощущаемое только ребенком предчувствие чего-то страшного подобно тревожному затишью в природе перед надвигающимся ураганом.

Предписания врачей не приносили никакого облегчения. Папа посетил двух или трех специалистов. Первый

сказал, что все, конечно, от сердца. Я не помню деталей, но прозвучавшие в разговоре мамы с сестрой слова: «Воспаление нервов, окружающих сердце» — показались мне очень страшными. Другой врач категорически свел все к болезни желудка.

Папу мучали боли, он задыхался, и промежутки между приступами неуклонно сокращались; мама сидела рядом с ним, помогала ему принять более удобное положение и давала ему лекарства, которые прописал последний доктор.

Как это всегда бывает, с приходом нового доктора появлялась трогательная вера в то, что он-то наконец пропишет что-то действенное. Конечно вера делает чудеса — вера, апломб энергичного доктора, — но все это никак не влияет на те необратимые изменения, которые происходят в организме.

Внешне отец сохранял обычную свою веселость, но атмосфера в доме изменилась. Он по-прежнему ходил в свой клуб, летом подолгу бывал на крокетной площадке; возвращаясь, смешил всех занятными рассказами — все тот же обаятельный добрый человек. Он никогда не сердился, не раздражался, но неумолимо сгущалась тень надвигавшегося несчастья. Охваченная тревогой, мама все время героически пыталась успокоить папу, убеждая его в том, что он выглядит лучше, чувствует себя лучше и идет на поправку.

Между тем все неотвратимее становился финансовый крах. Состояние, согласно завещанию дедушки, было вложено в недвижимость в Нью-Йорке, но дома были арендованы, а не находились в собственности. В той части города земля стоила дорого, а расположенные на ней дома — практически ни гроша. Доходы полностью поглощались затратами на ремонт и налогами.

Уловив обрывки разговоров, ввергших меня в ужас, я поспешила наверх к Мари и с чисто викторианским мелодраматизмом заявила, что мы разорены. Однако это сообщение не произвело на нее убийственного впечатления, на которое я рассчитывала; она, однако, попыталась выразить сочувствие маме, которая пришла ко мне достаточно раздосадованная.

— Право же, Агата, не следует преувеличивать то, что ты услышала. Мы не разорены. Мы сейчас в стесненных обстоятельствах, и нам придется экономить.

— Не разорены? — спросила я, глубоко огорченная.

— Не разорены, — твердо ответила мама.

Должна сказать, я была разочарована. В многочисленных книгах я часто читала, как люди разоряются, и относилась к этому очень серьезно, как и положено. У отца семейства вот-вот мог случиться удар; героиня, одетая в лохмотья, покидала родной дом и так далее.

— Я совершенно забыла, что ты в комнате, — сказала мама. — Но ты ведь понимаешь, что нехорошо повторять то, что случайно подслушала.

Я пообещала, что больше не буду, но мое чувство справедливости было оскорблено, поскольку совсем незадолго до этого меня подвергли критике за то, что я не сказала о том, что случайно услышала. Правда, по другому поводу.

Однажды мы с Тони в ожидании обеда, по обыкновению, залезли под обеденный стол — наше излюбленное место, очень подходящее, чтобы играть в таинственные приключения в страшных пещерах и подземных темницах. Чтобы не обнаружить себя перед разбойниками, заточившими нас в мрачные подвалы, мы едва дышали — это, впрочем, не относилось к толстому и пыхтящему Тони, — и тут с супницей в руках в столовую вошла Бартер, горничная, помогавшая разносить еду нашей официантке. Она поставила супницу на край буфета, предназначенного для горячих блюд, потом приподняла крышку и погрузила в суп большую разливную ложку. Зачерпнув суп, она сделала несколько больших глотков. В этот момент в столовую вошла Льюис.

— Я сейчас буду бить в гонг, — начала было она, но тут же себя перебила: — Батюшки, Лу, а ты-то что здесь делаешь?!

— Хочу немножко подкрепиться, — сказала Бартер, смеясь от души. — Да-а, недурной супчик. — И она сделала очередной глоток.

— Сейчас же закрой супницу, — закричала Льюис, совершенно шокированная, — немедленно!

Бартер басовито усмехнулась, положила половник на место и отправилась в кухню за тарелками, тут-то мы с Тони и выползли из-под стола.

— Хороший суп? — с интересом спросила я.

— О, какой ужас! Мисс Агата, как же вы меня напугали!

Слегка удивленная всем, что увидела, я тем не менее рассказала об этой сцене лишь года два спустя. В разгово-

ре с Мэдж мама упомянула нашу бывшую горничную Бартер, и я вдруг вмешалась в беседу:

— Я помню Бартер. Она всегда ела суп из супницы в столовой, перед тем как вы приходили обедать.

Мое высказывание вызвало живейший интерес и у мамы, и у Мэдж.

— Но почему же ты не сказала ничего мне? — спросила мама.

В ответ я молча уставилась на нее, не понимая, в чем дело.

— Н-у-у, — протянула я, стараясь сохранить достоинство, — я не склонна распространять информацию.

После этого случая в домашний обиход вошла шутка: «Агата не склонна распространять информацию». Кстати говоря, это была чистая правда. Я не распространяла информацию, если не считала нужным. Я хранила все сведения в голове, в этом смысле мозги мои напоминали какой-то архив. В семье, где все отличались открытостью в общении, эта моя особенность казалась непостижимой. Когда моего брата и сестру просили держать что-то в секрете, они тут же об этом забывали! Что делало их гораздо более привлекательными личностями, чем я.

Возвращаясь с вечеринок или присмов на открытом воздухе, Мэдж всегда приносила кучу забавных историй. Моя сестра и в самом деле была необыкновенно занятой особой; куда бы она ни пошла, она постоянно оказывалась в центре внимания, и все вертелось вокруг нее. Даже когда Мэдж просто отправлялась за покупками, с ней происходило что-нибудь экстраординарное: так она умела преподнести любое событие, любое происшествие, самое незначительное становилось поводом для остроумного рассказа.

Я же, как две капли воды похожая в этом отношении на отца, на вопрос, что я видела интересного, неизменно отвечала: «Ничего». — «А что было на миссис Такой-то и Такой-то?» — «Не помню». — «Я слышала, что миссис С. переделала свой салон. Какого он теперь цвета?» — «Я не посмотрела». — «О, Агата, ты в самом деле безнадежна. Ты никогда ничего не замечаешь».

Я же продолжала помалкивать. Не думаю, что мне нравилось изображать таинственность. Мне просто казалось, что большинство вещей не имеет значения — и какой смысл тогда говорить о них? А возможно, я всегда была настолько

поглощена воображаемыми разговорами с «девочками» или сочинением новых приключений для Тони, что не обращала внимания на разные мелочи. Чтобы я очнулась, нужно было, по крайней мере, чтобы рухнул дом или обрушилась скала. Да, ничего не поделаешь, я была довольно тупоумным ребенком, в перспективе обещавшим стать скучной персоной, не умеющей себя «подать» в светском обществе.

Я никогда не блистала на званых вечерах и, по правде говоря, никогда их не любила. Подозреваю, что в те времена все-таки существовали детские праздники, хотя, конечно, не в таком количестве, как теперь. Помню, как я ходила с друзьями на чай и как ко мне приходили на чай. Вот это я обожала и люблю до сих пор! Когда я была маленькой, праздновали только Рождество. Мне запомнились два торжества: бал-маскарад и вечер, на котором выступал фокусник.

Полагаю, мама не жаловала детские праздники, считала, что дети там перегреваются, перевозбуждаются и передают и в результате потом заболевают. Наверное, она была права. Наблюдая пышные детские праздники, на которых мне довелось побывать, я, между прочим, заметила, что по крайней мере треть детей скучает.

Думаю, что детские компании не должны превышать двадцать человек — как только детей больше, начинаются всякие деликатные проблемы. Дети, которые хотят в уборную; дети, которые не хотят признаться, что хотят в уборную, бегущие туда в последний момент, и так далее. Если количество туалетов не соответствует количеству желающих попасть туда немедленно, воцаряется хаос и неизбежны огорчительные происшествия. Вспоминаю двухлетнюю девчушку, чья мама, в ответ на увещевания мудрой няни, не советовавшей вести ее на праздник, горячо спорила:

— Аннет такая прелесть, она непременно должна пойти. Я уверена, что ей будет очень весело, а мы уж позаботимся о ней.

Как только они пришли, мама, для полного спокойствия, сразу посадила ее на горшок. Аннет, возбужденная общей атмосферой, оказалась не в состоянии сделать то, что требовалось.

— Что ж, может быть, ей действительно не хочется, — понадеялась мать.

Они спустились в зал, и когда фокусник начал вытаскивать самые разнообразные предметы из ушей и из носа, а дети едва держались на ногах от смеха и что есть силы топали и хлопали, случилось худшее.

— Дорогая, — рассказывала маме об этом старая леди, — вы просто никогда в жизни не видели ничего подобного — несчастное дитя. Прямо посреди зала, расставив ноги, — буквально как это делают лошади.

Мари покинула нас года за два до кончины папы. По контракту она должна была пробыть в Англии два года, но прожила с нами по меньшей мере три. Мари соскучилась по семье и, будучи разумной и практичной особой, сочла, что пора уже подумать о замужестве. Она скопила кругленькую сумму на приданое, откладывая из каждого жалованья. И день настал: стиснув в объятиях свою дорогую мисс и обливаясь слезами, она уехала.

Но прежде чем она покинула нас, мы вдоволь наобсуждались претендентов на руку Мэдж — центральная тема наших дискуссий. Выбор Мари твердо пал на *le Monsieur blond*¹.

Когда мама была маленькой и они с тетей жили в Чeshire, мама очень привязалась к одной из своих школьных подруг. Потом Анни Браун вышла замуж за Джеймса Уотса, а мама — за своего кузена Фредерика Миллера; подружки договорились никогда не забывать друг друга и обмениваться письмами и новостями. Хотя Бабушка переехала из Чешира в Лондон, девочки не порывали связи друг с другом. У Анни Уотс было четверо детей — три мальчика и девочка, у мамы, как известно, — трое. Подруги посылали друг другу фотографии детей в разном возрасте и дарили им подарки к Рождеству.

Когда сестра намеревалась отправиться в Ирландию, чтобы принять окончательное решение относительно одного молодого человека, настойчиво предлагавшего ей руку и сердце, мама напомнила Мэдж об Анни Уотс, и Анни тоже попросила Мэдж заехать к ним в Эбни-Хилл на обратном пути из Хоули-Хед, — ей очень хотелось взглянуть на дочку подруги.

Вдоволь насладившись пребыванием в Ирландии и окончательно решив, что она ни за что не выйдет замуж

¹ Мосье блондина (*фр.*).

за Чарли П., Мэдж на обратном пути остановилась в семье Уотсов. Старший сын, Джеймс, двадцати одного или двадцати двух лет, студент Оксфорда¹, добродушный светловолосый молодой человек со звучным мягким басом воспринял ее появление очень спокойно. Мэдж нашла это настолько странным, что начала его приручать. Она из кожи вон лезла, чтобы обольстить Джеймса, но по-прежнему не была уверена в успехе. Тем не менее между ними завязалась беспорядочная, от случая к случаю, переписка.

Разумеется, Джеймс пал жертвой Мэдж в первый же миг, когда увидел ее, но не в его натуре было обнаруживать свои чувства. Он отличался робостью и сдержанностью. На следующее лето Джеймс приехал к нам. Я сразу же влюбилась в него. Он обращался со мной очень почтительно, не отпускал глупых шуток и не разговаривал так, будто я маленькая. Он видел во мне личность, за что я была горячо ему благодарна. Мари он тоже очень понравился. Так что *Monsieur blond* стал постоянной темой наших разговоров в комнате для «портнихи».

— По-моему, Мари, они не слишком интересуют друг друга.

— О, *mais oui*², он все время украдкой смотрит на нее, когда она не видит. О да, *il est bien épris*³. Он такой благодушный — из них получится прекрасная пара. У него, насколько я понимаю, хорошие перспективы, и он *tout à fait un garçon sérieux*⁴. Прекрасный муж. А мадемуазель такая веселая, остроумная, любительница пошутить. Ей как раз подходит такой муж, степенный, спокойный, и он будет ее обожать, потому что она совсем на него не похожа.

Думаю, что если он кому-нибудь и не нравился, то только папе: общая участь отцов очаровательных и веселых дочерей — они желали бы для дочери совершенство, которого не существует в природе. Видимо, матери испытывают те же самые чувства по отношению к женам своих сыновей. Так как Монги так и не женился, маме не довелось пережить их.

Должна признаться, что мама и своих зятьев не считала вполне достойными ее дочерей, но понимала, что требует невозможного.

¹ Оксфорд (Оксфордский университет) — один из старейших и крупнейших университетов Великобритании, основанный в XII веке.

² Да нет же (*фр.*).

³ Он совершенно влюблен (*фр.*).

⁴ Абсолютно серьезный молодой человек (*фр.*).

— Само собой разумеется, — говорила она, — на свете нет ни одного мужчины, достойного моих девочек.

Одной из главных радостей жизни был местный театр. В нашей семье театр любили все — Мэдж и Монти ходили в театр не реже чем раз в неделю, мне время от времени позволялось сопровождать их: чем старше я становилась — тем чаще. Мы всегда занимали кресла позади партера: сидеть в самом партере считалось дурным тоном — места там стоили всего шиллинг. Семейство Миллеров оккупировало два передних ряда кресел в амфитеатре, и отсюда наслаждалось самыми разными театральными действиями.

Первой пьесой, которую я увидела, скорее всего, была «Червы-kozyри», бурная мелодрама с негодяем, с роковой злодейкой леди Уинифред, а главная героиня — юная красавица, которую лишали наследства. То и дело раздавались револьверные выстрелы, и я отлично помню последнюю сцену, в которой молодой человек, свисающий на веревке с альпийской вершины, перерезал ее и героически погибал, то ли ради спасения девушки, которую любил, то ли он спасал мужчину, которого любила эта девушка. Помню, я очень внимательно следила за всеми перипетиями.

— Самые плохие, по-моему, — это пики, — сказала я. (Так как папа был заядлым игроком в вист, я постоянно слышала разговоры о картах.) — Трефы немного лучше. Леди Уинифред, наверное, трефовая, потому что в конце она раскаялась, и молодой человек, который перерезал веревку, тоже трефовый. А бубны, — я подумала немного, — а бубны — это просто статисты, — заявила я безапелляционно осуждающим викторианским тоном.

Среди самых крупных событий в Торки была регата¹, проходившая в последние понедельник и вторник августа. Еще с мая я начинала экономить, чтобы накопить деньги на поездку. Вспоминая регату, я думаю вовсе не о яхтах, а о ярмарке, которая открывалась во время регаты. Мэдж, само собой разумеется, всегда ездила с папой в Халдон-Пир смотреть соревнования, а у нас дома обыкновенно устраивали прием перед заключительным балом. Днем мама с папой и Мэдж ходили пить чай в яхт-клуб и принимали участие во

¹ Регата — гонки на парусных и гребных лодках.

всяких развлечениях на воде. Мэдж оставалась на берегу, потому что всю жизнь страдала неизлечимой морской болезнью, даже в полный штгиль. Тем не менее она проявляла живейший интерес к успехам наших друзей-яхтсменов. Во время регаты затевали пикники, приемы, но эта светская кутерьма не касалась меня по молодости лет.

Я жила в предвкушении своей главной радости — ярмарки. Веселые карусели, где верхом на лошадке с развевающейся гривой можно было кружиться без конца, круг за кругом, круг за кругом; русские горки с их стремительными головокружительными подъемами и спусками. Из двух репродукторов гремела музыка, и если по ходу вращения карусели вы приближались к горкам, на ваши уши обрушивалась невообразимая какофония. Показывали и разные редкости: самую толстую женщину — мадам Аренски, которая предсказывала будущее; человека-паука, невообразимо страшного; тир, в котором Мэдж и Монти просаживали большую часть времени и денег. Успехом пользовался и кокосовый тир, откуда Монти обыкновенно приносил мне огромное количество кокосовых орехов. Я их обожала. Мне тоже иногда позволяли поразить мишень в кокосовом тире, при этом любезный хозяин аттракциона подводил меня так близко к цели, что мне даже удавалось иной раз выиграть несколько кокосовых орехов. Тогда кокосовые тирывы были настоящими, не то что теперь, когда кокосовые орехи разложены на каком-то блюде, и только самое немыслимое совпадение удачи и меткости удара может привести к успеху. А тогда у игроков существовали реальные шансы. Из шести попыток одна всегда оказывалась удачной, а у Монти часто и целых пять. Колец, пряничных кукол, весов и всего прочего в таком духе еще не существовало. Зато во всех лавках продавались лакомства и игрушки. Моим главным пристрастием были так называемые «пенни-обезьянки», мягкие, пушистые, по пенни за штуку, насаженные на длинную булавку, которую прикалывали к воротнику пальто. Каждый год я покупала по шесть новых «пенни-обезьянок», розовых, зеленых, коричневых, красных, желтых, и пополняла ими свою коллекцию. Со временем становилось все труднее отыскать новый цвет.

А знаменитая нуга¹, которую можно было найти только на ярмарке!.. За столом стоял продавец, откалывая пор-

¹ Нуга — вид восточных сладостей.

цию от гигантской бело-розовой глыбы, возвышающейся перед ним. Он громко выкрикивал: «А ну-ка, миленькие, здоровенный кусище за шесть пенсов! Хорошо, золотко, половину. А как насчет кусочка за четыре?» И так далее, и так далее. Конечно у него были и готовые упаковки за два пенни, но принимать участие в торгах было интереснее. «А вот это для маленькой леди. Да, вам на два с половиной пенни».

Мне уже исполнилось двенадцать лет, когда на ярмарке появились золотые рыбки — настоящая сенсация. На длинном прилавке выставили маленькие кувшинчики, в каждом из которых плавала одна рыбка, — надо было бросать туда пинг-понговые шарики: если шарик попадал в горлышко, рыбка — ваша. Первый вариант этого аттракциона поражал просто сказочной легкостью выигрыша. В первый раз мы добыли одиннадцать рыбок и торжественно принесли их домой, чтобы поселить в баке. Но вскоре цена на шарик подскочила с пенни за штуку до шестипенсовика.

По вечерам устраивались фейерверки. Так как из нашего дома их было не видно — разве что отдельные ракеты, взлетавшие особенно высоко, — мы обычно шли в гости к кому-нибудь из друзей, живших поблизости от гавани. Собирались в восемь часов; гостей угощали лимонадом, мороженым и печеньем. Эти вечера в саду — еще одно очарование тех далеких времен, по которому я, не будучи поклонницей алкогольных напитков, очень скучаю.

До 1914 года вечеринки в саду были очень торжественными. Все расфуфыривались в пух и прах, надевали туфли на высоких каблуках, муслиновые платья с голубыми поясами, огромные соломенные шляпы с гирляндами роз. Какое изумительное мороженое подавали гостям — клубничное, ванильное, с фисташками, а кроме того, конечно, оранжад¹ и малиновую воду, — и это был еще не предел! — а еще на любой вкус пирожные с кремом, сэндвичи, эклеры, персики, гроздь мускатного винограда. Надо думать, что приемы эти всегда устраивались в августе, по-

¹ Оранжад — прохладительный напиток из апельсинового сока, сахара и воды.

тому что я совершенно не припоминаю, чтобы на них давали клубнику со сливками.

Попасть на эти приемы было не так-то просто. Персонам преклонного возраста и больным нанимали фиакры, но вся молодежь шагала из разных концов Торки полторы или две мили пешком; кому-то, может быть, и посчастливилось жить поближе, но, как правило, из-за того, что Торки расположен на холмах, всем приходилось преодолевать солидное расстояние. Пешие прогулки по гористой местности, на высоких каблуках, при непременном условии, что левой рукой надо было изящно приподнимать край юбки, а в правой держать зонтик, представляли собой тяжкое испытание. Но вечера в саду стоили того.

Папа умер, когда мне было одиннадцать лет. Его здоровье неумолимо ухудшалось, но точный диагноз так и не был поставлен. Финансовые неурядицы, безусловно, усугубляли его недуг.

Папа поехал на неделю в Илинг и там повидался с несколькими друзьями из Лондона, которые могли помочь ему найти работу. Тогда это было не так-то легко. Хорошие заработки сулили профессии врача, адвоката, государственного служащего; что касается обширного мира бизнеса, то, в отличие от нынешних времен, он не обеспечивал никаких средств для существования. В больших банковских домах, вроде Пирпонта-Моргана² и кое-каких других, где у папы были знакомства, могли работать, конечно, только высокие профессионалы, принадлежавшие к банковским династиям. У папы, как и у большинства его современников, не было никакой профессии. Он много занимался благотворительной деятельностью и прочими общественными делами, которые сегодня обеспечили бы ему оплачиваемый пост, но тогда все было по-другому.

Папа ничего не мог понять (как потом ничего не могли понять его душеприказчики). Деньги, оставленные дедушкой, исчезли в неизвестном направлении. Куда они подевались? Папа жил довольно широко, в соответствии со своими предполагаемыми доходами. Они значились в бума-

¹ Пирпонт-Морган Джон (1837—1913) — американский банкир и финансист.

гах, но — увы! — в действительности их не существовало; всегда находились правдоподобные объяснения, сводящие все неувязки к недосмотру или невыполнению обязательств, которые носят чисто временный характер — нужно лишь внести необходимые поправки. Видимо, попечители плохо распорядились бумагами с самого начала, но теперь было уже поздно пытаться исправить дело.

Папа нервничал. Внезапно сильно похолодало, он подхватил грипп, а после гриппа заболел двусторонним воспалением легких. Маму вызвали в Илинг. Мы с Мэдж поехали вслед за ней. Папа был уже очень плох. Мама не отходила от него ни днем, ни ночью. В доме постоянно дежурили две сиделки. Я бродила по дому, несчастная и испуганная, и горячо молилась, чтобы папа выздоровел.

В память врезалась одна картина. Это было после полудня. Я стояла на площадке между этажами. Вдруг дверь родительской спальни отворилась, оттуда выбежала мама, закрыв глаза руками. Она бросилась в соседнюю комнату, с грохотом захлопнув за собой дверь. Затем вышла сиделка и сказала Бабушке, поднимавшейся по лестнице:

— Все кончено.

Я поняла, что папа умер.

Конечно меня, совсем еще ребенка, на похороны не взяли. Я слонялась по дому, как какая-то тень. Случилось нечто страшное, такое страшное, — я никогда не думала, что оно может случиться. Ставни были закрыты, горели лампы. В гостиной сидела в большом кресле Бабушка и без конца писала письма. Время от времени она сокрушенно покачивала головой.

Мама поднялась с кровати, только чтобы пойти на похороны, а потом она снова легла. Два или три дня она абсолютно ничего не ела — я слышала, как об этом говорила Ханна. Вспоминаю Ханну с благодарностью. Добрая старая Ханна с изнуренным морщинистым лицом... Она позвала меня в кухню и попросила помочь ей приготовить пирожные.

— Они были так преданы друг другу, — повторяла она снова и снова. — Счастливая была пара.

Да, пара действительно была счастливая. Среди старых вещей я нашла письмо, которое папа написал маме, может быть, за три или четыре дня до смерти. Он писал, как торопится вернуться к ней в Торки; в Лондоне не удалось добиться ничего обнадеживающего, но, писал папа, он сразу забудет все неприятности, когда вернется к своей дорогой Кларе. Хотя он уже много раз говорил ей об этом,

продолжал папа, но он хочет снова сказать, как много она значит для него.

Ты изменила мою жизнь, — писал папа. — Ни у одного мужчины не было такой жены. С тех пор как мы поженились, я с каждым годом люблю тебя все сильнее. Благодарю тебя за преданность, любовь и понимание. Да благословит тебя Господь, моя радость, скоро мы снова будем вместе.

Я нашла это письмо в вышитом кошельке. Том самом, который мама вышила для него девочкой и послала в Америку. Папа никогда не расставался с ним и хранил в нем два маминих стихотворения, посвященных ему. К стихотворениям мама потом добавила это письмо.

В Илинге царил тягостная обстановка. Дом был переполнен шепчущимися родственниками — Бабушка Б., дяди, их жены, двоюродные тетки, старые приятельницы Бабушки, все они тихо переговаривались, вздыхали, качали головами. И были одеты в черное. Меня тоже облачили в траур. Должна признаться, что единственным утешением в те дни служило для меня мое черное платье. Оно придавало мне значительность, я чувствовала себя важной, причастной ко всему происходящему в доме.

Все чаще и чаще до моих ушей долетали тихие реплики:

— Клара просто должна взять себя в руки.

Время от времени Бабушка говорила:

— Ты не хочешь посмотреть письмо, которое я получила от мистера В. или миссис С.? Такие красивые, теплые, сочувственные письма, — увидишь, ты будешь очень тронута.

Мама раздраженно отвечала:

— Видеть не хочу никаких писем.

Она открывала письма, адресованные ей, но тут же отбрасывала их в сторону. Только с одним письмом она обошлась по-другому.

— Это от Кэсси? — спросила Бабушка.

— Да, Тетушка, от Кэсси.

Мама сложила его и положила к себе в сумку.

— Она понимает, — сказала мама и вышла из комнаты.

Миссис Салливан — Кэсси — была моей американской крестной матерью. Может быть, я и видела Кэсси совсем крошкой, но отчетливо помню ее только, когда год спустя она приехала в Лондон. Поразительная женщина: маленькая, с белыми как снег волосами и с самым нежным и веселым лицом, какое только можно вообразить; жизненная сила

клокотала в ней, она источала радость, а между тем судьба ее не скупилась на испытания. Муж, которого она нежно любила, умер совсем молодым. У нее было два чудных сына, которых парализовало и они скончались.

— Наверное, какая-нибудь нянька разрешила им сидеть на сырой траве, — предполагала Бабушка.

Думаю, что на самом деле они болели полиомиелитом, в то время еще неизвестной болезнью, тогда это называли ревматической лихорадкой — последствие сырости, — приводящей к хромоте и параличу. Так или иначе, но двое ее сыновей умерли. Один из ее взрослых племянников, живший с ней, тоже перенес паралич и остался калекой на всю жизнь. Несмотря на эти утраты, вопреки всему, тетя Кэсси была очень веселой, остроумной и располагающей к себе женщиной. Она оказалась единственным человеком, которого маме захотелось увидеть в те дни.

— Она понимает, что в словах утешения нет никакого смысла.

Помню, меня использовали в семье как эmissара: кто-то — может быть, Бабушка, а может, кто-то из моих теток — отвел меня в сторонку и прошептал, что я должна стать маминной утешительницей: мне надо пойти в комнату, где лежит мама, и объяснить ей, что папе сейчас хорошо, потому что он на Небесах, в лучшем мире. Я охотно согласилась, ведь я и сама верила в это — все верили. Я вошла к маме, робея, с неопределенным чувством, возникающим у детей, когда они делают что-то, как им сказали, правильное, и они вроде бы согласны, но каким-то чутьем, не отдавая себе отчета в причинах, угадывают, что это неправильно. Я робко зашла к маме, дотронулась до нее и сказала:

— Мамочка, папа сейчас в лучшем мире. Он счастлив. Ты же не хочешь, чтобы он вернулся, раз ему так хорошо?

Мама вдруг резким движением села на кровати — от неожиданности я даже отскочила — и прокричала:

— Конечно я хочу. — Голос у нее был чуть охрипший. — Конечно хочу. Я сделала бы все на свете, чтобы вернуть его, все-все на свете. Если бы я могла, я заставила бы его вернуться. Хочу, чтобы он снова был здесь, со мной, в этом мире.

Я испуганно съезжилась. Мама быстро сказала:

— Все хорошо, дорогая. Все хорошо. Просто я сейчас... сейчас немного не в себе. Спасибо, что ты пришла.

Она поцеловала меня, и я ушла успокоенная.

Часть третья

Я ВЗРОСЛЕЮ

Глава 1

После смерти отца наша жизнь полностью переменилась. На смену безопасному, беззаботному миру детства пришла реальность. Для меня не существует сомнений, что неизбежность домашнего очага держится на главе дома — мужчине. Мы привыкли подсмеиваться над выражением «Отец лучше знает», но в нем отражена одна из характерных черт поздней Викторианской эпохи. Отец — это фундамент, на котором покоится дом. Отец любит, чтобы семья садилась за стол в одно и то же время; после обеда отца не следует беспокоить; отец хотел бы поиграть с тобой в четыре руки. Все это выполняется беспрекословно. Отец заботится о том, чтобы семья была сыта, чтобы в доме поддерживался заведенный порядок, чтобы можно было заниматься музыкой.

Папа очень гордился Мэдж и любил с ней поболтать. Он восхищался ее быстрым умом и привлекательностью; они составляли друг другу отличную компанию. Думаю, он находил в ней ту веселость и чувство юмора, которых, может быть, недоставало мне, но в его сердце существовал уголок и для младшей, поздней маленькой Агаты. У нас был с ним любимый стишок:

Агата — Пагата, пеструшечка моя,
Что ни день, яички несет моим друзьям.
Бывало шесть и даже семь,
А раз и вовсе двадцать семь.

Мы с папой обожали его.

Но я думаю, что в глубине души папа больше всех любил Монти. Его чувство к сыну было сильнее. Монти тоже питал к отцу самую горячую сыновнюю любовь. Конечно же отец переживал, что его любимца преследовали сплошные неудачи. Когда Монти после Англо-бурской войны стал офицером регулярного полка «Ист Суррей» и вместе со своим полком прямо из Африки направился в Индию, отец немного успокоился. Казалось, Монти хорошо приспособился к новой армейской жизни. Хотя наши финан-

совые дела никак не улаживались, по крайней мере, проблема с Монти на время отодвинулась.

Через девять месяцев после папиной смерти Мэдж вышла замуж за Джеймса Уотса, с большим трудом решившись оставить маму. Но мама и сама настаивала, чтобы они поскорее поженились. Мама уверяла, и, думаю, в этом была доля правды, что с течением времени, когда они с Мэдж сблизятся еще теснее, расставаться станет труднее. Отец Джеймса тоже очень хотел, чтобы сын поскорее обзавелся семьей. Джеймс заканчивал Оксфорд и принимал на себя дела; отец считал, что Джеймсу будет лучше, если они с женой поселятся в своем доме. Мистер Уотс собирался выделить сыну землю из своих владений и построить дом для молодой пары. Так что все устраивалось как нельзя лучше.

Из Америки приехал и прожил у нас неделю душеприказчик отца, Огаст Монтант, — сердечный, обаятельный человек. В его лице мама получила добрейшего и мудро-го советника. Огаст откровенно объяснил ей, что папины дела обстоят плачевно; юристы, к которым он обращался, давали ему ужасные советы, равно как и те, кто как бы действовал от папиного имени. Достаточно большая сумма денег оказалась растроченной впустую на полумеры по улучшению состояния недвижимости в Нью-Йорке. По его мнению, сейчас следовало бы продать часть ее, чтобы сократить налоги. Доход будет совсем небольшим. Крупное состояние, оставленное дедушкой, растворилось в воздухе. Фирма «Х.В. Чефлин и К°», партнером которой состоял дедушка, будет обеспечивать доход бабушке — как вдове, и маме, хотя и поменьше. Согласно папиному завещанию, нам, троим его детям, полагалось по 100 фунтов стерлингов в год каждому. Оставшаяся крупная сумма долларов была также вложена в недвижимость, которая пришла в полный упадок и оказалась бесхозной или распроданной за бесценок.

Пришлось задуматься и о том, может ли мама позволить себе продолжать жить в Эшфилде. Думаю, мама была совершенно права, считая, что ей не следует оставаться там. Дом нуждался в ремонте, что требовало солидных расходов, которые нам были теперь не по карману. Разумнее было продать дом и купить другой, поменьше, где-нибудь в Девоншире, может быть, рядом с Эксетером¹:

¹ Эксетер — один из древнейших городов Великобритании, известный собором XII—XIV веков

его содержание обошлось бы дешевле, и еще остались бы деньги, вырученные от продажи. Что и говорить, хотя у мамы не было никакого делового опыта и практических навыков, она действительно обладала здравым смыслом.

Но мы, дети, решительно не хотели ничего понимать. И Мэдж, и я, и Монти в письмах из Индии умоляли маму сохранить Эшфилд. Это наш дом, говорили мы, и мы не вынесем его потери. Муж Мэдж обещал небольшую, но постоянную добавку к маминым деньгам. А летом они с Мэдж возьмут часть расходов на себя — будут приезжать в Эшфилд. Наконец, тронутая, как мне кажется, больше всего моей отчаянной любовью к дому, мама сдалась. Она решила попытаться удачи.

Теперь мне кажется, что маме никогда особенно не хотелось остаться в Торки навсегда. Она обожала города, в которых были соборы, и всегда очень любила Эксетер. Мама с папой не пропускали ни одного праздника, чтобы не отправиться в какой-нибудь городок с собором; думаю, папа делал это исключительно ради маминго удовольствия. Наверняка мама мечтала поселиться в небольшом доме поблизости от Эксетера. Но мама не была эгоисткой, Эшфилд оставался нашим домом, и я по-прежнему обожала его.

Теперь я понимаю, что неблагоприятно было так цепляться за него. Конечно же надо было продать Эшфилд и купить более подходящий дом. Но хотя мама прекрасно понимала это и тогда, а еще больше потом, все же, мне кажется, она была довольна, что мы там оставались: ведь Эшфилд долгие годы так много значил для меня! Мое пристанище, кров, приют — место, которое я действительно считала родным. Мне никогда не приходилось страдать от отсутствия корней. Хотя сохранять Эшфилд было безумием, именно благодаря этому безумию я приобрела нечто очень ценное: сокровищницу воспоминаний. Разумеется, этот дом причинил мне и много огорчений, потребовал забот, расходов и хлопот — но разве за все, что мы так любим, не приходится платить?

Папа умер в ноябре; следующей осенью, в сентябре, вышла замуж Мэдж. Свадьбу справили скромно, без застолья, ведь мы соблюдали траур. Тем не менее церемония венчания была совершенно очаровательной. Она проходила в старой церкви в Торки. Мне доверили роль глав-

ной подружки невесты и я невероятно этим гордилась. Все подружки невесты были одеты в белое, с венками из белых цветов.

Венчание состоялось в одиннадцать часов утра, и после него мы отправились в Эшфилд на свадебный обед. Счастливые новобрачные не только получили массу изумительных подарков, но также подверглись всем пыткам, которые только смогли выдумать мы с моим кузеном Джералдом. В течение всего медового месяца им пришлось вытряхать рис буквально из всех вещей, извлеченных из чемодана. К багажнику машины, на которой они уезжали, мы прикрепили атласные туфельки, и после того как они обошли машину много раз, чтобы окончательно убедиться в том, что им нечего опасаться, мы написали мелом: «Миссис Джимми Уотс — имя первый сорт».

Они провели медовый месяц в Италии.

Утопая в слезах, мама уединилась в своей спальне, а мистер и миссис Уотс вернулись в отель, — миссис Уотс, без всяких сомнений, тоже отправилась рыдать. По-видимому, именно так реагируют матери на свадьбы своих детей. Молодые Уотсы, кузен Джералд и я остались одни, настороженно приглядываясь друг к другу.

Поначалу Нэн Уотс жутко мне не понравилась. К сожалению, по существовавшему в те времена обычаю, члены наших уважаемых семейств прочитали нам наставления. Нэн, хохотушке, с повадками сорванца-мальчишки, сообщили, что Агата всегда хорошо себя ведет, она «такая благонравная и вежливая». И пока Нэн оценивала меня в соответствии с этими панегириками¹, меня предупредили, что Нэн «никогда не робеет, всегда отвечает, когда с ней разговаривают, никогда не краснеет, ничего не бормочет себе под нос и не сидит молча, как бука». Поэтому мы обе смотрели друг на друга чуть ли не с ненавистью.

Так прошли первые полчаса, но потом мы быстро нашли общий язык. В конце концов мы устроили в классной комнате нечто вроде стипль-чеза², совершая дикие прыжки с переворотных и нагроможденных друг на друга ступьев, приземляясь каждый раз на старенький честерфил-

¹ Панегирик — чрезмерное восхваление кого-либо.

² Стипль-чез — бег с препятствиями или скачки лошадей с препятствиями.

довский диван¹. Мы катались от смеха, вопили, визжали — в общем, веселились на всю катушку. Нэн изменила свое мнение: «спокойная и тихая» девочка вопила изо всех сил. Я тоже уже не думала, что Нэн — маленькая нахалка, которая только и делает, что болтает без умолку и встречается во взрослые разговоры. Мы изумительно провели время, но пружины дивана вышли из строя навсегда.

Потом мы закусили холодным мясом и отправились в театр на «Пиратов из Пензанса»². С тех пор дружба с Нэн все крепла, мы стали друзьями на всю жизнь. Нам случилось терять друг друга из виду на несколько лет, но, когда мы снова встречались, оказывалось, что ничего не изменилось. Нэн... Мне теперь очень ее недостает. С ней, как ни с кем другим, я могла часами говорить об Эшфилде, Эбни, о добром старом времени, о собаках и наших проделках, об ухажерах и спектаклях, которые мы смотрели или в которых участвовали.

После отъезда Мэдж начался новый этап моей жизни. Я еще была ребенком, но взрослеющим. Ушли безудержность радости, безысходность отчаяния, сиюминутная значительность каждого дня — неоспоримые признаки детства, а с ними ощущение безопасности и полное равнодушие к будущему.

Мы не были больше семьей Миллеров; немолодая женщина и маленькая наивная девочка, совершенно не готовая к превратностям судьбы, просто оказались теперь вдвоем, и, хотя внешне мало что изменилось, жизнь стала другой.

После папиной смерти у мамы начались сердечные приступы. Они случались совершенно неожиданно, и прописанные доктором средства несколько не помогали. Впервые я поняла, что значит беспокоиться о других, но, неопытная и маленькая, я сильно все преувеличивала. По ночам я просыпалась с отчаянно бьющимся сердцем, уверенная, что мама умерла. Двенадцать и тринадцать лет — как раз самый возраст для подобных волнений. Думаю, я

¹ Имеется в виду большой мягкий диван с подлокотниками, названный по имени графа Честерфилда.

² «Пираты из Пензанса» — пьеса английского писателя Уильяма Гилберта, музыку к которой написал Артур Салливан.

понимала, что страхи мои необоснованны, но ничего не могла с собой поделать. Я вставала, кралась по коридору, опускалась на коленки около маминой двери и, прижав ухо к замочной скважине, не дыша пыталась уловить звуки ее дыхания. Очень часто мои опасения почти тотчас развеивались, так как из-под двери доносился оглушительный храп. Мама храпела довольно специфически: она начинала на изысканном пианиссимо¹, которое затем поднималось до оглушительного всхрапа, после которого мама обычно переворачивалась на другой бок и замолкала по крайней мере минут на сорок. Услышав знакомые звуки и успокоившись, я уходила обратно к себе в комнату и засыпала; но если из-за двери ничего не было слышно, я оставалась на месте, во власти самых ужасных предчувствий. Было бы гораздо проще открыть дверь, войти и убедиться, что ничего страшного не произошло, но как-то так получалось, что я никогда этого не делала, а может быть, мама на ночь запира-ла дверь на ключ.

Я никогда не признавалась маме в этих ужасных приступах страха за нее, и, наверное, она никогда о них не подозревала. Каждый раз, когда она отправлялась в город, я безумно боялась, что ее могут задавить. Сейчас все это кажется таким глупым... Со временем, через год или два, мои страхи постепенно улеглись. Впоследствии я стала спать в папиной гардеробной, по соседству с маминой спальней, с приоткрытой дверью; если ночью она плохо себя чувствовала, я могла войти, поправить подушку, помочь лечь повыше и дать ей немного коньяка или нюхательную соль. Только в гардеробной я насовсем избавилась от ужасных мук страха. Конечно я всегда страдала от избытка во-ображения, сослужившего мне потом хорошую службу, в самом деле, фантазия — основа основ писательского ремесла, но в других случаях она может вызвать массу неприятных переживаний.

После смерти папы изменились и условия жизни. Светские рауты практически прекратились. Кроме старых друзей, мама ни с кем не виделась. Мы едва сводили концы с концами и вынуждены были соблюдать строжайшую экономию. Только так мы могли сохранить Эшфилд. Мама не устраивала больше званных обедов и ужинов. Вместо трех слуг остались двое.

¹ Пианиссимо (*ит*, *муз*) — очень тихо

Мама попыталась объяснить Джейн, что мы теперь крайне стеснены в средствах и отныне ей придется довольствоваться двумя юными и неопытными помощницами; что Джейн, будучи великолепным поваром, вправе претендовать на более высокое жалованье — она имеет для этого все основания. Мама подыскала для Джейн место, где она будет получать больше денег и работать с опытной помощницей.

— Вы заслуживаете этого, — сказала мама.

Джейн бесстрастно выслушала мамину речь, не выказав никаких эмоций. Как всегда, она что-то ела. Продолжая жевать, она кивнула головой, а потом ответила:

— Прекрасно, мэм. Как скажете, вам виднее.

На следующее утро, однако, она появилась в маминной комнате:

— Я просто хотела сказать, мэм, кое-что. Я подумала и решила остаться у вас, мэм. Я поняла все, что вы мне сказали, и согласна получать меньше; но я жила здесь очень долго. Все равно брат настаивает, чтобы я приехала к нему потом, и я обещала вести его дом, когда он уйдет с работы: через четыре или пять лет. А до тех пор я остаюсь здесь.

— О, это так великодушно с вашей стороны, — почувствовалась мама.

Джейн, пуще всего боявшаяся проявления всяких чувств, сказала:

— Так будет лучше, — и величественно покинула комнату. Однако все было не так уж замечательно. Привыкнув за многие годы готовить определенным образом, Джейн решительно не могла переменить свои привычки. Если она приготавливала роти, то из гигантского куска мяса. На стол подавались громадные пироги, колоссальных размеров торты и пудинги, достойные аппетита Гаргантюа. Мама говорила:

— Джейн, помните, что нас только двое.

Или:

— Пожалуйста, на четверых.

Но Джейн не воспринимала этих увещаний.

Ощутимый урон хозяйству наносило щедрое гостеприимство Джейн. Каждый божий день к ней заявлялись семь или восемь друзей пить чай с пирожными, сдобными булочками, лепешками, печеньем, фруктовыми тортами. В конце концов, отчаявшись из-за того, что книга до-

машинных расходов все распухает и распухает, мама деликатно намекнула, что, может быть, поскольку теперь все изменилось, Джейн будет принимать своих друзей не чаще чем раз в неделю. Так что теперь Джейн устраивала угощения только по пятницам.

Наши трапезы тоже отличались от прежних застолий с тремя-четырьмя сменами блюд. Теперь по вечерам мы с мамой ели макароны с сыром или рисовый пудинг. Думаю, это огорчало Джейн. Понемногу маме удалось также взять на себя заказы, чем в былые времена занималась Джейн. Один из папиных друзей получал большое удовольствие, слушая, как Джейн по телефону отдает распоряжения:

— Я хочу шесть лангустов — только не омаров, — свежих, и креветок, не меньше чем...

Это «не меньше чем» было излюбленным выражением в нашей семье. Кстати, «не меньше чем» заказывала не только Джейн, но и наша следующая кухарка, миссис Поттер. Что за благословенные времена были для торговцев!

— Но я всегда заказывала двенадцать филе камбалы, — в отчаянии говорила Джейн.

Тот факт, что у нас не было теперь достаточно ртов, чтобы съесть двенадцать филе, даже считая ее и ее помощницу, не укладывался в голове Джейн.

Все эти изменения не слишком меня печалили. Такие понятия, как роскошь или экономия, в юные годы не имеют значения. Что купить — леденцы или шоколад — не так уж важно. К тому же я всегда предпочитала камбале макрель, а мерлуза, кусающая себя за собственный хвост, всегда казалась мне верхом совершенства.

Я по-прежнему поглощала огромное количество книг — проработала всего Хенти и набросилась на Стенли Уэймена¹ (какие восхитительные исторические романы!). Однажды я перечитала «Трактир в замке» и нашла его прекрасным.

«Пленник Зенды»² открыл мне, как и многим другим, насколько хорош жанр романа. Я зачитывалась им, влюбившись по уши не в Рудольфа Рассендилла, как можно было ожидать, но в настоящего короля, заточенного и

¹ Уэймен Стенли (1855—1928) — английский писатель, автор многочисленных романов из французской истории

² «Пленник Зенды» — роман английского писателя Энтони Хоупа Хокинса (1863—1933).

горюющего в башне. Я жаждала спасти его, освободить, убедить, что Флавия, любила именно его, а не Рудольфа Рассендила. Я прочитала по-французски всего Жюль Верна¹ — «Путешествие к центру земли» многие месяцы оставалось моей любимой книгой. Я наслаждалась контрастом между благоразумным племянником и самоуверенным дядей. Любую книгу, которая нравилась мне по-настоящему, я перечитывала чуть ли не каждый месяц; потом, примерно через год, влюбилась в другую.

Были также книги Л.Т. Мид² для девочек — мама их терпеть не могла, находя юных героинь этих книг вульгарными, только и мечтающими о богатстве и красивых платьях. Втайне я восхищалась ими, но при этом чувствовала себя виноватой в дурном вкусе! Некоторые из книг Хенти мама читала мне вслух, досадуя, впрочем, на чрезмерную пространственность описаний. Она читала мне и «Последние дни Брюса» — книга страшно нравилась нам обеим.

На уроках я корпела над трудом под названием «Великие исторические события». Проработав каждую главу, мне нужно было ответить на вопросы, помещенные в конце. Из нее я узнавала о главных европейских и мирового значения событиях, произошедших во время правления английских королей, начиная с короля Артура³. Как приятно, когда вам твердо говорят, что король Такой-то плохой; эта книга отличалась библейской категоричностью. Я узнала даты рождения и смерти всех английских королей и имена всех их жен, — не могу сказать, чтобы эта информация хоть сколько-нибудь пригодилась мне в жизни.

Каждый день я занималась также орфографией, испиывая целые страницы трудными словами. Думаю, некоторую пользу эти упражнения мне принесли, но я всегда писала с кучей ошибок и делаю их по сей день.

Огромное удовольствие доставляла мне музыка — и уроки, и всякого рода музыкальная деятельность, связанная с семьей Хаксли. У доктора Хаксли и его рассеянной, но умной жены было пятеро дочерей — Милдред, Сибил, Мюриэл, Филлис и Инид. По возрасту я находилась между

¹ Верн Жюль (1828—1905) — французский писатель, один из основоположников жанра научной фантастики

² Мид Леонтина Томас (1814—1864) — английская писательница

³ Король Артур — легендарный герой кельтских народных сказаний и центральный образ цикла рыцарских романов Круглого стола

Филлис и Мюриэл, моей лучшей подружкой, смешливой девочкой, с длинноватым лицом и ямочками на щеках, что довольно необычно для лиц такой формы, и со светлыми пепельными волосами.

Я впервые встретила с Мюриэл и Филлис на уроке пения. Мы, десять-двенадцать девочек, пели раз в неделю хоромы сочинения и оратории под руководством учителя пения мистера Крау, а также играли в «оркестре»: мы с Мюриэл — на мандолинах, Сибил и девочка по имени Конни Стивенс — на скрипке, а Милдред — на виолончели.

Вспоминая теперь Хаксли, я должна признать, что это было отважное семейство. Завзятые святоши из старых обитателей Торки косо посматривали на «этих Хаксли» главным образом потому, что у них было заведено прогуливаться по Стрэнду, коммерческой улице Торки, от двенадцати до часу дня. Впереди, держась за руки, шли три девочки, а вслед еще две и гувернантка; они в открытую веселились, бегали взад и вперед, хохотали, но, что самое главное, они были без перчаток. Это уже откровенный вызов. Тем не менее, поскольку мистер Хаксли был самым модным доктором в Торки, а миссис Хаксли — то, что называется «хорошего происхождения», девочки были приняты в свете.

Нравы в ту пору отличались особым своеобразием, замешанным на снобизме. Однако неумеренное проявление снобизма вызвало всеобщее презрение. Тех, кто слишком часто намекал на свой аристократизм, осуждали и высмеивали. Три фазы обсуждения, следующие друг за другом, я слышала всю жизнь.

Первая:

— Но кто она, дорогая? Из какой с е м ьи? Не из йоркширских ли она Твидлов? Они, конечно, отчаянно нуждаются, но она урожденная Уилмот!

Вторая:

— Да, конечно, они ужасно вульгарны, но страшно богаты! Думаю, люди, поселившиеся в «Лиственницах», имеют деньги, не правда ли? О, надо обязательно навес-
тить их.

И наконец, третья:

— Я все знаю, дорогая, но они так забавны! Конечно никакого воспитания, и никто не знает, из какой они с е м ьи, но они в самом деле очень забавны.

Ну хватит рассуждать о нравах, продолжим разговор об оркестре.

Интересно, насколько походил на музыку тот шум, который мы издавали? Наверное, это было ужасно. И, однако, нам было очень интересно, и наши познания в музыке увеличились. Приближалось и нечто еще более заманчивое — мы готовились к представлению опер Гилберта и Салливана¹.

Еще до того, как мы сблизились, Хаксли уже поставили «Терпение». Теперь они задумали постановку «Телохраниителя» — что требовало незаурядной отваги. Меня всегда изумляло, что родители несколько не расхолаживали детей. Миссис Хаксли проявляла великолепную индифферентность, что, надо сказать, искренне восхищало меня, поскольку родители в ту пору отнюдь не отличались равнодушием. Она поддерживала детей во всех их начинаниях, помогала, если они нуждались в помощи, а если нет — предоставляла полную свободу. Распределили, как положено, роли. Я обладала красивым сильным сопрано, единственным во всей труппе, и, конечно, была на седьмом небе, когда мне поручили роль полковника Ферфакса

Некоторые трудности возникли с моей мамой, у которой были свои представления о том, какие части ног девушки могут демонстрировать публике. Ноги есть ноги, достаточно деликатная часть тела. Неблагопристойно, считала моя старомодная мама, появляться на сцене в корогких панталончиках XVI века или еще в чем-то таком. Мне было тогда тринадцать или четырнадцать лет, и мой рост составлял уже метр шестьдесят семь. Увы, никаких признаков пышной груди, о которой я мечтала, живя в Когре, не наблюдалось. Все-таки мне удалось выйти в костюме королевского стражника, хотя вместо панталончиков на мне были довольно мешковатые брюки гольф. Я утешалась тем, что джентльмены елизаветинских времен² сталкивались с еще большими трудностями. Сегодня все это кажется смешным, но тогда к подобным проблемам относились весьма серьезно. В конце концов из положения вышли так: мама сказала, что, если я переброшу через плечо длинную мантию, все будет прекрасно. Мантию соорудили из

¹ Имеются в виду популярные комические оперы, созданные композитором Артуром Салливаном (1842—1900) и автором либретто писателем Уильямом Гилбертом (1836—1911).

² Имеется в виду время царствования английской королевы Елизаветы Первой из династии Тюдор (1533—1633, правила с 1558 года), совпавшее с эпохой английского Возрождения

куска бирюзового бархага, выуженного из Бабушкиных запасов. (Бабушкиными запасами были набиты многочисленные сундуки и ящики, ломившиеся от изумительных тканей, купленных ею за последние двадцать пять лет и благополучно забытых.) Двигаться по сцене в мантии, ниспадающей с одного плеча и перекинутой через другое, да еще так, чтобы «неприличные» части публики случайно не увидела, было не очень-то легко.

Помнится, я не испытывала на сцене ни малейшего страха. Не странно ли для особы столь застенчивой, которой порой стоило невероятных усилий перешагнуть порог магазина? Которая, прежде чем появиться на большом приеме, стискивала зубы, чтобы справиться со смущением? Единственным, что совершенно не приводило меня в замешательство, было пение. Позднее, учась в Париже одновременно музыке и пению, я тряслась от страха, если мне предстояло сыграть что-нибудь на школьном концерте и вместе с тем совершенно не боялась петь. Вполне вероятно, что этим бесстрашием я обязана арии «Благо ли жизнь» и прочим ариям из репертуара полковника Ферфакса. «Телохраниитель», безусловно, был моим звездным часом в тот период. И тем не менее я рада, что мы больше не ставили опер — опыт, который доставил истинное удовольствие, нельзя повторить снова.

Поразительная вещь: воскрешая события прошлого, как и почему они происходили, что им предшествовало, невозможно вспомнить, когда и отчего они канули в безвестность. Совершенно вылетели из памяти множество пьес, в которых я участвовала вместе с Хаксли после описанных уже постановок, хотя совершенно уверена, что наша дружба не прерывалась. Одно время мы, кажется, встречались каждый день, потом я долгое время писала Лалли в Шотландию. Может быть, доктор Хаксли уехал практиковать куда-то в другое место или оставил работу? Я не помню, когда мы расстались окончательно. Но помню, что у Лалли существовала твердая градация дружеских отношений.

— Ты не можешь быть моей лучшей подругой, — объясняла она, — потому что в Шотландии есть девочки Мак-Крэкэнс. Они всегда были нашими лучшими друзьями. Бренда — моя лучшая подруга, а Джэнет — лучшая подруга Филлис; но ты можешь быть моей второй лучшей подругой.

Так что мне пришлось довольствоваться званием второй лучшей подруги, что ничуть не мешало нашим отношениям, поскольку Хаксли виделись с Мак-Крэнсенами едва ли чаще чем раз в два года.

Глава 2

Мне кажется, где-то в марте мама сказала, что Мэдж ждет ребенка. Я ошарашенно уставилась на нее:

— Мэдж ждет ребенка?

Непонятно, почему мысль о том, что у Мэдж может появиться ребенок, не приходила мне в голову, — в конце концов, это случалось сплошь и рядом, но то, что происходит в своей семье, всегда производит более сильное впечатление. Я с энтузиазмом приняла своего зятя Джеймса, или Джимми, как я обычно называла его, и успела привязаться к нему. Сейчас же произошло что-то совсем новое.

Как всегда, мне понадобилось некоторое время, чтобы осмыслить сказанное. Может быть, я просидела с открытым ртом две минуты или даже больше. Потом я сказала:

— О, это будет потрясающе. А когда? Через неделю?

— Нет, не так скоро, — ответила мама. — Наверное, в октябре.

— В октябре? — расстроилась я.

Сколько еще придется ждать! Не помню точно, какие у меня в ту пору существовали представления о сексе, — мне было тогда около тринадцати лет, однако, думаю, что я уже не слишком полагалась на рассказы о небесных посланниках или докторам с черными портфелями. Я уже понимала, что это некий физиологический процесс, но не испытывала ни любопытства, ни особого интереса. Однако некоторое осторожное умозаключение я сделала. Сначала ребенок находится внутри, а потом, в нужное время, оказывается снаружи; я размышляла о механизме его появления на свет и пришла к выводу, что самым вероятным путем для него был пупок. Я совершенно не могла взять в толк, для чего существует это углубление посреди живота, и, следовательно, совершенно ясно, что пупок должен иметь какое-то отношение к появлению ребенка на свет.

Позже сестра рассказала мне, что у нее были совершенно определенные идеи на сей счет: она считала, что пупок —

это замок, ключ от которого находится у мамы, а потом мама передает этот ключ мужу, и в брачную ночь он отпирал замок. Все это звучало настолько убедительно, что меня нисколько не удивляла твердая уверенность Мэдж в правильности своей теории.

Я отправилась в сад обдумывать новость и провела там много времени в размышлениях. У Мэдж будет ребенок. Удивительное известие, и чем больше я думала о нем, тем в больший восторг приходила. Я буду тетя, как взрослая, это придаст мне значительность. Я буду покупать ему игрушки, разрешу играть в своем кукольном домике, буду следить, чтобы мой котенок Кристофер случайно не поцарапал его. Примерно через неделю я перестала думать обо всем этом — повседневные дела отвлекли меня. До октября надо было еще столько ждать.

Вдруг в августе пришла телеграмма, и мама спешно уехала из дома. Она объяснила, что должна побыть некоторое время с Мэдж в Чeshire. С нами жила тогда Тетушка-Бабушка. Внезапный отъезд мамы не очень удивил меня, потому что мама всегда действовала внезапно, без всяких предварительных приготовлений. Помню, я гуляла в саду рядом с теннисным кортом, с надеждой разглядывая грушевое дерево в поисках спелой груши. Именно за этим занятием и застала меня Алиса.

— Пора кушать, мисс Агата. У меня есть для вас маленькая новость.

— Новость? Какая?

— У вас теперь есть маленький племянник.

— Племянник? Но он не должен был появиться раньше октября!

— Ну, не всегда все бывает так, как мы думаем, — сказала Алиса. — Пойдемте же.

Бабушку я нашла в кухне с телеграммой в руке. Я набросилась на нее с распросами. Какой из себя ребенок? Почему он появился сейчас, а не в октябре? Бабушка парировала мои вопросы с истинно викторианским искусством. Думаю, что мой приход заставил ее прервать беседу с Джейн — явно на акушерские темы, потому что они обе резко понизили голоса и шептали что-то вроде: «Один доктор считал, что надо дать ей потрудиться, но другой настоял на своем». Все это звучало очень таинственно. Я пыталась представить себе племянника. Бабушка нарезала баранину, когда я спросила ее:

— Но как он все-таки выглядит? Какого цвета у него волосы?

— Наверное, он лысый. Волосы вырастают не сразу.

— Лысый, — повторила я разочарованно. — А у него красное лицо?

— Скорее всего.

— А какого он размера?

Бабушка подумала, перестала резать мясо и отмерила расстояние ножом:

— Такой.

Она ответила мне с абсолютной уверенностью человека, который знает, о чем говорит. Ребенок показался мне очень маленьким. В то же время это заявление произвело на меня такое сильное впечатление, что, абсолютно уверена, если бы психиатр попросил меня назвать ассоциацию и в качестве ключевого слова произнес «ребенок», я тотчас ответила бы: «нож для разрезания мяса». Интересно, какой фрейдистский комплекс¹ приписали бы мне в связи с таким ответом?

Племянник очаровал меня. Мэдж привезла его в Эшфилд спустя примерно месяц, а когда ему исполнилось два месяца, его крестили в старой церкви в Торе. Так как крестная мать малыша, Нора Хьюитт, не могла присутствовать на крестинах, мне разрешили держать ребенка на руках и быть ее представительницей. Я стояла рядом с купелью, преисполненная гордости, а Мэдж нервно поддерживала меня за локоть, чтобы я случайно не уронила племянника. Мистер Джейкоб, наш викарий, которого я прекрасно знала с тех пор, как он готовил меня к конфирмации², замечательно умел крестить. Он окроплял святой водой верхнюю часть лба и логонько покачивал ребенка, чтобы он не заплакал. Племянник был окрещен Джеймсом Уотсом, в честь отца и дедушки. Но в семье его называли Джеком. Мне хотелось, чтобы он поскорее вырос и я смогла бы играть с ним. Но он почти все время спал.

Какое счастье, что Мэдж приехала домой надолго! Я рассчитывала, что она будет рассказывать мне разные интересные истории и внесет разнообразие в мою жизнь. Своего

¹ В учении австрийского психиатра Зигмунда Фрейда (1856—1939), основателя психоаналитической школы в психиатрии и психологии, отводится важная роль «бессознательному», отражающему самые разные влечения, подавление которых порождает комплексы.

² Конфирмация — протестантский обряд подтверждения крещения, совершаемый над подростками перед первым причастием.

первого Шерлока Холмса¹ — «Голубой карбуикул» — я услышала от Мэдж и с тех пор одолевала ее просьбами рассказывать еще. Больше всего я любила «Голубой карбуикул», «Союз рыжих» и «Пять апельсиновых косточек», хотя и все остальное тоже нравилось мне. Мэдж была великолепной рассказчицей.

Перед тем как выйти замуж, она начала писать сама. Некоторые из ее рассказов были опубликованы в «Ярмарке тщеславия». Напечататься в этом журнале считалось большим литературным успехом, и папа страшно гордился ею. Она написала серию рассказов, посвященных спорту. «Шестой мяч в молоко», «Мимо», «Касси играет в крокет» и другие. Очень остроумные и увлекательные. Перечитав их лет двадцать тому назад, я подивилась, как же хорошо она писала. Интересно, продолжала бы она писать, если бы не вышла замуж? Но думаю, скорее она предпочла бы стать художницей. Мэдж из тех людей, у которых прекрасно получается все, за что бы они ни взялись. Насколько я помню, выйдя замуж, она больше не писала рассказов, но лет через пятнадцать начала писать для сцены. «Претендента» поставил Бэзил Дин в Королевском театре, с Леоном Куотермейном и Фей Комптон в главных ролях. Мэдж написала еще одну или две пьесы, но их не поставили в Лондоне. Помимо этого Мэдж великолепно играла в любительских спектаклях в Манчестерском любительском драматическом театре. В нашей семье Мэдж безусловно была самой талантливой.

Я же была начисто лишена честолюбия, сознавая свою заурядность. Любила играть в теннис и крокет, но никогда не играла достаточно хорошо. Очень соблазнительно «признаться», что я всегда мечтала стать писательницей и прославиться, но положила руку на сердце могу сказать, что такая мысль никогда не приходила мне в голову.

Однако в одиннадцатилетнем возрасте меня все-таки напечатали. Случилось это так. По Илингу начали ходить трамваи, что вызвало немедленный взрыв общественного негодования. Ну как же: такое благословенное место по соседству с Лондоном, такие широкие улицы, такие красивые дома — и вдруг лязг трамваев! При слове «прогресс»

¹ Шерлок Холмс — знаменитый сыщик, персонаж многих произведений английского писателя Артура Конан Дойла (1859—1930).

раздавались страдальческие вопли. Посыпались протесты в прессу, в мэрию, кто куда мог — писали все. Трамвай! Какая пошлость, какой шум! Здоровье населения подвергается несомненной угрозе. Разве недостаточно великолепного блестящего красного автобуса с огромными буквами «ИЛИНГ», курсировавшего от Бродвея в Илинге до Шеперд-Буш, и другого, чрезвычайно полезного автобуса, от Ханвелла до Эктона. Не говоря уже о доброй старой Большой Западной железной дороге или пригородных поездах.

Трамваи объявили ненужными. Но они появились. Появились неумолимо, сопровождаемые стенаниями и зубовным скрежетом жителей города; с ними непосредственно связана моя первая попытка напечататься — я написала стихотворение в первый же день, как начали ходить трамваи. Оно состояло из нескольких строк. Бабушка уговорила одного из старых джентльменов из своего окружения, верного стража из числа ее галантных телохранителей, генералов, полковников и адмиралов, пойти в редакцию местной газеты и предложить напечатать мое стихотворение — наверняка они поместят его. Я до сих пор помню это первое стихотворение:

Чуть свет пошли трамван,
Пурпуром сверкая.
Искры рассыпая.
Но когда стемнело и сумерки ступились,
Совсем другое дело:
Трамван испарился.

Далее я иронизировала по поводу «узкого башмака, который жал». (В «башмаке» сцепления, или как он там назывался, обнаружили неполадки с электричеством, подаваемым в трамвай, из-за чего спустя несколько часов случилась авария.) Увидев стихи напечатанными, я почувствовала прилив гордости, но никак не творческого энтузиазма, на литературное поприще я совершенно не рвалась.

На самом деле я думала только об одном — о счастливом замужестве. Как и большинство моих подруг, я не сомневалась, что оно будет непременно удачным. Мы жили в представлении безоблачного счастья; мы ждали любви, восхищения, поклонения, ждали, как о нас будут заботиться, холить и лелеять, намереваясь в то же время идти собственным путем во всем, что было для нас важным, одновременно заботясь о муже, помогая ему добиться успе-

ха в карьере, считая это своим священным долгом. Мы не нуждались в тонизирующих или успокоительных таблетках, потому что верили, что жизнь прекрасна. Могли испытывать личные разочарования, порой чувствовали себя несчастными, но в целом жизнь приносила нам радость. Может быть, для нынешних девушек так оно и осталось и жизнь для них так же увлекательна, но они, конечно же, не показывают этого. Может быть — только сейчас пришло мне в голову, — им нравится предаваться меланхолии? Некоторым наверняка нравится. Может быть, им доставляет удовольствие эмоциональный надрыв и потом преодоление его? Может быть, мучительные душевные терзания им в радость? Тревога, тоска, беспокойство типичны для нашего времени. Мои современницы часто оказывались в трудном положении, у них не было и десятой доли того, чего они хотели. Почему же нам было так весело жить? Может быть, в нас бродили жизненные соки, которые теперь иссыкли? Отчего? От гнета ли образования или, того хуже, от страха остаться недоучкой? Или высушила их тревога о будущей жизни?

Мы походили на буйные заросли цветов, может быть, даже сорняков, но силы в нас били через край, мы пробивались вверх — сквозь щели тротуаров и мостовых, в самых зловещих уголках, подталкиваемые любопытством к жизни, жаждой наслаждения, и прорывались к солнечному свету в ожидании, пока кто-нибудь придет и сорвет нас. Нас могли помять, но мы снова поднимали головы. Теперь, увы, появилось много гербицидов¹ (и сильных!), и у сорняков нет больше шансов снова поднять голову. Говорят, что погибают неприспособленные. Нам никто никогда не говорил, что мы неприспособленные. А если бы кто-нибудь сказал, мы бы не поверили. Только убийца был неприспособлен к жизни. А теперь именно ему и нельзя этого говорить.

Самое замечательное в девичестве, каковое есть предчувствие женственности, состоит в том, что жизнь воспринимается как увлекательное приключение. Совершенно не знаешь, что с тобой случится. Вот отчего так интересно становиться женщиной. Никаких забот о том, что делать, — Природа сама решит. Ждешь мужчину, который, раз появившись, полностью изменит твою жизнь.

¹ Гербициды — ядовитые химические вещества, применяемые для уничтожения сорняков.

Что ни говорите, но от подобных предчувствий голова кружится. Что будет? «Может, я выйду за какого-нибудь дипломата... Наверное, мне бы понравилось ездить за границу, смотреть мир...» Или: «Пожалуй, я не хотела бы выйти замуж за моряка; ведь пришлось бы все время жить у моря». Или: «Кто знает, может быть, я выйду замуж за мостостроителя или первопроходца». Весь мир открыт, но выбор не за вами, все predetermined судьбой. Судьба может послать кого угодно: например, пьяницу или кого-то, кто сделает вас несчастной на всю жизнь; но неведенье лишь привносило остроту в ожидание. В сущности было не важно, какая у него профессия, главное, что это он. Выражаясь словами старушек нянь, кормилиц, кухарок и горничных: «Однажды явится Мужчина вашей жизни, ваш Суженый».

Помню, еще совсем крошкой я наблюдала, как старая Ханна, Бабушкина кухарка, одевает на бал одну из самых хорошеньких маминых подруг. Ханна зашнуровывала ее в тугой корсет.

— А теперь, мисс Филлис, — сказала Ханна, — поставьте ногу на кровать и наклонитесь, я буду затягивать. Не дышите.

— Но, Ханна, я не выдержу, правда, не выдержу. Я совсем не могу дышать.

— Ничего-ничего, моя милочка, не шевелитесь, вы прекрасно можете дышать. Придется вам не слишком много есть, оно и к лучшему, потому что молодым леди не подобает объедаться у всех на виду — это неделикатно. Вы должны вести себя как настоящая юная леди. Вот теперь прекрасно. Подождите, я измерю вам талию. Как раз: сорок шесть с половиной сантиметров; я могла бы затянуть до сорока шести.

— Сорок шесть с половиной тоже хорошо, — вздохнула страдальца.

— Вы еще порадуетесь, что появились там с такой тонкой талией. Представьте себе, что именно в этот вечер явится ваш суженый? Не хочется же вам, в самом деле, чтобы он увидел вас поперек себя шире?

Мужчина вашей жизни. Суженый. Или иногда еще более элегантно: «Ваша судьба».

— Мне что-то совсем не хочется идти на эти танцы.

— Глупости, очень даже хочется. Может быть, вы встретите там вашего Суженого.

И естественно, именно так все и происходит. Девушки отправляются на какой-нибудь бал, они могут хотеть идти

туда, могут не хотеть — это не имеет никакого значения, — и там встречаются свою судьбу.

Конечно, всегда находились девушки, заявлявшие, что они не хотят выходить замуж, обычно по какой-нибудь благородной причине. Как правило, они собирались уйти в монастырь или работать в лепрозории¹. Речь шла, таким образом, о том, чтобы принести себя в жертву ради какого-то очень важного дела, — неизбежный этап. Горячее стремление стать монахиней было гораздо более характерно для последовательниц протестантской религии, чем католической. Девушки-католички рассматривали уход в монастырь как призвание, как выбор жизненного пути, в то время как протестанток привлекал аромат религиозной таинственности. Профессия больничной сиделки тоже считалась вполне героической, овеянной славой мисс Флоренс Найтингейл². Но для большинства главной темой оставался брак: за кого вам предстоит выйти замуж — вот что волновало больше всего.

В тринадцать-четырнадцать лет я значительно опережала свой возраст, чувствовала себя гораздо старше и опытнее сверстниц. Я больше не чувствовала себя защищенной — напротив, я сама стала защитницей. Чувствовала ответственность за маму. В это же время начались мои попытки разобраться в себе: что я за человек, что может принести мне успех и в чем я слаба, на что не стоит тратить времени. Я прекрасно знала, что не отличаюсь сообразительностью; прежде чем решать какую-то проблему, я должна была всесторонне обдумать ее.

Я начала ценить время. Нет ничего удивительнее в жизни, чем время. Не думаю, чтобы у современных людей его было достаточно. В детстве и юности мне страшно повезло именно потому, что у меня было так много времени. Просыпаешься утром и, даже прежде чем открыть глаза, радостно предвкушаешь: «Интересно, что я сегодня буду делать?»

¹ Лепрозорий — лечебно-профилактическое учреждение для больных проказой, тяжелым заразным хроническим заболеванием, поражающим кожу и другие органы человека.

² Найтингейл Флоренс (1820—1910) — английская медсестра, руководившая отрядами санитарок во время Крымской войны 1853—1856 годов и создавшая в Великобритании систему подготовки кадров младшего и среднего медицинского персонала.

Ты можешь решать: вот он перед тобой, выбор, и, если хочешь, можешь распланировать день. Это не означает, что не существует обязанностей, которые нужно выполнить, — конечно же они есть: определенная домашняя работа — то почистить серебряные рамки для фотографий, то заштопать чулки, а то и выучить главу из «Великих исторических событий», а завтра пойти в город и оплатить все счета в магазинах. Написать письма, поиграть гаммы и упражнения, повышивать, но все эти занятия зависели от моего выбора, от моего желания. Я могла планировать день, могла сказать:

«Пожалуй, оставлю чулки на потом; с утра пойду в город, а вернусь по другой дороге и посмотрю, зацвела ли уже яблоня».

Просыпаясь, я всегда испытывала самое естественное для всех нас чувство: радость жизни, может быть, несознательную. Вы живете, и открываете глаза, и наступает новый день; каждый следующий шаг в вашем путешествии в неизведанное — в этом увлекательном путешествии — и есть ваша жизнь. И дух захватывает не обязательно от того, что это вообще жизнь, но от того, что это ваша жизнь. Одно из величайших таинств существования — наслаждение преподнесенным вам даром жизни.

Вовсе не всякий день сулит наслаждения. После сладостного чувства, испытанного от «Новый день! Какое счастье!», вы вспоминаете, что в десять тридцать назначены на прием к зубному врачу, и это отнюдь не радует. Но первоначальное чувство радости уже испытано, и оно дает вам заряд на весь день. Конечно многое зависит от характера, веселый он или мрачный. Думаю, что с этим ничего не поделаешь. Уж каков человек есть, таков он и есть: счастливый и веселый до той поры, пока что-нибудь не огорчит его, или мрачный и грустный, пока что-нибудь не разведет его тоску. Само собой разумеется, счастливые люди могут стать несчастными, а мрачные получать массу удовольствий. Но если бы я могла сделать подарок новорожденному, я выбрала бы только одно: хороший характер.

Существует странное, на мой взгляд, мнение, что работа — это большая заслуга. Почему? Когда-то человек шел на охоту для того, чтобы прокормиться и выжить. Потом он корпел над сбором урожая и сеял и пахал по тем же причинам. Теперь он встает ни свет ни заря, вскакивает в свой восьмичасовой поезд и весь день сидит в конторе — все по той же причине. Чтобы прокормить себя, иметь

крышу над головой и, если повезет, жить с комфортом и развлекаться.

Суровая экономическая необходимость — да! Но — за слуга? Старая поговорка гласит: «Дурная голова ногам покоя не дает». В то же время маленький Джордж Стефенсон¹ наслаждался праздностью, наблюдая за прыгающей крышкой чайника, который кипятила его мама. Так как в тот момент ему нечего было делать, он начал размышлять...

Не думаю, чтобы открытия рождались из необходимости, — открытие впрямую происходит от праздности, а может быть, и от лени. Избавиться от неприятностей — в этом состоит главный секрет, который вел человечество через сотни тысяч лет, от изобретения кремня до стиральной машины.

С ходом времени положение женщин определенно изменилось к худшему. Мы, женщины, повели себя как дурочки: начали вопить, чтобы нам разрешили работать наравне с мужчинами. Мужчины, ничтоже сумняшеся, с удовольствием ухватились за эту идею. Зачем защищать жену? Что плохого, если она сама будет защищать себя? Она хочет этого. Черт возьми, на здоровье!

Мне кажется чрезвычайно огорчительным, что, начав с того, что мудро объявили себя слабым полом, мы теперь сравнялись в положении с первобытными женщинами, весь день гнувшими спину в полях, вышагивавшими многие мили в поисках верблужьих колючек, годных на топливо; они шли, водрузив на голову тяжелый груз домашнего скарба, в то время как блистательные самцы гордо гарцевали впереди, свободные от поклажи за исключением смертоносного оружия для защиты своих женщин.

Надо отдать справедливость женщинам викторианской эпохи: мужчины ходили у них по струнке. Хрупкие, нежные, чувствительные, они постоянно нуждались в защите и заботе. И что же, разве они были унижены, растоптаны или вели рабский образ жизни? Мои воспоминания говорят мне совсем о другом. Все подруги моей Бабушки отличались редкостной жизнерадостностью и неизменно достигали успеха во всех начинаниях: упрямые в своих желаниях, своенравные, в высшей степени начитанные и прекрасно обо всем осведомленные.

¹ Стефенсон Джордж (1781—1848) — изобретатель паровоза и строитель первых железных дорог.

И, представьте себе, они невероятно восхищались своими мужчинами. Искренне считали их отличными малышами — гуляками и волокитами. В повседневной жизни женщины творили все что хотели, при этом делая вид, что полностью признают мужское превосходство, чтобы мужья ни в коем случае не потеряли лица.

«Ваш отец знает лучше, дети мои» — оставалось священной формулой. К настоящему рассмотрению проблемы, однако, приступали в конфиденциальной обстановке.

— Я уверена, Джон, что ты совершенно прав, но мне интересно, подумал ли ты...

Однако в одном отношении авторитет мужа был незыблем. Муж — это глава семьи. Выходя замуж, женщина принимала как свою судьбу его место в мире и его образ жизни. Мне кажется, что такой уклад был вполне разумным, и в нем коренилась основа будущего счастья. Если вы не можете принять образ жизни вашего мужа, не беритесь за эту работу — иными словами, не выходите за него замуж. Скажем, он — торговец мануфактурой; он — католик; он предпочитает жить за городом; он играет в гольф, а отдыхать ему нравится на море. Вот за это вы и вышли замуж. Примите и полюбите все это. Совсем не так уж трудно.

Это просто удивительно, какое огромное наслаждение можно получать почти от всего, что существует в жизни. Нет ничего упоительнее, чем принимать и любить все существующее. Можно получать удовольствие почти от любой пищи и любого образа жизни: от деревенской тиши, собак, проселочных дорог; от города, шума, толпы, грохота машин. В одном случае вас ждет покой, возможность читать, вязать, вышивать и ухаживать за растениями. В другом — театры, картинные галереи, хорошие концерты и встречи с друзьями, которых иначе вы видели бы редко. Я счастлива, что умею находить приятное почти во всем.

Однажды, во время путешествия в Сирию, у меня состоялась занятная беседа с соседкой по купе — по поводу желудка.

— Дорогая, — сказала она, — никогда не уступайте желудку. Если происходит что-то неладное, скажите себе: «Кто здесь хозяин — я или мой желудок?»

— Но что вы можете с ним поделать?

— Любой желудок можно перевоспитать. Понемножку. Не важно, чего именно это касается. Например, я плохо переносила яйца. Или совершенно заболела от тостов с сыром. Я начала с кофейной ложечки яиц всмятку

два или три раза в неделю, потом иногда кусочек яичницы... А сейчас могу съесть сколько угодно яиц. То же самое с тостами с сыром. Запомните: желудок — хороший слуга, но плохой хозяин.

Эти слова произвели на меня сильное впечатление, я обещала последовать ее совету и без особых трудностей совершенно укротила свой желудок.

Глава 3

Когда после смерти папы мама уехала с Мэдж на юг Франции, я на три недели осталась в Эшфилде одна под неназойливой опекой Джейн. Именно тогда я открыла для себя новый спорт и новых друзей.

В моду вошло катание на роликах. Поверхность пирса была очень грубой, неровной, каждую секунду мы падали, но сколько же было веселья! В конце пирса находилась концертная эстрада, зимой, конечно, бездействующая, и мы превратили ее в каток. Можно было кататься в помещении под пышным названием «Концертный зал» или в «Купальном салоне» — там проводились настоящие балы. Это уже был высший класс, но мы предпочитали пирс. Достаточно иметь собственные коньки, заплатить два пенни за вход — и кататься сколько душе угодно! Хаксли не могли составить мне компанию в этом виде спорта, потому что их не пускали гувернантки, и то же самое относилось к Одри. Но я нашла семейство Льюси. Хотя они были гораздо старше, но проявляли ко мне большую доброту, так как знали, что я осталась в Эшфилде одна. Врачи рекомендовали маме поехать за границу, чтобы сменить обстановку и отдохнуть.

Гордая своим одиночеством, я не замедлила воспользоваться ситуацией. Я с удовольствием делала заказы — или думала, что заказываю. Джейн приготавливала всегда только то, что считала нужным, но разыгрывала великолепный спектакль, выслушивая мои самые дикие предложения.

— Не приготовить ли нам жареную утку и меренги?¹ — спрашивала я.

И Джейн соглашалась:

— Да, конечно.

¹ Меренги — небольшие пирожные из взбитых яичных белков с сахаром, безе.

Но она не уверена, есть ли у нас утка, а меренги... — как раз сейчас нет белков, может быть, лучше подождать, пока для чего-нибудь понадобятся желтки, а пока поедем то, что уже приготовлено, — этим и кончалось. Но дорогая Джейн была всегда очень тактичной. Она называла меня мисс Агата, позволяя мне чувствовать себя важной особой.

Как-то раз Льюси пригласили меня покататься с ними и научили кое-как стоять на роликах; мне это страшно понравилось. Думаю, они были одной из самых приятных семей, которые я знала. Льюси приехали из Йоркшира¹. Прекрасный фамильный особняк Чарлкот принадлежал дяде мистера Беркли Льюси. Он всегда считал, что в один прекрасный день дом перейдет к нему, но он перешел к дочери дяди, муж которой взял себе имя Ферфакс-Льюси. Думаю, вся семья очень опечалилась, потеряв Чарлкот, хотя они никогда не говорили об этом ни слова, разве что между собой. Старшая дочь, Бланш, отличалась редкостной красотой, она была немного старше Мэдж и вышла замуж раньше моей сестры. Старший сын, Реджи, служил в армии, но другой сын, примерно того же возраста, что и Монти, оставался дома вместе с сестрами Маргарит и Мюриэл, известными как Марджи и Нуни. Девушки лениво и невнятно перебрасывались словами, что представлялось мне высшим шиком. Ни у одной, ни у другой не было ни малейшего понятия о времени.

Покатавшись некоторое время, Нуни смотрела на часы и говорила:

— Смотрите, оказывается, уже половина второго.

— О боже, — вскрикивала я, — мне уже по крайней мере двадцать минут назад надо было вернуться домой.

— О, Эгги, зачем тебе идти домой? Пошли с нами и пообедаем вместе. А в Эшфилд позвоним.

Я соглашалась, и мы приходили к ним домой, где нас радостно приветствовал Сэм, собака, о которой Нуни обычно говорила: «Тело как бочка, дышит как паровоз»; нас уже поджидал горячий обед, и мы ели. Потом они говорили мне, что жалко так рано уходить домой, и поэтому мы направлялись в классную комнату, играли на рояле и пели.

Иногда мы совершали прогулки по вересковым пустошам. Договаривались встретиться на вокзале, чтобы по-

¹ Йоркшир — одно из крупнейших по территории графств Великобритании, расположенное на северо-востоке страны.

снять на определенный поезд. Люси опаздывали, и мы пропускали поезд. Они пропускали поезда, они пропускали трамваи, они пропускали все на свете, но их это никогда не заботило.

— Ну и что ж, — говорили они, — пустяки какие. Поедем на следующем или после него. Какой смысл волноваться, не правда ли?

Восхитительная атмосфера.

Каждый год, в августе, приезжала Мэдж — это были лучшие моменты моей жизни. Вместе с ней появлялся и Джимми, но через несколько дней он отправлялся обратно по делам, а Мэдж вместе с Джеком оставались до конца сентября.

Джек, конечно, был источником неиссякаемой радости для меня. Розовощекий, золотоволосый малыш, которого хотелось съесть; мы так и называли его — «булочка». Очень общительный, он совершенно не знал, что такое молчание. Проблема состояла не в том, чтобы заставить Джека разговаривать, трудно было уговорить его помолчать. Чрезвычайно вспыльчивый, он, как мы выражались, часто «взрывался»: наливался краской, потом становился багровым, задерживал дыхание, так что казалось, действительно вот-вот взорвется, и затем разражалась буря.

Няни Джека, каждая со своими особенностями, смеялись друг друга. Я запомнила одну, довольно злобную старуху, с растрепанной копной седых волос. Зато у нее был огромный опыт, и, в сущности, только она умела укрощать Джека, вступившего на тропу войны. Однажды он совершенно разбуянился, и любому, кто к нему приближался, кричал без всякого повода: «Идиот, идиот, идиот!» Наконец няне удалось утихомирить его сказав: если он повторит свои слова еще раз, она его накажет.

— Я скажу вам, что я сделаю, — закричал Джек. — Когда я умру и окажусь на небе, я подойду к Боженьке и скажу ему: «Идиот, идиот, идиот». — Джек перевел дыхание и остановился, чтобы посмотреть, какое впечатление произвело на окружающих его богохульство. Няня отложила свою работу, посмотрела на Джека поверх очков и спокойно сказала:

— Почему же ты думаешь, что Всемогущий обратит внимание на то, что говорит непослушный несмышлennyш?

Полностью обескураженный, Джек сдался.

За старой няней последовала молоденькая девушка по имени Изабелла. Она почему-то любила выкидывать раз-

ные вещи в окно. «Проклятые пожницы!» — вдруг бормотала она и вышвыривала их на газон. При случае Джек пытался помочь ей. «А можно, я выкину это в окно, Изабелла?» — спрашивал он с большим интересом.

Как все дети, Джек обожал маму. Ранним утром он забирался к ней в постель, и я слышала через стену своей комнаты, как они рассуждали о жизни. Иногда мама рассказывала ему разные истории — вернее, целый сериал, посвященный маминим большим пальцам. Одного звали Бетси Джейн, а другого — Сэри Энн. Один был хороший, а другой — гадкий, и от всего, что они делали и говорили, Джек оглушительно хохотал.

Он всегда вмешивался в разговоры. Однажды, когда к нам на обед заглянул викарий, Джек воспользовался первой же короткой паузой, чтобы немедленно включиться в беседу. «Я знаю очень смешную историю о епископе», — заявил он своим тоненьким звонким голоском. Взрослые поспешно уgomонили его, поскольку никто не знал, что мог случайно услышать Джек.

Рождество мы обыкновенно проводили в Чeshire, в семье Уотсов. Джимми приурочивал к этому времени свой ежегодный отпуск, и они с Мэдж на три недели уезжали в Сен-Мориц¹. Джимми отлично катался на коньках и поэтому предпочитал такой вид отдыха. Мы с мамой ехали в Чидл и, так как новый дом под названием Мэнор Лодж не был достроен, жили в Эбни-Холле со старыми Уотсами, четырьмя их детьми и Джеком. Для любого ребенка попасть в такой дом на Рождество — невероятное счастье: огромный викторианский готический² особняк, с бесчисленными комнатами, коридорами, переходами, неожиданными ступеньками, парадными лестницами, черными лестницами, альковами³, нишами — всем, о чем только можно мечтать, не говоря уже о том, что там было три рояля, на которых разрешалось играть, и еще шарманка! Единственное, чего недоставало в этом доме — это дневного света; везде царил темнень, кроме салона с его обтянутыми атласом стенами и большими окнами.

Мы с Энн стали закадычными друзьями. Не только друзьями, но и «субутыльниками», — нам обоим нравился

¹ Сен-Мориц — горный курорт на юго-востоке Швейцарии.

² Стиль в архитектуре, характеризующийся обилием башенок и арок, острыми шпилями, цветными окнами-витражами и богатым орнаментом.

³ Альков — ниша в стене, обычно для кровати.

один и тот же напиток: сливки, обыкновенные без всяких добавок сливки. Хотя в Девоншире я поглощала в огромных количествах тамошние квашеные сливки, сырые доставляли нам особое удовольствие. Когда Нэн гостила у нас в Торки, мы частенько заявлялись в разные молочные, где получали по стакану молока пополам со сливками. В Эбни же мы ходили на домашнюю ферму и выпивали по полпинты¹ сливок. Мы продолжали глушить их всю жизнь, и я до сих пор помню, как, запасшись картонными пакетами сливок в Саннингдейле, мы отправлялись с ними на площадку для гольфа², садились перед клубом и в ожидании, пока наши уважаемые мужья закончат свой турнир, опустошали каждая по пинте.

Эбни был настоящим раем для гурманов. У миссис Уотс существовала так называемая домашняя кладовая с «запасами». Она отличалась от Бабушкиной кладовой, представлявшей собой нечто вроде надежно запертого домика с сокровищами, из которого доставали разные разности. К кладовой миссис Уотс доступ был открыт, и полки, выстроившиеся вдоль всех стен, были заставлены всевозможными лакомствами. С одной стороны лежал шоколад, ящики шоколада всех сортов, шоколадные кремы в фирменных упаковках, печенье, имбирные пряники, сушеные фрукты и так далее.

Главным праздником в году было, конечно, Рождество. Рождественские чулки в изножии кровати. Завтрак, во время которого каждого ждал стул с громоздившейся на нем горой подарков. Быстренько в церковь и поскорее домой, чтобы снова разворачивать пакеты. В два часа — рождественский обед при спущенных шторах, а в полумгле поблескивают украшения. Сначала устричный суп (я его не слишком жаловала), тюрбо, потом две индейки, вареная и жареная, и огромное жареное говяжье филе. Затем наступала очередь пудинга, сладких пирожков и пропитанного вином, залитого сливками бисквита с запеченными внутри шестипенсовиками, свинками, колечками, амарантовыми шариками и прочими сюрпризами. И, наконец, снова разнообразнейший десерт. В одном из моих романов — «Приключение рождественского пудинга» — я описала такой праздник. Убеждена, что такого никогда не до-

¹ Пинта — мера вместимости жидкости и сыпучих тел, равная 0,57 л.

² Гольф — распространенная в Англии спортивная игра, в которой игроки специальными клюшками должны загнать в каждую из лунок резиновый мяч.

ведется увидеть нынешнему поколению; в самом деле, сомневаюсь даже, что теперешние едоки в состоянии одолеть подобную трапезу. Что же до нас, то наши желудки отлично с ней справлялись.

Я обычно состязалась в гастрономической доблести с Хамфри Уотсом, другим сыном Уотсов, следующим по возрасту после Джеймса. Его двадцать один или двадцать два года приходились на мои двенадцать-тринадцать. Очень красивый молодой человек, да к тому же еще великолепный актер и рассказчик. В высшей степени влюбчивая, не помню, однако, чтобы я в него влюбилась, вот что поразительно... Наверное, потому, что в тот период мои любовные увлечения носили романтический характер и касались только широко известных недосягаемых персон, таких, как лондонский епископ, король Испании Альфонсо и, конечно, разные актеры. Увидев в «Рабе»¹ Генри Энгли, я влюбилась в него по уши и совершенно потеряла голову от Льюиса Уоллера в «Мосье Бокере»².

Во время рождественского обеда мы с Хамфри, не жалея животов, поглощали угощение. По части устричного супа он меня обгонял, но в остальном мы «дышали друг другу в затылок». Мы оба ели сначала вареную индейку, потом жареную и четыре или пять кусков филе. Вполне вероятно, что взрослые ограничивались только одним видом индейки, но, если мне не изменяет память, старый мистер Уотс после индейки воздавал должное и филе. Потом мы принимались за сливовый пудинг, сладкий пирог и бисквит (я не особенно налегала на него, так как не любила вино). После этого шли печенья, виноград, апельсины, элвасские сливы, карлсбадские сливы и засахаренные фрукты. И наконец, весь оставшийся день из кладовой приносили горстями шоколад разных сортов, кому что понравится. И что же? На следующий день я заболела? Или меня мучила печень? Ничуть не бывало. Единственный приступ печени, от которого, помню, я очень страдала, случился, когда в сентябре я объелась неспелых яблок. Я ела их каждый день, но, видимо, один разхватила лишку.

Еще я помню, как в шесть или семь лет поела грибов. Я проснулась от боли в одиннадцать часов вечера, броси-

¹ «Раб» — пьеса известного английского драматурга Томаса Мортон (1764—1838).

² «Мосье Бокер» — пьеса Бута Таркингтона (1869—1946), американского писателя, жившего в Европе.

лась в гостиную, где мама и папа устраивали многолюдный прием, и трагическим тоном объявила:

— Я умираю! Я отравилась грибами!

Мама быстро утешила меня, напоила настойкой из ипекакуаны¹, непременно хранившейся в каждой домашней аптечке, и уверила, что на сей раз я не умру.

Во всяком случае, не помню, чтобы я хоть один раз заболела на Рождество. У Нэн Уотс тоже никогда не болел живот. И вообще, когда я вспоминаю былые времена, у меня складывается впечатление, что все обладали отменной пищеварительной системой. Подозреваю, что и тогда некоторые страдали язвой желудка или двенадцатиперстной кишки и должны бы были проявлять осторожность, но никак не могу припомнить, чтобы кто-нибудь сидел на рыбной или молочной диете. Эпоха чрезмерного чревоугодия? Да, но в то же время эпоха радости и удовольствий. Принимая во внимание количество пищи, которое я поглощала в детстве и юности (потому что всегда была голодна), просто не могу взять в толк, как мне удавалось остаться такой тощей — в самом деле тощим цыпленком.

После сладостной праздности второй половины рождественского дня (разумеется, для взрослых) — младшие были все при деле: читали, рассматривали подарки, продолжали есть шоколад и так далее, наступало роскошное чаепитие с необъятным, покрытым сахарной глазурью рождественским тортом и всем прочим — и, наконец, ужин: холодная индейка и горячий пирог. В девять часов зажигали рождественскую елку, снова увешанную подарками. Прекраснейший день, который оставался в памяти весь год до нового Рождества.

Мы с мамой навещались в Эбни и в другие времена года, и я всегда любила его. В саду под главной аллеей пролегал туннель, что весьма кстати для какого-нибудь исторического романа или драмы, в которые я тут же мысленно погружалась. Я ходила с важным видом, жестикулируя и бормоча что-то себе под нос. Боюсь, садовники считали меня слегка помешанной, но я всего лишь перевоплощалась в своих персонажей. Я так ничего и не записала из

¹ Ипекакуана — высушенные корни растения из семейства мареновых, произрастающего в Южной Америке, обладают сильным запахом, горьким вкусом и оказывают рвотное и отхаркивающее действие.

своих импровизаций. Помню, что настолько была увлечена, что мне было совершенно безразлично, что подумают обо мне садовники. Мне и до сих пор случается «проговаривать» на ходу какие-то отрывки, чтобы глава, которая «не идет», наконец сдвинулась с места.

Помимо сочинительства и музыки у меня было еще одно увлечение: диванные подушечки. Подушечки и подушки были тогда в моде, и вышитые наволочки пользовались большим успехом. В осенние месяцы я очень увлекалась вышиванием. Накупила трафаретов, я переносила их на куски атласа, а потом вышивала рисунок шелком. Но типовые и скромные трафареты скоро мне наскучили, и я начала копировать цветы с фарфора. У нас были большие вазы берлинского и дрезденского фарфора, расписанные великолепными букетами цветов; я копировала их, потом увеличивала и старалась воспроизвести цвета как можно более точно. Бабушка Б., страстная вышивальщица, чрезвычайно обрадовалась, когда узнала о моем хобби: внучка пошла в нее. Конечно я не достигла таких высот, как сама Бабушка; я так и не научилась вышивать пейзажи и фигурки людей, это она делала великолепно. У меня сохранились два вышитых ею каминных экрана, один — с изображением пастушки, а на другой — пастушок и пастушка сидят под деревом и вырезают на его коре сердце. Исключительно тонкая работа. Какое удовлетворение должны были испытывать Дамы во времена гобеленов Байе¹ долгими зимними вечерами!

Отец Джимми, мистер Уотс, сам того не зная, часто приводил меня в смущение. Обыкновенно он называл меня «мечтательное дитя», от чего я испытывала мучительное замешательство.

— О чем призадумалось наше мечтательное дитя? — спрашивал он.

Я заливалась краской. Он заставлял меня играть на рояле и петь ему разные чувствительные песенки. Я хорошо читала с листа, и поэтому он часто тащил меня к роялю. Мне не очень нравилось петь ему, но все же это было лучше, чем разговаривать. Мистер Уотс любил рисовать — писал пейзажи, главным образом вересковые заросли и

¹ Имеются в виду гобелены, хранящиеся в музее французского города Байе в Нормандии на северо-западе Франции, изготовление которых, по легендам, приходится на XI век, время правления королевы Матильды Фламандской (ум 1087).

солнечные закаты. Еще он коллекционировал мебель, в основном старинную дубовую. Он и фотографией увлекался: со своим другом Флетчером Моссом они опубликовали несколько альбомов со снимками самых знаменитых лошадей. В общем, интереснейший был человек, а я вела себя бука буклой. Я пыталась побороть свою идиотскую застенчивость, но это так трудно, когда тебе всего 14 лет.

Я предпочитала общаться с проворной, веселой и очень симпатичной миссис Уотс. Что касается Нэн, она в их семье была эдакий *enfant terrible*¹, ей нравилось всех перекрикивать, грубить и поминать дьявола. Миссис Уотс очень расстраивалась, слыша, как чертыхается ее дочь, которая всего на два года была меня старше. Ее обижало в душе и то, как Нэн с ней разговаривала:

— О мама, не будь же такой дурочкой!

Не очень-то приятно выслушивать такое от собственной дочери. Но тогда как раз стало модным не выбирать выражений. Нэн полностью вошла в роль, хотя на самом деле, я уверена, очень любила свою мать. Впрочем, большинству матерей приходится пройти через период, когда дочери доводят их чуть ли не до слез.

В «День подарков»² нас всегда брали в Манчестер смотреть пантомимы³, и прекрасные, надо сказать. На обратном пути в поезде мы во все горло распевали только что услышанные песни. Уотсы очень артистично подражали ланкаширскому диалекту комиков.

Я родился у пятницу,
Я родился у пятницу,
Я родился у пятницу,
Когда (крещендо!⁴) матушки не было у доме.

Или:

Глядя, как поезда приежаат,
Глядя, как поезда уежаат,
Мы увидели, что все поезда приежаат,
Мы увидели, что все поезда уежаат.

¹ Сорванец, возмутитель спокойствия (*фр.*).

² День подарков — второй день Рождества (26 декабря), в который принято дарить близким подарки.

³ Пантомима — рождественское представление для детей, обычно инсценировка народной сказки с музыкой и пением.

⁴ Крещендо (*ит., муз.*) — постепенно усиливая интенсивность звучания.

Но самую любимую Хамфри печально пел соло:

Окно, окно,
Я выкинул это в окно.
Мне больше не больно, дорогая матушка.
Я выкинул это в окно.

Манчестерские пантомимы не были для меня открытием. Первую пантомиму я увидела в Друри-Лейн¹, куда меня взяла Бабушка. Матушку Гусыню² играл Дэн Линоу³. Я до сих пор все помню. После спектакля я бредила Дэном Линоу, — он буквально меня заморозил. Тот вечер памятен мне необычайным происшествием. В королевской ложе сидели два маленьких принца. Принц Эдди⁴, как мы называли его между собой, уронил через борт программку и бинокль. Они упали на соседние с нами кресла, и — о счастье! — не конюший, а сам принц Эдди спустился за ними, принесся вежливые извинения — он, мол, смеет надеяться, что не причинил никому боли.

В эту ночь я никак не могла уснуть — мечтала, как в один прекрасный день выйду замуж за принца Эдди. Но сначала я спасу ему жизнь, когда он будет тонуть. Благодарная королева даст свое королевское согласие. Или, может быть, произойдет несчастный случай, он будет истекал кровью, и я отдам ему свою кровь для переливания. Я стану графиней — графиней Торби, например, — ведь это будет морганатический брак⁵. Но даже для шестилетней глупышки это чересчур фантастическая мечта, чтобы предаваться ей долгое время.

Мой племянник Джек, четырех лет от роду, тоже устроил себе однажды альянс с королевской семьей, правда на свой манер.

¹ Друри-Лейн — музыкальный театр в Лондоне.

² Матушка Гусыня — псевдоним автора английских детских стихов и песен, первый сборник которых был выпущен в Лондоне в 1760 году.

³ Линоу Дэн (1860—1904) — один из самых популярных английских актеров мюзик-холла и пантомимы.

⁴ Принц Эдди — будущий король Великобритании Эдвард VIII (1894—1972), отрекшийся в 1936 году от престола в пользу брата — Георга VI.

⁵ Морганатический брак — неравнородный брак, при котором один из супругов не пользуется сословными привилегиями другого супруга.

— Предположим, мамочка, — сказал он, — ты выходишь замуж за короля Эдварда¹. И тогда я стану принцем.

Сестра ответила, что следовало бы все-таки подумать о королеве, не говоря уже о папе. Тогда Джек тут же нашел другой вариант.

— Предположим, королева умерла, и предположим, что папа, — он сделал паузу и тактично продолжил, — отсутствует, и тогда предположим, что король Эдвард приехал просто повидать тебя...

Тут он остановился, полагая, что дальше и так все ясно. Король Эдвард был бы ошеломлен красотой Мэдж, и вскоре Джек стал бы королевским пасынком...

— Я посмотрел в молитвенник, — признался мне Джек позднее, примерно через год. — Я подумывал жениться на тебе, когда вырасту, мой ангел, но я посмотрел в молитвенник, и там в середине есть список разных запрещенных вещей, и я понял, что Бог не разрешит мне этого. — Он вздохнул. Я сказала, что очень польщена.

Поразительно, как ничтожно мало мы меняемся в своих пристрастиях. Церковь завладела умом и душой моего племянника Джека чуть ли не с самого младенчества. Если он исчезал из виду, вы всегда могли найти его в церкви, восторженно глазеющего на алтарь. Если ему дарили цветной пластилин, он лепил только крипты², распятия и разные церковные орнаменты. В особенности пленяли его романские католические церкви. Джек остался верен своим склонностям навсегда, он знал историю религии как никто другой из моих знакомых. В тридцать лет он в конце концов обратился в католичество — страшный удар для Джимми, который был самым настоящим «черным протестантом». Он говорил своим мягким голосом:

— У меня правда нет никаких предрассудков. Но я просто не могу отделаться от мысли, что все католики страшные лицемеры. Это не предубеждение, это факт.

Бабушка тоже была яркой поборницей черного протестантизма и с наслаждением обличала папистов, понижая голос до шепота:

¹ Король Эдвард VII (1841—1910) — король Великобритании в 1901—1910 годах.

² Крипт — склеп, подземное помещение, используемое для погребения усопших.

— А все эти красавицы девушки, исчезающие в монастырях, — их ведь никто больше никогда не видел. — Я уверена, что Бабушка была совершенно убеждена в том, что все священники выбирали себе любовниц в специальных монастырях для красивых девушек.

Уотсы были сектантами, скорее всего методистами¹, видимо, поэтому все католики воспринимались ими как посланцы «Вавилонской блудницы»². Откуда у Джека возникло такое влечение к католицизму — остается загадкой. Он не мог унаследовать его ни от кого из членов семьи, но факт налицо — с младых ногтей он был предан Католической церкви. В те годы царил большой интерес к религии. Вокруг нее разворачивались многочисленные диспуты, порой весьма жаркие. Когда-то, много позже один из друзей сказал племяннику:

— Никак не пойму, Джек, почему бы тебе не стать обыкновенным еретиком, как все мы, это было бы гораздо спокойнее.

Но покой Джека явно не прельщал. Даже няня, потратившая массу времени на поиски своего воспитанника, однажды в сердцах сказала:

— И что мистеру Джеку нейдет, все норовит улизнуть в церковь.

Полагаю, Джек в прошлой своей жизни был средневековым церковником. Когда он вырос, у него сделалось, как бы сказать, церковное лицо — не монашеское и, конечно, не визионерское³, — но лицо человека, принадлежащего Церкви, причастного к церковным ритуалам. Его вполне можно представить в Тридентском соборе⁴, точно так же, как и среди ангелов, пляшущих на острие иглы.

¹ Методизм — течение в Протестантской церкви, отделившееся в XVIII веке от англиканства, требующее строгого, «методического» соблюдения религиозных предписаний, проповедующее смирение, терпение.

² Вавилонская блудница — презрительное обозначение Римско-католической церкви.

³ Визионерский (*фр.*) — имеющий видения, духовнический.

⁴ Тридентский собор — был созван в 1545 году в итальянском городе Трент иерархами Римско-католической церкви, чтобы воспрепятствовать Реформации, и продолжался с перерывами до 1563 года.

Глава 4

Купание в море всегда было для меня истинным блаженством; я бы и сейчас принимала морские ванны, если бы не ревматизм, ведь надо потом как-то исхитриться выбраться на берег.

Когда мне было около тринадцати лет, нравы претерпели принципиальные изменения. А до той поры купание в море подчинялось строгой системе правил. Существовала специальная бухта для купания дам — крошечный каменистый пляж слева от купален. Пляж уступами спускался к морю, а наверху помещались восемь кабинок, находившихся в ведении старичка с довольно-таки раздражительным характером, чьей обязанностью было поднимать кабинки наверх и спускать их на воду. Надо было зайти внутрь кабинки — украшенной изнутри «веселенькими» полосками. — проверить, надежно ли заперты двери, и начать быстро переодеваться, соблюдая при этом известную осторожность, потому что в любой момент пожилой джентльмен мог счесть, что пора вас спускать к воде. В этот момент происходил страшный толчок, и кабинка, скрежеща и раскачиваясь, пускалась в путь по камням, вытрясая из вас все внутренности, — в сущности говоря, мало чем отличаясь от современных джипов¹ и лендроверов², когда едешь по каменистому участку пустыни.

Кабина останавливалась так же внезапно, как начинала свое движение. Вы, уже облачившись в купальный костюм, то есть в довольно уродливое одеяние из темносиней или черной материи (альпага) с изрядным количеством юбок с воланами и оборочками, доходящее до колен на ногах и до локтей на руках, отпирали дверь, выходящую к воде. Если пожилой джентльмен относился к вам благосклонно, верхняя ступенька оказывалась на уровне воды, и вы погружались в воду по пояс. Теперь можно плыть! Не слишком далеко находился плот, до которого предстояло доплыть, взгромоздиться на него и посидеть. Во время отлива он находился близко; а во время прилива удалялся на солидное расстояние, и, доплыв до него, вы оказывались более или менее в открытом море. Пользуясь

¹ Джип — американский легковой военный автомобиль.

² Лендровер — марка легкового автомобиля повышенной проходимости, вездеход.

предоставленной мне свободой, я заплывала гораздо дальше, чем любой из сопровождавших меня взрослых, мне махали рукой, чтобы я немедленно возвращалась обратно, но, так как им было до меня не добраться, я спокойно заплывала еще дальше, всласть продлевая удовольствие.

Разумеется, о том, чтобы позагорать, не могло быть и речи. Как только вы вылезали наружу и входили в свою кабинку, она так же внезапно срывалась с места, как и на пути к воде. Из нее вы выходили с посиневшим лицом и дрожь с головы до ног. Но дрожь вскоре унималась, и через полчаса я снова становилась горячей, как тост. Искупавшись, я сидела на пляже, с аппетитом уплетая булочку, а Бабушка читала мне натацию. Бабушка, у которой всегда были наготове многочисленные назидательные истории, объясняла мне, как малыш миссис Фоке («такое очаровательное создание») умер от пневмонии только из-за того, что не слушался старших и слишком долго сидел в воде. На мгновение переставая жевать свою булочку или пирожок, я почтительно отвечала:

— Обещаю, что в следующий раз я не буду плавать так долго. Но вода сегодня правда была очень теплая.

— Очень теплая? Тогда почему ты дрожишь? И почему у тебя синие пальцы?

Нотаций я, конечно, не любила, зато когда мы ходили на пляж со взрослыми — особенно если с Бабушкой, — то возвращались из Стрэнда в кебе, а не тащились пешком полторы мили. Яхт-клуб в Торбее располагался на Бикон-Террас, непосредственно над бухтой для купания леди. Хотя пляж не был виден из окон клуба, участок моря вокруг плотика просматривался отлично, и, по словам папы, добрая половина джентльменов проводила время, вооружившись биноклями и наслаждаясь созерцанием женских фигурок, которые казались им чуть ли не нагими! Не думаю, чтобы мы были особенно привлекательными в своих бесформенных одеяниях.

Купальная бухта для джентльменов располагалась по побережью дальше. Здесь джентльмены в своих едва прикрывающих наготу костюмах — эдаких треугольничках — могли наслаждаться купанием сколько им заблагорассудится, не опасаясь, что их откуда бы то ни было могло увидеть женское око. Однако времена менялись; по всей Англии устраивали общие пляжи.

Первые опыты совместного купания требовали серьезных изменений женских купальных костюмов. Даже французские дамы всегда купались в чулках, чтобы окружающие не могли увидеть ни миллиметра кожи на их ножках. Не сомневаюсь, что француженки с их врожденным «шиком» сумели так «прикрыть» себя, что в своих тонких шелковых чулках, подчеркивающих стройность ног, выглядели куда более привлекательно, чем англичанки в своих сборчатых юбках. Нет, решительно не понимаю, почему женские ноги воспринимались как нечто в высшей степени непристойное. У Диккенса не найдешь ни одной книги, в которой бы не раздавались вопли дам, заподозривших, что кто-то посмел приподнять юбку над лодыжкой. Даже само слово «ноги» считалось чересчур смелым. Стоило в присутствии Няни употребить его, как тотчас произносилась одна из сакраментальных фраз:

— Запомните, у испанской королевы нет ног.

— А что же у нее есть, Няня?

— Конечности, дорогая. Вы должны называть их так; руки и ноги — это конечности.

Я упрямо считала, что было бы странно сказать: «Я посадила пятно на одну из моих конечностей, под коленкой».

А вот какую историю рассказала приятельница моего племянника. Ей сообщили, что к ней приедет крестный отец. Она понятия не имела, кто это такой, и пришла в страшное возбуждение. Глубокой ночью девочка проснулась и стала обдумывать предстоящую встречу, а потом решила поделиться своими переживаниями с няней:

— Няня, у меня есть крестный отец.

— Ухрмп, — сквозь сон пробормотала няня.

— Няня! (немного громче). — У меня появился крестный отец.

— Да, дорогая, конечно, очень хорошо.

— Но, няня, у меня (фортиссимо¹) появился крестный отец.

— Хорошо, хорошо, повернись на другой бок и спи.

— Ну же, няня (мольто фортиссимо²), у меня появился крестный отец.

— Ничего страшного, почеси его, дорогая...

Купальные костюмы оставались цитаделью добродетели вплоть до моего замужества. Хотя совместное купание уже широко распространилось, старые леди и консервативно

¹ Фортиссимо (*ит., муз.*) — очень громко.

² Мольто фортиссимо (*ит., муз.*) — в высшей степени громко.

настроенные семейства все еще их не жаловали. Не прогресс брал свое, маме пришлось смириться. Мы часто ходили на пляжи, где разрешалось купаться и женщинам и мужчинам. Сначала такое разрешение получили Тор-Эбби-Сэндз и Корбинс-Хед-Бич — главные городские пляжи. Мы не ходили туда — они считались чересчур модными. Потом совместное купание разрешили и в более аристократических районах Мидфут-Бич. Это еще двадцать минут хода, и, следовательно, чтобы выкупаться, приходилось идти пешком две мили. Однако Мидфут-Бич был гораздо просторнее, чем бухта для купания дам; довольно далеко от берега из воды выступала скала, на которую было удобно вылезать, если вы, конечно, могли доплыть до нее. В то же время бухта для купания дам оставалась в священной неприкосновенности, равно как и мужчины в своих смелых «треугольниках».

Насколько я помню, мужчины не особенно рвались вкушать прелестей совместного купания; они оберегали свою независимость. И если некоторые из них отваживались появиться на Мидфут-Бич, то при виде сестер своих друзей просто теряли дар речи, так как по-прежнему считали их чуть ли не обнаженными.

Сначала меня заставляли надевать во время купания чулки. Не знаю, как француженки ухитрились купаться в чулках, чтобы они не слезали, — у меня это никак не получалось. Три-четыре сильных толчка ногами, и чулки сползали, я едва удерживала их пальцами ног; я их или совсем теряла, или они, как путы, обвивались вокруг лодыжек. Думаю, что француженки, щеголявшие в купальниках на страницах модных журналов, были обязаны своей привлекательностью тому, что, в сущности, никогда не плавали, разве только осторожно заходили в воду по колено, а все остальное время прогуливались по пляжу, демонстрируя свою элегантность.

Трогательный эпизод произошел в муниципальном совете: решали, «быть или не быть» общему пляжу. Очень старый член совета, решительный противник этого новшества, потерпевший сокрушительное поражение, дрожащим голосом сделал свое последнее заявление:

— Все, о чем я прошу вас, господин мэр, в случае, если этот проект наберет большинство голосов, соблюдать благопристойность в купальных кабинках...

Летом, когда Мэдж привозила в Торки Джека, мы купались каждый день. Нас не пугали ни дождь, ни шторм.

По правде говоря, купаться в шторм мне нравилось еще больше.

Вскороности появилось очередное грандиозное нововведение — трамвай. Можно было сесть на трамвай внизу Бертон-роуд и доехать на нем до гавани, а оттуда уже двадцать минут пешком до Мидфут. Джеку было около пяти лет, он начинал хныкать:

— Давайте возьмем кеб от трамвая до пляжа!

— Ни в коем случае, — возмущенно отвечала Мэдж. — Мы ведь проехали всю дорогу на трамвае, не правда ли? И теперь дойдем пешком.

Племянник вздыхал и ворчал:

— Мамочка опять не в духе.

И пока мы взбирались на холм, с двух сторон окаймленный виллами в итальянском стиле, Джек, в ту пору имевший обыкновение болтать без передышки, в качестве возмездия заводил грегорианскую песнь¹ собственного сочинения, а именно, повторял как заведенный названия всех домов, мимо которых мы проходили:

— Ланка, Пентрив, Вязы, вилла Маргерита, Хартли Сент Джордж...

Со временем он стал добавлять имена тех владельцев, которые были ему известны:

— Ланка, доктор Джи Рефорд; Пентрив, доктор Куик; вилла Маргерита, мадам Кавалин; Лавры, мистер Как-его-там — и так далее.

Наконец разъяренная Мэдж или я просили его замолчать.

— Почему?

— Потому что нам хочется поговорить, а ты все время болтаешь и мешаешь.

— Ну что ж, хорошо. — Джек умолкал, однако продолжал шевелить губами, так что можно было различить шепотом произносимое: «Ланка, Пентрив, Прайери, Торбей-Холл...» Мы с Мэдж беспомощно переглядывались.

Как-то мы с Джеком едва не утонули. Море разбушевалось; мы не стали тащиться в Мидфут и отправились в бухту для купания дам, поскольку Джек находился еще не в том возрасте, чтобы у леди при виде его перехватывало

¹ Имеется в виду ритуальная, без строгого ритма песня, введенная папой Григорием Первым (ок. 540—604), исполняемая без музыкального сопровождения.

дыхание. Он не умел тогда плавать, разве что чуть-чуть держался на воде, так что обычно я везла его до плота на спине. В это утро мы поплыли вместе, как обычно, но с морем творилось что-то странное — то зыбь, то вдруг откуда-то волна, — с грузом на плечах мне почти не удавалось держать рот и нос над поверхностью воды. Я плыла, однако не могла дышать. Прилив еще не начался, так что плот был совсем близко, однако я нисколько не приближалась к нему и судорожно набирала воздух в легкие только через каждые три гребка.

Вдруг я поняла, что не доплыву. В любой момент я могла захлебнуться.

— Джек, — из последних сил хватая ртом воздух, выговорила я, — слезай и плыви к плоту, он ближе, чем берег.

— Почему? — спросил Джек. — Я не хочу.

— Пожалуйста, попро... — Я ушла под воду.

К счастью, волна оторвала его от моих плеч, и он смог немного проплыть вперед сам. Теперь мы оба оказались совсем близко от плота, и он без особого труда взобрался на него, а я в этот момент уже не особенно соображала, что творится вокруг. Единственное, что я ощущала, было глубокое возмущение. Мне всегда говорили, что, когда человек тонет, перед ним проносится вся его жизнь, и еще мне рассказывали, что, когда умираешь, слышишь прекрасную музыку. Никакой прекрасной музыки не было, и я совершенно не могла думать о своей прошедшей жизни; по правде говоря, я не могла думать ни о чем, кроме того, чтобы вдохнуть немножко воздуха. Потом я погрузилась в черноту и... и следующее, что я помню, это сильные ушибы и боль, когда меня грубо швырнули в лодку. Старый «морской волк», никому не нужный ворчун, как мы всегда считали, тем не менее именно он заметил, что кто-то тонет, и подоспел на помощь. Швырнув меня в лодку, старик поспешил к плоту и сгреб Джека, который отчаянно сопротивлялся и вопил:

— Я только что залез. Я хочу поиграть. Не хочу в лодку!

Нагруженная нами лодка причалила к берегу, и на пляж, весело смеясь, спустилась Мэдж.

— Что вы там такое делали? Что за суматоха?

— Ваша сестра чуть не утонула, — сердито сказал старый моряк. — Держите вашего ребенка; а ее положим и посмотрим, не надо ли дать ей несколько тумачков.

Полагаю, они надавали мне тумачков, хотя не думаю, чтобы я полностью потеряла сознание.

— Но как вы догадались, что она тонет? И почему она не закричала?

— Я следил за ней. Если человек тонет, он не может кричать, он же захлебывается.

С тех пор мы относились к «морскому волку» с глубоким уважением.

После смерти отца общение с внешним миром существенно сократилось. И у меня и у мамы было несколько друзей, с которыми мы виделись, но светское общение пошло на убыль. Мама находилась в стесненных обстоятельствах; у нее не хватало денег на светские мероприятия, на кебы, чтобы разъезжать в них по гостям. Она никогда не любила ходить пешком, а теперь, со своим слабым сердцем, вообще редко выходила из дома, тем более что в холмистом Торки невозможно было куда бы то ни было пойти без того, чтобы не подняться в гору и не спуститься раз десять.

Летом я купалась, зимой каталась на коньках и читала массу книг, открывая для себя новых писателей. Мама читала мне вслух Диккенса, и мы обе наслаждались им.

Чтение вслух началось с Вальтера Скотта¹. Одним из моих любимых романов был «Талисман». Я прочитала также «Мармион и Дева озера», но, думаю, мы с мамой обе были счастливы, когда от Вальтера Скотта перешли к Диккенсу. Как всегда нетерпеливая, мама без колебаний перескакивала через страницы, если ей хотелось поскорее узнать, как развивается действие. «Все эти описания, — говорила она, торопливо перелистывая Вальтера Скотта, — конечно очень хороши с точки зрения литературы, но их слишком много». Думаю, она также сожалела, пропуская солидные количества жалостливых страниц Диккенса, в особенности касающихся маленькой Нелл.

Первым романом Диккенса, который мы прочитали, был «Николас Никльби»; всем персонажам я предпочитала старого джентльмена, который ухаживал за миссис Никльби и перебрасывал ей через забор тыквы. Уж не поэтому ли я заставила Эркую Пуаро удалиться от дел и выращивать тыквы или кабачки? Кто знает?.. Моим любимым романом был и остался до сих пор «Холодный дом».

¹ Скотт Вальтер (1771—1832) — английский поэт и романист, родившийся в Шотландии

Иногда для разнообразия мы пытались сменить Дикенса на Теккерея¹. Благополучно одолев «Ярмарку шшесчавия», на «Ньюкомах» мы споткнулись

— Нам должно понравиться, — твердила мама — Все говорят, что это его лучший роман.

Сестра предпочитала «Историю Генри Эсмонда», но мы и его нашли чересчур запутанным и трудным; признаюсь, я так и не сумела оценить Теккерея по достоинству.

С наслаждением я читала по-французски захватывающие романы Александра Дюма². «Три мушкетера», «Двадцать лет спустя» и, лучший из всех, «Граф Монте-Кристо». Больше всего мне нравилась первая часть — «Замок Иф», остальные пять частей хоть иногда и раздражали меня, пышное многоцветье повествования восхищало. Я питала также романтическую привязанность к Морису Хьюлетту³. «Лес», «Королевский хор» и «Ричард Да и Нет» — тоже прекрасные исторические романы, уверяю вас.

Иногда маме приходила в голову какая-нибудь замечательная идея. Помню, однажды собираю я с земли упавшие яблоки, и вдруг она вихрем вылетает из дома.

— Поторопись!.. Мы едем в Эксетер.

— В Эксетер? — опешила я. — Почему?

— Потому что сэр Генри Ирвинг⁴ играет в «Бекете»⁵ Может быть, ему не так долго осталось жить, и ты должна его увидеть. Великий актер. Я заказала номер в отеле.

В Эксетер мы примчались вовремя, и я увидела изумительную, действительно незабываемую постановку «Бекета»

Театр всегда занимал важное место в моей жизни. В Илинге Бабушка обязательно водила меня в театр раз в неделю, а то и два. Мы пересмотрели все музыкальные комедии, и обыкновенно тотчас после спектакля Бабушка покупала мне ноты. Ах, как я любила играть музыку из этих пьес! В Илинге рояль, по счастью, стоял в гостиной, и я могла играть часами, никого не беспокоя.

¹ Теккерей Уильям (1811—1863) — английский писатель и публицист.

² Дюма Александр (Дюма-отец, 1802—1870) — французский писатель, автор историко-авантюрных романов и романтических драм.

³ Хьюлетт Морис (1861—1923) — английский писатель и поэт

⁴ Ирвинг Генри (1838—1905) — английский актер, режиссер и импресарио.

⁵ «Бекет» — пьеса (1879) английского поэта Алфреда Теннисона (1809—1892)

Гостиная представляла собой средоточие великолепия. Практически в ней негде было повернуться. На полу лежал роскошный толстый турецкий ковер, а на нем стояли обитые парчой кресла — одно неудобнее другого; две, если не три, застекленные горки-маркетри, набитые фарфором; огромная люстра свисала с потолка; громоздились в невероятном количестве разные этажерки, столики на одной ножке и французская мебель в стиле ампир¹. Дневной свет из окна едва проникал через орнажерю — непрременную принадлежность любого уважающего себя викторианского дома. В комнате всегда было страшно холодно, потому что камин зажигали только во время приемов; обыкновенно никто не заходил сюда, кроме меня. Я зажигала два канделябра, прикрепленных к роялю, подвигивала специальный стул, дула на пальцы, чтобы согреть их, и начинала с «Деревенской девушки» или «Нашей мисс Гиббс». Иногда я распределяла роли между своими «девочками», иногда пела сама — новая неизвестная звезда.

Возвращаясь в Эшфилд, я забирала с собой ноты и там играла и распевала по вечерам в классной комнате, посреди лютой зимы. Около восьми вечера после легкого ужина мама часто укладывалась спать. Два с лишним часа она покорно терпела, как я неустанно колотила по клавишам и распевала во всю мочь, но потом не выдерживала, брала длинный шест, служивший для того, чтобы открывать и закрывать окна, и бешено стучала им в потолок. Я с трудом отрывалась от фортепьяно.

Я сочинила и собственную оперетту под названием «Марджори». Музыки как таковой в общем не существовало, но, гуляя по саду, я импровизировала целые куски. Какая-то смутная идея бродила у меня в голове, и я чувствовала, что когда-нибудь смогу записать свое произведение. Я даже сочинила либретто, но на этом и остановилась. Деталей содержания теперь не помню, но, полагаю, это была вполне трагическая история. Прекрасный юноша, обладатель замечательно красивого голоса, тенор, был безрассудно влюблен в девушку по имени Марджори, которая, само собой разумеется, не отвечала ему взаимностью. В конце концов он женился на другой девушке, но на следующий день после свадьбы из далекой страны при-

¹ Стиль ампир (фр. «империя») — стиль в архитектуре и прикладном искусстве, возникший во Франции в начале XIX века в эпоху империи Наполеона I и характеризовавшийся пышностью и великолепием классических форм.

ходит письмо от Марджори, которая пишет, что умирает и только теперь поняла, что всегда любила его. Он бросает новобрачную и мчится к своей Марджори. Когда он приезжает, она еще жива — во всяком случае, ей хватает сил, чтобы, приподнявшись на локте на смертном ложе, спеть красивую прощальную арию. Появляется отец новобрачной, чтобы жестоко отомстить за свою покинутую дочь, но он так растроган горем влюбленных, что присоединяет свой баритон к их голосам, и все заканчивается самым гениальным из когда-либо написанных трио.

Мне казалось, что неплохо бы написать и роман под названием «Агнес». Из этого романа помню еще меньше. В нем действовали четыре сестры: Квини, старшая, золотоволосая красавица, потом близнецы, прекрасные брюнетки, и, наконец, Агнес, простая, застенчивая и (разумеется) очень болезненная; все время она проводила лежа на диване. Что-то там еще происходило, но совсем выветрилось из памяти. Помню только, что по достоинству оценил Агнес некий блестящий господин с черными усами, которого она тайно любила в течение многих лет.

Следующая замечательная идея, осенившая маму, была такова: мое образование все-таки оставляет желать лучшего и мне полезно походить в школу. В Торки имелась женская школа под началом мисс Гайер. Мама договорилась, что я буду посещать ее два раза в неделю и изучать некоторые предметы. Наверное, это были арифметика, грамматика и тренировочные сочинения. Как всегда, я с живейшим интересом занималась арифметикой и даже перешла к алгебре. Грамматику не понимала абсолютно: я не могла взять в толк, почему что-то называется предложениями и какие глаголы обозначают действие — это была для меня какая-то китайская грамота. С радостью я набросилась на сочинение, но без особого успеха. Замечания, высказывавшиеся в мой адрес, всегда были одни и те же: слишком много фантазии. Меня сурово упрекали в том, что я не следую теме. Помню, например: тема «Осень». Я начала очень хорошо — про опавшие золотые и коричневые листья, устилавшие землю, но вдруг каким-то непостижимым образом в сюжет вкрался поросенок, я считала совершенно логичным, что он искал в лесу желуди. Так или иначе, интерес автора целиком переключился на поросенка, забыв про осень, и сочинение заканчивалось бурными приключениями поросенка Короткохвостика и роскошным желудевым обедом, который он закатил своим друзьям.

Очень живо представляю себе одну учительницу — не помню, как ее звали. Маленькая, шуплая, с выступающим волевым подбородком. Однажды, совершенно неожиданно, посреди урока арифметики она произнесла речь о жизни и религии.

— Вы все, — сказала она, — каждая из вас, пройдете через тяжелые испытания. Если у вас не хватит смелости противостоять отчаянию, вы никогда не станете настоящими христианками, не узнаете, что такое жизнь во Христе. Чтобы стать христианами, вы должны смело встретить и принять жизнь, как встретил и прожил свою Христос; вы должны радоваться тому, чему радовался он; быть такими же счастливыми, каким был он на свадьбе в Кане Галилейской¹, познать мир и счастье, состоящее в единении с Господом и его волей. Но вы должны также изведать, подобно ему, что значит остаться одному в Гефсиманском саду², почувствовать, что все ваши друзья оставили вас, все, кого вы любили и кому верили, отвернулись от вас, и сам Господь Бог покинул вас. И тогда сохраняйте веру в то, что это еще не конец. Если вы любите, вы будете страдать, а если вы не любите, то никогда не узнаете, что означает жизнь во Христе.

После чего она продолжила объяснение темы, но странно, что эти несколько слов, которые она произнесла, запали мне в душу сильнее, чем самые пространные проповеди, которые мне доводилось слышать; они вспоминались мне годы спустя и приносили надежду в момент самого глубокого отчаяния. Она была очень энергичным человеком и — превосходным педагогом; я бы хотела учиться у нее и дальше.

Иногда я спрашиваю себя, что было бы со мной, если бы я продолжила свое образование. Думаю, я бы хорошо успевала и, наверное, увлеклась бы математикой — предметом, всегда завораживавшим меня. Моя жизнь сложилась бы совершенно иначе. Я бы стала посредственным математиком и спокойно и счастливо дождалась бы до самой смерти. Скорее всего, я не написала бы никаких книг.

¹ Имеется в виду рассказ в Евангелии от Иоанна (2, 1—2) о первом чуде, совершенном юным Иисусом: когда на свадьбе, куда он был приглашен, кончилось вино, он превратил в вино воду.

² Гефсиманский сад — согласно Евангелию от Матфея (26, 36—44) и Евангелию от Луки (22, 39—46), место последнего моления Иисуса Христа Господу о спасении от страшной смерти.

Математики и музыки мне хватило бы с лихвой. Они поглощали бы все мое внимание, и мир фантазий захлопнулся бы передо мной.

Однако по зрелом размышлении прихожу к выводу, что человек становится тем, кем ему суждено стать. Можно, конечно, гадать: «Если бы случилось то-то, и то-то, и то-то, то было бы так-то и так-то», или: «Если бы я вышла замуж за Как-сго-там, моя жизнь сложилась бы совсем по-другому». Но так или иначе, вы всегда окажетесь на том пути, который предопределен вашим назначением, вашим жизненным призванием. Можно осуществить свое предназначение на все сто, можно отнестись к нему спустя рукава, но это ваше предназначение, и, пока вы следуете ему, вам будут ведомы гармония существования и душевный покой.

Скорее всего, я проучилась у мисс Гайер не больше полутора лет; после этого мамой завладела новая идея. Как всегда, совершенно внезапно она объявила, что мы едем в Париж, а Эшфилд она на зиму сдаст. Для начала мне стоит попробовать заниматься в том же пансионе, где когда-то училась моя сестра.

Дальше все пошло по плану; мама всегда умела добиться своего. Она твердо знала, чего хочет, и умела всех вокруг заставить подчиниться ее воле. Она сдала дом за очень хорошую сумму; мы начали паковать чемоданы и сундуки (не думаю, чтобы этих монстров с выпуклыми крышками было столько же, сколько при нашей поездке на юг Франции, но все равно предостаточно), и вот уже мы живем в Париже, в отеле «Иена», на авеню Иена.

Мама запаслась множеством рекомендательных писем и адресами различных закрытых пансионатов и школ, учителей и советчиков. Она моментально выяснила ситуацию. Узнала, что пансион Мэдж за последние годы пришел в упадок, сама мадемуазель Т. ушла оттуда или вот-вот уйдет; мама сказала, что мы можем попробовать, а там будет видно. Такое отношение к школе вряд ли пришлось бы по вкусу кому-нибудь теперь, но мама считала возможным «пробовать» школы точно так же, как новые рестораны. Заглянув внутрь, вы никак не можете вынести суждение, какова еда; нужно попробовать сначала, что это такое, и если вам не нравится, то чем скорее вы унесете оттуда ноги, тем лучше. Разумеется, в те времена не существовало возни со школьными аттестатами, уровнями О, А и серьезными планами на будущее.

Я начала у мадемуазель Т. и проучилась там около двух месяцев, до конца семестра. Мне было пятнадцать лет. Моя сестра в свое время очень отличилась в первые же дни учебы. Одна девочка заявила, что Мэдж трусиха и никогда не выпрыгнет в окно, Мэдж немедленно выпрыгнула и приземлилась точно в середине чайного стола, вокруг которого чинно сидели мадемуазель Т. и ее достопочтенные родители.

— Какие сорванцы эти английские девушки! — воскликнула крайне недовольная мадемуазель Т. Девочки, подбившие сестру на подвиг, злорадствовали, но в то же время восхищались Мэдж.

В моих первых шагах не было ничего сенсационного. Такая тихая мышка. На третий день я отчаянно затосковала по дому. Неудивительно: за последние четыре-пять лет я так сильно привязалась к маме, никогда с ней не разлучаясь, что теперь, когда я действительно покинула дом, мне ее очень недоставало. Самое интересное, что я не понимала, что со мной происходит. Я просто не хотела есть. Каждый раз, когда я думала о маме, слезы наворачивались у меня на глаза и текли по щекам. Помню, глядя на блузку, которую сшила мама — очень плохо, но собственными руками, — я рыдала с удвоенной силой именно оттого, что блузка в самом деле была такая неудачная, плохо сидела, складки не ложились. Мне удавалось скрывать свое отчаяние от окружающих, и только по ночам я плакала в подушку. Когда мама приехала, чтобы взять меня на воскресенье, я встретила ее как обычно, но в отеле бросилась ей на шею, обливаясь слезами. Мне приятно сказать, что я все же не попросила ее забрать меня обратно, не опустилась до такой слабости. Кроме того, увидев маму, я почувствовала, что больше не буду мучиться, так как теперь поняла наконец, что со мной происходит.

Я перестала тосковать, через какое-то время пансион мадемуазель Т. начал мне даже нравиться. Вместе со мной учились француженки, много испанок, американок, с их забавной манерой выражаться, непринужденностью, беззаботностью. Кроме того, они напоминали мне мою подругу из Котре, Маргерит Престли.

Не скажу, чтобы мы были перегружены занятиями. Наверное, ничего особенно интересного мы не изучали. По истории проходили период Фронды¹, который я пре-

¹ Фронда (*фр*) — общественное движение во Франции в 1648—1653 годах против абсолютизма и правительства кардинала Мазарини.

красно знала по историческим романам; что касается географии, то я на всю жизнь запуталась во французских провинциях, так как помнила, как они назывались во времена Фронды, то есть совсем иначе, чем теперь. Мы выучили также названия месяцев во времена Французской революции. Ошибки, которые я делала во французских диктантах, приводили преподавательницу в такой ужас, что она отказывалась верить своим глазам:

— *Vraiment, c'est impossible!* — говорила она. — *Vous, qui parlez si bien français, vous avez fait vingt-cinq fautes en dictée, vingt-cinq!*¹

Никто не сделал больше пяти ошибок. Я представляла собой в некотором роде феномен, но причины моего провала в орфографии конечно же объяснялись тем, что я выучилась бегло говорить исключительно на слух, решительно не подозревая о разнице в написании: например, одинаково звучащие *été* и *étail*² я писала как бог на душу положит, наугад — а вдруг попаду. В других предметах, истории Франции, литературе, сочинениях и так далее, я была первой в классе; но что касается грамматики и орфографии, то хуже меня, пожалуй, и не было никого. Это создавало некоторые трудности для моих бедных преподавателей — и до известной степени унижало меня, но, признаюсь, несколько не трогало.

Музыке меня учила пожилая дама — мадам Легран. Она служила в пансионе уже много лет. Любимым методом преподавания мадам Легран была игра в четыре руки. Она стремилась к тому, чтобы ее ученики хорошо читали с листа. Я неплохо читала с листа, но играть в четыре руки с мадам Легран было все равно что находиться у кратера вулкана во время его извержения. Мы садились рядышком на табуретку; мадам Легран была, что называется, в теле, она занимала большую часть сиденья и оттесняла меня на самый красшек; играла она с большим напором, энергично двигая локтями, словно подбоченясь, — в результате несчастный партнер должен был крепко прижимать один локоть к телу.

Не без легкого лукавства я всегда умудрялась устроить так, чтобы играть вторую партию дуэта — басовую. Мадам Лег-

¹ Нет, в самом деле, это просто невероятно! Вы так хорошо говорите по-французски — и сделали в диктанте двадцать пять ошибок, двадцать пять ошибок! (*фр.*)

² Одинаково звучащие французские слова пишутся по-разному и имеют разные значения: «лето» и «был».

ран легко позволяла уговорить себя, потому что, играя главную партию, получала больше возможностей для самовыражения. Увлеченная музыкой, она нередко не замечала, что я сбилась в аккомпанементе. Рано или поздно я теряла такт, возвращалась назад, пыталась поймать мадам Легран, не понимая, в каком месте нахожусь, потом старалась взять аккорд, который подошел бы к тому, что играла мадам Легран. Естественно, во время игры мне не всегда удавались эти попытки. Внезапно, когда чудовищная какофония, производимая нашей игрой, доходила до ушей мадам Легран, она останавливалась, всплескивала руками и восклицала: «Mais qu'est-ce que vous jouez là, petite? Que c'est horrible!»¹

Я не могла не согласиться с ней — действительно, это был ужас. Мы начинали сначала. Разумеется, если я играла другую, первую партию, а не аккомпанемент, моя несостоятельность обнаруживалась немедленно. Тем не менее в целом мы хорошо чувствовали друг друга. Во время игры мадам Легран все время пыхтела, сопела. Ее грудь вздымалась и опускалась, временами она издавала стоны, утрашающие и одновременно очаровывающие. От нее также исходил довольно сильный запах пота, что было не так очаровательно.

В конце семестра должен был состояться концерт, и мне выбрали для исполнения две пьесы — третью часть Патетической сонаты Бетховена и Арагонскую хоту²: требовалось именно что-то в этом роде. К Арагонской серенаде я немедленно почувствовала глубокое отвращение. Мне было страшно трудно играть ее, сама не знаю почему: нет никаких сомнений, что она гораздо легче Бетховена. И если мои дела с бетховенской сонатой продвигались хорошо, Арагонская серенада решительно не выходила. Я просиживала над ней часами, но из-за этого нервничала еще больше. Ночью я просыпалась, мне снилось, что я играю и происходит все самое ужасное. Клавиши приклеиваются к пальцам, или вдруг оказывается, что я играю на органе, а не на фортепиано, или я опоздала, потому что концерт состоялся накануне... Когда вспоминаешь потом, это кажется таким глупым.

За два дня до концерта у меня так поднялась температура, что вызвали маму. Доктор не мог объяснить причины.

¹ Боже мой, что вы там играете, милая? Какой ужас! (*фр.*)

² Арагонская хота — оркестровая увертюра знаменитого русского композитора Михаила Ивановича Глинки (1804—1857), написанная в 1845 году.

Но на его взгляд, было бы гораздо лучше, если бы я вместо того, чтобы играть на концерте, отправилась на два-три дня домой. Я тотчас почувствовала огромное облегчение и благодарность, хотя я чувствовала себя виноватой перед мадам Легран.

Припоминаю теперь, что я совершенно провалилась на экзамене по арифметике в классе мисс Гайер, хотя всю предшествующую экзамену неделю шла первой. Почему-то, когда я прочитала вопросы в билете, на меня нашло помрачение и я потеряла способность думать. Бывают ученики, обладающие даром прекрасно сдавать экзамены, даже если они до той поры плелись в хвосте; бывают люди, которые в присутствии публики играют гораздо лучше, чем дома; но с некоторыми случается как раз обратное. Я принадлежу к последним. Совершенно очевидно, что я правильно выбрала свой путь. Писательский труд хорош тем, что писатель работает дома и сам выбирает время для работы. Вы мечетесь в страшном напряжении, ваша голова раскалывается, вы оказываетесь на грани сумасшествия, пытаетесь правильно выстроить сюжет, заставить действие развиваться так, как вы считаете нужным; но зато вам не надо выходить на сцену и делать из себя посмешище.

Спустя несколько дней, отдохнувшая, я вернулась в пансион в прекрасном расположении духа и немедленно снова взялась за Арагонскую серенаду. Конечно теперь я справлялась с ней лучше, но все же играла достаточно скверно. Вместе с мадам Легран мы продолжали заниматься Бетховеном. Несмотря на разочарование, которое я вызвала у нее — она так в меня верила! — мадам Легран все же подбадривала меня, утверждая, что я определенно музыкальная девочка.

Две зимы и лето, проведенные мною в Париже, были одними из самых счастливых в моей жизни. Постоянно происходило что-то приятное и неожиданное. В Париже жили несколько американских друзей моего дедушки, а их дочь пела в Гранд-опера¹. Я отправилась слушать ее в роли Маргариты² в «Фаусте». В пансионе девочкам не разреша-

¹ Гранд-опера — государственный оперный театр в Париже, основанный в 1669 году.

² Маргарита — персонаж оперы «Фауст» французского композитора Шарля Гуно (1818—1893), написанной на сюжет одноименной поэмы немецкого философа, поэта, теоретика искусства и государственного деятеля И. В. Гете (1749—1832).

лось слушать «Фауста», поскольку сюжет считался не convenable¹ для les jeunes filles².

По-видимому, окружающие переоценивали легкость, с которой можно было испортить les jeunes filles; надо было обладать куда более основательными познаниями, нежели те, которые имелись у jeunes filles того времени, чтобы заподозрить что-то греховное в сцене у окна Маргариты. Я, например, совершенно не могла понять, почему Маргарита вдруг оказалась в тюрьме. «Может быть, она украла драгоценности?» — размышляла я. Такие вещи, как беременность и смерть ребенка, даже в голову мне не приходили.

Нас водили чаще всего в Опера Комик³ на «Таис», «Вертера», «Манон»⁴, «Кармен»⁵, «Богему»⁶. Я больше всего любила «Вертера». В Гранд-опера я кроме «Фауста» слушала «Тангейзера»⁷.

Мама стала брать меня с собой к портнихам, и во мне постепенно проснулся вкус к нарядам. Я пришла в полный восторг от жемчужно-серого крепдешинового платья, потому что никогда раньше не была так похожа на взрослую девушку. К сожалению, грудь продолжала упрямяться и оставаться плоской, но я не теряла надежды, что в один прекрасный момент и у меня появятся две высокие и крепкие округлости. Какое счастье, что нам не дано заглянуть в будущее! Иначе я бы увидела себя в тридцать пять лет с прекрасно развитой, пышной, но, увы, старомодной грудью; мода тех лет требовала отсутствия форм — женщин плоских как доска. Если же так отчаянно не повезло, что грудь уже выросла, надо было предпринять все усилия и затянуться так, чтобы скрыть ее существование.

Благодаря рекомендательным письмам мы с мамой были приняты во французском обществе. В Фобур Сен-Жер-

¹ Подходящим (фр.).

² Молодых девушек (фр.).

³ «Опера Комик» — музыкальный театр в Париже, основанный в 1715 году.

⁴ «Таис», «Вертер» и «Манон» — оперы, написанные французским композитором Жюлем Массне (1842—1912), мастером лирической оперы.

⁵ «Кармен» — опера французского композитора Жоржа Бизе (1838—1875).

⁶ «Богема» — опера итальянского композитора Джакомо Пуччини (1858—1924).

⁷ «Тангейзер» — опера немецкого композитора Рихарда Вагнера (1813—1883), теоретика искусства.

мен¹ богатых американок встречали с распростертыми объятиями, и браки с ними отпрысков самых знатных аристократических семейств Франции всячески поощрялись. Хотя я вовсе не была богата, но мой папа считался американцем, а все американцы, само собой разумеется, воспринимались как богачи.

Французский высший свет представлял собой весьма любопытное общество, чинное и пронизанное условностями. Французы, с которыми я встречалась, отличались отменной вежливостью, были очень *comme il faut*² — и, естественно, казались мне жуткими занудами! Тем не менее я овладела французской куртуазностью. Некто по имени мистер Вашингтон Лоб научил меня танцевать и держаться в великосветском обществе.

— Предположим теперь, — говорил он, — вы собираетесь присесть рядом с пожилой замужней леди. Как вы сделаете это?

Я оторопело уставилась на мистера Вашингтона Лоба.

— Я... я бы просто... села, — пробормотала я растерянно.

— Покажите — как.

Я села на один из позолоченных стульев и попыталась запрятать ноги под сиденье как можно дальше.

— Нет, никуда не годится. Не вздумайте никогда так делать, — сказал мистер Вашингтон Лоб. — Вы должны немножко откинуться в сторону, так, достаточно, не больше; и если, садясь, вы слегка наклонитесь вправо, следует немного согнуть левое колено, чтобы получился почти реверанс.

Пришлось немало практиковаться, чтобы освоить столь сложные позы.

Единственное, что я ненавидела, это уроки рисования и живописи. Но тут мама проявила невероятную твердость:

— Девушки должны уметь писать акварелью.

Поэтому, отчаянно бунтуя в душе, я два раза в неделю в сопровождении приставленной ко мне молодой женщины (поскольку девушкам не разрешалось разгуливать по Парижу в одиночестве) отправлялась на метро или в автобусе в *atelier*³, где-то по соседству с цветочным рынком. В ателье я присоединялась к молодым дамам, которые ри-

¹ Фобур Сен-Жермен — Сен-Жерменское предместье, аристократический квартал Парижа.

² Как подобает (в высшем обществе), изысканный (*фр.*).

³ Ателье (*фр.*).

совали фиалки в стакане воды, лилии в кувшине, нарциссы в вазе. Проходя мимо меня, преподавательница тяжело вздыхала.

— Mais vous ne voyez rien¹, — говорила она мне. — Вы должны начать с теней: что тут непонятного? Тут, тут и здесь — тени.

Но я не видела никаких теней; только розовато-лиловые фиалки в стакане воды. Я смешала на палитре краски, чтобы получить этот оттенок, и стала наносить мазки. Естественно, у меня ничего не вышло, но я так и не поняла и до сих пор не понимаю, как можно добиться, чтобы тени приняли вид букета фиалок в стакане воды. Иногда, чтобы приглушить отчаяние, охватывавшее меня, я рисовала в перспективе ножки стола или какой-нибудь старый стул, что поднимало дух мне, но отнюдь не преподавательнице.

Познакомившись с множеством очаровательных французов, я, как это ни странно, не влюбилась ни в кого из них. Вместо этого я воспылала тайной страстью к служащему гостиничной администрации, мосье Стри, высокому и тощему, как глист, светлому блондину с прыщавым лицом. И что я тогда в нем нашла? Я никогда не осмеливалась заговорить с ним, хотя однажды, когда я проходила через холл, он сказал мне: «Bonjour, mademoiselle»². Предаться романтическим мечтам по поводу мосье Стри было довольно трудно. Я вообразила, что вот пытаюсь спасти его от чумы во французском Индокитае, но мне понадобилось много усилий, чтобы придать живость этому эпизоду. Испуская последний вздох, он прошептал: «Мадемуазель, я полюбил вас с первого взгляда, как только увидел в отеле».

Это бы еще куда ни шло, но когда на следующий день я застала мосье Стри старательно пишущим что-то за своей стойкой, мне стало ясно, что таких слов он не произнес бы даже на смертном одре.

Пасху мы провели, осматривая Версаль³, Фонтенбло⁴ и другие достопримечательности, а после мама вдруг заявила, что я больше не вернусь к мадемуазель Т.

¹ Но вы ничего не видите (*фр.*).

² Здравствуйте, мадемуазель (*фр.*).

³ Версаль — город неподалеку от Парижа, некогда резиденция французских королей, славится парками, разбитыми при королевском дворе в XVII веке.

⁴ Фонтенбло — город, расположенный южнее Парижа, бывшая загородная резиденция французских королей.

— Не думаю, что от этого заведения тебе будет толк, — сказала она. — Не тот уровень. Не то что во времена, когда училась Мэдж. Я собираюсь вернуться в Англию и уже договорилась, что ты поступишь в школу мисс Хогг в Отей, Ле Марронье.

Не помню никаких других чувств, кроме кроткого удивления. Мне было очень хорошо у мадемуазель Г., но отправиться в новое место, это всегда так интересно. Не знаю, по глупости или из любознательности — хотелось бы думать, что последнее, — но новое всегда манило меня.

Так я очутилась в Ле Марронье, очень хорошей, но чересчур английской школе. Мне нравилось здесь, но было скучно. Моя новая учительница музыки преподавала совсем неплохо, но вовсе не была такой яркой личностью, как мадам Легран. Так как все говорили только по-английски, хотя это строжайше запрещалось, французский оказался совершенно заброшенным.

Какие-либо занятия вне стен школы не только не поощрялись, но запрещались, так что наконец я смогла избавиться от ненавистных уроков рисования и живописи. Единственное, по чему я тосковала, был цветочный рынок, в самом деле божественный. Когда в конце летних каникул, проведенных в Эшфилде, мама вдруг сообщила, что я не вернусь в Ле Марронье, я уже нисколько не удивилась. У нее родилась очередная идея относительно моего образования.

Глава 5

Невестка Бабушкиного доктора содержала в Париже небольшое учебное заведение для «завершающих образование» девушек. Здесь учились не больше двенадцати-пятнадцати молодых особ — многие занимались музыкой в консерватории или посещали Сорбонну¹. Мама спросила, как я отношусь к этой идее. Я уже говорила, что все новое привлекало меня; мой любимый девиз: «Попробуй все». Осенью я оказалась в школе мисс Драйден, на авеню Дю Буа, рядом с Триумфальной аркой².

Обучение под началом мисс Драйден подходило мне во всех отношениях. Впервые я почувствовала, что мы зани-

¹ Сорбонна — с XVII века обобщенное название Парижского университета, основанного в 1257 году.

² Триумфальная арка — мемориальное сооружение в честь побед французского оружия, которое начали воздвигать в Париже при Наполеоне I в 1806 году, а завершили в 1836 году.

маемся чем-то по-настоящему интересным. Нас было двенадцать. Сама мисс Драйден была высокой, очень энергичной женщиной, с красиво уложенными седыми волосами, великолепной фигурой и красным носом, который она имела обыкновение ожесточенно тереть в гневном расположении духа. Ее манера разговаривать, сухая и ироническая, одновременно пугала и мобилизовывала. Помощница мисс Драйден, молоденькая мадам Пети, была истинная француженка, темпераментная, столь же эмоциональная, сколь несправедливая, что не мешало нам обожать ее и испытывать глубокую преданность, совершенно не чувствуя того страха, который внушала нам мисс Драйден.

Хотя обстановка в пансионе была вполне домашней, занятия велись самым серьезным образом. Особое значение придавалось музыке, но помимо нее мы изучали много других очень интересных предметов. Нам преподавали актеры из Комеди Франсез¹, которые читали лекции о Мольере², Расине³ и Корнеле⁴, певцы из консерватории пели арии Люлли⁵ и Глюка⁶. В классе драматического искусства мы учились декламировать. К счастью, нас не слишком отягощали *dictees*⁷, так что мои орфографические ошибки не стали притчей во языцех, и, владея разговорным французским языком лучше многих других, я просто наслаждалась, произнося строки из «Андромахи»⁸; я чувствовала себя настоящей трагической героиней, когда стояла и декламировала:

— *Seigneur, routes ces grandeurs ne me nous touchent plus guère*⁹.

¹ Комеди Франсез — французский драматический театр, основанный в Париже в 1680 году.

² Мольер (наст. имя Жан-Батист Поклен, 1622—1673) — французский комедиограф, актер, театральный деятель, создатель жанра социально-бытовой комедии.

³ Расин Жан (1639—1699) — французский драматург, поэт, представитель классицизма.

⁴ Корнель Пьер (1639—1684) — французский драматург, представитель классицизма.

⁵ Люлли Жан-Батист (1632—1687) — французский композитор, итальянец по происхождению, создатель жанра лирических трагедий.

⁶ Глюк Кристоф Валилибальд (1714—1787) — композитор, работал в Милане, Вене, Париже, один из представителей музыкального классицизма.

⁷ Диктантами (*фр.*).

⁸ «Андромаха» — трагедия (1668) Жана Расина.

⁹ Сеньор, все это нас больше не трогает (*фр.*).

Думаю, что курсы драматического искусства любили все. В Комеди Франсез, куда нас часто водили, мы смотрели классические и современные пьесы. Я видела Сару Бернар¹ в одной из ее последних ролей в пьесе Ростана² «Шантеклер». Она была уже старая, слабая, хромота, и ее золотой голос иногда срывался, но при этом она оставалась великой актрисой, и страстная взволнованность ее игры передавалась зрителям. Может быть, даже больше, чем Сара Бернар, меня потрясла Режан³. Ее я видела в современной пьесе «La Course aux Flambeaux»⁴.

Она обладала удивительным даром заставить вас за сдержанной манерой игры почувствовать бурю чувств и страстей, которым она не позволяла вылиться наружу. До сих пор стоит мне на минуту закрыть глаза, как я слышу ее голос и вижу лицо, когда она произносит последние слова пьесы: «Pour sauver ma fille, j'ai tué ma mère»⁵, я снова ощущаю, как по залу пробегает дрожь, и в это время занавес падает.

Мне кажется, что преподавание может приносить пользу только в том случае, если вызывает живой отклик. В получении чистой информации нет никакого смысла — она не прибавляет ровно ничего к тому, что вы уже знали раньше. Но слушать, как о пьесах рассказывают актрисы, повторяя вслед за ними слова и монологи; слушать настоящих певцов и певиц, поющих вам «Le Bois Épais»⁶ или арию из «Орфея»⁷ Глюка, — это счастье, пробуждавшее страстную любовь к искусству, творящемуся на глазах. Для меня открылся новый мир, мир, без которого я с тех пор больше не могла жить.

Я очень серьезно занималась музыкой — игрой и пением. Фортепиано мне преподавал австриец Карл Фюрстер, дававший сольные концерты и в Лондоне. Замечательный педагог, он в то же время наводил на меня ужас. У него была

¹ Бернар Сара (1844—1923) — французская трагическая актриса.

² Ростан Эдмон (1868—1918) — французский поэт и драматург.

³ Режан Габриель (1856—1920) — французская актриса, игравшая в реалистической манере.

⁴ «Бег с факелами» (*фр.*) — название пьесы французского драматурга Поля Эвриё (1857—1915).

⁵ Чтобы спасти свою дочь, я убила свою мать (*фр.*).

⁶ «Густой лес» (*фр.*).

⁷ «Орфей» (полное название «Орфей и Эвридика») — опера К.В. Глюка (1714—1787).

привычка во время урока прохаживаться по классу. Казалось, он абсолютно не слушает, что играет ученица; он вылаживал в окно, нюхал цветы, но при звуке фальшивой ноты или при неправильной фразировке внезапно с быстротой разъяренного тигра насккивал на играющего и кричал:

— А-а-а? Что это ты нам наиграла, малышка?! А-а-а? Ужас!

Сначала я страшно нервничала, но потом привыкла. Фюрстер полностью посвятил себя Шопену¹, так что я выучила много его этюдов, вальсов, Фантазию-экспромт и одну из баллад. Я чувствовала, что под руководством нового учителя делаю успехи, и очень радовалась. Мы проходили с ним также сонаты Бетховена, легкие, как он говорил, «салонные» пьесы Форе², «Баркаролу»³ Чайковского и многое другое. Я не вставала со стула, занимаясь, как правило, не меньше семи часов в день. Боюсь, у меня зародилась дикая надежда — не знаю даже, отдавала ли я себе в этом отчет, но в глубине души она жила, — что, может быть, я смогу стать пианисткой, смогу давать концерты. Понадобится много времени и каторжного труда, но мне казалось, что я быстро сделаю большой рывок.

Чуть раньше я начала брать уроки пения. Моим учителем был мосье Буэ. Он и Жан де Решке считались в тот момент лучшими парижскими профессорами пения и ведущими певцами в опере: Жан де Решке — тенором, а Буэ — баритоном. Мосье Буэ жил на пятом этаже в доме без лифта. Обыкновенно я взбегала на пятый этаж, пыхтя как паровоз, что, впрочем, совершенно естественно. Все квартиры были похожи друг на друга как две капли воды, и поэтому ничего не стоило перепутать этаж, но толстый ковер на лестнице, ведущей в квартиру моего профессора, а также жирное пятно на стене — точь-в-точь голова терьера — указывали на его дверь.

Прямо с порога профессор осыпал меня упреками. Что я себе думаю, сбивая дыхание таким образом? И почему я, собственно, задыхаюсь? В моем возрасте я должна подниматься на пятый этаж без всяких трудностей. Дыхание — это все.

¹ Шопен Фредерик (1810—1849) — польский композитор и пианист.

² Форе Юрбен Габриель (1845—1924) — французский композитор, органист, дирижер, педагог.

³ «Баркарола» — песня венецианского гондольера, характеризующаяся особым ритмом и плавностью. В этом жанре написана одна из фортепианных пьес П.И. Чайковского (1840—1893).

— Дыхание — основа пения, вы теперь должны усвоить это.

Потом он доставал сантиметр, который всегда держал под рукой, опоясывал меня на уровне диафрагмы, просил вдохнуть, измерял объем, а потом просил сделать самый полный выдох. Он сравнивал результаты двух измерений и, удовлетворенно покачивая головой, говорил:

— *C'est bien, c'est bien*¹ — расширяется. У вас хорошая грудная клетка, отличная. Великолепное расширение, и я скажу вам даже больше: вы никогда не заболите чахоткой. Певцы часто страдают от нее, но вам ничего не грозит. Пока вы следите за дыханием, все будет хорошо. Вы любите бифштексы?

Я сказала, что люблю, очень люблю бифштексы.

— Тоже прекрасно, бифштекс — лучшая пища для певцов. Нельзя есть много, нельзя есть часто; своим оперным певцам я всегда повторяю, что в три часа дня положено съесть хороший бифштекс и выпить стакан крепкого портера; и больше ничего до девяти часов вечера, когда надо выходить петь.

Потом мы приступали собственно к уроку.

— «*Voix de tête*»² — верхний регистр, — сказал он, — прекрасный, поставленный от природы, и грудные ноты весьма недурны; по средний регистр, «*médium*», — очень слабый, чрезвычайно слабый.

Так что я начала с романсов, предназначенных для меццо-сопрано, чтобы развить средний регистр. В паузах профессор сокрушался по поводу, как он выражался, моего английского лица.

— Английские лица, — сетовал он, — лишены всякой выразительности! Абсолютно неподвижны. Мышцы вокруг рта застыли раз и навсегда; голос, слова, вообще все исходит только из горла. Это очень плохо. Французский язык требует нёба, крыши верхней части рта. Нёбо, носовая перегородка — вот откуда исходит средний регистр. Вы прекрасно говорите по-французски, совершенно свободно, хотя, к сожалению, ваш акцент огорчает меня, — он не английский, а южнофранцузский. Откуда у вас южный акцент?

Я немножко подумала и сказала, что, наверное, потому, что я училась у француженки родом из По.

¹ Хорошо, хорошо (*фр.*).

² Букв. «колос головы» (*фр.*).

— А, теперь понятно, — сказал профессор. — Вот в чем дело. У вас южный акцент. Я и говорю, речь у вас беглая, но вы говорите по-французски так, словно это английский язык, и все слова произносите горлом. Нужно артикулировать, должны быть в движении губы. А-а-а, я знаю, что мы будем делать.

И он велел, чтобы я зажала губами карандаш и пела, артикулируя изо всех сил с карандашом в зубах, не давая ему выпасть. Сначала у меня ничего не получалось, но потом я все-таки приспособилась, хоть и с большим трудом. Зубы сжимали карандаш, и губы поневоле активно двигались, чтобы слова звучали отчетливо.

Однажды я навлекла на себя страшную ярость мосье Буэ. В тот день я принесла арию из оперы «Самсон и Далила»¹, «*Mon coeur s'ouvre à ta voix*»², и спросила маэстро, как ему кажется, смогу ли я спеть эту арию из любимой оперы.

— Это еще что такое? — закричал он, перелистывая ноты. — Что это? Какая здесь тональность? Здесь другая тональность!

Я объяснила, что ария транспонирована для сопрано. Он зашелся от гнева:

— Но Далила — это не сопрано! Эта партия написана для меццо! Если вы поете арию из оперы, извольте петь ее в той тональности, в которой она написана! Вы не можете транспонировать для сопрано то, что написано для меццо-сопрано! Это полностью искажает интонацию. Заберите это. Если вы принесете арию в правильной тональности, что ж, тогда можете работать.

С тех пор я никогда не приносила транспонированных произведений.

Я выучила много французских романсов и изумительную «Ave Maria»³ Керубини⁴. Некоторое время мы обсуждали, как мне произносить латинский текст.

— Англичане произносят латинские слова согласно итальянской школе, а французы — на французский манер.

¹ «Самсон и Далила» — опера французского композитора Шарля Камилля Сен-Санса (1835—1921).

² «Мое сердце открывается навстречу твоему голосу» (*фр.*).

³ «Славься, Мария» — начало католической молитвы, обращенной к Деве Марии.

⁴ Керубини Мария Карло Зонобио Сальваторе Луиджи (1760—1842) — французский композитор, родившийся в Италии, директор парижской консерватории.

Думаю, раз вы англичанка, пойте лучше в итальянских традициях.

Песни Шуберта¹, а я выучила их очень много, я пела по-немецки. Хотя я и не знала немецкого языка, это не было слишком трудно; пела, конечно, и по-итальянски. В конце концов, хоть я и обуздывала свое честолюбие, но через каких-то полгода занятий мне было разрешено петь знаменитую арию из «Богемы» — «Te gelida manina»², а также из «Тоски» — «Vissi d'arte»³.

То было поистине счастливое время! Иногда после посещения Лувра⁴ нас водили пить чай у Румпелмайеров. Для такой сладкоежки, как я, трудно было представить большее удовольствие, чем чай у Румпелмайеров. Мои любимые пирожные с кремом и горячие, с пылу с жару, каштаны с их ни с чем не сравнимым вкусом!

Разумеется, мы ходили гулять и в Булонский лес — очаровательный уголок Парижа. Однако, помнится, когда мы однажды чинно шли парами вдоль лесной дороги, из-за дерева появился мужчина — и непристойно оголился. Думаю, что его заметили все, но ни одна из нас и виду не подала, может быть, мы даже не были вполне уверены, что в самом деле видели то, что видели. Сама мисс Драйден, под чьим присмотром мы находились в тот день, воинственно пронеслась мимо, как броненосец в морской баталии. Мы следовали за ней. Думаю, мужчина, верхняя половина которого была в полном порядке — брюнет с остроконечной бородкой, элегантный галстук, — весь день бродил по темным аллеям, поджидая шагающих парами чинных девушек из пансиона с целью пополнить их знания о парижской жизни. Могу добавить, что ни одна из нас ни словом не упомянула о происшедшем инциденте; не раздалось ни одного смешка, такими потрясающе скромными мы были в те годы.

Время от времени мисс Драйден устраивала приемы, и однажды к нам пришла бывшая ученица мисс Драйден,

¹ Шуберт Франц (1797—1828) — немецкий композитор романтического направления.

² «Холодная ручонка» (*ит.*) — знаменитая ария Рудольфа из первого акта оперы Пуччини «Богема».

³ «Я жила ради искусства» (*ит.*) — ария Тоски из второго акта оперы Пуччини «Тоска».

⁴ Лувр — королевский дворец в Париже, с 1791 года художественный музей, обладающий богатейшими коллекциями древне-египетского, античного и западноевропейского искусства.

вышедшая замуж за французского виконта американка со своим сыном Руди. Руди, собственно говоря, французский барон, вел себя как обыкновенный американский школьник. Думаю, в присутствии двенадцати вполне зрелых девиц, которые с нескрываемым интересом разглядывали его, лелея тайную надежду на романтическое приключение, он несколько оробел.

— Ну и выпала мне работенка пожать все эти руки, — сказал он весело.

На другой день мы опять встретились с Руди в Ледовом дворце, на катке, где одни катались на коньках, а другие только учились. Руди снова обнаружил похвальную галантность и не уронил чести своей матери. Он сделал несколько кругов с теми пансионерками, которые держались на ногах. Мне, как и всегда в подобных случаях, не повезло. Я только что начала учиться и умудрилась свалить инструктора. Надо сказать, тот просто взбесился, поскольку сразу же стал посмешищем в глазах коллег. Инструктор постоянно бахвалился, что может научить кого угодно, хоть самую толстую американку, а тут вдруг пал жертвой тошей длинной девицы — ярость его была неопикуемой. Он почти никогда не предлагал мне больше проехать с ним круг, стараясь выбирать меня из очереди ожидавших его учениц как можно реже. Так что мне нисколько не грозило катание с Руди — может быть, я бы и его свалила с ног, и тогда ему тоже было бы неприятно.

После встречи с Руди со мной что-то случилось. Мы виделись всего несколько раз, но внезапно все во мне переменялось. Я покинула мир своих воображаемых героев. Наступил конец романтических влюбленностей в полувыдуманных героев — персонажей из книг, общественных деятелей, друзей, посещавших наш дом. Я потеряла способность любить бескорыстно, жертвовать собой во имя спасения любимого. Я начала думать о реальных молодых людях как о мужчинах — о привлекательных созданиях, с которыми я хотела встречаться и среди которых в один прекрасный день надеялась найти своего Суженого. Я не влюбилась в Руди — может статься, и влюбилась бы, если бы мы встречались чаще, — но вдруг оказалась во власти новых ощущений. Во мне проснулся охотничий инстинкт! С этого момента образ лондонского епископа, последнего объекта моего поклонения, поблек. Я хотела теперь встретить настоящего молодого человека, множество молодых людей — хотя таких возможностей представлялось очень мало.

Не могу точно припомнить, сколько времени длилось мое пребывание у мисс Драйден — во всяком случае, меньше двух лет. Моя непостоянная мама больше не выдвигала новых идей; может быть, до нее перестали доходить слухи о новых замечательных учебных заведениях. Но скорее всего, она инстинктивно почувствовала, что я наконец нашла то, что полностью удовлетворяло меня. Я училась тому, что имело для меня значение, что наполняло мою жизнь смыслом.

Прежде чем я покинула Париж, развеялась одна моя мечта. Мисс Драйден ждала свою старую ученицу, графиню Лимерик, замечательную пианистку, питомицу Карла Фюрстера. Обычно в таких случаях две-три девушки, занимавшиеся музыкой, давали отчетный концерт. На этот раз я попала в их число. Результат оказался катастрофическим. Перед концертом я нервничала, но это было нормальное волнение — ничего сверхъестественного. Однако, как только я села за рояль, обнаружилась моя полнейшая беспомощность. Я ошибалась, путалась, сбивалась с темпа, фразировка отдавала дилетантизмом, я играла бездарно — это был провал.

Добрейшая леди Лимерик после концерта пришла меня утешать, сказала, что понимает, как я волновалась, что все мои неудачи объясняются страхом перед сценой. Может быть, в дальнейшем, когда я стану более опытной пианисткой и буду часто выступать перед публикой, мне удастся преодолеть его. Я была очень благодарна ей за эти ласковые слова, но в глубине души сознавала, что все обстоит еще более серьезно, чем она думает.

Я продолжала заниматься, но прежде чем окончательно вернуться домой, попросила Карла Фюрстера откровенно ответить мне, считает ли он, что упорный труд и прилежание могут сделать из меня профессиональную пианистку. Он — очень деликатно — сказал правду... У меня нет достаточного темперамента, чтобы выступать перед публикой, сказал он. И я знала, что учитель прав. Я была очень благодарна ему за то, что он сказал правду. Некоторое время я чувствовала себя несчастной, но постаралась не принимать этот печальный вывод слишком близко к сердцу.

Если вашим мечтам не суждено осуществиться, гораздо лучше вовремя это понять и двигаться дальше, вместо того чтобы сосредоточиваться на разбитых упованиях и надеждах.

Рано испытанное поражение послужило мне хорошим уроком на всю жизнь; я поняла, что у меня не тот темперамент, чтобы выступать перед публикой. Думаю, что все дело в том, что я не способна в нужный момент взять себя в руки.

Часть четвертая

КАВАЛЕРЫ, УХАЖЕРЫ, ФЛИРТ, ПОМОЛВКА¹

Глава I

Вскоре после того, как я вернулась из Парижа домой, мама тяжело заболела. Врачи и на этот раз не изменили себе, диагностировав уже аппендицит, паратиф, желчнокаменную болезнь и ряд других заболеваний. Несколько раз она едва не оказалась на операционном столе. Лечение не приносило никаких результатов — ее страдания не уменьшались, и речь то и дело заходила о хирургическом вмешательстве. Но мама сама неплохо разбиралась в медицине. Когда ее брат Эрнест учился на медицинском факультете, она с большим энтузиазмом помогала ему и наверняка стала бы лучшим врачом, чем он. В конце концов Эрнест был вынужден отказаться от этой профессии, так как выяснилось, что он не переносит вида крови. К тому времени мама совершенно не уступала ему в медицинском опыте и познаниях, и ни кровь, ни раны, ни физические страдания нисколько не отвращали ее. Я замечала мамин интерес к медицине каждый раз, когда мы посещали зубного врача: в ожидании приема она сразу откладывала в сторону модные журналы, «Куин» или «Татлер», и принималась за медицинские, «Ланцет» или «Бритиш Медикал Джорнал», если только они тоже оказывались на столике.

Наконец, потеряв терпение, мама сказала:

— Я думаю, что они ничего не знают — раз я сама не понимаю. Главное теперь — вырваться из их лап.

Ей удалось найти врача из породы «послушных», и вскоре мама получила хороший совет: солнце, тепло, сухой климат.

— Зимой мы едем в Египет, — заявила она.

И снова последовало решение сдать дом. К счастью, в те времена расходы на путешествие значительно уступали нынешним и легко покрывались немалой суммой, которую нам платили за Эшфилд. Торки в те поры был зимним

¹ Популярные викторианские игры.

курортом. Летом никто не приезжал туда, а все жители Торки обычно покидали его, спасаясь, как они говорили, от «страшной жары». (Совершенно не понимаю, о какой «страшной жаре» могла идти речь: теперь я нахожу, что лето в Южном Девоне дикий холод.)

Как правило, жители Торки направлялись в вересковые пустоши и там снимали дом. Мама с папой тоже предприняли однажды такую поездку, но жара оказалась настолько чудовищной, что папа немедленно нанял догкарт¹ и двинулся обратно, в Торки, чтобы каждый день отдыхать от жары в нашем саду. Короче говоря, Торки представлял собой английскую Ривьеру, и люди платили большие деньги, чтобы снять здесь обставленную виллу на очень приятный зимний сезон с дневными концертами, интересными лекциями, балами и оживленной светской жизнью.

Наступил и мой черед «выходить в свет». У меня уже была настоящая высокая прическа в греческом стиле с большим пучком локонов, собранных на затылке и перевязанных узкой лентой. Мне очень шла эта прическа, особенно с вечерним платьем. Волосы у меня были очень длинные, я с легкостью могла бы сесть на них. Длинные волосы считались предметом женской гордости, на самом же деле эта немислимая длина означала всего лишь, что они не слушались, постоянно выбивались из прически и прядями свисали вниз. Борясь с этим неудобством, парикмахеры создавали произведения под названием *postiche* — большой накладной шиньон из локонов. Собственные волосы затягивались на голове так туго, как только это было возможно, а к ним прикреплялся *postiche*.

«Выход в свет» считался чрезвычайно важным событием в жизни девушки. В богатых семьях матери обыкновенно давали в честь дочери бал. Сезон предполагалось проводить в Лондоне. Разумеется, понятие «сезон» не означало разгульного образа жизни, который оно приобрело за последние двадцать-тридцать лет. Те, кого вы приглашали танцевать или на чье приглашение откликались, всегда были из числа близких друзей. Некоторая трудность состояла в постоянной нехватке молодых людей; но в целом на балах царил атмосфера непринужденности. Суще-

¹ Догкарт — небольшой открытый легкий двухместный экипаж.

ствовали еще и благотворительные балы, присутствие на которых считалось хорошим тоном.

Конечно я не могла позволить себе ничего подобного. Мэдж «вышла в свет» в Нью-Йорке. Там она ходила на приемы и на балы, но «сезон» в Лондоне даже папа не мог себе позволить для Мэдж, что ж говорить обо мне. Мама горела желанием предоставить мне все, на что, по ее мнению, девушка имела право от рождения; подобно тому, как из куколки получается бабочка, так школьница должна превратиться в светскую молодую леди, встречаться с другими девушками и молодыми людьми, чтобы, проще говоря, получить шанс отыскать будущего мужа.

Юных созданий полагалось опекать и оказывать им знаки внимания. Их приглашали на приемы, водили в театр, они общались со своими друзьями сколько душе угодно. Ничего похожего на французский обычай держать дочерей взаперти и позволять им встречаться только с тщательно отобранными молодыми людьми, которые смогли бы в будущем составить хорошую партию, стать подходящими мужьями, с теми, кто оставил в прошлом свои безумства и увлечения молодости и имел достаточно средств, чтобы содержать жену. По-моему, очень хорошая система. Во всяком случае, она давала более высокий процент счастливых браков. Бытующее в Англии мнение, что французенок насильно отдавали замуж за стариков, — это полная чушь. Французенки могли выбирать, но среди ограниченного круга претендентов на руку и сердце. Гуляка, ведущий бурный образ жизни, очаровательный *mauvais sujet*¹, которому каждая девушка, несомненно, отдала бы предпочтение, не допускался в сферу ее общения.

В Англии все было иначе. Во время балов и вечеринок девушки встречались с молодыми людьми разного сорта. По стенкам, как верные дуэньи, скучали их мамы, но ничему не могли помешать. Разумеется, в семьях проявляли разумную осмотрительность и следили за кругом молодых людей, с которыми разрешалось общаться дочерям, но все же возможности выбора были очень широкими; часто девушки останавливали свое внимание на нежелательных персонах и могли зайти даже столь далеко, чтобы обручиться или достичь так называемого «согласия». «Согласие» было

¹ Шалопай (фр.).

очень удобным выражением; оно позволяло родителям избегать сильных трений или вражды — если их не устраивал выбор дочери.

— Ты еще очень молода, дорогая. Я совершенно согласна, что Хью очаровательный молодой человек, но он тоже очень молод и еще не определился. Я не имею ничего против вашего согласия и вы можете встречаться, но, пожалуйста, без всякой официальной помолвки.

Затем они развивали закулисную борьбу в поисках подходящего молодого человека, который отвлек бы дочь от Хью. Часто это удавалось. Открытое сопротивление, несомненно, склонило бы дочь к настойчивости, но полученное разрешение отчасти умаляло шарм избранника, а так как в своем большинстве девушки отличаются здравым смыслом, то рано или поздно они меняли свое решение.

Учитывая нашу бедность, мама понимала, что обеспечить мне достойный дебют в чопорной Англии будет очень трудно.

Думаю, что, выбрав Каир для поправки своего здоровья, мама заботилась прежде всего обо мне. Она поступила мудро. Я была очень стеснительна, в обществе отнюдь не блистала. Освоившись на танцах, научившись непринужденно болтать с молодыми людьми и свободно чувствовать себя в любой обстановке, я получила бы вполне ценный опыт.

С точки зрения юной девушки, Каир был просто воплощенной мечтой. Мы провели там три месяца, пять раз в неделю я ходила танцевать. Балы давались во всех крупных отелях по очереди. В Каире стояло несколько полков; ежедневно проводились состязания по водному поло; в умеренно дорогом отеле все это оказывалось в вашем распоряжении. На зиму сюда съезжалось большое общество, в основном мамы с дочками. Я оставалась застенчивой, но страстно увлеклась танцами и танцевала хорошо. Мне нравились молодые люди, и вскоре обнаружилось, что и я нравлюсь им, так что все шло прекрасно. Мне было всего семнадцать лет, и Каир был мне абсолютно неинтересен — девушки от восемнадцати до двадцати одного года редко думают о чем-нибудь, кроме кавалеров, что вполне естественно!

Ныне искусство флирта безнадежно утрачено, но тогда оно процветало и походило, как мне представляется, на

воспетую трубадурами¹ le pays du tendre². Прекрасная прелюдия жизни: полусентиментальная-полуромантическая привязанность, возникающая между теми, кого сейчас, с высоты своего возраста, я назвала бы «девочками и мальчиками». Первое приобщение к науке любви без слишком жестокой расплаты и тяжелых разочарований. Не припоминаю, чтобы у кого-нибудь из моих друзей и знакомых появились незаконнорожденные дети. Нет, вру. Была не слишком красивая история: одна моя знакомая девушка приехала на каникулы к своему школьному приятелю, где ее и соблазнил его папаша, пожилой мерзавец с дурной репутацией.

Интимная близость была большой редкостью, потому что молодые люди вели себя очень почтительно, ведь если бы разразился скандал, то изгоями в обществе стали бы оба. Для более пылких романов мужчины предпочитали замужних женщин, в основном гораздо старше себя, или «маленьких подружек» из Лондона, о существовании которых никто не подозревал. Девушки же обязаны были вести себя достойно. В этом смысле очень показательна одна история, случившаяся в Ирландии во время вечеринки. В доме, кроме меня, были еще две-три девушки и несколько молодых людей, главным образом, солдат. И один из них вдруг срочно уехал, сославшись на полученную из дома телеграмму. Всем было ясно, что это всего лишь предлог. О причине никто не подозревал, но потом он поделился своими переживаниями с одной из своих более старших приятельниц. Оказывается, его попросили проводить на бал одну из девушек; ехать было довольно далеко. И вдруг по дороге его спутница предложила остановиться на пару часов в каком-нибудь отеле.

— Мы можем приехать попозже, — сказала она, — никто не заметит, вот увидишь, — я часто так делаю.

Молодой человек был в шоке. Решительно отказавшись от лестного предложения, он спешно довез ее и в ужасе ретировался, сославшись на телеграмму.

— Я просто не мог поверить своим ушам — она казалась настолько хорошо воспитанной, у нее чудесные родители... И ведь совсем молоденькая. Из тех девушек, которых мечтаешь видеть своей женой.

¹ Трубадуры — средневековые поэты-певцы, родом из Прованса

² Страна нежности (фр.).

То было чудесное время культа девичьей чистоты. И не думаю, что мы чувствовали себя хоть сколько-нибудь ущемленными. Романтические увлечения, с легким привкусом секса или намеком на него, совершенно удовлетворяли нас. В конце концов, и у животных принято ухаживать и кокетничать. Самец, напыжившись, пытается привлечь внимание самки, а та притворяется, что ничего не замечает, но втайне испытывает благодарность. Это еще не настоящая «взрослая» жизнь, а только прелюдия. Я прекрасно понимаю, почему трубадуры были совершенно правы, когда слагали свои песни о *le pays du tendre*. Я без конца могу перечитывать «Окассена и Николетту»¹. Есть в этой книге очарование, естественность и искренность. Только в юности, никогда больше, у вас может возникнуть это совсем особое чувство: упоение дружбой с женщиной; ощущение духовного родства; вам нравятся одни и те же вещи, вы только подумали о чем-то, а он уже произнес вашу мысль вслух. Многие из этого, конечно, иллюзии, но прекрасные иллюзии, и, мне кажется, каждая женщина должна пережить в своей жизни такой период. Потом вы можете посмеяться над собой и сказать: «Боже мой, какая же я была дуручка!»

Как бы то ни было, лично я в Каире ни в кого не влюбилась. У меня было слишком много впечатлений. Все время что-то происходило, и молодых людей, привлекательных и интересных, было так много! Если кто-нибудь задевал мое сердце, то разве что сорокалетние мужчины, галантно приглашавшие меня на танцы и державшиеся скорее по-отечески. В свете неукоснительно соблюдался закон, согласно которому не полагалось танцевать с одним и тем же партнером более двух раз. В крайнем случае, три, но тут уже дуэньи не сводили с вас глаз.

Естественно, огромной радостью было первое вечернее платье. Из бледно-зеленого шифона с кружевной отделкой, а другое было белым, шелковым, очень простого фасона, и, наконец, третье из тафты густо бирюзового цвета — по этому случаю Бабушка достала отрез из своих сокровенных запасов. Ткань была потрясающая, но, увы, так долго пролежала, что не выдержала египетского кли-

¹ «Окассен и Николетта» — поэтический рыцарский роман о любви юноши из знатного рода к пленнице. Появился во Франции в XIII веке.

мата, и однажды вечером, во время танцев, вдруг разлезлись юбка, рукава и воротник — мне пришлось ретироваться в туалет.

На следующий день мы отправились к каирской портнихе из Леванта¹. Она шила за очень большие деньги. Платья, купленные в Англии, стоили гораздо дешевле. И все-таки я получила платье из бледно-розового атласа, с букетом роз на плече. Я-то, конечно, хотела черное вечернее платье, все девушки, чтобы выглядеть взрослее, мечтали о черных платьях, но все мамы были решительно против.

За мной сильнее всего ухаживали в ту пору молодой человек из Корнуолла и его друг — оба из шестидесятого стрелкового полка. Однажды вечером капитан Крайк, джентльмен чуть более почтенного возраста, обрученный с очаровательной американкой, пригласил меня танцевать, и, когда провожал после танца к маме, сказал ей:

— Получайте вашу дочь. Она научилась танцевать. В самом деле, она танцует превосходно. Теперь вам остается научить ее говорить.

Упрек вполне заслуженный. Я по-прежнему совершенно не умела поддерживать беседу.

Я была хороша собой. Разумеется, стоит мне теперь заикнуться об этом, вся моя семья разражается хохотом. В особенности дочь и ее друзья.

— Мама, это неправда! Взгляни на эти страшные старые фотографии!

Некоторые из фотографий действительно не слишком удачные. Но я думаю, что это из-за одежды, которая не настолько устарела, чтобы обозначить собой «э п о х у» — для этого она недостаточно вышла из моды. Конечно мы носили тогда чудовищные шляпы, не меньше метра в диаметре, соломенные, украшенные лентами, цветами и тяжелыми вуалями. В студиях делали фотографии обязательно в этих шляпах, к тому же подвязанных под подбородком бантом; или еще вариант: волосы, завитые мелким бесом и украшенные букетом роз, свисавшим возле уха, как телефонная трубка. Между тем одна из ранних фотографий, где я — одному господу известно почему — сижу около прядки, с двумя косичками в виде тонких крысиных хвостиков, совершенно очаровательна. Один молодой человек как-то заметил:

¹ Левант — старинное название стран восточной части Средиземноморья и Эгейского моря — от Греции до Египта.

— Мне очень нравится эта фотография, с Гретхен¹.

Видимо, на этой фотографии я похожа на Маргариту из «Фауста». Есть и еще одна хорошая, сделанная в Каире, где я в огромной темно-синей соломенной шляпе с розой. Меня сняли в удачном ракурсе, и изображение не перегружено бесконечными лентами и вуалями. Платья, под стать шляпам, тоже изобиловали оборками, воланами, рюшами и складочками.

Вскоре я безумно увлеклась поло и повадилась смотреть игры каждый день. Мама время от времени предпринимала попытки обогатить мой кругозор и водила меня в музей, а также всячески уговаривала поехать в Луксор², насладиться его величием. Я отчаянно, со слезами на глазах, протестовала:

— О нет, мама, нет, пожалуйста, только не сейчас. В понедельник у меня костюмированный бал, а во вторник я обещала поехать на пикник в Сахару... — и так далее, и тому подобное.

Чудеса древности в ту пору интересовали меня в последнюю очередь, и я очень рада, что маме не удалось уговорить меня. Луксор, Карнак³ открылись мне в своей первоначальной красе лишь двадцать лет спустя. Все было бы испорчено, если бы я уже окинула их равнодушным оком.

Не дай вам бог увидеть или услышать шедевры искусства в неподходящий момент. Очень многими Шекспир так и не был оценен по достоинству из-за того, что его изучали в школе.

Шекспира нужно смотреть, он написал свои пьесы для сцены, их надо увидеть в театре. На сцене они доступны любому возрасту, задолго до того, как появляется способность понимать красоту языка и величие поэзии. Когда моему внуку Мэтью было одиннадцать-двенадцать лет, я повела его на «Макбета» и «Виндзорских проказниц» в Стратфордский театр⁴. Ему страшно понравились обе пьесы, хотя

¹ Гретхен — уменьшительно-ласкательная форма имени Маргарита в немецком языке.

² Луксор — город в Египте в среднем течении реки Нил на территории древних Фив, главной достопримечательностью которого является храм древнеегипетских богов.

³ Карнак — комплекс древнеегипетских храмов на берегу Нила, названный по одноименному арабскому селению.

⁴ Имеется в виду Королевский шекспировский театр в городе Стратфорд-он-Эйвон в графстве Уорикшир, где родился и умер Шекспир.

комментарии оказались довольно неожиданными. Когда мы вышли из театра после «Макбета», Мэтью повернулся ко мне и сказал преисполненным почтения голосом:

— Знаешь, если бы я не знал заранее, что это Шекспир, я бы в жизни не поверил.

Это замечание явно делает честь Шекспиру, и я так именно и восприняла его.

После того как «Макбет» имел у Мэтью такой успех, мы отправились на «Виндзорских проказниц». Тогда, мне кажется, эту пьесу играли как нужно: то был добрый английский буффонный фарс¹, без всяких изысков. Последнюю постановку «Виндзорских проказниц», которую я видела в 1965 году, настолько перегрузили претензиями на художественность, что я совсем не узнавала старый Виндзорский парк. Даже корзинка для белья перестала быть корзинкой с грязным бельем, превратившись в некий хулиганский символ! Невозможно по-настоящему насладиться балаганным фарсом, если он подается в виде символов. Испытанный пантомимный трюк с кремом никогда не подведет, и зрители будут умирать со смеху, пока актеры швыряют друг в друга настоящие торты. Если же взять маленькую коробку с написанными на боку словами «Крем «Птичье молоко» и деликатно поднести ее к щеке, что ж, «символ»-то будет, но фарс — нет! Ну а Мэтью тогда высоко оценил «Виндзорских проказниц» — особое удовольствие доставила ему сцена с валлийским² школьным учителем.

Надо сказать, это великая радость — открывать молодой мир прекрасного, шедевры, перед которыми благоговешешь с незапамятных времен. Но восприятие наших детей может иметь весьма специфический характер. Однажды мы с Максом, взяв с собой мою дочь Розалинду и ее подружку, отправились на машине смотреть замки Луары³. Вскоре выяснилось, что у подружки Розалинды существует единственный критерий их оценки. Окинув замок опытным взглядом, она каждый раз говорила:

¹ Буффонный фарс — комическое представление, основанное на грубоватом юморе ситуаций, шутовская комедия.

² Валлийский — относящийся к коренному кельтскому населению Уэльса, составной части Великобритании, занимающей полуостров Уэльс на юго-западе страны и прилегающие к нему острова.

³ Имеются в виду старинные феодальные замки на берегах самой большой реки Франции Луары, протекающей через страну с юго-востока на северо-запад.

— Вот это да! Представляю, как они здесь резвились, а?

Раньше мне не как-то не приходило в голову оценивать замки Луары под таким углом зрения, но я склонна счесть это замечание вполне уместным. Старые французские короли со своими придворными в самом деле знали толк в развлечениях. Мораль (поскольку я приучена из всего извлекать мораль) сей притчи такова: никогда не поздно учиться. Всегда может возникнуть неожиданный ракурс, который представит явление в новом свете.

Но я отвлеклась от Египта. То одно одно вспомнится, то другое, что поделаешь... Теперь я понимаю, что зима в Египте разрешила многие проблемы нашей жизни. Мама, практически не имея для этого денег, обеспечила мне «выход в свет», я преодолела свою неловкость и, как тогда говорили, «научилась вести себя в обществе». Мы живем сейчас настолько по-другому, что мне сложно объяснить, о чем, собственно, идет речь...

Как это ни печально, современные девушки совершенно разучились флиртовать. В мое же время это искусство заботливо взращивалось. Мы знали все его правила назубок. Это во Франции девушек не оставляли наедине с юношами, а в Англии все было иначе. Разрешалось отправиться на прогулку с молодым человеком, пешую или верховую, но запрещалось ехать вдвоем на танцы; положение могла спасти мама, или престарелая аристократка, или, в крайнем случае, присутствующая на танцах молодая замужняя дама. Но, соблюдая эти правила, вы тем не менее имели полную возможность выйти с молодым человеком погулять при лунном свете или пройти в оранжерею, и это нисколько не вредило вашей репутации в свете.

Заполнение бальной книжечки требовало большого искусства, которым мне так и не удалось овладеть до конца. Скажем, на танцах присутствуют три девушки, А, В и С, и три юноши, D, E, F. Существуют обязательные правила: полагается с каждым кавалером протанцевать минимум по два раза, а может быть, пойти с кем-то из них поужинать, если только вы не настроены решительно против. Все остальное на ваше усмотрение, вы свободны. На вечере полным-полно молодых людей. Некоторые из них — в том числе и те, кого вам вовсе не хочется видеть — тотчас приближаются. Приходится хитрить. Они ни в коем случае не должны увидеть, что ваша бальная книжечка еще не заполнена, надо сделать вид, что вы ду-

масте, и потом сказать, что остался только танец под номером четырнадцать. Очень трудно соблюсти баланс так, чтобы не прогадать. Молодые люди, с которыми вам хотелось бы танцевать, где-то здесь, но если они подойдут слишком поздно, книжечка может оказаться уже заполненной. С другой стороны, если вам удалось увернуться от первых кавалеров, в вашей книжечке могут остаться графы, так и не заполненные «правильными» молодыми людьми. И тогда во время некоторых танцев придется «подпирать стену». О! Какое разочарование приходилось испытывать, когда молодой человек, которого вы втайне так страстно ждали, вдруг возникает перед вами, потратив массу времени в тщетных поисках, отчаянно высматривая вас повсюду, но только не там, где вы были на самом деле! И приходилось грустно говорить ему:

— У меня остались только два свободных номера, второй и десятый.

— Но вы наверняка можете что-то придумать! — умоляет он.

Вы утыкаетесь в свою книжечку и размышляете: вычеркнуть? Перескочить? Нарушить обещание — некрасиво. Такой дурной поступок вызовет осуждение не только всех мам и хозяйки, но также самих молодых людей. Они могут отомстить, «забыв» о каком-нибудь обещанном танце. Изучая свою книжечку, вы можете наткнуться на имя кавалера, который не очень хорошо повел себя с вами, опоздал или во время ужина уделял больше внимания другой девушке. Если так, можно пожертвовать им. В крайнем случае приносите в жертву юноша, который не умеет танцевать и отдавил вам ноги. Но такой выход мне совсем не нравился, потому что по натуре я мягкосердечная, и мне казалось жестоким так несправедливо поступить с молодым человеком, который начнет опасаться, что и все остальные будут обходиться с ним подобным образом. Все эти расчеты отличались не меньшей сложностью, чем сами танцы. Упоительное развлечение, но, с другой стороны, настоящая нервотрепка. В любом случае, умение быть светской дамой приходило с практикой.

Поездка в Египет очень помогла мне. Не думаю, что в других обстоятельствах моя *gaucherie*¹ исчезла бы так скоро. Конечно же это были три изумительных месяца — как раз

¹ Неловкость (*фр.*).

то, что требовалось юной девице. Я более или менее близко познакомилась с двадцатью или тридцатью достойными юношами. Меня пригласили на пятьдесят или шестьдесят приемов; но, к счастью, я была слишком молода и получала слишком много удовольствия, чтобы влюбиться в кого-нибудь. Правда, я бросала томные взгляды на загорелых полковников зрелого возраста, но большинство из них уже ухаживали за привлекательными замужними дамами — и не находили ничего интересного в юных, неопытных пресных девицах.

Мне страшно докучал молодой граф из Австрии; он держался с необычайной торжественностью и не переставал оказывать мне всяческое внимание. Я избегала его как могла, но он неизменно находил меня и приглашал на вальс. Как я уже говорила раньше, вальс — это единственный танец, который я не любила. Граф вальсировал по высшему разряду, с бешеной скоростью, у меня так кружилась голова, что я всякий раз боялась не удержаться на ногах и упасть. Кроме того, вальсировать в противоположном направлении считалось в классе мисс Хики дурным тоном, и поэтому у меня не было достаточной практики.

Потом граф заявил, что ему доставило бы удовольствие быть представленным моей матушке. Думаю, это был способ показать честность намерений. Естественно, я представила его маме, которая отбывала свою ежевечернюю повинность у стены — сущее наказание для нее! Граф присел рядом с ней и довольно неуклюже развлекал ее по меньшей мере двадцать минут. По возвращении домой мама сердито сказала мне:

— С какой стати ты заставила меня говорить с этим молоденьким австрийцем? Я еле избавилась от него.

Я уверила маму, что сделала это исключительно по его настоянию.

— О Агата, — сказала мама, — впредь постарайся избавить меня от бесед с кавалерами. Им просто хочется произвести хорошее впечатление и показать свою воспитанность.

Я сказала, что он ужасный.

— Он недурен собой, хорошо воспитан, прекрасный танцор, — ответила мама, — но, признаться, я чуть не умерла со скуки.

Чаще всего моими друзьями были младшие офицеры, мне было с ними очень весело, но отношения у нас были

чисто приятельские. Я болела за них во время соревнований по водному поло, подтрунивала, если они проигрывали, и аплодировала их удачам, а они всячески старались продемонстрировать передо мной свою ловкость. Гораздо сложнее было общаться с мужчинами постарше. Их имена теперь уже улетучились из моей памяти, но имя капитана Хибберда, очень часто танцевавшего со мной, я помню. Для меня было большим сюрпризом, когда на пути из Каира в Венецию — мы плыли на пароходе — мама небрежно обронила:

— Я полагаю, ты знаешь, что капитан Хибберд хотел жениться на тебе?

— Что? — Я была ошеломлена этим сообщением. — Он никогда не делал мне предложения и вообще не говорил ничего подобного.

— Тебе — нет, — ответила мама. — Он сказал это мне.

— Тебе? — страшно удивилась я.

— Да. Он сказал, что без памяти в тебя влюблен и спросил, не считаю ли я, что ты еще слишком молода. Именно из-за этого он не осмелился обратиться прямо к тебе.

— И что ты сказала? — спросила я.

— Я ответила, что совершенно уверена в том, что ты не любишь его и поэтому ему лучше отказаться от своих намерений.

— О мама! — воскликнула я с возмущением. — Ты не могла так поступить.

Мама посмотрела на меня с чрезвычайным удивлением.

— Ты хочешь сказать, что он тебе нравился? — спросила она. — Может быть, ты собиралась выйти за него замуж?

— Нет, конечно нет! — ответила я. — Я вовсе не хочу выходить за него, и я совершенно не влюблена в него, но я думаю, мама, что ты могла бы позволить мне решать такие вещи самой.

Мама сначала поразилась моим словам, но потом благородно признала свою вину.

— Видишь ли, — вздохнула она, — столько воды утекло со времен моей молодости. Но ты права, каждый имеет право сам отвечать на предложения.

Некоторое время я чувствовала досаду. Мне очень хотелось узнать, как это бывает, когда делают предложение. Капитан Хибберд был красив, несколько не зануда, прекрасно танцевал, обладал немалым состоянием —

даже жаль, что мне не пришло в голову выйти за него. В большинстве случаев бывает так: если молодой человек не пользуется взаимностью, он немедленно прекращает ухаживание, а влюбленные мужчины, те, как правило, не отступают и становятся похожи на преданных баранов. Если девушке нравится этот мужчина, она чувствует себя польщенной, хотя и не поощряет его ухаживаний; если же она не испытывает к нему никакого интереса, то изгоняет из своего ума и сердца. Но справедлива ли такая категоричность? Женщины, когда они влюблены, выглядят в десять раз лучше обычного: глаза сверкают, щеки горят, волосы приобретают особый блеск; их разговор становится остроумнее и интереснее. Мужчины, давно знакомые с ними, начинают смотреть на них другими глазами.

Так бесславно окончилась история с первым из сделанных мне предложений руки и сердца. Второе предложение мне сделал молодой человек ростом в метр девяносто два сантиметра. Он очень нравился мне, и мы были добрыми друзьями. К счастью, он не стал прибегать к посредничеству мамы: оказался достаточно умен, чтобы не делать этого. Он умудрился сесть на тот же пароход, которым мы возвращались из Александрии в Венецию. Жаль, что я не полюбила его. Некоторое время мы переписывались; потом, мне кажется, его послали в Индию. Будь я немного старше, кто знает, может быть, я бы и обратила на него внимание.

Пишу об этом, а сама думаю: вероятно, в мое время мужчины с большей легкостью предлагали руку и сердце. Не могу избавиться от ощущения, что в большинстве случаев мне и моим подругам предлагали выйти замуж совершенно несерьезно, без всякой ответственности. Боюсь, что если бы я приняла какое-нибудь из предложений, то поставила бы своего приятеля в весьма затруднительное положение. Однажды я «вывела на чистую воду» молодого морского лейтенанта. Мы возвращались домой с вечеринки — дело было в Торки, — и он вдруг предложил мне выйти за него замуж. Я поблагодарила его, сказала «нет» и прибавила:

— Я не верю, что вы действительно этого хотите.

— Ну почему? Я был бы так счастлив...

— Не верю, — сказала я. — Мы знакомы всего десять дней, и, кроме того, мы еще очень молоды. Вы же понимаете, что этот брак очень помешал бы вашей карьере.

— Да, пожалуй, верно.

— В таком случае ужасно глупо делать предложение. Вы и сами это признаете. Что вас заставило поступить так?

— У меня просто вырвалось, — сказал молодой человек. — Я посмотрел на вас, и у меня вырвалось.

— Что ж, — сказала я, — надеюсь, вы больше не будете так делать. Подумайте прежде.

И мы расстались в наилучших отношениях.

Глава 2

Меня вдруг осенила ужасная мысль: может показаться, что я и все мое окружение были очень богаты. Ведь в наши дни только богатым по карману вести такой образ жизни. Уверяю вас, все мои друзья были из семей самого скромного достатка. Ни у кого из них, естественно, не было ни выезда, ни лошадей, не говоря уже о таком свидетельстве богатства, как автомобиль, о них мы не смели даже мечтать.

У девушек, как правило, было не больше трех выходных платьев, и они носили их по нескольку лет. Шляпы каждый сезон подкрашивали специальной краской из бутылочки за один шиллинг. Мы ходили на вечеринки, теннисные соревнования, хотя, чтобы отправиться на танцы за город, приходилось нанимать кеб. В Торки частные приемы устраивались не слишком часто, в основном на Рождество и Пасху. В августе приглашали погостить по случаю регаты и потом уже остаться на заключительный бал; в нескольких богатых домах тоже обычно устраивали балы в это время. В июне и июле я иногда ездила танцевать в Лондон — не слишком часто, потому что в Лондоне у нас было не так уж много знакомых. Впрочем, можно было поехать на так называемые танцы по записи, начинавшиеся обычно в шесть часов. Все это не требовало больших расходов.

Проводились приемы и в загородных домах. Помню, как впервые, изрядно нервничая, я отправилась в Йоркшир, к друзьям, заправским охотникам. Констанс Рэлстон Патрик, жена хозяина, сама не охотилась; в запряженной пони коляске она объезжала всех гостей, а я сопровождала ее. Мама строжайше запретила мне ездить верхом.

— Ты совершенно не умеешь этого делать, — замстила мне мама. — Страшно подумать, если ты покалечишь чью-нибудь дорожную лошадь.

Никто и не предлагал мне сесть на лошадь. Оно и к лучшему.

Мой опыт верховой езды и охоты ограничивался Девонширом. Я могла вскарабкаться на какой-нибудь холм верхом на взятой напрокат лошади, привычной к неопытным наездникам. Она понимала куда больше меня, и я с удовольствием вверяла себя постоянной лошадке — чалой Крайди, неплохо справлявшейся с пологими холмами Девона. Само собой разумеется, я сидела в седле боком — едва ли кто-нибудь из женщин пользовался тогда мужским седлом. Сидеть так, свесив ноги в одну сторону, было гораздо безопаснее. В первый раз, когда мне пришлось сесть в мужское седло, я испытала ужасный страх.

Семейство Рэлстон Патрик приняло меня очень тепло. Они называли меня почему-то Розанчиком — наверное, потому, что вечером я обычно надевала платье розового цвета. Робин очень любил подразнить Розанчика, а Констанс давала мне материнские советы с дьявольским блеском в глазах. Когда я впервые приехала погостить к ним, их очаровательной маленькой дочери было три или четыре года, и я подолгу играла с ней. Констанс была прирожденной свахой, и теперь я понимаю, почему во время моих визитов она собирала самое изысканное мужское общество. Иногда я под шумок совершала-таки верховые прогулки. Помню, однажды я поехала по полям с двумя друзьями Робина. Так как мы решили пуститься в эту прогулку в последний момент, у меня не оказалось времени даже надеть амазонку. Я была в легком летнем платье, с неподобранными волосами. Как и все девушки, я продолжала носить шиньон. Когда мы возвращались домой по проселочным улицам, прическа совершенно растрепалась, и при каждом шаге лошади я теряла один за другим свои локоны. Мне пришлось слезть, пойти обратно и подбрав их. Неожиданно это происшествие произвело самое благоприятное впечатление. Позднее Робин сказал мне, что один из самых знаменитых охотников Йоркшира, местная звезда, одобительно отозвался обо мне:

— Какая славная девчушка гостит у вас. Мне понравилось, как она вела себя, когда растеряла все свои фальши-

вые локоны: как ни в чем не бывало. Вернулась назад и спокойненько их подобрала, от души над собой хохоча. Вот это я понимаю, молодчина!

Поистине никогда не угадаешь, что может понравиться людям.

Другая восхитительная история была связана с автомобилем Рэлстон Патриков. Не могу передать, какое восхищение и благоговение вызывало это чудо техники в 1909 году. Это обожаемое сокровище Робина своими капризами и неполадками только еще больше усиливало хозяйскую привязанность. Помню нашу экскурсию в Бэнбери. Мы снаряжались в эту поездку так основательно, будто отправлялись в экспедицию на Северный полюс. Большие меховые одеяла, обмотанные вокруг головы теплые шарфы, корзинки с провизией и так далес. Членами экспедиции были брат Констанс Билл, Робин и я. Мы нежно простились с Констанс; она поцеловала каждого из нас, настоятельно просила соблюдать осторожность и сказала, что, если мы вернемся, нас будет ожидать горячий суп и всевозможные домашние радости. Бэнбери, должна заметить, находился в двадцати пяти милях от дома, а отнюдь не на другом полушарии.

Семь миль мы проехали благополучно, не превышая скорости двадцать пять миль в час. Но это было только начало. Наконец мы прибыли в Бэнбери, сменив по дороге колесо и тщетно пытаясь найти где-нибудь гараж, поскольку гаражи в то время были большой редкостью. К семи часам вечера мы возвратились домой, измученные, продрогшие до костей и чудовищно голодные, так как расправились со своей провизией давным-давно. Клянусь, это был один из самых рискованных дней в моей жизни! Большую часть пути я провела, сидя у дорожной обочины на ледяном ветру, воодушевляя уткнувшихся в инструкцию Робина и Билла на борьбу с шинами, колесами, домкратом и прочими механическими приспособлениями, о которых они не имели ни малейшего понятия.

Однажды мы с мамой отправились в Сассекс¹ обедать с Бартлотами. Брат леди Бартлот, мистер Анкател, тоже обедал с нами — у него был огромный и мощный автомобиль, запечатлевшийся в моей памяти как нечто очень длин-

¹ Сассекс — графство на юго-востоке Великобритании.

ное с торчащими во все стороны трубками. Завязтый автомобилист, мистер Анкател предложил отвезти нас обратно в Лондон.

— Нет никакого смысла ехать на поезде, — сказал он. — Что за гадость эти поезда. Я отвезу вас сам.

Я была на седьмом небе. Леди Бартлот дала мне одно из новшеств — специальную автомобильную фуражку — нечто среднее между шапочкой для яхтсменов и головным убором немецких офицеров времен империи, державшуюся на голове с помощью косыночки, завязанной под подбородком. Мы залезли в это чудовище, прикрылись пледом и полетели как ветер. В то время все машины были открытыми. Чтобы наслаждаться ездой, нужно было обладать изрядной смелостью. Впрочем, мужество требовалось и в других случаях — например, для игры на фортепиано в разгар зимы в нетопленной комнате, после этого не страшен никакой ледяной ветер.

Мистер Анкател не удовольствовался скоростью двадцать миль в час, которая считалась относительно безопасной; думаю, мы мчались по дорогам Сассекса, делая сорок или пятьдесят. В какой-то момент он вдруг подскочил на своем сиденье и завопил:

— Нет, вы только посмотрите, только посмотрите туда, за изгородь! Видите парня, который там прячется? Ах ты негодяй! Ах мерзавец! Полицейская ищейка! Они всегда так делают: прячутся за изгородью, а потом выскакивают оттуда и штрафуют за превышение скорости.

С пятидесяти миль наша скорость резко упала до десяти, и так мы проехали всю остальную дорогу, под несмолкающие взрывы хохота и возгласы мистера Анкатела:

— Ну что, получил? Подавился?

Я находила мистера Анкатела несколько опасным субъектом, но его автомобиль обожала: ярко-красный, наводящий ужас монстр!

Позже я приехала к Бартлотам, чтобы посмотреть Гудвудские скачки¹. Кажется, это была единственная поездка на лоно природы, которая не доставила мне удовольствия. Я оказалась среди всецело поглощенной скачками толпы, со всех сторон слышались специфические термины, совершенно недоступные моему пониманию. Изны-

¹ Имеются в виду заезды на ипподроме Гудвуд недалеко от города Чичестера в графстве Сассекс.

вая от усталости и скуки, я простояла несколько часов на ногах. В своей огромной, украшенной цветами шляпе, приколотой к волосам булавками, чтобы сие сооружение не унес ветер, в узких туфельках на высоченных каблуках, с распухшими от жары лодыжками. Время от времени я должна была изображать высшую степень азарта и вместе со всеми вопить: «Вперед! Пошел!» — и подниматься на цыпочки, чтобы посмотреть, как лошади скрываются из виду.

Один из мужчин любезно предложил мне поставить за меня на какую-нибудь лошадь. Я страшно перепугалась. Но сестра мистера Анкатела, как истинная хозяйка, моментально одернула его.

— Не глупи, — сказала она, — девушки не должны делать ставки. — Потом она ласково обернулась ко мне: — Вот что я вам скажу. Вы будете получать пять шиллингов со всех моих ставок. И не обращайтесь ни на кого внимания.

Когда я обнаружила, что они ставят каждый раз по двадцать или двадцать пять фунтов, у меня в буквальном смысле волосы встали дыбом! Но хозяйки всегда проявляли щепетильность в вопросах, касающихся девичьих денег. Они знали, что мало у кого из девушек имелись лишние, чтобы выбрасывать их на ветер, — даже самые богатые получали на карманные расходы не больше пятидесяти или ста фунтов в год. Поэтому хозяйки не спускали с девушек глаз. Если их приглашали играть в бридж, то только при том условии, что кто-то ручался за них и брал на себя уплату долгов в случае проигрыша. Таким образом дебютантки не чувствовали себя обделенными развлечениями и при этом не рисковали оказаться в долгу.

Первое посещение скачек отнюдь не воодушевило меня. Вернувшись домой, я сказала маме, что надеюсь никогда больше не услышать: «Вперед! Пошел!»

Но минул год, и я превратилась чуть ли не в заядлую болельщицу, начав кое в чем разбираться. Позднее вместе с семейством Констанс Рэлстон Патрик я бывала в Шотландии, где отец Констанс держал небольшой манеж; там я понемногу стала входить во вкус, и меня брали на некоторые не слишком крупные скачки.

То, что происходило в Гудвуде, конечно походило больше на праздничные гуляния, я бы сказала даже, на праздничный разгул: к некоторым тамошним развлечениям,

розыгрышам и другим проказам определенного сорта я была непривычна. Гуляки врывались друг к другу в комнаты, выкидывали из окон вещи и визжали от смеха. Девушек там обычно не было; на бегах встречались разве что молодые замужние женщины. Как-то ко мне в комнату вломился один старый полковник лет шестидесяти с воплями:

— А ну-ка, поиграем чуть-чуть с ребеночком! — выхватив из шкафа одно из моих вечерних платьев (оно в самом деле было похоже на детское — розовое в оборочках), он выкинул его из окна, приговаривая: — Ловите, ловите, трофей от самой молодой участницы!

Я ужасно расстроилась. Свои вечерние платья я очень берегла: тщательно вешала их, всячески оберегала, холила и лелеяла, и вот одно вышвыривают из окна, как футбольный мяч. Сестра мистера Анкатела и еще одна дама бросились мне на помощь и приказали полковнику перестать издеваться над бедным ребенком. Я была по-настоящему счастлива покинуть этот праздник, хотя и вынесла из него кое-какие уроки для себя.

Среди других домашних праздников я вспоминаю грандиозный загородный прием в доме, который снимали мистер и миссис Парк-Лайл, — мистера Парк-Лайла обычно представляли как «сахарного короля». С миссис Парк-Лайл мы познакомились в Каире. Думаю, ей было тогда лет пятьдесят — шестьдесят, но даже вблизи она выглядела как двадцатипятилетняя красавица. До той поры мне еще никогда не приходилось встречать такого искусного макияжа; миссис Парк-Лайл, со своими темными, красиво уложенными волосами, изысканными чертами лица (сравнимого разве что с лицом королевы Александры¹), в одежде розовых и бледно-голубых тонов, всем своим обликом являла триумф искусства над природой. Она была необыкновенно добра и любезна, очень любила, когда в доме было много молодежи.

Один из молодых гостей, погибший потом на Первой мировой войне, очень мне понравился. Хотя он уделял мне самое скромное внимание, я надеялась познакомиться

¹ Королева Александра (1844—1925) — супруга английского короля Эдварда VII, дочь короля Дании. Женщина редкой красоты и обаяния, очень популярная также благодаря своей благотворительной деятельности.

с ним поближе. Тем временем я оказалась объектом преследования другого воина, отличного стрелка, который неизменно оказывался поблизости, настоятельно предлагая мне партнерство в теннисе, в крокете и в прочих развлечениях. Он все больше меня раздражал. Я даже стала ему грубить, но он этого не замечал и продолжал спрашивать меня, читала ли я ту или иную книгу, не прислать ли мне ее. Не собираюсь ли я в Лондон? Не пойти ли нам посмотреть поло? Отказы нисколько не обескураживали его. Когда наступил день отъезда, я собралась выехать самым ранним поездом, чтобы в Лондоне успеть на пересадку в Девон. После завтрака миссис Парк-Лайл сказала мне:

— Мистер С. (не могу сейчас припомнить его имени) хочет отвезти вас на станцию.

К счастью, это было совсем недалеко. Я бы, конечно, предпочла поехать на автомобиле Парк-Лайлов (разумеется, им принадлежал целый автомобильный парк), но, думаясь, это сама хозяйка предложила мистеру С. проявить инициативу — видимо, хотела доставить мне удовольствие. Как она ошибалась!

Так или иначе, мы приехали на станцию, прибыл поезд, и мистер С. усадил меня в уголке пустого купе второго класса. Я самым дружеским образом попрощалась с ним, радуясь, что теперь долгое время не увижу его. Но не успел поезд тронуться, как ручка повернулась, дверь открылась, и он вошел, тщательно закрыв за собой дверь.

— Я тоже еду в Лондон, — сказал он.

Я смотрела на него, открыв рот от изумления.

— Но ведь у вас нет никакого багажа.

— Да, но это совершенно не важно. — Он сел напротив меня, склонился вперед, положил руки на колени и впился в меня страстным взором. — Я хотел отложить все до нашей встречи в Лондоне, но понял, что не могу больше ждать. Я должен сказать вам все сейчас. Я безумно вас люблю. Вы должны выйти за меня замуж. С самого первого мгновенья, как я вас увидел, я понял, что на свете для меня не существует женщин, кроме вас.

Мне не сразу удалось остановить эти излияния и произвести ледяным тоном:

— Это очень любезно с вашей стороны, мистер С., я в самом деле польщена и ценю ваше отношение, но, боюсь, ответом будет «нет».

Около пяти минут он протестовал, молил подумать и не лишать его хотя бы дружбы и возможности хоть изредка меня видеть.

— Было бы намного лучше, — ответила я, — совсем больше не встречаться. Я не изменю своего решения.

Нахмурившись, он откинулся назад. Вы можете себе представить более неловкую ситуацию? Мы оказались запертыми вдвоем в пустом купе — в те времена в вагонах не было коридоров, и нам предстояло вместе провести по меньшей мере два часа пути до Лондона, хотя тема разговора была исчерпана.

Вспоминая мистера С., я до сих пор испытываю к нему острую неприязнь. У меня не возникает даже тени признательности, которую, согласно одной из максим¹ Бабушки, должна чувствовать девушка в ответ на любовь порядочного человека. Уверена, он был порядочным человеком и, быть может, именно от этого столь унылым.

Еще один памятный выезд за город, который тоже был связан со скачками. На этот раз я отправилась погостить к старым друзьям моей крестной матери в Йоркшир, мистеру и миссис Мэтьюз. Миссис Мэтьюз отличалась чрезвычайной словоохотливостью, довольно, надо сказать, утомительной. К тому времени как у них затевался праздник, я уже достаточно освоилась на бегах и даже начала получать удовольствие от них. Более того — совсем уж глупо упоминать об этом, но именно такие пустяки обычно лезут в голову, — мне купили новый костюм (жакет и юбку) для верховой езды. Я безумно нравилась себе в нем: он был сшит из зеленовато-коричневого твида² отменного качества у одного из лучших портных. Мама сказала, что в таких случаях не надо экономить деньги, такая вещь прослужит долго. Костюм оправдал возложенные на него надежды; я пронесла его не меньше шести лет: длинный жакет с бархатными отворотами и хорошенькая маленькая шляпка, в тон бархату, с птичьим перышком. Фотографий, запечатлевших меня в этом костюме, не сохранилось; а если бы и сохранились, то теперь я, наверно, показалась бы себе смешной, но тогда я чувствовала себя привлекательной, спортивной и прекрасно одетой!

Во время пересадки (наверное, на обратном пути из Чешира от Мэдж) дул пронизывающий ветер, и вокзаль-

¹ Максима — краткое изречение, формулирующее нравственное житейское правило.

² Твид — грубошерстная ткань с особым диагональным плетением нитей двух или более разных цветов.

ный смотритель подошел и предложил мне подождать поезда у него в доме.

— Может быть, вашей служанке было бы спокойнее занести сюда вашу шкатулку с драгоценностями?

Я была наверху блаженства!

Естественно, я никогда в жизни не путешествовала со служанкой и не собиралась, не было у меня в помине и ларца с драгоценностями, но я буквально таяла от такого обращения, объяснявшегося исключительно красотой моей шляпки. Я ответила, что на этот раз путешествую без служанки, — я просто не могла не добавить «на этот раз», потому что иначе неизбежно упала бы в его глазах, — но с большой благодарностью приняла любезное предложение. Сидя у прекрасного камина, мы с любезным хозяином, как водится, обсуждали «ужасную погоду». Пришел поезд, и меня с большими церемониями проводили на место. Конечно же дело было только в костюме и шляпе, потому что я ехала вторым классом, а богатые люди обычно предпочитают первый.

Мэтьюзы жили в доме под названием Торп Арч-Холл. Мистер Мэтьюз, значительно старше своей жены, должно быть, лет семидесяти, — о, он был изумительный, с густой копной абсолютно седых волос! — страстно любил скачки, а в молодости и охоту.

В высшей степени преданный своей жене, он тем не менее не мог иногда сдержаться:

— Черт побери, оставь меня в покое, черт, черт, оставь меня в покое, Эдди!

Миссис Мэтьюз была неутомимым созданием, она суетилась с утра до ночи и при этом без умолку болтала. При всей своей доброте она порой становилась невыносима. В конце концов она до того заговорила бедного старого Томми, что он уговорил приехать к ним своего старого друга — полковника Валленстайна. Злые языки в графстве любили посудачить на эту тему и называли его не иначе, как «вторым мужем» или любовником жены мистера Мэтьюза. Полковник действительно ее обожал, — думаю, это было самое сильное увлечение его жизни, — Эдди Мэтьюз всегда держала его в повиновении, ее вполне устраивала такая невинная дружба с романтической подоплекой. Так или иначе, но она жила счастливейшей жизнью, окруженная заботой преданных мужчин. Оба всячески потворствовали ей, льстили и всегда во всем угождали.

У них я и познакомилась с Ивлин Кокрен, женой Чарлза Кокрена, прелестным миниатюрным созданием — выли-

тая пастушка дрезденского фарфора, с большими голубыми глазами и золотыми волосами. Она ходила в изящных, совершенно не подходящих для сельской жизни туфельках; о чем Эдди не позволяла забыть ей ни на минуту, упрекая Ивлин с утра до вечера:

— В самом деле, Ивлин, дорогая, как же вы не захватили с собой подходящих туфель?! Вы только посмотрите на эти тонюсенькие подошвы, здесь же не Лондон!

Ивлин печально смотрела на нее своими голубыми глазами. Большую часть жизни она проводила именно в Лондоне, что было естественно для актрисы. Я узнала от нее, что в свое время она выпрыгнула из окна, чтобы убежать с Чарлзом Кокреном, брак с которым ее семья категорически не одобряла.

Она обожала его — такое обожание редко встретишь. Если она уезжала, то писала ему каждый божий день. Уверена, что, несмотря на изрядное количество романов, он тоже всегда любил ее. Ей пришлось очень много страдать, потому что при такой любви муки ревности поистине невыносимы. Но так любить всю жизнь одного человека — это редкое счастье, и не важно, если приходится расплачиваться долготерпением.

Своего дядю, полковника Валленстайна, Ивлин терпеть не могла, как и его обожаемую Эдди Мэтьюз, зато старого Тома Мэтьюза находила очаровательным.

— Никогда не любила дядю, — призналась она мне, — такой зануда. Ну а Эдди просто невыносима и глупа невероятно. Она не в состоянии никого оставить в покое — брюзжит, руководит, наставляет — просто кошмар.

Глава 3

Ивлин пригласила меня приехать к ней в Лондон. Робейя, я поехала и оказалась в самой гуще театральной жизни и сплетен.

Наконец я «дозрела» до живописи. Чарлз Кокрен¹ страстно любил живопись. Когда я впервые увидела у него балерин Дега², в душе моей шевельнулось чувство, доселе неизведанное.

¹ Кокрен Чарлз (1872—1951) — английский импресарио, начинавший в Америке как актер.

² Дега Эдгар (1834—1817) — французский живописец, график и скульптор, близкий к импрессионизму.

Идиотский обычай водить совсем юных барышень в картинные галереи совершенно себя не оправдывает, если только художественные склонности не заложены от природы. На новичка либо на человека, лишенного художественного чутья, картины великих мастеров производит гнетущее впечатление, поначалу кажется, что все они — «на одно лицо». Мне навязывали искусство, сначала заставляя изучать рисунок и живопись, я почему-то была обязана приходить в восторг от того, что мне показывали!

Так вот, в Лондон периодически наезжала моя близкая приятельница из Америки, племянница моей крестной матери, миссис Салливан, и Пирпонта-Моргана — страстная поклонница живописи, музыки и всех прочих видов искусства. Очаровательная Мэй страдала от ужасного недуга: у нее был зуб. Во времена ее молодости — впервые я встретила Мэй, когда ей было уже около сорока лет, — против зоба не существовало никаких средств: хирургическое вмешательство считалось опасным для жизни. Однажды, приехав в Лондон, Мэй сказала маме, что собирается в Швейцарию оперироваться.

Она уже договорилась обо всем. Знаменитый хирург, специализировавшийся на операциях щитовидной железы, сказал ей:

— Мадемуазель, я бы никогда не предложил этой операции ни одному мужчине: ее можно делать только с местным обезболиванием, потому что во время операции больной должен все время говорить. Мужские нервы не выдерживают такого испытания, но у женщин хватает мужества. Операция продолжается больше часа, и все это время вы должны говорить. Сумеете ли вы выдержать?

Мэй подумала минуту или две, а потом, глядя ему в глаза, твердо сказала, что сумеет.

— Думаю, Мэй, вы приняли правильное решение, надо попытаться, — сказала мама. — Вам предстоит немало помучиться, но если операция пройдет с успехом, ваша жизнь изменится настолько, что померкнут все страдания.

Через некоторое время из Швейцарии пришло письмо от Мэй: операция прошла успешно. Она уже вышла из больницы и теперь находится в семейном пансионе во Фьезоле, рядом с Флоренцией. Здесь ей предстоит пробыть около месяца, а затем она снова отправится в Швейцарию на обследование. Мэй просила маму разрешить мне

провести с ней этот месяц, а заодно посмотреть Флоренцию — скульптуру, живопись, архитектуру. Мама согласилась и предприняла соответствующие шаги для моего отъезда. Я была очень взволнованна, — конечно, мне было всего шестнадцать.

При посредничестве агентства Кука¹ меня поручили некой даме, которая вместе со своей дочерью отправлялась с вокзала Виктория² этим же поездом. Мне повезло, потому что мои попутчицы не выносили езды против хода поезда. И таким образом я получила в свое распоряжение всю противоположную сторону купе и могла спокойно улечься. Никому из нас не пришла мысль о разнице во времени, и посему, когда на рассвете мне надо было делать пересадку, я спала глубоким сном. Кондуктор выволок меня на платформу под прощальные выкрики матери и дочери. Схватив свой багаж, я помчалась на другой поезд и покатилась среди гор Италии.

Служанка Мэй, Стенджел, встретила меня во Флоренции, и мы с ней сели на трамвай, идущий во Фьезоле. Был чудесный день. Цвели миндаль и персиковые деревья, их ветви были сплошь покрыты нежными белыми и розовыми цветами. Мэй ждала нас на вилле и вышла навстречу, сияя лучезарной улыбкой. Никогда не приходилось мне видеть женщину, которая выглядела бы такой счастливой. Странно, под ее подбородком уже не висел этот уродливый кусок плоти. Как и предупреждал доктор, ей пришлось проявить незаурядное мужество. Час двадцать, рассказывала мне Мэй, она провела на операционном столе, со связанными и поднятыми выше уровня головы ногами, а хирурги в это время кромсали ей горло, и она разговаривала с ними, отвечая на вопросы с искаженным от боли лицом. После операции доктор поздравил Мэй: он сказал, что редко видел столь отважных женщин.

— Но, мосье, — ответила ему Мэй, — должна признаться вам, что я еле-еле выдержала, в конце мне хотелось кричать, биться в истерике, плакать и просить прекратить все это немедленно, я уже не могла больше.

¹ Агентство Кука — широко известное туристическое агентство, имеющее отделения во многих странах мира. Создано в 60-х годах XIX века и названо по имени основателя Томаса Кука (1808—1892).

² Вокзал Виктория — большой вокзал в Лондоне, соединяющий столицу с портами на южном побережье Великобритании

— Да, — сказал доктор, — но вы не сделали этого. Я повторяю, вы отважная женщина.

Мэй была теперь невероятно счастлива и горела желанием сделать мое пребывание в Италии как можно более приятным. Иногда она отправляла со мной Стенджел, но чаще за мной во Фьезоле приезжала молодая итальянка, специально для этого нанятая Мэй. В Италии сопровождать молодых девушек считалось еще более обязательным, чем во Франции. И в самом деле, я испытывала определенный дискомфорт, зажатая в трамвае между пламенными итальянскими юношами — это совсем не так уж приятно. Именно тогда мне и вкатили огромную дозу картинных галерей и музеев. Но я, как истинная сладкоежка, всегда больше всего мечтала о трапезе, которая предстояла мне в *pâtisserie*¹ перед возвращением во Фьезоле.

К концу моего пребывания Мэй тоже нередко сопровождала меня в художественном паломничестве, и я прекрасно помню, что в последний день перед моим возвращением в Англию она категорически настаивала на том, чтобы я посмотрела потрясающую «Екатерину Сиенскую»², только что отреставрированную. Кажется, это было в Уффици³, и мы с Мэй промчались по всем залам галереи в тщетных попытках найти ее. «Святая Екатерина» не слишком занимала меня. Я уже по горло была сыта святыми Екатеринами и бесчисленными святыми Себастьянами⁴ с их пронзенным стрелами торсом. Я уже не знала, куда деваться от всех этих святых и их малоэстетических смертей. И еще я по горло была сыта самодовольными Мадоннами, в особенности кисти Рафаэля⁵.

¹ Кондитерской (*фр.*).

² Екатерина Сиенская (1347—1380) — монахиня, принадлежавшая к ордену доминиканцев, католическая святая, известная своими мистическими видениями.

³ Уффици — картинная галерея во Флоренции, основанная в XVI веке, крупнейшее собрание произведений искусства эпохи Возрождения.

⁴ Святой Себастьян — христианский великомученик; согласно легенде, римский воин, за распространение христианского вероучения приговоренный императором Диоклетианом (243—313) к смерти и расстрелянный лучниками.

⁵ Рафаэль (Рафаэлло Санти, 1483—1520) — итальянский художник и скульптор, представитель искусства Высокого Возрождения.

Теперь, когда я пишу эти строки, мне страшно стыдно за то, какой дикаркой я была тогда: вкус к старым мастерам приходит со временем, это бесспорная истина. Пока мы носились в поисках «Святой Екатерины», меня все больше мучило беспокойство, что я не успею пойти в pâtisserie и поесть наконец изумительные шоколадные пирожные со взбитыми сливками и великолепные gâteaux¹. Я все время говорила:

— Честное слово, Мэй, мне это не так уж важно, не будем больше искать. Я видела уже столько картин со святой Екатериной!

— Но эта особенная, Агата, дорогая моя, — когда ты ее увидишь, ты поймешь. И будет ужасно печально, если мы не найдем ее.

Я знала, что не пойму, но стеснялась сказать об этом Мэй. Однако фортуна мне благоприятствовала. Выяснилось, что картина будет выставлена только через несколько недель. Времени оставалось ровно столько, чтобы я успела полакомиться шоколадом и пирожными перед тем, как сесть в поезд. Мэй без конца разглагольствовала о знаменитых шедеврах, и я горячо соглашалась с ней с полным ртом.

При такой бешеной любви к сладостям я должна была бы походить на раскормленного поросенка с толстыми щеками и заплывшими жиром глазками — ничего подобного! Я походила на эфирное создание, хрупкое и невесомое, с большими мечтательными глазами. Увидев меня, можно было с легкостью предсказать раннюю смерть в состоянии духовного экстаза — точь-в-точь, как у героини викторианского романа. У меня все же хватило совести, чтобы оценить усилия Мэй на поприще моего эстетического воспитания. На самом же деле мне очень понравился Фъезоле, но главным образом цветущий миндаль, и я вдоволь насладились общением с Дуду, крошечной померанской собачкой, которая повсюду сопровождала Мэй и Стенджел. Дуду — маленький и очень умный песик. Мэй часто брала его с собой в Англию. В этих случаях его помещали в хозяйкину муфту, и, никем не замеченный, он благополучно пересекал границу.

На обратном пути в Нью-Йорк Мэй захала в Лондон и продемонстрировала безупречную теперь шею. Мама и

¹ Пирожные (фр.).

Бабушка плакали от счастья и прижимали Мэй к груди. Мэй рыдала вместе с ними — невозможно было поверить, что ее мечта сбылась. Только после ее отъезда в Нью-Йорк мама сказала Бабушке:

— Как грустно, что так все сложилось. Ведь она могла сделать эту операцию пятнадцать лет тому назад. Не стоило ей слушаться этих нью-йоркских врачей.

— Да, боюсь, что теперь уже слишком поздно, — задумчиво сказала Бабушка. — Она уже никогда не выйдет замуж.

Но, замечу с радостью, тут-то она и ошиблась. Думаю, что Мэй печально примирилась с одиночеством и уж тем более и мысли не допускала, что так поздно выйдет замуж. Но несколько лет спустя она снова появилась в Англии в сопровождении регента одной из главных епархиальных церквей Нью-Йорка. Человек очень искренний и яркий. Его предупредили о том, что ему осталось жить всего лишь год, но Мэй, всегда славившаяся своим религиозным рвением, преданнейшая его прихожанка, выхлопотала для него разрешение показаться врачам в Лондоне. Она сказала Бабушке:

— Знаете, я просто уверена в том, что он выздоровеет. В нем очень нуждаются, очень. Он избрал тяжкую миссию — обращать в истинную веру гангстеров и картежников. Он не боится посещать самые злоещие и опасные места, публичные дома, он не страшится ни пересудов, ни побоев, и — представьте! — ему удастся склонить на свою сторону даже самых неисправимых.

Однажды Мэй привезла его на обед в Илинг. Во время следующего визита Бабушка, прощаясь с ней, сказала:

— Вы знаете, Мэй, этот человек влюблен в вас.

— Что вы такое говорите, тетушка, — воскликнула Мэй, — как это только могло прийти вам в голову?! Он и не помышляет о браке. Он убежденный холостяк.

— Может, он и был таким раньше, — сказала Бабушка, — но мало ли что было раньше. И что это за ерунда насчет холостяцких убеждений. Он же не католик какой-нибудь. Вы нравитесь ему, Мэй.

Мэй казалась совершенно шокированной.

Однако через год она написала нам, что Эндрю выздоровел и что они собираются пожениться. Это был на редкость счастливый брак. Нельзя даже представить себе, чтобы нашелся человек, который был бы добрее, ласковее и внимательнее к Мэй.

— Она так нуждается в счастье, — сказал он однажды Бабушке. — Большую часть жизни ей было в нем отказано — она чуть не стала пуританкой.

Эндрю, несмотря на постоянные проблемы со здоровьем, продолжал свою деятельность. Моя дорогая Мэй, я так рада, что счастье не обошло ее.

Глава 4

В 1911 году произошло нечто совершенно из ряда выходящее. Я летала на аэроплане! Естественно, аэропланы вызывали скепсис и ожесточенные споры. Однажды, еще в годы моего учения в Париже, нас взяли в Булонский лес, чтобы посмотреть на попытку Сантоса-Дюмонта¹ взлететь. Насколько я помню, аэроплан оторвался от земли, пролетел несколько ярдов² и потом разбился. Впечатление тем не менее было просто колоссальным. Потом были братья Райт³. Мы с упоением читали о них.

В Лондоне появились такси и возникла целая система подзывать их. Вы становились перед своим подъездом. Один свисток — и подъезжал старомодный четырехколесный экипаж с извозчиком; два свистка — и пожалуйста, двуколка с извозчиком позади, эта уличная гондола; три — и, если повезет, вы получали автомобиль. Карикатура в юмористическом журнале «Панч» изображала уличного мальчишку, советовавшего стоящему у подъезда дворецкому со свистком в руке:

— Попробуйте четыре раза, сэр, может, самолет прилетит?

Теперь эта картинка вовсе не кажется такой забавной, как тогда. Скоро, возможно, мы все будем летать.

Но вернемся к моему полету, о котором я рассказываю. Дело было так: мы с мамой жили за городом и отправились посмотреть коммерческую выставку аэропланов. Мы наблюдали, как они взвивались в воздух, совершали круг и приземлялись. Небольшое объявление гласило: «*Пять фунтов за полет*». Я с мольбой посмотрела на маму.

¹ Сантос-Дюмонт Альберто (1873—1932) — бразильский аэронавт, живший во Франции, сконструировавший и испытывавший целый ряд летательных аппаратов.

² Ярд — мера длины, равная 91,44 см.

³ Братья Райт, Уилбер (1867—1912) и Орвил (1871—1948), — американские авиаконструкторы и летчики, пионеры авиации.

— Можно мне? О, мамочка, можно мне? Пожалуйста! Это было бы потрясающе!

Думаю, что потрясающей была моя мама. Наблюдать, как любимое чадо поднимается в воздух на аэроплане! В те дни они разбивались каждый день. Она сказала:

— Если ты действительно хочешь, Агата, можно.

Пять фунтов представляли для нас немалую сумму, но искушение было слишком велико. Мы подошли к заграждению. Пилот посмотрел на меня и спросил:

— Шляпа крепко держится? Отлично, садитесь!

Полет продолжался не более пяти минут. Мы поднялись в воздух и сделали несколько кругов — до чего же невероятное чувство! Потом самолет плавно спланировал на землю. Пять минут экстаза и еще полкроны на фотографию; выцветшее пожелтевшее фото, которое я люблю показывать: крошечная точка на небе — это я на аэроплане десятого мая 1911 года.

Друзей можно разделить на две категории. Одни лишь на время становятся частью вашей жизни. Как в старомодных танцах с лентами. Они проносятся сквозь вашу жизнь, так же как вы через их. Некоторых запоминаете, других напрочь забываете. Но существуют и другие, не столь многочисленные, которых я назвала бы «избранными»; с ними вас связывает подлинная взаимная привязанность, они остаются навсегда и, если позволяют обстоятельства, сопровождают вас всю жизнь. У меня таких друзей семь или восемь — в основном мужчины. Ну а женщины... они скорее относятся к первой категории.

Мне трудно сказать, почему возникает дружба между женщиной и мужчиной, — обычно мужчины никогда не снисходят до женщин.

Дружба возникает случайно, часто из-за того, что мужчина, увлекшись какой-то женщиной, нуждается в слушателе. Женщины гораздо больше расположены к дружбе с мужчинами и охотно и сочувственно выслушивают рассказы об их любовных делах. В дальнейшем такие отношения укрепляются, и вы начинаете интересоваться друг другом как личностями. И конечно, неизбежно присутствует легкий налет секса как — острая приправа.

Послушать моего старого друга доктора, так каждый мужчина смотрит на любую женщину только с одной точки зрения: какова она в постели и, захочется ли ей оказаться в постели с ним, если он того пожелает.

— Просто и грубо — такова мужская суть, — утверждал он. — Они воспринимают женщину, как будущую любовницу, а не жену.

Думаю, что женщины, напротив, в каждом новом знакомом видят возможного мужа. Не верю, что женщина может мгновенно, с первого взгляда влюбиться в мужчину, с которым она знакомится в обществе; к тому же они обычно приходят со спутницами.

У нас существовала семейная игра, придуманная Мэдж и ее другом, — она называлась «Мужья Агаты». Игра состояла в том, что среди окружающих выбирали двух или максимум трех наиболее отталкивающего вида мужчин, и я должна была выбрать одного из них себе в мужа, под страхом смерти или самых изощренных китайских пыток.

— Ну-ка, Агата, кого ты выбираешь, этого прыщавого толстяка с перхотью или вон того брюнета с выпученными глазами — чистая горилла?

— О нет, я не могу, они такие страшные!

— Ты должна. Выбирай. Иначе иголки под ногти или пытка водой.

— Ладно. Тогда гориллу.

В конце концов у нас выработался обычай называть самых уродливых мужчин «мужьями Агаты»:

— Ой, посмотрите, вот это уж действительно урод — настоящий муж для Агаты.

Моей лучшей подругой была Айлин Моррис, принадлежавшая к числу друзей нашего дома. Я была знакома с ней с самого детства, но по-настоящему мы подружились только, когда мне исполнилось девятнадцать лет и я как бы догнала ее по возрасту, хотя она была несколькими годами старше. Айлин жила вместе со своими пятью тетками, старыми девами, в огромном доме с выходящими на море окнами; брат Айлин был школьным учителем. Они очень походили друг на друга: в особенности складом ума, ясного и чисто мужского. Отец Айлин был вполне заурядным, хоть и добрым человеком, жена его, по словам моей мамы, напротив, была одной из самых веселых и красивых женщин. Айлин же красотой не блистала, но обладала замечательным умом. Она — первый человек, с кото-

рым я могла обсуждать свои бесконечные идеи. Ее отличало абсолютное бесстрашие: об ее истинных чувствах было невозможно догадаться. Мы никогда не посвящали друг друга в свои личные дела, но стоило нам встретиться, как мы немедленно пускались в рассуждения и могли говорить бесконечно. Айлин писала стихи и прекрасно разбиралась в музыке. Помню, я очень любила одну песню; мелодия была прелестной, но, к сожалению, слова отличались необыкновенной глупостью. Когда я поделилась моими страданиями с Айлин, она сказала, что попробует написать другие слова. И сделала это, значительно улучшив, с моей точки зрения, песню.

Я тоже писала стихи, должно быть, как и все в моем возрасте. Некоторые из ранних забываемо ужасны. Одно стихотворение я написала в возрасте одиннадцати лет:

Один цветок задумал в колокольчик превратиться,
Уж очень захотел он в голубое нарядиться.

О дальнейшем легко догадаться. Первоцвет получил голубое платье и стал колокольчиком, чтобы тут же пожалеть об этом. Можно ли с большей убедительностью продемонстрировать полное отсутствие литературного дарования! Однако годам к восемнадцати дело пошло лучше. Я написала цикл стихотворений, посвященных Арлекину: песни Арлекина, Коломбины, Пьеро, Пьеретты¹ и так далее. Два из них я послала в «Поэтическое обозрение». Получив оттуда гинейю², я была на седьмом небе от счастья. После этого я получила еще несколько поощрительных премий, мои стихи напечатали. Конечно я весьма гордилась своими успехами. Время от времени я запоем писала стихи. Мною вдруг овладевало вдохновение, и я скорее хватала ручку и бумагу, чтобы запечатлеть все, что роилось у меня в голове. Особенных амбиций у меня не было. Премия в «Поэтическом обозрении» была пределом моих мечтаний. Одно из стихотворений, кажется, не очень плохое; во всяком случае, в нем мне удалось выразить то, что я хотела. По этой причине я его здесь привожу.

¹ Имеются в виду персонажи итальянской народной комедии масок — Арлекин, Коломбина, Пьеро и Пьеретта.

² Гинея — денежная единица, применявшаяся при исчислении гонораров, оценке картин, скаковых лошадей и т. п., имела хождение до 1971 года (первоначально чеканилась из золота, привозимого из Гвинси).

В ЛЕСУ

Бурые ветви при свете лазурных небес,
(Лелеют леса тишину.)
Падают листья лениво и клонит их в сон.
Время, как ветви, застыло и ждет перемен.
(Лелеют леса тишину.)

Юности дни увела за собою весна,
Лето прошло, необъятное, словно любовь.
Осень — ты страсть,
ты приносишь не радость, а боль,
Пламя, листва и цветы угасают в тебе.

И лишь Красота — Красота
в обнаженных пространствах лесных!

Ветви ночные очнутся при свете луны.
(И кто-то все бродит в лесах.)
Кто-то невидимый листья в ночи шевелит.
Ветви грозятся и грезят при свете луны.
(И кто-то все бродит в лесах.)

Кто там, безумный, в лесную волынку задул,
Звуком залетным листву оживляя впотьмах?
Смерть это
в дьявольской пляске смешала и тьму и листву:
В ужасе ветер и всхлипнет, и вздрогнет в ответ...

И Страх, только Страх
в оголенных пространствах лесных...¹

Я попыталась положить некоторые на музыку. Получилось не бог весь что — что-то вроде незатейливых баллад. Я сочинила и вальс с банальной мелодией и довольно, я бы сказала, претенциозным названием. Представления не имею, откуда я его выкопала, — «Час с тобой».

Только когда многочисленные кавалеры указали мне, что час — это многовато для вальса, я поняла, что название таит в себе двусмысленность. Я чрезвычайно гордилась тем, что Джойс-бэнд, один из главных оркестров, обычно сопровождавший танцы, включил в свой репертуар этот вальс, как я теперь понимаю, на редкость бездарный. Сама не знаю, почему мне пришло в голову написать его, я же страшно не любила вальсировать.

¹ Перевод Ю. Ильиной-Король.

Другое дело — танго. В Ньютон-Эббот даже начали преподавать этот модный танец. И мы с друзьями, конечно, тоже решили научиться танцевать танго. Я познакомилась на занятиях с неким молодым человеком, которого окрестила «танго-другом». Звали его Роналдом, а фамилии не помню. Мы почти не разговаривали друг с другом, целиком сосредоточившись на ногах. Мы так увлеченно тренировались, что вскоре стали лучшими исполнителями. Во время вечеринок мы, не сговариваясь, всегда представляли танго друг для друга.

Еще тогда всех буквально свел с ума знаменитый танец на лестнице Лили Элси в «Веселой вдове» или «Графе Люксембурге»¹, не помню точно, в какой из этих оперетт: вместе с партнером они вальсировали, поднимаясь и спускаясь по ступенькам. Мы пробовали подражать им с жившим по соседству Максом Меллором — он еще учился в Итоне и был на три года моложе меня. Его отец страдал тяжелой формой туберкулеза и днем и ночью лежал в саду, на свежем воздухе. Макс был единственным сыном. Он страстно влюбился в меня — разумеется, из-за разницы в возрасте — и всячески распускал передо мной хвост, во всяком случае, если верить его матери: нарядившись в охотничью куртку и охотничьи сапоги, он стрелял по воробьям из духового ружья, а также начал усердно мыться (его мать проговорила, что в течение долгих лет загнать его в ванную стоило ей больших усилий); он стал покупать бледно-лиловые и сиреневые галстуки и вообще всячески демонстрировать свою взрослость. Познакомились мы исключительно из-за страсти к танцам, причем, должна признать, что лестница в доме Меллоров оказалась гораздо удобнее для вальсирования, чем наша, так как была шире, а ступеньки — более пологими. Кажется, у нас не очень-то получалось. Во всяком случае, мы часто падали и больно ушибались. Но не сдавались. У него был чудный домашний учитель, молодой человек по имени, кажется, мистер Шоу, относительно которого Маргерит Льюси заметила:

— Очаровательное создание — жаль только, что у него такие вульгарные ноги.

¹ «Веселая вдова» и «Граф Люксембург» — оперетты венгерского композитора и дирижера Ференца Легара (1870—1948), представителя так называемой новой венской оперетты.

С тех пор, должна признаться, любого незнакомого мужчину я оценивала прежде всего с этой точки зрения. Красивый юноша, ничего не скажешь, но не вульгарны ли его ноги?

Глава 5

Унылым зимним днем я лежала в кровати, выздоравливая после гриппа, и умирала от скуки. Все книги были прочитаны, разложены дюжины пасьянсов, решены кроссворды — наконец я дошла до того, что сама с собой стала играть в бридж. Заглянула мама.

— Почему бы тебе не написать рассказ? — предложила она.

— Рассказ? — переспросила я удивленно.

— Да. Как Мэдж.

— Но мне кажется, я не смогу.

— Почему?

Никаких причин, кроме неуверенности в себе, не было...

— Ты не узнаешь, можешь ты или нет, пока не попробуешь, — наставительно заметила мама.

Наблюдение справедливое. Она исчезла со свойственной ей внезапностью и через пять минут появилась снова с тетрадью в руках.

— В конце есть несколько записей для прачечной, но остальные страницы совершенно чистые. Ты можешь начать прямо сейчас.

Если мама что-то предлагала, ей подчинялись безоговорочно. Я села в кровати и стала размышлять о рассказе, который мне предстояло написать. В любом случае это было интереснее, чем раскладывать пасьянсы.

Не помню, сколько времени мне понадобилось. На самом деле не слишком много. Думаю, рассказ был готов к вечеру следующего дня. Я начала нерешительно, перекакивала с одной темы на другую, но потом вдруг, отбросив все колебания, с головой погрузилась в это увлекательное занятие, оказавшееся, однако, изнурительным, вряд ли способствовавшим моему выздоровлению и вместе с тем совершенно захватывающим.

— Пойду поищу старую пишущую машинку Мэдж, — сказала мама, — тогда ты сможешь напечатать то, что написала.

Мой первый рассказ назывался «Дом красоты». Конечно, до шедевра ему было далеко, но в целом, полагаю, получилось не так уж плохо; во всяком случае, в этом рассказе впервые промелькнули проблески дарования. Разумеется, это было чисто дилетантское писание, обнаруживающее влияние всех авторов, прочитанных мною до той поры. Есть вещи, которых начинающий писатель едва ли может избежать. Совершенно очевидно, что в тот момент я читалась Дэвида Лоуренса¹, — я обожала «Змею в перьях», «Сыновей и любовников», «Белого павлина» и так далее. Увлекалась я и книгами некой миссис Эверард Коутс², чей стиль восхищал меня. Рассказ был написан изысканно; понять, что хотел сказать автор, не представлялось возможным, но, по крайней мере, на недостаток воображения никак нельзя было пожаловаться.

Потом я написала другие рассказы — «Зов крыльев» (неплохой), «Одинокий бог» (следствие чтения «Города прекрасного ничто») — чересчур сентиментальный. Короткий диалог между глухой дамой и нервическим молодым человеком во время светского раута и страшный рассказ о спиритическом сеансе (который я переписала спустя многие годы). Все эти рассказы я напечатала на старенькой машинке Мэдж и, преисполненная надежд, отослала в разные журналы под разными псевдонимами, которые подказала мне фантазия. Мэдж подписывалась как Моустин Миллер; я же назвалась Мак Миллер; потом изменила на Натаниэл Миллер (в честь бабушки). Я не слишком надеялась на быстрый успех, и он не пришел ко мне. Все рассказы вскоре прислали обратно с обычным штампованным ответом: «Издатель сожалеет...» Я немедленно упаковала их снова и послала в другой журнал.

Я решила попробовать написать роман. Я приступила к его написанию с легким сердцем. Действие должно было происходить в Каире. Я сосредоточилась на двух сюжетах и сначала не знала, за какой взяться. В конце концов, сильно колеблясь, решила остановиться на одном. Мое воображение подстегнула загадочная троица, которую мы ежедневно видели в гостиной нашего отеля

¹ Дэвид Лоуренс (1885—1930) — английский писатель.

² Миссис Эверард Коутс, в девичестве Сарра Джинет Дункан (1862—1922) — канадская писательница и одна из первых канадских журналисток.

в Каире. А именно: весьма привлекательная девушка — не такая уж и девушка, на мой взгляд, так как ей было около тридцати лет, — и двое мужчин. Каждый вечер после танцев она приходила ужинать в их сопровождении. Один — крупный, широкоплечий brunet, капитан 60-го стрелкового полка, а другой — высокий белокурый молодой человек из Колдстримского гвардейского полка, года на два моложе ее. Они садились по обе стороны от нее. Мы ничего не знали о них, кроме имен, хотя однажды кто-то заметил:

— Когда-нибудь ей все же придется выбрать между ними.

Для моей неумной фантазии этого было предостаточно: если бы я знала больше, не думаю, что мне захотелось бы писать о них. А так я могла сочинить великолепную историю, герои которой не имели ничего общего с подлинными и могли делать все, что им заблагорассудится. Я уже как-то с ними освоилась, но вдруг они мне разонравились, и я обратилась к другому сюжету. Он был более изящным, а характеры — более занятные. Однако я совершила роковую ошибку, наделив свою героиню глухотой, — совершенно не знаю почему: одно дело, если героиня — слепая, но с глухой все не так просто, потому что, как я вскоре убедилась, можно написать, что она думает, потом, что думают и говорят о ней другие, но вовлечь ее в беседу оказалось невозможным, и все застопорилось. Бедная Меланси становилась все более пресной и скучной.

Я вновь вернулась к первой завязке, но обнаружила, что она не дает материала, достаточного для романа. Наконец я решила соединить оба сюжета в одном романе. Поскольку место действия оставалось неизменным, почему бы не объединить два сюжета в один? В таком случае мой роман обещал стать достаточно длинным. Окончательно запутавшись в избытке сюжетов, я накидывалась то на один образ, то на другой, нарочито сталкивая их время от времени, в результате чего они действовали совершенно неестественно. По неизвестным причинам я назвала роман «Снег в пустыне».

Мама, поразмыслив, предложила мне попробовать посоветоваться с Иденом Филпотсом. Иден Филпотс находился тогда в зените своей славы. Его романы о Дартмуре (каторжной тюрьме в Девоншире) сделали его знаменитым. Как это часто случается, оказалось, что он жил по

соседству с нами и хорошо знал нашу семью. Поначалу я смущенно отнекивалась.

Иден Филпотс выглядел довольно старообразно и очень походил на фавна: очень странное лицо с миндалевидными раскосыми глазами. Он страдал от жестокой подагры и, когда мы заходили повидать его, обычно сидел на высоком табурете с туго перебинтованной ногой. Он не выносил светской жизни и редко показывался на людях. По правде говоря, он не любил людей. Его жена, напротив, отличалась необыкновенной общительностью, красотой и обаянием. У нее было очень много друзей. Иден Филпотс горячо любил папу и маму, которые не часто беспокоили его светскими визитами и приглашениями, но приходили полюбоваться его садом с множеством редких растений и кустарников. Он сказал, что конечно же с удовольствием посмотрит литературные опыты Агаты.

Мне трудно выразить, до какой степени я благодарна ему. Можно было с такой легкостью отделаться от меня ничего не значащими словами справедливой критики с пожеланиями дальнейших успехов. Он же пришел мне на помощь, сразу прекрасно поняв, насколько я стеснительна и как трудно мне разговаривать. Письмо, которое он написал мне, содержало очень хорошие советы.

Кое-что из написанного Вами,— писал он,— имеет определенные достоинства. У Вас прекрасное чувство диалога, и Вы могли бы сделать его веселым и естественным. Попробуйте выбросить из Вашего романа все нравоучения; Вы слишком увлекаетесь ими, а для читателя нет ничего скучнее. Предоставьте Вашим героям действовать самостоятельно, так чтобы они сами говорили за себя вместо того, чтобы постоянно заставлять их говорить то, что они должны были бы сказать, и объяснять читателю, что кроется под тем, что они говорят. Пусть читатель разберется сам. В Вашем романе скорее два сюжета, чем один, и это обычная ошибка начинающих; скоро Вы поймете, что не стоит слишком щедро разбрасываться сюжетами. Я посылаю Вам письмо, адресованное моему литературному агенту Хью Мэсси. Он сделает критические замечания и скажет Вам, есть ли у Вас шанс напечататься. Боюсь, что нелегко напечатать первое произведение, так что не разочаровывайтесь. Я бы рекомендовал Вам кое-какие книги, который принесут несомненную пользу. Прочтите «Ис-

поведь курильщика опиума» де Квинси¹ — книга обогатит ваш словарь — он часто вводит весьма своеобразную лексику. Прочтите «Историю моей жизни» Джеффри², чтобы поучиться описаниям природы.

Сейчас я уже не помню остальные книги: сборник рассказов, один из которых, помнится, назывался «Гордость Пирри», и действие в нем развивалось во время чаепития. Он рекомендовал мне также Рескина³, к которому я почувствовала непреодолимое отвращение, и что-то еще. Не знаю, принесли ли пользу все эти книги. Безусловное удовольствие доставили мне де Квинси и некоторые рассказы.

Наконец я отправилась в Лондон на встречу с Хью Мэсси. Тогда был еще жив сам Хью Мэсси и меня принял именно он, высокий смуглый мужчина, которого я поначалу даже испугалась.

— О, — произнес он, взглянув на обложку рукописи. — «Снег в пустыне», звучит заманчиво.

Мне стало совсем неловко, поскольку я прекрасно знала, что название ничуть не соответствует содержанию. До сих пор не могу понять, откуда оно возникло, разве что вычитала его в стихах Омара Хайяма⁴. Подразумевалось, что в пустыне идет снег, ложится на песок — и это напоминает поверхностные события жизни, которые проходят, не оставляя следов в памяти. Конечно, вряд ли мой замысел удался, но, начиная книгу, я задумывала ее именно так.

Хью Мэсси оставил у себя рукопись на прочтение и несколько месяцев спустя вернул мне ее со словами, что вряд ли сможет опубликовать «Снег в пустыне». Лучшее, что он может мне посоветовать, сказал издатель, это выкинуть эту книгу из головы и написать другую.

Я никогда не страдала честолюбием и отказалась от всякой дальнейшей борьбы. Я написала несколько стихотворений, которые мне понравились, и пару коротких рассказов. Посылала их в журналы в полной уверенности, что их возвратят, и их возвращали.

¹ Томас де Квинси (1785—1859) — английский писатель.

² Имеется в виду книга «История моего сердца» английского писателя и натуралиста Ричарда Джеффриза (1848—1887), представляющая собой автобиографическое описание пути человека к атеизму.

³ Рескин Джон (1819—1900) — английский писатель и теоретик искусства.

⁴ Омар Хайям (?—1123) — персидский поэт, математик и философ.

Музыкой всерьез я больше не занималась. Несколько часов в день по-прежнему играла на рояле, стараясь сохранить форму, но уроков больше не брала. Если мы приезжали в Лондон на более или менее продолжительное время, я продолжала заниматься пением. Мне давал уроки венгерский композитор Френсис Корбаи, я выучила с ним несколько очаровательных венгерских песен в его обработке. Он был прекрасным педагогом и интересным человеком. Мне доставляло удовольствие разучивание английских баллад с другим педагогом, дамой, жившей поблизости от той части Риджент-Кэнал, которую называли Маленькой Венецией, всегда околдовывавшей меня своими чарами. Я принимала участие в местных концертах и, согласно тогдашним обычаям, играла на рояле во время званых обедов по просьбе гостей. Само собой разумеется, что в то время не существовало «консервированной музыки»: я имею в виду магнитофоны, радио, стереофонические проигрыватели. Чтобы послушать музыку, нужно было прийти на концерт живого исполнителя, который мог оказаться хорошим, посредственным и очень плохим. Я бегло читала с листа, чувствовала ансамбль, и меня часто приглашали аккомпанировать другим певцам.

У меня осталось потрясающее впечатление от исполнения в Лондоне вагнеровского «Кольца»¹ под управлением Рихтера². Мэдж вдруг страстно увлеклась музыкой Вагнера. Она абонировала четыре места на представление всего «Кольца нибелунга» и брала меня с собой. Я всегда буду благодарна ей и никогда не забуду этих спектаклей. Вотана пела Ван Рой. Основные сопрановые партии Вагнера пела Гертруда Кэппел, крупная, тяжеловесная женщина со вздернутым носом, — неважная актриса, но голос у нее был мощный, просто золотой. Американка Зольцман Стивенс пела Зиглинду, Изольду и Элизабет. Невозможно забыть Зольцман Стивенс: ее необыкновенную красоту, грацию, жесты, длинные выразительные руки, так бо-

¹ Имеется в виду тетралогия «Кольцо нибелунга» Рихарда Вагнера, состоящая из четырех музыкальных драм: «Золото Рейна», «Валькирия», «Зигфрид» и «Гибель богов».

² Рихтер Ханс (1843—1916) — австрийский дирижер, выступавший с лондонским симфоническим оркестром и прославившийся исполнением произведений Вагнера.

жественно обнажавшиеся из-под белых одежд, в которых всегда появлялись на сцене вагнеровские героини. Какая Изольда! Ее голос не приходилось сравнивать с сопрано Гертруды Кэппел, но игра отличалась такой выразительностью, что вы забывали о недостатках голоса. Ее ярость и отчаяние в первом акте «Тристана»¹, лиричная красота голоса во втором и потом, самый, на мой взгляд, незабываемый момент третьего акта: длинная ария Курвенала, боль и ожидание, когда Тристан и Курвенал вместе смотрят на приближающийся корабль. И, наконец, сопрано, которое доносится из-за сцены: «Тристан!»

Зольцман Стивенс была настоящей Изольдой. Она бросалась, да, вы чувствовали это, она бросалась со скалы на сцену, простирая свои прекрасные руки, чтобы заключить в объятия Тристана. И потом этот жуткий, как у раненой птицы, вскрик отчаяния.

Она пела Песнь смерти не как богиня, но как женщина: стоя на коленях возле тела Тристана, глядя в его лицо, силясь оживить его мощью своего желания и воображения, склоняясь над ним все ниже. Последнее слово — «целую» — звучало так, словно, прежде чем упасть на его бездыханное тело, она коснулась его губ.

Я каждую ночь, прежде чем заснуть, десятки раз прокручивала в своем воображении картину, как в один прекрасный день я пою Изольду на настоящей сцене. Ведь в мечтах нет ничего предосудительного, уверяла я себя, это же всего лишь мечты. А может быть, я смогу когда-нибудь петь в опере? Ответом, конечно, было «никогда». Американская подруга Мэй Стордж, приехавшая в Лондон и имевшая связи в Метрополитен-опера² в Нью-Йорке, очень любезно согласилась прийти послушать меня. Я спела ей разные арии, она попросила меня также показать, как я пою гаммы, арпеджио и различные упражнения. Потом сказала:

— Арии, которые вы пели, не особенно тронули меня, но упражнения понравились. Вы могли бы стать хорошей камерной певицей, сделать настоящую карьеру и имя. Для

¹ Имеется в виду музыкальная драма Рихарда Вагнера «Тристан и Изольда».

² Метрополитен-опера — оперный театр в Нью-Йорке, действующий с 1883 года.

оперы у вас недостаточно сильный голос и никогда не станет сильнее.

Хватит об этом. Мечте стать оперной певицей не суждено было сбыться. Тайная надежда исчезла вместе с этим приговором. Мне не хотелось становиться камерной певицей, что тоже, кстати сказать, совсем нелегко. Музыкальная карьера удастся девушкам редко. Если бы представился шанс петь в опере, тогда стоило бы бороться, но он выпадал лишь немногим избранницам, обладавшим нужными голосовыми данными. Я убеждена в том, что нет ничего более саморазрушительного, чем упорствовать в попытках утвердиться в той области, в которой вам никогда не удастся пробиться в первые ряды. Поэтому я мудро отказалась от своих музыкальных притязаний. Более того, я сказала маме, что она может теперь сэкономить на моих музыкальных уроках. Я могла петь сколько угодно, но уже не существовало причин для того, чтобы учиться пению. Я никогда не верила в осуществление моей мечты, но грезить, наслаждаться надеждами — это так прекрасно! До той поры, пока они не слишком завладеют вами.

Примерно в этот период я начала читать романы Мэй Синклер¹, которые произвели на меня большое впечатление и, право, сейчас, когда я перечитываю их, действуют еще сильнее. По-моему, она была одной из самых тонких и своеобразных романисток, и я не оставляю надежды, что интерес к ней возродится, а ее сочинения будут переизданы. «Лабиринт», эту классическую историю маленького чиновника и его возлюбленной, я до сих пор считаю одним из лучших романов. Мне нравился также «Божественный огонь», а «Тэскер Джевонс» — это просто настоящий шедевр. Рассказ «Треснувшее стекло» подействовал на меня так сильно, что я, быть может, из-за того, что сама писала в тот период психологические рассказы, тоже решила написать нечто в этом духе. Я назвала свой рассказ «Видение». Значительно позже он был опубликован в моем сборнике вместе с другими рассказами.

К тому времени у меня уже выработалась привычка писать рассказы, сменившая вышивание подушечек или ко-

¹ Синклер Мэй (1870—1946) — английская поэтесса и романистка, занимавшаяся также вопросами философии и психологии.

пирование рисунков дрезденского фарфора. Если кому-нибудь покажется, что я этим сопоставлением принижая писательское дело, я никогда не соглашусь с этим. Жажда творчества может проявиться в любой сфере: будь то вышивание, приготовление изысканных блюд, живопись, рисунок, скульптура, сочинение музыки или стремление писать рассказы и романы. Другое дело, что в каком-то из этих искусств вы оказываетесь сильнее. Я признаю, что вышивание викторианских подушечек не надо сравнивать с гобеленами Байе, но огонь творчества может гореть везде. Придворные дамы Вильгельма¹ создавали произведения, требовавшие интеллекта, вдохновения и безупречного мастерства; часть этой работы, безусловно, отличалась некоторой монотонностью, но многое в ней озарялось вдохновением. Хотя, конечно, вы сочтете, что между кусочком парчи с вышитыми на нем двумя лютиками и бабочкой и настоящим гобеленом нет ничего общего, уверяю вас, внутреннее удовлетворение их создателей ничуть не отличается одно от другого.

Вальсом, который я написала, гордиться не приходилось, а вот две мои вышивки были по-своему хороши, и я была ими довольна. О рассказах того же сказать не могу, но, с другой стороны, чтобы оценить написанное, всегда нужно время. Сначала является воспламеняющая идея, и вы вовлекаетесь в процесс, преисполнившись надежды и даже уверенности (это единственные мгновения моей жизни, когда я чувствую себя уверенно). Если вы по-настоящему скромны, то вообще никогда ничего не станете писать. Но тогда так и не узнаете этого изумительного ощущения, когда вы оказываетесь во власти мысли, точно представляете себе, как ее выразить, хватаетесь за карандаш и в состоянии полного экстаза строчите страницу за страницей в школьной тетради. Однако тут же перед вами стеной встают непреодолимые трудности, вы не знаете, с какого бока к ним подобраться, и наконец, постепенно и неуклонно теряя всякую веру в себя, приближаетесь к первоначальному замыслу. Закончив, вы осознаете, что потерпели полный провал. А спустя пару месяцев вам кажется, что, может быть, это не так уж плохо.

¹ Вильгельм — английский король Вильгельм I Завоеватель (1028—1087), герцог Нормандский, под предводительством которого норманны в 1066 году завоевали Англию.

Примерно в это же время мне едва удалось спастись от двух замужеств. Именно «спастись», потому что задним числом я отдаю себе отчет в том, что в обоих случаях это было бы настоящей катастрофой.

Первый можно было бы назвать «головокружительным романом». Я жила у Рэлстон Патриков. Мы с Констанс на пронизывающем и яростном ветру катили на машине, когда нас нагнал молодой человек верхом на великолепном гнедом; он заговорил с Констанс и был мне представлен. Думаю, что Чарлзу, майору 17-го уланского полка, было около тридцати пяти лет, он часто навещался в Уорвикшир, чтобы поохотиться. В тот же вечер я встретила его на костюмированном балу, одетая как Элейн¹: очень красивое платье, до сих пор храню его (ума не приложу, как я могла в него влезть); оно по-прежнему висит в шкафу для маскарадных костюмов в холле — мое самое любимое, из белой парчи, с расшитым жемчугом воротником. Мы с Чарлзом виделись еще несколько раз, и, перед тем как возвратиться домой, оба высказали вежливые взаимные уверения, что с удовольствием встретились бы снова. Он заметил, что, может быть, вскоре придет в Девоншир.

Через три-четыре дня после возвращения я получила посылку. Внутри оказалась маленькая серебряная с позолотой коробочка и в ней карточка, на которой было написано: «Эйсп», дата и «для Элейн». «Эйсп» — место нашей первой встречи, дата — тот день, когда это произошло. Я получила и письмо от него, в котором Чарлз писал, что вскоре мы увидимся, так как он собирается в Девон.

После чего разразился настоящий ураган ухаживания. Посыпались цветы, книги, огромные коробки самого изысканного шоколада. Ничего неподобающего для ушей юной особы не было произнесено, но я пришла в страшное возбуждение. Он нанес нам еще два визита, а во время третьего предложил мне выйти за него замуж. По его словам, он влюбился в меня с первого взгляда. Если бы при-

¹ Элейн — в рыцарских романах и поэмах о короле Артуре де-вушка, влюбленная в прекрасного рыцаря Ланселота и умершая от неразделенной любви.

шлось классифицировать предложения руки и сердца по достоинствам формы, в которую они были облечены, то предложение Чарлза, безусловно, возглавило бы список. Я была совершенно очарована и в некотором смысле потеряла голову от его мастерства. В обращении с женщинами Чарлз накопил немалый опыт и с легкостью вызывал желаемые реакции. Сначала я даже подумала, что встретила своего суженого... И все же... да, «все же» существовало... Пока Чарлз находился рядом и пламенно объяснял мне, какая я удивительная, как он меня любит, какой изумительной Элейн я была, как он мечтал бы посвятить всю жизнь тому, чтобы сделать меня счастливой и так далее, и при этом его руки дрожали, да, я была счастлива, как вольная птичка на ветвях дерева. И все же — все же стоило ему уйти, как все куда-то улетучивалось. Я совершенно не горела желанием увидеть его снова. Очень милый молодой человек, и только. Разница в двух настроениях немало меня озадачивала. Как можно определить, действительно ли вы влюблены? Если в отсутствие человека вы совершенно равнодушны к нему, а его присутствие пьянит вас счастьем, что же происходит на самом деле?

Моей бедной дорогой маме крепко досталось в этот период. Позднее она признавалась мне, что все время молила Господа, чтобы он скоро послал мне мужа: хорошего, доброго и достаточно состоятельного. Чарлз как будто бы соответствовал всем ее молитвам, но что-то беспокоило ее. Она всегда тонко чувствовала все, что думают и ощущают другие люди, и конечно же великолепно понимала, что со мной творится. Поскольку ей, как всякой матери, казалось, что на свете не существует мужа, достойного ее драгоценной Агаты, она, несмотря на все достоинства Чарлза, все же не считала его именно тем человеком, который может сделать ее дочь счастливой. Она написала Рэлстон Патрикам, чтобы получить о нем как можно более полные сведения. Ведь у меня не было отца, а брат находился далеко, и поэтому ей самой пришлось заниматься этим деликатным расследованием: любовными интригами, истинным материальным положением, происхождением и так далее — сейчас все это выглядит чрезвычайно старомодно, но замечу, что такие разыскания нередко спасали от больших разочарований в дальнейшем.

Согласно полученным сведениям, Чарлз превосходил все стандарты. В его прошлом было немало любовных приключений, но это ничуть не тревожило маму: по общепринятым представлениям, мужчины должны были отгулять свое до вступления в брак. Чарлз был на пятнадцать лет старше меня, но и папа был на десять лет старше мамы, и мама находила такую разницу в возрасте прекрасной.

Мама заявила Чарлзу, что Агата еще слишком молода для того, чтобы срочно выходить замуж. Она предложила нам в течение одного-двух месяцев встречаться от случая к случаю без всякого давления на мое решение с его стороны.

Из этого ничего не получилось, потому что нам с Чарлзом решительно не о чем было разговаривать, кроме того, что он меня любит, а так как он дал обещание не возвращаться к этой теме до условленного времени, между нами то и дело воцарялось напряженное молчание. Потом он уходил, а я садилась и начинала думать. Чего мне хотелось? Хотелось ли мне выйти замуж за него? Тут я получала от него письмо. Его любовные письма, без всяких сомнений, представляли собой верх эпистолярного искусства — такие письма мечтала бы получать каждая женщина. Я погружалась в них, перечитывала снова и снова, хранила их как зеницу ока и приходила к заключению, что это и есть любовь. Потом Чарлз приходил, я волновалась, едва не падая в обморок, и в то же самое время в голове у меня шевелилась холодная мысль, что все это — ненастоящее. В конце концов мама решила, что мы должны расстаться на полгода, после чего мне придется принять окончательное решение. Мы согласились, письма тоже прекратились на это время, но оно и к лучшему, потому что эти шедевры совершенно сбивали меня с толку.

Прошло шесть месяцев, и я получила телеграмму:

НЕ МОГУ БОЛЬШЕ ВЫДЕРЖАТЬ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ. ВЫ ВЫЙДЕТЕ ЗА МЕНЯ ЗАМУЖ — ДА ИЛИ НЕТ?

В этот момент я лежала в постели с небольшой температурой. Мама протянула мне телеграмму. Я посмотрела на нее, ответ был оплачен. Я взяла карандаш и написала слово «*НЕТ*». И в ту же секунду почувствовала невероятное облегчение: я наконец приняла решение. И больше мне не придется мучиться от тягостных перепадов настроения — от уверенного «да» к решительному «нет».

— Ты уверена? — спросила мама.

— Да, — ответила я, поудобнее подложила под голову подушку и тут же заснула мертвым сном. Так кончилась эта история.

Четыре или пять следующих месяцев протекли довольно вяло. Впервые все, что бы я ни делала, вызывало у меня скуку. Я стала подумывать, что совершила большую ошибку. Но как раз тогда в моей жизни возник Уилфред Пири.

Я уже писала о Мартине и Лилиан Пири, больших друзьях моего отца, с которыми я познакомилась за границей, в Динарде. Мы продолжали встречаться, хотя с мальчиками я не виделась. Харолд учился в Йтоне, а Уилфред — в военно-морском училище. Теперь Уилфред уже закончил его и получил чин младшего лейтенанта в Королевских военно-морских силах. Он плавал на подводной лодке, которая часто останавливалась в Торки. С первой же встречи мы немедленно стали лучшими друзьями; Уилфред на всю жизнь остался одним из тех, к кому я питала самую большую привязанность. Не прошло и двух месяцев, как мы уже оказались неофициально помолвленными.

Боже, какое облегчение принес мне после Чарлза Уилфред. Никаких волнений, сомнений и печалей. Он был мне прежде всего замечательным другом, которого я хорошо знала. Мы читали вместе книги, обсуждали их, нам всегда было что сказать друг другу. Мне было легко с ним. То, что я видела в нем только друга, нисколько не смущало меня. Мама была в полном восторге, так же как и миссис Пири (Мартин Пири скончался за несколько лет до того). Со всех точек зрения наш союз был просто идеальным. Уилфреду предстояла блестящая карьера в Королевском флоте; наши отцы были ближайшими друзьями, наши мамы нравились друг другу; маме нравился Уилфред, я нравилась миссис Пири. До сих пор считаю себя неблагодарным чудовищем, поскольку не вышла за него замуж.

В моей жизни тогда все стало на свои места. Через год или два, когда придет время (ранние браки младших лейтенантов не поощрялись), мы поженимся. Я с удовольствием представляла себя женой: я живу на юге, в Плимуте, а когда Уилфред уходит в море, могу возвращаться до-

мой в Эшфилд и жить с мамой. В самом деле, ничего лучшего нельзя было и пожелать.

Подозреваю, что существует некая таинственная и непознанная сила, которая толкает нас в моменты наивысшего благополучия выкинуть какой-то ужасный фортель, как бы даже против желания. Я долго не признавалась себе в этом, но... спустя какое-то время вдруг стала ощущать невыносимую тоску от перспективы замужества. Уилфред нравился мне, я хотела жить с ним в одном доме, но отчего-то все это оставляло меня равнодушной, абсолютно равнодушной!

Всякая взаимная привязанность мужчины и женщины всегда начинается с потрясающей иллюзии, что вы думаете одинаково обо всем на свете: вы еще не успели подумать о чем-то, как он уже об этом сказал. Как изумительно любить одни и те же книги, одну и ту же музыку! В этот момент не имеет никакого значения, что один из вас вовсе никогда не ходил слушать музыку. Ведь на самом-то деле он всегда обожал музыку, он просто не осознавал этого! В то же самое время вам и в голову никогда не приходило читать книги, которые ему нравятся, и только сейчас вы поняли, что именно их-то вам действительно не доставало. Такова одна из великих иллюзий, уготованных нашим естеством. Мы оба любим собак и терпеть не можем кошек. Как это удивительно! Мы оба любим кошек и терпеть не можем собак — тоже замечательно!

Все шло своим чередом. Каждые две-три недели Уилфред приезжал на выходные. У него была машина, и мы обожали ездить по окрестностям. У него была собака, и мы оба обожали эту собаку. Он заинтересовался спиритизмом¹, и я немедленно тоже почувствовала к нему живейший интерес. Почему бы и нет? Но тут-то Уилфред начал привозить мне толстые теософские книги, которые я должна была немедленно читать и обсуждать с ним. Иллюзия, согласно которой вам мило все, что любит ваш любимый мужчина, начала рассеиваться; но это и неудивительно — я же не любила Уилфреда по-настоящему. Книжки теософии были занудными до отвращения; и не просто занудными... они были абсолютно фальшивыми; еще хуже:

¹ Спиритизм — мистическое учение, основанное на вере в загробное существование душ умерших и возможность общения с ними через посредство медиума.

я считала, что большинство из них совершенно лишены смысла! Я не могла больше выслушивать рассказы Уилфреда о медиумах, с которыми он встречался. В Портсмуте¹ жили две девушки, которых якобы донимали видения. Они входили в дом не иначе как затаив дыхание, с бьющимся сердцем, чуть не рыдая из-за того, что только что, как живого, видели духа, кравшегося за одним из членов их компании.

— Однажды, — рассказывал Уилфред, — Мэри (старшая) пошла в ванную комнату помыть руки, но, представляешь, она даже не посмела ступить на порог ванной, просто не смогла — и все. Увидела там две тени, причем одна приставила бритву к горлу другой. Ты можешь поверить в такое?

Я чуть было не сказала, что, конечно не могу, но вовремя сдержалась.

— Очень интересно, — выдавила я. — А в этом доме когда-то и в самом деле кого-то зарезали бритвой?

— Не исключено, — сказал Уилфред. — Там до них кто только не жил, что угодно могло приключиться. Правда? Поразительно, ты не находишь?

Я совершенно не находила. Но спорить я не любила и беззаботно ответила, что, должно быть, такие чудеса случаются.

Однажды Уилфред позвонил мне из Портсмута и сообщил, что ему представляется потрясающий шанс. Собирали экспедицию для поиска сокровищ в Южной Америке. Он получил разрешение участвовать в ней. Я очень обижусь, если он примет предложение? Такая удача может больше не повториться. Медиумы тоже его благословили. Они заявили, что он наверняка отыщет город, построенный чуть ли не во времена инков² и до сих пор никем не открытый. Конечно это напутствие духов нельзя воспринимать совсем уж всерьез, но ведь это потрясающе! Правда? Не рассержусь ли я, если нам придется надолго расстаться?

У меня не возникло ни малейших колебаний. Я великодушно заявила, что это и в самом деле редчайшее везе-

¹ Портсмут — город в графстве Гемпшир на берегу пролива Ламанш, известный курорт.

² Инки — индейское племя семьи кечуа, обитавшее в XI—XIII веках на территории Перу и создавшее одну из древнейших цивилизаций в Южной Америке.

ние, что конечно же он должен ехать и я от всей души желаю ему откопать сокровища инков.

— Ты просто чудо, — сказал мне в ответ Уилфред. — Такая, как ты, одна на тысячу. Любая другая девушка меня бы не отпустила. — Он повесил трубку, прислал мне любовное письмо и уехал.

Но я вовсе не была такой уж уникальной: мне просто наконец удалось разобраться в самой себе и понять, что напрасно обнадежила человека... На другой день после его отъезда я проснулась с ощущением, что у меня гора свалилась с плеч. Я радовалась, что Уилфред отправился на поиски сокровищ, потому что любила его скорее как брата и не хотела лишать его удовольствия поиграть в кладоискателя. Я почти не сомневалась, что вся эта затея с сокровищами инков окажется напрасной. И тоже потому, что не любила его по-настоящему. Ведь если бы любила, то верила бы в успех. А главное — о радость! о счастье! — я больше не должна читать теософские книги.

— Почему ты такая веселая? — подозрительно спросила мама.

— Знаешь, мама, — ответила я, — я понимаю, что это ужасно, но я действительно очень счастлива. Потому что Уилфред уехал.

Бедная. У нее вытянулось лицо. Никогда еще я не чувствовала себя настолько гадкой и неблагодарной... Мама была так счастлива, что мы с Уилфредом поженимся. В какой-то момент я почти что убедила себя в том, что ради мамы должна любить Уилфреда; к счастью, моя сентиментальность не простиралась так далеко.

Я не стала ни писать, ни сообщать Уилфреду о своем решении — все-таки человек вынужден жить теперь в диких джунглях. В самый разгар поисков вдруг у него подскочит температура или он просто остолбенеет, на него упадет какой-нибудь хищник, и он не успеет вернуться... — в любом случае такое известие испортит ему все удовольствие. Но по возвращении его ждало письмо. Я писала, что очень виновата перед ним, что очень люблю его, но не думаю, что связывающее нас чувство достаточно для того, чтобы соединить наши жизни. Уилфред, конечно, не согласился со мной, но отнесся к моему решению с пониманием. Он сказал, что отныне ему будет трудно видаться со мной, но что он навсегда сохранит ко мне самые дружеские чувства. Теперь мне при-

ходит в голову, что он, возможно, тоже на самом деле был рад... во всяком случае, я не нанесла ему смертельной раны.

Я-то думаю, что ему повезло. Он, конечно, был бы мне отличным мужем, всегда любил бы меня, и я сумела бы обеспечить ему тихое семейное счастье, но он заслуживал лучшего — и через три месяца судьба сделала ему подарок. Он безумно влюбился в другую девушку, и она также безумно полюбила его. Они поженились, и у них родилось шестеро детей. Ничего прекраснее и представить себе невозможно.

А Чарлз спустя три года женился на очаровательной девушке восемнадцати лет.

Словом, обоих своих женихов я просто благодетельствовала своим отказом.

Еще одно знаменательное событие было связано с возвращением из Гонконга Реджи Льюси. Хотя я знала семью Льюси уже много лет, мне так и не довелось познакомиться со старшим их братом, Реджи. Он командовал артиллерийским полком, главным образом за границей. На редкость скромный и застенчивый молодой человек, не часто появлявшийся в свете. Гольф привлекал его гораздо сильнее, чем танцы и вечеринки. В отличие от своих братьев, светловолосых и голубоглазых, Реджи был брюнетом с темными глазами. Мы часто ездили вместе со всей семьей Льюси в Дартмур, в совершенно типичной для них манере — пропуская трамваи, отыскивая поезда, которых не существовало, но опаздывая и на них, пересаживаясь в Ньютон-Эбботе, чтобы поспеть на какой-нибудь другой поезд, и в конечном итоге решали отправиться в какое-нибудь другое место.

Реджи как-то вызвался помочь мне отработать технику игры в гольф. «Отрабатывать» было нечего, потому что я вообще не умела играть. Вообще все мои приятели потратили немало сил, чтобы помочь мне стать спортсменкой, но, к великому моему сожалению, я была бездарной ученицей. Самое обидное, что начало всегда было обнадеживающим. Стоило мне начать стрелять из лука, играть на бильярде, в гольф, теннис, крокет, как все мгновенно объявляли меня страшно способной; но эти пророчества никогда не сбывались: еще один повод для самоуничтожения. Думаю, все дело в плохом глазомере, тут уж никто не мог мне помочь. В соревновании по крокету я

играла в паре с Мэдж, причем мне давали максимальную фору.

— С таким преимуществом, — говорила Мэдж, игравшая очень хорошо, — мы запросто победим.

Фора помогала, но в конце концов мы проигрывали. Я отлично знала правила игры, я была очень сильна, но умудрялась гробить самые легкие шары. В теннисе у меня был великолепный удар справа, который часто приводил в восхищение моих партнеров, но удар слева был безнадежным. К сожалению, овладеть искусством игры в теннис, имея лишь удар справа, в принципе невозможно. В гольфе я была асом мощных дальних бросков, выводящих ударов, потрясающе владела клюшкой с железной головкой, но решительно была неспособна загнать мяч в лунку.

Несмотря на все это, Реджи проявлял чудеса терпения, он был из тех учителей, которым совершенно безразлично, делаете вы успехи или нет. Мы лениво продвигались по полю и останавливали игру в любой момент, как только захочется. Настоящие игроки в гольф ездили на соревнования по гольфу в Черстон. В Торки тоже три раза в год проводились турниры, но никто особенно не следил и не ухаживал за игровым полем. Мы с Реджи бесцельно бродили по нему, обходили его, потом возвращались пить чай к Льюси, наслаждались праздностью и весельем и делали свежие тосты, потому что прежние уже остыли. И все в таком духе. Счастливое ничегонеделание. Никто никуда не спешил. Никто ни о чем не волновался, не беспокоился. Может быть, наше упоение бездельем покажется странным, но скажу только одно: ни у кого из Льюси никогда не было ни язвы двенадцатиперстной кишки, ни тромбозов, ни повышенного кровяного давления.

Однажды мы с Реджи в очередной раз бились над сложным броском, и вдруг он заявил, что в такую жару было бы куда приятнее посидеть в тени. Он достал трубку, раскурил ее, и мы, как обычно, принялись разговаривать о том о сем, но больше молчали: два-три слова и пауза — самый оптимальный для меня вариант. В обществе Реджи я никогда не чувствовала себя несообразительной занудой, не способной сразу найти нужное слово.

Сделав несколько затяжек, он сказал задумчиво:

— В вашей коллекции уже много жертв, Агата, не так ли? Что ж, вы можете присоединить к ним меня, как только захотите.

Я молча на него смотрела, не вполне уверенная, что поняла истинный смысл его слов.

— Не знаю, известно ли вам, что был бы счастлив жениться на вас, — сказал он, — может быть, и известно. Но мне все-таки хотелось сказать это. Я нисколько не хочу подталкивать вас к решению; ведь, в сущности, нет никаких причин торопиться. — Знаменитая фраза семейства Льюиса легко слетела с уст Реджи. — Вы еще очень молоды, и с моей стороны было бы просто нечестно требовать от вас немедленного ответа.

Я сердито ответила, что вовсе не так уж молода.

— Не сердитесь, Эгги, я имею в виду по сравнению со мной. — Хотя Реджи по моей просьбе всячески старался не называть меня Эгги, но в семье настолько привилась привычка называть друг друга Марджи, Нуни, Эдди и Эгги, что он часто забывался. — Короче говоря, подумайте об этом, — продолжал Реджи. — Имейте меня в виду и, если не подвернется кто-нибудь другой, помните: я в вашем распоряжении.

Я немедленно ответила, что тут и думать не о чем: я с удовольствием выйду за него замуж.

— Мне кажется, Эгги, вы не подумали хорошенько.

— Очень даже подумала. Подумала и сразу же решила.

— Да, но все-таки не следует торопиться. Понимаете, такая девушка, как вы, может выйти замуж за кого только захочет.

— Но я не захочу ни за кого. Только за вас.

— Давайте рассуждать здраво. Мы живем в таком мире, что без этого не обойтись. Вам бы хотелось выйти за богатого человека, за отличного малого, который будет трястись над вами, сделает вас счастливой и обеспечит вас всем, чего вы заслуживаете.

— Мне бы хотелось выйти только за того, кто мне нужен, а остальное не важно.

— Ну, старушка, напрасно вы так говорите. Все это очень даже важно. Юность и романтизм — это еще далеко не все. Дней через десять я уезжаю и подумал: лучше сказать до отъезда. Раньше я считал, что, может быть, лучше подождать... не говорить пока. Но потом... решил, лучше

вам знать, что я — ваш. Когда я вернусь через два года, если никто не подвернется...

— Никто, — сказала я твердо.

Так мы с Реджи обручились. О, конечно не официально, а, как это называлось, «по взаимному согласию». Наши семьи знали об этом, но объявления в газету мы не давали, ничего не говорили друзьям, но большинство из них, я думаю, сами догадывались.

— Не понимаю, почему бы нам не пожениться теперь? — сказала я Реджи. — Почему вы не сказали мне об этом раньше, чтобы у нас было время на приготовления?

— Да, конечно, вам же нужны все эти невестины подружки, шикарная свадьба и все такое. Но я и не мечтал о том, что вы сразу согласитесь выйти за меня. Предоставляю вам возможность еще немного повибираться.

Я страшно обиделась, и мы чуть не поссорились. Я сказала, что не очень любезно с его стороны так решительно отказывать мне в желании немедленно стать его женой. Но Реджи вбил в свою длинную узкую голову, что для меня было бы лучше всего соединить свою жизнь с человеком, занимающим определенное положение в обществе, имеющим деньги и все прочее. Несмотря на все эти споры, мы были очень счастливы. Льюси тоже радовалась и говорили:

— Мы уже заметили, Эгги, что Реджи «положил на вас глаз». Обычно он не обращал никакого внимания на наших подруг. Все равно спешить тут нечего. Все в свое время.

На этот раз то, чем я постоянно восхищалась в этом семействе, — их непоколебимая уверенность, что спешить некуда, все и так устроится, — вызвало во мне протест. Как особе романтической, мне бы очень хотелось, чтобы Реджи заявил, что он совершенно не в состоянии ждать два года и хочет жениться немедленно. К сожалению, на это вряд ли можно было надеяться — Реджи был самым неэгоистичным мужчиной на свете.

Думаю, мама была очень рада.

— Он всегда нравился мне, — сказала она. — Может быть, он даже самый симпатичный из всех, кого я знала. Ты будешь счастлива с ним. Он такой добрый и милый, он никогда не причинит тебе боли и хлопот. Вы будете не слишком богаты, это верно, но, раз у него есть звание

майора, вам хватит денег. Ты ведь не из тех, кто не может жить без денег, балов и всей этой веселой жизни. Да, я просто уверена, что это будет счастливый брак. — Потом, после небольшой паузы, она добавила: — Мне только жаль, что он не сказал тебе о своих намерениях раньше, чтобы вы могли сразу пожениться.

Мне тоже было жаль... Через десять дней Реджи вернулся в свой полк, а я осталась ждать его.

Разрешите мне теперь добавить нечто вроде постскриптума к моим любовным приключениям.

Я описала на этих страницах моих поклонников, но довольно-таки нечестно не поведала ничего о собственных любовных неудачах. Сначала предметом моей любви стал высокий юный солдат, с которым я встретила в Йоркшире. Если бы он предложил стать его женой, согласилась бы не раздумывая! Очень мудро с его стороны было не сделать этого. Всего лишь младший офицер, без гроша в кармане, отправлявшийся вместе со своим полком в Индию. Думаю, и он был немного влюблен в меня — его выдавал бараний взгляд. Приходилось довольствоваться хоть этим. Он уехал в Индию, и я страдала по нему месяцев шесть.

Потом, примерно год спустя, я снова влюбилась. Вместе с друзьями мы поставили в Торки музыкальную комедию по «Синей Бороде», текст которой сочинили сами, придав ему злободневный характер. Я играла Сестру Анну, а объектом моих вздыханий стал не кто иной, как будущий вице-адмирал Военно-воздушных сил. Тогда он был молод, только еще начинал карьеру. У меня была отвратительная привычка напевать модную в то время песенку о медвежонке:

Телди, медвежонок мой,
Приди ко мне скорей.
Расстаться не могу с тобой,
Прижму к себе сильней.

В свое оправдание могу сказать только одно: тогда все девушки были такими и имели успех.

Позднее знакомство можно было возобновить — и не раз. Он был кузеном моих друзей. Но мне всегда удавалось

избегать этих встреч. У меня все же есть какое-никакое самолюбие.

Я надеялась, что останусь в его памяти прелестной девушкой, которую он увидел во время пикника при лунном свете в Энсти-Ков, накануне своего отъезда. Мы сидели на скале, смотрели на море, ничего не говорили и только держались за руки.

После этого он прислал мне брошку — маленького золотого медвежонка.

Я прилагала все старания к тому, чтобы не шокировать его видом дамы весом в восемьдесят два килограмма, про которую можно было только сказать: ах, какое у нее приятное лицо.

— Эмиас постоянно спрашивает о вас, — передавали мне друзья. — Ему бы так хотелось снова встретиться с вами.

Встретиться с шестидесятилетней матроной? Речи быть не может! Предпочитаю, чтобы остался хоть кто-нибудь, питающий иллюзии на мой счет.

Глава 7

Счастливым людям не о чем рассказывать — так, кажется, говорят? Ну что ж, значит, я была счастлива тогда. Все шло как обычно: я встречалась с друзьями, время от времени ездила погостить к ним на несколько дней. Меня беспокоило только одно: у мамы стремительно ухудшалось зрение. Она уже едва могла читать и не переносила яркого света. Очки не помогали. Бабушка в Илинге тоже почти ослепла. С возрастом, как это часто бывает, она стала очень подозрительной. Она подозревала не весть в чем слуг, водопроводчиков, настройщиков и так далее. Не могу забыть, как Бабушка, перегнувшись через обеденный стол, свистящим шепотом вопрошала:

— Т-с-с! Только тихо! Где твоя сумка?

— У меня в комнате, Бабушка.

— Ты оставила ее?! Этого ни в коем случае нельзя делать! Слышишь шаги? Значит, там сейчас горничная.

— Да, конечно, ну и что здесь такого?

— Никогда нельзя быть уверенной, дорогая, ни в ком.

Тогда же мама моей мамы, Бабушка Б. упала в омнибусе. Она привыкла ездить на империале¹, а ей, пожалуй что, было тогда все восемьдесят. Омнибус резко дернулся, когда она спускалась, и Бабушка Б. упала; она сломала ребро и руку. Бабушка так этого не оставила — она предъявила компании иск и получила солидную компенсацию. Доктор строжайше запретил ей впредь ездить на империале. Само собой разумеется, что Бабушка Б. не подчинилась. Она до конца своих дней не сдавала позиций. Примерно в то же время она перенесла операцию по поводу рака матки. Операция прошла успешно, без всяких осложнений. Но Бабушка Б. была разочарована. Она надеялась, что удаление этой «опухоли» или чего-то там еще, гнездившегося у нее внутри, приведет к значительной потере веса и вернет ей стройность и изящество. К тому времени она достигла грандиозных размеров и превзошла в полноте даже Тетушку-Бабушку. К ней можно было без всяких колебаний отнести знаменитую шутку по поводу толстых женщин:

«Мадам, — обращается к толстухе водитель омнибуса, в дверях которого она застряла, — будьте так любезны, повернитесь боком!» И слышит в ответ: «Но, молодой человек, у меня нет бока!»

Хотя сестры, ухаживавшие за ней в послеоперационный период, строжайше запретили ей вставать с постели, она, стоило им только выйти, немедленно слезала с кровати и на цыпочках подбиралась к зеркалу. Какая жалость: она не похудела!

— Никогда не забуду этого разочарования, Клара, — делилась она с мамой. — Никогда. Я так надеялась! Только эта надежда помогла мне перенести весь этот наркоз и прочее. И что ж, посмотри на меня: все на месте.

Примерно тогда у нас с Мэдж состоялась дискуссия, которой суждено было в дальнейшем принести плоды. Мы прочитали какой-то детективный роман; думаю — я говорю «думаю», потому что мои воспоминания не слишком точны, — речь шла о «Тайне желтой комнаты», только

¹ Империал — верх экипажа, место на крыше дилижанса, автобуса и т. п.

что вышедшей книге, принадлежащей перу нового автора Гастона Леру¹, где в качестве детектива выступал симпатичный молодой репортер по имени Рулетбилл. Нам с Мэдж нравились тщательно запрятанная тайна, богатая фантазия, великолепная композиция; иные называли призм, примененный автором, «нечестным», но если и так, то не совсем: с помощью искусно введенного в текст намёка, «ключика», можно было разгадать тайну.

Мы с сестрой бесконечно обсуждали книгу и сошлись на том, что «Тайна желтой комнаты» — лучший из последних романов. А мы были настоящими знатоками детективов. Еще девочкой я слышала от Мэдж рассказы о Шерлоке Холмсе и с замиранием сердца перечитывала их. Существовал еще Арсен Люпен², но я никогда не считала его приключения настоящими полицейскими романами, хотя и читала их с большим удовольствием. Мы были в восторге от Пола Бека³, от «Хроники Мартина Хьюитта»⁴, а теперь появилась и «Тайна желтой комнаты». Увлеченная всеми этими книгами, я сказала, что сама хотела бы попытаться написать детективный роман.

— Не думаю, что у тебя получится, — сказала Мэдж. — Это слишком трудно. Я уже думала об этом.

— А мне бы все-таки хотелось попробовать.

— Держу пари, что ты не сможешь, — сказала Мэдж.

На этом мы и остановились. Настоящего пари мы не заключили, но слова были произнесены. С этого момента я воспламенилась решимостью написать детективный роман. Дальше эмоций дело не пошло. Я не начала ни писать, ни обдумывать мой будущий роман, но семя было брошено. В тайниках подсознания, где книги, которые я собираюсь написать, поселяются задолго до того, как зерно прорастает, прочно укоренилась идея: в один прекрасный день я напишу детективный роман.

¹ Леру Гастон (1868—1927) — французский писатель и журналист, автор психологических и так называемых полицейских романов.

² Люпен Арсен — главный персонаж детективных произведений французского писателя Мориса Леблана (1864—1941).

³ Пол Бек — сыщик, персонаж ряда детективных произведений английского писателя Матиаса Бодкина (1850—1933).

⁴ «Хроника Мартина Хьюитта» — роман английского писателя Артура Моррисона (1863—1945).

Мы с Реджи регулярно переписывались. Я сообщала ему местные новости и отчаянно старалась писать как можно интереснее — письма никогда не были моим коньком. Образчиками мастерства в эпистолярном жанре конечно же были письма Мэдж. Она могла сочинить великолепную историю буквально из ничего. Всегда ей завидовала.

Письма моего дорогого Реджи ничуть не отличались от его манеры разговаривать, приятной и ободряющей. Он постоянно уговаривал меня побольше развлекаться.

Умоляю Вас, Агата, не сидите дома, предаваясь черной меланхолии. Не думайте, что мне этого хочется, совсем нет; Вы должны выходить, видеть людей. Ездить на танцы, приемы, балы. Я хочу, чтобы Вы использовали все шансы, которые пошлет Вам судьба, прежде чем мы поженимся.

Задним числом я ловлю себя на мысли, не была ли я слегка разочарована такими советами? Не думаю, чтобы я сознавала это тогда; но разве приятно, когда ваш жених буквально выгоняет вас из дома, заставляет видеться с другими людьми, «думать только о себе» (каков совет!). Разве любая женщина не предпочла бы на моем месте хоть какие-нибудь признаки ревности?

Например: «Что это за тип такой-то и такой-то, о котором вы то и дело пишете? Надеюсь, вы не слишком им увлечены?»

Разве существует любовь без ревности? Чтобы совсем никакого собственнического чувства? А может, тебя вовсе не так уж любят — раз не ревнуют?

Как бы то ни было, на танцы я ходила довольно редко, потому что бессмысленно было принимать приглашения в дома, находившиеся дальше мили или двух от нас. Наемные кеб или такси стоили слишком дорого — эту роскошь можно было позволить себе только в исключительных случаях. А машины у нас не было. Но случалось, что девушек не хватало, и тогда за мной приезжали, а потом отвозили домой.

Однажды в Чадли для членов Эксетерского гарнизона давали бал Клифффорды. Они попросили кое-кого из своих

друзей привезти на бал одну или двух подходящих девушек. Мой стародавний недруг капитан Трейверс, вышедший теперь в отставку и живший со своей женой в Чадли, предложил им пригласить меня.

Служивший в детстве моей любимой мишенью, он со временем стал близким другом моей семьи. Я очень обрадовалась, когда позвонила его жена и пригласила меня приехать к ним, чтобы потом отправиться на танцы к Клиффордам.

Я только что получила письмо от Артура Гриффитса, с которым встречалась у Мэтьюзов в Торп Арч-Холл в Йоркшире. Сын местного священника, он служил в артиллерии. Мы очень подружились. Артур писал, что его гарнизон стоит сейчас в Эксетере, но, к сожалению, он не попадет в число офицеров, приглашенных на танцы, и очень огорчен, потому что мечтал бы потанцевать со мной. «Но, — писал Артур, — один из наших, парень по фамилии Кристи, заменит меня, если вы не возражаете. Он прекрасно танцует».

Не успел начаться бал, как я повстречалась с Кристи, высоким молодым человеком, с копной вьющихся светлых волос и слегка вздернутым носом; он держался очень самоуверенно. Представленный мне, Кристи пригласил меня на два танца и шутливым беззаботным тоном сказал, что его друг Гриффитс поручил ему присматривать за мной. У нас сразу стало хорошо получаться: он танцевал великолепно и приглашал меня еще много раз. Я была в упоении от этого бала и очень благодарна Трейверсам. На другой день они отвезли меня в Ньютон-Эббот; я села на поезд и благополучно возвратилась домой.

Прошли неделя или десять дней: я пила чай у наших соседей Меллоров. Мы с Максом продолжали тренироваться в бальных танцах, хотя вальсирование на лестнице, к счастью, уже вышло из моды. Помню, мы упражнялись в танго, когда меня позвали к телефону. Это была мама.

— Немедленно возвращайся домой, Агата, — сказала она. — Тут какой-то молодой человек, я его не знаю — никогда в жизни не видела. Я дала ему чаю, но, по-видимому, он решил дожидаться тебя.

Мама обычно страшно раздражалась, когда ей приходилось принимать моих поклонников: она считала, что за нимать их — это мое дело.

Мне очень не хотелось идти домой. Тем более что я догадывалась, кто этот неожиданный посетитель — скорее всего, довольно скучный молодой морской офицер, имевший обыкновение читать мне свои стихи. Надувшись, я поплелась домой с постной миной на лице.

Когда я вошла в гостиную, мне навстречу с видимым облегчением поднялся молодой человек. Краснея и смущаясь, он начал объяснять причину своего визита. Он даже избегал встретиться со мной взглядом, — думаю, не был уверен в том, что я его узнаю. Но я узнала его тотчас, хотя очень удивилась. Мне и в голову не приходило, что я снова увижу друга Гриффитса, молодого человека по фамилии Кристи. Он пустился в довольно туманные разъяснения, будто, проезжая через Торки на мотоцикле, подумал, что заодно мог бы повидать меня. Ему пришлось все же сознаться, что он потратил немало усилий, чтобы раздобыть у Гриффитса мой адрес. Вскоре естественное ощущение неловкости прошло. Мама успокоилась. Арчи Кристи, преодолев трудный этап объяснений, явно повеселел, а я почувствовала себя польщенной.

Время шло, а мы все не переставали болтать. Подавая друг другу понятные только женщинам секретные знаки, мы с мамой советовались, следует ли пригласить нежданного гостя к ужину, а если приглашать, то есть ли, чем его кормить. Только что прошло Рождество, поэтому я знала, что в кладовой хранится холодная индейка, и просигналила маме согласие: мама спросила Арчи, не пожелает ли он задержаться и поужинать с нами. Он не заставил себя уговаривать. Мы покончили с холодной индейкой, съели салат и, по-моему, сыр и провели прекрасный вечер. Потом Арчи сел на свой мотоцикл и, несколько раз взревев мотором, умчался в Эксетер.

В последующие десять дней он неоднократно наведывался к нам без всяких предупреждений.

В первый вечер он пригласил меня на концерт в Эксетер — еще когда мы танцевали с ним на балу, я упомянула, что люблю музыку, — а после концерта предложил отправиться в отель «Редклифф» выпить чаю. Я сказала, что охотно пошла бы. Возникла явная неловкость, так как мама ясно дала понять, что ее дочь не принимает приглашения в Эксетер без сопровождения взрослых. Такой

поворот несколько обескуражил Арчи, но он тут же на-шелся и пригласил ее тоже. Смягчившись, мама сказа-ла, что она не против посещения концерта, но никак не может разрешить мне пить с ним чай в отеле. (Должна сказать, что с нынешней точки зрения такие ограничения выглядят несколько странно. Но это было: с молодым че-ловеком дозволялось играть в гольф, кататься верхом, ка-таться на коньках, но вот пить чай в отеле в обществе юноши считалось *risqué*¹, хорошие матери не позволяли этого своим дочерям.) В конце концов было принято ком-промиссное решение: мы можем выпить чай в буфете эк-сетерского вокзала — не самое романтическое место. По-том я спросила Арчи, не хотел бы он сходить на концерт из произведений Вагнера, который должен был состо-яться в Торки через несколько дней? Арчи с готовностью согласился.

Он рассказал мне все о себе, о своем горячем желании поступить в как раз тогда формировавшиеся Королевские воздушные силы. Я была потрясена. Впрочем, авиация потрясала всех. Но Арчи смотрел на это вполне прогма-тически. Он сказал, что авиация — это оружие будущего: если разразится война, то исход ее будут решать самолеты. Так что дело было не в том, что он хотел летать, — он рассматривал авиацию как шанс сделать карьеру. Арчи не видел будущего у сухопутных войск. В артиллерии путь к успеху был слишком долгим. Он сделал все возмож-ное, чтобы лишить в моих глазах авиацию всяческого ро-мантического ореола, но у него ничего не получилось. Тем не менее, пожалуй впервые, мой романтизм столк-нулся с трезвым практическим взглядом на мир. В 1912 году это слово — «романтизм» — еще имело под собой почву. Люди называли себя «бесчувственными», но и представления не имели о том, что это означает в дей-ствительности. Девушки были полны романтизма в от-ношениях с молодыми людьми, а молодые люди имели самые идеалистические представления о юных особах. Од-нако и мы уже проделали большой путь по сравнению со взглядами Бабушки.

— Знаешь, я в восторге от Эмброуза, — сказала мне Бабушка об одном из ухажеров Мэдж. — На днях я виде-ла, как Мэдж вышла прогуляться, а Эмброуз вскочил и

¹ Неприличным (*фр.*).

побежал за ней вслед, — он набрал целую пригоршню камней, по которым ступали ее ноги, и положил их к себе в карман. Это очень трогательно, очень. Так поступали молодые люди во времена моей молодости.

Бедная дорогая Бабушка. Мы вынуждены были разочаровать ее. Эмброуз увлекался геологией, и гравий представлял для него вполне профессиональный интерес.

Мы с Арчи имели совершенно противоположные взгляды буквально на все. Думаю, именно это с самого начала привлекало нас друг к другу. Вечная притягательность «незнакомца». Я пригласила его на новогоднюю вечеринку. В ту ночь он был каким-то странным: едва разговаривал со мной. Нас было пятеро или шестеро, и после каждого танца он провожал меня на место, мы садились, и он не произносил ни слова. Если я заговаривала с ним, он отвечал рассеянно, почти меня не слушал. Я решительно несколько раз вопросительно посмотрела на него, не могла понять, что с ним происходит. Складывалось впечатление, что он потерял ко мне всякий интерес.

Как же я была глупа! Теперь-то я точно знаю, что, когда мужчина смотрит на вас как больной барашек, с отсутствующим видом, не слышит ни одного вашего слова, полностью погружен в себя, ничего не соображает, это означает, вульгарно выражаясь, что он попался на крючок.

А что чувствовала я? Понимала ли, что со мной происходит? Помню, как отложила только что полученное письмо от Реджи.

«Потом прочитаю», — сказала я себе и быстро засунула письмо в один из ящиков комода. Только несколько месяцев спустя нашла его там. Подозреваю, что в глубине души я уже о чем-то догадывалась.

Вагнеровский концерт состоялся спустя два дня после новогоднего бала. После концерта мы вернулись в Эшфилд. Когда, как обычно, мы пошли в классную комнату, чтобы поиграть на рояле, Арчи с несчастным видом сказал, что через два дня уезжает в Солсбери¹, чтобы приступить к летным тренировкам. И вдруг свирепым голосом добавил:

¹ Солсбери — город в графстве Уилтшир на юге Великобритании.

— Вы должны выйти за меня замуж. Вы должны.

Он сказал, что в первый же вечер нашего знакомства понял, что я стану его женой.

— Я чуть с ума не сошел, пока разыскивал ваш адрес. Это было безумно трудно. Для меня никто никогда не будет существовать, кроме вас. Вы должны стать моей женой.

Я ответила, что это совершенно невозможно, потому что я уже помолвлена с другим человеком. Он яростным жестом отменил всякие возражения.

— При чем здесь это? Надо разорвать эту помолвку, и все.

— Но я не могу поступить так. Это невозможно!

— Абсолютно возможно. Я еще ни с кем не был помолвлен, но если был бы, тут же, не задумываясь, разорвал бы помолвку.

— Но я не могу так поступить с ним.

— Ерунда. Вы должны так поступить. А если вы так его любите, отчего же не вышли за него раньше чем он уехал за границу?

— Мы подумали... — я смущенно умолкла, но потом продолжила, — что лучше подождать.

— А я бы не стал ждать и не собираюсь.

— Чтобы пожениться, нам нужно очень долго ждать — не один год, — сказала я. — Вы пока всего лишь младший офицер. И в воздушном флоте та же система званий.

— Я не могу ждать долго. Мы поженемся в будущем месяце.

— Вы сумасшедший. Вы даже не понимаете, что говорите.

Он и вправду не понимал.

В конце концов Арчи был вынужден спуститься на землю. Для мамы случившееся стало страшным ударом. Я думаю, она уже начала слегка беспокоиться (хоть и не более, чем беспокоиться) и утешала себя известием, что Арчи собирается отбыть в Солсбери, но, поставленная перед fait accompli¹, испытала настоящее потрясение.

Я сказала ей тогда:

— Прости, мама, но я должна сказать тебе: Арчи Кристи предложил мне выйти за него замуж, я согласилась и страшно хочу этого.

¹ Свершившимся фактом (*фр.*).

И посыпались неумолимые доводы здравого смысла. Арчи слушал неохотно, но мама проявила твердость.

— На что вы собираетесь жить? — спросила она. — Ни у одного из вас нет средств.

Наше финансовое положение и впрямь было плачевно. Арчи, младший офицер, всего лишь на год старше меня. У него нет никакого состояния, только жалование и маленькая сумма, которую может себе позволить посылать ему мать. У меня — унаследованные от дедушки ежегодные сто ливров. Должны пройти долгие годы, прежде чем Арчи сможет жениться.

Перед уходом Арчи с горечью сказал мне:

— Ваша мама вернула меня на землю. Я думал, что все это не имеет никакого значения, мы поженимся, и все устроится. Она доказала мне, что это невозможно, во всяком случае, сейчас. Мы должны ждать, но ни одного дня дольше, чем это необходимо. Я буду делать все, абсолютно все, что смогу. Мне поможет моя новая профессия... единственное — им не нравится, ни в армии, ни во флоте, когда женятся слишком рано.

Мы смотрели друг на друга, молодые, совершенно несчастные и влюбленные. Наша помолвка длилась полтора года — бурная пора, полная взлетов и падений, с периодами отчаяния, — нами владело ощущение, что мы все время тянемся к чему-то недостижимому.

Я ничего не писала Реджи целый месяц — главным образом потому, что сама не могла поверить в реальность случившегося со мной, мне все казалось: в один прекрасный день я проснусь, наваждение пройдет, и все вернется на круги своя.

В конце концов мне пришлось написать. Я чувствовала себя очень виноватой и несчастной, не находила себе никаких оправданий. Но когда я получила от Реджи ответ, полный доброты, понимания и сочувствия, с которыми он воспринял новость, я почувствовала себя просто преступницей. Он просил меня не расстраиваться — я ни в чем не виновата; бесполезно искать виновных и пытаться спасти положение; такие вещи случаются.

Конечно, Агата, — писал он, — я не могу себя простить, что Вы станете женой парня, который еще меньше, чем я, способен поддержать Вас в жизни. Если бы Вы выходили за-

муж за хорошо обеспеченного человека, который стал бы для Вас хорошей парой, я чувствовал бы себя спокойнее, потому что Вы заслуживаете именно этого. Как я теперь жалею, что не послушался Вас. Если бы мы тогда поженились, я увез бы Вас с собой.

Хотелось ли мне, чтобы случилось то, о чем писал Реджи? Думаю, что — тогда — нет, и в то же время я всегда испытывала сожаление, меня не покидало тайное желание возвратиться назад и ощутить под ногами твердую почву, а не нырять в пучину. Между нами с Реджи всегда царили такой мир, такое согласие, я была счастлива с ним, мы понимали друг друга с полуслова; мы любили одно и то же, мы желали одного и того же.

Теперь все было наоборот. Я полюбила «незнакомца», я никогда не могла предугадать его реакции на мои слова, все, что говорил он, пленяло меня своей полной неожиданностью. Он чувствовал то же самое. Однажды Арчи сказал мне:

— Я чувствую, что так и не пойму вас до конца. Я вас не знаю. Не знаю, какая вы на самом деле.

Время от времени волны отчаяния захлестывали нас, и один писал другому, что мы должны расстаться. Другого выхода нет — приходили мы к обоюдному согласию, помолвку надо расторгнуть. Потом проходила неделя, и оказывалось, что ни он, ни я не в состоянии вынести разрыва, и мы возвращались к нашим прежним отношениям.

Все, что могло усугубить наше положение, незамедлило произойти. Нужда и так уже нависла над нами, когда новые финансовые удары обрушились на мою семью. «Эйч Би Чафлин Компани» в Нью-Йорке, партнером которой состоял дедушка, неожиданно была ликвидирована. Это тоже была компания с неограниченной ответственностью. Я поняла, что дело принимает совсем дурной оборот. В любом случае это означало, что выплаты, поступавшие маме оттуда — единственный ее доход, — теперь полностью прекратятся. К счастью, Бабушка оказалась в несколько иной ситуации. Ее деньги тоже были вложены в акции компании «Эйч Би Чафлин», но мистер Бейли, представлявший ее интересы в фирме, побеспокоился о них. Он чувствовал ответственность за вдову Натаниэла Миллера. Когда Бабушка пуждалась в деньгах,

она писала об этом мистеру Бейли, и, думаю, он послал ей деньги наличными — так старомодно и попросту это делалось в те времена. Бабушка очень забеспокоилась и опечалилась, когда в один прекрасный день мистер Бейли предложил ей другой вариант помещения ее средств.

— Вы хотите, чтобы я забрала свои деньги от Чафлина?

Он уклонился от прямого ответа: надо следить за своими капиталовложениями, сказал он, и ей, рожденной в Англии, англичанке, но вдове американца, будет очень трудно заниматься всеми этими делами. Он высказал еще какие-то соображения, которые, конечно, ничего не объясняли, но Бабушка приняла их. Подобно всем женщинам того времени, она полностью полагалась на советы доверенного лица. Мистер Бейли просил ее довериться ему и позволить вложить ее деньги в другое дело, благодаря чему она будет получать не меньший доход, чем раньше. Скрепя сердце Бабушка согласилась; и, когда наступил крах, ее деньги оказались спасены. К тому времени мистера Бейли уже не было в живых, но он выполнил свой долг по отношению к вдове своего компаньона и друга, не выдав опасений по поводу платежеспособности компании. Более молодые члены фирмы пустились во все тяжкие, и поначалу не без успеха, но они разтранжирили слишком много денег, открыли слишком много филиалов по всей стране и вложили слишком много средств в рекламу. По той или иной причине они потерпели фиаско.

Все это напомнило мне детство, разговор папы с мамой о наших денежных затруднениях, свой подобающий случаю важный вид, с которым я спустилась к прислуге сообщить о нашем разорении. «Разорение» представлялось мне в те времена чем-то волнующим и значительным. Сейчас это понятие не производило на меня такого романтического впечатления; для нас с Арчи оно обозначало полную катастрофу. Мои жалкие сто фунтов в год конечно же были нужны, чтобы помогать маме. Естественно, Мэдж тоже поддерживала ее. Продажа Эшфилда — вот единственный выход.

Потом вдруг оказалось, что наше положение не так безнадежно, как мы опасались. Мистер Джон Чафлин написал маме из Америки, выражая свои искренние сожаления. Она может рассчитывать на ежегодные триста фунтов, которые ей будет выплачивать не обанкротившаяся

фирма, а он сам, из собственного состояния. Эти деньги она будет получать до конца своих дней. Первая вспышка отчаяния несколько утихла. Но в случае смерти мамы эти выплаты прекратятся. Все, на что я могла рассчитывать в будущем, — это мои сто фунтов и Эшфилд. Я написала Арчи, что никогда не смогу выйти замуж за него и что мы должны забыть друг друга. Арчи отказывался даже слышать об этом. Он всеми правдами и неправдами постарается заработать деньги. Мы поженимся и сможем даже помочь маме. Он вернул мне веру и надежду. Наша помолвка сохраняла силу.

Мама видела все хуже и хуже и наконец отправилась к врачу. Врач сказал, что у нее катаракта на обоих глазах и операция по разным причинам невозможна. Процесс будет идти медленно, но приведет к полной слепоте. И снова я написала Арчи, разрывая нашу помолвку, объясняя, что теперь уже совершенно очевидна ее невозможность и что я никогда не брошу слепую мать. И снова он не принял моего отказа. По его словам, мне нужно было ждать и наблюдать за тем, как развивается мамина болезнь, но в любом случае еще не все потеряно, она еще не ослепла, и, может быть, операция все-таки можно будет сделать; он не видит никаких оснований разрывать наши отношения. Мы остались помолвленными. Но потом я получила от него письмо:

Не надо закрывать глаза на правду. Я никогда не смогу жениться на Вас. Я слишком беден. То небольшое, что у меня было, я пытался вложить в одно или два небольших дела, но меня постигла неудача. Я потерял все. Мы должны расстаться.

Я написала в ответ, что никогда его не оставляю. Он ответил, что я должна. И тогда мы оба пришли к решению расстаться.

Через четыре дня Арчи удалось получить отпуск, и он неожиданно примчался на своем мотоцикле из Солсбери-Плейн.

Мы с ума сошли! Как можно было разрывать нашу помолвку?! Надо сохранять веру и спокойствие — надо ждать, и все придет, даже если на это потребуются целых пять лет. Охваченные ураганом чувств, мы возобновили нашу помолвку, но с каждым месяцем перспектива пожениться все

отдалялась. Я чувствовала всем сердцем безнадежность наших упований, но не сознавалась в этом. Арчи, конечно, думал так же, но все еще настаивал, что мы не можем жить друг без друга, что мы должны ждать, пока судьба нам не улыбнется.

Я уже знала кое-что о семье Арчи. Его отец был судьей в Индии. Он страшно разбился, упав с лошади; после этого у него произошло кровоизлияние в мозг. Он скончался в лондонском госпитале.

После нескольких лет вдовства мать Арчи снова вышла замуж, за Уильяма Хемсли. Никто не относился к нам с Арчи более ласково и сочувственно, чем он. Мама Арчи, Пег, родом из Южной Ирландии, из городка вблизи Корка, росла в семье, где было двенадцать детей. Она жила впоследствии вместе со старшим братом, служившим в Индии в медицинских частях, — там и познакомилась со своим первым мужем, у них родились два сына, Арчи и Кемпбелл. Арчи блестяще учился в Клифтоне¹ и четвертым кончил Вулидж²: умный, способный, смелый. Оба сына служили в армии.

Арчи сообщил матери о нашей помолвке и расхвалил меня сверх всякой меры, как это обычно делают все сыновья, представляя матери избранницу сердца. Пег с сомнением воззрившись на него и сказала с сильным ирландским акцентом:

— Это что, одна из тех, кто носит теперь новомодные воротники на манер Питера Пена?³

Довольно неохотно Арчи вынужден был признать, что я действительно ношу воротнички, как у Питера Пена. Они как раз вошли в моду. Наконец-то мы, девушки, бедные создания, расстались со своими высокими воротниками, подпиравшими шею, застегнутыми на ряды маленьких пуговичек, зигзагообразно извивавшихся и оставлявших на

¹ Клифтон — мужская привилегированная частная средняя школа в городе Бристоле на западном побережье Великобритании, основанная в 1862 году.

² Имеется в виду Королевское военное училище, которое до 1946 года находилось в Вулидже, историческом районе в восточной части Лондона.

³ Имеется в виду плотно прилегающий к шее отложной воротник со скругленными концами, как у Питера Пена, мальчика, так никогда и не ставшего взрослым, персонажа одноименной пьесы английского писателя и журналиста Джеймса Барри (1860—1937)

коже красные отметины. Настала пора рискнуть ради удобства и элегантности. Воротники а-ля Питер Пен, должно быть, срисовали с отложного воротника, в котором Питер Пен действовал в пьесе Барри, — большого, свободного, из мягкой ткани, начинавшегося у основания шеи, без всяких косточек, — какое счастье! Решительно не вижу в этом ничего предосудительного. Когда я вспоминаю, что девушка могла прослыть легкомысленной, показав всего лишь два сантиметра шеи под подбородком, это кажется мне невероятным. Стоит только посмотреть на девушек в бикини, как сразу же понимаешь, как далеко можно продвинуться за пятьдесят лет.

Я действительно принадлежала к так называемым модницам, которые в 1912 году осмеливались носить воротники, как у Питера Пена.

— И он очень идет ей, — примирительно заключил Арчи.

— О да, конечно, — сказала Пег.

Несмотря на сомнения, которые вызвала у нее моя персона, Пег приняла меня с необыкновенным радушием, которое показалось мне даже чрезмерным. Я так ей понравилась, я такая очаровательная, я — именно та девушка, о которой она всегда мечтала для своего сына, и так далее, и так далее. Правда, он еще слишком молод, чтобы жениться. Она ничего против меня не имеет, — могло быть и гораздо хуже. Я могла оказаться дочерью табачного торговца (в те времена это расценивалось как настоящая катастрофа), или разведенной — они уже появлялись понемногу, — или танцовщицей кабаре. Но в любом случае ей было совершенно ясно, что наши намерения не имели под собой решительно никакой почвы. Так что она была со мной мила и добра, а я чувствовала себя до известной степени смущенной. Верный себе, Арчи не проявлял ни малейшего интереса ни к тому, что она думала обо мне, ни к моему мнению о ней. Он принадлежал к тем счастливым натурам, которые проходят по жизни, совершенно игнорируя отношение к себе и своим поступкам, все его помыслы всегда были сосредоточены исключительно на собственных желаниях.

Так мы и остались по-прежнему женихом и невестой, ничуть не приблизившись (скорее наоборот) к тому, чтобы стать мужем и женой. В Воздушных силах продвижение шло не быстрее, чем в любом другом роде войск. Арчи

сильно тревожился, так как заметил, что синусит¹ вызывает у него сильные боли во время полетов. Но продолжал летать. Его письма были переполнены техническими характеристиками бипланов, «фарманов», и «авро»: по его мнению, эти самолеты сулили летчику в общем-то верную смерть. Он предпочитал более устойчивые машины, которым, как он считал, принадлежало будущее. Я узнала имена членов его эскадрильи: Жубер де ла Ферте, Брук-Попхэм, Джон Салмон. Был еще ирландский кузен Арчи, который переколотил столько самолетов, что теперь в основном находился на земле.

Странно, что я так мало беспокоилась о безопасности Арчи. Летать конечно опасно, но тогда опасно и охотиться, я столько раз слышала, что люди ломают себе шеи во время охоты. Игра случая. В те времена не слишком настаивали на призыве: «Безопасность прежде всего» — это вызвало бы только насмешки. Напротив, людей привлекало и интересовало все новое, будь то локомотивы или новые модели самолетов. Арчи входил в число первых пилотов, под номером, мне кажется, 105 или 106. Меня растрогала гордость за него.

Кажется, ничто не разочаровало меня больше, чем использование летательных аппаратов в качестве обыкновенного транспорта. Мечтать о полете, чтобы уподобиться птице — испытать экстаз свободного парения в воздухе. Но сейчас, когда я думаю о полнейшей обыденности аэроплана, совершающего рейс из Лондона в Персию, из Лондона на Бермуды, из Лондона в Японию, я понимаю, что нет ничего прозаичнее. Коробка, набитая креслами с прямыми спинками, вид крыльев и фюзеляжа поверх плотных облаков наподобие хлопчатника. Земля выглядит плоской, как географическая карта. Боже, какое разочарование! Корабли по-прежнему романтичны. Но что может сравниться с поездами? В особенности до появления дурнопахнущих дизелей? Громадное пыхтающее чудовище, несущее вас через ущелья и равнины, мимо водопадов, снежных вершин, вдоль сельских дорог, по которым бредут крестьяне со своими повозками. Поезда — восхитительны; я обожаю их по-прежнему. Путешествовать на поезде означает видеть природу, людей, города и церкви, реки, — в сущности, это путешествие по жизни.

¹ Синусит — воспаление носовых пазух.

Я вовсе не хочу сказать, что меня не восхищает покорение человеком воздушного пространства, и тем более — космоса. Человеку дан уникальный дар, которым из всех живых существ обладает только он: жажда познания, неуко-ротимый дух, его храбрость — не только ради самозащиты, как у всех животных, но храбрость распорядиться своей жизнью в поисках неведомого. Я счастлива, что столько открытий произошло во время моей жизни. Я мечтала бы заглянуть в будущее, чтобы увидеть грядущие чудеса: уверена, они последуют один за другим очень скоро, разрастаясь как снежная лавина.

Чем же все это кончится? Новыми триумфами? Или, может быть, гибелью человека, побежденного его собственными честолюбивыми замыслами? Думаю, что нет. Человек выживет, хотя, не исключая, лишь кое-где. Может произойти страшная катастрофа, но все человечество не погибнет. Несколько диких племен, сохранивших первозданную простоту, знающих о прошлом понаслышке, медленно начнут строить цивилизацию сызнова.

Глава 9

Не помню, чтобы в 1913 году в воздухе витало предчувствие войны. Морские офицеры время от времени покачивали головой и бормотали «Der Tag»¹, но мы слышали это уже годами и не обращали на их брюзжание никакого внимания. Намеки на грядущую войну служили хорошей закваской для шпионских историй — и только. Ничего общего с реальностью. Ни одна нация не могла настолько обезуметь, чтобы вступить в военный конфликт, разве что на северо-западной границе или еще где-нибудь в очень отдаленной точке на карте.

В то же время, в 1913 и в начале 1914 года, повсюду расплодилось обучение медицинских сестер и «скорой помощи». Все девушки поголовно занимались на этих курсах, учились бинтовать руки, ноги и даже голову, что было значительно труднее. Мы сдали экзамены и получили маленькие карточки, удостоверяющие наши достижения. Женский энтузиазм на этом поприще достиг таких

¹ День (нем) — имеется в виду день начала войны.

пределов, что, если с каким-нибудь мужчиной происходил несчастный случай, его охватывал панический страх оказаться в руках заботливых дам.

— Не приближайтесь ко мне! Не нужно «скорой помощи»! — раздавались мольбы. — Не трогайте меня, девушки, не трогайте!

Среди экзаменаторов был один на редкость отталкивающего вида старый джентльмен. С дьявольской усмешкой он расставлял для нас ловушки.

— Вот ваш пациент, — говорил он, указывая на бойскаута¹, распростертого на земле. — Перелом руки, трещина в лодыжке, быстро займитесь им.

В страстном порыве помочь бедолаге мы с подружкой склонились над юношей, чтобы наложить бинты. В искусстве перевязок, сначала вдоль поднятой ноги, а потом красивыми восьмерками поверх, мы преуспели, любо-дорого посмотреть, как выучились. Однако нас тут же поставили на место, речь шла вовсе не о красоте (нам не пришлось продемонстрировать свою отличную сноровку): толстая повязка уже была наложена на рану.

— Срочное оказание помощи, — сказал пожилой джентльмен. — Наложите повязку поверх; и помните, ни в коем случае нельзя сдвинуть с места первую повязку.

Мы наложили бинты как было сказано: это было гораздо труднее, и восьмерки не получались такими совершенными по форме.

— Нельзя ли поскорее, — сказал экзаменатор, — попробуйте восьмерками — вы должны в конце концов прийти к этому способу. Самое главное — уметь накладывать бинты в любых обстоятельствах, — в книге этого не вычитаете. А теперь — в госпиталь, кровать прямо за дверью.

Мы подняли нашего пациента, укрепив лубки, и осторожно понесли его к кровати.

И застыли в полном оцепенении. Ни одной из нас и в голову не пришло, что нужно расстелить постель, прежде чем класть на нее пострадавшего.

— Ха-ха-ха! Вы не обо всем подумали, не правда ли, юные леди? Ха-ха-ха, всегда проверьте, готова ли постель, прежде чем нести больного.

¹ Бойскаут — член добровольной ассоциации, объединяющей подростков от восьми до двадцати лет и проповедующей здоровый образ жизни, христианские ценности, патриотизм. Была основана в 1908 году.

Должна сказать, что старый джентльмен, несмотря на все унижения, которым мы подверглись, научил нас большому, чем вмещали шесть лекций.

Кроме учебников, у нас была еще и практика. Два раза в неделю разрешалось посещать местную больницу. Мы, конечно, робели, потому что сестры, всегда в состоянии полной запарки, загруженные работой сверх всяких возможностей, относились к нам с некоторым презрением. Мое первое задание заключалось в том, чтобы снять с пальца больного повязку, отмочив ее прежде в теплой ванночке с борной кислотой. Это было легко. Потом предстояло промывание уха, но это мне тут же запретили. Сестра спешила и не разрешила мне трогать шприц.

— Спринцевание уха требует очень серьезных навыков, — сказала она. — Неопытных людей даже подпускать нельзя к этой процедуре. Запомните хорошенько. Никогда не думайте, что вы в состоянии оказать помощь без прочных навыков. Вы можете принести большой вред.

После этого меня попросили снять повязку у малышки, которая опрокинула себе на ногу чайник с кипятком. Тут-то мне захотелось навсегда забыть о своих курсах.

Насколько я знала, нужно было с крайней осторожностью отмочить наложенные бинты в теплой воде и затем потихоньку снимать их; каждый раз, когда я дотрагивалась до повязки, ребенок чувствовал невыносимую боль. Бедная малышка, ей было всего три года. Она все время стонала: это было страшно. В отчаянии я испугалась, что не выдержу. Единственным, что спасло меня, был сардонический взгляд сестры, устремленный на меня. «Эти молодые зазнайки, юные глупышки, — говорили ее глаза, — думают, что могут вот так, запросто прийти и делать все что положено, а на самом деле не умеют даже самого элементарного». «Нет, я сделаю все как надо», — приказала я себе. В конце концов, нужно было лишь хорошенько отмочить повязку. И я не только должна была добиться этого, но должна была сама ощущать ту же боль, что и ребенок. Я продолжала свое дело, по-прежнему чуть ли не в обмороке, сжав зубы, но добиваясь результата и действуя так нежно и осторожно, как только могла. Повязка почти уже отлипла, когда сестра вдруг сказала мне:

— Неплохо получилось. Сначала немного сердце ёкает, не правда ли? Со мной так тоже было.

Другая часть образования состояла в том, чтобы проработать день с патронажной сестрой. Тоже два раза в неделю. Мы обходили домишки с наглухо закрытыми окнами, из которых несло мылом и еще чем-то ужасным, — заставить обитателей открыть окно было практически невозможно. Работа оказалась довольно однообразной. Все жалобы, как правило, сводились к одному и тому же — «больным ногам». Честно говоря, я была несколько озадачена. Районная сестра объяснила мне:

— Чаще всего это следствие заражения крови, иногда в результате венерических заболеваний, — конечно может быть и гангрена, но в основном дело в плохой крови.

Так называли свою болезнь сами люди — некий народный диагноз, и я поняла это многие годы спустя, когда моя служанка сказала мне:

— Моя мама опять заболела.

— О, а что с ней?

— Ноги, как обычно, у нее всегда были большие ноги.

Однажды во время обхода мы обнаружили, что одна из наших больных умерла. Вместе с сестрой мы обрядили покойницу. Опять новый опыт. Не такой душераздирающий, как с обварившимся ребенком, но вполне, скажем, необычный, если не сталкивался со смертью раньше.

Когда в Сербии убили эрцгерцога, событие это показалось всем таким далеким, совершенно не касавшимся нас. В конце концов, на Балканах люди постоянно убивали друг друга. То, что на этот раз убийство эрцгерцога может хоть в какой-то степени коснуться Англии, казалось совершенно невероятным — не только я, все кругом думали точно так же. И вдруг после этого убийства штормовые тучи начали застилать горизонт. Поползли немыслимые слухи, было произнесено слово — ВОЙНА! Конечно же очередная газетная стряпня. Ни один цивилизованный народ не мог вступить в войну. Уже давным-давно не было никаких войн, не может быть — с войнами покончено навсегда.

Нет, чистая правда, абсолютно никто, кроме нескольких старых министров и самых секретных служб, близких к Министерству иностранных дел, не мог представить себе, что может разразиться война. Пустые слухи. Всего лишь провокационные речи политиков — угроза-де вполне серьезна.

Но этот день пришел: страшное случилось. Англия вступила в войну.

Часть пятая

ВОЙНА

Глава 1

Мне трудно объяснить разницу в наших чувствах тогда и теперь. Теперь мы можем ужаснуться, поразиться, но не остолбенеть от изумления, потому что уже знаем, что войны разражаются: что это уже бывало и может снова случиться в любой момент. Но к 1914 году люди отвыкли от войн — когда велась последняя война? За пятьдесят лет до того? Больше? Существовали, конечно, Великая англо-бурская война и стычки на северо-западной границе, но в них не были вовлечены другие страны — скорее эти столкновения походили на военные учения, борьбу за сохранение власти в отдаленных районах. На этот раз все было по-другому: мы воевали против Германии.

Я получила телеграмму от Арчи:

ПРИЕЗЖАЙТЕ В СОЛСБЕРИ ЕСЛИ МОЖЕТЕ НАДЕЮСЬ УВИДЕТЬ ВАС.

— Мы должны ехать, — сказала я маме. — Мы должны.

Без лишних слов мы отправились на вокзал, с небольшой суммой наличных денег — банки закрылись, объявили мораторий, и в городе негде было достать денег Мы сели в поезд, но всякий раз, когда приходили контролеры, они отказывались принять у нас пятифунтовые банкноты, — мама всегда имела при себе три или четыре, — никто не брал их. Контролеры по всей Южной Англии бесчисленное количество раз записали наши имена и фамилии. Поезда опаздывали, и мы вынуждены были все время делать пересадки, но все-таки в тот же вечер добрались до Солсбери и остановились в отеле «Каунти». Через полчаса пришел Арчи. Мы пробыли вместе совсем недолго: он даже не мог остаться поужинать с нами. В его распоряжении было полчаса. Потом он попрощался и ушел.

Как и все летчики, он был совершенно убежден, что его убьют и мы больше никогда не увидимся. Спокойный и беззаботный, как обычно, он вместе со всеми первыми пилотами воздушного флота считал, что война прикончит

их, и очень скоро, — во всяком случае, первую волну Германская авиация славилась своим могуществом.

Я разбиралась во всем этом гораздо меньше, но тоже считала, что мы прощаемся навсегда, хотя всячески старалась его подбодрить и внушить ему уверенность в своих силах. Помню, как в ту ночь я легла в постель и плакала, плакала без конца, не в силах остановиться, покуда совершенно обессиленная не заснула вдруг мертвым сном. Я проспала до середины следующего дня.

Мы отправились в обратное путешествие, снова снабжая контролеров нашим адресом, именами и фамилиями. Через три дня из Франции пришла первая открытка. Стандартный текст был напечатан на машинке, и отправителю разрешалось лишь вычеркивать либо оставлять те или иные фразы. Например: «Чувствую себя хорошо». Или: «Лежу в госпитале». Несмотря на это, я сочла послание добрым предзнаменованием.

Потом я поспешила в свое отделение Красного Креста, чтобы посмотреть, что там делается. Мы заготовили огромное количество повязок, наполнив скатанными бинтами госпитальные корзинки. Кое-что впоследствии пригодилось, кое-что оказалось совершенно бесполезным, но эта деятельность помогала нам коротать время, и довольно скоро — зловеще скоро — стали прибывать первые раненые. Приняли решение немедленно по прибытии подкреплять раненых. Должна сказать, что это одна из самых идиотских идей, посетивших командование. Солдаты приезжали из Саутгемптона¹ накормленные до отвала, их кормили всю дорогу, и, когда они наконец добирались до Торки, самое главное было снять их с поезда и как можно скорее доставить в госпиталь.

Под госпиталь заняли мэрию, и развернулась ожесточенная борьба за честь там работать. Для начала выбор остановили на дамах средних лет, которые, как полагали, обладали солидным опытом ухода за больными мужчинами. Девушек не сочли подходящими для этого. Потом речь пошла об уборщицах — кто-то должен был драить полы, орудовать щетками, швабрами и так далее, и, наконец, кухонный персонал — из тех, кто не хотел ухаживать за

¹ Саутгемптон — город и порт на юге Великобритании в графстве Гемпшир.

больными. Зато уборщицы оказались в резерве на случай нужды в сестрах.

В госпитале было восемь штатных сестер, все остальные работали добровольно. Добровольцами руководила миссис Эктон, довольно пожилая властная дама. Она, надо отдать ей справедливость, навела жесткую дисциплину, все было организовано идеально. Госпиталь мог принять больше двухсот пациентов, каждая среди нас обладала всеми необходимыми навыками для того, чтобы исполнить свои обязанности. Случались и комичные эпизоды. Миссис Спрэгг, жена генерала Спрэгга, весьма авторитетная особа, почтившая своим присутствием прием раненых, сделала несколько шагов вперед и символически пала на колени перед первым прибывшим, который шел на своих ногах, проводила его до кровати, усадила и начала церемонно снимать с него ботинки. Должна сказать, что объект ее забот оцепенел от удивления, в особенности потому, что, как выяснилось, он страдал от эпилепсии, а вовсе не от ран. Почему столь важная леди среди бела дня решила снимать с него ботинки, оказалось выше его понимания.

Я работала уборщицей. На пятый день меня позвали помогать сестре. Большинство дам средних лет не имели настоящего представления о том, что означает уход за ранеными и, преисполнившись самыми добрыми намерениями, как-то не подумали, что им придется иметь дело с такими вещами, как судна, утки, последствия рвоты и запахов гниющих ран. Думаю, они представляли себе свою деятельность так: поправлять подушку и ласково нашептывать слова утешения нашим храбрым солдатам. Такие идеалистки с готовностью уступили свои обязанности — им никогда и в голову не приходило, признались они, что придется заниматься чем-то подобным. Так и получилось, что девушки сменили их и заняли свои места у постелей раненых.

Не сразу все пошло гладко. Несчастные медсестры не знали, куда деваться от нашествия добросовестных, но абсолютно беспомощных энтузиасток, оказавшихся под их началом. Среди помощниц не нашлось даже хотя бы хорошо подготовленных учениц.

Мне с одной девушкой достался ряд из двенадцати коек, руководила нами энергичная старшая сестра — сестра Бонд, первоклассная, но не имевшая никакого терпения в обращении со своим несчастным необученным персоналом. Мы

ведь были не тупыми, а невежественными. Нас основательно обучили всему, что необходимо для службы в госпитале, мы действительно умели ловко бинтовать и овладели общей теорией ухода за больными. По существу же пригодились лишь немногочисленные советы, полученные во время работы с патронажной сестрой.

Мы не разбирались в тайнах стерилизации — в особенности потому, что сестра Бонд не утруждала себя ни малейшими объяснениями.

Наша обязанность состояла в приготовлении повязок, которые можно было бы сразу накладывать на раны. На этом этапе мы не понимали даже, что овальные сосуды в форме почек предназначались для грязных бинтов, а круглые — для хирургически чистых. Мы не знали, что хирургически чистые бинты выглядят тоже грязными, хотя и прошли стерилизацию, — все это здорово сбивало нас с толку. Дела пошли более или менее сносно через неделю, когда мы наконец поняли, что от нас требуется, и научились делать это. К тому времени сестра Бонд отказалась работать с нами и ушла, объяснив, что у нее не выдерживают нервы.

Ее место заняла сестра Андерсон. Сестра Бонд была великолепным профессионалом, первоклассной хирургической сестрой. Сестра Андерсон тоже была, безусловно, специалистом высшего класса, опытной хирургической сестрой, но помимо этого обладала здравым смыслом и необходимым терпением. На ее взгляд, наши беды проистекали от неподготовленности. Мы поступили в ее распоряжение вчетвером, и она принялась за нас всерьез. В обычае сестры Андерсон было спустя день-два после работы сравнивать своих подопечных и делить их на две категории: кого стоило обучать и кто «годился лишь на то, чтобы определить, кипит ли вода».

В дальнем конце госпиталя находились четыре громадных электрических титана, откуда брали горячую воду для припарок. Практически при лечении всех ран в то время использовали отжатые припарки, и поэтому тест на определение, кипит ли вода, приобретал жизненно важное значение. Если несчастная, которую посылали «проверить, закипела ли вода», сообщала, что да, закипела, а на самом деле это было не так, сестра Андерсон с презрением спрашивала:

— Сестра, вам не под силу даже определить, закипела ли вода?

— Но я слышала, как вода шипит.

— Это — еще не настоящий пар. Неужели вы не понимаете? Сначала вода булькает, потом успокаивается, и только тогда идет настоящий пар.

Перечислив все стадии закипания воды, сестра Андерсон удалялась, ворча:

— Если еще раз пришлют таких тупиц, просто не знаю, что я буду делать!

Мне повезло, что я работала под руководством сестры Андерсон. Она была строга, но справедлива. В другой палате работала сестра Стабс, маленькая, веселая и очень ласковая, — она, обращаясь к девушкам, называла их «дорогая», создавая иллюзию спокойствия и мира, но, если что-то не ладилось, немедленно приходила в ярость и накидывалась на провинившихся как бешеная. Работать с ней было все равно что играть с капризной кошкой, которая то мурлычет, то царапается.

Работа сестры сразу мне пришлась по душе. Я легко научилась всему и пришла к выводу, что это одна из тех профессий, которые приносят наибольшее удовлетворение. Думаю, что если бы я не вышла замуж, то после войны поступила бы на курсы сестер и стала бы работать в больнице.

Приобщение к медицине в корне изменило наши представления о некоторых вещах. Доктора, конечно, всегда пользовались уважением. Когда кто-то заболел, посылали за доктором и более или менее выполняли его указания, кроме моей мамы, естественно, — она-то всегда знала все лучше всех докторов. Доктор обыкновенно был другом семьи. Никогда не могла даже вообразить, что отныне я должна падать перед доктором ниц, как перед богом!

— Сестра, полотенца для доктора!

Я очень скоро привыкла вскакивать как ужаленная и смиренно стоять с полотенцем в руках рядом с доктором в ожидании, пока он закончит мыть руки, вытрет их и не потрудится вернуть мне полотенце, а небрежно бросит его на пол. Даже те врачи, которые, по общему мнению, не так уж много стоили, становились объектом благоговения.

Заговорить с доктором, обнаружить свое знакомство с ним считалось признаком крайней самонадеянности. Даже если он был вашим близким другом, этого никак не полагалось демонстрировать. Я автоматически подчинилась это-

му строжайшему придворному этикету, но один или два раза все же оскорбила Его Королевское Величество. Однажды доктор, раздраженный, как это свойственно всем госпитальным докторам, и не потому, что он действительно раздражен, а потому, что именно этого ждут от него сестры, нетерпеливо воскликнул:

— Нет-нет, сестра, совсем другой пинцет. Дайте мне... — сейчас не помню, как это называлось, но у меня на подносе оно было, и я простодушно предложила его доктору.

В течение последующих двадцати четырех часов мне пришлось выслушать немало упреков.

— Ну в самом деле, сестра, как вы могли передать пинцет доктору с а м и?

— Простите, сестра, — бормотала я смиренно. — А что же я должна была сделать?

— Помилуйте, я думаю, вам пора было бы уже знать это. Если доктор просит вас о чем-то, вы, конечно, должны передать это м н е, а я — доктору.

Я уверила ее, что больше не нарушу правил.

Между тем исход борьбы претенденток на место сестры ускорялся тем, что многие раненые прибывали к нам прямо из траншей с повязками, срочно наложенными на головы, в которых было полно вшей. Большинство дам из Торки никогда не видели вшей — и я в том числе, — и шок, вызванный этими гнусными паразитами, был слишком силен для их нежных душ. Молодые более смело реагировали на эту ситуацию. Нередко, сдавая дежурство, мы весело бросали друг другу:

— Я обработала все свои головы, — и при этом показывалась специальная густая гребенка.

Среди первых пациентов нам пришлось наблюдать и случаи столбняка. Первая смерть. Удар для нас всех. Но прошли три недели, и мне уже казалось, что всю жизнь я только и делала, что ухаживала за солдатами. А через месяц научилась проявлять бдительность:

— Джонсон, что вы написали на вашей карточке?

Карточки с показателями температуры помещались в изголовьи кровати, прикрепленные к ее спинке.

— На карточке? — переспросил меня Джонсон с видом оскорбленной невинности. — Ничего. А что?

— Кажется, кто-то предписал вам особую диету. Не думаю, чтобы это была сестра или главный врач. Вряд ли они прописали бы вам портвейн.

Другой раненый отчаянно стонал:

— Я страшно болен, сестра. Это точно. У меня температура.

Я взгляделась в его вполне здоровое, хотя и малинового цвета лицо, а потом посмотрела на протянутый мне градусник, который показывал температуру между 41° и 42°.

— Батарей, конечно, очень удобная штука, — сказала я. — Но будьте осторожны, если вы расположите градусник слишком близко, ртуть может вытечь вовсе.

— Ох, сестра, вы совсем не любите меня. Вы, молоденькие, такие жестокие, у вас нет сердца. Не то что те, постарше. Они всегда волнуются от такой температуры и бегут предупредить старшую сестру.

— Надо иметь совесть!

— Нельзя пошутить, что ли?

Иногда их надо было везти на рентген или физиотерапию в другой конец города. Приходилось сопровождать иной раз человек шесть. По дороге один из них мог остановиться и сказать: «Мне нужно купить шнурки для ботинок». Но стоило взглянуть на другую сторону улицы, где он якобы заметил шнурки, как там оказывалась вывеска: «Георгий и Дракон»¹. Однако мне всегда удавалось справиться с шестью своими подопечными и в целости и невредимости доставить их обратно, причем я не оставалась в дураках, а они не выходили из себя. Они были замечательными. Все.

Для одного шотландца я писала письма. С трудом верилось, что он не умел ни читать, ни писать, будучи едва ли не самым умным в госпитале. Тем не менее я послушно писала письма его отцу. Для начала он садился в кровати и ждал, пока я приготовлюсь.

— Сейчас будем писать письмо моему отцу, сестра, — говорил он.

— Так. «Дорогой папа», — начинала я. — Что дальше?

— Ох, напишите ему что-нибудь приятное.

— Хорошо, но все-таки скажите мне поточнее.

— Я уверен, вы сами знаете.

Но я настаивала, чтобы он хотя бы намекнул на содержание своего письма. Тогда возникали некоторые подробности о госпитале, в котором он лежал, о питании и все в таком духе. Потом он останавливался.

¹ Имеется в виду распространенная вывеска английских трактиров, на которой изображен святой Георгий, убивающий дракона.

- Вот и всё, думаю.
- «С любовью от преданного сына»? — предполагала я. Он глазел на меня, пораженный.
- Нет, ну что вы, сестра. Навернос, вы можете придумать что-нибудь получше.
- А чем плохо так?
- Вы могли бы сказать «от уважающего вас сына». Мы никогда не говорим такие слова, как «любовь» или там «преданный», во всяком случае, мой отец.

Я исправила.

В первый раз, когда мне пришлось сопровождать раненого на операционный стол, я чуть было не опозорилась. Вдруг стены операционной закружились, и только крепкое объятие другой сестры спасло меня от полной катастрофы. Никогда не думала, что при виде крови и открытой раны я до такой степени ослабею. Я едва осмеливалась поднять глаза на сестру Андерсон, когда она подошла ко мне позже.

— Не стоит так переживать, сестра, — сказала она. — В первый раз со всеми так случается. И, кроме всего прочего, вы не были готовы к такой жаре и запаху эфира; от него может даже тошнить, к тому же это полостная операция живота — одна из самых тяжелых на вид.

— О, сестра, как вы думаете, в следующий раз я справлюсь?

— Нужно будет попробовать еще раз, посмотреть, выдержите ли вы. Но даже если нет, надо продолжать до тех пор, пока не сможете. Верно?

— Да, — сказала я. — Верно.

В следующий раз меня послали на легкую операцию, и я выдержала. С тех пор у меня не было никаких проблем, если не считать, что я отводила взгляд от скальпеля, которым хирург полосовал тело. После того как он делал разрез, я уже могла спокойно, и даже с интересом, наблюдать за происходящим. Верно, что ко всему можно привыкнуть.

Глава 2

— Думаю, это неправильно, Агата, — сказала однажды мамина старая подруга, — что вы ходите работать в госпиталь по воскресеньям. В воскресенье нужно отдыхать. У вас должны быть выходные.

— Как вы это себе представляете? Кто промочит раны, выкупает больных, заправит кровати и сменит повязки, если по воскресеньям некому будет работать? — спросила я. — Могут ли они обойтись без всего этого двадцать четыре часа, как вы думаете?

— О дорогая, я об этом не задумывалась. Но надо как-то договориться о замене.

За три дня до Рождества Арчи неожиданно получил увольнительную. Мы с мамой поехали в Лондон повидать его. У меня в голове засела мысль, что мы должны пожениться. Очень многие поступали так в то время.

— Не понимаю, — сказала я, — почему мы должны проявлять осмотрительность и думать о будущем, когда люди погибают каждый день?

Мама согласилась.

— Ты права, — сказала она. — Я думаю, теперь невозможно думать о таких вещах, строить планы.

Мы не говорили об этом, но, конечно, Арчи мог погибнуть в любой момент. Жертв было уже много. Люди с трудом верили всему происходящему, но это стало частью жизни. Среди моих друзей многих призвали в армию. Каждый день мы узнавали из газет о гибели солдат, часто наших знакомых.

Мы не виделись с Арчи всего три месяца, но они протекли как бы в ином измерении времени. За этот короткий период я прожила совсем другую, новую жизнь: пережила смерть друзей, страх перед неизвестностью, перевернулись сами жизненные основы. Арчи тоже приобрел новый жизненный опыт, но в другой области. Он близко столкнулся со смертью, поражением, отступлением, страхом. Мы прошли длинные и разные дороги. Мы встретились как чужие.

Нам надо было снова узнавать друг друга. Расхождения обнаружили с первого же момента. Его почти показная беззаботность, легкомыслие — чуть ли не веселость — огорчили меня. Я была слишком молода, чтобы понять, что для него это был лучший способ существовать в его новой жизни. Я же, напротив, стала более серьезной, мои чувства стали глубже, легкомысленное девичество осталось позади. Мы изо всех сил старались снова обрести друг друга и с ужасом убеждались, что у нас ничего не выходит.

В одном Арчи проявил полную твердость — и абсолютно открыто объявил об этом сразу же — ни о какой женитьбе не может быть и речи.

— Нельзя придумать ничего глупее, — сказал он. — Все мои друзья тоже так считают. Как можно жениться очертя голову и оставить после себя молодую вдову, а может быть, и с ребенком!

Я не согласилась с ним. Я страстно отстаивала свое мнение. Но одной из характерных черт Арчи была полная и постоянная уверенность в своей правоте. Он всегда был убежден, что поступает и будет поступать правильно. Я не хочу сказать, что он никогда не изменял своего мнения, — это случилось с ним, он мог передумать и делал это иногда совершенно внезапно. На глазах изумленных зрителей он мог ни с того ни с сего назвать белое черным и черное белым. Я смирилась, и мы условились насладиться несколькими драгоценными днями, которые нам выпало провести вместе.

План состоял в том, чтобы после двух дней в Лондоне мы вместе поехали на Рождество к его отчиму и маме в Кливтон.

Разумное и добропорядочное решение. Но перед отъездом в Кливтон мы страшно поссорились, хотя и по смехотворному поводу.

В день нашего отъезда Арчи пришел утром в отель с подарком. Это был великолепный дорожный несессер¹, оснащенный всеми возможными предметами туалета, — его не постеснялась бы захватить с собой, отправляясь на Лазурный берег, любая миллионерша. Если бы он подарил мне кольцо или браслет, пусть даже очень дорогие, я бы не сердилась и с удовольствием и гордостью приняла бы их, но при виде несессера почувствовала, как все во мне закипело. Я сочла этот подарок абсурдно экстравагантным — к тому же я никогда не буду им пользоваться! Смешно возвращаться в госпиталь с этой вещицей, пригодной исключительно для пребывания на роскошном курорте за границей! Я сказала, что не нужен мне его дурацкий несессер. Арчи рассердился; я надулась. Я заставила его забрать злополучный подарок обратно. Через час он вернулся, мы помирились и никак не могли понять, что на нас нашло. Можно ли так распускаться? Арчи заметил, что причиной всему — глупый подарок. Я ответила, что вела себя неблагодарно. В результате этой ссоры и последовавшего примирения мы стали чуть ближе друг другу.

¹ Несессер — складной сундучок с принадлежностями женского туалета, шитья и т. п.

Мама уехала обратно в Девон, а мы с Арчи отправились в Клинтон. Моя будущая свекровь продолжала вести себя со своей очаровательно-преувеличенной ирландской экзальтированностью. Кэмпбелл, ее второй сын, сказал мне:

— Мама — очень опасная женщина.

Я тогда не обратила внимания на его слова, но теперь прекрасно понимаю, что он имел в виду. Самые горячие чувства, которые она проявляла, могли в мгновение ока смениться противоположными. То она обожала свою будущую невестку, то по неизвестной причине решала, что никого хуже меня на свете быть не может.

Путешествие оказалось очень утомительным: на вокзалах по-прежнему царил полный хаос, поезда опаздывали. В конце концов мы добрались до дома, и нас встретили с распростертыми объятиями. Я отправилась спать, измученная путешествием и всеми дневными переживаниями, испытывая, как обычно, мучительную стеснительность и не зная точно, как вести себя со своими будущими родственниками. Прошло полчаса или час. Я уже легла, но еще не заснула, когда в дверь постучали. Я встала, открыла. Это был Арчи. Он вошел, захлопнул за собой дверь и отрывисто сказал:

— Я изменил мнение. Нам нужно пожениться. Сейчас же. Мы поженимся завтра.

— Но ты сказал...

— О, к дьяволу все, что я сказал. Ты была права, а я нет. Ясно, что мы должны поступить именно так. У нас остается два дня до моего отъезда.

Я села на постель, чувствуя, что у меня слабеют ноги.

— Но ты... ты был так уверен.

— Какое это имеет значение? Я передумал.

— Да, но...

Мне хотелось высказать так много, что я вообще не могла найти ни одного слова. Всю жизнь я страдала от того, что именно в те моменты, когда надо было высказаться с наибольшей ясностью, язык у меня прилипал к гортани.

— Но все это страшно трудно, — слабо возразила я.

Я всегда отлично видела все, чего не замечал Арчи: тысячу препятствий, которые неизбежно встанут на нашем пути. Арчи обращал внимание только на цель. Сначала ему показалось безумием жениться в разгар войны; днем позже с точно такой же твердостью он решил, что единственно правильное, что мы можем сделать, — это немед-

ленно пожениться. Материальные затруднения, боль, которую мы причиним нашим близким, не имели для него ровно никакого значения. Мы ссорились так же, как двадцать четыре часа назад, теперь же я уговаривала его отложить бракосочетание. Нет нужды говорить, что снова победил он.

— Но я не верю, что мы сумеем так срочно пожениться, — усомнилась я. — Это ведь трудно.

— Очень даже сумеем, — весело возразил Арчи. — Мы получим специальное разрешение или что-нибудь в этом роде от архиепископа Кентерберийского¹.

— Это не будет слишком дорого?

— Да, наверное. Но, думаю, все как-нибудь устроится. В любом случае, все решено, и у нас больше нет времени для споров. Завтра сочельник². В общем, договорились?

Я вяло согласилась. Он ушел, а я не могла заснуть. Что скажет мама? Что скажет Мэдж? Что скажет мама Арчи? Почему Арчи не согласился, чтобы мы поженились в Лондоне, где все было бы гораздо проще. Ну что ж, раз так, пусть будет так. В полном изнеможении я наконец заснула.

Неприятности начались на следующее же утро. Пег была категорически против. Разразившись рыданиями, она удалилась к себе в спальню.

— Чтобы так поступил со мной мой собственный сын, — всхлипывала она.

— Арчи, — сказала я, — давай лучше не будем. Твоя мама страшно расстроена.

— Какое мне дело, расстроена она или нет? — заявил Арчи. — Мы помолвлены уже два года, и ей пора привыкнуть к этой мысли.

— Но, похоже, что сейчас она страшно недовольна.

— Вот так вот обрушить на меня сразу все, — стонала Пег, лежа в темной спальне с надушенным платком на лбу.

Мы с Арчи переглянулись, как провинившиеся собаки. На помощь пришел отчим Арчи. Он увел нас из комнаты Пег и сказал:

¹ Архиепископ Кентерберийский — высшее духовное лицо в государственной Англиканской церкви Великобритании, главой которой является король.

² Сочельник — канун церковных праздников Рождества и Крещения.

— По-моему, вы поступаете совершенно правильно. Не беспокойтесь за Пег. Она всегда ведет себя так, когда пугается. Она очень любит вас, Агата, и будет в восторге, когда все уладится. Но не ждите от нее восторга сегодня. Сейчас уезжайте и действуйте. Вам не следует терять время. Запомните хорошенько, что я вас одобряю от всей души.

Через два часа, забыв о своем страхе и отчаянии, я уже готова была бороться со всеми препятствиями. Чем более непреодолимыми становились преграды, тем решительнее мы с Арчи боролись за свое счастье.

Сначала Арчи посоветовался с директором своей приходской школы. По его словам, специальное разрешение можно было получить за двадцать пять фунтов. У нас с Арчи не было двадцати пяти фунтов — не важно, мы могли одолжить их. Проблема состояла в том, что разрешение выдавали только на руки. На Рождество, конечно, все было закрыто, так что пожениться в тот же день не получалось. Тогда мы пошли в городскую регистратуру. Там тоже нас ждал отказ. Заявление надо было подавать за четырнадцать дней до брачной церемонии. Время бежало. Вдруг из-за своего стола поднялся какой-то очень любезный клерк, которого мы сначала не заметили, подошел к нам и обратился к Арчи:

— Вы ведь живете здесь, не так ли? Я имею в виду, что ваша мать и отчим постоянно живут здесь?

— Да.

— В таком случае вы не нуждаетесь в том, чтобы подавать заявление заранее. Вы можете купить обычное разрешение и пожениться в вашей приходской церкви сегодня же.

Разрешение стоило восемь фунтов. Восемь фунтов мы наскребли. После чего началась бешеная гонка.

Мы бросились искать викария, в церкви его не оказалось. Он обнаружился в доме одного из наших друзей и, явно ошарашенный, безропотно согласился обвенчать нас. Мы ринулись обратно домой, к Пег, чтобы что-нибудь перекусить.

— Не смейте со мной разговаривать, — зарыдала она, — не смейте со мной разговаривать! — И захлопнула у нас перед носом дверь своей спальни.

Время поджимало все больше и больше. Мы снова побежали в церковь Святого Эммануэля. Выяснилось, что

нам необходим еще один свидетель. Я уже была готова затащить в церковь любого прохожего, но мне повезло: я вдруг наткнулась на девушку, с которой познакомилась в Клифтоне два назад. Ивонн Буш, тоже до того была ошарашена, что тут же решила экспромтом исполнить роль невестинной подружки и нашего свидетеля. Мы ринулись обратно. В это время церковный органист что-то репетировал и вызвался исполнить для нас свадебный марш.

Прямо перед началом церемонии я с грустью подумала, что еще ни одна невеста не была столь мало озабочена своим подвенечным нарядом. Ни белого платья, ни фаты. На мне была обыкновенная юбка и блузка, на голове — красная бархатная шляпка, я вспомнила, что не успела даже сполоснуть руки и умыться. Это нас страшно развеселило.

После вялой и деловитой церемонии, нам осталось преодолеть последнее препятствие. Так как Пег по-прежнему находилась в невменяемом состоянии, мы решили ехать в Торки, остановиться там в «Гранд-отеле» и провести Рождество с моей мамой. Но сначала надо было, конечно, позвонить ей и рассказать о том, что произошло. Соединиться с Торки оказалось невероятно трудно, а разговор получился не очень приятный. Дома оказалась Мэдж, которая отреагировала на мое сообщение весьма раздраженно.

— Так огорошить маму! Разве ты не знаешь, что у нее слабое сердце! Ты совершенно бесчувственная!

Мы втиснулись в переполненный поезд и к полуночи добрались до Торки, в отеле нам удалось добиться комнаты с телефоном. Меня по-прежнему не покидало чувство вины. Мы причинили всем столько беспокойства и огорчений. Все, кого мы любили, были недовольны. Я предавалась этим печальным размышлениям — в отличие от Арчи. Не думаю, чтобы он хоть на мгновение задумался об этом, а уж тем более расстроился. Жалко, конечно, что все так огорчились, но что же поделаешь? В любом случае, мы поступили правильно, он не сомневался в этом. Его волновало совсем другое. Выходя из поезда, он с заговорщической миной показал мне еще один предмет багажа.

— Я надеюсь, — нервно улынувшись, сказал он нобобрачной, — что ты не рассердишься.

— Арчи! Это ведь тот несессер!

— Ну да, я не вернул его тогда в магазин. Ты ведь не рассердишься, правда?

— Нет конечно, — рассмеялась я, — я даже очень рада.

Так и получилось, что во время путешествия — можно сказать, свадебного — у меня был настоящий дорожный несессер. У Арчи вырвался вздох облегчения. Он в самом деле боялся, что я рассержусь.

Если день нашей свадьбы ознаменовался чередой сражений и ссор, то Рождество принесло благословенный покой. Все уже успели оправиться от шока. Мэдж встретила нас восторженно, забыв, как осуждала меня; мама преодолела свои сердечные недомогания и была счастлива вместе с нами. Надеюсь, что Пег тоже пришла в себя (Арчи заверил меня в этом). Так что мы сполна насладились веселым рождественским праздником.

На следующий день я поехала с Арчи в Лондон — он уезжал обратно во Францию. Нам предстояли шесть месяцев разлуки.

До госпиталя уже докатилась весть об изменении моего семейного положения.

— Сестр-р-ра! — Скотти что есть силы раскатывал «р» и стучал по задней спинке кровати тростью. — Сестр-р-ра, подойдите сюда сейчас же!

Я подошла.

— Что я слышал? Вы вышли замуж?

— Да, — ответила я, — вышла.

— Вы слышали что-нибудь подобное? — обратился Скотти к обитателям всех остальных кроватей. — Сестра Миллер вышла замуж. Как же теперь ваша фамилия, сестра?

— Кристи.

— А что ж — отличная шотландская фамилия. Кристи. Сестра Кристи... Слышали, сестра Андерсон? Теперь это сестра Кристи.

— Я слышала, — сказала сестра Андерсон. — Желаю вам счастья, — довольно формально поздравила она меня. — В отделении только и говорят об этом.

— Вам здорово повезло, сестра, — сказал другой раненый. — Вышли замуж за офицера, насколько я понимаю?

Я ответила, что действительно меня удостоили этой высокой чести.

— Да, вам здорово повезло. Но не то чтобы я очень уж удивился — вы такая хорошенькая.

Приходили месяцы. Война зашла в тупик. Раненые поступали к нам главным образом из траншей. Зима выдалась страшно холодная, у меня на руках и ногах выступили цыпки. Бесперывная стирка не позволяла избавиться от них. Я чувствовала все большую ответственность, и мне все больше нравилась моя работа. Более привычными становились заведенные порядки во взаимоотношениях сестер и врачей. Я знала, кто из хирургов достоин уважения, знала, кто из них в глубине души презирает весь больничный персонал. Мне не приходилось больше вычесывать вшей, снимать впопыхах наложенные повязки — полевые госпитали перевели во Францию. И, несмотря на это, наш госпиталь был по-прежнему переполнен. Выздоровел и выписался наш маленький шотландец, поступивший с переломом ноги. Во время своего путешествия домой он снова упал на вокзальном перроне, но жажда возвращения в родные места, в Шотландию, оказалась столь велика, что он не сказал никому ни слова о том, что снова сломал ногу. Он терпел невыносимую боль, но все-таки добрался до пункта своего назначения, где ему пришлось снова лечить перелом.

В дымке воспоминаний вдруг с полной отчетливостью всплывают и оживают отдельные эпизоды. Например, как юная стажерка, ассистировавшая в операционной, осталась убраться там и я должна была помочь ей отнести в печь ампутированную ногу. Вы представляете? Потом мы отмывали от крови операционный стол. Думаю, она была слишком юной и неопытной, чтобы в одиночестве выполнять такие задания.

Помню сержанта с очень важным и серьезным лицом, я помогала ему сочинять любовные письма. Он не умел ни читать, ни писать и весьма приблизительно сообщил мне, что ему хотелось бы поведать.

— Здорово у вас получилось, сестра, — одобрил он то, что я сочинила. — Вы не можете написать три таких?

— Три? — переспросила я.

— Ага, — сказал он. — Одно Нелли, другое Джесси, а третье Маргарет.

— Вам не кажется, что лучше бы написать их немножко по-разному?

Он подумал немного.

— Нет. Все главное я написал.

Каждое письмо поэтому начиналась одинаково: «Надеюсь, письмо застанет Вас в добром здравии, в каком и я

пресытаю, только посвежее и порозовее». И кончалось: «Твой до гробовой доски».

— А вы не боитесь, что они узнают одна от другой? — спросила я с некоторым любопытством.

— Не-а, не боюсь, — ответил он. — Они ведь живут в разных городах.

Я спросила его, не собирается ли он жениться на одной из них.

— И да и нет. Нелли, она хорошенькая, приятно посмотреть. Но Джесси более серьезная, и она уважает меня, думает, что я большой человек.

— А Маргарет?

— Маргарет? Маргарет... она меня так смешит, очень уж она веселая. В общем, посмотрим.

Потом я часто задавала себе вопрос, женился ли он на какой-нибудь из этих трех девушек или нашел четвертую, которая соединяла в себе красоту, серьезность и веселость.

Дома все более или менее шло по-прежнему. На смену Джейн пришла Люси, всегда говорившая о предшественнице с большим уважением и называвшая ее не иначе как миссис Роу:

— Надеюсь, я смогу заменить миссис Роу. Работать после нее так ответственно.

Самой большой мечтой Люси было после окончания войны поступить в кухарки к нам с Арчи.

Но однажды она подошла к маме и, явно нервничая, сказала:

— Мэм, я надеюсь, вы не рассердитесь, но я действительно должна оставить вас и поступить в Женские вспомогательные части. Вы ведь не осудите меня?

— Что ж, Люси, — ответила мама, — я думаю, вы совершенно правы. Вы молодая, сильная девушка: как раз то, что нужно.

Люси ушла, обливаясь слезами и надеясь, что мы сможем обойтись без нее, но в ужасе от того, что подумала бы об этом миссис Роу.

Вскоре уволилась и старшая горничная, прекрасная Эмма. Она выходила замуж. На их место пришли две служанки в летах, у которых тяготы военного времени вызвали непонимание и глубокое возмущение.

— Извините меня, мэм, — дрожащим от негодования голосом сказала старшая из них, Мэри, спустя несколько

дней, — нас не устраивает питание. Два раза на этой неделе мы ели рыбу и потроха. А я привыкла каждый день съедать полноценный кусок мяса.

Мама попыталась втолковать ей, что введены ограничения, потому и приходится трижды в неделю обходиться дешевой рыбой и потрохами. Мэри только качала головой.

— Это несправедливо. Никто не имеет права так обращаться с нами, это несправедливо.

Она добавила заодно, что в жизни никогда не пробовала маргарина. Тогда мама прибегла к известному в военные времена трюку, завернув маргарин в бумагу из-под масла, а масло в обертку из-под маргарина.

— Вот, попробуйте, уверена, что вы сумеете отличить масло от маргарина, — сказала она, пригласив старушек на кухню.

Те презрительно переглянулись, потом сняли пробу. У них не возникло ни малейших колебаний:

— Ясное дело, это масло, а это маргарин, мэм, чего тут сомневаться.

— Вы в самом деле думаете, что разница столь велика?

— Еще бы! Я не выношу вкуса маргарина — мы обе его не выносим. Меня просто тошнит от него. — И они с отвращением протянули масло обратно маме.

— А другое вам нравится?

— Да, мэм, прекрасное масло. Это уж само собой.

— Что ж, — сказала мама, — я должна сказать вам, что то было масло, а это — маргарин.

Сначала они не верили. Потом, убедившись в своей ошибке, страшно обиделись.

Бабушка жила теперь с нами. Она очень волновалась, когда я по ночам возвращалась одна из госпиталя.

— Дорогая, это так опасно — ходить одной по ночам. Может случиться что угодно. Ты должна договориться как-то по-другому.

— Договориться по-другому совершенно невозможно, Бабушка. Да и кроме всего прочего ничего со мной не случится. Я уже несколько месяцев возвращаюсь в это время.

— Это никуда не годится. Кто-нибудь может привязаться.

Я разуверила ее по мере возможности. Работая с двух часов дня до десяти вечера, я обычно не могла уйти из госпиталя раньше половины одиннадцатого. Обратная до-

рога занимала примерно сорок пять минут, и, надо признаться, я шла одна по совершенно безлюдным улицам. Тем не менее со мной ни разу ничего не случилось.

Однажды мне повстречался изрядно подвыпивший сержант, желавший только одного — продемонстрировать свою галантность.

— Вы делаете великое дело, — сказал он, слегка покачиваясь. — Я имею в виду в госпитале. Я присмотрю за вами, провожу вас домой, а то еще кто-нибудь обидит.

Я сказала, что очень благодарна ему за внимание, но необходимости в этом нет. Все же он дошел со мной до дома и в самой уважительной манере распрощался у входа.

Не помню точно, когда Бабушка-Тетушка поселилась с нами. Кажется, вскоре после начала войны. Она совершенно ослепла, оба глаза оказались поражены катарактой, и, разумеется, она была уже слишком стара, чтобы оперироваться. Хочу отдать должное ее благоразумию: хотя покинуть свой дом в Илинге и потерять разом всех друзей было для нее настоящим горем, она хорошо понимала, что ей грозит в конечном итоге одиночество, а слуги вряд ли захотят остаться с ней.

И великое переселение свершилось. В Илинг на помощь маме поспешила Мэдж, из Девона приехала я, и для всех нашлось дело. Наверное, в тот момент я плохо представляла себе, что переживает бедная Бабушка, но до сих пор передо мной встает ясная картина: как она, немощная и почти слепая, сидит в окружении своего скарба, всего, что было так ценно для нее, наблюдая, как трое вандалов выхватывают из сундуков все подряд, копаются в вещах, перетряхивают их, выворачивают наизнанку и решают, что с ними делать. Иногда она печально и умоляюще вскрикивала:

— О, вы же не собираетесь выбрасывать это платье от мадам Понсеро, мой прекрасный бархат.

Ей было трудно объяснить, что бархат съела моль, а шелк расплозся. Перед нами громоздились сундуки, набитые одеждой, траченной молью, и оттого совершенно бесполезной. Чтобы не слишком огорчать Бабушку, мы оставили многое из того, что, конечно, следовало бы выкинуть. Сундук за сундуком, полные бумаг, игольников, отрезов из набивной ткани для слуг, тюки шелка и бархата, купленные на распродаже, какие-то лоскуты... Сколько вещей, которые могли бы пригодиться когда-то, если

бы ими воспользовались вовремя! Бедная Бабушка сидела в своем широком кресле и плакала.

После одежды настала очередь «кладовой». Засахарившиеся джемы, твердый, как камень, чернослив, завалывшиеся пачки масла и сахара, изгрызенного мышами, — все, что она покупала, хранила и берегла на будущее, теперь обратившееся в грандиозный памятник потерям! Думаю, именно это причиняло ей самую острую боль — потерю. Были здесь и ее ликеры домашнего приготовления — они, по крайней мере, благодаря алкоголю, не испортились. Тридцать шесть оплетенных бутылей шерри-бренди, вишневого джина, сливовицы тоже были погружены в фургон для перевозки мебели. По прибытии насчитали только тридцать одну.

— Вы только подумайте, — сказала Бабушка, — и эти мужчины еще говорят, что они не выпивают!

Может быть, грузчики решили отомстить: Бабушка не проявляла особой любезности во время погрузки. Когда они захотели вынуть зеркала из рам красного дерева, Бабушка страшно разгневалась:

— Вынуть зеркала?! Это еще почему? Все с? Вы — трое крепких мужчин, разве не так? Прежние грузчики тащили их вверх по загроможденной вещами лестнице. И ничего не вынимали. Ну и времена! Немногого стоят теперешние мужчины.

Грузчики тем не менее не желали тащить зеркала.

— Ничтожества, — сказала Бабушка, сдаваясь. — Полные ничтожества. Слабаки.

Стояли набитые едой лари — Бабушка боялась умереть с голоду. Единственное, что доставляло ей удовольствие по прибытии в Эшфилд, — это отыскивать укромные уголки для своих припасов. Две дюжины консервных коробок с сардинами ровнехонько выстроились на чиппендейловском секретере. Там они и стояли, напроць всеми забытые, так что, когда мама, уже после войны, продавала некоторые из предметов мебели, человек, пришедший забрать секретер, с виноватым смешком сказал:

— По-моему, тут наверху сардины.

— О, в самом деле, — смутилась мама. — Да, возможно. — Она не стала пускаться в объяснения. Человек ни о чем не спрашивал. Сардины убрали.

— Наверное, — сказала мама, — надо посмотреть, что там на других шкафах.

Сардины и пакеты с мукой еще долгие годы попадались нам в самых неожиданных местах. Но окорока мы успели съесть — они не испортились. Снова и снова мы натыкались на горшки с медом, сливовицу и консервы, хоть их и было не так уж много. Вообще-то Бабушка относилась к консервам с опаской, считая их причиной многих отравлений. Она признавала только закупоренные лично ею бутылки и банки.

Кстати говоря, в дни моей юности никто не признавал консервов. Когда девушки отправлялись на бал, их всегда предупреждали:

— Будьте очень осторожны, ни в коем случае не ешьте омаров. Никогда не знаешь — может быть, они консервированные!

Это слово произносилось со страхом. Если бы нашим бабушкам сказали, что вскоре люди начнут питаться главным образом мороженой пищей и морожеными овощами из коробок, они были бы в полном ужасе.

Несмотря на горячую привязанность и искреннее желание помочь, как же мало я сочувствовала Бабушкиным страданиям. Насколько же человек сосредоточен на себе, даже не будучи по существу эгоистом.

Теперь я понимаю, как невероятно тяжело было моей бедной Бабушке-Тетушке, которой перевалило за восемьдесят, тогда вырвать себя с корнем из дома, в котором она прожила тридцать или сорок лет, поселившись там вскоре после смерти мужа. И может быть, даже не столько оторваться от дома — что само по себе уже достаточно тяжело, хотя ее личная мебель переехала вместе с ней: огромная кровать под балдахин, два любимых кресла, в которых она любила сживать, — горше всего было оставить друзей. Многие из них умерли. Но некоторые были еще живы, часто навещались соседи, было с кем поболтать о старых добрых временах или обсудить свежие газетные новости — все эти ужасы детоубийства, грабежи, тайные пороки и прочие ужасы, о которых любят потолковать в старости. Правду сказать, мы читали Бабушке газеты каждый день, но по-настоящему нас не интересовали ни страшная судьба няни, ни ребенок, брошенный в своей коляске, ни нанесенное девушке в поезде оскорбление. События, происходившие в мире, политика, благотворительность, образование, новости дня

нисколько не волновали Бабушку; и не потому, что ее ум начал сдавать, скорее она сосредоточилась на своих бедах, нуждалась в чем-то, нарушающем обыденность: в драматических происшествиях, которые случались, конечно, на солидном расстоянии от нее, но в то же время не так уж и далеко. В жизни бедной Бабушки не осталось ничего волнующего, кроме несчастий, о которых она вычитывала из ежедневных газет. И теперь ей уже не с кем было обсудить чудовищное поведение полковника Н. по отношению к своей жене, или причины таинственного заболевания, которым страдал кузен, — и никто из докторов до сих пор не помог ему! Теперь я понимаю, как одиноко ей было, как скучно. Жаль, что я не проявила больше понимания в те времена.

Бабушка-Тетушка завтракала в постели. Потом долго одевалась и часам к одиннадцати спускалась вниз, с надеждой высматривая, у кого найдется время почитать ей газеты. Так как она появлялась в разное время, это не всегда получалось. Она садилась в свое кресло и терпеливо ждала. Год или два она еще продолжала вязать, потому что для этого ей не требовалось полноценное зрение, но так как с каждым днем видела все хуже и хуже, вязала все более крупными петлями, однако и в крупной вязке ей случалось пропустить одну-две петли и не заметить этого. Иногда мы заставляли ее горько плачущей, потому что она пропустила столько петель, что теперь все надо было перевязывать заново. Обычно я помогала ей, нанизывая недостающие петли, чтобы она могла начать с того места, где остановилась, но, конечно, это нисколько не спасало ее от горького чувства своей ненужности.

Очень редко и с большим трудом удавалось уговорить ее прогуляться или хотя бы сделать несколько кругов вокруг террасы. Она была совершенно убеждена в том, что свежий воздух необычайно вреден для здоровья, и предпочитала весь день сидеть в гостиной за столом, как привыкла дома. Иногда она пила с нами чай, но потом уходила к себе. И все же время от времени, в особенности когда у нас собиралась на ужин молодая компания и мы шли веселиться в старую классную комнату, Бабушка вдруг могла появиться, медленно и с большим трудом преодолевая подъем по лестнице. В этих случаях она ложилась спать

позже, чем обычно; ей хотелось участвовать, слышать, что происходит, разделять наши радость и смех. Наверное, я предпочитала, чтобы она не приходила. Хотя Бабушка не совсем оглохла, приходилось столько раз повторять ей каждое слово, что это вносило некоторую неловкость в наше молодое веселье. Но я рада, по крайней мере, что мы никогда не отговаривали ее провести с нами вечер. Все, конечно, приносило Бабушке одну только печаль, но ведь это неизбежно. Наверное, как для многих старых людей, самое неприятное — это потеря независимости. Думаю, именно это чувство приводит к тому, что так много старых дам становятся необыкновенно подозрительными, им кругом мерещатся одни жулики, и они просто уверены, что их непременно обкрадут или отравят. Мне кажется, это вовсе не признак умственной слабости — скорее поиски какого-нибудь стимула: жизнь ведь, несомненно, приобретает большую остроту, если кто-то стремится отравить вас. Мало-помалу Бабушка отдавалась во власть этих фантазий. Она уверяла маму, что слуги подкладывают ей что-то в пищу.

— Они хотят отделаться от меня.

— Но, дорогая Тетушка, зачем же им избавляться от вас? Они вас очень любят.

— Ах нет, это только ты так думаешь, Клара. Подойди немножко поближе: они всегда подслушивают под дверь, я знаю. Вчера утром яичница была с металлическим привкусом. Я точно знаю, — упрямо кивала она головой. — Тебе ведь известно, что старую миссис Вайет отравили лакей и его жена.

— Да, дорогая, но только потому, что она завещала им много денег. Вы же не оставляете слугам никаких денег.

— И все-таки, — сказала Бабушка-Тетушка, — впредь пусть мне дают на завтрак вареные яйца, тут уж они не смогут ничего добавить. — И Бабушка начала есть исключительно вареные яйца.

Следующим чудовищным несчастьем, обрушившимся на нее, была пропажа всех ее драгоценностей. Она срочно вызвала меня.

— Агата, это ты? Подойди сюда и, пожалуйста, закрой дверь, дорогая.

Я подошла к кровати.

— Да, Бабушка, это я, что случилось? — Она сидела, обливаясь слезами, прижав к глазам платочек. — Пропа-

ли, пропали, — причитала она, — утащили все. Мои изумруды, два кольца, серьги — все утащили! О, что же теперь делать?..

— Подождите, Бабушка, я уверена, что все на месте. Где они лежали?

— Они лежали вон в том ящике, верхнем левом, завернутые в митенки. Я всегда держала их там.

— Так, давайте проверим. — Я подошла к ящику и посмотрела, что лежит внутри. Там действительно были две пары митенок, свернутых в шарики, но пустых. Тогда я решила заглянуть в нижний ящик комода. Там тоже лежала пара митенок, но внутри явно прощупывалось что-то твердое. Я положила их в изножии кровати и уверила Бабушку, что все на месте — серьги, изумрудная брошь и два кольца.

— Это был другой ящик, третий, а не второй, — пояснила я.

— Должно быть, они переложили их.

— Не думаю, чтобы им удалось проделать такое.

— Хорошо. Будь очень осторожна, Агата. Очень осторожно. Не оставляй сумку где попало. А теперь подойди на цыпочках к двери и проверь, не подслушивают ли нас.

Я послушалась и затем сообщила Бабушке, что за дверью никого нет.

«До чего же это ужасно — быть старой! — думала я. — Конечно это случится когда-то и со мной». Но представить реально свою старость я не могла. Каждый в глубине души убежден: «Я не постарею. Я не умру». И хотя все понимают, что все будет — и старость, и смерть, — но до конца не верят в это. Что ж, теперь я действительно старая. Я еще не начала подозревать, что у меня украли драгоценности или что меня собираются отравить, но — как знать — такое может произойти и со мной. Может быть, вспомнив Бабушку, я вовремя пойму, что становлюсь смешной, и не допущу этого.

Однажды Бабушке-Тетушке показалось, что где-то рядом с черной лестницей она услышала кошку. Даже если там действительно оказалась кошка, было бы гораздо проще и разумнее сказать об этом кому-нибудь из служанок, маме или мне. Но Бабушка решила провести расследование сама, в результате она поскользнулась, упала и сломала руку. Доктор отнесся к перелому весьма скептически. «Хотелось бы надеяться, — с сомнением произнес он, —

что кость срастетя. . но в ее возрасте . за восемьдесят »
Однако Бабушка блистательно опровергла его сомнения. Вскоре она уже двигала рукой, хотя и не могла поднять ее над головой. Что и говорить, это была стойкая старая леди. Истории, которые она постоянно рассказывала мне о своей необычайной хрупкости, о том, что в ряде случаев докторам еле-еле удалось спасти ее жизнь в период с пятнадцати до тридцати пяти лет, были наверняка чистейшим вымыслом. Дань викторианской моде на бледных немочных девиц.

Жизнь была совершенно заполнена уходом за Бабушкой и работой в госпитале.

Летом Арчи получил трехдневный отпуск, и мы встретились в Лондоне. Наше свидание не принесло особенной радости. Арчи нервничал, был на пределе и отлично понимал положение дел, сложившихся на фронте — прогнозы были совсем не утешительные. Развитие событий, хотя и не затрагивающих Англию впрямую, свидетельствовало о том, что война конечно же не закончится к Рождеству, а продлится еще года четыре. Английские власти предпочитали этого не понимать, и, когда вышел приказ лорда Дерби¹ о трехлетнем или четырехлетнем призыве на воинскую службу, его подняли на смех.

Арчи никогда не говорил о войне: ему хотелось только одного — забыть о ней. Мы наслаждались едой, насколько позволяла карточная система, которая гораздо более справедливая, чем во время Второй мировой войны. Где бы вы ни ели, дома или в ресторане, мясо можно было купить только по купонам, решение проблемы во время Второй мировой войны представляется мне менее этичным: если вы были в состоянии заплатить за трапезу, то могли есть мясо в ресторане хоть каждый день, потому что в ресторанах не требовалось никакого документа.

Три дня, проведенные вместе, были окрашены грустью. Мы иногда заговаривали о планах на будущее, но оба понимали, что лучше ничего не загадывать. Единственная приятная новость тех дней — полученное вскоре после отъезда известие, что Арчи больше не будет летать

¹ Дерби Эдвард (1865—1948) — английский государственный деятель, в 1915 году занимавший в правительстве вопросами призыва в армию и пополнения ее добровольцами (план Дерби)

из-за своего синусита — вместо этого ему поручили заведовать ангарами. Арчи всегда отличался организаторскими и административными способностями. Несколько раз его имя упоминали в официальных сообщениях и в конце концов наградили орденом Святого Георгия, равно как и орденом «За безупречную службу». Но больше всего он гордился тем, что среди первых удостоился чести быть упомянутым генералом Френчем¹. Это, говорил Арчи, действительно кое-чего стоит. Он получил и русский орден — Святого Станислава, такой красивый, что я с удовольствием надела бы его сама на какой-нибудь прием — вместо брошки.

В том же году я подхватила жесточайший грипп с осложнением на легкие и поэтому не могла ходить на работу чуть ли не месяц. Когда я вернулась в госпиталь, оказалось, что там открыли новое отделение — бесплатную аптеку, в которой мне предложили место. Я проработала там два года, аптека стала моим вторым домом. Новым отделением руководили миссис Эллис, жена доктора Эллиса, и его многолетняя ассистентка и моя подруга Айлин Моррис. Я должна была помогать им, но прежде нужно было сдать для этого вступительный экзамен по фармакологии. Все это показалось очень интересным, и часы работы подходили мне — аптека закрывалась в шесть часов, и я работала то в утреннюю, то в дневную смену, так что мне стало легче справляться со своими домашними обязанностями.

И все же новое мое поприще нравилось мне меньше, чем прежнее. Наверное, мне стоило остаться медицинской сестрой, по-моему, это было мое истинное призвание. Впрочем, поначалу новая работа даже увлекла меня, но уж больно она была однообразной... С другой стороны, так приятно было находиться среди друзей. Я очень привязалась к миссис Эллис. Она была само спокойствие и безмятежность. У нее был ласковый, просто убаюкивающий голос и необыкновенное чувство юмора, которое проявля-

¹ Френч Джон Дентон Пинкстон (1852—1925) — британский фельдмаршал, в Первую мировую войну командовавший английскими экспедиционными войсками во Франции

лось иногда в самые неожиданные моменты. Она была также великолепным педагогом, очень мягким и терпимым с учениками. А узнав, что ей не давались в школе примеры на деление, я окончательно преодолела свою вечную робость. У нас установились самые дружеские отношения.

Айлин взялась обучать меня фармацевтическому делу, но, по правде говоря, она переоценила мои познания в химии. Она начала не с практики, а с теории. Буквально обрушила на меня периодическую систему элементов и витиеватые формулы производных смол, чем привела в полное замешательство. Я, однако, выстояла, кое-что все-таки усвоилось и, за чашкой кофе овладевая тестом Марша на содержание мышьяка, быстро двигалась вперед.

Мы, разумеется, были дилетантами и потому проявляли большую осторожность. Само собой разумеется, дни выдавались разные. Когда пациенты валили валом, мы работали не покладая рук: упаковывали лекарства, раскладывая по баночкам и пузырькам, смешивали мази, готовили примочки.

Поработав в госпитале, начинаешь понимать, что медицина, как и все на свете, подвержена влиянию моды. Мода и личные пристрастия каждого врача решают все.

— Что будем приготавливать сегодня утром?

— О, разумеется, пять лекарств доктора Уиттика, четыре — доктора Джеймса и два — доктора Вайнера.

Мы, непосвященные в тайны врачевания, наивно верили, что доктор скрупулезно подбирает самое подходящее для больного средство соответствующего состава и, естественно, прописывает строго выверенную дозу. Но вскоре я с удивлением обнаружила, что тонизирующие препараты доктора Уиттика, доктора Джеймса и доктора Вайнера не имеют ничего общего между собой и состав их зависит не столько от заболевания пациента, сколько от методы доктора. Впрочем, по зрелом размышлении, я нашла в этом резон, хотя пациент вроде бы при таком подходе несколько «принижен». Аптекари и фармацевты довольно высокомерны в отношении докторов: у них тоже есть своя точка зрения. Они могут считать, что рецепт доктора Джеймса отличный, не то что доктора Уиттика, хотя, конечно, обязаны выполнять все предписания. Но любой фармацевт прикусит язык, когда речь идет о мазях

от кожных заболеваний, являющихся полной загадкой для медицины. Каламиновые примочки¹ оказались чудодейственными для миссис Д. Однако миссис С., пришедшей с теми же жалобами, они не только не помогли, но вызвали еще большее кожное раздражение; зато ихтиоловые препараты², увы, усугубившие экзему миссис Д., привели к неожиданному успеху в случае с миссис С. Вот доктору и приходится экспериментировать, пока он не найдет подходящее средство. В Лондоне пациенты с кожными заболеваниями тоже имеют свои пристрастия.

— Вы обращались в Мидлсекс³? Я попробовала втирать то, что они велели — никакого эффекта, а вот теперь, спасибо докторам университетского медицинского центра, я почти выздоровела.

— А по-моему, — перебивает собеседница, — врачи в Мидлсексе кое-что понимают. Моя сестра долго лечилась здесь, и никакого толку, а там она забыла о болезни через два дня.

Но эксперимент эксперименту рознь... С глубоким возмущением вспоминаю одного дерматолога, придерживающегося принципа «надо попробовать все». Например, он велел смазывать рыбьим жиром одного грудного ребенка. Мать и все домочадцы почти не могли дышать рядом с несчастным крошкой. Десять дней длилось это издевательство, а пользы — никакой. Этот же курс лечения сделал парией⁴ в собственном доме и меня, поскольку невозможно, имея дело с рыбьим жиром, не распространять вокруг себя это чудный запах.

Довелось мне помучиться и в 1916 году, когда в моду вошло лечить абсолютно все раны составом доктора Бипа. Эти повязки состояли из висмута и йодоформа на основе жидкого парафина. Запах йодоформа пропитал меня насквозь, он просачивался в каждую клеточку, в кончики пальцев, запястья, руки, локти, и не было никакой воз-

¹ Каламиновые примочки — цинковые примочки

² Ихтиоловые препараты — лекарственные наружные средства, обладающие противовоспалительным и болеутоляющим действием

³ Мидлсекс — больница в Лондоне, основанная в 1745 году

⁴ Пария (*тамил*) — представитель касты неприкасаемых в Южной Индии, в переносном смысле — отверженный, бесправный человек

возможности избавиться от него, сколько я ни отмывалась. Чтобы не травмировать этим запахом домашних, я уходила обедать в кладовую. К концу войны универсальное средство доктора Бипа вышло из моды, его сменил гораздо более невинный состав, действующий не менее эффективно; пользовались также хлоркой. Извлеченная из обычной извести, смешанная с содой и другими ингредиентами, она тоже обладала запахом, пропитывающим насквозь всю одежду. И по сей день, когда до меня доносится малейший запах современных моющих средств — поскольку все они имеют в основе хлорку, — я чувствую тошноту. Помню, накинулась однажды на упрямого слугу, продолжавшего пользоваться таким средством:

— Чем вы мыли раковину в кладовой? Там чудовищный запах!

Он гордо предъявил мне бутылку:

— Первоклассное дезинфицирующее средство.

— Здесь не госпиталь! — закричала я. — В следующий раз вы еще выстираете простыни с карболкой¹! Вымойте сейчас же раковину горячей водой с содой, если она у вас найдется, и выкиньте вон эту гадость!

Я прочитала ему целую лекцию о дезинфицирующих средствах: если они уничтожают бактерий, это обычно означает, что они вредны для человеческой кожи, полнейшая чистота без всякой дезинфекции — это в сто раз лучше.

— Микробы — твари живучие, — сказала я ему. — Слабые дезинфицирующие средства не берут сильных микробов. Они замечательно себя чувствуют даже в растворе карболки.

Моя речь не убедила его, и он продолжал пользоваться своей ужасной смесью всякий раз, когда был уверен, что меня нет дома.

Итак, чтобы подготовиться к экзамену, мне, как мы договорились, надо было немножко поучиться у настоящего фармацевта. Один из главных фармацевтов Торки оказался настолько любезным, что разрешил мне приходить к нему по воскресеньям.

Я явилась, смиренная и трепещущая, — я жаждала учиться. Впервые оказаться в аптеке по ту сторону прилав-

¹ Карболка — карболовая кислота, обеззараживающее средство, получаемое из каменноугольного дегтя и применяемое для дезинфекции.

ка — это своего рода открытие. Мы, дилетанты, с предельной тщательностью наполняли пузырьки лекарствами. Если доктор прописывал больному двадцать граммов углекислого висмута, тот получал ровно двадцать граммов. Конечно мы не смели отступить ни на йоту, но профессионал, отрубивший свои пять лет и получивший диплом, знает свое дело точно так же, как хороший повар — рецепты блюд. Повар на глазок бросает все, что нужно для их изготовления, совершенно доверяя себе и ничуть не заботясь о точном соблюдении пропорций. Конечно с ядами или наркотиками фармацевт тоже действует осторожно, но безобидные вещества идут в ход без особых тонкостей. То же самое относится к красителям или придающим более приятный вкус ингредиентам. Иногда пациенты даже жалуются, что в последний раз его лекарство было совсем другого цвета.

— Оно всегда было темно-розовым, а не бледно-розовым.

Или:

— У него совсем другой вкус: мне уже прописывали перечно-мятную микстуру — та была сладкая, а эта — какая-то гадость!

Ясно, что вместо перечно-мятной настойки в микстуру влили воду с хлороформом¹.

Большинство пациентов в нашем университетском госпитале, где я работала в 1918 году, были на редкость придирчивы к вкусу и цвету получаемых лекарств. Вспоминаю старую ирландку, которая просунула в окошко руку со смятой полукроной и попыталась всучить мне ее, бормоча:

— Сделайте его посильнее, дорогуша, ладно? Побольше перечно-мятной воды, вдвое крепче.

Я вернула ей деньги, с достоинством ответив, что такими вещами мы не занимаемся, и добавила, что мы сделаем ей лекарство точно по рецепту врача. Тем не менее я добавила перечной мяты, раз уж она так хотела, поскольку это не могло принести ей никакого вреда.

Каждый новичок, конечно, страшно боится ошибиться. Добавление ядов всегда проверяется другими фарма-

¹ Хлороформ — бесцветная прозрачная летучая жидкость с характерным сладковатым запахом, входящая в состав некоторых препаратов. Вдыхание паров хлороформа вызывает состояние наркоза.

цветами, но даже при этом возможны опасные ситуации. Был у меня один памятный случай. В тот день я готовила мази, и для одной из них налила немного фенола¹ в крышечку от баночки, потом с величайшей предосторожностью добавила ее пипеткой, считая капли, в мазь и смешала все вместе на специальной плиточке. Как только мазь была приготовлена, я положила ее в баночку, наклеила этикетку и начала готовить другую мазь. Посреди ночи я проснулась в холодном поту — я не помнила, что сделала с крышечкой, в которую налила фенол. Чем больше я думала, тем меньше могла вспомнить, что я с ней сделала: вымыла или нет. А не закрыла ли я этой крышечкой другую мазь? И чем больше я размышляла, тем больше мне казалось, что сделала именно так. Ясное дело, я поставила каждую баночку на свою полку, и наутро разносчик отнесет их по назначению. А в одной из них на крышке будет яд! И его получит кто-то из пациентов. Испугавшись до полусмерти, не в состоянии больше выносить этого ужаса, я встала, оделась и пошла в госпиталь. Я вошла в лабораторию, минуя вестибюль, по наружной лестнице, и стала тщательно исследовать все приготовленные мною мази. По сей день не знаю, показалось мне или нет, но в одной баночке мне почудился запах фенола. Я сняла верхний слой мази и успокоилась: теперь все в порядке. Потом закрыла баночку, пошла домой и снова легла в постель.

Вообще говоря, отнюдь не только новички делают ошибки в фармакопее². Они-то всегда очень аккуратны и все время советуется. Наиболее тяжелые отравления ядами происходят именно в тех случаях, когда лекарства изготавливают опытные специалисты, чересчур уверенные в себе. Они так хорошо знают свое дело, так овладели им, что в один прекрасный момент, погрузившись, скажем, в свои переживания, делают ошибку. В результате такой ошибки пострадал внук моего друга. Ребенок был болен, пришел доктор и выписал рецепт, который отнесли в аптеку фармацевту. Ребенку дали лекарство. После полудня бабушке не понравился вид внука; она сказала няне:

¹ Фенол — карболовая кислота.

² Фармакопеея — свод стандартов и положений, общепринятых и обязательных при изготовлении лекарственных средств.

— Может быть, что-то неладное с лекарством?

После второй дозы она забеспокоилась еще сильнее.

— Что-то здесь не так, — повторила она и послала за доктором; он бросил взгляд на ребенка, исследовал лекарство и предпринял экстренные меры. Дети очень тяжело переносят опий и его производные. Фармацевт ошибся: он довольно солидно переборщил с дозой. Как он горевал, несчастный! К тому времени он проработал в этой фирме четырнадцать лет и славился как самый осторожный и достойный доверия фармацевт. К сожалению, такое может случиться с каждым, независимо от опыта.

Во время подготовки к экзаменам я столкнулась с некоторыми проблемами. От абитуриентов требовалось знание двух систем измерения — английской и метрической. Мой наставник учил меня, как производить метрические измерения. Кроме него, ни английские аптекари, ни английские доктора понятия о них не имели. Один из наших госпитальных врачей так никогда и не уразумел, что обозначает 0,1, и мог спросить:

— А теперь скажите мне наконец, это однопроцентный или десятипроцентный раствор?

Большая опасность метрической системы состоит в том, что, неверно поняв значение цифры, вы случайно можете нанести десятикратный вред.

Однажды я получила задание приготовить свечи — средство, которым в больнице пользовались не так уж часто, но считалось, что для прохождения экзамена я должна знать метод их изготовления. Занятие довольно муторное, в особенности приготовление масла какао, составляющего основу в свечах. Трудность состоит в том, что, если масло слишком горячее, оно не застывает в нужный момент, а если слишком холодное, то, застывая, принимает неправильную форму. Мистер Р. лично продемонстрировал мне в деталях всю процедуру обращения с маслом какао, а потом отмерил этот компонент с точностью до миллиграмма. Он показал мне, как в соответствующий момент надо вылепить свечи, поместить их в коробочку и снабдить ее ярлыком, мол, то-то и то-то в дозировке ноль ноль один. Потом он ушел заниматься другими делами, но я чувствовала беспокойство, потому что была убеждена, что он сделал десятипроцентные свечи, то есть пропорция медулика к маслу какао в этом лекарстве составляет не одну сотую грамма, а одну десятую. Я пересчитала дозу еще

раз — да, он сделал вычисления неправильно. Но что же должен делать в таком случае новичок? Я только начинала, а он был опытнишим фармацевтом города. Я не могла сказать ему: «Мистер Р., вы ошиблись».

Мистер Р. принадлежал к тому типу людей, которые не терпят замечаний, в особенности на глазах учеников. Я как раз размышляла об этом, когда, проходя мимо, он бросил мне:

— Когда свечи застынут, упакуйте их и положите в шкаф. Они могут пригодиться.

Положение усугублялось. Я не могла положить эти свечи в шкаф. Они представляли собой большую опасность. Конечно, когда вредное лекарство вводится в прямую кишку, это не так опасно, но все же... Что же делать? Я была совершенно уверена, что последует ответ: «Все абсолютно правильно. Я как-никак в этом деле собаку съел».

Оставался только один выход. Незадолго до того как свечи уже застыли, я «поскользнулась», «потеряла равновесие», уронила свечи на пол и что есть силы наступила на них ногой.

— Мистер Р., — сказала я, — извините меня, я страшно виновата, но я уронила свечи и наступила на них ногой.

— О, какая досада, какая досада, — рассердился он. — Эта, кажется, еще годится. — Он подобрал одну, которая уцелела под моими каблуками.

— Она грязная, — твердо сказала я, без лишних слов выбросила все в мусорную корзину и повторила: — Извините меня, пожалуйста.

— Ничего, не беспокойтесь, — раздраженно ответил мистер Р., — ничего-ничего, — и ласково обнял меня за плечи. Он чересчур увлекался такой манерой обращения — то обнимет за плечи, то похлопает по спинке, тронет за локоток, а то и коснется щеки. Я не могла резко протестовать, потому что должна была учиться у него, но старалась держаться как можно более холодно и обыкновенно делала так, чтобы во время занятий присутствовал еще кто-нибудь из фармацевтов.

Станным он был человеком, доктор Р. Однажды, может быть стараясь произвести на меня впечатление, вытащил из кармана комочек темного цвета и показал мне его со словами:

— Знаете, что это такое?

— Нет, — ответила я.

— Это кураре, — заметил доктор. — Вам известно, что это такое?

Я ответила, что в книгах читала о кураре.

— Интересная штука, — сказал доктор, — очень интересная. Если он попадает в рот, то не приносит никакого вреда. Но стоит ему проникнуть в кровь — вызывает мгновенный паралич и смерть. Именно им отравляли стрелы. А вы знаете, почему я ношу его в кармане?

— Нет, — ответила я, — не имею ни малейшего представления. «По глупости», — подумала я про себя, но удержалась и ничего не добавила.

— Что ж, — сказал он задумчиво, — наверное, дело в том, что это дает мне ощущение силы.

Тогда я с любопытством взглянула на него. Это был маленький смешной круглый человечек, похожий на малиновку¹, с крошечным красным лицом. В данный момент он просто лучился восторгом, совсем как маленький ребенок.

Вскоре после этого мое обучение закончилось, но я часто думала потом о мистере Р. Он поразил меня и, несмотря на безобидный и благочестивый вид, показался весьма опасным человеком. Он застрял в моей памяти, вплоть до того момента, когда у меня в голове созрел замысел книги «Бледный конь». А было это через пятьдесят лет.

Глава 3

Работая в аптеке, я впервые по-настоящему начала думать о том, чтобы написать детективный роман; я помнила то достопамятное пари с Мэдж. Условия, в которых я оказалась на новой работе, как нельзя более подходили для этого. Это при уходе за больными в бытность мою медицинской сестрой, я была занята постоянно. А работа в аптеке напоминала шквал: буря сменялась полным затишьем. Иногда я бездельничала в одиночестве всю вторую половину дня. Убедившись, что все заказанные лекарства готовы и лежат в соответствующих шкафах, я могла делать все что угодно, важно было лишь оставаться на рабочем месте.

¹ Малиновка — небольшие птицы из семейства мухоловок с желтовато-красной грудкой.

Главное было решить, на каком типе детективной интриги остановиться. Может быть, потому что меня со всех сторон окружали яды, я выбрала смерть в результате отравления. Мне показалось, что в таком сюжете заложены неисчерпаемые возможности. Прикинула эту идею и так и этак и нашла ее вполне перспективной. Потом я стала выбирать героев драмы. Кто будет отравлен? И кто отравит его или ее? Когда? Где? Как? Почему? И все прочее. Из-за способа, которым совершается убийство, я представляю его себе как *intime* — так сказать, внутрисемейное. Разумеется, нужен детектив. В то время я полностью находилась под влиянием Шерлока Холмса — сыщиков я представляла себе именно так.

Каким же быть моему детективу? Ведь нельзя, чтобы он походил на Шерлока Холмса, надо придумать собственного и к нему приставить друга, чтобы он оттенял достоинства сыщика (вроде козла отпущения), — это как раз не очень трудно. Дальше. Кого убивать? Муж убивает жену — самый распространенный вид убийства. Конечно, можно придумать невероятный мотив преступления, но это неубедительно с художественной точки зрения.

Самое главное в хорошей детективной интриге состоит в том, что с самого начала ясно, кто убийца; однако по ходу дела выясняется, что это не так уж очевидно и что, скорее всего, подозреваемый невиновен, хотя на самом деле все-таки именно он совершил преступление. Тут я окончательно запуталась и встала из-за стола, чтобы приготовить еще парочку бутылочек гипохлорида и освободить себе завтрашний день.

Некоторое время я продолжала прокручивать в уме свою идею. Стали появляться некоторые кусочки текста. Теперь я уже представляла себе убийцу. У него был довольно злобный вид, черная борода, казавшаяся мне тогда точной приметой темной личности. Среди наших соседей, недавно поселившихся рядом, были как раз муж с черной бородой и жена, гораздо старше его и очень богатая. Этот факт, подумала я, можно взять за основу. Некоторое время я раздумывала над этим. Допустим. Нет, все же не то, решительно не то. Муж, о котором я говорю, по моему глубокому убеждению, мухи бы никогда не обидел. Я оставила эту пару в покое и решила раз и навсегда, что никогда не следует списывать своих героев с реально существующих людей — надо придумывать их самой. Случайно

встреченный в трамвае, в поезде или в ресторане человек может привести на оригинальную мысль, а дальше фантазируй по собственному разумению.

И как будто специально на следующий же день, в трамвае, я увидела именно то, что хотела: человек с черной бородой по соседству с весьма пожилой леди, стрекотавшей как сорока. Не думаю, чтобы мне подошла она, но он — лучше не придумаешь! А позади них сидела полная энергичная дама, громким голосом рассуждавшая о луковичках для весенней посадки. Ее внешность тоже понравилась мне. Может быть, это как раз то, что мне нужно? Я наблюдала за всей троицей, пока они не вышли из трамвая, и, ни на секунду не переставая думать о них, шла по Бартон-роуд, бормоча себе под нос, точь-вточь как во времена Котят.

Вскоре будущие образы предстали передо мной как живые. Среди них оказалась полная женщина — я знала даже, как ее зовут, — Эвелин. Скорее всего, бедная родственница, жена садовника, компаньонка, — может быть, экономка? Короче говоря, с ней все ясно — беру ее. А вот чернобородый мужчина, о котором я по-прежнему мало знала, разве то, что у него черная борода... этого, может быть, и недостаточно... или как раз достаточно? Да, может быть, и достаточно, ведь читатель увидит его со стороны и, следовательно, увидит только то, что он хочет показать, а не то, что он есть на самом деле: это уже само по себе дает ключ. Старая женщина будет убита не из-за своего вздорного характера, а из-за денег, так что подробности о ней не столь уж важны. Теперь я быстро стала вводить все новых и новых персонажей. Сына? Дочь? Может быть, племянника? Подозреваемых должно быть как можно больше. Семья постепенно прорисовывалась. Я оставила ее и начала размышлять о детективе.

Каким быть моему детективу? Я перебрала всех сыщиков, знакомых мне по книгам. Конечно несравненный Шерлок Холмс — с ним тягаться не пристало. Потом Арсен Люпен — преступник или сыщик? В любом случае, он не в моем духе. Оставался еще молодой журналист из «Тайны желтой комнаты» — Рулетабиль, — примерно такого мне и хотелось бы сочинить; кого-нибудь нового, какого еще не бывало. Что же мне делать? Может быть, студент? Слишком трудно. Ученый? Но что я знаю об ученых? Потом я вспомнила о наших бельгийских беженцах. В торк-

ском приходе была целая колония бельгийских беженцев. Вначале всех просто захлестнула волна сострадания и любви к ним. Им обставляли дома, улучшая условия жизни, делая все возможное, чтобы облегчить их существование. Позже возникла типичная реакция: бельгийцы стали раздражать, всем казалось, что они недостаточно благодарны за все, что для них делали, и без конца жалуются. Никому не приходило в голову, как неуютно этим бедным людям, оказавшимся в чужой стране, где почти никто не говорил на их языке. В подавляющем большинстве это были крестьяне, которым меньше всего на свете хотелось оказаться приглашенными на чашку чаю или чтобы нежданные гости свалились им на голову; они предпочитали, чтобы их оставили в покое, предоставили самим себе: хотели накопить денег и устроить садик соответственно своим вкусам и традициям.

«Почему бы моему детективу не стать бельгийцем?» — подумала я. Среди беженцев можно было встретить кого угодно. Как насчет бывшего полицейского офицера? В отставке. Не слишком молодого. Какую же я ошибку совершила тогда! В результате моему сыщику теперь перевалило за сто лет.

Короче говоря, я остановилась на сыщике-бельгийце. Пусть теперь созревает сам. Может статься, он был когда-то инспектором полиции и, следовательно, кое-что смыслил в преступлениях. «Педантичный и очень аккуратный», — подумала я во время уборки своей комнаты, заваленной разными разностями. Аккуратный маленький человечек, постоянно наводящий порядок, он кладет все на место, предпочитает квадратные предметы круглым. И очень умный, у него есть маленькие серые клеточки в голове — хорошее выражение, я обязательно должна использовать его, — да, маленькие серые клеточки. И у него должно быть звучное имя — как у членов семьи Шерлока Холмса. Ведь как звали брата Шерлока? Майкрофт Холмс.

Не назвать ли маленького человечка Геркулесом? Маленький человечек по имени Геркулес. Имя хорошее. Труднее придумать фамилию. Не знаю, почему я остановилась на фамилии Пуаро — вычитала, услышала где-нибудь или просто эта фамилия родилась у меня в голове — но родилась. Однако он стал не Геркулесом, а Эркюлем — Эркюль Пуаро. Вот теперь, слава тебе господи, все устроилось.

Оставалось дать имена и фамилии другим, но это уже не так важно. Альфред Инглторп — как раз то, что нужно. Прекрасно подойдет к черной бороде. Муж и жена — очаровательная — совершенно чужие друг другу. А теперь разветвления — ложные ключи, направления, уводящие в сторону. Как все начинающие писатели, я втиснула слишком много сюжетных линий в одну книгу. История покрылась таким густым туманом, что стало трудно не только догадаться, как все произошло, но и просто читать.

В свободное время у меня в голове вертелись кусочки романа. Начало в общем уже сложилось, конец тоже прояснился, но в середине зияли бреши: Эркуюля Пуаро удалось ввести в повествование самым естественным и правдоподобным образом. Но должны появиться основания и для ввода других персонажей. Тут царил полнейшая неразбериха.

Я бродила по дому с отсутствующим видом. Мама спрашивала, почему я не отвечаю на вопросы, а если отвечаю, то невпопад. Я все время пугала петли в бабушкином вязанье; у меня вылетели из головы все дела, которые я собиралась сделать; я писала на конвертах неправильные адреса. Наконец наступил момент, когда я почувствовала, что могу начать писать. Я посвятила маму в свои намерения. Мама, как обычно, проявила полную уверенность в том, что ее дочерям под силу решительно все.

— О-о-о? — сказала она. — Детективный роман? Чудесное развлечение для тебя, не правда ли? Когда ты начнешь?

Я сумела выкроить время, хотя это было нелегко. У меня все еще хранилась старая пишущая машинка Мэдж, и я начала упражняться на ней, перепечатывая каждую главу, написанную от руки. В те времена мой почерк был вполне разборчивым, так что прочесть рукопись не составило бы никакого труда. Новое усилие, требовавшееся для освоения машинки, увлекло меня. До какого-то момента я получала от этого удовольствие. Но в то же время очень усгала и пребывала в дурном настроении. Когда я пишу, это всегда так. Кроме того, когда я оказалась в гуще описываемых мною событий, они стали командовать мною, а не я ими. И тут мама подала замечательную идею:

— Сколько ты уже написала? — спросила она.

— Примерно половину.

— Знаешь, я думаю, что, если ты действительно хочешь закончить, тебе следует заняться этим во время отпуска.

— Я так и хотела.

— Да, но мне кажется, что лучше бы тебе уехать на это время из дома, чтобы никто не мешал.

Я подумала: «Пятнадцать дней совершенного покоя. Это действительно было бы потрясающе».

— Куда ты хочешь поехать? — спросила мама. — В Дартмур?

— Да, — ответила я в восторге от этого предложения, — Дартмур — именно то, что надо.

И я поехала в Дартмур. Я заказала себе комнату в Хэй-Тор, в отеле «Мурланд», огромном, печальном, с множеством комнат. Постояльцев почти не было. Не думаю, что я хотя бы раз поговорила с кем-нибудь — это отвлекло бы мое внимание. В поте лица я трудилась по утрам и писала до тех пор, пока не онемееет рука. После ленча, немного почитав, я отправлялась на двухчасовую прогулку по вересковым зарослям. Думаю, в те дни я по-настоящему полюбила их. Я полюбила холмы, пустоши и дикую природу вдали от дорог. Все, кто приезжал в эти места — конечно, в военное время таких было немного, — толпились вокруг Хэй-Тор. Я же, наоборот, несколько раз уходила гулять одна, подальше от всякого жилья. Гуляя, я бормотала себе под нос следующую главу, которую предстояло написать; говорила то за Джона — с Мэри, то за Мэри — с Джоном, то за Эвелин — с ее слугой и так далее. Я приходила в страшное возбуждение. Возвращалась домой, обедала, замертво падала в постель и спала двенадцать часов подряд. На следующее утро вставала, хваталась за перо и снова писала все утро до полного изнеможения.

В течение своего двухнедельного отпуска я почти кончила вторую половину книги. Конечно до завершения было еще далеко. Потом мне пришлось переписать большую часть — в особенности явно перегруженную середину. Но в конце концов я закончила роман и была более или менее удовлетворена им. Он получился в общих чертах таким, как я его задумала. Я видела, что он мог бы стать намного лучше, но не понимала, как добиться этого, и поэтому оставила все как есть. Я написала заново несколько совершенно ходячих сцен между Мэри и ее мужем Джоном, которые стали чужими друг другу из-за совершенного пустяка, и решила в конце помирить их друг с другом, чтобы оживить книгу любовным мотивом. Любовные мотивы в детективном романе всегда навесали на меня беспробудную скуку и,

как я чувствовала, были принадлежностью романтической литературы. Любовь, на мой взгляд, не совмещалась с чисто логическими умозаключениями, характерными для детективного жанра. Но в те времена в детективных романах обязательно присутствовала любовная линия. Я сделала все, что было в моих силах, для Джона и Мэри, но они остались довольно блеклыми созданиями. Затем мой роман перепечатала профессиональная машинистка, и, решив наконец, что больше уже ничего не могу сделать, я отправила его в издательство «Ходдер и Стафтон», откуда мне его и возвратили. Это был полный отказ, простой и ясный, без всяких комментариев. Я нисколько не удивилась — на успех я и не рассчитывала. Но тем не менее немедленно отослала роман в другое издательство.

Глава 4

Арчи снова получил разрешение на отпуск. Мы не виделись почти два года и на этот раз провели время очень счастливо. В нашем распоряжении оказалась целая неделя, и мы отправились в Нью-Форест. Стояла осень, все кругом было усыпано разноцветными осенними листьями. Арчи не так нервничал, и мы оба уже меньше трепетали перед будущим. Мы гуляли по лесу, и между нами возникло чувство товарищества, дотоле не испытанное. Он признался, что всегда мечтал пойти по указателю «Ничейная земля» на придорожном столбе. Мы пошли по тропинке, ведущей от этого столба в «Ничейную землю». Затерянная в лесу тропинка привела в сад, где было полно яблоневых деревьев. Там оказалась какая-то женщина, и мы спросили ее, можно ли купить немножко яблок.

— Покупать не надо, мои дорогие, — ответила она. — Берите, ради бога, сколько хотите. Вижу, ваш муж — военный летчик, и мой сын тоже служил в воздушном флоте, его убили. Идите и берите сколько вашей душе угодно, сколько можете съесть и унести.

Счастливые, мы бродили по саду и ели яблоки, а потом вернулись в лес и сели на ствол упавшего дерева. Моросил дождь, и мы были счастливы. Я не говорила ни о госпитале, ни о моей работе, а Арчи не рассказывал ничего о Франции, только намекнул, что, может, скоро мы снова будем вместе.

Я рассказала ему о своей книге, и он прочитал ее — Арчи очень понравился роман; у меня прекрасно получилось, уверял он. В воздушном флоте, сказал Арчи, у него есть друг, бывший директор издательства «Мисен». Если книгу снова возвратят, он пришлет мне письмо от друга, и я смогу отправить рукопись в «Мисен» с этим письмом.

Так что следующий отказ на «Гайнственное происшествие в Стайлз» я получила из мисеновского издательства; конечно из уважения к директору оттуда мне ответили гораздо любезнее. Они держали рукопись дольше, кажется около полугода, — но хотя, писали они, работа представляется им очень интересной и содержит немало находок, их издательство, к сожалению, работает в несколько ином направлении.

Думаю, на самом деле они нашли роман ужасным.

Забыла, куда я посылала его еще, но он снова вернулся ко мне. Теперь я, пожалуй, уже потеряла надежду. «Бодли Хед»¹ Джона Лейна недавно издало два-три полицейских романа — как видно, запустили новую серию. Я подумала: пошло-ка я им. Запаковала рукопись, отправила ее туда и забыла о ней.

Потом вдруг произошло нечто совершенно неожиданное. Арчи получил назначение в Лондон, в Министерство военно-воздушных сил. Война длилась уже так долго — почти пять лет, и я настолько привыкла к своему образу жизни: госпиталь — дом, что даже представить себе не могла ничего иного. Мысль, что можно жить по-другому, вызвала у меня шок.

Я поехала в Лондон. Мы поселились в отеле, и я начала искать меблированную квартиру. По своей наивности, мы начали с грандиозных планов, но скоро спустились с небес на землю. Шла война.

В конце концов мы набрали на две подходящие. Одна квартира находилась в районе Вест Хэмпстед и принадлежала мисс Танкс: это имя застряло у меня в голове прочно. Она отнеслась к нам очень подозрительно, без конца спрашивала, достаточно ли мы аккуратны — молодым ведь так редко свойственна аккуратность, а у нее и своих дел по

¹ «Бодли Хед» — лондонское издательство, выпускающее преимущественно социально-политическую и художественную литературу. Основано в 1887 году.

горло. Квартирка, маленькая и очень симпатичная, стояла три с половиной гиней в неделю. Другая, которую мы присмотрели, находилась в Сент-Джон Вуд — Нортвик-террас, рядом с Майда Вейл (теперь снесенным районом). Квартира располагалась на втором этаже большого старомодного дома с огромными комнатами, которых было, правда, две, а не три, обставленными потрепанной, но очень симпатичной, обитой кретоном¹ мебелью; дом стоял в саду. И стоило все это, что очень важно, не три с половиной, а две с половиной гиней в неделю. Мы остановили свой выбор на ней. Я возвратилась домой паковать вещи. Бабушка плакала, мама сдерживала слезы. Она сказала:

— Дорогая, у тебя начинается новая жизнь, с мужем, и я надеюсь, что все у вас будет хорошо.

— Если кровати деревянные, — сказала Бабушка, — не забудь проверить, нет ли там клопов.

Я вернулась в Лондон, и мы с Арчи поселились в доме номер 5 по Нортвик-террас. У нас были микроскопические кухонька и ванная, я собиралась понемногу начинать готовить. На первых порах с нами жил ординарец Арчи, Бартлет, — воплощение совершенства. В свое время он служил лакеем в герцогском доме и оказался под началом Арчи только из-за разразившейся войны; преданный полковнику, как он всегда уважительно величал Арчи, всей душой, он рассказывал мне длинные истории о храбрости Арчи, доказывая, какой он важный, умный и какие замечательные у него заслуги.

Самым ужасным в нашей далеко не идеальной квартире были кровати, с вздыбленными пружинами матрацев — до сих пор не могу взять в толк, как можно довести кровать до такого состояния. Но мы были там счастливы; я собираюсь поступить на курсы стенографии и еще бухгалтерские. До свидания, Эшфилд, началась моя новая, замужняя жизнь.

Одним из главных достоинств дома номер 5 по Нортвик-террас была миссис Вудс. Думаю, мы предпочли квартиру в Нортвике квартире в Хэмпстеде в основном из-за нее. Она хозяйничала на цокольном этаже, кругленькая, веселая, уютная женщина. У нее была красавица дочь, работавшая в лавке напротив, и муж-невидимка. Миссис

¹ Кретон — толстая хлопчатобумажная ткань для обивки мебели и для драпировок.

Вудс присматривала за всем домом, и если располагалась к жильцам, то брала их на свое попечение. От миссис Вудс я получила много полезных советов, помогавших мне не попасть впросак.

— Торговец рыбой снова надул вас, дорогая, — говорила она, — эта рыба несвежая. Вы не щупали ее, как я вас учила. Вы должны потрогать ее, посмотреть, какие у нее глаза, и ткнуть в них.

Я с сомнением посмотрела на рыбу; тыкать ее в глаза обозначает, по-моему, посягать на ее свободу.

— Не забывайте про хвост — это тоже очень важно. Дерните рыбу за хвост и проверьте, твердый он или мягкий. А теперь апельсины. Я знаю, что вы любите апельсины, но за такие деньги?! Их просто обдали кипятком, чтобы они выглядели свежее. Из этого апельсина вы не выдадите ни капли сока.

Великим событием для нас с миссис Вудс стал первый паек, полученный Арчи. Там был огромный кусок мяса, самый большой, какой я видела с начала войны. По его форме, по тому, как он отрублен, нельзя было понять, какая это часть: вырезка, антрекот или филе; по-видимому, мясник из ведомства военно-воздушных сил принимал во внимание исключительно вес. Так или иначе, но это было самое прекрасное зрелище за последние годы. Я положила мясо на стол, и мы с миссис Вудс стали, любуясь, ходить вокруг. О том, чтобы жаривать его в моей жалкой духовке, не могло быть и речи; миссис Вудс милостиво согласилась жарить его для меня.

— Кусок такой большой, что вы сможете отрезать от него и для себя, — заметила я в знак благодарности.

— Очень любезно с вашей стороны. От мяса не отказываются. С бакалеей-то легче. Мой кузен Боб работает в бакалее, он все нам дает — бери сколько хочешь сахара, масла и маргарина.

Впервые я до конца осознала золотое правило жизни, ее неукоснительный закон: все зависит от того, знаете ли вы нужных людей. От открытого nepотизма¹ Востока до слегка замаскированного nepотизма Запада, не говоря уж о «старых клубных приятелях», — все держится на этом. Прошу заметить, я не утверждаю, что, усвоив этот закон,

¹ Nepотизм — система распределения выгодных должностей и материальных благ на основе родственных и дружеских отношений.

вы получаете рецепт достижения полного успеха. Фредди Такой-то получает высокооплачиваемую работу, потому что его дядя знаком с одним из директоров фирмы. И так, Фредди получает толчок для своей карьеры. Но если Фредди никуда не годится, его потихонечку уберут, несмотря на родственные связи и дружеские симпатии; потом, если повезет, он может снова наткнуться на какого-нибудь кузена или друга, но в конце концов окажется на том месте, которого заслуживает.

Что касается мяса и вообще всяких роскошеств военного времени, то, конечно, богатые имели некоторые преимущества, но в целом, мне кажется, в лучшем положении находился рабочий люд, потому что почти у каждого оказывался брат, друг, зять или еще кто-нибудь крайне полезный, работавший в молочной, в бакалее или где-нибудь еще. Насколько я могу судить, к мясникам это не относилось, но все бакалейщики были связаны между собой тесными узами братства. Я ни разу не видела, чтобы кто-нибудь придерживался лимитов. Все брали положенное, но при этом никогда не отказывались от лишнего фунта масла или баночки варенья, совершенно не ощущая, что поступают не вполне честно. Дело семейное. Ясно, что Боб должен позаботиться прежде всего о своей семье. И потому миссис Вудс всегда могла угостить нас всякой всячиной.

Наше первое мясное блюдо было событием первостепенной важности. Не думаю, что мясо получилось таким уж нежным или вкусным, но в молодости зубы крепкие, и это было самое вкусное из всего, что я не ела уже долгое время. Арчи, разумеется, был удивлен тем, как я смаковала это мясо.

— Ничего выдающегося, — сказал он.

— Ничего выдающегося?! — переспросила я. — Самое выдающееся! За последние три года.

Миссис Вудс готовила для нас так называемую «серьезную» еду. Я занималась более легкими блюдами, ужином. Конечно, как и большинство девушек, я ходила на курсы кулинарии, но, когда вы начинаете стряпать сами, выясняется, что от них мало проку. Единственный учитель — практика. В Эшфилде мне приходилось печь пироги с вареньем или жарить бифштексы, но сейчас это мое умение вряд ли могло пригодиться. Зато муниципальные кухни, открытые в разных кварталах, — это уже дело.

Там можно было заказать все, что хотите, и вам привозили готовые блюда, вкусные, но довольно однообразные. Впрочем, ими легко заполнялись хозяйственные бреши. Существовали и муниципальные «суповые», с которых мы начали. Арчи называл супы оттуда «песочно-каменными», они напоминали русский анекдот, пересказанный Стивеном Ликоком¹: «Возьмите песок и камни и взбейте их, чтобы получился торт», — вот примерно такие были супы. Случайно я оказалась большой специалисткой по суфле. Сначала я не знала, что Арчи на нервной почве страдает диспепсией². Часто он возвращался вечером домой и вообще не мог взять в рот ничего; я огорчалась, так как очень гордилась приготовленным мною сырным суфле.

У каждого есть свои убеждения относительно пищи, которую следует употреблять во время болезни. Но идеи Арчи казались мне из ряда вон выходящими. Вот он лежит на кровати, издавая громкие стоны. И вдруг говорит:

— Думаю, сейчас хорошо пошла бы патока или сахарный сироп. Ты можешь сделать мне что-нибудь в этом роде? — И я старалась изо всех сил.

Чтобы занять себя в течение дня, я начала заниматься стенографией и бухгалтерским делом. Как теперь всем известно из бесчисленных статей в воскресных газетах, молодые жены постоянно страдают от одиночества. Меня удивляет, что молодые жены почему-то не задумывались об этом перед вступлением в брак. Мужья работают, их нет дома целый день — и женщина, выйдя замуж, попадает в совершенно другую обстановку. Она должна начинать жизнь сначала, заводить новых знакомых и друзей, находить себе занятие. До войны у меня было в Лондоне очень много друзей, но теперь их всех раскидало по белу свету. Нэн Уотс (теперь Поллок) по-прежнему жила в Лондоне, однако я чувствовала некоторую робость в общении с ней. Звучит глупо, и на самом деле это было глупо, но никто не станет отрицать, что разница в имущественном положении отдаляет людей друг от друга. Дело не в снобизме или социальном положении; речь идет о том, можете ли вы

¹ Ликок Стивен Батлер (1869—1944) — канадский писатель, писавший на английском языке, автор юмористических произведений.

² Диспепсия — расстройство пищеварения.

позволить себе вести такой же образ жизни, как ваш друг. Если ваши друзья богаты, а вы бедны, полноценное общение становится затруднительным.

Я и в самом деле была немного одинока. Я скучала по госпиталю и друзьям, ежедневным встречам с ними, мне не хватало моего дома, но я отлично понимала, что это неизбежно. Не обязательно водить компании каждый день — компании затягивают, растут и в один прекрасный момент, оплетая вас как плющ, душат. Я получала удовольствие от стенографии и бухгалтерского учета. Если в стенографии я, к великой моей досаде, не могла угнаться за пятнадцатилетними девочками, то во всяких бухгалтерских премудростях разбиралась сходу, и это было приятно.

Однажды, во время занятий в коммерческой школе, которую я посещала, учитель прервал урок, вышел из класса, а потом вернулся и сказал:

— На сегодня вы свободны. Война кончилась!

Мы не поверили своим ушам. Ничто не предвещало такого скорого исхода, все настроились по крайней мере еще на год. Наши позиции во Франции ничуть не изменились. Каждый день то завоевывали, то снова отдавали несколько квадратных метров территории.

Я вышла на улицу совершенно ошеломленная. И здесь меня поджидало самое невероятное зрелище. До сих пор вспоминаю его даже с каким-то страхом. Повсюду танцевали женщины. Англичанки не слишком склонны к уличным танцам, вот француженки, те пожалуйста... Но вот они танцуют, скользят по мостовой, даже прыгают — какая-то оргия счастья; просто пугающая неистовая радость. Страшноватое впечатление. Если бы возле этих женщин появились немцы, женщины наверняка разорвали бы их на куски. Некоторые, помнится, пошатывались и вопили. Дома я застала Арчи, он уже вернулся из министерства.

— Вот такие дела, — сказал он в своей обычной сдержанной манере.

— Ты мог предположить, что все кончится так быстро? — спросила я.

— Слухи ходили, но нам запретили говорить об этом. А теперь, — сказал он, — надо решать, что делать дальше.

— Что значит «дальше»?

— Я думаю, в ближайшее время мне надо подать рапорт об увольнении.

— Ты действительно собираешься покинуть авиацию? — изумилась я.

— Пойми, там у меня нет будущего. Там не может быть никакого будущего. Я годами буду сидеть на той же должности.

— Что же ты собираешься делать?

— Работать в Сити¹. Всегда хотел этого. И у меня есть пара предложений.

Меня всегда восхищала практическая сметка Арчи. Он воспринимал все без малейшей паники, спокойно взвешивал все своим, надо сказать, быстрым умом, переворачивал страницу и начинал новую.

Какое-то время жизнь текла по-прежнему. Арчи каждый день ходил пока в свое министерство. Наш славный Бартлет демобилизовался. Полагаю, герцоги и графы проявили рвение, чтобы вернуть себе своих слуг. Вместо Бартлета появился некто по имени Верралл. Наверное, он старался изо всех сил, но ничего не умел, был совершенно необучен, и мне никогда не приходилось видеть настолько жирной, замызганной и грязной посуды и почерневших серебряных ножей и вилок. Я была по-настоящему рада, когда он наконец выправил свои демобилизационные документы.

У Арчи выдалось несколько свободных дней, и мы поехали в Торки. Там я впервые испытала приступ тошноты и какой-то общей слабости. В то же время это были не колики, как я подумала сначала. То был первый признак, что я жду ребенка.

Я пришла в восторг. Всегда уверенная в том, что дети появляются почти автоматически, после каждого отпуска Арчи я испытывала глубокое разочарование, не обнаруживая никаких обнадеживающих симптомов, и в этот раз уже и не ждала ничего. Я пошла к доктору — наш старый доктор Пауэл уже не практиковал, так что нужно было выбрать другого. Не хотелось обращаться ни к одному из наших госпитальных докторов, так как я слишком хорошо знала и их самих, и их методы. Вместо этого я обратилась к жизнерадостному доктору под довольно зловещей фамилией Стабб².

¹ Сити — самоуправляющийся административный район в восточной части Лондона, один из крупнейших финансовых и коммерческих центров мира.

² Фамилия Стабб по звучанию похожа на слово, означающее «удар кинжалом».

В его прехорошенькую жену Монти был влюблен с девятилетнего возраста.

— Я назвал своего кролика, — объяснял он тогда, — Гертрудой Хантли, потому что она самая красивая.

Гертруда Хантли, впоследствии Стабб, была достаточно добра, чтобы выказать себя польщенной и поблагодарить за оказанную ей честь.

Доктор Стабб сказал, что я, судя по всему, женщина здоровая и он не предвидит никаких осложнений — это было воспринято с полным доверием, и всякая суета прекратилась. Дело в том, что в мое время не было никаких клиник для беременных, куда вас непременно таскают не реже чем раз в два месяца. Лично я считаю: без них здоровье будущих матерей было в большей безопасности. Единственное, что рекомендовал доктор Стабб, это чтобы я показалась ему или какому-нибудь лондонскому врачу за пару месяцев до родов: чтобы удостовериться, что все идет нормально. Он предупредил, что какое-то время меня будет по-прежнему тошнить по утрам, но по истечении трех месяцев все пройдет. К сожалению, в этом он ошибся. Приступы тошноты у меня так и не прекратились до самого конца беременности. И мучили меня не только по утрам. Меня тошнило пять-шесть раз на дню, что весьма осложняло нашу жизнь в Лондоне. Молодая женщина испытывает страшную неловкость, когда из-за очередного приступа приходится выскакивать из автобуса, в который она только что не без труда протиснулась, и срочно искать ближайшую сточную канаву. Но ничего с этим не поделаешь. К счастью, тогда никому не приходило в голову пичкать вас талидомидами¹. Просто все знали, что есть женщины, у которых беременность сопровождается мучительной тошнотой. Миссис Вудс, как всегда осведомленная во всем, что касается рождений и смертей, сказала:

— Ну, милая, попомни мои слова, у тебя будет девочка. Тошнота — это девочки. От мальчиков бывают головокружения и обмороки. Лучше пусть тошнит.

Я, разумеется, не считала, что «лучше пусть тошнит». Мне казалось гораздо интереснее упасть в обморок. Арчи,

¹ Талидомиды — сильные снотворные, запрещенные сейчас к употреблению в связи с тем, что обнаружилось их пагубное воздействие на эмбрион, приводящее к рождению детей-уродов.

который терпеть не мог больных и, если кто-нибудь заболел, всегда норовил потихоньку улизнуть из дома под предлогом того, что «не хочет мешать и беспокоить», на сей раз был на удивление заботлив. Чего только он не придумывал, чтобы развеселить меня! Как-то притащил лобстера¹ — по тем временам весьма дорогое удовольствие — и, чтобы сделать мне сюрприз, положил его на кровать. Как сейчас помню, когда я вошла и увидела у себя на подушке лобстера с причудливой головой, хвостом и огромными усами, я хохотала до упаду. Мы устроили чудесный ужин. И хоть очень скоро весь съеденный мною лобстер отправился в таз, я получила удовольствие по крайней мере в момент, когда смаковала его. Арчи был настолько благодарен, что сам разводил для меня «Бенджерз фуд»², который я потребляла по рекомендации миссис Вудс как пищу, имеющую больше шансов задержаться в желудке. Помню обиженное выражение лица Арчи, когда он готовил мне бенджеровскую кашку, охладил, и я, попробовав, похвалила: «На сей раз все превосходно, никаких комков», — а через полчаса со мной случилось привычное несчастье.

— Послушай, — оскорбленно заметил Арчи, — какой смысл мне все это готовить? С тем же успехом ты можешь вообще не есть.

По невежеству мне казалось, что постоянные рвоты опасны для нашего будущего ребенка — он ведь мог умереть от голода. Ничего подобного! Несмотря на то что меня рвало до самого последнего дня, я произвела на свет здоровую девочку весом три килограмма восемьсот пятьдесят граммов, а сама, хоть, казалось, не могла удержать в себе ни крошки съеденного, набрала все же больше, чем потеряла потом при родах. Все это напоминало мне девятимесячное морское путешествие — к ним я за всю жизнь так и не приспособилась. Когда Розалинда родилась, я увидела склонившихся надо мной доктора и медсестру. Доктор сказал: «Ну вот, у вас дочь, все в порядке», а медсестра сладко прошептала: «Ой, такая прелестная девчушка!» Я же в ответ удовлетворенно пробормотала: «Меня больше не тошнит. Какое счастье!»

¹ Лобстер — крупный морской рак, мясо которого считается деликатесом.

² «Бенджерз фуд» — фирменное название порошка, который растворяют в теплом молоке.

В предшествовавший этому событию месяц мы с Арчи яростно спорили о том, как назвать будущего ребенка и кого мы больше хотим — мальчика или девочку, Арчи был решительно настроен на девочку.

— Мне не нужен мальчишка, — говорил он, — потому что я буду ревновать, ревновать тебя к нему, потому что ты будешь уделять ему много внимания.

— Но девочке я буду уделять внимания ничуть не меньше!

— Это не одно и то же.

Мы долго спорили по поводу имени. Арчи хотел назвать дочь Инид, я — Мартой. Тогда он предложил Элен, я — Хэрриет. И только когда она родилась, мы поладили на имени Розалинда.

Знаю, что все матери помешаны на своих младенцах, но должна сказать — притом что вообще-то нахожу всех новорожденных уродцами, — Розалинда действительно была прелестным ребенком. Копна темных волос делала ее похожей на краснокожего индейца: она не имела ничего общего с розовым голеньким существом, какое обычно являет собой новорожденный и которое всегда вызывает столь тягостное ощущение. С самых первых дней Розалинда производила впечатление ребенка веселого, но с твердым характером.

У меня была чудесная патронажная сестра, которой решительно не нравились порядки, заведенные в нашем доме. Розалинда, разумеется, родилась в Эшфилде. В те времена женщины не рожали в роддомах; все акушерские услуги вместе с уходом стоили тогда пятнадцать фунтов, что представляется мне теперь, по прошествии времени, совершенно разумной платой. По маминому совету, я оставила патронажную сестру еще на две недели, чтобы она как следует обучила меня уходу за ребенком, а также чтобы иметь возможность съездить в Лондон подыскать жилье.

Вечер накануне появления Розалинды на свет прошел очень забавно. Мама и сестра Пембертон являли собой воплощение Женщин при исполнении Священного Обряда Рождества: счастливые, озабоченные, преисполненные сознания собственной значимости, они бегали туда-сюда с простынями и приводили все в состояние полной готовности. Мы с Арчи слонялись по дому, немного оробевшие, очень взволнованные, словно дети, не уверенные в том, что им следует при сем присутствовать. Позднее Арчи признался мне, что в тот вечер не сомневался: если я умру —

это будет его вина. Я тоже догадывалась, что могу умереть, и весьма сожалела, что это не исключено, потому что мне очень нравилось жить. Но на самом деле просто пугала неизвестность. И возбуждала. Всегда волнуешься, делая что-то впервые.

...Настало время подумать о будущем. Я оставила Розалинду в Эшфилде под присмотром все той же сестры Пембертон и отправилась в Лондон, чтобы подыскать а) жильё, б) няню для Розалинды и в) служанку, которую мы присматривала бы за домом или квартирой, которую мы снимем. Последняя задача никакой сложности не представляла, так как за месяц до рождения Розалинды не кто иной, как моя дорогая девонширская Люси примчалась прямо из Женской вспомогательной службы ВВС, запыхавшаяся, добросердечная, переполненная чувствами и, как всегда, готовая помочь. «Знаю, знаю, — сказала она, — слышала, что вы ждете ребенка — я к вашим услугам. Как понадоблюсь — только позовите».

Посоветовавшись с мамой, я решила, что Люси надо назначить жалованье гораздо большее, чем платили поварихе или горничной. Я положила ей тридцать шесть фунтов в год — немислимая по тем временам сумма, но Люси стоила ее, и я была в восторге, что она снова у нас.

В это послевоенное время невероятно трудно было найти жильё. Сотни молодых супружеских пар прочесывали Лондон в поисках хоть чего-нибудь подходящего по сходной цене. К тому же обычно требовалось внести плату вперед. Словом, решить проблему жилья было весьма непросто. Мы решили пока пожить в меблированной квартире, и уже попозже снять что-то более солидное. Арчи еще не окончательно решил, чем заняться. Сразу же после демобилизации он собирался поступить на службу в одну из фирм Сити. Я уже забыла фамилию его тогдашнего начальника, буду для удобства называть его мистером Гольдштейном. Это был крупный желтый мужчина. Когда я спросила Арчи, какой он, первое, что он мне ответил, было: «Он очень желтый. Еще он толстый, но главное — очень желтый».

В то время фирмы Сити при найме сотрудников отдавали предпочтение молодым демобилизованным офицерам. Зарплата у Арчи должна была составлять пятьсот фунтов в год. Я все еще получала сто фунтов по дедушкиному

завещанию. У Арчи было пособие и кое-какие сбережения, что давало еще фунтов сто. Не густо даже по тем временам, тем более что цены на жилье и питание подскочили невероятно. Яйцо стоило восемь пенсов — для молодой семьи не шутки. Но поскольку мы никогда не рассчитывали разбогатеть, мы не очень тревожились и по поводу своей бедности.

Сейчас, вспоминая об этом, я удивляюсь, как при таких скромных доходах мы намеревались держать няню и прислугу, но в то время без них никто не мыслил себе жизни, и это было последнее, от чего мы решились бы отказаться. Нам бы, к примеру, тогда не пришло в голову завести машину. Машины были только у богатых. Както на исходе беременности, стоя в очереди на автобус, из-за тогдашней своей неуклюжести получая тычки со всех сторон — мужчины не отличались особой учтивостью — и глядя вслед проноссящимся мимо автомобилям, я подумала: как было бы здорово завести когда-нибудь собственный автомобиль!

Помню, один из друзей Арчи заметил с горечью: «Нельзя позволять заводить машину всяким богатым прощелыгам, пусть сначала поработают». Я не была с ним согласна. Мне всегда приятно видеть, что кому-то повезло, кто-то богат, у кого-то есть драгоценности. Разве детишки на улице не прилипают, расплющив носы, к окнам, чтобы посмотреть на дам в бриллиантовых диадемах, танцующих на балу? Кто-то же должен сорвать куш в тотализаторе¹. А если выигрыш составляет всего фунтов тридцать, кого этим удивишь? Калькуттский тотализатор, ирландский, теперь еще футбольный — это все так романтично! Тягой к романтизму можно объяснить и толпы людей, глязеющих на выходящих из машин кинозвезд, прибывших на премьеру фильма. Для зрителей они — то же, что их героини в прекрасных вечерних платьях, загримированные до зубов и окруженные романтическим ореолом. Кому нужен скучный серый мир, где нет ни богатых, ни знатных, ни красивых, ни талантливых? Когда-то люди часами простаивали на месте, чтобы только взглянуть на короля или

¹ Тотализатор — на бегах и скачках счетчик, показывающий денежные ставки, сделанные на отдельных лошадей, и общую сумму ставок, а также бюро, принимающее ставки и выплачивающее выигрыши.

королеву, в наши дни они, разинув рты, глазят на поп-звезду, но в принципе это одно и то же.

Как я уже сказала, в порядке обязательного по тем временам расточительства мы собирались нанять няню и прислугу, но об автомобиле и не помышляли. Если мы ходили в театр, то только в задние ряды партера, за креслами. Я обязана была иметь одно вечернее платье, лучше черное, чтобы не бросалась в глаза прилипшая к подолу грязь, если погода выдавалась дождливой и слякотной. По той же причине, разумеется, я всегда носила черные туфли. Мы никогда не ездили в такси. Существуют разные способы тратить деньги. Не утверждаю, что наш был лучшим. Но и не худшим. Мы позволяли себе не слишком много роскоши, только весьма простую пищу, одежду и прочее. С другой стороны, у людей было тогда больше свободного времени — времени для размышлений, чтения, любимых занятий, увлечений. Думаю, мне посчастливилось, что моя молодость пришлась на те времена: мы чувствовали себя гораздо свободнее, не испытывали постоянных стрессов и никуда не спешили...

Нам повезло: мы довольно быстро нашли квартиру на Эдисон-роуд, в цокольном этаже одного из двух многоквартирных домов позади «Олимпии»¹. Это была большая квартира с четырьмя спальнями и двумя гостиными. Вместе с мебелью мы сняли ее за пять гиней в неделю. Женщина, которая нам ее сдала, была блондинкой лет сорока пяти с пережженными перекистью волосами и чудовищных размеров бюстом. Очень дружелюбная, она непременно хотела рассказать мне все о болезнях своей дочери. Квартира оказалась набита на редкость уродливой мебелью, а на стенах висели слащаво-сентиментальные картины. Первое, что нам с Арчи предстоит сделать, отметила я про себя, это снять их и аккуратноенько спрятать где-нибудь до возвращения хозяев. Там было полно фарфора, стекла и тому подобных вещей, в том числе чайный сервиз из тонкого, как яичная скорлупа, фарфора, при виде которого я испугалась — он казался таким хрупким, что не разбить его было просто нельзя. Перехав, мы с Люси тут же убрали его на дальнюю полку в шкаф.

Затем я отправилась в бюро миссис Ваучер, — думаю, оно существует и поныне, — куда неизбежно обращались

¹ «Олимпия» — выставочный зал в западной части Лондона

все, кому нужно было найти няню. Миссис Ваучер без всяких прелюдий тут же спросила, сколько я собираюсь платить, каковы мои условия, какой штат прислуги я содержу, и направила в небольшую комнату, где проводилось собеседование с претендентками на место няни. Сначала вошла крупная, на вид очень уверенная в себе женщина. Я сразу невольно насторожилась. Она же разговаривала со мной вполне милостиво.

— Да, мадам. Сколько будет детей, мадам? — Я объяснила что будет только один ребенок. — Надеюсь, не старше месяца? Я никогда не беру детей старше месяца, зато этих очень быстро привожу в подходящее состояние. — Я подтвердила, что ребенку не больше месяца. — А какой у вас штат прислуги, мадам? — Извиняющимся тоном я сообщила, что мой штат состоит из одной служанки. Она фыркнула: — Боюсь, мадам, это едва ли мне подойдет. Я привыкла, чтобы кто-то убирал в детской, присматривал за детскими вещами, чтобы был налажен идеальный режим и все необходимое.

Согласившись, что не подхожу ей, и отказавшись от ее услуг с некоторым облегчением, я поговорила еще с тремя, но все они презрительно отвергли меня.

Тем не менее на следующий день я явилась снова. На сей раз мне повезло. Я встретила Джесси Суоннел — тридцатипятилетнюю, острую на язык, но очень добродушную женщину, которая большую часть своей трудовой жизни провела в семье, обосновавшейся в Нигерии¹, нянчила их детей. Одно за другим я раскрыла перед ней позорные условия службы у меня: всего одна служанка, одна детская на все про все, и для игр, и для сна — она же комната для няни, но зато ей не придется убирать еще и свою собственную комнату, и последняя капля — жалованье.

— Ну что же, — сказала она, — не так уж и плохо. Работы я не боюсь, привыкла. У вас ведь девочка? Я люблю девочек.

Итак, мы поладили с Джесси Суоннел, которая прослужила у меня два года и очень мне нравилась, хотя у нее были свои причуды. Она очень прохладно относилась к родителям своих питомцев. Розалинду она обожала, ду-

¹ Нигерия — страна в Западной Африке, член Британского Содружества.

маю, она могла умереть за нее. Меня же просто терпела как неизбежную помеху, хоть и выполняла — правда, крайне неохотно — мои распоряжения, даже если не была с ними согласна. Но если что-нибудь случалось, она оказывалась незаменимой: всегда была готова помочь, умела ободрить. Да, я очень ценила Джесси Суоннел; надеюсь, она прожила хорошую жизнь и достигла всего, чего хотела.

Итак, все устроилось — Розалинда, я, Джесси Суоннел и Люси перебрались на Эдисон-роуд, и началась совсем другая жизнь. На этом, однако, мои поиски не закончились. Я хотела найти квартиру без мебели, которая могла бы стать нашим постоянным жилищем. Это было чертовски трудно. Прослышав о чем-то подходящем, я начинала звонить, писать письма, срывалась с места — ничто не могло меня остановить. Но квартира оказывалась то грязной, то убогой, то доведенной до такого состояния, что трудно было представить себе, как в ней можно жить. К тому же меня постоянно опережали. Мы изъездили весь Лондон: Хэмпстед, Чизуин, Пимлико, Кенсингтон, Сент-джонский лес — дни мои состояли из бесконечных автобусных переездов. Мы побывали во всех конторах по найму и продаже недвижимости и в скором времени начали серьезно беспокоиться. Договор на аренду мебелированной квартиры был заключен только на два месяца. По возвращении пергидрольная миссис Н. со своей замужней дочерью и ее детьми едва ли захочет продлить его. Мы должны были что-то найти.

Наконец нам повезло. Мы ухватили — почти ухватили — квартиру в Бэттерси-парке. Цена была разумной; хозяйка, мисс Ллевеллин, собиралась освободить ее в течение месяца, но, похоже, готова была выехать и пораньше. Она переезжала в другой район Лондона. Вроде бы все устроилось, но радоваться было рано. Недели за две до того, как нам предстояло вселяться, мисс Ллевеллин сообщила, что не может переехать в свою новую квартиру, поскольку семья, ее занимавшая, не могла переехать в свою. Цепная реакция.

Это был жестокий удар. Мы звонили мисс Ллевеллин каждые два-три дня. Но с каждым разом информация была все менее утешительной: у тех людей, которые не могли переехать, возникало все больше проблем, и, соответственно, все более отдаленной становилась перспектива осво-

бжедения нашей. Наконец выяснилось, что дело может уладиться не раньше чем месяца через три-четыре, да и то не точно. Мы снова стали лихорадочно изучать объявления, звонить в конторы по найму и продаже недвижимости. Время шло, и теперь мы были уже в панике. Но тут позвонил агент и предложил нам не квартиру, а дом. Небольшой дом в районе скарсдейлских вилл. Правда, дом не сдавался, а продавался. Мы с Арчи поехали посмотреть. Это был прелестный маленький домик. Но купить его означало лишиться всего нашего капитала — страшный риск. Однако мы чувствовали, что чем-то рисковать придется все равно, и — решились. Поставив подписи в строчку, обозначенную пунктирной линией, мы отправились домой поискать что-нибудь ценное на продажу.

Два дня спустя я просматривала газеты, по обыкновению, прежде всего обращая внимание на квартирные объявления — привычка так въелась в меня, что я не могла остановиться, — и вдруг увидела объявление: *«Сдается в наем квартира без мебели, Эдисон-роуд, многоквартирные дома, № 96. 90 фунтов в год»*. Я издала хриплый крик, уронила чашку с кофе, вслух прочла объявление Арчи и заявила: «Нельзя терять ни минуты».

Выскочив из-за стола, я перебежала через лужайку к соседнему многоквартирному дому, как сумасшедшая влетела по лестнице на четвертый этаж и позвонила в квартиру № 96. Дверь открыла испуганная молодая женщина в халате.

— Я по поводу квартиры, — выпалила я, стараясь говорить ровным голосом, насколько позволяло прерывающееся дыхание.

— Насчет этой квартиры? Уже? Я ведь только вчера дала объявление. Не ожидала, что кто-нибудь откликнется так скоро.

— Можно ее посмотреть?

— Видите ли... Видите ли, немного рановато.

— Я думаю, она нам подойдет, — сказала я — Я ее наверняка сниму.

— Ну что ж, заходите. Только у меня не убрано. — Она отступила вглубь.

Несмотря на ее колебания, я все-таки вошла и бегло осмотрела квартиру, я чувствовала, что надо действовать решительно, а то вдруг хозяйка передумает...

— Девяносто фунтов в год? — спросила я.

— Да, такова арендная плата, но я должна вас предупредить, что заключаю договор только поквартально.

Я задумалась, но только на миг. Мне нужно было какое-нибудь жилье, и поскорее.

— И когда можно переезжать?

— Ну, вообще-то когда хотите — через неделю-две. Моего мужа неожиданно посылают за границу. Мы хотели бы оставить кое-какие вещи и линолеум, но за отдельную плату.

Линолеум я терпеть не могу, но какое это имело значение? Четыре спальни, две гостиных, приятный вид на лужайку, — правда, четыре этажа вверх-вниз каждый день, но зато масса света и воздуха. Нужен ремонт, конечно, но этим займемся сами. Замечательно — подарок судьбы!

— Согласна, — сказала я. — Решено.

— Вы уверены? Вы не назвали своего имени.

Я представилась, рассказала, что живу в доме напротив в меблированной квартире, и мы все уладили тут же, прямо от нее позвонив агенту. Спускаясь по лестнице, я встретила три пары, поднимавшиеся на четвертый этаж, все, как я убедилась, в квартиру 96. Сколько раз мне приходилось получать по носу! Но на этот раз наша взяла! Я вернулась домой с триумфальным видом.

— Великолепно! — сказал Арчи.

В этот момент зазвонил телефон. Это была мисс Ллевеллин. «Думаю, через месяц вы уже точно сможете переехать в мою квартиру», — сказала она.

— А-а, — растерянно протянула я, — понятно, — и повесила трубку.

— Боже милостивый, — воскликнул Арчи, — ты понимаешь, что произошло? У нас теперь две квартиры и дом!

Действительно, могли возникнуть проблемы. Я уже была готова позвонить мисс Ллевеллин и сообщить, что мы больше не нуждаемся в ее квартире, как вдруг мне в голову пришла одна мысль: от скарсдейлского дома мы, конечно, постараемся избавиться, но квартиру в Бэттерси-парк снимем и будем сами ее сдавать, это покроет расходы на нашу собственную.

Арчи высоко оценил мою идею, а я почувствовала себя просто финансовым гением, ведь этот маневр принес нам сто фунтов прибыли. Затем мы тут же связались с агента-

ми по поводу дома в Скарсдейле. Они нисколько не были в претензии и сказали, что такой дом совсем не трудно продать кому-нибудь другому — несколько клиентов страшно огорчились, узнав, что его уже продали нам. Таким образом, мы вышли из положения с весьма незначительными потерями, исчислявшимися скромными комиссионными для агентов.

Итак, мы через две недели переехали в новую квартиру. Джесси Суоннел показала себя молодчиной и не стала делать проблемы из необходимости подниматься пешком на четвертый этаж. Я голову даю на отсечение, никакая другая из нянь миссис Ваучер не согласилась бы на это.

— Подумаешь, — сказала она, — я привыкла таскать тяжести. Да будет вам известно, я могу в этом смысле заткнуть за пояс любого негра, а то и двух. Лучшее, что есть в Нигерии, — добавила она, — это множество негров.

Мы были в восторге от своей новой квартиры и с наслаждением принялись обустраивать ее. Львиную долю пособия Арчи истратил на мебель. Купили отличную современную мебель для детской в магазине «Хилз», там же — прекрасные кровати для себя. Множество вещей привезли из Эшфилда, который был битком набит столами, стульями, шкафами для посуды и белья. На распродаже за бесценок приобрели разрозненные комоды.

Въехав, мы подобрали новые обои и перекрасили стены. Часть работы сделали сами, часть — с помощью нанятого профессионального художника-декоратора. Две комнаты — довольно большая гостиная и гораздо меньшая столовая — выходили окнами во двор, но это была северная сторона. Мне больше нравились комнаты, расположенные в дальнем конце длинного коридора. Они были не такие большие, зато солнечные и веселые, поэтому в них мы решили устроить малую гостиную и детскую; напротив находилась ванная и маленькая каморка для прислуги. Из двух больших комнат одну, самую большую, отвели под спальню, другую — под столовую, она же должна была служить комнатой для гостей. Ванную Арчи облицевал великолепными ало-белыми кафельными плитками. Наш декоратор и обойщик был со мной очень любезен. Он показал мне, как правильно обрезать и складывать обои, чтобы подготовить их к наклеиванию и, как он выразился, не бояться наносить их на стену.

— Пришлепывайте вот так, видите? Ничего страшного не случится. Если даже где-то порвется, это всегда мож-

но заклеить. Сперва разрежьте рулон на куски по мерке и пронумеруйте куски на обороте. Так, хорошо. Теперь приглаживайте. Очень удобно делать это щеткой для волос — удаляет все пузырьки.

Под конец я неплохо справлялась с этой работой. Потолки он делал сам — у меня не было уверенности, что мне это тоже удастся.

В комнате Розалинды стены были выкрашены в бледно-желтый цвет. В процессе крашения я получила еще один урок. Мой учитель не предупредил меня, что, если не вымыть забрызганные краской полы сразу же, краска затвердеет и отчистить ее можно будет только скребком. Что ж, на ошибках учимся. Вверху мы оклеили стены дорогими тисненными обоями от «Хилз» с изображениями разных животных. В гостиной я решила сделать бледно-розовые гладкие стены, а потолок оклеить глянцевыми обоями — ветки боярышника, разбросанные по черному полю. Мне представлялось, что это будет создавать ощущение, будто находишься за городом, на лоне природы, а также что комната станет казаться ниже — я люблю комнаты с низкими потолками. В низенькой комнате чувствуешь себя уютнее, словно в коттедже. Разумеется, предполагалось, что потолки будет оклеивать мастер. Но он вдруг заявил:

— Послушайте, миссис, вы, наверное, хотели сказать наоборот: потолок бледно-розовый, а на стены — черные обои с боярышником.

— Нет, — ответила я, — я хотела сказать то, что сказала: черные обои на потолке, а стены выкрашены бледно-розовой клеевой краской.

— Но так комнаты не отделывают. Понимаете? У вас снизу вверх светлое будет переходить в темное. Это неправильно. Темное должно переходить в светлое.

— Вот пусть у вас и переходит темное в светлое, если вам так нравится, — возразила я.

— Ну, знаете, должен вам сказать, мэм, что так не делают, никто никогда так не делал.

Я ответила:

— А я сделаю именно так.

— Но это создаст впечатление низкого потолка, вот увидите! Потолок приблизится к полу. Комната будет казаться меньше.

— Вот и хорошо.

Он сдался и пожал плечами. Когда все было сделано по-моему, я спросила, нравится ли ему комната.

— Ну, выглядит странновато, — ответил он. — Я не могу сказать, что мне это нравится, но... в общем, если, сидя в кресле, смотреть вверх, вид приятный.

— Так ведь в этом все и дело, — обрадовалась я.

— В таком случае я бы на вашем месте выбрал для потолка темно-синие обои со звездами.

— Я не хочу, чтобы мне казалось, будто я ночью на улице, — возразила я. — Мне приятнее представлять себя в цветущем саду под кустом боярышника.

Он печально покачал головой.

Шторы у нас были по большей части самодельными, которые сшила я сама. Моя сестра Мэдж — которую вслед за ее сыном все называли теперь Москитиком — со свойственной ей решительностью заверила меня, что это совсем не трудно. «Разрезаешь, подкалываешь, сшиваешь с изнанки, — инструктировала она, — и выворачиваешь на лицевую сторону. Проще простого. Это любой сможет».

Я попробовала. Мои занавески не выглядели фешенебельно: я не рисковала придумывать что-либо изысканное, но смотрелись они мило и весело. Все друзья восхищались нашей квартирой, а для нас период, когда мы ее обустроили, был самым счастливым в нашей жизни. Люси тоже была в восторге — ей все доставляло здесь удовольствие. Джесси Суоннел постоянно ворчала, но, к великому нашему удивлению, много нам помогала. Я совершенно смирилась с тем, что она терпеть нас не может, вернее, меня, думаю, к Арчи она была более снисходительна.

— В конце концов, — сказала я ей однажды, — у ребенка должны быть родители, иначе вам некого было бы нянчить.

— Ну что ж, ваша правда, мэм, — ответила Джесси и нехотя улыбнулась.

Арчи начал работать в Сити. Говорил, что работа ему нравится, и, казалось, был полон энтузиазма. Он очень радовался тому, что ушел из авиации, и не уставал повторять, что прежняя служба в министерстве была совершенно бесперспективна. Он был решительно настроен сколотить капитал. Тот факт, что в данный момент мы испытывали серьезные денежные затруднения, несколько нас не обескураживал. Иногда мы с Арчи ездили во Дворец танцев в Хаммерсмит, но в общем обходились без развлечений,

поскольку просто не могли их себе позволить. Мы были самой заурядной супружеской парой, но очень счастливой. Впереди открывалась целая жизнь. У нас, к сожалению, не было пианино, и приезжая в Эшфилд, я играла без конца как сумасшедшая.

Итак, я вышла замуж за человека, которого любила, у нас был ребенок, крыша над головой, и вроде бы не было ничего, что могло помешать нам прожить счастливую жизнь.

Однажды я получила письмо. Небрежно пробежав его глазами, я даже не вникла поначалу в его смысл. Письмо было от Джона Лейна из издательства «Бодли Хед», меня просили зайти по поводу рукописи «Таинственное происшествие в Стайлз», которую я предложила издательству.

По правде сказать, я напрочь забыла о своем романе. Рукопись лежала в «Бодли Хед» уже почти два года, но волнения, связанные с окончанием войны, возвращением Арчи и началом нашей самостоятельной семейной жизни, отгеснили мои писательские амбиции и все рукописи на самый дальний план.

Я шла в издательство, полная надежд. В конце концов, видимо, вещь им хоть немного понравилась — иначе зачем стали бы они приглашать? Меня проводили в кабинет Джона Лейна. Навстречу поднялся невысокий человек с седой бородой, его облик соответствовал скорее елизаветинской эпохе. Вокруг повсюду — на стульях и прислоненные к ножкам стола — были расставлены картины, похожие на работы старых мастеров, покрытые толстым слоем лака и пожелтевшие от времени. Мне подумалось, что мистер Лейн и сам прекрасно вписался бы в одну из этих рам, если его одеть в костюм с высоким круглым гофрированным воротником. У него были мягкие, любезные манеры, но жесткий пытливый взгляд, который должен был бы насторожить меня, подсказать, что Джон Лейн из тех, кто умеет заставить автора подписать невыгодный договор. Он поздоровался со мной и предложил сесть. Я огляделась — сесть было некуда, на всех стульях стояли картины. Вдруг поняв это, он рассмеялся: «О боже, здесь не больно-то рассядешься», снял со стула портрет какого-то зловещего вида вельможи, и я села.

Затем разговор зашел о книге. Некоторые рецензенты, сообщил Джон Лейн, находят рукопись любопытной;

из нее может что-то выйти. Но необходимо кое-что значительно переделать. Например, последнюю главу. У меня она представляет собой описание судебного заседания, но суд так не описывают — это просто смешно. Смогу ли я переписать финал? Либо кто-то должен помочь мне справиться с юридической стороной дела — что будет, разумеется, не просто, — либо мне следует сделать совсем другую концовку. Я тут же выпалила, что постараюсь, подумаю, быть может, перенесу заключительную сцену в другое место. Словом, что-нибудь придумаю. Он сделал несколько других замечаний, которые, в отличие от возражений против финального эпизода, не были сколько-нибудь существенными.

После этого Джон Лейн перешел к деловой стороне, нажимая на то, что издатель сильно рискует, публикуя нового, никому не известного автора, и что прибыли от такого издания практически не бывает. Наконец он извлек из ящика стола договор, который предложил мне подписать. Я была в таком состоянии, что ни изучать договор, ни даже просто сообразить что к чему, не могла. Он издаст мою книгу! Уже несколько лет, как я потеряла всякую надежду опубликовать что бы то ни было, кроме случайного рассказа или стихотворения, и мысль о том, что я увижу свою книгу напечатанной, ошеломила меня. Я подписала бы в этот момент что угодно. Договор предусматривал, что я получу гонорар только после реализации первых двух тысяч экземпляров, да и то более чем скромный. Права на публикацию в периодике или постановку спектакля по этой вещи наполовину принадлежали издателю. Все это не имело для меня никакого значения, единственное, что было важно: моя книга будет издана!

Я даже не заметила, что в договоре имелся крючок — пункт о том, что пять следующих своих вещей я обязана отдать только этому издательству, причем гонорар за них увеличивался совсем незначительно. Мне все это представлялось удачей и полной неожиданностью. Я с энтузиазмом подписала договор и взяла с собой рукопись, чтобы убрать имевшиеся в последней главе несутрастности. Надо сказать, что справилась я с этим очень легко.

Вот так началась моя долгая карьера; впрочем, тогда я и не подозревала, что она будет долгой. Несмотря на крючок в договоре, касавшийся последующих пяти романов, я

воспринимала публикацию этого как отдельный и совершенно самостоятельный эпизод моей жизни. Я отважилась написать детектив; написала; его приняли и собирались издать. Этим, насколько я понимала, дело и ограничивалось. В тот момент я, разумеется, и не помышляла продолжать писать книги. Думаю, спроси меня кто-нибудь об этом тогда, я бы ответила, что, быть может, время от времени буду писать рассказ-другой. Я была совершеннейшим любителем — ни о каком профессионализме говорить не приходилось. Для меня писательство служило развлечением.

Я явилась домой с победным видом, рассказала все Арчи, и мы отправились в Хаммерсмит, во Дворец танцев, отпраздновать это событие.

С нами был, однако, еще кое-кто, хоть я об этом и не догадывалась. Эркюль Пуаро, мой вымышленный бельгиец; отныне я таскала его за собой повсюду, словно карлик свой горб.

Глава 5

Успешно переработав последнюю главу «Таинственного происшествия в Стайлз», я вернула рукопись Джону Лейну. Затем меня пригласили еще раз, чтобы снять кое-какие мелкие замечания. Я согласилась внести в текст несколько несущественных изменений, после чего волнения, связанные с изданием книги, отодвинулись на задний план, а жизнь пошла своим чередом — обычная жизнь молодой супружеской пары, счастливой, любящей, не очень обеспеченной, но относящейся к этому вполне философски. В выходные дни мы, как правило, отправлялись на поезде за город погулять на лоне природы. Иногда совершали пешие походы.

Единственное, что омрачило наше существование — это потеря нашей милой Люси. Она долго ходила с озабоченным и несчастным лицом, а однажды, подойдя ко мне, печально сообщила:

— Мне страшно неловко подводить вас, мисс Агата, то есть мэм, и я не знаю, что подумала бы обо мне миссис Роу, но что делать? Я выхожу замуж.

— Замуж, Люси? За кого?

— За человека, с которым познакомилась еще до войны. Он мне давно нравится.

Оказывается, для мамы это было не так уж неожиданно. Как только я ей сообщила о предстоящем замужестве Люси, она воскликнула: «Уж не Джек ли это опять?» В этом «Джек... опять» прозвучало явное неодобрение. Он не был подходящей парой для Люси, и когда они поссорились и расстались, ее семья только радовалась. Но они встретились снова. Люси осталась верна своему неподходящему Джеку, и вот свершилось: она выходила замуж, а нам нужно было искать новую прислугу.

К тому времени это стало еще более трудной задачей. Нигде никого нельзя было найти. И все же в конце концов — то ли через агентство, то ли через друзей, уж не помню — я нашла женщину по имени Роза, как раз то, что надо: у нее имелись прекрасные рекомендации, и она являла собой румяное круглолицее существо с обаятельной улыбкой, готовое полюбить нас. Но ее категорически не устраивали семьи, в которых имелись дети и няни. Однако я понимала, что должна заполучить ее во что бы то ни стало. Прежде она служила в доме некоего офицера военно-воздушных сил. Узнав, что мой муж тоже был летчиком, она несколько смягчилась и выразила надежду, что он знал ее бывшего хозяина, командира эскадрильи С. Я бросилась со всех ног домой и спросила у Арчи, знаком ли он с командиром эскадрильи С.

— Что-то не припомню такого.

— Придется вспомнить, — сказала я. — Ты должен будешь сказать, что встречался с ним, или что вы были однополчанами, или еще что-нибудь в этом роде — нам необходимо заполучить Розу. Она великолепна, честное слово! Если бы ты знал, с какими чудовищами мне приходилось беседовать!

Итак, в назначенный час Роза соблаговолила нанести нам визит. Ее представили Арчи, который сказал что-то лестное в адрес командира эскадрильи С., и наконец она согласилась нас осчастливить.

— Но только я не люблю нянь, — предупредила она. — Я в общем-то ничего не имею против детей, но няни!.. От них вечно одни неприятности.

— Ну что вы, от няни Суоннел вам никаких неприятностей не будет, — пообещала я, далеко в этом не уверенная, но хотелось надеяться на лучшее. Единственным человеком, у которого могли быть неприятности из-за Джесси Суоннел, была я сама, но к тому времени я уже научи-

лась с ними справляться. В конце концов Роза и Джесси отлично поладили друг с другом — Джесси поведала Розе о своей жизни в Нигерии и о том, какое удовольствие иметь в своем распоряжении неограниченное количество негров, а Роза рассказала нам о том, сколько ей пришлось перенести в жизни:

— Я голодала. Угадайте, что мне давали на завтрак?

Я ответила, что понятия не имею.

— Копченую рыбу, — мрачно сообщила она. — Только чай, одну копченую рыбку, тост, масло и джем. Я так отошала, что чуть не умерла от дистрофии¹.

Никаких признаков дистрофии я, однако, не заметила, напротив, Роза выглядела пышечкой. Однако я взяла на заметку, что если у нас на завтрак будет копченая рыба, то для Розы следует оставлять две или три штуки, а еще добавлять к этому яичницу с беконом в неограниченном количестве. Думаю, у нас ей было хорошо, а Розалинду она просто обожала.

Моя Бабушка умерла вскоре после рождения Розалинды. Почти до самого своего конца она была весьма крепкой дамой, но, к сожалению, подхватила тяжелый бронхит, и сердце не выдержало. Ей было девяносто два года, она все еще не утратила способности радоваться жизни, не совсем оглохла, хотя ослепла почти полностью. Доход ее, равно как и доход моей матери, упал в результате неудач, постигших Чевлина в Нью-Йорке, но благодаря советам мистера Бейли удалось все же кое-что сохранить. Это кое-что переходило теперь к моей матери. Не велико богатство, конечно, потому что некоторые акции обесценились за время войны, но триста-четырееста фунтов в год это добавляло, что, с учетом суммы, присылаемой мистером Чевлином самой маме, давало ей возможность жить сносно. Разумеется, в послевоенные годы все стало несравнимо дороже. Тем не менее маме удавалось содержать Эшфилд. Я очень сокрушалась, что не могу ей хоть немного в этом помочь. А сестра помогала. Но нам это и впрямь было не по карману: мы проживали все до последнего пени.

Однажды, когда я с тревогой размышляла о том, как трудно стало содержать Эшфилд, Арчи заметил (весьма благоразумно):

¹ Дистрофия — истощение организма в результате недостаточного питания и прочих неблагоприятных воздействий на организм.

— Знаешь, твоей матери стоило бы продать дом и поселиться в другом месте.

— Продать Эшфилд?! — В моем голосе звучал ужас.

— Не понимаю, зачем он тебе-то нужен? Ты ведь почти там не бываешь.

— Я и мысли о том, чтобы продать Эшфилд, не могу допустить, я люблю его! Он для меня... он для меня... он для меня — все!

— В таком случае, почему бы тебе не попытаться что-нибудь сделать? — сказал Арчи.

— Что же такого я могу сделать?

— Ну, например, написать еще одну книгу

Я посмотрела на него с удивлением.

— Допустим, я могла бы написать еще одну книгу в ближайшем будущем, но от этого Эшфилду будет мало проку.

— Ты могла бы заработать кучу денег, — сказал Арчи.

Мне не очень верилось в это. «Таинственное происшествие в Стайлз» разошлось почти в двух тысячах экземпляров, что было вовсе не плохо для начинающего автора детективного романа по тем временам. Принесло же оно мне весьма скудный доход — всего двадцать пять фунтов, да и то это был не гонорар за книгу, а половина от пятидесяти фунтов, полученных за неожиданную продажу авторских прав «Уикли таймс», намеревавшейся печатать роман из номера в номер. Это будет способствовать росту моей популярности, утверждал Джон Лейн. Для молодого автора — большая удача напечататься в «Уикли таймс». Конечно, может, он был и прав, но какие-то двадцать пять фунтов в качестве платы за целую книгу меня не слишком вдохновляли на продолжение литературной деятельности.

— Если книга оказалась хорошей и издатель на ней кое-что заработал, а я уверен, что это так, он захочет напечатать и следующую. У тебя всегда должно быть что-нибудь наготове, — поучал Арчи.

Я слушала и не возражала. Я всегда доверяла его финансовому чутью и стала размышлять о новой книге. Допустим, я соглашусь ее написать — о чем она могла бы быть?

Вопрос решился сам собой однажды, когда я пила чай в кафе «АВС». Двое за соседним столиком толковали о какой-то Джейн Фиш¹. Это забавное имя привлекло мое

¹ «Фиш» по-английски означает «рыба».

внимание и засело в голове. Джейн Фиш — неплохое начало для романа, подумала я, имя, случайно подхваченное в кафе, необычное имя — раз услышав, его не забудешь. Джейн Фиш. Или еще лучше Джейн Финн. Я осталась на Джейн Финн и сразу же начала писать. Назвала роман сначала «Веселое приключение», затем «Юные авантюристы» и, наконец, — «Таинственный противник».

Арчи поступил очень предусмотрительно, найдя работу до того, как уволился из военно-воздушных сил. Многие молодые люди оказались в отчаянном положении. Демобилизовавшись из армии, они становились безработными. К нам постоянно приходили цветущие молодые мужчины, пытавшиеся продать чулки или какую-нибудь домашнюю утварь. На них было жалко смотреть. Иногда мы покупали у них пару уродливых чулок только для того, чтобы как-то поддержать. Когда-то они были лейтенантами и вот до чего дошли. Иные из них писали стихи и старались их пристроить.

Я решила выбрать героев именно в этой среде — девушка, которая служила в частях гражданской обороны или работала в госпитале, и молодой человек, только что уволившийся из армии. Оба в отчаянном положении. В поисках работы они встречаются друг друга, — быть может, они уже встречались прежде. Ну и что дальше? Дальше, подумала я, их вовлекают в шпионаж: это будет книга про шпионов, боевик, а не детектив. Идея мне понравилась: после работы над детективной историей «Таинственное происшествие в Стайлз» сменить амплуа. Я начала набрасывать план. В целом боевик писать было приятно и гораздо легче, чем детектив.

Через некоторое время, окончив книгу, я понесла ее Джону Лейну. Ему она не очень понравилась: не то что первая — эту книгу не продашь так же успешно. Издатели колебались: печатать или нет. Но в конце концов все же решились печатать. На сей раз мне не предлагали сделать столько поправок, сколько в предыдущий.

Если не ошибаюсь, и эта книга разошлась недурно. Гонорар, как и в прошлый раз, был мизерным, но я снова продала права на публикацию романа с продолжением газете «Уикли таймс» и получила на сей раз пятьдесят фунтов, милостиво пожалованных мне Джоном Лейном. Это подействовало вдохновляюще, но не настолько, чтобы начать думать о писательстве как о профессии.

Моей третьей книгой было «Убийство на поле для гольфа». Кажется, я написала ее вскоре после того, как все узнали о *cause célèbre*¹, знаменитом преступлении, совершенном во Франции. Я уж теперь не припомню имен тех, кто имел к нему отношение. Человек в маске ворвался в дом, убил хозяина, связал его жену и кляпом заткнул ей рот; свекровь тоже умерла, но, кажется, лишь потому, что со страху подавилась вставной челюстью. Однако жене не поверили и заподозрили ее в том, что она сама убила мужа и что либо ее вовсе никто не связывал, либо это сделал сообщник. Эти события показались мне подходящим фоном для сюжета очередного романа. Действие должно было происходить уже после того, как жену оправдали. Загадочная женщина, окутанная тайной давнего убийства, появляется где-нибудь... пусть на сей раз это будет Франция.

После «Таинственного происшествия в Стайлз» мой Эркюль Пуаро получил широкую известность, поэтому я решила пользоваться его услугами и впредь. Одним из его поклонников оказался Брюс Ингрэм, тогдашний редактор «Скетча». Он позвонил мне и предложил договор на серию рассказов об Эрколе Пуаро для своего журнала. Предложение меня очень взволновало. Кажется, наконец мне улыбнулось счастье. Напечататься в «Скетче» — большая удача. У мистера Ингрэма был забавный рисунок — портрет Эрколя Пуаро, в общем образ совпадал с моим собственным видением персонажа, хоть на рисунке он и был немного более утонченным и аристократичным, чем я его себе представляла. Брюс Ингрэм заказал серию из двенадцати рассказов. Восемь я написала очень быстро, и мы даже думали на этом остановиться, но в конце концов решили все же довести цикл до дюжины, и мне пришлось писать еще четыре.

Я и не заметила, как оказалась накрепко привязанной не только к детективному жанру, но и к двум людям: Эрколю Пуаро и его Ватсону — капитану Гастингсу. Я обожала капитана Гастингса. Персонаж был вполне шаблонный, но в паре с Эрколем Пуаро они представляли собой идеальную, с моей точки зрения, команду сыщиков. Я все еще оставалась в русле шерлокхолмсовской традиции: эксцентричный сыщик, подыгрывающий ему

¹ Знаменитом деле (фр.).

ассистент, детектив из Скотленд-Ярда¹ типа Лестрейда — инспектор Джепп, и теперь я еще добавила «человека-гончую», инспектора Жиро из французской полиции. Жиро относился к Пуаро пренебрежительно, как к отжившему свой век старику.

Только теперь я поняла, какую ужасную ошибку совершила, с самого начала сделав Эркуюля Пуаро таким старым, — видимо, придется, написав три-четыре книги, отказаться от него и придумать кого-то другого, помоложе.

«Убийство на поле для гольфа» лежало чуть-чуть в стороне от шерлокхолмсовской традиции и было навеяно, скорее всего, «Тайной желтой комнаты». Оно исполнено в весьма высокопарном, несколько даже вычурном стиле. Приступая к написанию очередного произведения, автор часто находится под сильным влиянием героев последней прочитанной книги или недавнего увлечения.

Думаю, «Убийство на поле для гольфа» — более или менее удачный образчик такого рода литературы, весьма мелодраматичной. На сей раз я ввергла Гастингса в любовное приключение. Если уж в книге должна быть любовь, я полагала, что вполне могу женить Гастингса. Честно говоря, я начала от него немного уставать. К Пуаро я была накрепко привязана, но это не означало, что я обязана оставаться накрепко привязанной и к Гастингсу.

«Бодли Хед» «Убийство на поле для гольфа» удовлетворило, однако я слегка повздорила с ними из-за обложки. Мало того что она была выполнена в чудовищных цветах, ее просто плохо придумали: насколько можно было понять, на ней был изображен мужчина в пижаме, умирающий на поле для гольфа от эпилептического припадка. Поскольку убитый, по сюжету, был нормально одет и заколот кинжалом, я возражала. Обложка может не иметь никакого отношения к содержанию, но, коль уж имеет, не должна его искажать. По этому поводу было много волнений, я просто пришла в ярость, и мы наконец договорились, что впредь я буду просматривать и утверждать обложку заранее. У меня и до того было легкое расхождение с «Бодли Хед» — оно случилось в процессе издания «Таинственного происшествия в Стайлз» и касалось написания слова «какао». По каким-то загадочным причинам слово, обознача-

¹ Скотленд-Ярд — традиционное название лондонской полиции, по названию части Уайтхоллского дворца, где некогда оставались претржавшие в Лондон короли Шотландии.

чавшее в тексте чашку какао, было набрано не «сосоа», а «сосо», что абсурдно, как сказал бы Эвклид¹.

На подобном написании яростно настаивала мисс Хаус — дракон, ведавший всей корректурой «Бодли Хед». «В наших книгах это слово всегда пишется именно так, — говорила она, — так правильно, и у нас в издательстве так принято». Я показывала ей банки из-под какао и словари — на нее это не производило ни малейшего впечатления. «Правильно так, как пишем мы», — твердила она. Много лет спустя, беседуя с Алленом Лейном, племянником Джона Лейна, основателем «Пингвина»², я припомнила, какие ожесточенные бои вела с мисс Хаус по поводу написания слова «какао». Он широко улыбнулся:

— Знаю, она доставляла нам массу хлопот, особенно когда постарела. В каких-то вещах переубедить ее было совершенно невозможно. Она отчаянно спорила с авторами и никогда не уступала.

По выходе книги я получала бесчисленное количество писем, в которых меня спрашивали, почему я так странно пишу это слово: «Видно, с орфографией у вас нелады». Очень несправедливо. У меня действительно всегда были нелады с орфографией, я и сейчас не слишком грамотно пишу, но слово «какао» я писать умею! А вот чего я не умею, так это настоять на своем. То была моя первая книжка, и я считала, что издательству виднее, чем мне.

На «Таинственное происшествие в Стайлз» было несколько хороших отзывов, но мне больше всего понравилась рецензия в «Фармацевтическом журнале». «Этот детективный роман» хвалили за то, что в нем «правильно описывается действие ядов, а не придумываются некие не существующие в природе вещества, которые так часто появляются на страницах других книг». «Мисс Агата Кристи, — говорилось в рецензии, — свое дело знает».

Я хотела было издавать книги под псевдонимом Мартин Уэст или Мостин Грей, но Джон Лейн настаивал, чтобы

¹ Эвклид (ок. 330—275 до н. э.) — один из величайших математиков Древней Греции, использовавший, в частности, метод доказательства, который был построен на отрицании противного положения как приводящего к абсурду.

² «Пингвин» — одно из крупнейших издательств Великобритании, выпускающее популярную литературу, преимущественно художественную, в мягкой обложке. Основано в 1963 году, его марка — изображение пингвина.

я сохранила собственные имя и фамилию — Агата Кристи, особенно имя. «Агата — имя редкое, — говорил он, — оно запоминается», поэтому пришлось отказаться от Мартина Уэста и навсегда сохранить фирменный знак «Агата Кристи». Мне почему-то казалось, что женщина в качестве автора, особенно автора детективов, будет встречена читателем с предубеждением, что Мартин Уэст звучит более мужественно и вызывает больше доверия. Однако, как я уже говорила, издавая первую книгу, вы уступаете издателю во всем. Впрочем, здесь Джон Лейн, кажется, действительно оказался прав.

Итак, я написала три книги, наслаждалась семейным счастьем, и теперь моим самым заветным желанием было поселиться за городом. У нас в округе не было ни одного парка. Каждый день тащиться с коляской даже до ближайшего из них и Джесси Суонсел, и мне было тяжело. Кроме того, над нами постоянно нависала угроза: дома собирались сносить. Они принадлежали Лайонам, а те намеревались построить на этом месте какие-то другие здания. Вот почему контракт и заключался лишь поквартирно. В любой момент нас могли поставить в известность, что дом сносится. Надо сказать, что на самом деле наш дом на Эдисон-роуд стоял как ни в чем не бывало и тридцать лет спустя, — правда, нынче его уже действительно нет. На его месте высится Кэдби-Холл.

Кроме прочих воскресных развлечений, мы с Арчи иногда позволяли себе поездку в Ист Кройдон на поезде. Там мы играли в гольф. Я никогда не была большой поклонницей гольфа, и Арчи играл в него прежде очень редко, но тут вдруг страстно полюбил. Через какое-то время мы уже ездили в Ист Кройдон каждую неделю. Я ничего не имела против, но тосковала по пешим прогулкам и еще не искоженным нами местам. Кончилось тем, что гольф сыграл весьма значительную роль в нашей жизни.

Арчи и Патрик Спенс — наш приятель, тоже работавший у Гольдштейна, — стали все более скептически смотреть на перспективы своей служебной карьеры: не похоже было, чтобы то, что им обещали, когда-нибудь осуществилось. Им несколько раз доверяли возглавлять правления разных компаний, но компании всегда оказывались весьма сомнительными, а иные из них находились на грани банкротства. Однажды Спенс сказал:

— Кажется, все они там мошенники, черт их подери. Правда, мошенничают, как ты знаешь, совершенно легально. Но мне это все же не нравится, а тебе?

Арчи согласился, что некоторые из их коллег особенного доверия не внушают.

— Я хотел бы поменять место службы, — задумчиво сказал он.

Работать в Сити ему нравилось, и у него были способности к такого рода занятиям, но Арчи все больше разочаровывало его начальство.

А затем произошло нечто абсолютно непредвиденное. У Арчи был друг, когда-то он учительствовал в Кливтонне — некий майор Белчер, весьма колоритная личность. Он обладал потрясающей способностью блефовать. По его собственной версии, именно это обеспечило ему во время войны теплое место — он ведал заготовкой картофеля. Какие из белчеровских историй были выдумкой, какие настоящими, мы никогда не узнаем, но рассказчиком он был замечательным, и эта история — из его лучших. Попробую ее пересказать.

Когда началась война, ему было уже хорошо за сорок, и хоть он служил в военном министерстве, его эта работа не устраивала. Однажды вечером, когда он ужинал с некой очень важной персоной, речь зашла о картошке, с которой в 1914—1918 годах действительно были большие трудности. Помню, она исчезла сразу же после начала войны. У нас в госпитале ее не водилось никогда. Не знаю, были ли мы обязаны этим белчеровской «инспекции», но я не удивилась бы.

— Этот надутый старый дурак взял да и брякнул, — рассказывал Белчер, — что положение с картошкой скоро станет серьезным, очень серьезным. Я говорю, надо что-то делать. Слишком много лодырей развелось. Нужно кому-то одному взять это дело под свой контроль. Он со мной согласился. «Но имейте в виду, — продолжал я, — этому человеку придется хорошо платить. Пожидничайте — нечего и надеяться заполучить стоящего кандидата, а вам нужен первоклассный специалист. Вы обязаны назначить ему жалованье не меньше...» — и тут я назвал сумму в несколько тысяч фунтов. «Это уж чересчур», — ответила важная персона. «Но и специалист должен быть очень хороший, — возразил я. — Если бы мне лично предложили это место за такие деньги, я бы ни за что не согласился».

Это была ключевая фраза. Несколько дней спустя Белчера умоляли, по его словам, согласиться стать инструктором по заготовке картофеля и принять жалованье, которое он сам определил.

— А что вы знали о картошке? — спросила его я.

— Ничего, — ответил Белчер. — Но я и не собирался делать вид, что знаю. Можно выйти из любого положения, если только иметь заместителя, который немножко в курсе дела, он еще почитает что-нибудь — и дело в шляпе.

Этот человек обладал замечательным свойством — он умел производить впечатление. Белчер был уверен в своих организаторских способностях и легко внушал такую же уверенность окружающим, это уж после они обнаруживали, что он успел натворить. По правде сказать, едва ли существовал на свете человек, менее способный к организаторской деятельности. Как и многие политики, он считал, что главное — сначала разрушить всю промышленность или что бы оно там ни было и, ввергнув в хаос, затем собрать снова, как сказал бы Омар Хайям, «сердечной ближе воле». Но когда наставало время строить, от Белчера не было никакого толку. Увы, люди обычно понимали это слишком поздно.

На каком-то этапе своей карьеры он попал в Новую Зеландию, где так увлек администрацию одной из школ своими планами реорганизации учебного процесса, что его немедленно назначили директором. Спустя год ему предлагали крупную сумму денег, чтобы он отказался от должности — вовсе не из-за какого-нибудь бесчестного поступка с его стороны, а только лишь из-за неразберихи, которую он создал, и ненависти, которую вызвал у окружающих. Сам он находил удовольствие в том, что называл «перспективным, современным, прогрессивным методом руководства». Как я уже сказала, фигурой он был весьма колоритной. Иногда его нельзя было не ненавидеть, иногда — не любить.

Однажды Белчер пришел к нам на обед. К тому времени с картофельным бизнесом было покончено, и он поведал нам о своей очередной затее.

— Вы слышали о Всебританской имперской выставке, которая должна состояться через полтора года? Ее следует должным образом организовать. Нужно привести в боевую готовность доминионы, чтобы они активно участвовали в этом мероприятии. Я взял на себя важную миссию — от имени Британской империи отправляюсь в январе в кругосветное путешествие. — Он описал свой план в подроб-

ностях. — Мне нужен советник по финансам. Ты как на этот счет, Арчи? У тебя всегда была голова на плечах. Ты ведь директорствовал в кливтонской школе и в своем Сити небось тоже много чему научился. Ты именно тот, кто мне нужен.

— Но я не могу оставить работу, — ответил Арчи.

— Почему? Пусть твой начальник сам поработает. Скажи ему, что поездка позволит тебе приобрести необходимый опыт. Я думаю, он сохранит за тобой место.

Арчи был далеко не уверен, что мистер Гольдштейн поступит именно так.

— Тем не менее подумай, приятель. Я бы хотел видеть тебя своим попутчиком. Агата, конечно, тоже может ехать. Ведь она любит путешествовать, правда?

— Да, — тут же выпалила я.

— Маршрут такой. Сначала отправляемся в Южную Африку. Мы с тобой и секретарь, разумеется. С нами поедут еще Хэйемы. Ты знаком с Хэйемом? Это каргофельный король из Восточной Англии. Отличный малый, мой большой друг. Он берет с собой жену и дочь. Но они поедут только до Южной Африки. Более долгого путешествия он себе позволить не может: у него здесь куча дел. Мы же после этого двинемся в Австралию, а оттуда — в Новую Зеландию. Там я беру небольшой отпуск — у меня в Новой Зеландии масса друзей; мне очень нравится эта страна. Быть может, мы отдохнем там с месячишко. А вы можете съездить на Гавайи¹, если захотите, в Гонолулу.

— Гонолулу! — выдохнула я. Это звучало как сказка.

— Затем дальше, в Канаду, а оттуда — домой. Все это займет месяцев десять. Ну как?

До нас только теперь дошло, что он не шутит. Мы стали тщательно взвешивать все «за» и «против». Для Арчи поездка, разумеется, будет бесплатной, более того, он получит жалованье в размере тысячи фунтов. Если я решу ехать, почти все мои дорожные расходы снимаются, поскольку я жена Арчи, а женам предоставляется бесплатный проезд на судах и национальных железнодорожных линиях.

Мы лихорадочно стали изыскивать средства. В целом казалось, что мы уложимся. Тысяча фунтов жалованья Арчи пойдет на мое проживание в отелях и на наш месячный

¹ Гавайи — группа островов в северной части Тихого океана, имеющая статус штата США, а также самый крупный из Гавайских островов, главным городом которого является Гонолулу

отдых в Гонолулу. Конечно денег будет в обрез, но все же мы можем позволить себе эту поездку.

Мы с Арчи уже дважды ненадолго ездили за границу отдохнуть: один раз — в Южную Францию, в Пиренеи, другой — в Швейцарию. Мы оба обожали путешествовать — мне, конечно же, привили вкус к странствиям родители, еще тогда, когда в семилетнем возрасте взяли с собой за границу. Я мечтала увидеть мир, но у меня были основания опасаться, что мечта моя не осуществится никогда. Мы теперь были связаны с бизнесом, а по моим наблюдениям, у делового человека отпуск никогда не превышает двух недель. За две недели далеко не уедешь. Я грезилась Китаем и Японией, Индией и Гавайями, множеством других стран, но грезы мои оставались грезами и грозили остаться ими навсегда.

— Вопрос лишь в том, — сказал Арчи, — как отнесется к этой идее Желтолицый.

Я выразила надежду, что ему без Арчи не обойтись. Арчи подозревал, что его начальник легко найдет на его место не менее ценного сотрудника — рынок рабочей силы по-прежнему кишел безработными. Как бы то ни было, «этот старый зануда Желтолицый» не клюнул. Он пообещал лишь, что, может быть, снова возьмет Арчи на службу по его возвращении — это будет зависеть от обстоятельств, — но держать для него почти год место — это было бы чересчур. Так что, если Арчи хочет пойти на риск, дело хозяйское. Мы обсудили ситуацию.

— Это риск, — сказала я. — Страшный риск.

— Да, риск. Мы можем потом вернуться в Англию без гроша в кармане, имея лишь ренту в сто фунтов на двоих и больше ничего, а работу найти будет трудно, — вероятно, даже труднее, чем теперь. Но пойми: если не рисковать, никогда ничего и не достигнешь, ведь так? Но решать — тебе, — продолжал Арчи. — Что мы будем делать с Головастиком? — так мы называли в то время Розалинду, после того как однажды кто-то так назвал ее в шутку.

— Москитик, — а это прозвище с легкой руки ее сына накрепко пристало к моей сестре, — возьмет Головастика. Или мама — они будут счастливы. К тому же у нее есть няня. Тут проблем не будет. Арчи, такой шанс нам больше никогда в жизни не выпадет, — с тоской сказала я.

Мы все думали и сомневались.

— Ты-то, разумеется, можешь ехать в любом случае, — говорила я, заставляя себя быть великодушной, — а я останусь. — При этом я смотрела на него, он — на меня.

— Нет, одну я тебя не оставлю, — отвечал он. — Мне и путешествие будет не в радость. Либо ты решаешься, и мы едем вместе, либо не едет никто, но последнее слово за тобой, потому что ты рискуешь больше, чем я.

И снова бесконечные обсуждения... Наконец я сдалась.

— Думаю, ты прав, — сказала я, — это наш шанс. Упустим — никогда себе не простим. Как ты сам любишь говорить: если не умеешь ловить удачу, стоит ли вообще жить.

Мы никогда не отличались осмотрительностью — поженились наперекор всем, а теперь собирались отправиться мир поглядеть, не задумываясь о том, что ждет нас потом.

Домашние проблемы все уладились довольно просто. Квартуру удалось с выгодой сдать и за этот счет уплатить жалованье Джесси. Мама и сестра с восторгом согласились взять Розалинду с няней. Единственное осложнение возникло в последний момент, когда выяснилось, что мой брат Монти приезжает в отпуск из своей Африки. Сестра была вне себя оттого, что я уеду как раз в это время и не увижусь с ним.

— Твой единственный брат возвращается после стольких лет отсутствия, после ранения, полученного на войне, а ты отправляешься в кругосветное путешествие?! Я считаю это просто неприличным. Тебе следовало бы понимать, что брат важнее.

— Ну а я так не думаю, — отвечала я. — Для меня муж важнее. Он едет вокруг света, и я еду с ним. Жены должны следовать за своими мужьями повсюду.

— Монти твой единственный брат, и, быть может, ты не сможешь его увидеть еще много лет!

В конце концов она чуть было действительно не усовестила меня; но мама твердо оставалась на моей стороне.

— Обязанность жены быть рядом с мужем, — говорила она. — Муж всегда должен оставаться на первом месте, даже дети — после, а брат тем более. Помните: если слишком часто оставлять мужа одного, вы в конце концов его потеряете. А с таким мужчиной, как Арчи, нужно быть особенно осмотрительной.

— Уверена, что ты ошибаешься, — возмущалась я. — Арчи — самый верный человек на свете.

— Мужчинам никогда нельзя доверять, — возражала мать в истинно викторианском духе, — женщина обязана быть подле мужа везде; если ее нет рядом, у него возникает ощущение, что он вправе забыть ее.

Часть шестая

ВОКРУГ СВЕТА

Глава 1

Кругосветное путешествие обещало стать одним из самых волнующих событий моей жизни. Я была в таком восторге, что никак не могла поверить в его реальность и без конца повторяла себе: «Я еду вокруг света!» Самым замечательным было, разумеется, предвкушение отдыха в Гонолулу. Возможность побывать на одном из Гавайских островов превосходила все самые дерзкие мои мечты. Сегодня человеку трудно представить себе, что это значило тогда. Сейчас международные туры и круизы — дело обычное. Стоимость их весьма умеренная, так что рано или поздно любой может позволить себе такое путешествие.

Когда мы с Арчи ездили в Пиренеи, нам пришлось путешествовать вторым классом и всю ночь сидеть. (Третий класс на европейских железных дорогах можно было сравнить с самыми дешевыми местами на океанских кораблях. Даже в Англии дамы, путешествовавшие в одиночку, никогда не пользовались третьим классом, ибо их там ожидали, если верить Бабушке, лишь клопы, вши и пьяные оборванцы. Горничные, сопровождавшие дам, и те ездили только вторым классом.) В горах мы совершали пешие переходы, а ночевали в дешевых гостиницах. Но даже такое путешествие было для нас роскошью.

Теперь же нам предстоял поистине шикарный вояж. Белчер, как и следовало ожидать, все организовал по первому разряду. Миссии Всебританской имперской выставки пристал лишь самый первоклассный прием. Все мы, как один, были теми, кого в наши дни называют ви-ай-пи¹.

Мистер Бейтс, секретарь Белчера, серьезный и немного наивный человек, был прекрасным секретарем, но имел обличье театрального злодея — черные волосы и горящий взор придавали ему зловещий вид.

¹ Ви-ай-пи — распространенное сокращение, образованное начальными буквами английских слов, означающих «очень важная персона».

— Похож на отъявленного убийцу, правда? — сказал о нем Белчер. — Так и кажется, что он вот-вот перережет тебе горло. А на самом деле — наивоспитаннейший молодой человек.

По пути в Кейптаун¹ мы не переставали удивляться, как смиренно Бейтс сносил тяготы секретарской службы у Белчера. Тот обращался с ним грубо, заставлял выполнять свои поручения в любое время дня и ночи, когда ему заблагорассудится, проявлять пленки, стенографировать, писать и переписывать письма, содержание которых Белчер без конца менял. Полагаю, ему платили хорошее жалование — другого объяснения такому многотерпению я не нахожу, тем более что никакой любви к путешествиям Бейтс не испытывал. Более того, пребывание в чуждых пределах страшно нервировало его, особенно он боялся змей, которые — он не сомневался — будут встречаться нам в огромных количествах в каждой из тех стран, куда мы направлялись, и которые только и ждали момента, чтобы напасть именно на него.

Восторги по поводу отплытия — по крайней мере, мои — вскоре были забыты. Погода установилась ужасная. Все казалось чудесным на борту «Замка Килдонан» до тех пор, пока море не вступило в свои права. Бискайский залив² показал худшее, на что способен. Я лежала у себя в каюте едва живая от морской болезни. В течение четырех дней я пребывала в прострации, не в силах ничего удержать в желудке. Наконец Арчи пригласил ко мне судового врача. Не думаю, чтобы доктор сколько-нибудь серьезно относился к морской болезни. Он дал мне что-то, что, по его словам, «могло помочь успокоить внутренности», но, как выяснилось, снадобье не произвело на меня никакого действия. Я продолжала стонать, мне казалось, что я умираю, да я, вероятно, и была похожа на покойницу, потому что дама из соседней каюты, случайно увидев меня через открытую дверь, позже поинтересовалась у стюарда:

— А что, дама в соседней каюте еще жива?

Однажды вечером я решила серьезно поговорить с Арчи.

¹ Кейптаун — крупный город и порт на юге Южно-Африканской Республики.

² Бискайский залив — залив Атлантического океана, омывающий запад Франции и север Испании.

— Когда мы прибудем на Мадейру, — сказала я, — если буду еще жива, я сойду на берег.

— О, я думаю, тебе скоро станет лучше.

— Нет, мне уже никогда не станет лучше. Я должна сойти с корабля. Я хочу остаться на твердой почве.

— Но тебе все равно придется как-то вернуться в Англию, — напомнил Арчи, — даже если ты сойдешь с корабля на Мадейре¹.

— Не придется, — ответила я, — я останусь там навсегда. Найду какую-нибудь работу.

— Какую работу? — не веря своим ушам, изумился Арчи. В то время спрос на женский труд и впрямь был невысок. Женщины были тогда либо дочерьми, которых следовало содержать, либо женами, которых тоже следовало содержать, либо вдовами, которым приходилось существовать на то, что оставили им покойные мужья или чем помогали родственники. Могли они еще жить в компаньонках у пожилых дам или при детях в качестве нянь-гувернанток. Я, однако, изыскала еще одну возможность и ответила:

— Я могу стать горничной, мне даже очень нравится быть горничной.

Спрос на горничных, особенно высокого роста, не падал никогда. Рослой горничной найти работу было нетрудно — почитайте чудную книжку Марджери Шарп² «Клуни Браун», — а я не сомневалась, что справлюсь наилучшим образом. Я умела сервировать стол, могла бы докладывать о гостях, чистить столовое серебро — мы всегда сами чистили дома серебряные рамки для фотографий и всякие безделушки, — и прислуживать за столом как-нибудь бы уж сумела.

— Да, — подвела я итог своим размышлениям, — я смогу работать горничной.

— Ну ладно, посмотрим, — примирительно сказал Арчи, — давай сначала доберемся до Мадейры.

К тому времени когда мы туда прибыли, я была так слаба, что не состоянии была даже встать с постели. Я поня-

¹ Мадейра — остров в Атлантическом океане у северо-западных берегов Африки, принадлежащий Португалии. Известный зимний курорт.

² Шарп Марджери (1905—1998) — английская писательница; «Клуни Браун» — один из самых известных ее романов.

да, что еще пара таких дней — и я умру... Больше мне ничего не остается... Но за те пять-шесть часов, что корабль простоял на Мадейре, мне вдруг стало намного лучше. Следующее утро было ясным и солнечным, море успокоилось. И вскоре я уже недоумевала: что это я подняла такой шум из-за пустяков? В конце концов ничего страшного не произошло — всего лишь морская болезнь, с кем не бывает...

На самом деле нет пропасти более глубокой, чем та, что разделяет людей на страдающих и не страдающих морской болезнью. Им не дано друг друга понять. Я так и не смогла привыкнуть к качке. Все пытались меня убедить, что надо потерпеть лишь первые несколько дней, а потом все проходит. Это неправда. При малейшем волнении, особенно при килевой качке, я заболела. Но, начиная с того момента и до конца путешествия, погода была в основном хорошая, мне повезло.

Воспоминания о Кейптауне и по сей день у меня наиболее яркие, хотя потом было много очень интересного; наверное, потому, что это был первый настоящий порт на нашем пути и все там казалось новым и необычным. Кафские горы, Столовые горы со странными плоскими вершинами, яркое солнце, вкусные персики — все было восхитительным. Я никогда там больше не бывала — сама не знаю почему, ведь мне там так понравилось! Мы остановились в одном из лучших отелей, где Белчер сразу же показал себя во всей красоте. Он устроил скандал по поводу фруктов, поданных к завтраку, — по его мнению, они были жесткими и неспелыми.

— И это вы называете персиками?! — гремел он. — Да ими можно в мяч играть, им ничего не сделается! — И он демонстративно шмякнул об пол штук пять персиков. — Видите?! Они даже не лопнули. Спелые превратились бы в кашу.

Именно тогда меня впервые посетило подозрение, что путешествие с Белчером может оказаться не таким уж приятным.

Я пишу не книгу путешествий — просто останавливаюсь на тех впечатлениях, которые запали в душу, на событиях, которые были для меня важны, и местах, которые меня очаровали. Южная Африка оказалась очень памятным местом. В Кейптауне наша команда разделилась. Арчи, миссис Хэйем и Сильвия отправились в Порт-Элиза-

бет¹, а оттуда — в Родезию². Белчер, мистер Хэйем и я — на алмазные копи в Кимберли³ и далее, через горы Магато, в Солсбери⁴, где все мы должны были воссоединиться. Память снова переносит меня в те пыльные знойные дни, в поезд, следующий на север через горы Кару. Страдая от постоянной жажды, мы все время пили лимонад со льдом. Помню длинное прямое полотно железной дороги в Бечуаналенде⁵. Мелькают смутные воспоминания о том, как Белчер изводил Бейтса и спорил с Хэйемом. Матопы произвели на меня большое впечатление нагромождениями валунов-колоссов — словно какой-то великан разбросал их повсюду.

В Солсбери мы очень приятно провели время в обществе веселых местных англичан, оттуда мы с Арчи совершили краткую поездку к водопаду Виктория⁶. Наверное, хорошо, что я больше никогда там не бывала, — мое первое впечатление осталось неприкосновенным. Огромные деревья, прозрачная пелена мелких брызг, переливающаяся всеми цветами радуги, наши прогулки по лесу и редкие мгновенья, когда радужная пелена, расступаясь, открывала взору водопад, низвергающийся с высоты во всем своем величии. Да, для меня он навсегда остался одним из моих семи чудес света.

Ездили мы и в Ливингстон⁷, видели там плавающих в реке крокодилов и гиппопотамов. Из этой поездки я привезла множество вырезанных из дерева фигурок животных, которые местные мальчишки выносили к поезду и отдавали за трех- или шестипенсовые монетки. Фигурки были оча-

¹ Порт-Элизабет — город и порт в ЮАР.

² Родезия — страна в Южной Африке, в прошлом колония Великобритании, после Второй мировой войны Южная Родезия стала Независимой Республикой Зимбабве, а Северная Родезия — Республикой Замбия.

³ Кимберли — город в Южной Африке, где было обнаружено крупное месторождение алмазов.

⁴ Солсбери — так назывался город Хараре в Зимбабве до 1982 года.

⁵ Бечуаналенд — в 1885—1966 годах протекторат Великобритании в Африке, в дальнейшем — государство Ботсвана.

⁶ Водопад Виктория — водопад на реке Замбези в Южной Африке, воды которого падают с высоты 120 м.

⁷ Ливингстон — город в Замбии вблизи водопада Виктория, открытого известным английским исследователем Африки Дэвидом Ливингстоном (1813—1873).

ровательны. У меня сохранилось несколько — вырезанных из мягкого дерева и разукрашенных выжженными рисунками: антилопы, жирафы, гиппопотамы, зебры — наивные, примитивные, но по-своему очаровательные и изящные.

Потом мы поехали в Йоганнесбург¹, который мне совершенно не запомнился, в Преторию², от которой в памяти остался лишь золотой прямоугольник административного здания Соединенного Королевства; затем в Дурбан³, который меня разочаровал, так как купаться там можно лишь в «загоне», отгороженном от открытого моря сеткой. Вообще больше всего в Капской провинции⁴ мне понравился отдых на море. Как только удавалось улучшить несколько часов — разумеется, это относилось к Арчи, — мы садились в поезд, ехали в Муизенберг, становились на доски для серфинга и наслаждались катанием на волнах. В Южной Африке такие доски делают из легкого, но прочного дерева, на них любой легко научается скользить по воде. Правда, бывает весьма неприятно и больно, если вдруг упадешь, уткнувшись носом в песок, но в общем это совсем не трудный вид спорта и доставляет огромное наслаждение. В дюнах мы устраивали пикники. Помню чудесные цветы, особенно те, что росли, кажется, в усадьбе дома или дворца епископа, куда нас приглашали на прием. Там был сад красных цветов и сад голубых цветов на длинных стеблях. Голубой сад особенно хорошо на фоне свинцово-серой ограды.

С деньгами в Южной Африке проблем не было, и это способствовало отличному настроению. Почти во всех отелях мы считались гостями правительства, и путешествия по железной дороге были для нас бесплатными — поэтому лишь поездка на водопад Виктория потребовала существенных расходов.

Из Южной Африки наш путь лежал морем в Австралию. Это было долгое и весьма однообразное плавание. Я никак не могла взять в толк объяснения капитана и поверить, что кратчайший путь из Кейптауна в Австралию пролегает че-

¹ Йоганнесбург — крупнейший в ЮАР центр золотодобывающей промышленности, финансовый центр.

² Претория — столица ЮАР.

³ Дурбан (Порт-Наталь) — город и порт в ЮАР на побережье Индийского океана.

⁴ Капская провинция — провинция ЮАР с административным центром Кейптаун.

рез Южный полюс, почему нам и понадобилось плыть сначала на юг, а потом снова на север. Он даже чертил какие-то диаграммы, которые в конце концов меня убедили, но так трудно все время помнить, что земля круглая, а полюса — плоские. Это, разумеется, научный факт, однако в реальности его почти невозможно себе представить. Солнце светило не часто, но в общем путешествии было тихим и приятным.

Меня всегда удивляло, что описание разных стран никогда не совпадает с тем, что видишь потом воочию. Я представляла себе Австралию как бескрайнюю голую пустыню, по которой скачут стада кенгуру. По прибытии в Мельбурн¹ меня поразили необычный вид тамошних деревьев и то, какое своеобразие сообщают пейзажу австралийские эвкалипты. Первое, на что я всегда обращаю внимание, это деревья и форма возвышенностей. В Англии мы привыкли к тому, что у деревьев темные стволы и светлые густые кроны; в Австралии, на удивление, все наоборот. Кора на деревьях серебристо-белая, а листва темная — это похоже на негатив и преобразует весь пейзаж. И настоящее чудо — попугаи: голубые, красные, зеленые, они летают стаями, громко хлопая крыльями. У них потрясающая окраска: кажется, будто по небу порхают драгоценные украшения.

В Мельбурне мы пробыли недолго и совершили оттуда несколько разных вылазок. Одна мне запомнилась особенно — из-за гигантских древовидных папоротников. Вот уж никак не ожидала увидеть в Австралии густые заросли этих тропических растений. Очень красиво и необычно. С едой возникали, однако, трудности. Помимо гостиницы в Мельбурне, где кухня была превосходной, нигде не подавали ничего, кроме невероятно жесткой индейки. Бытовые условия тоже несколько смущали — все-таки я получила викторианское воспитание. Для начала всех женщин нашей экспедиции любезно проводили в одну комнату, посреди которой у всех на виду, стояли две ночные вазы, готовые к использованию. Укрыться было совершенно негде, и это создавало серьезные неудобства...

В Австралии, а потом и в Новой Зеландии я допустила непростительную оплошность, нарушив местные правила

¹ Мельбурн — город и порт на юго-востоке Австралии.

поведения за столом. Нашу миссию обычно опекал мэром или глава торгового представительства. На одном из первых обедов, устроенных в нашу честь, я по наивности прошла и села за стол рядом с мэром или каким-то другим высоким официальным лицом. Ехидного вида старуха сказала мне: «Думаю, миссис Кристи, вам приятнее будет сидеть рядом с мужем». Весьма смущенная, я быстро ретировалась и заняла место возле Арчи. Оказывается, там было принято, чтобы во время подобных обедов каждая женщина сидела подле своего мужа. Как-то в Новой Зеландии я запамятовала это правило, но уж после того всегда хорошо помнила свое место.

В Новом Южном Уэльсе¹ мы остановились на маленькой станции под названием, если не ошибаюсь, Янга, там было широкое озеро, и по нему плавали черные лебеди. Очень красиво! Пока Белчер с Арчи отдавали все силы на благо Британской империи, отстаивая ее интересы в сфере торговли, миграции населения и ряде других, мне было позволено, к великой моей радости, посидеть в апельсиновой роще. Там стоял чудесный шезлонг, в небе восхитительно светило солнце, и, если память мне не изменяет, я съела двадцать три апельсина, тщательно отбирая самые аппетитные плоды на ближних деревьях. Нег ничего лучше спелого апельсина, сорванного прямо с ветки. В Австралии я сделала для себя немало открытий в области растениеводства. К примеру, прежде я представляла себе, что ананасы изящно свешиваются с ветвей ананасного дерева, и была потрясена, когда до меня дошло, что поле, которое я приняла за капустное, на самом деле — плантация ананасов. Я даже немного расстроилась, что столь изысканный плод так прозаически произрастает.

Чаще всего мы путешествовали по Австралии поездом, но возили нас и на машине. Именно тогда я поняла, насколько опасной может оказаться автомобильная поездка по бескрайним просторам плоских пастбищ, где однообразие линии горизонта лишь изредка нарушается очертаниями ветряной мельницы: здесь, в буше, как называют эти просторы местные жители, ничего не стоит заблудиться. Солнце стоит так высоко над головой, что теряешь всякое представление о частях света, и нигде нет никаких ориен-

¹ Новый Южный Уэльс — штат на юго-востоке Австралии.

тиров. Я представить себе не могла, что пустыня бывает покрыта зеленой травой — пустыня, по моим понятиям, должна быть песчаной. И даже в песчаной пустыне, похоже, гораздо больше всякого рода возвышений и ориентиров, помогающих отыскать дорогу, чем на зеленых пастбищах Австралии.

Затем мы отправились в Сидней¹ и очень весело провели там время, хотя я и была несколько разочарована видом сиднейской гавани — ранее мне приходилось слышать, что бухты Сиднея и Рио-де-Жанейро — самые красивые в мире. Видимо, я слишком много ждала. К счастью, мне так и не довелось побывать в Рио, поэтому картина, представляющаяся моему воображению, имеет шанс остаться по-прежнему великолепной.

Именно в Сиднее мы познакомились с семьей Беллов. Когда бы я ни вспоминала об Австралии, я всегда вспоминаю Беллов. Молодая женщина, чуть постарше меня, однажды подошла ко мне в сиднейском отеле, представилась Уной Белл и пригласила всех нас погостить у них на ферме в Квинсленде² в следующие выходные дни. Поскольку Арчи с Белчером должны были прежде совершить поездку по ряду очень скучных мест, решили, что я сразу поеду с Уной на их ферму в Каучин-Каучине и буду поджидать там остальных.

Мы очень долго, помню, несколько часов, ехали на поезде, и я смертельно устала, потом продолжили путешествие на машине и в конце концов прибыли в Каучин-Каучин, неподалеку от Буны в Квинсленде. Полусонная с дороги, я вдруг очутилась в гуще бурлящей жизни. Комнаты, освещенные лампами, были полны симпатичных девушек, наперебой предлагавших выпить какао, кофе — все что душе угодно; девушки разговаривали одновременно и весело смеялись. Я была в таком состоянии, что все предметы перед глазами не то раздваивались, не то расцветались, поэтому мне показались, что семья Беллов состоит не менее чем из двадцати шести человек. На следующий день их количество сократилось до четырех дочерей и четырех сыновей. Все де-

¹ Сидней — крупный экономический и культурный центр Австралии в штате Новый Южный Уэльс.

² Квинсленд — штат в восточной части Австралии.

вочки были немножко похожи друг на друга, кроме Уны — у той были темные волосы. Остальные — светловолосые, высокие, с удлиненными лицами; все были очень грациозны, прекрасно ездили верхом и сами напоминали молодых, резвых кобылок.

Это была чудесная неделя! В девицах Белл жизнь была ключом — я с трудом поспевала за ними, а в братьев, во всех по очереди, я просто влюбилась: Виктор — весельчак, умеющий очаровательно ухаживать, Берт — великолепный наездник, весьма основательный человек; Фрик — тихий, спокойный, большой меломан. Помню, именно Фрику я отдала свое сердце. Спустя много лет его сын Гилфорд участвовал в археологической экспедиции в Ираке и Сирии, в которой работали и мы с Максом, и я до сих пор считаю Гилфорда почти своим сыном.

Главой семьи была мать, миссис Белл, давно уже к тому времени овдовевшая. Она чем-то напоминала королеву Викторию — невысокая, седовласая, со спокойной, но властной манерой держаться. Миссис Белл управляла семьей как самодержица, и так к ней в семье и относились — как к владычице.

Среди слуг, работников фермы и подсобных рабочих, большинство которых были полукровками, один или два были чистокровные аборигены. Эйлин Белл, младшая из сестер, чуть ли не в первое же утро сказала мне:

— Вы должны увидеть Сьюзен.

Я спросила, кто такая Сьюзен.

— О, она одна из черных. — Аборигенов называли «черными». — Из самых настоящих, чистокровных черных. И она замечательно всех изображает.

Итак, передо мной предстала сгорбленная пожилая аборигенка — по-своему такая же королева, как и миссис Белл. Она продемонстрировала свое искусство, изобразив всех сестер, кое-кого из братьев, каких-то детей и даже лошадей. Сьюзен оказалась превосходным мимом и получала удовольствие от своего представления. Еще она фальшивя пела странные мелодии.

— А теперь, Сьюзен, — сказала Эйлин, — покажи, как мама идет поглядеть кур.

Но Сьюзен покачала головой, и Эйлин пояснила: она никогда не показывает маму, считает, что это было бы неуважением к ней.

У Эйлин было несколько собственных обычных прирученных кенгуру и валлаби¹, а также множество собак и, разумеется, лошадей. Все Беллы старались подвигнуть меня на верховую прогулку, но я хорошо помнила свои более чем скромные спортивные достижения в Девоне. Кроме того, я не люблю ездить на чужих лошадях, опасаясь повредить их ненароком. В конце концов Беллы сдались, и мы носились по окрестностям на машине. Мне было очень интересно посмотреть на работу пастухов и прочие фермерские труды. Похоже, Беллам принадлежала солидная часть Квинсленда и, если бы у нас было больше времени, сказала Эйлин, она свозила бы меня на север, на дальние пастбища, которые были еще более дикими и обширными. Никто из сестер Белл никогда не закрывал рта. Они обожали своих братьев, откровенно преклонялись перед ними, словно перед героями, и для меня в этом было что-то необычное. Сестры постоянно куда-то неслись — на дальние пастбища, к друзьям, в Сидней, на собрания — и напропалую флиртовали с разными молодыми людьми, которых почему-то называли «купонами», — видимо, это прозвище было отголоском войны.

Наконец приехали Арчи с Белчером, совершенно измученные. Мы весело и беззаботно провели выходные дни, участвуя в неожиданных развлечениях, в частности совершили поездку на маленьком поезде, и мне доверили несколько миль вести паровоз. В конечном пункте путешествия нас ждал ленч, устроенный членами парламента от австралийской лейбористской партии. Ленч получился веселым и шумным, многие парламентарии хорошо выпили и, когда на обратном пути они по очереди исполняли обязанности машиниста, наши жизни подвергались смертельной опасности, ибо поезд разогнали до невероятной скорости.

Увы, настало время прощаться с новыми друзьями — с большей их частью, по крайней мере, потому что некоторые решили провожать нас до Сиднея. Мелькнули за окнами Синие горы, и меня снова привели в восторг краски — никогда прежде мне не доводилось видеть пейзажа, столь необычно расцвеченного. Вдали горы были действительно синими, а не серо-голубыми, какими мы привыкли видеть горы. Казалось, кто-то только что нарисовал их на чистом листе бумаги свежими красками.

¹ Валлаби — небольшие кенгуру, величиной с кролика.

Австралия потребовала от членов нашей миссии напряжения всех сил. Каждый день приходилось произносить речи, присутствовать на обедах, ужинах, приемах, совершать длительные переезды. К концу я уже знала все выступления Белчера наизусть. Он был хорошим оратором, делал вид, что произносит свои речи экспромтом, получалось весьма выразительно, словно то, что он говорил, только что пришло ему в голову. Арчи удачно оттенял его, производя впечатление человека практичного в финансовых делах и благоразумного. В начале нашего путешествия — думаю, это было в Южной Африке — Арчи назвали в газетах «управляющим Английским банком». Поскольку никаких опровержений не последовало, он продолжал оставаться для прессы «управляющим Английским банком».

Из Австралии мы поплыли на Тасманию¹, от Лонсестона² до Хобарта³. Хобарт неправдоподобно красив: темно-синее море, дивная бухта, цветы, деревья, кустарники.. Я решила, что когда-нибудь нужно непременно вернуться и пожить там подольше.

После Хобарта наш путь лежал в Новую Зеландию. Отлично помню эту часть путешествия, ибо как раз тогда мы попали в лапы человека, которого прозвали Дегидратором. В те времена очень модной считалась идея обезвоживания пищи. Любой продукт этот человек рассматривал только с одной точки зрения. как дегидрировать его, и не было обеда, завтрака или ужина, чтобы он не посылал нам со своего стола тарелки каких-то особых яств с просьбой отведать их. Нам предлагались обезвоженная морковь, сливы — все без исключения лишенное воды и всякого вкуса.

— Если придется и дальше притворяться, что я с удовольствием ем эту обезвоженную дрянь, — говорил Белчер, — я сойду с ума. — Но поскольку Дегидратор был богат и влиятелен и мог оказать немалую услугу Всебританской имперской выставке, Белчеру приходилось сдерживаться и продолжать играть в игру с обезвоженной морковкой и картошкой.

К тому времени стали сказываться прелести совместного путешествия. Белчер уже не был нашим другом, с ко-

¹ Тасмания — австралийский штат, расположенный на одноименном острове у юго-восточного побережья Австралии.

² Лонсестон — город и порт на острове Тасмания.

³ Хобарт — столица и главный морской порт Тасмании.

торым приятно посидеть за столом. Он оказался грубым, самонадеянным, невыдержанным, заносчивым и скупым до смешного. К примеру, он регулярно просил меня купить ему белые хлопковые носки или другие принадлежности туалета, но никогда не возвращал денег за покупки.

Если у него портилось настроение, он становился просто невыносимым, вызывая у окружающих крайнее раздражение. Вел себя как избалованный, капризный ребенок. Обезоруживало, однако, то, что, когда настроение у него исправлялось, он становился таким доброжелательным и милым, что мы переставали скрежетать зубами и снова поддавали под его обаяние. О приближении «грозы» мы всегда знали заранее, так как Белчер начинал медленно надуваться и лицо его наливалось кровью, словно индюшачий гребешок. Это означало, что вот-вот он на кого-нибудь кинется. А в добром расположении духа он любил рассказывать «охотничьи» байки, которых имел в запасе множество.

Я и теперь считаю, что Новая Зеландия — самая красивая из всех виденных мною стран. Облик ее совершенно необычен. Мы приплыли в Веллингтон¹ чудесным ясным днем, какие, по утверждению местных жителей, выдаются не часто. Оттуда направились в Нельсон² и дальше вниз по Южному острову, через ущелья Буллер и Кауафару. Природа вокруг была изумительной. Я тогда поклялась снова приехать туда как-нибудь весной — весной по их календарю, не по нашему, — когда цветут ратании³ и все становится золотым и красным. Я не исполнила клятвы. Новая Зеландия находилась всегда так далеко от меня. Сейчас, когда можно путешествовать по воздуху, поездка занимает всего два-три дня, но для меня время путешествий закончилось.

Белчер был счастлив снова оказаться в Новой Зеландии. У него сохранилось там много друзей, и он радовался как школьник. Провожая нас с Арчи в Гонолулу, он пожелал нам приятно провести время. Для Арчи было насто-

¹ Веллингтон — столица Новой Зеландии, расположенная на Северном острове.

² Нельсон — город в Новой Зеландии, расположенный на Южном острове.

³ Ратании — многолетние растения семейства бобовых, произрастающие в Южной и Северной Америке, некоторые виды ратаний — декоративные, цветут красными и ярко-пурпурными цветами.

ящим блаженством освободиться от работы и отдохнуть от бесконечных споров с капризным и брюзгливым коллегой. Мы позволили себе восхитительно праздное путешествие, останавливаясь на Фиджи¹ и других островах, и наконец прибыли в Гонолулу. Это было гораздо более цивилизованное место, чем мы себе представляли, — повсюду множество отелей, дорог, машин. Приехав рано утром и расположившись в своих гостиничных комнатах, мы увидели из окна людей, скользящих по волнам на досках для серфинга, тут же ринулись на пляж, взяли напрокат доски и бросились в воду. Какая наивность!

Оказывается, это был один из дней, когда только мастера отваживались «выйти в море», — а мы, имея за плечами лишь опыт, приобретенный в Южной Африке, решили, что овладели искусством серфинга в совершенстве. В Гонолулу меж тем все было по-другому. Здесь доска для серфинга представляла собой тяжеленный кусок дерева — ее и поднять-то трудно. Вы ложитесь на нее и, гребя руками, медленно плывете к рифам, находящимся не менее — мне так, во всяком случае, казалось — чем в миле от берега. Добравшись туда, занимаете позицию и ждете нужной волны, чтобы на ней устремиться к берегу. Это не так просто, как кажется. Во-первых, требуется распознать в приближающихся волнах именно ту, которая нужна, во-вторых — и это, пожалуй, еще важнее, — нельзя ошибиться и принять за нужную не ту волну, потому что, если вы окажетесь во власти такой волны и она увлечет вас на дно, тогда — помогай вам бог!

Я не могла грести так же мощно, как Арчи, поэтому добиралась до рифов довольно долго, к тому же потеряла его из виду, но была уверена, что он, как и другие, уже мчится на доске к берегу в щегольской, небрежной манере. Итак, я устроилась на доске и стала ждать своей волны. Она накатила. Но — увы! — оказалась не той. Не успела я глазом моргнуть, как мы с доской летели уже в разные стороны. Резко обрушившись вниз на гребне волны, я в следующий миг уже была в самом чреве ее. Когда мне снова удалось вынырнуть на поверхность, судорожно глотая воздух, в желудке булькало несколько литров соленой воды. Свою доску я увидела в полумиле от себя дрей-

¹ Фиджи — группа островов в южной части Тихого океана, принадлежащих Великобритании

фующей к берегу и огчаянно бросилась вдогонку. В конце концов мне ее пригнал какой-то молодой американец, сопроводивший свое благодеяние советом: «На вашем месте, сестричка, я бы сегодня поостерегся заниматься серфингом, это небезопасно. Вот вам ваша доска и дуйте прямо к берегу». Так я и сделала.

Вскоре ко мне присоединился Арчи. Он тоже слетел с доски, но, будучи гораздо более сильным пловцом, чем я, догнал ее. Предпринял еще пару попыток, и один раз ему все же удалось доскользить до берега. К тому времени мы все были в синяках, царапинах и абсолютно без сил. Сдав доски и едва доташившись до отеля, мы рухнули в постель и часа четыре спали как убитые. Проснувшись, все еще чувствовали страшную усталость. Не слишком уверенно я сказала Арчи: «Конечно серфинг — это большое удовольствие, но мне хотелось бы снова оказаться в Муизенберге», — и вздохнула.

Следующий выход в море окончился для меня неприятностью. Великолепный шелковый купальный костюм, закрывавший меня от плеч до щиколоток, был изодран волнами в клочья, и, выскочив из воды, я вынуждена была почти голой бежать до того места, где остался мой пляжный халат. Пришлось немедленно отправиться в гостиничный магазин и купить восхитительный изумрудно-зеленый облегающий купальник, который я потом просто обожала и в котором, кажется, выглядела весьма недурно. Арчи тоже так считал.

Четыре дня мы провели в шикарном отеле, а потом вынуждены были подыскать что-нибудь попроще. В конце концов мы сняли маленькое шале¹ через дорогу от отеля. Это оказалось вдвое дешевле. Проводя все время на пляже и упражняясь в серфинге, мы мало-помалу овладели мастерством, по крайней мере, в той степени, в какой это доступно европейцам. Прежде чем догадались купить мягкие купальные туфли с тесемочками вокруг щиколоток, мы изодрали ступни о кораллы так, что на них не было живого места.

Не могу сказать, чтобы первые четыре-пять дней серфинг доставлял нам такое уж удовольствие — все тело страшно болело, — но порой все же случались моменты истинного наслаждения. Вскоре мы поняли, как облег-

¹ Шале (*фр*) — небольшой деревянный дом.

чить себе жизнь. Я, во всяком случае, поняла — Арчи по-прежнему предпочитал добираться до рифов собственными силами. Большинство отдыхающих нанимали гавайского мальчика, который, зацепившись за доску, на которой вы лежите, большим пальцем ноги, энергично греб к рифам, буксируя вас. Там, пока вы ждали нужной волны, он инструктировал: «Нет, не эта, еще не эта, миссис. Нет-нет, погодите. А вот теперь — вперед!» При слове «вперед» вы бросались на гребень волны — и это было блаженство! Ни с чем не сравнимое блаженство. Ничего нет восхитительней, чем скользить по волнам со скоростью, как вам кажется, не менее двухсот миль в час, от дальних рифов до самого берега, где, мягко погружившись в воду, можно отдохнуть в ласково плещущемся прибое. Для меня это навсегда осталось одним из самых чудесных наслаждений.

Дней через десять я совсем осмелела: начав скольжение, осторожно поднималась на колени, а затем рисковала встать во весь рост. Первые раз шесть попытки оказывались неудачными — хотя больно и не было — просто, потеряв равновесие, я падала в воду. Конечно доска при этом уплывала и ее приходилось догонять, выбиваясь из сил, но, если, на счастье, проводник-гаваец плыл следом, он пригонял ее, снова буксировал меня к рифам, и я предпринимала очередную попытку. День, когда мне, стоя на доске, удалось впервые доскользить до самого берега, сохранив равновесие, стал днем моего триумфа!

А еще мы по своему недомыслию недооценили тамошнее солнце, за что и поплатились. Проводя все время в прохладной воде, мы совершенно забыли о том, насколько опасны солнечные лучи. Нормальные люди занимались серфингом рано утром или ближе к вечеру; мы же, простофили, с восторгом катались на своих досках в самую жару, даже в полдень — и результат не замедлил сказаться. Наши обожженные плечи и спины, ноющие от дикой боли, покрылись гирляндами волдырей. Я не могла надеть вечернего платья; собираясь на обед, приходилось покрывать плечи газовым шарфом. Арчи, пренебрегая насмешливыми взглядами окружающих, выходил на пляж в пижаме. Я набрасывала на плечи белую блузку. Так мы и сидели у моря, спасаясь от обжигающих лучей, и сбрасывали свои неподходящие одеяния лишь на время плавания. Но было уже поздно — плечи мои зажили не скоро.

Когда отрываешь полосу мертвой кожи с плеча, почему-то делается ужасно обидно.

Вокруг нашего маленького шале росли бананы — с ними, как прежде с ананасами, у меня тоже связано определенное разочарование. Я воображала, что достаточно протянуть руку, сорвать банан — и ешь себе на здоровье. Но в Гонолулу с бананами так обращаться не принято. Они представляют собой существенный источник дохода, и их снимают недозрелыми. Впрочем, хоть «прямо с ветки» бананы и нельзя было есть, за столом никто не мешал насладиться их бесконечным разнообразием — такого нигде больше не встретишь. Помню, когда мне было года три-четыре, няня рассказывала о том, какие бананы растут в Индии: о диких — крупных, но несъедобных, и культурных — небольших, но вкусных. Или наоборот? В Гонолулу выращивают около десятка разновидностей этих плодов. Красные бананы, большие бананы, маленькие, которые там называют «мороженым», потому что они белые и мягкие внутри, как мороженое; бананы, идущие на приготовление разных блюд, и множество других. Кажется, были еще яблочные бананы. При таком разнообразии человек становится привередливым.

Сами гавайцы тоже слегка разочаровали меня. Я представляла их себе созданиями утонченно-прекрасными. Для начала отвращение вызвал резкий запах кокосового масла, которым обильно натирались все девушки. К тому же большинство из них отнюдь не были красавицами. Никогда прежде не могла бы я вообразить и тех неумеренно огромных порций горячего жаркого, которые там повсюду подавали. Я всегда думала, что полинезийцы питаются исключительно всевозможными экзотическими плодами. Их страсти к тушеному мясу меня немало удивило.

Отдых наш приближался к концу, и мы тяжело вздыхали при мысли о возвращении на каторгу к Белчеру. Кроме того, наше финансовое положение начинало внушать тревогу. Гонолулу обернулся весьма дорогим удовольствием. Все, что мы съедали или выпивали, оказывалось втрое дороже, чем можно было предположить. Прокат досок для серфинга, услуги мальчиков-пловцов — все стоило денег. До тех пор мы укладывались в рамки своей наличности, но теперь пришел момент, когда нас стали посещать опасения. Предстояло еще освоить Канаду, а тысяча фунтов Арчи неумолимо таяла. Что касается мор-

ских дорожных расходов, то они были оплачены и беспокойства не вызывали. Я знала, что доеду до Канады и благополучно вернусь в Англию. Но нужно было на что-то жить во время путешествия по Канаде. На что? Однако мы гнали от себя неприятные мысли и, пока было возможно, продолжали с веселым безрассудством резвиться на волнах. Как показал дальнейший ход событий, с излишним безрассудством.

Уже несколько дней к тому времени я ощущала резкую боль в шее и плече, затем стала просыпаться каждое утро, часов около пяти, от нестерпимой боли в правом плече и руке. Это был неврит¹, хотя тогда я еще не знала, как это называется. Если бы мне хватило ума, я бы немедленно оставила занятия серфингом и вообще держала бы руку в полном покое, но мне это и в голову не приходило. Нам оставалось всего три дня, и я не хотела терять ни минуты: продолжала демонстрировать свою удачу, скользя на доске с шиком, стоя во весь рост. К тому времени я уже вообще не могла спать по ночам из-за боли, однако была уверена, что все неприятности пройдут, как только мы покинем Гонолулу и с серфингом будет покончено. Как я ошибалась! Мне было суждено страдать от почти невыносимой боли в течение следующих недель трех, если не целого месяца.

По возвращении мы застали Белчера в настроении, весьма далеком от благодушия. Похоже, он жалел, что разрешил нам этот отдых. «Пришло время вам поработать, — заявил он. — Боже мой! Слоняться столько времени без дела и получать за это деньги! Неплохо устроились!» Тот факт, что все это время он и сам отдыхал в Новой Зеландии в кругу друзей, в расчет не принимался.

Поскольку боль не отпускала меня, я обратилась к доктору. Он дал мне какую-то жгучую мазь и велел втирать в плечо, когда боль усиливалась. Должно быть, это была перцовая мазь — кожа горела от нее, но легче не становилось. Я чувствовала себя совершенно несчастной. Непрекращающаяся боль сломит кого угодно. Она набрасывалась на меня рано утром. Я вылезала из постели и ходила взад-вперед, пока не начинало казаться, что становится чуть легче. Час-другой я отдыхала, а потом боль нападала на меня с удвоенной силой.

¹ Неврит — воспалительное заболевание периферических нервов в результате инфекции, травмы и т. п.

Правда, она, по крайней мере, отвлекала от мыслей о нашем ухудшающемся финансовом положении. Оно становилось угрожающим. Оставалось путешествовать еще около трех недель, а от тысячи фунтов Арчи почти ничего не осталось.

Мы решили, что единственный выход — чтобы я отказалась от поездки в Новую Шотландию¹ и на Лабрадор², и как только кончатся деньги, отправилась в Нью-Йорк пожить у тетушки Кэсси или у Мэй, пока Арчи с Белчером проинспектируют фермы по разведению чернобурых лис.

К тому времени сложности стали уже весьма ощутимы. Я могла еще позволить себе жить в гостиницах, но питание было не по карману. Однако мне удалось разработать хитроумный план: я ела один раз в день, утром. Завтрак стоил доллар — тогда это равнялось приблизительно четырем английским шиллингам. В гостиничном ресторане я заказывала практически все меню, а это, надо сказать, было немало. Я съедала грейпфрут, а иногда еще и папайю, гречишные оладьи, вафли с кленовым сиропом, яичницу с беконом. Из-за стола вылезала как объевшийся питон. Но зато до самого вечера чувствовала себя сытой.

Во время визитов в доминионы мы получали разные подарки: прелестный голубой плед для Розалинды с вытканными на нем животными — я представляла себе, как замечательно он будет выглядеть у нее в детской, — и множество других вещей: шарфы, коврик и тому подобное. Среди этих даров была и необъятных размеров банка мясного экстракта из Новой Зеландии. Мы таскали ее за собой, чему я теперь была очень рада, так как оказалось, что само мое выживание зависело от этой банки. Ах, как бы я хотела встретиться в тот момент с Дегидратором, который мог бы впихнуть в меня столько обезвоженных деликатесов — моркови, мяса, томатов и прочего!

Если Арчи с Белчером отправлялись на официальный обед в Торговую палату или где там еще их принимали, я забиралась в постель, вызывала горничную, сообщала ей, что неважно себя чувствую, и просила принести побольше кипятка — якобы собиралась лечиться. Когда воду прино-

¹ Новая Шотландия — провинция на юго-востоке Канады.

² Лабрадор — полуостров на северо-востоке Северной Америки, омываемый Атлантическим океаном и Гудзоновым заливом.

силы, я разводила в ней мясной экстракт и надалась до утра. Это была чудесная банка, мне ее хватило дней на десять. Иногда, конечно, и меня приглашали на ленч или обед. Такие дни я считала праздничными днями календаря. В Виннипеге¹ мне особенно повезло: дочь тамошнего высокого сановника засхала за мной в гостиницу и повезла на ленч в очень дорогой отель. Еда была превосходной. Я перепробовала все основные блюда, имевшиеся в меню. Моя благодетельница ела очень мало, и остается лишь гадать, что она подумала о моей прожорливости.

Кажется, там же, в Виннипеге, Арчи вместе с Белчером объезжали местные элеваторы. Разумеется, нам следовало бы знать, что человек, страдающий хроническим синуситом — заболеванием носовых пазух, не должен даже приближаться к зерновым элеваторам, но ни мне, ни Арчи это и в голову не пришло. Когда он вернулся, глаза у него слезились и вид был такой, что я переполошилась. Он еще кое-как доехал на следующий день до Торонто², но там свалился, и о том, чтобы продолжать путешествие, не могло быть и речи.

Белчер конечно же был вне себя. Он не испытывал никакого сострадания. Арчи подвел его, заявил Белчер, он молод и здоров, и вся эта болезнь — сущие выдумки. Да, разумеется, ему известно, что у Арчи высокая температура, но если он такой слабак, нечего было пускаться в путешествие, а теперь Белчер должен все взвалить на себя. От Бейтса, как известно, никакого проку. Ему можно разве что поручить упаковать вещи, да и то он все сделает не так. Этот болван даже брюки сложить не умеет.

Я вызвала доктора, обслуживавшего наш отель, и он поставил диагноз: гиперемия³ легких. В течение по меньшей мере недели требовался постельный режим и полный покой.

Раздраженный, Белчер отбыл, оставив меня почти без денег, одну в огромном чужом отеле с бредящим больным на руках. Температура у него подскочила до 40°, тело покрылось красной сыпью от макушки до пят, и он страдал от раздражения кожи не меньше, чем от жара.

¹ Виннипег — город на юге Канады.

² Торонто — главный город канадской провинции Онтарио.

³ Гиперемия (*греч., мед.*) — чрезмерный прилив крови к больному органу.

Это было ужасно. Счастье, что я не впала в отчаянье. Гостиничная еда не годилась больному, поэтому я пошла в город и принесла диетический ячменный отвар и жидкую овсяную кашу, которая ему даже понравилась. Бедный Арчи, я никогда не видела, чтобы мужчина так тяжело переносил эту ужасную сыпь. Шесть-семь раз в день я всего его обтирала губкой, пропитанной слабым раствором соды, — это немного успокаивало раздражение. На третий день доктор предложил проконсультироваться еще с кем-нибудь. Два очкарика стояли по обе стороны кровати, серьезно глядя на Арчи, покачивая головами и повторяя, что случай тяжелый. Но все проходит. Настало утро, когда температура у Арчи спала, сыпь побледнела и стало ясно, что он пошел на поправку. К тому времени у меня осталось сил не больше, чем у котенка, — в основном, полагаю, из-за переживаний.

По прошествии еще четырех-пяти дней Арчи был почти здоров, хоть еще и слаб, и мы снова присоединились к мерзкому Белчеру. Не припомню, куда мы отправились, быть может, в Оттаву¹, которая мне очень понравилась. Стояла осень, и клены выглядели сказочно красивыми. Мы остановились в доме у пожилого адмирала, прелестного человека, державшего великолепную восточноевропейскую овчарку. Он, бывало, катал меня по кленовой роще в собачьей упряжке.

Из Оттавы мы проехали к Скалистым горам², на Лейк Луиз³ и в Банф. В течение долгого времени, когда меня спрашивали, какое место на земле самое красивое, я отвечала — Лейк Луиз... Это большое, продолговатое синее озеро, обрамленное с обеих сторон невысокими горами удивительной формы. Они, в свою очередь, заключены в оправу высоких гор, увенчанных снежными вершинами. Банф подарил мне невероятное облегчение. Неврит все еще мучил меня, и я решила испытать действие горячих серных источников: многие уверяли, что это может помочь. Каждое утро я мочла в некоем подобии бассейна, на одном

¹ Оттава — столица Канады, расположенная на востоке провинции Онтарио.

² Скалистые горы — горная система в Северной Америке, протянувшаяся с севера на юг от Аляски до Мексики.

³ Лейк Луиз — деревушка на берегу прекрасного горного озера того же названия в северо-западной части канадского Национального парка Банф.

конце которого бил горячий родник, распространявший резкий запах серы. Я окуналась в него по шею. К моей великой радости, на пятый день неврит практически прошел, и это было несказанным счастьем — избавиться от постоянной боли.

Но вот мы с Арчи прибыли в Монреаль¹, и отсюда наши пути разошлись: Арчи с Белчером отправлялись инспектировать чернобурковые фермы, я — поездом на юг, в Нью-Йорк. Денег к тому времени не осталось вовсе.

В Нью-Йорке меня встретила моя милая тетушка Кэсси. Она была так добра ко мне, так ласкова и нежна! Я поселилась у нее в квартире на Риверсайд-драйв. Тетушке Кэсси было уже, наверное, около восьмидесяти. Тем не менее она возила меня в гости к свояченице, миссис Пирпонт-Морган и к некоторым младшим представителям клана Морганов, а также по великолепным ресторанам с восхитительной кухней. Она много рассказывала мне об отце и его юности, проведенной в Нью-Йорке, мне было так хорошо! Ближе к концу моего пребывания тетя Кэсси спросила, куда бы я хотела сходить напоследок. Я сказала, что мне очень хотелось бы поесть в кафетерии с самообслуживанием. В Англии ничего подобного еще не было, но я читала, что они есть в Нью-Йорке, и мечтала там побывать. Тете Кэсси такое желание показалось весьма необычным. Ей трудно было представить, что кому-нибудь захочется пойти в кафетерий с самообслуживанием, но, решив выполнить любое мое желание, она отправилась туда вместе со мной, как выяснилось, впервые в жизни. Я взяла поднос, начала ставить на него разные блюда со стойки, и это совершенно новое развлечение чрезвычайно меня позабавило.

Наконец настал день, когда Арчи с Белчером должны были появиться в Нью-Йорке. Я радовалась их приезду, потому что, несмотря на всю доброту тети Кэсси, начинала чувствовать себя птичкой в золотой клетке. Тетя Кэсси и слышать не хотела о том, чтобы позволить «маленькой Агате» куда-нибудь пойти одной. Мне, привыкшей свободно ходить по Лондону, это показалось таким удивительным, что я спросила:

¹ Монреаль — город в Канаде в провинции Квебек, крупный торговый и культурный центр.

— Но почему, тетя Кэсси?!

— О, ты не представляешь себе, что может случиться в Нью-Йорке с такой молодой и хорошенькой женщиной, как ты.

Я пыталась убедить ее, что со мной ничего не случится, но она требовала, чтобы либо я ездила в машине с шофером, либо — в ее собственном сопровождении. Мне хотелось порой сбежать часа на три-четыре, но я знала, как она будет волноваться, и сдерживалась. Я утешала себя тем, что скоро буду в Лондоне и смогу ходить одна куда и когда мне заблагорассудится.

Арчи с Белчером провели в Нью-Йорке всего один день, и на следующее утро мы поднялись на борт «Беренгарии», которой предстояло доставить нас в Англию. Не могу сказать, что это морское путешествие оказалось очень уж приятным, хотя на этот раз мои страдания были менее мучительными. Шторм начался, надо сказать, в самый неподходящий момент: мы участвовали в соревновании по бриджу, и Белчер настоял, чтобы я была его партнершей. Я не хотела, потому что, хоть Белчер и хорошо играл, проигрывать он не умел и всегда впадал в этих случаях в мрачное настроение. Впрочем, памятуя, что терпеть осталось недолго, я согласилась, и турнир стартовал. Однако ему суждено было вскоре и закончиться. В тот день подул свежий ветер, и началась килевая качка. Мне страшно неловко было вдруг отказаться от игры, и я молила Бога лишь о том, чтобы не оскандалиться за карточным столом. Карты были сданы, но Белчер вдруг злобно взглянул на меня и швырнул свои на стол.

— Мне нет никакого смысла участвовать в этой игре, — заявил он, — никакого. — Глаза его метали молнии, полагаю, дело было в том, что ему не повезло с картой и наши соперники получили значительное преимущество. Однако ко мне, напротив, шли чуть ли не все тузы и короли, и хоть играла я ужасно, карты сами делали свое дело. Я просто не могла проиграть. Преодолевая приступы тошноты, я сносила не те карты, забывала, какие у нас козыри, — словом, делала массу глупостей, но у меня были слишком хорошие карты. Мы быстро одержали блестящую победу, после чего я удалилась к себе в каюту и жалобно простонала там весь остаток пути, пока корабль не приставтовался в Англии.

В качестве постскриптума к нашим приключениям длиною в год добавлю, что мы не сдержали своей клятвы никогда не вспоминать о Белчере. Не сомневаюсь, что любой, читающий эти строки, поймет нас. Ярость, которая обуревает, когда ты заперт с кем-то в тесном пространстве, после расставания улетучивается. К своему великому удивлению, мы обнаружили, что Белчер даже по-своему нравится нам, что его общество доставляет удовольствие. Мы частенько обедали вместе и дружески вспоминали разные эпизоды нашего совместного путешествия, приговаривая иногда: «Вы вели себя просто отвратительно, нужно вам сказать».

«Да-да, — соглашался Белчер, — но такой уж я человек, вы же меня знаете, — он делал неопределенный жест рукой. — От моего характера многие пострадали, не только вы. Зато у меня с вами забот почти и не было, только вот Арчи свалил дурака заболев. Те две недели, что мне пришлось обходиться без него, я был как потерянный. Неужели ты не можешь сделать что-нибудь со своим носом и пазухами? Какой смысл жить с такими пазухами, как у тебя? Я бы не стал».

После возвращения из путешествия Белчер неожиданно для всех вознамерился жениться и объявил о помолвке. Его невеста — милая девушка, дочь чиновника, служившего в Австралии, работала у отца секретарем. Белчеру было не меньше пятидесяти, ей, думаю, восемнадцать или девятнадцать. Однажды он огорошил нас сообщением: «У меня для вас новость. Я женюсь на Глэдис». И действительно женился! Она приплыла на пароходе вскоре по нашем возвращении. Странно, но это была вполне счастливая пара, во всяком случае, в течение нескольких лет. У Глэдис был веселый характер, ей нравилось жить в Англии, и она прекрасно ладила со вздорным Белчером. Только лет восемь или десять спустя до нас дошел слух, что они разводятся.

— Она нашла парня, который ей больше по вкусу, — заявил Белчер. — Не могу ее осуждать. Она слишком молода, а я для нее старый скряга. Мы остались добрыми друзьями, и я отписал ей приличную сумму. Она хорошая девочка.

Во время одного из наших первых совместных обедов по возвращении я заметила:

— А знаете, что вы все еще должны мне два фунта восемнадцать шиллингов и пять пенсов за белые носки?

— Неужели? — сказал он. — В самом деле? И вы надеетесь их получить?

— Нет, — ответила я.

— И правильно делаете, — одобрил Белчер. — Вы их не получите.

Мы оба рассмеялись.

Глава 2

Жизнь похожа на корабль — на корабль изнутри. Только каюты в ней — герметически закрываются, назад не войдешь. Выходишь из одной, запираешь за собою дверь и оказываешься в другой. С момента отплытия из Саутгемптона и до возвращения в Англию моя жизнь протекала как бы в одной такой каюте. Впоследствии я именно так представляла себе любое путешествие: переход из одной жизни в другую. Ты — это ты, но уже другая ты. И твое новое «я» уже не опутано паутиной, сплетенной сотнями домашних пауков и образующей кокон твоей повседневной жизни: не нужно писать писем, оплачивать счета, делать домашнюю работу, встречаться с друзьями, проявлять фотографии, чинить одежду, мирить няню с горничной, бранить лавочника и прачку. Жизнь во время путешествия — это мечта в чистом виде. В каком-то смысле, это нечто фантастическое, но оно действительно происходит с тобой. Жизнь эта населена персонажами, ранее тебе не известными и с которыми ты, вероятнее всего, никогда больше не увидишься. Порой одолевает тоска по дому, чувство одиночества, острое желание увидеть дорогих тебе людей — Розалинду, маму, Мэдж. Но ты воображаешь себя викингом¹ или шкипером² елизаветинской эпохи, который пустился в мир приключений, и дом перестал быть для него домом — вплоть до возвращения.

Волнующим был отъезд, чудесным — возвращение. Розалинда встретила нас так, как мы, несомненно, того и заслуживали, — как чужих, не знакомых ей людей. Холодно взглянув на нас, спросила меня: «А где моя тетя Москитик?» Сестра тоже отыгралась, поучая меня, чем следует кормить Розалинду, во что одевать, как воспитывать и так далее.

После первых радостей встречи показались и подводные рифы. Джесси Суоннел была уволена, не сумев по-

¹ Викинг — древнескандинавский воин, морской разбойник.

² Шкипер (голл.) — капитан торгового судна.

ладить с моей матерью. Вместо нее наняли пожилую няню, которую мы называли между собой Куку. Вероятно, кличка эта пристала к ней, когда происходила «смена караула» — Джесси Суоннел уезжала, обливаясь горячими слезами, а новая няня старалась снискать расположение своей подопечной тем, что закрывала и открывала дверь детской, впрыгивала и выпрыгивала из комнаты и радостно выкрикивала: «Ку-ку, ку-ку!» Розалинде зрелище совсем не нравилось, она начинала реветь каждый раз при виде незнакомой тетеньки. Однако со временем новая няня завоевала ее сердце. Куку была прирожденной хлопотуньей и совершенной растяпой. Ее переполняли любовь и доброта, но она все теряла, ломала и говорила такие глупости, что окружающие просто диву давались. Розалинде это нравилось. Она заботливо оберегала Куку и все делала за нее.

— Боже, боже, — доносилось из детской, — куда же я задевала щетку нашей малышки? Ну где же она может быть? В бельевой корзине?

— Я поищу, няня, — слышался голос Розалинды, — вот она, у тебя в постели.

— О господи, как она туда попала?

Розалинда находила для Куку потерянные вещи, прибирала вместо нее в комнате и даже наставляла ее, сидя в коляске, когда они отправлялись на прогулку:

— Сейчас не переходи, няня, нельзя — автобус едет. Ты не туда поворачиваешь, няня... Ты, кажется, собираешься покупать шерсть, няня. Так это не сюда.

Ее наставления перемежались няниным:

— О боже, почему же я... И о чем я только думала — и так далее.

Лишь мы с Арчи выносили Куку с трудом. Она никогда не закрывала рта. Оставалось только заткнуть уши и не слушать, но иногда, доведенная до предела, я все же не выдерживала. В такси, по дороге на Паддингтон, Куку непрерывно делилась своими наблюдениями:

— Посмотри, малышка, взгляни в окошко. Видишь, это большое сооружение? Это «Селфридж»¹. Чудесное место «Селфридж». Там можно купить все что угодно.

¹ «Селфридж» — крупнейший универсальный магазин в Лондоне на Оксфорд-стрит, основанный в 1909 году и названный по имени владельца — американца Генри Селфриджа.

— Это «Хэрродз»¹, няня, — холодно бросаю я.

— Боже, боже, ну конечно же! Конечно «Хэрродз». Ну не смешно ли, ведь мы прекрасно знаем «Хэрродз», правда, малышка?

— Я знаю, что это «Хэрродз», — спокойно отвечает Розалинда.

Теперь я думаю, что, быть может, именно благодаря пеловкости и нерасторопности Куку Розалинда выросла очень ловкой и расторопной девочкой. У нее не было иного выхода. Должен же был кто-то поддерживать в детской хоть слабое подобие порядка.

Глава 3

Возвращение домой может поначалу быть счастьем — счастьем воссоединения, но мало-помалу ужасная реальность все равно напоминает о себе. У нас совсем не осталось денег. Служба Арчи у мистера Гольдштейна была делом прошлым, его место занимал теперь другой человек. У меня, конечно, оставалось дедушкина «палочка-выручалочка», на сто фунтов в год мы могли рассчитывать, но Арчи категорически возражал против того, чтобы трогать капитал. Он считал себя обязанным найти какую-нибудь работу, причем немедленно, прежде чем начнут скапливаться счета: за квартиру, за еду, зарплата Куку и так далее. Но найти работу стало даже труднее, чем сразу же после войны. Теперь, когда тогдашние наши переживания стали далеким прошлым, все кажется не таким уж ужасным. Но это было мучительное время, главным образом потому, что Арчи чувствовал себя несчастным, а Арчи из тех, кто терпеть не может чувствовать себя несчастным. Он сам это признавал. Как-то еще в начале нашей семейной жизни он предупредил меня: «Имей в виду, если что-то не так, я становлюсь невыносимым. От меня мало толку, если кто-то болен, я не люблю больных и не выношу несчастных и расстроенных людей рядом с собой».

Мы сами пошли на риск, предпочли не упускать свой шанс. Единственное, что оставалось теперь — признать,

¹ «Хэрродз» — один из самых модных и дорогих лондонских универсальных магазинов, предоставляющий широкий круг товаров и услуг.

что удовольствие окончено и пришла пора расплачиваться — тревогами, нервными срывами и тому подобным. Мне тоже было не по себе, поскольку мало чем могла помочь Арчи. Мы должны справляться с трудностями вместе, говорила я себе. Я покорно сносила его теперешнюю постоянную раздражительность, нежелание разговаривать и страшную подавленность. Если я старалась казаться веселой, он ворчал, что я не способна осознать серьезность нашего положения; если печалилась — он говорил: «Нечего ходить с кислым видом. Ты знала, на что идешь!» Словом, что бы я ни делала, все было не так.

Однажды он даже заявил:

— Послушай, если действительно можешь мне помочь — уезжай! Очень тебя прошу.

— Но куда?

— Не знаю. Поезжай к Москитику — она будет очень рада тебе и Розалинде. Или отправляйся домой, к матери.

— Но, Арчи, я хочу быть с тобой, я хочу быть рядом. Разве мы не должны вместе пережить это время? Неужели я ничем не могу тебе помочь?

Сегодня я бы, наверное, сказала: «Я пойду работать». Но в 1923 году такое и в голову никому бы не пришло. Во время войны можно было служить в женских вспомогательных частях — военно-воздушных, сухопутных — или работать на военных заводах и в госпиталях. Но то было временное положение; теперь для женщин не существовало работы в министерствах и учреждениях. Переполнены были и штаты магазинов. Тем не менее я упиралась и уезжать не хотела. Я ведь могла, по крайней мере, готовить и убирать: у нас не было прислуги. Я буквально ходила на цыпочках и старалась не попадаться Арчи на глаза, что было, кажется, самым разумным при его ужасном состоянии.

Он обходил одну за другой конторы Сити, встречался с разными людьми, которые могли порекомендовать работу, и в конце концов нашел место. Не то чтобы оно ему нравилось — у него были сомнения насчет фирмы, нанявшей его: известно, что ею заправляют мошенники, сказал он. В целом они вроде бы держались в рамках закона, но наверняка этого знать было нельзя. «Дело в том, — предупредил Арчи, — что придется быть крайне осторожным, чтобы не пришлось расхлебывать чужую кашу». Впрочем, это была работа, и она приносила какой-никакой доход —

настроение Арчи улучшилось. Он даже находил занятыми некоторые свои обязанности.

Я постаралась спланировать свой день так, чтобы снова начать писать — это было единственной для меня возможностью принести в дом хоть какие-то деньги, но я по-прежнему не помышляла о том, чтобы стать профессиональной писательницей. Рассказы, напечатанные в «Скетче», приободрили меня: они дали живые деньги, которые очень скоро разошлись. Тогда я начала писать новую книгу.

На сей подвиг меня вдохновил не кто иной как Белчер. Однажды, еще до начала путешествия, мы сидели у него дома (дом назывался Мельницей) в Дорни, и он предложил мне написать детективный рассказ под названием «Тайна Мельницы».

— Недурное название, правда? — сказал он тогда.

Я согласилась. «Тайна Мельницы» или «Убийство на Мельнице» — звучит неплохо, подумала я и решила когда-нибудь к этому вернуться. Во время путешествия Белчер часто вспоминал о своей идее.

— Только помните, — говорил он, — если вы напишете «Тайну Мельницы», я должен быть в ней действующим лицом.

— Вряд ли я смогу вставить вас в книгу, — отвечала я. — Совершенно не умею описывать реальных людей. Я всегда придумываю своих персонажей.

— Ерунда, — заявил Белчер, — даже если персонаж будет не совсем похож на меня, я согласен: мне всегда хотелось поучаствовать в какой-нибудь детективной истории.

Время от времени он интересовался:

— Ну как? Вы уже начали писать ту книгу? А я в ней участвую?

Однажды я в раздражении бросила:

— Да. В качестве жертвы.

— Что?! Не хотите ли вы сказать, что я буду тем бедолагой, которого убьют?

— Именно, — не без удовольствия подтвердила я.

— Я не желаю быть жертвой, — возмутился Белчер. — Я настаиваю, чтобы мне доверили роль убийцы.

— Почему же вам непременно хочется быть убийцей?

— Потому что убийца — самый интересный персонаж в книге. Вам придется сделать меня убийцей, Агата, поняли?

— Я поняла, что вы хотите быть убийцей, — ответила я уклончиво. Но в конце концов в минуту слабости все же пообещала сделать его убийцей.

Сюжет книги в общих чертах я придумала в Южной Африке. Это снова получался не столько детектив, сколько боевик, и большая часть действия предположительно происходила в Южной Африке. Во время нашего пребывания там произошло нечто вроде революции, и я записала для памяти кое-какие полезные детали. Героиню я собиралась сделать веселой молодой любительницей приключений, сиротой, которая отправляется на ловлю удачи. Попытавшись набросать пару глав, я поняла, что мне невероятно трудно писать, все время держа в голове реальный портрет Белчера. Я никак не могла изобразить его — получался какой-то манекен. И вдруг в голову пришла идея: я напишу книгу в форме двух рассказов от первого лица: об одних и тех же событиях пусть одновременно будут рассказывать и героиня Энн, и негодяй Белчер.

— Не думаю, что ему понравится роль негодяя, — поделилась я своими сомнениями с Арчи.

— А ты подари ему взамен титул, — предложил Арчи. — Это, полагаю, ему понравится.

Так Белчер стал сэром Юстасом Педлером, и когда сэр Юстас Педлер сам начал писать свое сочинение, персонаж ожил. Это, конечно, не был собственно Белчер, но ему были свойственны типично белчеровские обороты речи и он рассказывал подлинные Белчеровы истории. Он тоже умел мастерски блефовать, а кроме того, в нем легко угадывался хоть и не слишком щепетильный, но достаточно занятный человек. А через некоторое время я и вовсе забыла о Белчере, моим пером водил лишь сэр Юстас Педлер. Насколько помню, я никогда в жизни больше не пыталась ввести в книгу реальных своих знакомых, и этот единственный опыт удачным не считаю. А впрочем, на страницах книги существовал не Белчер, а некто по имени сэр Юстас Педлер. Неожиданно я обнаружила, что пишу эту книгу не без удовольствия, и очень надеялась, что «Бодли Хед» примет ее.

Главным препятствием на пути создания моего нового детища была Куку.

В соответствии с правилами того времени Куку, конечно, не занималась никакой домашней работой — не готовила и не убирала. Она была при ребенке. Правда, счи-

талось, что она наводила порядок в детской, стирала вещички своей любимицы — но это все. Я ничего больше от нее и не требовала и могла бы прекрасно организовать свое время: Арчи возвращался домой только вечером, а накормить днем Розалинду и Куку было не так уж хлопотно. То есть у меня были два-три часа утром и во второй половине дня, когда Куку с Розалиндой ходили в парк или за покупками. Однако в дождливые дни им приходилось оставаться дома, и хоть всем было известно, что, когда «мама работает», ей нельзя мешать, Куку была верна себе... Она стояла под дверью комнаты, где я пыталась писать, и вела свой нескончаемый монолог, якобы обращенный к Розалинде.

— А сейчас, малышка, мы должны вести себя очень тихо, правда? Потому что мама работает. Маме нельзя мешать, когда она работает, мы же это знаем? Хотя мне нужно спросить у нее, отдавать ли твою платьице в стирку. Ты ведь понимаешь, что сама я такой вопрос решить не могу. Нужно не забыть спросить ее об этом за чаем, да? Ах нет, она, наверное, будет недовольна, правда? И еще я хочу поговорить с ней о коляске. Ты же знаешь, что вчера из нее снова выпал болтик. Ну что ж, крошка, наверное, нам придется тихонечко постучать в дверь. Как ты думаешь, солнышко?

Обычно Розалинда откликалась на этот поток речи короткой репликой, не имеющей к нему никакого отношения, что подтверждало мое подозрение: она никогда не слушала, что говорит Куку.

— Синий мишка хочет есть, — говорила она, например.

У Розалинды имелись куклы, кукольный домик и множество других игрушек, но по-настоящему она была привязана только к зверюшкам. У нее было некое существо, которое она звала Синим мышкой, был Красный мишка, позднее к ним присоединился довольно уродливый лиловато-розовый медведь, названный Медведем Эдвардом. Из них троих горячей и беззаветней всех Розалинда любила Синего мишку. Это было очень мягкое на ощупь животное, сделанное из синего шелковистого трикотажа, с плоскими черными пуговками вместо глаз, пришитыми на плоской мордочке. Она таскала его с собой повсюду, и я каждый вечер должна была рассказывать новую сказку о нем. В сказках участвовали оба мишки.

Что ни день, с ними приключались разные истории. Синий мишка был послушным, а Красный — страшным озорником, он постоянно устраивал всяческие безобразия, например мазал клеем стул учительницы, чтобы она, бедная, уже никогда не могла встать с него. А однажды заснул ей в карман лягушку, отчего несчастная женщина забилась в истерику. Все эти истории Розалинде очень нравились, и нередко мне приходилось повторять их по нескольку раз. Синий мишка был до противного добродетельным и самодовольным. Он слыл первым учеником в классе и никогда не совершил ни единого неблагоприятного поступка. Каждое утро, отправляясь в школу, Красный мишка обещал маме вести себя примерно. Когда они возвращались, мама спрашивала:

— Ну как, ты был сегодня хорошим мальчиком, Синий мишка?

— Да, мама, очень хорошим.

— Ты мой умница. А ты, Красный мишка?

— Нет, мама, я шалил.

Время от времени Красный мишка дрался с плохими мальчишками и являлся домой с огромным синяком под глазом. К синяку прикладывали кусочек сырого мяса и отсылали непоседу спать. Красный мишка, разумеется, съедал мясо, предназначенное для врачевания ушиба, и при этом пачкал тетрадь.

Более благодарного слушателя, чем Розалинда, свет не видывал. Она цокала языком, смеялась и не оставляла без внимания ни малейшей детали.

— Итак, малышка, — продолжала квохтать Куку, не выказывая ни малейшего желания покормить проголодавшегося мишку, — наверное, придется нам перед уходом все же спросить маму насчет коляски, если, конечно, это ее не слишком отвлечет, потому что должна же я знать, что она по этому поводу думает.

Тут, уже близкая к помешательству, я вскакивала из-за стола, все хитроумные развязки сюжета вылетали у меня из головы, и, бросив Энн среди джунглей Родезии в смертельной опасности, я распаивала дверь.

— Ну, что еще, няня? Чего вы хотите?

— О, простите, мэм, мне очень жаль, я не хотела вас беспокоить.

— Вы уже побеспокоили меня. Что дальше?

— Но я не стучала в дверь и не делала ничего такого...

— Вы разговаривали под дверью, — отвечала я, едва сдерживаясь, — так, что я слышала каждое ваше слово. Что там с коляской?

— Видите ли, мэм, я думаю, что нам действительно нужна новая коляска. Мне просто стыдно появляться в парке — ведь у других малышей прекрасные коляски. Я считаю, что у мисс Розалинды коляска должна быть не хуже, чем у других.

Мы с няней постоянно спорили по этому поводу. Мы действительно купили подержанную коляску — хорошую, прочную и абсолютно удобную, но элегантной ее назвать было трудно. На коляски, как выяснилось, тоже существует мода, и каждые год-два изготовители придумывают им новый фасон — ну совершенно так же, как это происходит в наши дни с автомобилями. Джесси Суоннел наша коляска никогда не смущала, но Джесси Суоннел приехала из Нигерии, вероятно, там моде на коляски не придавали большого значения.

Куку же была членом клуба нянь, гулявших со своими подопечными в Кенсингтонском парке¹. Там, сидя на скамеечках, они мыли косточки своим хозяевам, а также хвастались друг перед другом красотой и смышленостью воспитанников. Ребенок прежде всего должен был быть хорошо одет, по соответствующей детской моде, иначе — позор няне. Но с этим все было в порядке. Одежда Розалинды могла удовлетворить амбиции даже самой требовательной няни. Пальтишки и платица, которые я привезла из Канады, были *dernier cri*² детской моды. Петушки с курочками и вазочки с цветами, разбросанные по черному полю, всех приводили в восторг и вызывали всеобщую зависть. Но коляска, которую приходилось возить Куку, не выдерживала по части элегантности никакой критики, и при виде каждой шикарной коляски няня не упускала случая подколоть меня: «Такой коляской любая няня могла бы гордиться!» Я тем не менее оставалась непреклонной. Мы жили очень скромно и не собирались ради прихоти тщеславной Куку покупать за бешеные деньги изысканную коляску.

¹ Кенсингтонский парк — большой парк в Лондоне, прилегающий к Гайд-парку и заложенный в 1727—1731 годах.

² Последний крик (*фр.*).

— И потом эта коляска довольно опасна, — предпринимала последнюю попытку Куку. — Из нее постоянно выпадают болты.

— Случается, — отвечала я невозмутимо, — а вы, выходя из дома, подкрутите их. Словом, в любом случае я не собираюсь покупать новую коляску. — И я возвращалась в комнату, хлопнув дверью.

— Господи, господи, — причитала Куку, — мама, кажется, очень недовольна. Ну что ж, бедная моя крошка, похоже, у нас так и не будет новой красивой коляски.

— Синий мишка хочет есть, — снова повторяла Розалинда. — Давай его кормить, няня.

Глава 4

Однако, несмотря на все нянины *obligate*¹ под дверью, работу над «Тайной Мельницы» удалось завершить. Бедная Куку! Вскоре после того у нее обнаружился рак груди, ей пришлось лечь в больницу. Оказалось, что она намного старше, чем говорила, и о возвращении к обязанностям няни не могло быть и речи. Она, кажется, пересехала к сестре.

Я решила, что больше не буду обивать порог конторы миссис Ваучер, равно как и всех прочих. Лучше прибегнуть к услугам агентства «Помощь матерям». Туда я и отправилась.

С появлением Сайт в нашем доме удача, казалось, снова улыбнулась нам. Я наняла Сайт в Девоншире. Она была рослой девушкой с пышным бюстом, широкими бедрами, у нее было румяное лицо, темные волосы и низкий грудной голос, а произношение было настолько изысканным, что трудно было отделаться от впечатления, будто она играет на сцене. По рекомендации агентства «Помощь матерям» она в течение нескольких лет работала в двух или трех местах, и при первой же нашей встрече я поняла, что в уходе за детьми ей нет равных. Доброжелательная, уравновешенная и очень энергичная, она не претендовала на высокое жалованье и готова была выполнять любую работу, идти и ехать куда угодно — как

¹ Обязательное музыкальное сопровождение (*ит.*, *муз.*).

и было обещано в рекламном объявлении. Итак, Сайт отправилась с нами в Лондон и стала незаменимой моей помощницей.

Разумеется, в то время ее звали не Сайт — ее звали мисс Уайт. Но потом Розалинда, тараторившая все быстрее, стала «проглатывать» первые буквы, называя ее «Суайт». Какое-то время мы все так и звали ее — Суайт. Затем Розалинда произвела дальнейшее «усечение», и мисс Уайт стала всем известна под именем Сайт. Розалинде она очень нравилась, и Сайт любила Розалинду. Она вообще любила детей, но всегда сохраняла дистанцию и требовала строгой дисциплины. Она не терпела непослушания или грубости.

Розалинде пришлось расстаться с амплуа контролера и режиссера, освоенным ею при Куку. Подозреваю, что весь свой начальственный пыл она перенесла на меня: милостиво обо мне заботилась, разыскивала потерянные вещи, напоминала, что нужно приклеить марки на конверт, и так далее. Учitando, что ей было тогда всего пять лет, я понимала, что Розалинда вырастет гораздо более энергичной и расторопной, чем я. Но в то же время ей явно не доставало воображения. Допустим, мы играли в игру, где было два участника, — скажем, дама, отправляющаяся на прогулку с собакой (я была собакой, она — хозяйкой собаки). Наставал момент, когда нужно было взять собаку на поводок.

— Но у нас нет поводка, — говорила Розалинда. — Придется придумать другую игру.

— А ты сделай вид, что у тебя в руках поводок, — советовала я.

— Как я могу сделать вид, что у меня есть поводок, когда у меня в руках ничего нет?

— Ну, возьми пояс от моего платья, и пусть он будет поводком.

— Это не поводок, а пояс.

Для Розалинды все должно было быть настоящим. В отличие от меня, она не любила в детстве сказок с волшебствами. «Но так же на самом деле не бывает, — протестовала она. — Таких людей не бывает, и они всё придумывают. Лучше расскажи мне, как Красный мишка сзидил на пикник».

Забавно, что в четырнадцать лет она полюбила сказки и без конца перечитывала их.

Сайт прекрасно вписалась в наш домашний обиход. При всей своей солидной повадке и безусловных многочисленных достоинствах готовить она умела не лучше меня, поэтому была лишь «на подхвате». В нашем тогдашнем положении приходилось помогать друг другу во всем. Хотя у каждой из нас было свое коронное блюдо: у меня — суфле из сыра, соус по-бearnски и старый английский силлабаб¹, а у Сайт — тарталетки с джемом и маринованная селедка, ни одна из нас понятия не имела о том, что называется «рациональным питанием». Тот же, скажем, овощной пудинг из моркови, брюссельской капусты и картошки решительно нам не удавался — мы не знали, сколько времени нужно варить те или иные овощи. Брюссельская капуста сразу разваривалась и превращалась в кисель, в то время как морковка оставалась слишком твердой. Но мало-помалу мы кое-чему научились.

Мы разделили обязанности. Один день я занималась Розалиндой и везла ее в нашей старомодной коляске в парк — впрочем, к тому времени мы уже чаще пользовались сидячей прогулочной коляской, — а Сайт готовила обед и застилала постели. На другой день я оставалась дома хозяйничать, а Сайт отправлялась на прогулку с Розалиндой. Для меня прогулка была более утомительным занятием, чем домашние хлопоты. Парк находился далеко, и там нельзя было спокойно сидеть и отдыхать, ни о чем не думая или думая о своем. Приходилось либо разговаривать с Розалиндой и играть с ней, либо следить, чтобы она мирно играла с детьми, чтобы никто не отнимал у нее игрушек и не обижал. Занимаясь же домашними делами, я могла полностью расслабиться. Роберт Грейвз² как-то сказал мне, что нет занятия, более вдохновляющего, чем мытье посуды. Он совершенно прав. Домашняя работа однообразна: занимая ваши руки, она оставляет полную свободу для работы мысли, и в голову приходят разные идеи. Разумеется, я не говорю о приготовлении пищи — это занятие серьезное и требует напряжения всех творческих способностей и абсолютной сосредоточенности.

¹ Силлабаб — сладкое блюдо из сбитых сливок с вином.

² Грейвз Роберт (род. 1895) — английский писатель, поэт и литературный критик.

После Куку иметь дело с Сайт было долгожданным облегчением. Они с Розалиндой прекрасно занимали друг друга — до меня не доносилось ни звука. Либо они были в детской, либо внизу на лужайке, либо отправлялись за покупками.

Я была поражена, когда спустя полгода после того, как она у нас появилась, узнала, сколько ей лет. Прежде я не спрашивала ее о возрасте. На вид ей можно было дать двадцать четыре — двадцать восемь, именно такую няню я искала, и мне в голову не пришло поинтересоваться, сколько лет ей на самом деле. Я испытала шок, узнав, что к моменту, когда она начала у нас работать, ей было семнадцать, а теперь только-только исполнилось восемнадцать. Это казалось невероятным: в ней было столько здравого смысла! Оказывается, она работала в «Помощи матерям» с тринадцати лет. Работа была как раз для нее, и она вполне профессионально ее выполняла; она выглядела опытной няней и действительно была опытна в своем деле — такое не редкость в многодетных семьях, где старшие начинают рано заботиться о своих младших братишках и сестренках.

Несмотря на молодость Сайт, я никогда не боялась, уезжая надолго, оставлять с ней Розалинду. Она никогда не терялась: всегда вызовет нужного врача, если понадобится, свозит ребенка в больницу, выяснит, что его беспокоит, справится с любой неожиданностью. Да, никакой паники — никогда. Воспользуюсь старомодным словом: у Сайт было призвание.

Окончив «Тайну Мельницы», я вздохнула с облегчением. Рождалась эта книга трудно, и я считала, что написана она перовно. Но вот рукопись лежала передо мной — с дядюшкой Томом Кобли, сэром Юстасом Педлером и прочими персонажами. В «Бодли Хед» к ней отнеслись прохладно — мямлили что-то по поводу того, что это, мол, не чистый детектив, как «Убийство на поле для гольфа», но в конце концов великодушно приняли к публикации.

Именно тогда стала заметна некоторая перемена в их отношении ко мне. С тех пор как принесла им свою первую книгу, я успела кое-чему научиться. Я уже была не такой дурочкой, как продолжали думать некоторые издатели. Да, я многое узнала об авторских правах и изда-

тельских нормах, в частности из журнала, выпускавшего-ся Сообществом писателей. Я поняла, например, что, подписывая договор, нужно проявлять большую осторожность, особенно если имеешь дело с определенными издателями, что существует масса уловок, при помощи которых они обманывают автора. Вооружившись этими знаниями, я составила некий план.

Незадолго до выхода в свет «Тайны Мельницы» издательство «Бодли Хед» обратилось ко мне с предложением аннулировать прежний договор и заключить новый, тоже на пять книг. Условия его будут намного выгодней. Я вежливо поблагодарила и сказала, что должна подумать, а затем отказалась без каких бы то ни было объяснений. Я считала, что они не совсем честно обошлись с молодым автором, воспользовавшись его неосведомленностью и горячим желанием напечататься. Я не собиралась с ними из-за этого ссориться теперь — сама виновата: всякий, кто не разузнает заранее, каковы общепринятые расценки за литературный труд, рискует попасть впросак. С другой стороны, следовало ли мне, руководствуясь обретенной «мудростью», отказываться от возможности опубликовать у них новый роман? Пожалуй, нет. Я соглашусь на предложенные ими условия, но долгосрочный контракт на большее количество книг подписывать не стану. Если однажды вы доверились кому-то и этот кто-то обвел вас вокруг пальца, больше вы ему не доверитесь. Это подсказывает обыкновенный здравый смысл. Я хотела, чтобы действующий договор был скорее выполнен, после чего намеревалась подыскать другого издателя. Мне нужен был, как я считала, и литературный агент.

К тому времени я получила запрос из налоговой инспекции. Они требовали отчета о моих литературных доходах. Это немало меня удивило: никогда не рассматривала гонорары как доход. Единственный доход, которым я располагаю, это сто фунтов годовых с двух тысяч, вложенных в облигации военного займа. Да, это им известно, был ответ, но их интересуют и суммы, полученные мною за публикацию книг. Я объяснила, что это не постоянный доход — просто я случайно написала три книги, так же как прежде иногда писала рассказы или стихи. Я не писательница, не собираюсь заниматься этим всю жизнь. Я полагаю, что это называется — мне на ум пришел слышанный

где-то оборот — «случайным заработком». Они возразили, что я, несомненно, уже являюсь признанной писательницей, пусть пока это не приносит мне слишком больших доходов. Им нужен отчет. К сожалению, отчета я представить не могла — не сохранила гонорарных счетов, которые мне посылали (если, конечно, мне их действительно посылали, что-то я такого не припоминала). Иногда я получала какой-нибудь чек, но тут же обращала его в наличность, которую немедленно тратила. Тем не менее я — очень гордая собой — сумела восстановить картину задним числом. В финансовом управлении выразили некоторое неудовольствие по поводу моей безалаберности и надежду, что впредь я буду обращаться со счетами более аккуратно. Вот тогда-то я и решила, что мне нужен литературный агент.

Поскольку в литературных агентах я смыслила мало, я вспомнила рекомендованного Иденом Филпотсом Хьюза Мэсси и обратилась к нему в контору. Впрочем, на его месте сидел теперь другой человек — видимо, Хьюз Мэсси умер, — молодой, чуть-чуть заикающийся, звали его Эдмунд Корк. Он оказался гораздо спокойнее Хьюза Мэсси, и мне было легко говорить с ним. Наверняка он пришел в ужас от моего невежества и вызвался впредь руководить моими отношениями с издателями. Он назвал точный процент комиссионных, который хотел получать от прав на публикации в периодике, на публикации в Америке, на инсценировки и прочие невероятные, как мне тогда казалось, вещи. Его лекция произвела на меня сильное впечатление. Я полностью вверилась ему и вышла из конторы с чувством огромного облегчения. У меня словно гора с плеч свалилась.

Так родилась дружба, которая длилась более сорока лет.

Затем произошло нечто невероятное. «Ивнинг Ньюз»¹ предложила мне пятьсот фунтов за право публикации «Тайны Мельницы». Теперь, правда, книга называлась по-другому, я перекрестила ее в «Человека в коричневом костюме», потому что первое название казалось мне не-

¹ «Ивнинг Ньюз» — ежедневная вечерняя лондонская газета консервативного направления, основанная в 1881 году.

сколько банальным. Однако в «Ивнинг Ньюз» предложили еще раз поменять название — на такое, что глупее придумать просто невозможно — «Авантюристка Энн»; тем не менее я прикусила язык: в конце концов, мне посулили заплатить пятьсот фунтов, и бог с ним с заголовком, я утешила себя тем, что название печатающегося в газете романа не имеет никакого значения. Удача все-таки была неслыханная. Я не могла в нее поверить. Арчи не мог в нее поверить, Москитик не могла в нее поверить. Мама, разумеется, восприняла все как должное: ее дочь, безусловно, способна запросто заработать пятьсот фунтов и опубликовать свой роман в самой «Ивнинг Ньюз», — ничего удивительного.

Похоже, так уж устроена жизнь: если приходит беда, то не одна, но и радость в одиночку не ходит. Я поймала свое счастье в «Ивнинг Ньюз», теперь настала очередь Арчи. Он получил письмо от приятеля Клайва Бейлью из Австралии, который предлагал ему должность в лондонском отделении его фирмы. Арчи получил работу, о которой мечтал много лет. Он без сожаления отряхнул прах старой службы и поступил в контору Клайва Бейлью. Арчи был абсолютно счастлив. Наконец он мог заключать честные и перспективные сделки — никаких сомнительных делишек, перед ним открывался путь в респектабельный финансовый мир. Мы были на седьмом небе.

Я тут же начала проводить в жизнь план, который давно лелеяла и к которому Арчи до той поры интереса не проявлял. Я хотела купить небольшой коттедж в пригороде, откуда Арчи было бы нетрудно ездить каждый день на службу в Сити и где Розалинда играла бы на просторной лужайке, а не была привязана к жалким островкам травы между домами, и нам не приходилось бы водить ее за тридевять земель в парк. Я мечтала жить за городом. Мы решили переехать, если удастся найти недорогой коттедж.

Арчи был не против, думаю, главным образом потому, что его все больше и больше интересовал гольф. Его только что приняли в Саннингдейлский гольф-клуб, и нашим воскресным поездкам и пешим прогулкам пришел конец. Ни о чем, кроме гольфа, он больше не помышлял. Он играл теперь в Саннингдейле с тамошними

корифеями и на меньшее не соглашался. От игры с таким ничтожным партнером, как я, он уже не получал удовольствия и мало-помалу, сама еще того не осознавая, я превратилась в то, что называют «гольфовой вдовой».

— Ладно, давай жить за городом, — сказал Арчи. — Мне это даже нравится, и Розалинде будет хорошо. Сайт любит природу, и ты тоже, но есть только одно место, где мы можем жить, — это Саннингдейл.

— Саннингдейл?! — не веря своим ушам переспросила я. Это было не совсем то, что я имела в виду. — Но это же страшно дорогое место. Там живут только богачи.

— Ну ничего, что-нибудь придумаем, — бодро заявил Арчи.

Через пару дней он спросил меня, как я намерена распорядиться пятьюстами фунтами, полученными от «Ивнинг Ньюз».

— Это куча денег, — ответила я. — Полагаю, — должно быть, сама того не желая, я произнесла следующие слова без особого энтузиазма, — полагаю, что их следует сбросить на черный день.

— О, думаю, об этом особо беспокоиться не стоит. У меня замечательные перспективы в фирме Бейлью, а ты, похоже, становишься преуспевающей писательницей.

— Ну что ж, — согласилась я, — вероятно, эти деньги — или часть из них — действительно можно потратить. — В голове мелькнула мысль о новом вечернем платье, о золотых или серебряных парчовых туфлях вместо вечных черных и о чем-нибудь шикарном, например роскошный велосипед для Розалинды.

Мои мечтания прервал голос Арчи:

— Почему бы тебе не купить автомобиль?

— Купить автомобиль?!

Я посмотрела на него в изумлении. Автомобиль — последнее, о чем я могла помыслить. Ни у кого из наших друзей автомобиля не было. Я продолжала считать, что автомобили — это для богатых: они проносились мимо со скоростью двадцать, тридцать, сорок, пятьдесят миль в час, в них сидели дамы в шляпах с шифоновыми шарфами, завязанными под подбородком, и мчались они в какие-то неведомые мне дали.

— Автомобиль?! — переспросила я. Думаю, в тот момент я была похожа на зомби¹.

— Почему бы и нет?

А почему бы и в самом деле нет? Это было в пределах наших возможностей. Я, Агата, могла позволить себе иметь автомобиль, собственный автомобиль! Должна признать абсолютно честно: из двух самых волнующих событий в моей жизни одним была покупка автомобиля — моего любимого «морриса каули»² с носом бутылочкой.

Второй раз я испытала такой же восторг сорок лет спустя, будучи приглашенной самой королевой на обед в Букингемский дворец!

В обоих этих событиях, знаете ли, было нечто сказочное, ибо я не могла представить, что такое может случиться со мной, что я могу купить собственный автомобиль и обедать с королевой Англии!

— Где ты была сегодня, киска?

— У королевы у английской.

Это было почти так же невероятно, как если бы я от рождения владела аристократическим титулом — леди Агата.

— Что ты видала при дворе?

— Видала мышку на ковре³.

Мышки на ковре у королевы Елизаветы II⁴ я не видала, но получила высшее наслаждение от того вечера. Миниатюрная, хрупкая, в строгом темно-красном бархатном платье, королева была добра и проста в общении. Помню, она рассказала нам о том, как однажды вечером они сидели в маленькой гостиной и вдруг по дымоходу с диким грохотом обрушился нарост сажи: в ужасе они все выскочили из комнаты. Чувствуешь себя гораздо увереннее при мысли, что домашние неприятности случаются и в самых высших кругах.

¹ Зомби — в мифологии Вест-Индии покойник, который с помощью сверхъестественных сил возвращен к жизни и находится в состоянии транса; в просторечии тупой, глупый человек.

² «Моррис каули» — модель дешевого легкового автомобиля марки «моррис», выпускавшаяся в 20—30-е годы.

³ Детский народный стишок. Перевод С.Я. Маршака.

⁴ Елизавета II (род. 1926), правящая королева Великобритании с 1952 года.

Часть седьмая

СТРАНА УТРАЧЕННОГО СЧАСТЬЯ¹

Глава 1

Пока мы искали себе загородный коттедж, из Африки от моего брата Монти пришли дурные вести. С тех самых довоенных лет, когда он намсревался водить торговые суда по озеру Виктория², мы мало что знали о его жизни. Тогда он без конца слал письма Мэдж, из которых следовало, что идей у него хоть отбавляй. Вот если бы она только могла вложить небольшой капитал... Сестра верила, что есть все-таки какое-то дело, в котором Монти мог бы преуспеть. Что-нибудь, связанное с кораблями, — в этом он разбирался. Словом, она оплатила ему проезд в Англию. План состоял в том, чтобы построить в Эссексе³ небольшое судно. Такой вид транспорта действительно тогда казался перспективным: на озере в то время была нужда в малом грузовом судоходстве. Существовало, правда, в этом плане и слабое звено: предполагалось, что Монти станет капитаном корабля, а в этом случае никто не мог поручиться, что корабль будет ходить строго по расписанию и окажется надежным средством сообщения.

— Великолепная идея. Сулит большие барыши, — сказал Арчи. — Но наш старина Миллер... Что, если в один прекрасный день ему не захочется рано вставать? Или не понравится чья-то физиономия? Ему ведь закон не писан.

Но моя сестра, будучи неисправимой оптимисткой, решила вложить большую часть своего капитала в постройку корабля.

— Джеймс вполне нормально меня обеспечивает, благодаря чему я имею возможность помогать маме содержать Эшфилд, почему бы мне не рискнуть капиталом?

¹ Цитата из стихотворения английского поэта Алфреда Эдварда Хаусмена (1859—1936) «Уэльские границы».

² Озеро Виктория — самое большое пресноводное озеро в Африке. Расположено на территории Уганды, Танзании и Кении в Восточной Африке.

³ Эссекс — графство на юго-востоке Великобритании.

Мой зять был вне себя. Они с Монти терпеть друг друга не могли. Джеймс не сомневался, что деньги Мэдж пойдут прахом.

Строительство корабля началось. Мэдж несколько раз ездила в Эссекс. Все вроде бы шло хорошо.

Единственное, что ее беспокоило, это что Монти, приезжая в Лондон, всегда останавливался в очень дорогих отелях на Джермин-стрит, покупал множество шелковых пижам, заказывал комплекты специально для него разработанной капитанской формы и одаривал Мэдж то браслетом из сапфира, то изящной формы балльной сумочкой и прочими *petits points* — очаровательными безделицами.

— Монти, деньги ведь предназначены для постройки корабля — не для того, чтобы покупать мне подарки.

— Но я хочу доставить тебе удовольствие. Ты никогда себе ничего не покупаешь.

— А что это там, на подоконнике?

— Это? А, это японское карликовое дерево.

— Но они же страшно дорого стоят!

— Семьдесят пять фунтов. Мне всегда хотелось иметь такое деревце. Посмотри, какая форма. Восхитительно, правда?

— Ох Монти, лучше бы ты его не покупал.

— Твоя беда в том, что со стариной Джеймсом ты разучилась радоваться.

Когда она пришла к нему в следующий раз, дерева уже не было.

— Ты его отправил обратно в магазин? — с надеждой спросила Мэдж.

— Обратно в магазин?! — с ужасом повторил Монти. — Конечно нет. Я подарил его регистраторше отеля. Потрясающе симпатичная девушка. Оно ей так понравилось! Она очень тревожится за свою больную мать, и я решил ее подбодрить.

Ну что на это можно сказать?

— Пойдем перекусим, — предложил Монти.

— Хорошо. Только пойдем в «Лайонз»¹.

— Отлично.

Они вышли на улицу. Монти попросил швейцара останавить такси. Тот махнул проезжавшему мимо шоферу,

¹ «Л а й о н з» — названия одноименных фирменных ресторанов, кафе и булочных-кондитерских фирмы «Лайонз».

и они сели в машину. Монти дал водителю полкроны и велел ехать в «Беркли»¹. Мэдж заплакала.

— Понимаешь, — объяснял мне потом Монти, — Джеймс — страшный скряга. Мэдж сломалась. Кажется, она только и думает о том, как бы сэкономить.

— Тебе бы тоже не мешало об этом подумать. Что, если денег на постройку корабля не хватит?

Монти лукаво ухмыльнулся.

— Не имеет значения. Старине Джеймсу придется раскошелиться.

Монти прожил у них пять тяжелых дней и выпил немислимое количество виски. Мэдж тайно покупала ему все новые бутылки, прятала у него в комнате, и Монти это страшно забавляло.

Потом он увлекся Нэн Уоттс и возил ее по театрам и дорогим ресторанам.

Порой в отчаянии Мэдж восклицала:

— Этот корабль никогда не попадет в Уганду!²

Между тем он мог бы быть уже готов. И если до сих пор строительство не завершилось, то только из-за Монти. Брат был влюблен в свою «Батенгу», как он назвал корабль, и хотел, чтобы она была больше чем торговым судном: велел украсить интерьер черным деревом и слоновой костью, отделать свою каюту панелями тикового дерева и заказал специальную посуду из жаропрочного фарфора с надписью «Батенга» на каждом предмете. Все это, разумеется, отдаляло момент отплытия.

А тут разразилась война. О том, чтобы следовать в Африку на «Батенге», не могло быть и речи. Вместо этого корабль пришлось продать правительству за бесценок. Монти вернулся в армию — на сей раз в Африканский полк королевских стрелков.

Так окончилась сага о «Батенге».

У меня еще хранятся две кофейные чашечки от корабельного сервиза.

¹ «Беркли» — гостиница класса «люкс» в Лондоне на Беркли-стрит.

² Уганда — государство в Восточной Африке, бывший протекторат Великобритании, с 1962 года независимое государство.

На сей раз письмо пришло от доктора. Мы знали, что во время войны Монти был ранен в руку. Случилось так, что в госпитале по халатности операционной сестры в рану занесли инфекцию. Инфекция оказалась стойкой и давала о себе знать даже после выписки. Монти продолжал заниматься охотой, но в конце концов в очень тяжелом состоянии попал во французский госпиталь, где служили монахини.

«Поначалу он ничего не хотел сообщать родным, — писал доктор, — но теперь, похоже, умирает — жизни ему осталось не больше полугода — и желает окончить свой земной путь дома. К тому же есть вероятность, что английский климат немного продлит его дни».

Быстро было организовано все для доставки Монти морем из Момбасы¹. Мама начала приготовления в Эшфилде. Ее охватило воодушевление — она будет сама ухаживать за своим дорогим мальчиком. Ей рисовались идиллические картины сыновней и материнской любви. Мама и Монти никогда не ладили. Во многом они были слишком похожи друг на друга. Жить с Монти было труднее, чем с кем бы то ни было.

— Теперь все будет по-другому, — говорила мама. — Вы забываете, как болен бедный мальчик.

Я не сомневалась, что с больным Монти будет ничуть не легче, чем со здоровым, но сути своей человек не меняется, и все же надеялась на лучшее.

Маме пришлось долго уговаривать двух своих пожилых горничных согласиться на присутствие в доме слуги Монти — африканца.

— Думаю, мадам, да, думаю, мы не сможем спать в одном доме с чернокожим мужчиной. Мы с сестрой к такому не привыкли.

Мама перешла в наступление — она была из тех женщин, с которыми нелегко тягаться — и убедила их не уходить. Решающим аргументом явилось то, что им представится редкая возможность обратить в христианство чернокожего мусульманина. Сестры были очень набожными женщинами:

— Мы будем читать ему Библию, — заявили они, и глаза их засветились праведным огнем.

Мама тем временем подготовила изолированный блок из трех комнат и новой ванной.

¹ Момбаса — город и порт в Кении на побережье Индийского океана.

Арчи любезно предложил встретить Монти в порту Тилбери¹. Он также снял для них со слугой небольшую квартиру в Бейсуотере.

Когда Арчи уезжал в Тилбери, я сказала ему по телефону:

— Смотри, чтобы Монти не заставил тебя отвезти его в «Ритц»².

— Что ты сказала?

— Я сказала: смотри, чтобы Монти не заставил тебя отвезти его в «Ритц». Я позабочусь о том, чтобы квартира была в полном порядке, предупрежу хозяйку и куплю все, что нужно.

— Тогда все будет отлично.

— Надеюсь. Но он может предпочесть «Ритц».

— Не волнуйся. Я доставлю его еще до ленча.

День близился к концу. В половине седьмого вернулся Арчи. Он выглядел очень усталым.

— Все нормально. Я отвез его на место. Пришлось потрудиться, чтобы снять его с корабля, — у него вещи не были уложены, а он все повторял: «У нас куча времени. Куда спешить?» Уже все сошли на берег, а у него в каюте все вверх дном — и ему хоть бы хны. Слава богу, Шебани оказался проворным малым, помог все собрать. В конце концов нам удалось-таки покинуть корабль.

Он сделал паузу и откашлялся.

— Но дело в том, что я отвез его не на Пауэлл-сквер. Он твердо решил остановиться в каком-нибудь отеле на Джермин-стрит. Утверждал, что так с ним будет гораздо меньше хлопот.

— Я так и знала!

— Да, вот так.

Я укоризненно взглянула на Арчи.

— Ты знаешь, он так убедительно говорил.

— Это Монти умеет, — вздохнула я.

Монти показали специалисту по тропическим болезням, которого нам рекомендовали. Специалист дал маме все необходимые указания. Шанс на частичное выздоровление был: свежий воздух, горячие ванны, полный покой. Трудность состояла в том, что, считая умирающим, его

¹ Тилбери — лондонский порт.

² «Ритц» — фешенебельная лондонская гостиница на улице Пикадилли, основанная швейцарцем С. Ритцом в 1906 году.

так пичкали наркотиками, что теперь ему нелегко было от них отказаться.

Через пару дней мы все же водворили Монти с Шебани на Пауэлл-сквер, где им было вполне удобно. Правда, Шебани наделал много шума, забежав в соседнюю табачную лавку, схватив там упаковку сигарет — штук пятьдесят — и выбежав со словами: «Для моего хозяина». Кенийскую систему кредита в Бейсуотере не поняли.

По окончании лондонского курса лечения Монти с Шебани переехали в Эшфилд, и была сделана попытка разыграть пьесу под названием «Сын, мирно оканчивающий свои дни под крылом нежно любимой матери». Маму это чуть не доконало. Монти вел африканский образ жизни. Режим питания был очень своеобразным: он требовал еду тогда, когда ему заблагорассудится, даже в четыре часа утра. Это было его любимое время. Он звонил, вызывал слуг и велел нести котлеты или бифштекс.

— Не понимаю, мама, что ты имеешь в виду, говоря: «Нужно думать о слугах». Ты платишь им за то, чтобы они готовили, если не ошибаюсь.

— Да, но не среди ночи!

— Это было всего за час до рассвета. Я привык всгавать в это время. Хорошее время, чтобы начать новый день.

Что касается Шебани, то он прекрасно все улаживал, пожилые служанки в нем души не чаяли. Они читали ему Библию, и он слушал с огромным интересом. Он рассказывал им истории из кенийской или угандийской, уж не помню, жизни и повествовал об охотничьих доблестях своего хозяина: тот, оказалось, охотился на слонов.

Шебани деликатно наставлял Монти в его взаимоотношениях с матерью:

— Она ваша мать, бвана. Вы должны говорить с ней почтительно.

Через год Шебани пришлось вернуться в Африку к жене и детям, и все стало гораздо сложнее. Слуги-мужчины не приживались: то из-за Монти, то из-за мамы. Мы с Мэдж приезжали по очереди улаживать конфликты.

Здоровье Монти улучшилось, вследствие чего он становился все менее управляемым.

Ему было скучно, и для развлечения он стрелял из револьвера в окно. Лавочники и мамины гости жаловались. Монти не испытывал никакого раскаяния. «Какая-то глухая старая дева, вихляя задом, шла по дороге. Я не мог

удержаться и выстрелил сначала справа, потом слева от нее. Видели бы вы, как она дала деру!»

Однажды он обстрелял даже Мэдж, шедшую по дороге. Та пришла в ужас.

— Не понимаю почему, — удивлялся Монти. — Я бы ее никогда не задел. Неужели она думает, что я не умею метко стрелять?

Наконец, по чьей-то жалобе, к нам явилась полиция. Монти показал разрешение на ношение оружия и весьма убедительно поведал о своей жизни в Африке и о том, что ему необходимо тренироваться, чтобы не утратить меткость. Какой-то глупой женщине показалось, что он стрелял в нее. А на самом деле он увидел кролика. Только Монти мог выпутаться из подобной неприятности. Полиция сочла его объяснения основательными для человека, ведущего образ жизни, подобный тому, какой вел капитан Миллер.

— Дело в том, детка, что мне неважно больше жить здесь взаперти. Чувствую себя ручным попугаем в клетке. Если бы у меня был маленький домик в Дартмуре — это было бы как раз то, что мне нужно. Воздух и простор — место, где можно свободно дышать.

— Тебе этого действительно хочется?

— Ну конечно! Бедная старушка-мама сводит меня с ума. Слишком много суеты — и потом это постоянное время для завтрака, ленча и обеда... Все разложено по полочкам. Я к такому не привык.

Я нашла Монти маленький каменный домик в Дартмуре. Нам также чудом удалось сыскать для него подходящую экономку — женщину лет шестидесяти пяти. Когда мы увидели ее впервые, нам показалось, что это совсем не то: яркрашенная, сильно нарумяненная блондинка, вся в кудряшках, одетая с ног до головы в черный шелк. Большую часть жизни она прожила во Франции и имела тринадцать душ детей.

Однако, как выяснилось, сам бог нам ее послал. Она устраивала Монти, как никто другой: даже вставала среди ночи и жарила котлеты, если он хотел. Правда, через какое-то время Монти сообщил: «Я почти никогда теперь не ем так рано — миссис Тейлор это тяжеловато, знаешь ли. Она молодец, но ей уже не так мало лет».

По собственной инициативе и совершенно безвозмездно она разбила вокруг дома небольшой огородик и выра-

щивала там горох, молодую картошку и фасоль. Слушала Монти, когда ему хотелось поговорить, и не обращала внимания, если он молчал. Она была великолепна!

Мама почувствовала себя гораздо лучше. Мэдж перестала беспокоиться. Монти с удовольствием принимал родственников, вел себя во время их визитов очень мило и чрезвычайно гордился превосходной стряпней миссис Тейлор.

Восемьсот фунтов, которые нам с Мэдж пришлось заплатить за дом, не были слишком высокой платой за покой.

Глава 2

Мы с Арчи тоже нашли себе коттедж в пригороде — впрочем, это был не коттедж. Саннингдейл, как я и опасалась, оказался очень дорогим местом. Вокруг полей для гольфа стояли сплошь шикарные современные дома, деревенского домика там не встретишь. Мы остановились на большом доме в викторианском стиле в усадьбе под названием Скотсвуд. Дом был разделен на четыре квартиры. Две из них, в нижнем этаже, оказались уже сданными, но оставались две двухэтажные наверху, мы их посмотрели. Каждая состояла из трех комнат внизу и двух на верхнем уровне, разумеется, кухни и ванной. Одна из этих квартир мне понравилась больше — комнаты в ней были спланированы лучше и вид из окна гораздо приятней. Но преимущество другой состояло в наличии небольшой лишней комнаты, к тому же за нее меньше просили, поэтому мы сняли эту, подешевле. Жильцы имели право пользоваться садом и постоянным горячим водоснабжением. Арендная плата была выше, чем за квартиру на Эдисон-роуд, но не намного. Кажется, она составляла фунтов сто двадцать. Итак, мы подписали контракт и стали готовиться к переезду.

Приезжая посмотреть, как идут дела у художников-декораторов, мы каждый раз убеждались, что они не выполняют своих обещаний, многое делалось не так. С обоими проще, здесь трудно совсем все испортить, если, конечно, не наклеить вовсе уж неподходящие. Но вот если выкрасить стены не тем колером... А ведь этого сразу, пока они не просохли, не поймешь. Тем не менее ремонт был наконец завершен. Большую гостиную я украсила кретоновыми шторами, на которых были вытканы ветки сире-

ни. Я сшила их собственными руками. В маленькой столовой мы повесили весьма дорогие занавески — больно уж они нам понравились: тюльпаны, разбросанные по белому полю. В просторной комнате Розалинды и Сайт на занавесках были изображены лютики и ромашки. На верхнем этаже находился кабинет Арчи, свободная комната на всякий пожарный случай с весьма рискованно оформленными окнами: алые маки и синие васильки на шторах, и наша спальня, для которой я выбрала занавески с лесными колокольчиками и, как выяснилось, напрасно, ибо именно эта комната выходила окнами на север, и сюда редко заглядывало солнце. Прелестно смотрелись они лишь поутру, не слишком рано, когда, лежа в постели, можно было наблюдать, как сквозь них льется мягкий свет, и по вечерам, когда синева цветков исчезала так же, как у живых колокольчиков. Как только вы приносите их домой, они сереют, увядают и опускают головки. Колокольчики не живут в неволе. Им хорошо только в лесу.

В утешение себе я написала балладу о лесном колокольчике.

МАЙСКАЯ БАЛЛАДА

Веселым майским утром
король в лесу бродил,
И легкий сон весенний
в пути его сморил.
Очнулся — сумрак в чаще,
и в звонких башмачках
Цветы лесные пляшут —
роса на рукавах.

Для всех цветов тотчас же
король устроил бал!
Он синий Колокольчик
среди гостей искал.
Вот Роза — в алом шелке,
вот Лилия — бела.
Лишь дева Колокольчик
на праздник не пришла.

Разгневался властитель,
но деву прячет лес.
Он свиту посылает
цветку наперерез...

Вот в шелковых тенетах,
поникишая челом,
Плясунья Колокольчик
стоит пред королем.

Короною своею
он деву увенчал.
Но сникла недотрога,
в глазах ее — печаль.
Бледна и непокорна,
на нежное «люблю»
Плясунья молодая
сказала королю:

«О, мой король, корона
твоя мне тяжела,
Люблю я вольный ветер,
в лесу я расцвела.
И ветреность свободы
привыкла я ценить,
В твоём утрюмом замке
и дня мне не прожить».

Год минул. И разлуки
король снести не смог:
Оставил он корону
и вышел за порог,
И по тропе влюбленных
навек ушел он в лес —
Где пляшет Колокольчик
под золотом небес¹.

«Человек в коричневом костюме» имел успех. В «Бодли Хед» упорно уговаривали меня заключить с ними новый замечательный контракт. Я отказалась. Следующая книга, которую я им отдала, родилась из написанного когда-то давно большого рассказа. Мне самой он очень нравился: в нем происходило много сверхъестественных событий. Я немного переделала рассказ, введя несколько дополнительных персонажей, и послала в издательство. Издательство рукопись отвергло, впрочем, я это предвидела. В моем контракте не было оговорено, что я должна поставлять им только детективы или остросюжетные романы. В нем было

¹ Перевод Ю. Ильиной-Король.

сказано просто — «следующий роман». То, что я предложила, было романом, а уж принять или отвергнуть его — решать им. Они отвергли, следовательно, я осталась должна издательству только одну книгу, после чего — свобода! Свобода, но ни шагу без совета Эдмунда Корка — впредь у меня будет первоклассный наставник, который всегда подскажет, что делать, а главное — чего не делать.

Следующая книга была веселой, в духе «Таинственного противника». Такие романы писать легче и быстрее, и жанр их вполне соответствовал тому беззаботному состоянию, в котором я в то время пребывала, — все шло так хорошо! Вольная жизнь в Саннингдейле, Розалинда, которая росла и становилась все забавнее и интереснее. Я никогда не понимала людей, которые мечтают, чтобы их дети оставались детьми. И сожалеют о том, что те взрослеют. Мне самой не терпелось увидеть, какой Розалинда станет через год, еще через год, еще... Думаю, нет в жизни ничего более волнующего, чем ваш собственный ребенок, который со временем оказывается таинственно новым для вас человеком. Вы — ворота, через которые он выходит в мир, и в течение определенного времени вам позволено заботиться о нем, после чего он вас покидает и полностью расцветает уже в отдельной от вас, собственной жизни. Это словно саженец неизвестного дерева, который вы принесли домой, посадили и с нетерпением ждете, что же из него вырастет.

Розалинда прекрасно освоилась в Саннингдейле. Она с наслаждением поехала по саду на своем чудесном велосипеде; иногда падала, но никогда не обращала на это внимания. Мы с Сайт предупредили ее, чтобы она не выезжала на улицу, но строгого запрета не было. Во всяком случае, однажды она выехала за ворота рано утром, когда мы были заняты по дому. На всех парах слетела с холма и чуть было не выкатила прямо на главную дорогу, но, к счастью, упала, не доехав. При падении она повредила передние зубы, они чуть накренились внутрь, и я боялась, что это в дальнейшем отразится на росте коренных зубов. Я повела ее к дантисту. Розалинда послушно села в зубо-врачебное кресло, но губы держала плотно сомкнутыми и ни на какие уговоры открыть рот не поддавалась. На все, что говорили я, Сайт, дантист, она отвечала полным молчанием, пряча зубы. Я была вынуждена увести ее домой, при этом, разумеется, кипела от гнева. Все упреки Роза-

линда принимала молча. После двух дней нотаций и уговоров, моих и Сайт, Розалинда объявила, что готова пойти к врачу.

— Ты действительно готова лечиться или собираешься вести себя как в прошлый раз?

— Нет, на этот раз я открою рот.

— Ты, наверное, тогда просто боялась?

— Ну, никогда же не знаешь, что с тобой будут делать, правда ведь? — ответила Розалинда.

Я согласилась с этим, но постаралась приободрить ее, напомнив, что все люди, все-все наши знакомые ходят к зубному врачу, послушно открывают там рот, и от этого им только лучше в конце концов. Розалинда позволила отвести себя и в этот раз была сама кротость. Доктор удалил расшатавшиеся зубы и сказал, что, быть может, потом придется на время надеть на коренные зубы пластинку, однако возможно, что обойдется без этого.

Не могу отделаться от ощущения, что нынешние дантисты сделаны из другого теста, нежели те, что были в моем детстве. Нашего дантиста звали мистер Хирн. Это был чрезвычайно подвижный коротышка, который умел тут же подчинить себе любого пациента. Мою сестру повели к нему в нежном трехлетнем возрасте. Усевшись в зубо-врачебное кресло, Мэдж сразу же принялась плакать.

— Так, — строго сказал мистер Хирн. — Я этого не разрешаю. Я никогда не позволяю своим пациентам плакать.

— Не позволяете? — Мэдж была настолько удивлена подобным заявлением, что немедленно перестала рыдать.

— Не позволяю, — подтвердил мистер Хирн. — Это очень вредно, поэтому я и не разрешаю этого. — Больше он забот с Мэдж не знал.

Переезду в Скотсвуд все мы очень радовались — как замечательно снова оказаться в загородном доме! Арчи был счастлив оттого, что Саннингдейлский гольф-клуб под боком. Сайт — в восторге оттого, что не надо больше терять времени на дальние путешествия в парк, Розалинда — оттого, что для ее чудесного велосипеда теперь был свой парк. Словом, все были счастливы. Несмотря даже на то, что, когда мы приехали с мебельным фургоном, оказалось, что ничего не готово. Электрики все еще возились с проводкой и очень мешали вносить мебель. Проблемам с ванными, кранами и освещением не было конца, и вообще все делалось страшно неумело.

Публикация «Авантюристки Энн» в «Ивнинг Ньюз» завершилась, и я купила свой «моррис каули». Это была превосходная машина, гораздо более надежная и удобная, чем нынешние. Теперь мне предстояло научиться ее водить.

Вскоре после приобретения автомобиля разразилась всеобщая забастовка. Я к тому времени взяла у Арчи не больше трех уроков, но он заявил, что я должна отвезти его в Лондон!

— Я не могу! Я не умею водить!

— Умеешь. Ты прекрасно едешь по прямой.

Арчи был замечательным учителем, но ни о каких экзаменах в то время слыхом не слыхивали, и никаких водительских удостоверений никто не выдавал. Как только человек вступал в права владения автомобилем, он нес за него полную ответственность.

— Я совершенно не умею разворачиваться, — продолжала я приводить свои доводы. — И вообще машина всегда едет не туда, куда, мне кажется, она должна была бы ехать.

— Тебе не придется разворачиваться, — уверенно заявил Арчи. — Ты прекрасно крутишь баранку — а больше ничего и не надо. Если поедешь с разумной скоростью — все будет в порядке. На тормоза ты жать умеешь.

— Этому ты меня научил в первую очередь, — согласилась я.

— Разумеется. Не вижу причин для беспокойства.

— Но другие машины! — сказала я неуверенно.

— Да нет, с настоящим движением тебе столкнуться не придется.

Арчи узнал, что от Хонслоу в Лондон ходят электрички, поэтому план был таков: Арчи сам ведет машину до вокзала в Хонслоу, разворачивает ее там, ставит в исходную позицию и отправляется в Сити на поезде, а я должна уже дальше справляться сама. Первый раз это показалось мне самым тяжелым испытанием, когда-либо выпадавшим на мою долю. Я тряслась от страха, но сумела тем не менее благополучно добраться до дома. Пару раз мотор глох, потому что я резче, чем требовалось, жала на тормоза; кроме того, я слишком тщательно объезжала всевозможные предметы на дороге, что тоже осложняло езду. К счастью, движение тогда даже отдаленно не напоминало то безобразное, что творится на дорогах сейчас, и от водителя виртуозного

мастерства не требовалось. Покуда не нужно было припарковываться, разворачиваться или давать задний ход, все шло нормально. Самый критический момент настал, когда пришло время поворачивать в Скотсвуд и заводить машину в чрезвычайно узкий гараж, где к тому же уже стояла машина наших соседей. Эта молодая пара, Ронклифы, жили в квартире под нами. Миссис Ронклиф сказала тогда своему мужу: «Я видела, как наша соседка возвращалась сегодня откуда-то на машине. По-моему, она первый раз в жизни села за руль. Въезжая в гараж, она вся дрожала и была белая как полотно. Это просто чудо, что она не протаранила стену».

Думаю, никто, кроме Арчи, не доверил бы мне тогда машину. Ему же всегда казалось само собой разумеющимся, что я могу делать многое, о чем сама не догадываюсь. «Конечно ты это умеешь, — говорил он, бывало. — Почему бы, собственно, тебе этого не уметь? Если ты постоянно будешь думать, что ты того не умеешь, сего не умеешь, ты никогда ничему и не научишься».

Я стала немного увереннее в себе и дня через три-четыре рискнула немного углубиться в Лондон и даже ездить по самым опасным улицам. О, какую радость доставляла мне машина! Боюсь, теперь никому не понять, какое разнообразие вносила она в нашу жизнь, позволяя ездить куда угодно, в места, в которые пешком не доберешься — это раздвигало горизонты. Одним из самых больших удовольствий было отправиться на машине в Эшфилд и повезти маму на прогулку. Она обожала такие прогулки не меньше меня. Куда только мы не ездили! Например, в Дартмур, к друзьям, чьего дома она до тех пор не видела, так как без машины туда было трудно добраться. И мы обе получали одинаковое наслаждение от самой езды. Ничто не приносило мне столько радости, как мой длинноносый «моррис каули».

Неоценимый помощник и вдохновитель в житейских ситуациях, Арчи ничем не мог помочь мне в работе над книгами. Иногда хотелось посоветоваться с ним по поводу замысла нового рассказа или отдельных линий развития сюжета. Когда, запинаясь, я начинала рассказывать, мне самой все казалось в высшей степени банальным, неинтересным — можно найти и другие определения, но не будем уточнять. Арчи слушал очень доброжелательно — если уж

он удостаивал кого-то вниманием, то и слушал внимательно. Наконец я робко спрашивала:

— Ну как? Что ты думаешь, может это быть интересно?

— Ну вообще-то может, — отвечал он в своей обескураживающей манере. — Я не вижу здесь, правда, рассказа как такового. И потом, это не такой уж захватывающий сюжет, не думаешь?

— Наверное, ты прав. Ну и что же теперь делать?

— Не сомневаюсь, что ты можешь придумать что-нибудь получше.

Сюжет тут же умирал, сраженный наповал. Иногда я, правда, воскрешала его, вернее, он сам восставал из пепла лет через пять-шесть и, не подвергнутый предварительной критической обработке, расцветал весьма недурно, превращаясь порой в одну из моих любимых книг. Дело в том, что писателю очень трудно выразить в устной речи свой замысел. С карандашом в руке или за пишущей машинкой — другое дело, тогда вещь получается почти такой, какой станет в окончательном виде, но рассказать то, что ты только еще собираешься написать, почти невозможно, во всяком случае, для меня. В конце концов я поняла, что, пока вещь не написана, о ней никому нельзя рассказывать. Потом критика даже полезна. С чем-то можно спорить, с чем-то соглашаться, но, по крайней мере, ясно, какое впечатление она произвела на читателя. А описание будущего рассказа получается таким беспомощным, что в самом деле едва ли кого-нибудь увлечет.

Я никогда не соглашалась на просьбы — а ко мне обращались с ними сотни раз — прочесть чью-нибудь рукопись. Во-первых, стоит согласиться лишь однажды — и у тебя уже не останется времени ни на что другое, ты только и будешь читать чужие рукописи. Но главное — я не считаю, что писатель может быть компетентным критиком. Все сводится к тому, что он объясняет, как бы написал это сам, но ведь каждый пишет по-своему и по-своему себя выражает.

К тому же я могу ненароком обескуражить человека, и у него опустятся руки. Один добрый друг показал рукопись моего раннего рассказа известной писательнице. По прочтении его дама с сожалением, но твердо вынесла вердикт: писателя из этого автора не получится никогда. На самом деле, будучи не критиком, а писательницей, она, скорее всего, имела в виду, что автор прочитанно-

го ею рассказа пока еще незрелый писатель и что публиковать его вещи рано. Критик или издатель на ее месте обнаружили бы большую проницательность, так как их профессия — находить побеги, из которых что-нибудь может вырасти. Вот почему я не люблю выступать в роли критика — боюсь причинить вред.

Позволю себе лишь одно критическое замечание в адрес начинающих писателей: они совершенно не ориентируются на рынке, куда выбрасывают свою продукцию. Например, бессмысленно писать роман объемом свыше тридцати тысяч слов — в наши дни такой роман трудно напечатать. «О, — возразит автор, — но этот роман должен быть именно таким!» Быть может. Если автор — гений. Но большинство-то из нас — ремесленники. Мы делаем то, что умеем и от чего получаем удовольствие, и мы хотим выгодно продать свое изделие. А коли так, ему следует придать ту форму и тот размер, которые пользуются спросом. Какой толк плотнику делать табуретку высотой в полтора метра? Никто не захочет на ней сидеть, сколько бы кому ни внушали, что табурет такой высоты выглядит красивее. Если вы собрались писать книгу, узнайте, какого объема книги лучше читаются, и постарайтесь уложиться именно в этот объем. Если хотите написать рассказ для определенного журнала, вы должны точно знать, какого рода и объема рассказы печатает именно этот журнал. Вот если вы задумали написать рассказ для себя — тогда дело другое, пишите как хотите и сколько хотите, но тогда вам придется ограничиться удовольствием, которое вы получите от самого творческого процесса. Весьма неплодотворно для молодого автора считать себя гением от Бога — конечно встречаются и такие, но очень редко. Нет, следует воспринимать себя как мастера, у которого в руках хорошее, честное ремесло, и овладеть сначала всеми тонкостями этого ремесла, а уж затем вкладывать в него свои творческие идеи; но строго выдерживать форму — обязательно.

К тому времени у меня впервые забрезжила мысль, что я могу стать профессиональным писателем. Хоть уверенности еще не было. Я все еще считала, что умение сочинять сродни умению вышивать диванные подушки.

Перед нашим переездом из Лондона в пригород я брала уроки ваяния. Я была истовой поклонницей скульптурного искусства, предпочитала его живописи и мечтала стать

скульптором. Однако меня очень скоро постигло разочарование: я поняла, что это не для меня, ибо у меня отсутствовало предметное воображение. Я не умела рисовать, следовательно, не могла и лепить. Какое-то время я еще лелеяла надежду, что работа с глиной поможет обрести чувство формы, но в конце концов поняла, что не вижу своей будущей скульптуры. А это все равно что заниматься музыкой, не имея слуха.

Я сочинила несколько песен, из тщеславия переложив на музыку свои же стихи. Послушав вальс собственного сочинения, пришла к выводу, что никогда не слышала ничего более банального.

Хотя некоторые мои песенки были, по-моему, недурны. А одно стихотворение из цикла «Пьеро и Арлекин» мне даже нравилось. Я решила, что стоит позаниматься гармонией и композицией. И все же именно писательство, похоже, было моим способом самовыражения.

Я сочинила мрачную пьесу. В центре фабулы был инцест. Пьесу решительно отвергли все импресарио, которым я ее посылала, — «слишком неприятный сюжет». Забавно, что нынче эта пьеса как раз могла бы заинтересовать продюсеров.

Еще я написала историческую пьесу об Эхнатоне¹. Мне она страшно нравилась. Джон Гилгуд² любезно откликнулся на нее, написав мне, что в пьесе есть интересные моменты, но она потребует слишком больших постановочных средств и ей недостает юмора. Я как-то не связывала юмор с Эхнатоном, но вдруг поняла, что была не права. В Древнем Египте, разумеется, было столько же юмора, сколько в любом другом месте, жизнь везде и всегда жизнь — в трагическом тоже есть смешное.

Глава 3

После возвращения из кругосветного путешествия мы прошли через столько волнений, что теперь наслаждались безмятежностью нашей новой жизни. А ведь именно тогда, наверное, меня должны были посетить первые дурные

¹ Эхнатон («угодный богу Атону») — имя, которое принял египетский фараон Аменхотеп IV (XV в. до н. э.) в честь бога солнца Амона.

² Гилгуд Джон (1904—1996) — английский актер и режиссер.

предчувствия. Очень уж все хорошо шло. Арчи нравилась работа, владелец фирмы был его другом, сослуживцы — приятными людьми; сбылась его заветная мечта — он вступил в привилегированный гольф-клуб и играл в гольф каждые выходные. У меня пошло дело с книгами, и я, похоже, смогла бы неплохо этим зарабатывать.

Догадывалась ли я, что в этой идиллии что-то явно не то, какая-то искусственность? Не думаю. Но чего-то действительно недоставало, хотя я не могла тогда сколько-нибудь внятно выразить это словами. Мне не хватало дружеской теплоты наших с Арчи былых отношений, наших воскресных поездок на автобусе или на поезде по разным новым местам.

Теперь выходные дни были самым унылым для меня временем. Мне часто хотелось пригласить гостей, кого-нибудь из лондонских друзей. Арчи был против, так как это могло испортить его отдых. Если бы у нас кто-то гостил, ему пришлось бы больше времени проводить дома и пропускать партию в гольф. Я предлагала ему вместо гольфа поиграть иногда в теннис на платных кортах в Лондоне. Он приходил в ужас от подобного предложения. Из-за тенниса, говорил он, можно потерять меткость, необходимую для гольфа.

Гольф стал для него почти религией.

— Послушай, если хочешь, можешь приглашать своих подруг, но не зови семейных пар, потому что в этом случае мне тоже придется их развлекать.

Выполнить его пожелание было не так-то легко: большинство наших друзей были как раз семейными парами, не пригласишь ведь жену без мужа. У меня завелись приятели в Саннингдейле, но саннингдейльская публика делилась на две категории: люди средних лет, помешанные на своих садах и ни о чем другом говорить не умеющие, и молодые богатые весельчаки, которые много пили, устраивали бесконечные коктейли и не были близки по образу жизни ни мне, ни, в этом смысле, Арчи.

Однажды к нам приехала Нэн Уоттс со своим вторым мужем. Во время войны она вышла замуж за некоего Хьюго Поллока, у них была дочь Джуди, но семейная жизнь не заладилась, и в конце концов они расстались. Вторично она вышла замуж за Джорджа Кона, который был страстным любителем гольфа. Это примирило Арчи с необходимостью их принять. Джордж и Арчи играли в паре, мы с

Нэн сплетничали, болтали и не слишком усердствуя играли в гольф на специальном дамском поле. После игры встречались с мужьями в клубе, чтобы что-нибудь выпить. Мы с Нэн, во всяком случае, всегда заказывали свой любимый напиток: полпинты сливок, разбавленных молоком, как когда-то давно на ферме в Эбни.

Очень неприятным сюрпризом был для нас уход Сайт — она относилась к своей карьере серьезно и хотела поработать за границей. Розалинда на будущий год пойдет в школу, сказала она, и в няне особой нужды не будет, а ей известно, что в Британском посольстве в Брюсселе есть вакансия, которую она мечтала бы занять. Ей очень грустно от нас уходить, но она должна совершенствоваться, чтобы со временем иметь право работать гувернанткой в любой стране мира и повидать кое-что в жизни. На столь серьезное заявление мне нечего было ответить, и я с сожалением отпустила ее в Бельгию.

Памятуя, как счастлива была сама с Мари и какое удовольствие учить французский без слез, я решила нанять Розалинде французскую няню-гувернантку. Москитик живо откликнулась и написала, что у нее на примете есть как раз то, что нужно, правда, не француженка, а швейцарка. Она уже встречалась с ней, к тому же ее друг знает семью этой девушки. Зовут ее Марсель. У нее очень мягкий характер. Москитик считала, что Розалинде именно такая и нужна: она будет жалеть девочку, поскольку та робка и нервна, и заботиться о ней. Не уверена, что я разделяла подобную оценку характера своей дочери.

Марсель Вину прибыла в назначенный срок. У меня сразу же шевельнулось какое-то тревожное предчувствие. По словам Москитика, это было нежное, очаровательное, хрупкое создание. У меня создалось другое впечатление о ней: заторможенная, хоть и доброжелательная, ленивая и неинтересная — тот самый тип людей, которым решительно не дано справляться с детьми. Розалинда, обычно послушная и вежливая, не создававшая проблем в повседневной жизни, чуть ли не за один день превратилась в исчадие ада.

Я не могла поверить своим глазам и лишь тогда поняла то, что другие воспитатели понимают интуитивно: ребенок, как собака, как любое животное, должен признать авторитет того, кто им распоряжается. У Марсель не было никакого авторитета. Она лишь беспомощно качала голо-

вой и повторяла: «Rosalinde! Non, non, Rosalinde!»¹ — без какого бы то ни было результата.

Смотреть на то, как они идут на прогулку, было мучкой. Вскоре, правда, выяснилось: у Марсель все ступни были покрыты мозолями и волдырями. Прихрамывая, она ползла не быстрее похоронной процессии. Узнав об этом, я тут же отправила ее к педикюрше, но и после этого походка ее улучшилась ненамного. Розалинда, истинно английское дитя, устремлялась вперед с высоко поднятой головой, полная энергии; несчастная Марсель тащилась позади, бормоча: «Подождите меня, attendez-moi!»²

— Но мы ведь гуляем, правда? — бросала через плечо Розалинда.

Марсель делала самую большую глупость, какую только можно придумать в подобной ситуации: она пыталась купить покой, предложив Розалинде зайти в кафе в Саунингдейле. Розалинда соглашалась выпить чашечку шоколада, вежливо пробормотав: «Спасибо», — но после этого вела себя ничуть не лучше. Дома она превращалась в дьяволенка: кидала в Марсель туфли, строила ей рожи и отказывалась есть.

— Что мне делать? — спрашивала я у Арчи. — Она просто чудовище. Я наказываю ее, но от этого ничего не меняется. Ей все больше нравится мучить бедную девушку.

— Мне кажется, бедной девушке это достаточно безразлично, — отвечал Арчи. — В жизни не встречал более апатичного существа.

— Может, все наладится, — робко предполагала я.

Но ничего не налаживалось, становилось только хуже. Меня это всерьез беспокоило, потому что мне вовсе не хотелось, чтобы мой ребенок превращался в неуправляемую злыдню. Но ведь с предыдущими нянями Розалинда могла вести себя прилично... возможно, какой-то порок таится в самой этой девушке? Он-то и провоцирует ребенка на подобное поведение.

— Тебе разве не жаль Марсель? Она одна, в чужой стране, где никто не говорит на ее языке, — увещевала я.

— Она сама хотела сюда приехать, — отвечала Розалинда. — Не хотела бы — не приехала. И по-английски она говорит достаточно хорошо. Просто она ужасно, ужасно глупая.

¹ Розалинда! Нет, нет, Розалинда! (фр.)

² Подождите меня (фр.).

Это, разумеется, была чистая правда.

Розалинда немного продвинулась во французском, но не так, как хотелось бы. Иногда, в дождливые дни, я предлагала им поиграть во что-нибудь, но Розалинда утверждала, что Марсель нельзя научить играть даже в «дурака». «Она не может запомнить, какая карта старше», — презрительно фыркала моя дочь.

Я сообщила Москитику, что у нас с Марсель ничего не получается.

— О господи, я была уверена, что Розалинда полюбит Марсель.

— Она ее не любит, — констатировала я. — Совсем не любит. И изобретает всевозможные способы, чтобы мучить бедняжку, бросается в нее разными предметами.

— Розалинда бросается предметами?!

— Да, — подтвердила я, — и становится все более неспосной.

В конце концов я решила, что нет смысла продолжать эти мучения. Почему, собственно, мы все должны страдать? Я поговорила с Марсель, промямлив, что, видимо, мы не подходим друг другу и что, вероятно, ей самой будет лучше в другом доме, что я дам ей рекомендацию и постараюсь найти хорошее место, если она не предпочтет вернуться в Швейцарию. Марсель невозмутимо ответила, что была рада повидать Англию, но теперь хотела бы уехать обратно в Берн¹. Мы попрощались, я настояла, чтобы она взяла жалованье за лишний месяц, и решительно настроилась найти кого-нибудь другого на ее место.

На сей раз я задумала взять женщину, которая выполняла бы обязанности и секретаря, и гувернантки. Когда Розалинде исполнится шесть лет, она будет по утрам ходить в школу, и ее гувернантка могла бы несколько часов быть в моем распоряжении — печатать или стенографировать. Может быть, я могла бы диктовать ей свои литературные опусы. Эта идея мне очень понравилась. Я дала объявление в газету: ищу женщину присматривать за пятилетним ребенком, который скоро пойдет в школу, и исполнять обязанности секретаря-машинистки-стенографистки. «Предпочту шотландку», — добавила я. Понаблюдав за другими детьми и их воспитательницами, я пришла к выводу, что шотландки справляются с маленькими ребятами.

¹ Берн — столица Швейцарии.

тишками лучше всех. Француженки совершенно не умеют заставить своих подопечных соблюдать дисциплину, и те их просто изводят; немки хороши и педантичны, но я ведь хотела учить Розалинду не немецкому. Ирландки веселы, но от них в доме все вверх дном. От англичанок можно ожидать чего угодно. Я мечтала о шотландке.

Отобрав несколько предложений, пришедших в ответ на мое объявление, в один прекрасный день я отправилась в Лондон, в небольшой частный отель неподалеку от Ланкастергейт, где у меня была назначена встреча с некой мисс Шарлоттой Фишер. Мисс Фишер мне сразу же понравилась: высокая шатенка лет двадцати трех, не новичок в работе с детьми, производит впечатление очень расторопного человека и, помимо внешней привлекательности, обладает каким-то особым шармом. Ее отец был королевским капелланом и настоятелем собора Святого Коломба в Эдинбурге¹. Она умела печатать на машинке и стенографировать, правда, делать это ей приходилось не часто. Ей понравилось мое предложение совмещать обязанности секретаря и няни.

— Есть еще один шкотливый момент, — сказала я запынаясь, — ладите ли вы с... э... с пожилыми дамами?

Мисс Фишер бросила на меня быстрый взгляд. Вдруг я заметила, что мы сидим в комнате, полной пожилых дам — одни вязали, другие вышивали тамбурным швом², третьи читали иллюстрированные журналы. При моих словах пар двадцать глаз уставились на меня. Мисс Фишер прикусила губу, чтобы не расхохотаться. Сосредоточившись на том, как получше сформулировать вопрос, я совершенно забыла, кто находился рядом с нами.

С моей матушкой стало теперь довольно трудно ладить — в старости это случается со многими, но мама, всегда отличавшаяся абсолютной независимостью и быстро устававшая от людей — они ей надоедали, — стала просто невыносима. Джесси Суоннел в конце концов не выдержала ее придинок.

— Думаю, да, — спокойно ответила Шарлотта Фишер. — До сих пор у меня с этим проблем не было.

Я пояснила, что моя мама — пожилая, немного эксцентричная дама, склонная полагать, что знает все лучше

¹ Эдинбург — столица Шотландии, крупный культурный центр.

² Тамбурный шов — шов петля в петлю.

всех, — с ней бывает непросто найти общий язык. Поскольку Шарлотту это, видимо, не испугало, мы договорились, что она придет к нам сразу же, как только рассчитается на предыдущей работе, — насколько я поняла, она присматривала за детьми какого-то миллионера, имевшего дом на Парк-Лейн. В Лондоне, сказала Шарлотта, у нее живет сестра, намного старше ее, и она была бы благодарна, если бы сестре позволили ее навещать. Я конечно же согласилась.

Итак, Шарлотта Фишер стала моим секретарем, а Мэри Фишер всегда приезжала и выручала нас в трудную минуту, и в течение многих лет они оставались моими преданными друзьями, выполняли обязанности и секретаря, и няни, и гувернантки, работали не покладая рук. Шарлотта и теперь одна из самых близких моих подруг.

Приезд Шарлотты, или Карло, как спустя месяц называла ее Розалинда, оказался чудом. Не успела она переступить порог Скотсвуда, как Розалинда мистическим образом вновь превратилась в славную девочку, какой была при Сайте. Словно ее окропили святой водой. Туфли благополучно сидели у нее на ногах, а не летели в кого попало, она вежливо отвечала на вопросы — словом, общество Карло было ей очень приятно. Бешеный дьяволенок исчез. «Хотя, когда я у вас появилась, — позднее призналась мне Шарлотта, — она была похожа на детеныша дикого животного, потому что ей давно не стригли челку: волосы лезли в глаза и мешали смотреть».

Наступили блаженные дни. Как только Розалинда пошла в школу, я начала обдумывать новый рассказ. Но так нервничала, что откладывала и откладывала запись. Наконец день настал: мы с Шарлоттой уселись друг против друга. У нее в руках были блокнот и карандаш. Тоскливо глядя на каминную доску, я произнесла несколько первых фраз. Прозвучали они ужасно. Я не могла выговорить ни единого слова с ходу, не запинаясь. Все, что я изрекала, звучало неестественно. Мы промучались около часа. Много позднее Карло призналась мне, что тоже с ужасом ждала начала нашей работы. Хоть она и окончила курсы стенографии и машинописи, опыта у нее не было, она даже стенографировала проповеди в церкви, чтобы приобрести навык. Карло боялась, что я начну строчить как из пулемета. Но то, как я диктовала, ни для одной стенографистки никаких трудностей не представило бы. За мной можно было даже не стенографировать, а просто записывать.

После неудачного начала дела пошли лучше. Но все же мне, когда я сочиняю, удобнее писать самой — либо от руки, либо на машинке. Удивительно: когда слышишь свой голос, становишься неуверенной и не можешь толково выразить свою мысль. Только лет пять-шесть спустя, сломав правую руку, я научилась пользоваться диктофоном и постепенно привыкла к звучанию собственного голоса. Неудобство магнитофона или диктофона, однако, состоит в том, что они приучают к многословию.

Без сомнений, усилия, которые тратишь, когда пишешь на машинке или от руки, заставляли меня быть экономней в языке — автору детективных рассказов это, уверена, особенно необходимо. Читатель не желает, чтобы одно и то же ему разжевывали по три-четыре раза. А когда наговариваешь текст на диктофон, возникает искушение сказать и так, и эдак, то же самое, но разными словами. Конечно потом можно все сократить, но это раздражает и нарушает плавное течение мысли. И все-таки человек — создание ленивое, он не станет писать больше, чем необходимо, чтобы выразить свою мысль.

Конечно существует свой объем для каждого жанра. Я лично думаю, что самый подходящий объем для детектива — пятьдесят тысяч слов. Многие издатели считают, что этого мало. Быть может, и читатель чувствует себя обделенным, получив за свои деньги всего пятьдесят тысяч слов, шестьдесят — семьдесят тысяч его больше устроили бы. Но если книга длиннее, при чтении возникает желание ее подсократить. Для рассказа в жанре триллера оптимальный объем — двадцать тысяч слов. К сожалению, спрос на рассказы такого объема падает все ниже, авторам за них мало платят, они понимают, что выгоднее писать более длинные вещи, вот и растягивают рассказ в целый роман. Техника короткого рассказа, полагаю, вообще не подходит детективному жанру. Триллеру еще куда ни шло, но детективу — нет. Рассказы мистера Форчуна¹ о Х.С. Бейли с этой точки зрения были хороши, потому что они длиннее обычного журнального рассказа.

К тому времени Эдмунд Корк свел меня с новым издателем, Уильямом Коллинзом, с которым я продолжаю сотрудничать по сей день.

¹ Форчун, мистер Регги Форчун — сыщик, персонаж произведений английского писателя Генри Кристофера Бейли (1878—1961)

Первая предложенная ему мной книга — «Убийство Роджера Экройда» — была гораздо удачнее всего, что я написала до той поры; ее и теперь еще помнят и цитируют. Мне удалось найти тогда отличный ход, чем я в какой-то мере обязана своему зятю Джеймсу. За несколько лет до того, прочтя какой-то детектив, он раздраженно бросил: «В пынешних детективах почти все оказываются преступниками, даже сыщики. Хотел бы я посмотреть, как из Ватсона можно сделать преступника». Мысль показалась мне забавной, и я часто возвращалась к ней. Затем похожую идею высказал лорд Луи Маунтбаттен. Он написал мне письмо с предложением сочинить рассказ от первого лица, которое окажется убийцей. Письмо пришло, когда я серьезно болела, и по сей день не уверена, что ответила на него.

Идея мне понравилась, и я долго размышляла над ней. Разумеется, осуществить ее было нелегко. Я подумывала о том, чтобы убийцей сделать Гастингса, но без обмана придумать такой сюжет трудно. Конечно многие считают, что и «Убийство Роджера Экройда» — надувательство; но если они внимательно прочтут роман, им придется признать, что они не правы. Небольшие временные несовпадения, которые здесь неизбежны, аккуратно упрятаны в двусмысленные фразы: доктор Шепард, делая записи, как бы сам находит удовольствие в том, чтобы писать только правду, но не всю правду.

Помимо успеха «Убийства Роджера Экройда» тот счастливый период был отмечен и многими другими приятными событиями. Розалинда пошла в школу, и ей там очень нравилось. У нее появились милые друзья. У нас были славная квартира и сад, у меня — мой любимый «моррис каули» с носом бутылочкой и Карло Фишер, и в доме царил мир. Арчи бредил гольфом; наладилось у него и здоровье. Все было прекрасно в этом лучшем из миров, как заметил доктор Панглос¹.

Не хватало нам в жизни лишь одного — собаки. Наш дорогой Джон умер, пока мы путешествовали за границей. И мы приобрели щенка — жесткошерстного терьера и назвали его Питером. Питер, естественно, стал для нас

¹ Доктор Панглос — персонаж философской сатирической повести «Кандид, или Оптимизм» французского писателя и философа-просветителя Вольтера (наст. имя Франсуа-Мари Аруэ, 1694—1778)

пупом земли. Он спал в постели у Карло, сгрыз не одну пару тапочек и прокусил множество якобы «вечных» мячи-ков, которые делаются специально для терьеров.

После всего, что мы пережили, было приятно не испытывать нужды в деньгах — это даже немного вскружило нам головы. Мы стали подумывать о вещах, которые прежде нам и во сне не приснились бы. Арчи однажды потряс меня, заявив, что считает необходимым приобрести настоящую скоростную машину, — видимо, на эту мысль его навел «бентли»¹ Стречанза.

— Но ведь у нас есть машина, — заволновалась я.

— Да, но я имею в виду нечто особенное.

— Мы можем завести теперь второго ребенка, — заметила я. Об этом я давно мечтала.

Арчи отмел эту идею:

— Мне никто, кроме Розалинды, не нужен. Розалинды вполне достаточно.

Арчи был помешан на Розалинде. Он обожал играть с ней, а она даже чистила его клюшки для гольфа. Они понимали друг друга с полуслова. У них было одинаковое чувство юмора и сходное отношение ко многим вещам. Ему нравились твердость ее характера и скептический склад ума, даже склонность к подозрительности: она никогда ничего не принимала на веру. Перед рождением Розалинды Арчи опасался, что на него все перестанут обращать внимание.

«Вот почему я хотел, чтобы родилась девочка, — говорил он. — С мальчиком мне было бы труднее смириться. Дочь я еще готов был терпеть, а сына, боюсь, нет».

Теперь он тоже говорил:

— Если у нас родится сын, не думаю, что я этому обрадуюсь. К тому же, — добавлял он примирительно, — у нас еще уйма времени.

Да, время еще есть, и скрепя сердце я согласилась на покупку подержанного «дилейджа»², который Арчи уже присмотрел. «Дилейдж» и впрямь был хорош. Я любила водить его, Арчи, разумеется, тоже, хотя гольф отнимал у него столько времени, что на машину оставалось не так уж много.

¹ «Бентли» — марка дорогого легкового автомобиля компании «Роллс-Ройс».

² «Дилейдж» — автомобиль класса люкс, выпускавшийся после Первой мировой войны французской фирмой, основанной инженером и промышленником Луи Деляжем (1874—1947).

— Саннингдейл — идеальное место для жизни, — говорил Арчи. — Здесь есть все, что нам нужно. И от Лондона недалеко. А теперь здесь открываются Вентуорские поля для гольфа, следовательно, местечко будет разрастаться и в том направлении. Думаю, там мы сможем купить собственный дом.

Чудесная идея! Хотя в Скотсвуде мы чувствовали себя довольно уютно, были там определенные неудобства. Оборудование оказалось весьма ненадежным. Нас донимали вечные проблемы с электропроводкой; обещанная в рекламе «горячая вода круглосуточно» не была ни горячей, ни круглосуточной — и вообще дом страдал оттого, что хозяйка за ним плохо следила. Нас обуяло страстное желание купить собственный дом.

Поначалу мы думали купить новый, в районе Вентуорс. Там собирались разбить два поля для гольфа, впоследствии, вероятно, даже третье, а на остальных шестидесяти акрах¹ построить дома всевозможных типов и размеров. Мы с Арчи в полном восторге гуляли иногда летними вечерами по Вентуорсу, присматривая себе дом. В конце концов остановились на трех, среди которых следовало сделать выбор. Мы связались с руководителем застройки района и сообщили, что нам нужен участок в полтора акра, предпочтительно поросший сосновым лесом, чтобы не требовал особого ухода. Застройщик был исключительно любезен. Мы объяснили ему, что хотим иметь небольшой домик — не помню, на какую сумму мы рассчитывали, наверное, тысячи на две. Он показал нам проект весьма уродливого маленького дома со множеством украшений в стиле модерн, который стоил пять тысяч триста фунтов, что было для нас тогда баснословной суммой. Мы пали духом. Похоже, дешевле ничего построить нельзя — это крайний нижний предел. С сожалением мы ретировались. Однако было решено, что я приобрету за сто фунтов акцию Вентуорса: это даст мне право играть в гольф по выходным на тамошних полях — хоть какая-то зацепка. По крайней мере, на одном из вентуорских полей для гольфа можно будет не чувствовать себя «зайцем».

Мои амбиции игрока в гольф неожиданно получили мощный стимул — я выиграла соревнования. Такого со мной не случалось ни прежде, ни потом. Я набрала, прав-

¹ Акр — мера земельной площади, равная 4046,86 м².

да, к финалу тридцать пять очков — это был высший результат, — но едва ли могла рассчитывать на победу. Однако в заключительной партии я встретила с некоей миссис Бюрбери — милой дамой чуть постарше меня, которая тоже набрала тридцать пять очков, и тоже очень нервничала и играла так же неуверенно, в общем-то не лучше меня.

Мы обе были счастливы и довольны собой, так как завоевали наибольшее количество баллов. Первый мяч обе благополучно загнули в лунку. Затем миссис Бюрбери, на радость себе, но повергнув в уныние меня, загнала мяч во вторую, третью, четвертую лунки и так далее до восьмой включительно. Теплившаяся до тех пор надежда проиграть по крайней мере не с позорным счетом покинула меня. Но все-таки нагнав миссис Бюрбери, я приободрилась: теперь можно играть без прежнего напряжения до самого конца, который уже не за горами и, разумеется, будет победным для моей соперницы. Однако после этого миссис Бюрбери вдруг резко сдала, не смогла справиться с волнением и стала проигрывать лунку за лункой. Я, все еще ни на что не рассчитывая, наоборот, начала выигрывать. И случилось невероятное: я выиграла девять следующих лунок и закончила игру на последней зеленой лужайке в гордом одиночестве. Кажется, у меня до сих пор где-то хранится тот серебряный трофей.

Пару лет спустя, осмотрев бесчисленное количество домов — это всегда было моим любимым времяпрепровождением, — мы ограничили свой выбор двумя. Один из них находился довольно далеко, был невелик, но окружен прелестным садом. Другой стоял возле вокзала — нечто в излюбленном миллионерами стиле савой¹, только в деревне. На его отделку денег, видимо, не пожалели. Стены были обшиты деревянными панелями, огромное количество ванных комнат, туалеты при спальнях и прочие роскошества. За последние годы дом сменил нескольких хозяев и к нему пристала дурная слава: считалось, что каждого, кто в нем поселится, постигает какое-нибудь несчастье. Первый владелец разорился, у второго умерла жена. Не помню, что случилось с третьими жильцами, кажется, они просто развелись и разъехались. Так или иначе, дом был довольно дешев, поскольку его долго не покупали. При доме имелся славный сад — длинный и узкий. Начинался

¹ Стиль савой — стиль праздной роскоши и украшения в духе феенбельной лондонской гостиницы «Савой».

он лужайкой, чуть дальше протекал ручей, по берегам которого росли всякие водяные растения, потом — дикис заросли азалий¹ и рододендронов² до самого конца, где был разбит солидный огород, а за ним тянулась живая изгородь из кустарника. Могли ли мы позволить себе такой дом — другой вопрос. Хоть у каждого из нас был приличный заработок — у меня, правда, непостоянный и не всегда одинаковый, у Арчи более надежный, — капитала нам, к сожалению, не хватало. Тем не менее мы взяли ссуду под залог и въехали в новый дом.

Купили ковры и шторы и взвалили на себя расходы, которые конечно же были нам не по средствам, хоть на бумаге копцы с коншами вроде бы сходились. Ведь нужно было содержать еще «дилейдж» и «моррис каули». Наняли и дополнительную прислугу: горничную и супружескую пару — жена прежде служила на кухне у какого-то аристократа, а муж, как считалось, хоть прямо они этого никогда не говорили, был дворецким. Однако он слабо представлял себе обязанности дворецкого, а вот она была отличной поварихой. В конце концов выяснилось, что на самом деле он служил портье. Это был уникально ленивый человек: большую часть дня валялся в постели и, кроме весьма не-удовлетворительного прислуживания за столом, больше ничего не делал. В перерывах между полеживаниями в постели он, правда, еще посещал пивную. Мы были вынуждены решать: отказать ему в месте или оставить. Но поскольку стряпня все же важнее, пришлось оставить.

Итак, мы продолжали жить на широкую ногу — и случилось то, чего следовало ожидать. Не прошло и года, как возникли финансовые трудности. Наш банковский счет таял не по дням, а по часам. Мы, однако, убедили себя, что при некоторой экономии выплывем.

По предложению Арчи, новый дом был назван Стайлзом, поскольку первой вехой в моей писательской карьере было «Таинственное происшествие в Стайлз». На стене у нас висела картина, воспроизводившая обложку книги, — мне ее подарили издатели.

¹ Азалия — цветущий кустарник семейства вересковых с цветами яркой окраски, родом из Северной Америки и Азии

² Рододендрон — альпийская роза, вечнозеленый кустарник из семейства вересковых, цветущий белыми или красными цветами. Произрастает в горных местностях и разводится как декоративное растение

Но Стайлз со временем снова оправдал свою дурную репутацию. Дом действительно был несчастливым. Я почувствовала это, едва переступив порог. Тогда я решила, что это из-за того, что убранство было слишком кричащим и неестественным для деревенского дома, и подумала, что со временем, когда мы сможем позволить себе переоборудовать его в истинно деревенском стиле — без всех этих панелей, росписей и позолоты, — тогда я буду чувствовать себя здесь по-другому.

Глава 4

Мне всегда тяжело вспоминать следующий год своей жизни. Верно говорят: беда не приходит одна. Спустя месяц после моего возвращения с Корсики¹, где я пару недель отдыхала, мама заболела тяжелым бронхитом, это случилось в Эшфилде. Я поехала к ней. Потом меня сменила Москитик. Вскоре она телеграфировала, что маму лучше отвезти в Эбни, где можно обеспечить ей лучший уход. Мама как будто пошла на поправку, но прежней уже так и не стала — она даже редко выходила теперь из своей комнаты. Думаю, болезнь затронула легкие, ей ведь исполнилось уже семьдесят два года. Состояние ее было тяжелее, чем я предполагала. Недели через две после того, как мы перевезли ее в Эбни, Арчи вызвал меня оттуда телеграммой — ему необходимо было отправляться в Испанию по делам.

Я ехала на поезде в Манчестер, когда вдруг, совершенно неожиданно, ощутила холод, словно меня окатили с ног до головы ледяной водой. Сознание мое пронзила догадка: мама умерла.

Так оно и было. Я смотрела на нее, лежавшую на кровати, и думала: это верно, что, когда человек умирает, от него остается лишь оболочка. Моей доброй, подчас чересчур впечатлительной и вспыльчивой мамы больше не было. В последние годы она не раз говорила мне: «Порой так хочется освободиться от своего тела — оно такое изношенное, такое старое, такое бесполезное. Как бы я мечта-

¹ Корсика — остров в Средиземном море, принадлежащий Франции.

ла вырваться из этой тюрьмы!» Как я сейчас ее понимаю . Но для нас ее уход, естественно был горем.

Арчи не смог присутствовать на похоронах: он все еще был в Испании. Когда он вернулся неделю спустя, я уже ждала его в Стайлзе. Я всегда знала, что Арчи испытывает отвращение к болезням, смерти и вообще к каким бы то ни было неприятностям. Такие люди вынуждены мириться с подобными вещами, но едва ли обращают на них внимание, пока беда не коснулась их лично. Помню, он вошел в комнату, явно не зная, как себя вести, отчего выражение лица у него было неуместно веселым, он как бы говорил своим видом: «Привет, вот и я. Ну-ну, не надо грустить». Когда теряешь одного из самых дорогих тебе людей, такое равнодушие больно ранит.

— У меня отличная идея, — сказал Арчи. — На следующей неделе мне нужно будет снова поехать в Испанию. Как ты смотришь на то, чтобы составить мне компанию? Мы бы прекрасно провели время, и, уверен, ты бы там развеялась.

Мне не хотелось развеиваться. Я предпочитала остаться наедине со своим горем и попытаться свыкнуться с ним. Поэтому, поблагодарив Арчи, я сказала, что, пожалуй, останусь дома. Теперь понимаю, что совершила ошибку. Я считала, что у нас с Арчи впереди целая жизнь. Мы были счастливы вместе, уверены друг в друге, и ни один из нас не помышлял о том, что мы можем когда-нибудь расстаться. Но Арчи совершенно не умел жить рядом с печалью, он сразу же начинал искать радостных ощущений на стороне.

Необходимо было заняться разборкой вещей в Эшфилде: за четыре-пять последних лет там накопилось много всякого хлама — пожитки моей Бабушки, вещи, которые у мамы не было сил привести в порядок, поэтому она заперла их в нежилой комнате. На ремонт денег не хватало, крыша грозила вот-вот обвалиться, в некоторых комнатах во время дождя капало с потолков. В последние годы мама пользовалась всего двумя комнатами. Кто-то должен был поехать туда и заняться всем этим. «Кем-то» была, разумеется, я: у сестры слишком много собственных забот, хотя она и обещала приехать на две-три недели в августе.

Арчи считал, что нам следует сдать Стайлз на лето, за него можно получить приличные деньги и таким образом

поправить свои дела. Он поживет пока в Лондоне при клубе, а я поеду в Торки приводить в божеский вид Эшфилд. Он присоединится ко мне в августе. А когда туда приедет Москитик, мы оставим с ней Розалинду и отправимся за границу. На сей раз у нас была намечена Италия, город Алассио¹, где ни Арчи, ни я еще не бывали.

Итак, я оставила Арчи в Лондоне, а сама отбыла в Эшфилд.

Вероятно, я и впрямь была страшно утомлена и не совсем здорова, а там, в родительском доме, воспоминания, тяжкие хлопоты и бессонные ночи довели меня до такого нервного истощения, что я едва понимала, что делаю. Я работала по десять-одиннадцать часов в сутки: открывала комнату за комнатой, перетаскивала вещи. Все было в ужасном состоянии: траченная молью одежда, древние Бабушкины сундуки, набитые старомодными платьями, — все то, что рука не поднималась выбросить. Но нужно было куда-то это девать. Пришлось каждую неделю приплачивать мусорщику, чтобы он забирал и тряпки. С некоторыми вещами вообще непонятно было, что делать. Например, я нашла огромный Бабушкин погребальный венок из восковых цветов. Он лежал под большим стеклянным колпаком. Мне не хотелось держать в доме столь печальный сувенир, но как от него избавиться? Не выбросишь ведь. Однако выяснилось, что он очень нравился миссис Поттер, маминой кухарке. Я подарила ей его, и она была в восторге.

Эшфилд был первым домом моих родителей, они поселились в нем, когда Мэдж исполнилось полгода, и прожили там всю жизнь, покупая все новые и новые шкафы, в которых накапливалось невероятное количество вещей. Постепенно комнаты превратились в склад. Комната для занятий, где я провела в детстве столько счастливых дней, теперь представляла собой огромную камеру хранения: сундуки и коробки, которые Бабушка не смогла впихнуть в свою спальню, свалили именно здесь.

Следующий удар, посланный мне Провидением, — разлука с моей дорогой Карло. Ее отец и мачеха путешествовали по Африке, и вдруг она получила из Кении известие, что отец тяжело болен — врачи нашли у него рак. Сам он об этом не знал. Но мачехе сообщили, что он проживет не

¹ Алассио — курортный город в Лигурии (Северная Италия).

более шести месяцев. Они возвращались в Эдинбург, и Карло должна была ехать туда, чтобы провести с ним последние дни его жизни. Она ни за что не оставила бы меня в моем тогдашнем смятении и в горести, но есть вещи, которые даже не обсуждаются. И все же месяца через полтора я закончила свой тяжкий труд и только тогда вернулась к жизни.

Работала я как проклятая — мне хотелось поскорей покончить с этим. Необходимо было тщательно разобрать сундуки и чемоданы: выбрасывать все подряд не следовало. Среди Бабушкиных вещей порой встречались совершенно неожиданные. Покидая Илинг, она настояла на том, что уложит вещи сама: опасалась, что мы повыбрасываем кое-что из дорогих ее сердцу сокровищ. Я нашла несметное число старых писем и уже чуть было не выкинула их, как вдруг из смятого конверта выпали двенадцать пятифунтовых банкнот! Бабушка, словно белка, повсюду прятала свои «орешки», чтобы уберечь их от невзгод военного времени. Я обнаружила даже бриллиантовую брошь, завернутую в старый чулок.

В голове у меня все пугалось, когда я разбирала вещи. Аппетита совсем не было, и я почти ничего не ела. Порой, обхватив голову руками, я сидела и пыталась сообразить, что, собственно, я делаю. Если бы Карло была со мной, можно было бы изредка съездить на выходные в Лондон к Арчи, а так не на кого было оставить Розалинду.

Я написала Арчи, чтобы он как-нибудь приехал на воскресенье к нам: это отвлекло бы меня. Он ответил, что вряд ли стоит затевать такую поездку, поскольку он не может освободиться раньше субботы, а в воскресенье вечером должен возвращаться. К тому же это весьма дорогое удовольствие. Подозреваю, он просто не хотел пропускать воскресный гольф, но не говорил об этом, разумеется, чтобы не обидеть меня. В конце концов, уже недолго осталось ждать, бодро напоминал он.

Меня одолевало чувство страшного одиночества. Думаю, тогда я не отдавала себе отчета в том, что действительно нездорова. У меня сильный характер. И я не понимала, как можно заболеть от горя, забот и переутомления. Но однажды, когда потребовалось подписать чек, а я была собственной фамилией, я испугалась и почув-

ствовала себя, как Алиса в Стране чудес, когда она прикоснулась к дереву.

«Спокойно, — сказала я себе. — Я прекрасно знаю, как меня зовут. Но как же?» — Так я и сидела с ручкой в руке, в полной прострации. С какой буквы начинается моя фамилия? Бланш Эймори, может быть? Что-то знакомое. Но тут я припомнила, что это имя второстепенного персонажа из «Пенденниса»¹ — книги, которую я много лет не брала в руки.

Дня два спустя прозвенел еще один «звоночек»: мне нужно было завести машину — обычно она заводилась при помощи рукоятки (возможно, тогда все машины так заводились). Я дергала, дергала рукоятку, но машина не заводилась. В конце концов я разрыдалась, убежала в дом и, всхлипывая, бросилась на диван. Это происшествие встретило меня: плакать только из-за того, что не заводится машина?! Уж не схожу ли я с ума?

Много лет спустя одна приятельница, переживавшая трудные времена, рассказала мне:

— Не могу понять, что со мной происходит. Я плачу безо всякого повода. На днях прачка не пришла — и я разрыдалась. А на следующее утро машина не завелась...

Во мне шевельнулось воспоминание, и я сказала:

— Будь осторожна — это может оказаться предвестием нервного срыва, тебе нужно сходить к врачу.

Тогда я всего этого не знала. Понимала лишь, что смертельно устала и что горечь утраты не утихает, хоть я и старалась — быть может, слишком старалась — выбросить ее из головы. Если бы только Арчи мог приехать или Москитик, если бы хоть кто-нибудь был рядом!

Со мной была Розалинда, но ей я, разумеется, не могла говорить ни о чем — ни о том, как я несчастна, ни о том, что меня тревожит, ни о своей болезни. Сама она была счастлива, ей, как всегда, очень нравилось в Эшфилде, и она помогала мне изо всех силенок: обожала сносить ворох ненужных вещей по лестнице и выбрасывать в мусорный ящик, а иногда выуживала что-нибудь интересное для себя: «Думаю, это уже никому не понадобится — а мне может пригодиться».

¹ «Пенденнис» — роман английского писателя Уильяма Теккерея.

Время шло, все было как будто в порядке, и наконец забрезжил финал моей унылой работы. Наступил август — у Розалинды пятого августа день рождения. За два или три дня до него приехала Москитик, Арчи явился третьего. Розалинда предвкушала чудесные две недели со своей любимой тетушкой, пока мы с Арчи будем в Италии.

Глава 5

Как мне воспоминание стереть,
Слепящий образ твой прогнать из глаз?¹ —

написал когда-то Китс. Но нужно ли прогонять? Если уж путешествовать вспять по собственной жизни, то имею ли я право проходить мимо неприятных воспоминаний? Не будет ли это трусостью?

Думаю, должна вспомнить все — да, было горько, но ведь это уже позади. А без этой нити, следует признать, узор моей жизни получится неполным: ведь и она — часть моего прошлого. Но долго задерживаться на подобных воспоминаниях необязательно.

Когда Москитик приехала в Эшфилд, я почувствовала себя совершенно счастливой. Затем прибыл Арчи.

С его появлением я испытала нечто, похожее на давний детский кошмар: я сижу за столом, напротив — моя любимая, моя лучшая подруга. Но внезапно я с ужасом осознаю, что она — это не она, а совсем чужой человек. Вот так и Арчи приехал совсем чужим.

Мы поздоровались честь по чести, но просто это был не Арчи. Я не понимала, что с ним. Москитик тоже заметила перемену и спросила:

— Арчи какой-то странный — он не болен?

Я ответила:

— Может быть.

Сам Арчи, однако, сказал, что с ним все в порядке. Но он с нами почти не разговаривал и все время бродил в одиночестве. Я спросила насчет билетов в Алассио, он ответил:

— А, да, все в порядке. Я тебе потом расскажу.

¹ Начальные строки из стихотворения английского поэта-романтика Джона Китса (1795—1821), перевод Г Кружкова

Тем не менее он был какой-то не такой. Я голову ломала, пытаюсь угадать, что же могло случиться. У меня даже мелькнула испугавшая меня мысль, что стряслась беда на работе. Уж не растратил ли Арчи казенные деньги? Нет, в это поверить я не могла. А может быть, он заключил неудачную сделку, попал в затруднительное положение и не хочет мне признаться в этом, чтобы не расстраивать? В конце концов я не выдержала и спросила.

— Арчи, что случилось?

— Ничего особенного.

— Но что-то все же случилось?

— Да, я, видимо, должен кое-что тебе рассказать. У нас... у меня нет билетов в Алассио. Я не хочу ехать за границу.

— Мы не едем за границу?

— Нет, я же сказал, что не хочу.

— Ты хочешь остаться здесь, побыть с Розалиндой? Да?

Ну что ж, это ничуть не хуже.

— Ты не поняла, — раздраженно сказал он.

Понадобились еще сутки, чтобы он решился сказать мне прямо:

— Мне страшно жаль, что так случилось. Помнишь брюнетку, которая была у Белчера секретаршей? Она еще приезжала к нам на выходные с Белчером около года назад, а потом мы пару раз виделись в Лондоне.

Я не могла вспомнить имени, но знала, о ком он говорит.

— Да, — сказала я.

— Я виделся с ней опять, пока жил в Лондоне. Мы часто встречались...

— Ну и что? — спросила я. — Почему бы и нет?

— Ах, — нетерпеливо воскликнул он, — ты опять не понимаешь. Я влюбился в нее и хочу, чтобы ты дала мне развод как можно скорее!

Наверное, с этими словами оборвалась часть моей жизни — та счастливая, удачливая, спокойная. Конечно не сразу, потому что сначала я не могла поверить в то, что услышала. Между нами никогда ничего подобного не было — мы жили счастливо, понимали друг друга. Арчи не обращал особого внимания на женщин. Вероятно, он сорвался, так как в последние месяцы ему не хватало обычной семейной теплоты.

Он добавил:

— Когда-то давно я предупреждал тебя, что ненавижу, когда кто-то рядом болен или несчастен, — мне это отравляет жизнь.

Да, подумала я, мне следовало бы это помнить. Будь я умнее и знай своего мужа лучше — или хотя бы постарайся я узнать его лучше, вместо того чтобы идеализировать и считать почти совершенством, — может быть, ничего подобного и не произошло бы. Если бы я не уехала в Эшфилд и не оставила его в Лондоне одного, скорее всего, он никогда и внимания бы не обратил на эту девушку. На эту, может быть, и нет, но рано или поздно что-то все же случилось бы, ибо я, наверное, не была способна заполнить жизнь Арчи. Он просто уже созрел для того, чтобы в кого-нибудь влюбиться, хоть сам о том и не догадывался. Или все дело было именно в этой девушке? Может, ему на роду было написано неожиданно влюбиться в нее? Когда мы встречались с ней прежде, он ничуть не был в нее влюблен. Он даже не хотел, чтобы я ее приглашала, так как это могло сорвать его воскресную партию в гольф. Но когда он в нее влюбился, то влюбился внезапно, в одно мгновение, как когда-то в меня. Что ж, вероятно, так было назначено судьбой.

В такие моменты от друзей и родственников толку мало. Они только и знали, что твердить: «Но это же абсурд. Вы всегда были такой счастливой парой. У него это пройдет. Такое случается со многими мужьями. И проходит».

Я тоже так думала. Я думала, что все минует. Но он так не думал. Он уехал из Саннингдейла. К тому времени ко мне вернулась Карло — английские врачи не подтвердили диагноза, поставленного ее отцу, — ее приезд был для меня таким утешением! Однако она смотрела на случившееся более трезвым взглядом: Арчи не вернется. Когда он наконец собрал вещи и уехал, я почувствовала почти облегчение — теперь он принял окончательное решение.

Тем не менее недели через две он вернулся. Сказал, что, вероятно, совершил ошибку, быть может, ему не следовало так поступать. Я ответила, что по отношению к Розалинде, во всяком случае, не следовало. В конце концов, ведь он к ней привязан, не так ли? Да, подтвердил он, Розалинду он любит.

— И она любит тебя. Больше чем меня. Я нужна ей, когда она болеет, но по-настоящему любит тебя и жить

без тебя не может. У вас даже шутки одинаковые, вы с ней больше подходите друг другу. Ты должен постараться преодолеть себя. Я знаю, иногда это удается.

Но ему, видимо, не следовало возвращаться, потому что это только обострило его чувство. Он то и дело повторял мне:

— Нет, мне слишком тяжело, я слишком несчастлив, а я просто не переношу этого состояния. Но все не могут быть счастливыми — кому-то приходится быть несчастным.

Я едва удержалась, чтобы не спросить: «Но почему это должна быть я, а не ты?» Какой смысл спрашивать?

Чего я не могла понять, так это его недоброжелательно-го отношения ко мне в тот период. Он почти не разговаривал со мной и едва отвечал, когда я к нему обращалась. Теперь, насмотревшись на другие супружеские пары и кое-что узнав в жизни, я понимаю это гораздо лучше. Он, думаю, страдал, потому что действительно любил меня и ненавидел себя за то, что причиняет мне боль, — поэтому старался убедить себя, что не причиняет мне никакой боли, что мне самой так будет гораздо лучше, что я стану счастлива. Буду путешествовать, найду утешение в писании книг. Укоры совести, однако, заставляли его вести себя довольно безжалостно. Мама всегда говорила, что он по натуре человек жестокий. Но я же видела столько добрых его поступков, знала его благожелательность, готовность помочь, когда Монти приехал из Африки, видела, как он умеет заботиться о людях. Теперь тем не менее он был безжалостен, ибо боролся за свое счастье. Прежде мне нравилась жесткость его характера, теперь я увидела обратную сторону этой медали. Итак, вслед за болезнью пришли тоска и отчаянье. Сердце мое было разбито. Но не стоит долго на этом останавливаться. Я терпела год, надеясь, что Арчи переменится. Он не переменился. Так закончился мой первый брак.

Глава 6

В феврале следующего года мы с Карло и Розалиндой отправились на Канарские острова¹. Это было нелегко организовать, но я знала, что единственный способ начать все сначала — это уехать от того, что разрушило мою жизнь.

¹ Канарские острова — группа принадлежащих Испании островов у северо-западного побережья Африки.

После всего пережитого в Англии я не обрела бы покоя. Единственной отдушиной для меня была Розалинда. Если я останусь только с ней и с моей подругой Карло, раны затянутся, и я смогу жить дальше. В Англии мне жизни не будет. Именно тогда, полагаю, я начала испытывать отвращение к прессе, к журналистам и толпе. Безусловно, это несправедливо с моей стороны, но в тогдашних моих обстоятельствах вполне естественно. Я чувствовала себя словно лисица, которую лающая свора собак настигает в ее собственной норе. Мне всегда была ненавистна публичность любого рода, теперь меня так выставляли напоказ, что порой жить не хотелось.

— Но ты же можешь жить в Эшфилде, — говорила сестра.

— Нет, не могу, — отвечала я. — Если я буду тихо сидеть там в одиночестве, меня одолеют воспоминания, воспоминания о счастливых днях, которые я там провела, и обо всех радостях, которые у меня были.

Когда сердцу больно, не следует вспоминать о счастливых временах. О печальных — пожалуйста, это не повредит, но любое напоминание о счастливом дне или радостном событии способно сломить нас. Арчи какое-то время еще жил в Стайлзе, но искал покупателя — с моего согласия, разумеется, поскольку наполовину дом принадлежал мне. Я очень нуждалась в деньгах — у меня снова были финансовые затруднения.

Со дня маминой смерти мне не удалось написать еще ни слова, хотя я обязана была представить издателям книгу до конца года. На Стайлз ушло столько денег, что у меня ничего не осталось — весь мой ничтожный капитал мы ухнули на покупку дома. Ждать денег тоже было неоткуда, следовало рассчитывать только на то, что могу заработать сама. Поэтому мне не оставалось ничего другого, кроме как написать поскорее новую книгу и жить какое-то время на гонорар.

Мой деверь Кэмпбелл Кристи, брат Арчи, который всегда был большим моим другом, очень добрый и славный человек, дал полезный совет — собрать в книгу двенадцать последних рассказов, напечатанных в «Скетче», — своего рода выход. Помог он и в работе над рукописью — я все еще была не в состоянии ничем заниматься. И книга действительно вышла. Она называлась «Большая четвер-

ка» и стала весьма популярна. Впервые за последнее время я снова подумала, что, если удастся уехать и успокоиться, я, быть может, с помощью Карло напишу еще что-нибудь.

Кто был целиком на моей стороне и поддерживал меня, так это мой зять Джеймс.

— Ты совершенно правильно поступаешь, Агата, — говорил он тихим голосом. — Ты лучше знаешь, что тебе нужно, я бы на твоём месте поступил точно так же. Тебе нужно уехать. Возможно, Арчи передумает и вернется — я надеюсь, но не очень-то в это верю. Не такой он человек. Если уж он что-то решил, так и сделает — словом, я бы на это не рассчитывал.

Я отвечала, что и не рассчитываю, но ради Розалинды обязана выждать хотя бы год — Арчи нужно дать возможность принять окончательное и твердое решение.

Я была воспитана, как и все люди моего поколения развод вызывал — и до сих пор вызывает — у меня ужас. По сей день испытываю чувство некоторой вины, что уступила настойчивым требованиям Арчи и дала ему развод. Глядя на свою дочь, я все еще сомневаюсь: не должна ли была проявить твердость и отказать ему? Так трудно делать то, с чем не согласен в душе. Я была против развода всеми фибрами души. Расторгать брак нельзя, я в этом уверена, видела много расторгнутых браков и хорошо знаю историю жизни многих разведенных супругов. Пока нет детей — все ничего, но если есть дети, развод — это настоящая трагедия.

По возвращении в Англию я снова была прежней Агатой — только более жесткой и недоверчивой к окружающему миру, зато лучше приспособленной к жизни в нем. Мы с Розалиндой и Карло поселились в небольшой квартирке в Челси¹. Вместе с Эйлин Моррис, моей подругой, у которой брат директорствовал в «Хоррис-хилл-скул», мы начали искать подходящую для Розалинды частную школу. Поскольку девочка была оторвана от дома, от друзей, а в Торки было мало знакомых мне детей ее возраста, я решила, что ее лучше отдать в интернат. Во всяком случае, она сама этого хотела. Мы побывали почти в десяти школах. Под

¹ Челси — фешенебельный район в западной части Лондона, излюбленное место проживания художников, писателей и т. п.

конец у меня в голове все перепуталось, некоторые школы казались мне даже смешными. Конечно я мало что смыслила во всех этих педагогических тонкостях. Я ничего не понимала в разных системах обучения, и самой мне никогда не хотелось ходить в школу. Но, в конце концов, сказала я себе, может, я и не права, кто знает? Почему бы не дать возможность своей дочери попробовать?

Розалинда была в высшей степени здравомыслящим ребенком, и я решила посоветоваться с ней самой. Она проявила большой интерес к предмету. Ей нравилась дневная школа, в которую она ходила в Лондоне, и она считала, что в закрытую школу ей лучше пойти с осени. Кроме того, заявила она, ей хочется учиться в очень большой — самой большой школе. Было решено, что я постараюсь найти именно такую, и на будущее мы наметили Челтнемскую¹ школу — крупнейшее учебное заведение.

Первая понравившаяся мне школа располагалась в Бексхилле², она называлась «Каледония», и управляли ею мисс Уинн и ее компаньонка мисс Баркер. Школа была традиционной, явно находилась в хороших руках, и мисс Уинн сразу же вызвала у меня симпатию. Эта дама внушала уважение, она была личностью. Все в школе подчинялось правилам, но они были разумны, а Эйлин от своих друзей слышала, что там исключительно хорошо кормят. Очень мило выглядели и школьницы.

Другая понравившаяся мне школа олицетворяла собой совсем иной тип учебного заведения. Здесь девочкам разрешалось даже держать своих пони и домашних животных и в определенных пределах предоставлялся даже выбор предметов. Они пользовались большой свободой — их никогда не заставляли делать то, чего они не хотели, ибо, по словам директрисы, важно, чтобы все, что они делали, они делали охотно и добровольно. Их немного обучали даже основам изобразительных искусств. И опять же мне понравилась директриса. Она показалась оригинально мыслящим человеком, добросердечным, полным энтузиазма и идей.

¹ Челтнем — курортный город в графстве Глостершир на западе центральной части Англии.

² Бексхилл — город на побережье пролива Ла-Манш, известный курорт.

Я решила показать обе школы самой Розалинде. Так и сделала. Потом дала ей пару дней на размышление и наконец спросила: «Ну, какую школу ты выбираешь?»

У Розалинды, слава богу, всегда было собственное мнение.

— О, конечно «Каледонию», — ответила она. — Другая мне не понравилась, там чувствуешь себя как на вечеринке. А если идешь в школу, хочешь почувствовать, что ты в школе, а не на вечеринке, правда же?

Итак, мы выбрали «Каледонию» и не ошиблись. Учили там прекрасно, и детям было интересно то, чему их учили. Там были строгие правила, но Розалинда любила, чтобы все было четко и ясно. Как она не без удовольствия заявила во время каникул: «Там ни у кого минутки свободной нет». Мне бы такое едва ли понравилось.

Иногда я получала поразительные ответы на свои вопросы.

— Розалинда, а когда вы встаете?

— Не знаю, просто звенит звонок.

— А тебе разве не хочется знать, в котором часу он звенит?

— Зачем? — отвечала Розалинда. — Он же нас будит, чего же еще? А завтракаем мы примерно через полчаса после этого.

Мисс Уинн умела поставить родителей на место. Однажды я спросила, можно ли нам взять Розалинду на воскресенье в повседневном платье, а не в воскресном шелковом, так как мы едем на пикник и прогулку в дюнах.

Мисс Уинн ответила: «Мои ученицы по воскресеньям носят воскресные платья». И разговор был окончен. Тем не менее мы с Карло обычно прихватывали сумку с прогулочной одеждой для Розалинды, и в подходящем лесочке или кустарнике она меняла свое Воскресное Шелковое Платье, соломенную шляпку и аккуратные туфельки на нечто более подходящее, чтобы прыгать по ухабам и падать. Нас, к счастью, ни разу не разоблачили.

Эта женщина была очень сильной личностью. Как-то я поинтересовалась, что она делает, если в День спорта идет дождь.

— Дождь? — удивилась мисс Уинн. — Сколько я помню, в День спорта дождь не идет никогда.

Похоже, она могла диктовать свои требования даже стихам. Как сказала однажды Розалиндина подруга: «Думаю, Бог примет сторону мисс Уинн».

На Канарских островах мне удалось написать лучшую часть новой книги — «Тайна Голубого экспресса». Это оказалось непросто, и Розалинда не облегчала мою задачу. В отличие от своей матери, она не умела занять себя игрой, требующей воображения: ей нужно было обязательно нечто конкретное. Дай ей велосипед — она будет полчаса кататься. Дай головоломку в дождливую погоду — она будет складывать ее. Но в парке отеля «Оратава» на Тенерифе¹ Розалинде нечем было заняться, кроме как ходить вокруг клумб или метнуть кольцо раз-другой — но, опять же в отличие от матери, метание колец ее не увлекало. Для нее это было всего лишь кольцо.

— Послушай, Розалинда, — говорила я, — ты не должна мне сейчас мешать, я буду работать. Мне нужно писать книгу. В течение часа мы с Карло будем заняты. Не мешай нам, пожалуйста.

— Хорошо, — уныло отзывалась Розалинда и уходила. Я сидела напротив Карло, державшей наготове остро отточенный карандаш, и думала, думала, думала, ломала голову. Наконец неуверенно начинала. Через несколько минут я замечала, что Розалинда стоит по другую сторону дорожки и смотрит на нас.

— Что такое, Розалинда? — спрашивала я. — Чего ты хочешь?

— Полчаса еще не прошли? — интересовалась она.

— Еще нет. Только девять минут. Иди.

— А... Хорошо. — Она уходила.

Я возобновляла свою неуверенную диктовку

Вскоре снова появлялась Розалинда.

— Пока еще рано. Я сама позову тебя.

— А мне нельзя постоять здесь? Я только постою. Я не буду мешать.

— Ну ладно, стой, — неохотно соглашалась я и диктовала дальше.

Ее взгляд действовал на меня как взгляд Медузы². Ясное, чем когда-либо, я понимала: все, что я говорю, —

¹ Тенериф — вулканический остров в составе Канарских островов.

² Медуза — в древнегреческой мифологии самая страшная из трех сестер Горгон — чудовище со змеями вместо волос, одним взглядом превращающая все живое в камень.

идиотизм. (По большей части так оно и было.) Я мямлила, заикалась, колебалась, топталась на месте. Словом, как эта несчастная книга все же появилась на свет, не понимаю!

Прежде всего, я не испытывала от работы над ней ни капли удовольствия, у меня не было никакого вдохновения. Я придумала сюжет — вполне приемлемый сюжет, частично заимствованный из собственного рассказа, и, если можно так выразиться, знала, куда идти, но картины и люди не оживали. Мною двигало лишь желание, вернее необходимость, написать книгу и заработать денег.

Именно тогда, вероятно, я стала превращаться из любителя в профессионала. Последний отличается от первого тем, что должен писать и тогда, когда не хочется, и тогда, когда то, что пишешь, не слишком тебя увлекает, и даже когда получается не так, как хотелось. Я терпеть не могла «Тайну Голубого экспресса», но я ее все же дописала и отправила издателем. Ее раскупили так же быстро, как предыдущую. Я должна была бы радоваться — но, надо сказать, этой книгой я никогда не гордилась.

«Оратава» находилась в чудесном месте — позади отеля возвышалась большая гора, вокруг росли великолепные цветы, — но было у него и два недостатка. После ясного утра, ближе к полудню, с горы спускался густой туман, и остаток дня бывал пасмурным. Иногда даже шел дождь. Кроме того, для любителей плавания купание там было мукой: лежа ничком на пологом склоне вулкана, у самой воды, следовало, зарывшись пальцами в песок, довольствоваться тем, что тебя окатывали набегавшие волны. При этом важно было не зазеваться и не дать им тебя увлечь: так утонуло множество людей. Отважиться войти в воду и поплыть здесь могли только отличные пловцы, но даже один из таких пловцов утонул там за год до нашего приезда. Словом, промучившись неделю, мы перебрались в Лас-Пальмас¹, на остров Гран-Канария.

Зимой лучшего курорта, чем Лас-Пальмас, не сыщешь. Нынче он стал, правда, местом паломничества туристов и, боюсь, потерял былое очарование, а тогда был тихим и мирным уголком. Туда мало кто приезжал — разве что

¹ Лас-Пальмас — город на острове Гран-Канария в составе Канарских островов.

немногие чудаки, предпочитавшие Канарские острова Мадейре. Там было два чудесных пляжа. И температура воздуха самая подходящая — около 26°. По моим представлениям, это настоящая летняя температура. Большую часть дня дул легкий ветерок, а теплыми вечерами было приятно посидеть после обеда на свежем воздухе.

Как раз в один из таких вечеров мы с Карло познакомились с двумя людьми, ставшими впоследствии нашими близкими друзьями: с доктором Лукасом и его сестрой миссис Мик. Она была намного старше своего брата, у нее было три сына. Он специализировался в лечении туберкулеза, был женат на австралийке и держал санаторий на восточном побережье. То ли костный туберкулез, то ли полиомиелит искалечил в детстве его самого: об этом свидетельствовали небольшой горб на спине и крайняя субтильность фигуры; тем не менее он был прирожденным целителем и очень помогал своим пациентам. Однажды он сказал: «Мой компаньон, знаете ли, гораздо лучше меня, — гораздо более квалифицированный и знающий врач. Но он не дает больным того, что даю я. Когда я уезжаю, они сникают и сдаются. Я же вселяю в них веру».

Вся многочисленная родня считала его отцом семейства, патриархом, и мы с Карло тоже вскоре стали звать его «папой». Когда мы приехали, у меня было очень плохое, рыхлое горло. Он посмотрел меня и сказал:

— Вы чем-то очень расстроены, да? Чем? Неприятности с мужем?

Я не стала отпираться и рассказала о своих горестях. Он вдохнул силы своими словами:

— Если он вам нужен, он вернется. Дайте ему только время. Побольше времени. А когда вернется, не упрекайте.

Я ответила, что не верю в его возвращение: не такой он человек.

— Да, есть и такие, — ответил он, а потом, улыбнувшись, добавил: — Но большинство из нас возвращаются, поверьте мне. Я сам уходил из семьи и вернулся. Однако, в любом случае, как бы ни обернулась жизнь, примите ее такой, какова она есть, и живите дальше. Вы сильный и мужественный человек. У вас все получится.

Дорогой папочка. Я так ему обязана. Как он умел страдать людским болезням и горестям! Когда пять или шесть

лет спустя его не стало, я ощутила горечь утраты одного из самых дорогих друзей...

Розалинда почему-то панически боялась, что с ней заговорит горничная-испанка.

— Но что в этом страшного? — удивлялась я. — Ответишь ей, вот и все.

— Я не могу — она же испанка. Она говорит: «Señorita», а потом произносит что-то совсем непонятное.

— Ну, не будь глупышкой, Розалинда.

— Ладно, можешь идти обедать. Пока я в постели, могу побыть одна, потому что, если она придет, я закрою глаза и сделаю вид, что сплю.

Никогда не угадаешь, чего может испугаться ребенок и что ему может, напротив, понравиться. Когда мы селились на корабль, чтобы плыть обратно, штормило, и огромный, устрашающего вида матрос-испанец подхватил Розалинду на руки и вбежал с ней по сходням на борт! Я думала, она будет вопить от ужаса — ничего подобного! Она улыбалась ему самым очаровательным образом.

— Он ведь тоже иностранец, а тебе хоть бы что, — заметила я.

— Но он же не разговаривал со мной. И потом мне понравилось его лицо — такое милое уродливое лицо.

По пути из Лас-Пальмаса в Англию случилось лишь одно примечательное событие. По прибытии в порт Де ла Крус, где нам предстояло сесть на «Юнион касл», обнаружилось, что мы забыли в отеле Синего мишку. Розалинда побледнела. «Без него я никуда не поеду», — заявила она. Водителю автобуса, привезшему нас в порт, было обещано щедрое вознаграждение, хоть, скорее всего, этого и не требовалось. Конечно же он разыщет малышкину синюю «обезьянку» и, разумеется, примчит ее сюда словно ветер. А моряки конечно же — он в этом не сомневался — задержат корабль, пока ребенок не получит свою любимую игрушку. Я совсем так не думала. Я не сомневалась, что корабль отчалит, потому что это был английский корабль. Он следовал из Южной Африки. Если бы судно было испанским, оно, безусловно, задержалось бы на пару часов, если нужно. В конце концов все обошлось. Когда был дан свисток и провожаю-

щих попросили сойти на берег, в клубах пыли показался автобус. Из него выскочил водитель. Синего мишку Розалинде передали по трапу, и она прижала его к сердцу. Так счастливо окончилось наше пребывание на Канарах.

Глава 7

Дальнейшая моя жизнь была мне более или менее ясна, предстояло лишь окончательно поставить точку...

Мы с Арчи условились о встрече. Он выглядел больным и усталым. Поговорили о том о сем, об общих знакомых. Затем я спросила, каковы его намерения теперь, уверен ли он, что не может вернуться к нам с Розалиндой. Я еще раз напомнила ему, как она его любит, и рассказала, как она недоумевает, что его нет с нами.

Однажды с жестокой детской непосредственностью она мне сказала: «Я знаю, меня папа любит и со мной хотел бы жить. Это тебя он, наверное, не любит».

— Из этого ты можешь заключить, — добавила я, — как ты ей нужен. Ты уверен, что ничего не можешь с собой поделать?

— Да, боюсь, не могу, — ответил он. — Я хочу в жизни только одного. До безумия хочу быть счастливым. А это невозможно, если я не женюсь на Нэнси. Последние десять месяцев мы не виделись — ее родственники, в надежде, что все забудется, отправили ее в кругосветное путешествие, но это не помогло. Единственное, чего я хочу — это жениться на ней. И женюсь!

Итак, все было решено. Я отдала распоряжения своим адвокатам, мосты были сожжены. Мне оставалось лишь решить, чем занять себя в ближайшее время. Розалинда — в интернате, Карло и Москитик будут навещать ее. До Рождества я свободна. И я вознамерилась отправиться за солнцем — в Вест-Индию, на Ямайку¹. Заказав билеты в агент-стве Кука, я была готова к отплытию.

Но тут снова вмешался рок. За два дня до отъезда меня пригласили отобедать мои лондонские знакомые. Мы не

¹ Ямайка — один из Больших Антильских островов в Вест-Индии и одноименное государство, входящее в Британское Содружество

были близкими друзьями, но я весьма симпатизировала этой супружеской паре. Среди приглашенных была еще одна молодая пара: морской офицер командор¹ Хауи с женой. Я сидела за столом рядом с ним, и он рассказывал о Багдаде². Его корабль базировался в Персидском заливе, и он только что приехал оттуда. После трапезы его жена присела рядом со мной. Все говорят, что Багдад — ужасный город, сказала она, а вот они с мужем очарованы им. Их рассказы все больше захватывали меня, но одно обстоятельство очень меня тревожило — туда ведь нужно плыть морем!

— Можете поехать поездом — на Восточном экспрессе³.

— На Восточном экспрессе?!

Всю жизнь я мечтала проехаться в Восточном экспрессе. Часто, направляясь во Францию, Испанию или Италию, я видела Восточный экспресс в Кале⁴. И мне всегда хотелось сесть в него. «Симплой — Милан — Белград — Стамбул...»

Я схватила наживку. Командор Хауи написал мне, что посмотреть в Багдаде.

— Только не тратьте время на Альвию⁵ и держитесь подальше от всех этих мемсаиб⁶. Обязательно поезжайте в Мосул, в Басру⁷ и конечно же в Ур⁸.

— Ур?! — переспросила я, поскольку как раз прочла в «Иллюстрированных лондонских новостях» об удивитель-

¹ Командор — воинское звание в категории старших офицеров ВМС, соответствующее подполковнику в сухопутных войсках.

² Багдад — столица Ирака, один из древнейших экономических и культурных центров Ближнего Востока.

³ Восточный (Симплонский) экспресс — скорый поезд, в создании которого принял участие ряд европейских стран и который с 1919 года перевозил пассажиров из Лондона в Стамбул через Симплонский туннель в Альпах.

⁴ Кале — город на севере Франции на проливе Па-де-Кале, отделяющем Францию от Англии.

⁵ Альвия — район в Багдаде, где в основном селились англичане.

⁶ Мемсаиб — почтительное обращение к замужней европейской женщине на Ближнем Востоке.

⁷ Басра — город и морской порт в Ираке.

⁸ Ур — один из наиболее известных древних шумерских городов-государств, который был расположен на юге Месопотамии при впадении реки Евфрат в Персидский залив.

ных находках Леонарда Вули в Уре. Меня всегда привлекала археология, хоть я ничего о ней и не знала.

На следующее утро я ринулась в агентство Кука, аннулировала билет в Вест-Индию и вместо этого сделала все необходимые распоряжения для поездки на Восточном экспрессе в Стамбул, из Стамбула — в Дамаск¹, из Дамаска — в Багдад через пустыню. Я была очень взволнована. Через четыре-пять дней я получу визы и все прочее — и буду в пути!

— Совсем одна? — с некоторым сомнением спросила Карло. — Одна на Ближний Восток? Разве вы не знаете, что это небезопасно?

— Ах, все будет в порядке, — ответила я. — В конце концов, каждому иногда бывает полезно что-то предпринять в одиночку.

Прежде мне не приходилось — да и охоты не было, — но теперь я подумала: «Сейчас или никогда. Или я буду цепляться лишь за то, что надежно и хорошо известно, или проявлю инициативу и стану более самостоятельной».

Вот так, спустя пять дней, я отправилась в Багдад. Конечно завораживало само название. Думаю, у меня не было четкого представления о том, как должен выглядеть Багдад. Безусловно, я не ожидала увидеть город Гарун аль-Рашида². Просто это было место, где я и не мыслила никогда побывать, и меня влекло туда все очарование неизвестности.

Вокруг света я путешествовала с Арчи; на Канарах я была с Карло и Розалиндой; нынче я ехала совершенно одна. Вот теперь-то и станет ясно, что я за человек — не слишком ли зависима от других, чего всегда опасалась. Я могла дать волю своей страсти к путешествиям — ехать куда мне захочется. Я могла в любой момент изменить любое свое решение так же, как в один вечер променять Вест-Индию на Багдад. Мне ни с кем, кроме себя, не нужно считаться. Посмотрим, как мне это понравится. Я ведь знала, что у меня характер, как у собаки: пока кто-нибудь не поведет, сама гулять не пойду. Может, такой мне и суждено навсегда остаться? Я надеялась, что это не так.

¹ Дамаск — столица современной Сирии, один из древнейших торговых и культурных центров Ближнего Востока.

² Гарун аль-Рашид (763 или 766—809) — халиф из династии Аббасидов, персонаж арабских средневековых сказок «Тысяча и одна ночь».

Часть восьмая

ВТОРАЯ ВЕСНА

Глава 1

Я всегда очень любила поезда. Жаль, что сегодня уже никто не относится к паровозу как к другу.

Поездка в Дувр¹ и утомительное морское плавание были позади, в Кале я села в вагон lit² поезда моей мечты. И именно тогда меня настигла первая опасность, подстерегающая путешественника не так уж редко. Со мной в купе ехала женщина средних лет, хорошо одетая, видимо, бывалая путешественница, с огромным количеством чемоданов и шляпных коробок — да, в те времена еще путешествовали со шляпными коробками, — и она тут же вступила со мной в беседу. Ничего удивительного: нам предстояло ехать вместе — в вагонах второго класса все купе были двухместными. В каком-то смысле второй класс был даже предпочтительней первого, поскольку здесь купе были намного просторнее, и это позволяло двигаться.

Куда я еду, спросила моя попутчица, в Италию? Нет, ответила я, дальше. Куда же? В Багдад. Ее это привело в восторг: она сама жила в Багдаде. Какое совпадение! Если я еду туда к друзьям, то она наверняка их знает. Я сказала, что еду не к друзьям.

— А где же в таком случае вы собираетесь жить? Не остановитесь же вы в отеле!

Почему бы нет, удивилась я. Для чего-то ведь существуют отели? Последнее замечание я, впрочем, оставила при себе.

— О нет, это совершенно невозможно! Вам не следует этого делать. Я научу вас, как поступить: вы должны остановиться у нас!

Я немного испугалась.

— Да, да, никаких отказов я не приму. Сколько вы намерены пробыть там?

— О, совсем недолго, — ответила я.

¹ Дувр — город и порт на юго-востоке Великобритании у пролива Па-де-Кале, ближайший к европейскому берегу.

² Спальный вагон (*фр.*).

— Ну, во всяком случае, для начала вы должны пожить у нас, а потом мы передадим вас кому-нибудь еще.

Это было очень любезно, но душа моя воспротивилась этому приглашению. Я начинала понимать, что имел в виду командор Хауи, когда предостерегал, чтобы я не попадалась в капкан гостеприимства английской колонии. Я уже видела себя связанной по рукам и ногам. Довольно сбивчиво я попыталась рассказать, что собираюсь посмотреть, но миссис С. — она назвала свое имя и сообщила, что муж ее уже в Багдаде и что она — одна из старейшин тамошней английской колонии, — тут же отменяла все мои планы.

— О, когда вы попадете в Багдад, вы поймете, что там все не так, как вы себе представляли. Там можно жить в свое удовольствие: сколько угодно играть в теннис, совершать дальние прогулки. Вам понравится, вот увидите. Все говорят, что Багдад ужасен, а я не согласна. Там есть дивные сады, знаете ли.

Я вежливо соглашалась со всем, что она говорила.

— Надеюсь, вы едете до Триеста¹, а оттуда на пароходе в Бейрут²?

Я ответила, что собираюсь проделать весь путь на Восточном экспрессе.

Она сокрушенно покачала головой.

— Не думаю, что это разумно, вряд ли вам понравится дорога. Но теперь уже ничего не поделаешь. Однако в Багдаде мы встретимся обязательно. Я дам вам свою визитную карточку. Если вы позвоните нам из Бейрута перед отправлением поезда, мой муж встретит вас на вокзале и привезет к нам домой.

Что я могла сказать в ответ, кроме: «Большое спасибо, но мои планы пока так неопределенны...» К счастью, миссис С. не всю дорогу будет моей попутчицей, подумала я с облегчением. Слава богу, а то у меня не было бы ни минуты покоя, похоже, эта женщина не закрывала рта никогда. Она выйдет в Триесте и поплывет пароходом в Бейрут. Я предусмотрительно умолчала о том, что собираюсь сделать остановки в Дамаске и Стамбуле, даст бог, она ре-

¹ Триест — город и порт на северо-востоке Италии на Адриатическом море.

² Бейрут — крупный город и порт на восточном побережье Средиземного моря, столица современного Ливана.

шит, что я передумала ехать в Багдад. На следующий день мы самым дружеским образом распрощались в Триесте, и я снова почувствовала сладость полной свободы.

Путешествие оправдывало все мои ожидания. После Триеста поезд шел через Балканы, по Югославии. Я с восторгом смотрела из окна на совершенно новый для меня мир: эти горные ущелья, по которым двигался поезд, запряженные осликами тележки и живописные фургончики, группы людей на вокзальных платформах... Иногда я выходила на станции — где-нибудь в Нише или Белграде — и наблюдала, как отцепляют от нашего состава огромный локомотив и заменяют его на нового монстра с совершенно другими надписями и эмблемами. Естественно, *en route*¹ я познакомилась еще с несколькими людьми, но, к моей великой радости, никто из них не проявил обо мне такой заботы, как первая попутчица. Днем я приятно проводила время с американской миссионеркой, инженером-голландцем и двумя турецкими дамами. С последними особенно разговаривать было мудро, так как мы общались на весьма условном французском языке. Однако я все-таки сумела понять, что особого почтения они ко мне не испытывают, поскольку я имею всего одного ребенка, к тому же еще и девочку. У лучезарной турчанки, если я ничего не перепутала, было тринадцать детей — пятеро из них, правда, умерли и еще трех, если не четырех, она не сумела выносить. Она очень гордилась своей плодовитостью и, судя по всему, не собиралась останавливаться на достигнутом. Дама настойчиво рекомендовала мне всевозможные рецепты увеличения численности семейства: отвары из листьев, из трав, какие-то снадобья из чеснока и, наконец, адрес «совершенно чудесного» парижского доктора.

Пока не окажешься в дороге одна, не осознаешь, насколько все вокруг заботливо и дружелюбно, — хоть порой это и утомительно. Дама-миссионерка назвала мне несколько лекарств против желудочно-кишечных недугов, в частности превосходный набор слабительных солей. Голландский инженер наставлял меня относительно того, где следует останавливаться в Стамбуле, и предостерегал от опасностей, уготованных даме в этом городе.

¹ В пути (*фр.*).

— Вы должны быть осторожны, — вразумлял он меня. — Вы дама благовоспитанная, всегда жили в Англии под защитой мужа и родственников. Не доверяйтесь никому: не ходите ни в какие увеселительные заведения, если точно не знаете, что это за место.

Он обращался со мной, как с невинной семнадцатилетней девушкой. Я поблагодарила и заверила его, что буду постоянно начеку.

Чтобы я по неопытности своей не нарвалась на какую-нибудь неприятность в первый же день приезда, он пригласил меня поужинать.

— «Токатлиан» — очень хороший отель, — сказал он. — Там вы будете в безопасности. Я позвоню около девяти и заеду за вами. Мы отправимся в один чудесный ресторан. Его содержат две русские дамы благородного происхождения. У них прекрасная кухня и безупречное обслуживание.

Я с благодарностью приняла приглашение, и все было именно так, как он обещал.

На следующий день, закончив дела, он снова захватил за мной, немного повозил по Стамбулу, а затем приставил ко мне гида.

— Вам не нужен гид от Кука, — сказал он. — Это слишком дорого. Что касается этого малого, за него я ручаюсь.

В конце вечера, приятно проведенного среди русских дам, грациозно плававших между столиками, расточавших аристократические улыбки и всячески опекавших моего инженера, он показал мне еще несколько стамбульских достопримечательностей и в последний раз доставил в отель «Токатлиан».

— Хотел бы я знать... — начал он, когда мы прощались у входа, и вопросительно взглянул на меня, — хотел бы я знать сейчас... — повторил он свой вопрос, и взгляд его стал настойчивей. Потом вздохнул и добавил: — Нет, думаю, лучше не спрашивать.

— Вы очень благоразумны, — ответила я, — и очень добры.

Он снова вздохнул.

— Я бы предпочел быть менее благоразумным, но видимо, так будет лучше.

Он взял мою руку, прижал ее к губам и навсегда исчез из моей жизни. Милейший человек — сама доброта — именно ему я обязана тем, что знакомство с Константинополем оказалось для меня столь приятным.

На следующий день служащий из конторы Кука, щеголя изысканными манерами, доставил меня на вокзал Хайдар-паша по другую сторону Босфора¹, откуда мне предстояло продолжить путешествие в Восточном экспрессе. Счастье, что он провожал меня, ибо вокзал Хайдар-паша — это самый настоящий сумасшедший дом. Все кричали, толкались, размахивали руками и наседали на таможенников. Именно тогда я познакомилась с одним из методов работы переводчиков в конторе Кука.

— Дайте мне один фунт, — велел мой гид.

Я дала. Он тут же вскочил на таможенную стойку и, размахивая банкнотой над головой, закричал: «Сюда, сюда!» Его действия увеичались успехом. Таможенник, весь в золотых галунах, послешил к нам, мелом поставил кресты на всех моих чемоданах, пожелал мне счастливого пути и отправился терзать тех, кто не овладел еще столь прогрессивным методом общения с властями.

— Ну, а... — Я не знала сколько. Но пока я перебирала свои турецкие деньги — какую-то мелочь, которую мне поменяли еще в поезде, мой провожатый уверенно произнес:

— Оставьте это себе, может пригодиться. А мне дайте еще один фунт.

С большим сомнением, но понимая, что учиться приходится на опыте, я послушно протянула ему банкноту, и он покинул меня.

При переезде из Европы в Азию произошла какая-то неуловимая перемена. Словно время перестало играть сколько-нибудь важную роль. Поезд двигался теперь неторопливо — вдоль берега Мраморного моря², вверх по склонам гор — дорога была сказочно красива. Другими стали и пассажиры, хотя точно определить, в чем именно они изменились, я бы не взялась. Я чувствовала себя отрезанной от привычного мне окружения, но тем интереснее становилось путешествие. Мне доставляло огромное удовольствие рассматривать на остановках людей в пестрых одеждах, толпившихся на перронах крестьян и неведомые кушанья, которые они предлагали пассажирам через окна: что-то нанизанное на вертелы или завернутое в виноградные листья,

¹ Босфор — пролив между Мраморным и Черным морями.

² Мраморное море — море между европейской и азиатской частями Турции, проливом Босфор соединяющееся с Черным морем и проливом Дарданеллы — со Средиземным.

яйца, выкрашенные в разные цвета, и тому подобное. По мере продвижения на Восток, правда, еда становилась все более неприятной — все более горячей, жирной и безвкусной.

На второй вечер поезд сделал остановку, и пассажиры высыпали полюбоваться Киликийскими воротами¹. Перед нами предстала картина фантастической красоты, никогда ее не забуду. Впоследствии я проезжала по тому пути туда и обратно множество раз и, поскольку расписание менялось, оказывалась там в разное время дня и ночи: иногда рано утром, когда вид был самым красивым, иногда, как впервые, около шести часов вечера; иногда, к сожалению, глубокой ночью. В тот первый раз мне повезло. Выйдя из поезда вместе с другими, я увидела неопишемую красоту. На горизонте медленно заходило солнце. Я была так рада и благодарна судьбе, занесшей меня сюда! Затем раздался свисток, мы разошлись по своим вагонам, и поезд стал медленно спускаться по длинному склону ущелья, чтобы, переехав через текущую по его дну реку, перебраться на противоположный склон — мы покидали Турцию и въезжали в Сирию через Алеппо².

Прежде чем мы добрались до Алеппо, со мной случилась неприятность: я обнаружила у себя на плечах, на затылке, щиколотках и коленях следы множества укусов и подумала, что меня искусили москиты. Но то были не москиты. По своей тогдашней неискушенности я не знала, что это были клопы. У меня на всю жизнь сохранилась особая чувствительность к их укусам. Они выползали из всех щелей старомодных деревянных вагонов и жадно набрасывались на сочных пассажиров. Температура у меня сильно подскочила, и руки вздулись. Наконец, при любезной помощи французского коммивояжера, удалось разрезать рукава моего пиджака и блузки — руки внутри них так напухли, что ничего другого не оставалось. У меня был жар, болела голова, я отвратительно себя чувствовала и думала про себя: «Ах, зачем я пустилась в это путешествие!» Мой новый французский друг был незаменим; где-то купил для меня виноград — сладкий мелкий виноград, который растет только в том уголке земли.

¹ Киликийские ворота — горный проход между хребтами Таврских гор, по которому проложена дорога из Малой Азии в Сирию.

² Алеппо — сирийский город, конечный пункт железной дороги, идущей через Таврские горы в Стамбул.

— С такой высокой температурой вам не захочется есть, — сказал он. — Сосите этот виноград.

Хоть мама и Бабушка учили меня никогда не есть за границей немытых фруктов и ягод, я пренебрегла их советом. Каждые четверть часа я понемногу ела виноград, и это облегчало мое состояние. Разумеется, больше мне ничего не хотелось. Мой добрый француз распрощался со мной в Алеппо. В течение следующего дня отек на руках уменьшился, и я почувствовала себя лучше.

После изнурительного дня, проведенного в поезде, который тащился со скоростью не более пяти миль¹ в час и постоянно останавливался на так называемых станциях, ничем особо не выделявшихся на фоне окружающего пейзажа, мы наконец прибыли в Дамаск. Я очутилась посреди толпы — носильщики вырывали вещи у меня из рук, крича и завывая, другие носильщики, в свою очередь, вырывали мои вещи у них — кто сильнее, тот побеждал. Наконец я разглядела стоявший у вокзала красивый автобус с табличкой «Отель «Ориент палас» на ветровом стекле. Величественная фигура в ливрее приняла мой багаж; вместе с еще двумя обалдевшими путешественниками нас посадили в автобус и доставили в отель, где меня ждал номер. Это был великолепнейший отель с огромными мерцающими мраморными холлами, правда, так слабо освещенными, что разглядеть почти ничего было невозможно. Меня торжественно препроводили по мраморной лестнице наверх, в необозримо обширные апартаменты, и я попробовала выяснить у явившейся на мой звонок добродушной женщины, которая знала несколько слов по-французски, где бы можно принять ванну.

— Мужчина устроить, — произнесла она и пояснила: — *Un homme, un type — il va arranger*². — Она приветливо поклонилась и исчезла.

Я слабо представляла себе, что это за «un type», но оказалось, что это банщик — коротышка, завернутый во множество полосатых хлопчатобумажных одежд. Он отвел меня, облаченную в пеньюар, в какой-то подвал, где стал откручивать какие-то краны и вентили. На каменный пол всюду потек кипяток, и пар заполнил все помещение так, что ничего не стало видно. Банщик кивал, улыбался, жес-

¹ Милья — мера длины, равная 1,609 км

² Мужчина, один тип — он устроит (*фр*)

тикулировал, давая понять, что все идет хорошо, а потом ушел. Перед уходом он все краны закрутил, и вода стекла в отверстия, устроенные в полу. Я не знала, что делать дальше. Снова пустить горячую воду не рисковала. По стенам вокруг располагались восемь или девять вентиля и рычажков, у каждого из которых, видимо, было свое предназначение, — что, если, тронув один из них, я получу душ из кипятка себе на голову? В конце концов я сняла тапочки и все остальное и побродила немного по этой бане, ополаскиваясь исключительно клубами пара, — включить воду я так и не решилась. На мгновение я ощутила тоску по дому, по своей светлой квартире, по нормальной фарфоровой ванне с двумя кранами, на которых написано — «хол.» и «гор.» и которыми можно регулировать температуру воды по своему усмотрению.

Помнится, я провела в Дамаске три дня и осмотрела все достопримечательности под неусыпной опекой бесценного Кука. Мне представилась возможность совершить поездку в замок крестоносцев¹ в компании инженера-американца (ближневосточная нива, видимо, густо засеяна иностранными инженерами) и весьма пожилого священника. Впервые мы увидели друг друга, когда садились в машину в 8.30 утра. Престарелый священник — сама доброта — почему-то решил, что мы с инженером — муж и жена. Так он с нами и обращался. «Надеюсь, вы не возражаете?» — спросил меня инженер. «Ничуть, — ответила я, — жаль, что он считает вас моим мужем». Фраза прозвучала несколько двусмысленно, и мы оба рассмеялись.

Старик священник постоянно рассуждал о преимуществах семейной жизни, воспитывающей умение давать и принимать даяние, и желал нам всяческого счастья. Мы отказались от попыток объяснить ему что бы то ни было, увидев, как он огорчился, когда американец прокричал ему в ухо, что мы не женаты и что, может быть, хватит об этом. «Но вы должны пожениться, — настаивал он, тряся головой, — нельзя жить в грехе, воистину нельзя!»

¹ Крестоносцы — участники крестовых походов, нескольких военных экспедиций на Ближний Восток, предпринятых рыцарством европейских стран в XI—XIII веках по призыву пап или религиозных проповедников для освобождения Иерусалима и Гроба Господня от ига мусульман.

Я побывала в чудесном Баальбеке¹, на базарах, на улице, которая называлась Прямой, купила много симпатичных медных тарелок, которые там чеканят. Все они — ручной работы, и у каждой семьи, делающей их, — свой почерк. Иногда это был орнамент, напоминающий рыб, украшенный серебряными нитями. Удивительно, как каждая семья ремесленников передает свой узор от отца к сыну, от сына к внуку, и никто другой никогда не копирует его, и никто не пытается наладить массовое производство. Впрочем, боюсь, что теперь в Дамаске немного осталось таких мастеров и семейных промыслов: на их месте, скорее всего, выросли фабрики. Уже и в те времена инкрустированные деревянные столики и шкатулки стали стереотипными и утратили штучность — хоть их еще и делали вручную, но по общему рисунку.

Купила я еще комод — огромный, инкрустированный перламутром и серебром. Такая мебель вызывает в воображении картины некой волшебной страны. Сопровождавший меня переводчик отнесся к покупке презрительно.

— Нестоящая вещь, — сказал он. — Старая, ей лет пятьдесят-шестьдесят, а то и больше. Немодная, знаете ли. Совсем не модная. Не новая.

Я возразила: то-то и хорошо, что не новая, таких осталось мало. Может быть, никогда никто уже и не сделает такого комода.

— Да, их уже не делают. Вот посмотрите лучше на этот. Видите? Очень хорошая вещь. Взгляните, сколько сортов дерева использовано! Восемьдесят пять сортов!

Его уговоры возымели прямо противоположный результат — я желала только свой перламутровый со слоновой костью и серебром комод.

Единственное, что меня беспокоило, — как доставить его домой, в Англию. Но оказалось, что это как раз очень просто. В конторе Кука мне указали некую транспортную фирму, представитель которой имелся в отеле. Я сделала необходимые распоряжения, они подсчитали, во что обойдется перевозка, и спустя девять или десять месяцев перламутрово-серебряный комод, о котором я почти уже забыла, объявился в Южном Девоне.

¹ Баальбек — древний город на территории современного Ливана, известный развалинами огромного храма Юпитера, сооруженного в III—II веках до н. э.

На этом история, однако, не кончилась. Хоть на вид комод и был восхитителен, хоть он оказался неправдоподобно вместительным, среди ночи он начал издавать странные звуки — словно гигантские челюсти что-то жевали чавкая. Какое-то таинственное существо грызло мой прекрасный комод. Я повытаскивала ящики и осмотрела их — никаких дырок или следов от зубов. Тем не менее каждую ночь, лишь только пробьет двенадцать — час, когда оживает всякая нечисть, я слышала: «Хрум-хрум-хрум...»

В конце концов я отвезла один ящик в фирму, специализировавшуюся на тропических древесных насекомых. Осмотрев стыки деревянных деталей, они сразу заподозрили неладное и заявили, что единственный выход — замена ряда фрагментов. Удовольствие не из дешевых, надо признать, — это обошлось мне втрое дороже, чем сам комод, и вдвое — чем его доставка в Англию. Тем не менее я не могла больше терпеть этого постоянного хрумканья.

Недели через три мне позвонили из мастерской и взволнованный голос произнес: «Мадам, не можете ли вы к нам приехать? Я очень хочу, чтобы вы посмотрели, что мы нашли!» Я как раз собиралась в Лондон и сразу же поспешила в мастерскую. Там мне с гордостью продемонстрировали омерзительный гибрид червя со слизняком: огромный белый и наглый. Похоже, древесная диета пошла ему на пользу — он был неправдоподобно толст. Неудивительно: он выел все внутренности в двух ящиках! Еще несколько недель спустя мне вернули мой любимый комод, и с тех пор по ночам у нас можно было слышать лишь тишину.

После напряженного осмотра досгопримечательностей, убедившего меня в необходимости как-нибудь вернуться в Дамаск и обследовать его более подробно, настал день, когда мне предстояло начать последний этап своего путешествия — в Багдад через пустыню. Перевозки на этом участке с помощью большого каравана шестиколесных фургонов, или автобусов, осуществляла компания «Наирн лайн», принадлежавшая двум братьям — Джерри и Норману Наирнам. Это были очень дружелюбные австралийцы. Я познакомилась с ними накануне отъезда, когда они не-

умело упаковывали дорожный провиант в картонные коробки и попросили меня помочь им.

Автобус отправлялся на рассвете. Нашими водителями были два рослых парня. Когда вслед за носильщиком, тащившим мой багаж, я проходила мимо, они как раз забрасывали в кабину пару винтовок, небрежно швырнув по верх них охапку какого-то тряпья.

— Не надо всем показывать, что они у нас есть, но пересекать пустыню без них мне не хочется, — сказал один водитель.

— С нами этим рейсом едет герцогиня Альвии, — отозвался второй.

— Боже милосердный! — воскликнул первый. — Теперь неприятностей не оберешься! Что ей на этот раз взбредет в голову?

— Перевернуть все вверх тормашками, — ответил его напарник.

В этот момент к ступенькам крыльца приблизилась процессия. К моему удивлению — не скажу, чтобы к удовольствию, — не кто иной, как миссис С., с которой мы расстались в Триесте, шествовала во главе ее. Я-то воображала, что она давно в Багдаде, поскольку сама сильно задержалась в пути.

— Я знала, что встречу вас здесь, — сказала она, радостно приветствуя меня. — Все уже устроено, я везу вас прямо в Альвию. Вам решительно нельзя останавливаться в багдадских отелях.

Что я могла ответить? Отныне я — пленница. Я никогда не бывала в Багдаде и не знала, каковы тамошние отели. Возможно, они действительно кишели блохами, клопами, вшами, змеями и тараканами, к которым я питала особое отвращение. Пришлось промямлить слова благодарности. Мы удобно устроились в салоне автобуса, и только тут я сообразила, что «герцогиня Альвии» — не кто иной, как моя подруга миссис С. Первое, что она сделала, — отказалась от предложенного ей места, поскольку оно располагалось в хвостовой части автобуса, где ее всегда укачивало. Она желала сидеть впереди, за спиной водителя.

— Но это место несколько недель назад забронировано одной арабской дамой!

Герцогиня Альвии лишь презрительно отмахнулась. Видимо, она считала, что, кроме нее, здесь никого не существует. Миссис С. вела себя так, будто она первая ев-

ропейская леди, ступившая на арабскую землю, любой кап-риз которой должен исполняться немедленно. Арабская дама тем не менее прибыла и вступила в борьбу за свои права. Муж принял ее сторону, разумеется, и кончилось это обычным «кто смел, тот и съел». Некая француженка тоже заявила свои претензии, еще в свару ввязался немецкий генерал. Не знаю, какие аргументы возымели действие, но, как всегда бывает на этой земле, четверых смиренных овечек лишили их законных мест и оттеснили на задние сиденья, а немецкий генерал, французская дама, арабка, задрапированная паранджой и покрывалом, и миссис С., разумеется, снискали себе ратную славу. Я никогда не обладала бойцовскими качествами и шансов на успех не имела, хоть мой билет и давал мне право претендовать на одно из вождеденных мест.

В положенный час, однако, наш автобус, скрежеща и громяхая, двинулся в путь. Мы плыли по желтой песчаной пустыне среди перекатывающихся дюн и неподвижных скал, и, замороженная однообразием пейзажа, я открыла книгу. Меня никогда не укачивало в машине. Но движение этого шестиколесного агрегата, тем более что я сидела ближе к хвосту, весьма напоминало морскую качку, а я ведь еще и читала, — словом, прежде чем я поняла, что происходит, меня вырвало. Я не знала, куда деваться от стыда, но миссис С. великодушно сказала, что подобные вещи часто случаются непроизвольно. В следующий раз она сама проследит, чтобы у меня было одно из передних мест.

Сорокавосемичасовой переезд через пустыню был восхитителен и чуть-чуть зловещ. Создавалось странное ощущение абсолютной замкнутости в пустом пространстве. Первым моим открытием было то, что в полдень здесь невозможно определить, куда ты движешься — то ли на север, то ли на юг, восток или запад, именно в это время суток машины чаще всего, должно быть, сбиваются с дороги. В одно из моих последующих путешествий через пустыню как раз это с нами и произошло. Водитель — очень опытный, заметьте, водитель — после двух или трех часов пути обнаружил, что едет назад, в Дамаск. Ошибка произошла там, где расходились колеи: перед ним оказался лабиринт шинных следов. Как раз в это время вдали показалась машина, из нее стреляли, и водитель развернулся круче, чем следовало. Он считал, что стал в нужную колею, а оказалось, что едет в обратную сторону.

Между Дамаском и Багдадом нет ничего, кроме бескрайнего простора пустыни, — никаких приметных вех, и только в одном месте возвышается большая крепость Рутба. Мы добрались до нее около полуночи. Неожиданно в темноте замерцал слабый огонек. Приехали! Засов на огромных воротах был поднят. У входа на карауле с винтовками наперевес стояли часовые Верблюжьего корпуса, готовые дать отпор бандитам, *bona fide*¹ маскирующимся под добропорядочных путешественников. Их дикие темные лица производили устрашающее впечатление. Наши документы тщательно проверили и позволили въехать, тут же заперев ворота у нас за спиной. Мы расположились в нескольких комнатах, где не было ничего, кроме голых кроватей, по пять-шесть женщин в одной комнате, и часа три отдыхали. А потом снова пустились в путь.

Примерно в пять утра, на рассвете, мы позавтракали посреди пустыни. Нет завтрака лучше, чем консервированные сосиски, сваренные рано утром на примусе в пустыне. Эти сосиски да крепкий черный чай — что еще нужно, чтобы поддержать слабеющие силы?! Чудесные цвета, которыми расцвечена пустыня — бледно-розовый, абрикосовый, голубой, — в сочетании с потрясающе прозрачным и словно чуть подкрашенным воздухом создают завораживающую картину. Именно это я мечтала увидеть! Будто все куда-то вдруг исчезло — только чистый, бодрящий утренний воздух, тишина — никаких птиц, струящийся сквозь пальцы песок, восходящее солнце и вкус сосисок и чая во рту. Чего еще можно желать?!

Мы снова тронулись в путь и наконец прибыли в фелуджу на Евфрате². Переправившись через реку по плавучему мосту и проехав мимо аэродрома Хаббания, мы вскоре увидели пальмовые рощи и насыпную дорогу. Вдали слева показался золотой купол мечети Кадхимен. Переправившись через Тигр³ по еще одному плавучему мосту, мы въехали в Багдад по улице, застроенной шаткими домами. Прелестная мечеть с бирюзовым куполом стояла, как мне показалось, прямо посредине улицы.

¹ Старательно, добросовестно (*лат.*).

² Евфрат — многоводная река, протекающая через Восточную Турцию, Сирию и Ирак и впадающая в Персидский залив.

³ Тигр — река, протекающая по территории Турции и Ирака и сливающаяся с рекой Евфрат при впадении в Персидский залив.

Отеля мне увидеть не довелось даже снаружи. Миссис С. и ее муж Эрик посадили меня в комфортабельный автомобиль и повезли по главной улице, которая, собственно, и была тогда Багдадом, мимо статуи какого-то генерала, прочь из города. С обеих сторон дороги тянулись ряды огромных пальм, стада красивых черных буйволов пили из многочисленных озерц. Никогда прежде не видела я ничего подобного.

Затем показались дома, окруженные садами и цветниками, — цветов, правда, было еще не так много, как станет месяц-другой спустя... И вот я здесь, на земле, которую отныне буду называть землей мемсаиб.

Глава 2

В Багдаде все были чрезвычайно добры ко мне — милы и любезны настолько, что я испытывала чувство вины, поскольку чувствовала себя как птица в клетке. Сейчас Альвия — район разросшегося города, по которому снуют автобусы и прочий транспорт. Тогда же она была отделена от собственно города несколькими милями необжитого пространства. Попасть туда можно было только вместе с кем-нибудь на машине. И поездка всегда казалась чудесной.

Однажды меня повезли посмотреть Буффало — городок, который виден из окна поезда, если подъезжаешь к Багдаду с севера. Непосвященному он кажется поначалу просто воплощением нищеты и упадка — пустое грязное пространство, по которому бродят буйволы; вся земля покрыта их испражнениями. В воздухе стоит удушающий смрад; лачуги, сооруженные из бензинных канистр, казалось бы, свидетельствуют о крайнем убожестве здешней жизни. На самом же деле все совсем не так. Владельцы буйволиных стад — далеко не бедняки, хоть и живут они в этой мерзости, но каждый буйвол стоит фунтов сто, а то и больше, теперь — намного больше. Хозяева считаются людьми зажиточными, и их женщины, хлюпающие по грязи, непременно носят на щиколотках прелестные браслеты из серебра с бирюзой.

Вскоре я поняла, что на Ближнем Востоке видимость и суть никогда не совпадают. Здесь наши привычные представления, правила поведения и житейские премудрости ничего не значат, приходится всему учиться заново. Зави-

дев человека, который грозно, как вам чудится, размахивая руками, прогоняет вас, вы спешите ретироваться — на самом деле он приглашает вас п о д о й т и. А манящий жест, напротив, может означать требование убираться вон. Скажем, двое мужчин, находящихся на разных концах поля, яростно кричат друг на друга — все ясно: они грозят друг другу кровавой расправой. Ничего подобного. Это братья, коротающие за беседой свой перерыв, а голоса они повышают просто потому, что им лень сойтись поближе. Мой будущий муж Макс как-то рассказал мне, что в свой первый приезд, шокированный тем, как все орут на арабов, дал зарок никогда на них не кричать. Но поработав здесь совсем недолго, он обнаружил, что замечания, произнесенные обычным тоном, рабочий просто не слышит, и не потому, что глуховат, а потому, что не сомневается: когда человек говорит тихо, он разговаривает сам с собой. Поэтому, если вы хотите, чтобы вас действительно стали слушать, следует говорить погромче.

Жители Альвии оказали мне исключительное гостеприимство. Меня приглашали играть в теннис, возили на скачки, показывали достопримечательности, водили по магазинам — я чувствовала себя как... в Англии. Да, это был Багдад, но у меня было такое ощущение, что я снова в Англии, а для меня путешествовать — значит, оторваться от Англии, узнавать другую страну. Я решила, что нужно что-то делать.

Мне хотелось побывать в Уре. Я стала спрашивать, возможна ли такая поездка и, к великой моей радости, меня не стали отговаривать, а, напротив, советовали непременно туда наведаться. Как я позже узнала, эту мою поездку организовывали с невероятным тщанием, в чем-то даже излишним.

— Вы должны взять с собой носильщика, — сказала миссис С. — Мы закажем вам билеты на поезд и телеграфируем мистеру и миссис Вули о вашем приезде, они вам все покажут. Вы проведете там пару дней, ночевать будете в вокзальной гостинице, а по возвращении Эрик встретит вас.

Я сердечно поблагодарила их за хлопоты и не без чувства вины подумала: хорошо, что они не знают, как долго я собираюсь путешествовать.

И вот я отбыла. С некоторым беспокойством наблюдала я за своим носильщиком. У этого высокого, худого че-

ловека был такой вид, будто он привык сопровождать европейских дам по всему Ближнему Востоку и гораздо лучше их самих знал, что для них хорошо. Живописно одетый, он усадил меня в пустом и не слишком удобном купе, по-приветствовал на восточный манер и оставил, пообещав на первой подходящей станции повести в вокзальный ресторан.

Предоставленная самой себе, я тут же совершила неразумный поступок — открыла окно. Духота в купе стояла невыносимая, мне был необходим глоток свежего воздуха. Вместо него в окно ворвались раскаленная пыль и рой огромных мух, штук тридцать. Я пришла в ужас. Мухи, угрожающе жужжа, кружили возле моей головы. Я не знала, что лучше: оставить окно открытым в надежде, что они вылетят, или закрыть его и, смирившись с обществом этих трех десятков насекомых, уберечь себя от налета новых. Оба варианта никуда не годились. Я забилась в угол и просидела так часа полтора, пока носильщик не спас меня и не отвел в вокзальный ресторан.

Еда была жирной и не слишком вкусной, к тому же и времени не хватило, чтобы съесть ее. Зазвонил станционный колокол, мой верный слуга явился и препроводил меня в купе. Окно было закрыто, мухи исчезли. После этого происшествия я стала осмотрительнее. Ехала я одна — видимо, это было обычным делом. Время тянулось очень медленно, так как читать было невозможно — поезд слишком сильно трясло, а из окна ничего не было видно, кроме колючих кустарников и песчаной пустыни. Путешествие оказалось долгим и утомительным, все разнообразие впечатлений составляли лишь обед, завтрак, ужин да весьма беспокойный сон.

Время прибытия на узловую станцию Ур — а мне доведется потом не раз ее посещать — менялось неоднократно, но всегда оставалось крайне неудобным. В тот раз, помнится, мы прибыли в пять часов утра. Меня разбудили, я вышла из поезда и проследовала в вокзальную гостиницу. Там, в чистой полупустой спальне, мне удалось отдохнуть до восьми часов, потом мне захотелось есть. Вскоре после завтрака прибыла машина, на которой, как мне сказали, я смогу поехать на раскопки, находившиеся в полутора милях оттуда. Ничего не зная о раскопках, я была тем не менее весьма польщена. Теперь, сама проведя в археологических экспедициях много лет, я поняла то, о чем не

имела представления тогда: на раскопках терпеть не могут визитеров — они всегда являются не вовремя, желают все увидеть и услышать, отнимают драгоценное время и всем мешают. На успешных раскопках, подобных Уру, дорога каждая минута, и все работают не покладая рук. Приезд восторженных дам, снующих повсюду, приравнивается к худшим из стихийных бедствий. До того момента, правда, Вули прекрасно справлялись с этой проблемой: посетители ходили обособленной группой, смотрели то, что им показывали, а потом их благополучно спроваживали. Но меня принимали с особыми почестями, которые я, увы, не оценила должным образом.

Такой прием объяснялся тем, что Кэтрин Вули, жена Леонарда Вули, только что прочла «Убийство Роджера Экройда», и книга ей так понравилась, что меня встретили, как весьма важную персону. Всех членов экспедиции пытали, знают ли они мою книгу; те же, кто ее не читал, подвергались суровой критике.

Леонард Вули, со свойственной ему любезностью, стал моим гидом. Водил меня по раскопкам и отец Берроуз, иезуитский священник и специалист по эпиграфике¹. Это была тоже весьма интересная личность, его метод «экскурсовождения» совершенно отличался от метода Вули. У Леонарда Вули было прекрасно развито воображение: он видел место таким, каким оно было в 1500 году до Рождества Христова, а то и на несколько тысяч лет раньше. Любое прошлое он умел воссоздать силой воображения. Пока он говорил, у меня не было и тени сомнения, что вот этот дом на углу — дом Авраама². Он оживлял прошлое и верил в него, и всякий, кто его слушал, верил вместе с ним.

Отец Берроуз действовал совсем иначе. Извиняющимся тоном он описывал, например, большой внутренний двор и двор, окружавший храм, или улицу ремесленников и, когда видел, что пробудил в вас интерес, неожиданно заявлял: «Конечно мы не знаем, так ли это было на самом деле. С уверенностью никто этого сказать не может. Вероятно, все было по-другому». И сразу же после этого: «Но мастерские здесь, несомненно, стояли, хоть,

¹ Эпиграфика — научная дисциплина, изучающая древние и средневековые надписи на камне, металле и других материалах и изделиях из них.

² Авраам — библейский патриарх и родоначальник древних евреев

может быть, построены были и не так, как мы думаем, — возможно, совсем не так». У него была страсть разрушать созданное им же самим впечатление. На редкость занятый человек — умный, доброжелательный и в то же время отчужденный: была в нем некая жестокость, почти неумовимая, впрочем.

Однажды за обедом безо всякого повода он стал рассказывать мне детективную историю, которую, как он считал, я могла бы написать, и энергично уговаривал меня взяться за нее. До того момента я понятия не имела, что он интересуется детективами. Сюжет, правда весьма расплывчатый, закладывал в себе определенный интерес, и я решила когда-нибудь вернуться к нему. Прошло много лет, лет двадцать пять, и однажды я вспомнила о нем и написала не роман, а повесть, основанную на событиях, рассказанных отцом Берроузом. Самого отца Берроуза к тому времени уже давно не было в живых, но я надеюсь, что до него дошла моя благодарность за подаренную идею. Как всякий писатель, я пропустила ее через себя, и от первоначального варианта мало что осталось; и все же без истории, рассказанной отцом Берроузом, повесть не состоялась бы.

Кэтрин Вули, которая станет потом одной из лучших моих подруг, была незаурядной личностью. Одни страстно ее ненавидели, другие были просто ею очарованы, — быть может, причина в том, что у нее часто резко менялось настроение, да с такой легкостью, что предугадать этот переход от недовольства к благодущию и наоборот было совершенно невозможно. Люди говорили, что она невыносима, что с ней нельзя иметь дела, что она недопустимо ведет себя с окружающими, но вскоре вдруг снова подпадали под ее обаяние. В одном я совершенно уверена: лучшей спутницы для пребывания на пустынном острове или в каком-нибудь еще унылом месте, где никаких развлечений не найдешь, с ней никогда не было скучно. Ее не интересовала обыденность. Она заставляла задуматься о том, что никогда не приходило вам в голову. Была порою резка — иногда могла даже обидеть, если очень хотела... но как никто умела обворожить, перед ней никто не мог устоять.

Я влюбилась в Ур, его красоту по вечерам, когда скалы кутаются в таинственную тень и необозримое море песка поминутно меняет свою нежную окраску — абрикосовую

на розовую, розовую на голубую, голубую на розовато-лиловую. Я восхищалась рабочими и их бригадирами. Мальчишки, таскавшие корзины с землей, землекопы — приятно было смотреть, как ловко они работают, и вообще все они были очень славными. Очарование старины захватило меня. Это так романтично — видеть, как из-под песка медленно появляется кинжал, сверкая золотом на солнце. Видя, с какой осторожностью освобождают от земли глиняные горшки и прочую древнюю утварь, я страстно захотела стать археологом. Какая же я была легкомысленная, упрекала я себя, со стыдом вспоминая, как в юности, в Каире, категорически не жалала ехать в Луксор и Асуан¹. Мне не было никакого дела до знаменитых египетских древностей, я желала лишь одного: встречаться с молодыми людьми и танцевать до рассвета. Ну что ж, видимо, всему свое время.

Кэтрин Вули и ее муж уговорили меня остаться еще на день, чтобы посмотреть новые находки, и я с восторгом согласилась. Носильщик, навязанный мне миссис С., был совершенно не у дел. Кэтрин Вули отправила его обратно в Багдад и велела передать, что пока неизвестно, когда я приеду. У меня появилась надежда, что я сумею вернуться незаметно и поселиться в отеле «Тигрис палас» (вроде бы он так тогда назывался — его столько раз переименовывали, что я уж и забыла первое название).

Ничего не вышло: несчастный муж миссис С. каждый день по приказу супруги ехал встречать меня к поезду из Ура. И все же мне удалось от него отделаться. Я от всей души поблагодарила его, сказала, что его жена исключительно любезна, но мне действительно лучше поехать в отель, тем более что я уже заказала номер. Ему ничего не оставалось, как отвезти меня туда. Еще раз горячо поблагодарив мистера С., я обещала приехать поиграть в теннис денька через три. Так мне удалось вырваться из рабства светской жизни на английский манер. Я перестала быть мемсаиб, превратившись в обыкновенную туристку.

Отель оказался вовсе не плох. Большая гостиная и столовая на первом этаже утопали в полумраке, шторы там были всегда опущены. На втором этаже вдоль спален тянулась сплошная веранда, и каждый проходящий по ней

¹ Асуан — город и порт в Египте на реке Нил.

имел возможность заглянуть внутрь и понаблюдать за раскинувшимся во сне постояльцем. Одной своей стороной отель выходил на Тигр — река с лодками всех размеров, фасонов и мастей выглядела сказочно. Ели мы на первом этаже в затемненном зале-сиробе, слабо освещенном лишь электрическим светом. Завтраки практически не отличались от ленча или обеда: в любое время дня подавали множество блюд — огромные куски жареного мяса с рисом, маленькие твердые картофелины, омлет с толстокожими помидорами, необъятных размеров головки цветной капусты и тому подобное, *ad lib*¹.

Мистер и миссис Хауи, милая супружеская пара, ведавшая моей туристской программой, познакомили меня с несколькими людьми. Я очень оценила эти несветские знакомства: люди, которых сами мистер и миссис Хауи считали весьма полезными, показали нам прелюбопытнейшие места в городе. Если оставить в стороне «англо-низированную» Альвию, Багдад был первым истинно восточным городом, который мне довелось увидеть — да, это был Восток. Свернув с улицы Рашида и пройдя по маленьким узким переулочкам, вы попадали на разные рынки: сук медников, где стучали молоточками кузнецы-ювелиры, или сук пряностей, где возвышались на прилавках горы разных специй.

Одним из приятелей супругов Хауи, «англо-индеец» Морис Викерс, стал и моим добрым другом. Он возил меня смотреть на золотой купол мечети Кадхимен с высокой точки обзора, показывал потаенные уголки суков — те, что скрыты от глаз обычных туристов, — познакомил с кварталом гончаров и многими другими местами. Мы совершали прогулки к реке через рощи финиковых пальм. Но для меня то, что он рассказывал, было еще интереснее, чем то, что он показывал. Именно Морис Викерс, в сущности, ведущий весьма уединенный образ жизни, научил меня размышлять о времени — чего я никогда прежде не делала, — размышлять отвлеченно, не сопоставляя со своей персоной. Для него время и взаимодействие времен имели особое значение.

— Когда вы думаете о времени, о его бесконечности, личные переживания отходят на задний план. Печаль,

¹ По желанию, сколько угодно (*лат., сокр.*).

страдания, все события здешней, земной жизни в перспективе вечности обретают иной смысл.

Он спросил меня, читала ли я «Опыт со временем» Данна¹. Я не читала. Он дал мне книгу, и с этого момента что-то во мне переменилось — не в моих чувствах, не во взглядах, но мир представился мне более гармоничным: я уже была не центром Вселенной, а лишь фрагментом целого, одной ниточкой в необъятном сплетении мироздания. Я поняла, что порой человек может взглянуть на собственную жизнь как бы со стороны, с другого уровня бытия. Поначалу рассуждения мои были примитивными и любительскими, но со временем я научилась находить в них огромное утешение и ощущение безмятежного покоя, коего не знала прежде. Морису Векерсу я обязана более широким взглядом на человеческое существование. У него была обширная библиотека — книги по философии и другие не менее серьезные, — этот молодой человек, несомненно, был незаурядной личностью. Бывали в моей жизни моменты, когда мне хотелось снова повидаться с ним, но, думаю, то, что этого не случилось, — к лучшему. Мы были как встречные корабли, разошедшиеся в ночи. Он вручил мне дар, который я приняла с признательностью, дар, неведомый мне дотоле, дар не только сердца, но и ума.

Я не могла дольше задерживаться в Багдаде, поскольку хотела вернуться домой так, чтобы успеть подготовиться к Рождеству. А еще надо было побывать в Басре и непременно в Мосуле² — поездку в Мосул рекомендовал Морис Векерс, и даже вызвался свозить меня туда. Больше всего меня удивляло в Багдаде, да и вообще в Ираке, то, что здесь всегда находился кто-нибудь, кто готов повезти вас в интересное место. Женщины, если это не были знаменитые путешественницы, редко ездили по стране без провожатых. Как только вы сообщали, что хотите куда-то отправиться, тут же находился приятель, кузен, муж или дядя приятельницы, который выкраивал время, чтобы составить вам компанию.

¹ «Опыт со временем» — сочинение (1927) Джона Данна (1875—1949), английского философа и изобретателя, писавшего также книги для детей.

² Мосул — город на северо-востоке Ирака.

В отеле я познакомилась с полковником Дуайером из Африканского полка королевских стрелков. Он объездил весь мир. Этот пожилой человек знал о Ближнем Востоке решительно все. Как-то разговор у нас зашел о Кении и Уганде, и я упомянула, что мой брат прожил там много лет. Он спросил, как его фамилия, я сказала — Миллер. Он устался на меня с хорошо знакомым мне выражением сомнения и даже недоверия.

— Вы хотите сказать, что вы сестра Миллера? Непоседы Миллера?

Я пропустила «непоседу» мимо ушей.

— Сумасшедшего, как Шляпник¹? — добавил он вопросительно.

— Да, — ответила я искренне, — он всегда был безумцем вроде Шляпника.

— И вы — его сестра?! Значит, вам приходилось терпеть его выходки?

Я признала, что Монти действительно большой оригинал.

— Один из самых замечательных персонажей, с какими мне доводилось встречаться. Его, знаете ли, с толку не собьешь. Уж если он что вбил себе в голову... Упрямый как осел, но его нельзя было не уважать. Один из самых отчаянных храбрецов, каких я только видел.

Подумав, я признала, что и это вполне в характере Монти.

— Во время войны немудрено прослыть храбрецом, — продолжал полковник, — но я, заметьте, командовал этим полком уже после войны и сразу же оценил Миллера. Мне доводилось встречать людей этой породы, они часто в одиночку путешествуют по миру. Эксцентричны, упрямы, весьма талантливы, но обычно оказываются неудачниками. Лучшие в мире собеседники — но только если расположены разговаривать, заметьте. Если нет, они даже не соизволят ответить на ваш вопрос, будут просто молчать.

Каждое слово полковника было правдой.

— Вы, кажется, намного моложе его?

— На десять лет.

— Он уехал за границу, когда вы были еще ребенком правда?

¹ Шляпник — персонаж книги Льюиса Кэрролла «Алиса в Стране чудес» (гл. 7)

— Да, я даже не очень хорошо его помнила. Но он наезжал домой в отпуск.

— Как сложилась его жизнь? Последнее, что я о нем слышал, что он болен и лежит в госпитале.

Я рассказала ему о Монти, о том, как его привезли домой умирать, а он выжил, вопреки всем предсказаниям докторов.

— Естественно, — сказал полковник, — такие парни не умирают, пока сами того не захотят. Помню, как его, раненного, с перевязанной рукой сажали в санитарный поезд... А ему взбрело вдруг, что ему нечего делать в этом госпитале. Его заталкивали в вагон с одной стороны, а он тут же выскакивал с другой. Работенка была, доложу я вам! Наконец его все же притащили в госпиталь, но на третий день он сбежал оттуда, да так, что никто и не заметил. Между прочим, в честь вашего брата даже была названа одна битва — вы знаете об этом?

Я ответила, что смутно.

— Он поссорился со своим командиром. Это, конечно, было для него в порядке вещей. Тот был воспитанный человек, но вообще-то напыщенное ничтожество — совсем не такой, как Миллер. А Миллер в ту пору отвечал за мулов — и прекрасно с ними управлялся! Ну так вот, он вдруг заявил, что некое место, где они находились, — замечательная позиция, чтобы дать сражение немцам, и его мулы встали как вкопанные. Командир заявил, что отдаст его под суд за невыполнение приказа — он обязан повиноваться, а то... Тогда Миллер просто сел на землю и заявил, что не двинется с места и мулы тоже. Насчет мулов он был совершенно прав — они шагу не делали без Миллера. Как бы то ни было, ему грозил военный трибунал. Но в этот момент немцы начали массированное наступление.

— И они приняли бой? — спросила я

— Разумеется, приняли — и одержали победу! Самую решительную с начала войны. Ну, безусловно, полковник, старина... мм... Раш — или что-то в этом роде — был вне себя от ярости. Он выиграл сражение благодаря непослушанию подчиненного, которого собирался отдать под трибунал! А теперь дело обернулось так, что он не мог отдать его под трибунал. Положеньице, скажу я вам! Короч говоря, чего только он не предпринимал, чтобы спасти свою репутацию! А сражение это так все и называли потом

«Битва Миллера». Вы его любили? — спросил меня полковник совершенно неожиданно.

— Было время, когда очень любила, — ответила я на этот трудный вопрос. — Дело в том, что мы слишком мало жили вместе, чтобы я могла испытывать то, что называют родственной привязанностью. Иногда он приводил меня в отчаяние, иногда я безумно на него сердилась, иногда — да, должна признать, что иногда я восхищалась им, была очарована.

— Он запросто очаровывал женщин, — сказал полковник Дуайер. — Они просто млели. И обычно мечтали выйти за него замуж, а потом постепенно его приручить и заставить заняться каким-нибудь спокойным делом. Наверное, его уже нет в живых?

— Да, он умер несколько лет назад.

— Жаль. Считаете, жизнь его не удалась?

— Откуда мне знать?!

Действительно, кто знает, где проходит граница между неудавшейся жизнью и счастливой? Со стороны жизнь моего брата Монти была чередой сплошных неудач. Ни в чем, за что брался, он не преуспел. Но, быть может, это касалось только материальной стороны? Нельзя не признать, что, несмотря на финансовые неудачи, большую часть жизни он прожил с удовольствием.

Однажды он мне сказал: «Наверное, я дурно прожил жизнь. По всему миру остался должен разным людям. Нарушал законы во множестве стран. Из Африки тайно вывез небольшую коллекцию прелестных вещей из слоновой кости. И ведь знали, что она у меня, а найти не смогли! Бедной маме и Мэдж доставлял массу хлопот. Думаю, святые отцы меня бы не одобрили. Но клянусь, детка, я получал от жизни удовольствие. Я чертовски хорошо провел время на этом свете. Довольствовался только самым лучшим».

В чем Монти действительно везло, так это в том, что всегда в нужный момент находилась женщина, которая брала на себя заботу о нем. Включая миссис Тейлор. Они мирно жили с ней в Дартмуре. Потом она заболела тяжелым бронхитом, состояние ее никак не улучшалось, и у доктора были большие сомнения насчет того, что она сможет пережить следующую зиму в Дартмуре. Ей рекомендовали сменить климат, переехать туда, где теплее, например на юг Франции.

Монти был в восторге. Он собрал всевозможные пугеводители. Мы с Мэдж понимали, что было бы жестоко просить миссис Тейлор не покидать Дартмур, хоть сама она ничуть не возражала и охотно осталась бы.

«Не могу же я сейчас бросить капитана Миллера!»

Итак, чтобы всем было хорошо, мы решительно отметили грациозные планы Монти и сняли для них с миссис Тейлор несколько комнат в небольшом пансионе на юге Франции. Я продала его дом и проводила их на Голубой экспресс. Они оба светились радостью, но, увы, миссис Тейлор простудилась в дороге, у нее развилось воспаление легких, и через несколько дней она умерла в больнице.

Монти тоже попал в больницу в Марселе¹ — смерть миссис Тейлор подкосила его, Мэдж, понимая, что пужно что-то предпринять, но не зная, что именно, отправилась к нему. Медсестра, присматривавшая за Монти, оказалась очень славной женщиной и вызвалась что-нибудь придумать.

Неделей позже мы получили телеграмму от банковского поверенного, которому было поручено вести все финансовые дела Монти. Он сообщал, что, как ему кажется, выход найден. Мэдж была занята, поэтому на встречу с поверенным отправилась я. Он пригласил меня пообедать, был исключительно любезен и готов к услугам, однако его явно что-то смущало. Я не могла понять, что и м е н н о. Но в конце концов причина его замешательства открылась: он не знал, как сестры Монти отнесутся к тому, что он должен сообщить. Медсестра, Шарлотта, предложила забрать Монти к себе и ухаживать за ним. Поверенный, видимо, опасался взрыва хапжеского негодования с нашей стороны — как мало он нас знал! Мы с Мэдж готовы были броситься Шарлотте на шею. Мэдж сразу же к ней привязалась. Шарлотта прекрасно справлялась с Монти — и ему она тоже нравилась. Ей удавалось контролировать даже его расходы, тактично выслушивая и пропуская мимо ушей его авантюрные планы, например поселиться на большой яхте, и прочее в том же роде.

Умер он совершенно неожиданно, от кровоизлияния в мозг, в кафе на набережной, и Мэдж с Шарлоттой вместе плакали на его погребении. Его похоронили на Военном кладбище в Марселе.

¹ Марсель — город и порт на юго-востоке Франции на Средиземном море.

Думаю, Монти до самого конца наслаждался жизнью.

Воспоминания о Монти сблизили нас с полковником Дуайером. Бывало, я обедала у него. Иногда он приходил пообедать со мной в отеле, и наши разговоры всегда вертелись вокруг Кении, Килиманджаро¹, Уганды, озера Виктория и, конечно, моего брата.

По-военному решительно полковник Дуайер строил планы моей следующей заграничной поездки.

— Я организую для вас три отличных сафари², — говорил он. — Мы должны определить время, удобное для нас обоих. Думаю, я встречу вас где-нибудь в Египте, затем с караваном, на верблюдах, мы пройдем через Северную Африку. Это займет два месяца, но путешествие будет великолепным — вы его никогда не забудете. Я поведу вас в такие места, о которых все эти хвастливые гиды и слыхом не слыхивали, — мне в этой стране известен каждый уголок. Потом мы отправимся вглубь страны.

И он продолжал описывать маршруты наших путешествий, преимущественно на воловьих упряжках.

Иногда я высказывала сомнения — смогу ли я выдержать все эти походы. В глубине души мы понимали, что это всего лишь грезы. Думаю, он был одинок. Полковник Дуайер вышел из рядовых, сделал блестящую военную карьеру, постепенно отдалился от жены, которая не желала покидать Англию, единственное, чего она хотела, рассказывал он, это жить в уютном маленьком домике на уютной маленькой улочке. А когда он приезжал домой в отпуск, дети не обращали на него никакого внимания. Его страсть к путешествиям по диким местам они считали глупой блажью.

— В конце концов я послал ей столько денег, сколько она хотела, и детям на образование. Ну а я не могу жить без всего этого — без Африки, без Египта, без Северной Африки, Ирака, Саудовской Аравии. В них — моя жизнь.

Однако, полагаю, одиночество его не тяготило. У него было чувство юмора, и он рассказал мне несколько очень забавных историй о разных местных интригах. В известном смысле, он был весьма светским человеком. Но при этом — набожен, сторонник строгой дисциплины, имел

¹ Килиманджаро — самая высокая в Африке горная вершина на севере Танзании.

² Сафари — охотничьи экспедиции в Восточной Африке.

весьма суровые понятия о том, что хорошо и что плохо. Ему очень подошло бы определение — старый шотландский пуританин.

Наступил ноябрь, погода начала портиться. Не было больше томительных жарких, солнечных дней, иногда даже шли дожди. Я заказала билет домой и с сожалением прощалась с Багдадом — но я не очень грустила, так как уже строила планы возвращения. Супруги Вули намекнули, что были бы рады принять меня на будущий год, а на обратном пути мы могли бы вместе совершить увлекательное путешествие; получила я и другие приглашения.

И вот пришел день, когда я снова погрузилась в шести-колесный автобус, позаботившись на сей раз о том, чтобы сидеть впереди и не опозориться снова. Мы отъехали, но вскоре мне пришлось познакомиться с некоторыми неприятными особенностями пустыни. Прошел дождь, и, как обычно бывает в этой стране, твердая поверхность дороги за пару часов превратилась в трясину. Стоило сделать один шаг — и к ноге прилипал огромный ком грязи, весивший не менее двадцати фунтов. А наш бедный автобус без конца скользил, вилял и в конце концов застрял. Водители выскочили, схватили лопаты, достали доски, подложили их под колеса и начали выкатывать автобус. Минут через сорок, если не через час сделали первую попытку сдвинуться с места. Автобус содрогнулся, приподнялся и опять сел на днище. В конце концов, поскольку дождь усиливался, мы вынуждены были повернуть назад, и я снова приехала в Багдад. На следующий день попытка оказалась более удачной. Пару раз все же пришлось откапываться, но наконец мы миновали Рамади, а когда подъехали к крепости Рутба, перед нами снова была чистая сухая пустыня, вполне подходящая для передвижения.

Глава 3

Один из самых приятных моментов путешествия — возвращение домой. Розалинда, Карло, Москитик и вся ее семья стали мне теперь еще дороже.

На Рождество мы поехали к Москитику в Чешир. Потом вернулись в Лондон — у Розалинды должна была гос-

тить подруга, Пэм Дрюс, с родителями которой мы познакомились на Канарских островах. Мы собирались посмотреть детское рождественское представление, а затем вместе отправиться до конца каникул в Девоншир.

Встретив Пэм, мы чудесно провели вечер, но перед рассветом меня разбудил голос нашей юной гостьи:

— Миссис Кристи, вы не позволите мне лечь с вами? Мне снится что-то странное.

— Ну конечно, Пэм, — ответила я и включила свет. Она нырнула в кровать, улеглась и вздохнула. Я была немного удивлена, потому что Пэм не производила впечатления нервного ребенка. Тем не менее я видела, как она сразу успокоилась, и мы проспали вместе до утра.

Когда утром мне принесли чай и раздвинули шторы, я взглянула на Пэм и опешила. Все ее личико было усыпано красными пятнами. Она заметила мое удивление и сказала:

— Вы на меня так странно смотрите.

— Да, — ответила я, — да.

— Я тоже удивляюсь, — призналась Пэм. — Как я оказалась в вашей постели?

— Ты пришла ко мне ночью и сказала, что тебе приснился дурной сон.

— Да? Я этого совсем не помню. Все не могла понять, как здесь очутилась. — Помолчав, она добавила: — Что-нибудь случилось?

— Да, боюсь, что случилось. Видишь ли, Пэм, думаю, это коревая сыпь. — Я поднесла к ее лицу зеркало.

— О, как странно я выгляжу!

Я не стала спорить.

— И что же теперь будет? — спросила Пэм. — Я не смогу пойти вечером в театр?

— Боюсь, что нет, — ответила я. — Думаю, прежде всего мы должны сообщить твоей маме.

Я позвонила Бид Дрюс, она тут же примчалась, отменив свой предполагавшийся отъезд, и забрала Пэм. Я же посадила Розалинду в машину, и мы отправились в Девоншир пережить десятидневный инкубационный период. Поездка осложнилась тем, что за неделю до того мне сделали прививку, нога все еще болела от укула и жать на педали было неудобно.

По истечении десяти дней случилась первая неприятность: у меня разыгралась дикая головная боль и стала повышаться температура.

— Может, корь будет у тебя, а не у меня? — пред. что-жила Розалинда.

— Чепуха, — ответила я. — Я очень тяжело переболела корью, когда мне было пятнадцать лет.

Но сомнение в душу закралось. Бывает, что корь повторяется, иначе почему бы я так отвратительно себя чувствовала?

Я позвонила сестре, и Москитик, готовая в любой момент лететь на помощь, попросила, чтобы в случае необходимости я дала ей телеграмму — она немедленно примчится и будет ухаживать за мной, или за Розалиндой, или за обеими и вообще делать все, что нужно. На следующий день состояние мое ухудшилось, а Розалинда, похоже, простыла — у нее слезились глаза и текло из носа.

Приехала Москитик, готовая, как всегда, бороться с любыми невзгодами. Естественно, был вызван доктор Карвер. Он сделал заключение, что у Розалинды корь.

— А что с вами? — спросил он. — Вы неважно выглядите.

Я сказала, что ужасно чувствую себя и, кажется, у меня температура. Он задал еще несколько вопросов.

— Значит, вам сделали прививку? И после этого вы вели машину? А укол вам сделали в ногу? Почему не в руку?

— Потому что след от прививки виден, когда надеваешь вечернее платье.

— Ну, вообще-то ничего плохого в том, что укол сделан в ногу, нет. Но сидеть после этого более двухсот миль за рулем неразумно. Давайте посмотрим ногу.

Посмотрел.

— У вас нога страшно распухла, — сказал он. — Разве вы не заметили?

— Я заметила, но думала, это просто воспаление от прививки.

— Воспаление? Это гораздо хуже. Ну-ка померяем температуру.

Померяв, воскликнул:

— Боже праведный, вы знаете, какая у вас температура?

— Вчера было тридцать восемь и три, но я надеялась, что она спадет. Вообще-то я действительно как-то странно себя чувствую.

— Странно! Еще бы вы не чувствовали себя странно! У вас больше тридцати девяти! Лежите спокойно, я должен кое-что уладить.

Вернувшись, он сообщил, что меня немедленно отвезут в частную лечебницу, он сейчас пришлет карету «скорой помощи». Я заявила, что никакой «скорой помощи» не требуется. Почему я не могу ехать просто на машине или в такси?

— Вы поедете так, как я сказал, — ответил доктор Карвер, не очень, впрочем, уверенно. — Но сначала я переговорю с миссис Уоттс.

Вошла Москитик и сказала:

— Я останусь с Розалиндой, пока она не поправится. Доктор Карвер считает, видимо, что твое положение гораздо серьезней. Что произошло? Тебе внесли инфекцию, когда делали прививку?

Москитик укладывала мои вещи, а я лежала в постели и пыталась собраться с мыслями. У меня было отвратительное ощущение, будто я лежу на прилавке рыботорговца, а вокруг меня сплошь — куски дрожащего рыбного филе па льду. В то же время я словно бы заключена в деревянную колоду, которая горит и дымится — положение не из приятных. Изредка с огромным трудом мне удавалось очнуться от этого омерзительного кошмара, твердя себе: «Я всего-навсего Агата, лежу на собственной постели — здесь нет никакой рыбы, никакой рыбной лавки, и я не горящее бревно». Но потом опять соскальзывала на блестящий пергамент и опять видела вокруг себя рыбы головы. Одна была особенно противной. Это была голова, кажется, большого палтуса с выпученными глазами, зияющим ртом, и смотрела она на меня весьма недружелюбно.

Отворилась дверь, и в комнату вошла женщина в форме медсестры — она сопровождала карету «скорой помощи», за ней санитар внес кресло-носилки. Я запротестовала — не желаю, чтобы меня несли на носилках, я прекрасно могу сама спуститься по лестнице и сесть в машину. Медсестра отмела все мои возражения.

— Так распорядился доктор. Ну, дорогая, садитесь, и мы пристегнем вас ремешками, — и они понесли меня вниз по крутой лестнице.

Мне никогда еще не было так страшно. Вес у меня был приличный — под семьдесят килограммов, — а санитар оказался чрезвычайно хлипким молодым человеком. Подхватив с двух сторон, они с медсестрой усадили меня в кресло и начали спускать в холл. Кресло трещало и грозило разлететься вдребезги, а санитар все время оступался и хватался за перила. На середине лестничного марша кресло действительно стало разламываться.

— Боже, боже, сестра, — запыхтел санитар, — оно сейчас развалится на куски!

— Отпустите меня! — завопила я. — Дайте мне самой сойти!

Им пришлось сдаться и отстегнуть ремни. Я ухватилась за перила и героически зашагала вниз, чувствуя себя гораздо спокойнее и еле сдерживаясь, чтобы не обозвать их идиотами.

Вскоре меня доставили в больницу. Миниатюрная рыжая сестричка-практикантка уложила меня в постель. Простыни были прохладными, но недостаточно. Галлюцинации с рыбами на льду повторились, появился еще какой-то мерцающий котел.

— О! — воскликнула сестричка, с интересом разглядывая мою распухшую ногу. — Последний раз, когда у нас здесь была такая нога, на третий день ее пришлось отнять.

К счастью, я была уже в полубредовом состоянии, и ее слова вряд ли дошли до меня: в тот момент мне уже было все равно, даже если бы мне собирались отрезать обе ноги и голову в придачу. Но пока сестричка поправляла постель и заботливо укрывала меня одеялом, в голове моей все же мелькнула мысль, что, вероятно, девушка ошиблась в выборе призвания — не всякий пациент сумеет по достоинству оценить ее своеобразный медицинский такт.

Мне повезло — ногу на третьи сутки не отняли. Четыре-пять дней держалась высокая температура, и я бредила — оказалось, у меня было тяжелое заражение крови, но потом дело пошло на поправку. Однако я-то была уверена, и до сих пор не сомневаюсь, что мне попала ампула с двойной дозой вакцины. Врачи считали причинами заражения то, что мне с детства не делали прививок, и то, что я перенапрягла ногу, ведя машину из Лондона в Девоншир.

Через неделю я более-менее пришла в себя и сразу же позвонила домой узнать, как Розалинда. Ее обсыпало, как Пэм, — типичная коревая сыпь. Розалинде очень нравилось, что за ней ухаживает ее любимая тетя Москитик, почти каждую ночь она звонким своим голоском просила:

— Тетя Москитик! Ты протрешь меня губкой, как вчера? Это так приятно! Ужасно приятно!

В положенный срок я вернулась домой с толстой повязкой на левом бедре, и период нашего общего выздоровления прошел очень весело. Первые две недели после каникул мы все еще держали Розалинду дома, пока силы и

хорошее самочувствие не восстановились полностью. Мне понадобилась для выздоровления еще неделя, после чего я тоже уехала — в Италию. Пребывание в Риме, впрочем, пришлось сократить, так как я хотела поспеть на теплоход, следующий в Бейрут.

Глава 4

На сей раз я добралась до Бейрута на пароходе «Ллойд Триестино», провела там несколько дней, а затем еще раз воспользовалась услугами компании «Наирн», чтобы пересечь пустыню.

Вплоть до Александретты¹ море было беспокойным, и я чувствовала себя неважно. На пароходе находилась еще одна женщина. Эта женщина, Сибилла Бернет, потом сказала мне, что и она плохо переносила качку и что, глядя тогда на меня, подумала: «В жизни не встречала таких неприятных особ!» То же самое подумала о ней тогда и я, сказав себе: «Эта женщина мне не нравится. Мне не нравятся ее шляпа и чулки цвета шампиньонов».

Ужасно, если бы с этим чувством взаимной неприязни нам пришлось вместе пересекать пустыню. Но мы подружались совершенно неожиданно и оставались друзьями многие годы. Сибилла, или как ее обычно называли, Буфф Бернет, была женой сэра Чарлза Бернета, вице-маршала авиации, к нему она и ехала. Это была в высшей степени оригинальная женщина — говорила все, что приходило в голову, обожала путешествовать по новым местам, имела чудесный дом в Алжире, четырех сыновей и двух дочерей от первого брака и отличалась неистребимой жаждой жизни. С нами ехала группа английских дам-католичек, которых везли в Ирак поклониться библейским святыням. Их опекала свирепого вида женщина, некто мисс Уилбрэм. У нее были огромные ноги, обутые в черные туфли без каблуков, и она носила тропический шлем. Когда Сибилла Бернет сказала, что она похожа на жука, я согласилась. Мисс Уилбрэм была из тех женщин, которым почему-то всегда хочется перечить. Сибилла Бернет не сочла нужным сдерживать себя.

¹ Александретта — старинная сирийская гавань, у которой был построен новый порт Искандеру

— В моей группе сорок женщин, — объявила мисс Уилбрэм, — и я могу себя поздравить — все они, кроме одной дамы, истинные с а и б. Это очень важно, не правда ли?

— Неправда, — возразила Сибилла Бернет, — я думаю, ужасно скучно, когда все — с а и б. Лучше бы в группе было побольше разнообразия.

Мисс Уилбрэм пропустила реплику Бернет мимо ушей. Это была ее сильная сторона — она все пропускала мимо ушей.

— Да, — продолжала она, — мне есть с чем себя поздравить.

Мы с Буфф решили попробовать угадать, кто же эта паршивая овца, которая не выдержала испытания на звание истинной саиб.

Помощница и подруга мисс Уилбрэм, мисс Эйми Фергассон, была истовой католичкой, горячо преданной церкви, но еще больше — самой мисс Уилбрэм, которую считала суперженщиной. Единственное, что ее огорчало, — то, что она была неспособна тягаться с мисс Уилбрэм выносливостью.

— Дело в том, — говорила она, — что Мод — потрясающе сильная женщина. Я вполне здорова, но вынуждена признать, что порой устаю. А ведь мне всего шестьдесят пять лет, в то время как Мод почти семьдесят.

— Чудесное создание, — говорила мисс Уилбрэм об Эйми, — очень способная и очень преданная. К сожалению, постоянно чувствует себя усталой — это меня раздражает. Бедняжка, но я ничего не могу с собой поделать. Я сама не устаю никогда.

Мы в этом не сомневались.

По прибытии в Багдад я встретила со многими старыми друзьями, провела там четыре или пять дней, а затем, получив телеграмму от супругов Вули, направилась в Ур.

Мы виделись с ними в Лондоне в июне, когда они приезжали в отпуск и даже жили на Крессуэл-плейс в небольшом «конюшенном» доме, который я незадолго до того купила. Это был замечательный домик, во всяком случае, мне так казалось, перестроенный из бывших конюшен в стиле старинных деревенских особняков. Когда я его купила, внутри еще сохранялись стойла, а вдоль стены тянулись ясли. На первом этаже была также шорная, а между ней и стойлами зажата крохотная спальня. Навверх, в жилые комнаты, вела приставная лестница. Там находились две комнаты, что-то вроде самодельной ванной и еще одна

крохотная комнатка С помощью архитектора, беспрекословно выполнявшего мои распоряжения, я все перестроила В большом нижнем помещении стену напротив входа, где располагались стойла, обшила деревом, а над деревянными панелями, используя модные тогда обои с цветочным рисунком, устроила панно Когда человек входил в этот зал, ему казалось, что он входит в маленький палисадник. Из шорной сделали гараж, а комната между холлом и гаражом стала комнатой для прислуги В ванной наверху стены были облицованы плиткой с великолепными зелеными резвящимися дельфинами, сама ванна была тоже зеленой, из фарфора. Большая комната превратилась в столовую, в ней стоял диван, который можно было использовать как постель. Комната поменьше стала кухней, а другая клетушка — спальней.

Именно там, в этом доме, во время отпуска Вули и предложили мне приехать в Ур за неделю до окончания сезона раскопок, когда они начнут упаковывать вещи Пробыв в Уре неделю, я поеду назад вместе с ними через Сирию в Грецию, в Дельфы¹. План мне очень понравился

Я прибыла в Ур во время песчаной бури. В предыдущий визит мне доводилось видеть песчаные бури, но эта была несравнимо сильнее и длилась почти пять дней. Представить себе не могла, что песок может проникать повсюду Несмотря на закрытые окна и противомоскитный полог, кровать к ночи бывала полна песку. Я стряхивала его на пол, забиралась в постель, а утром, проснувшись, ощущала толстый слой песка на лице, шее — повсюду. Да, эта пытка длилась пять дней. Но мне все равно было там хорошо — у нас оказалась масса времени для интересных бесед, и все относились друг к другу очень доброжелательно.

Отец Берроуз снова был там и архитектор Уитберн — тоже. В этот раз присутствовал и ассистент Леонарда Вули, Макс Мэллоуэн. Он участвовал в экспедициях Вули уже пять лет, но в прошлый мой приезд его не было. Сухощавый темноволосый молодой человек, очень тихий, он мало говорил, но моментально действовал, если от него что-то требовалось.

В этот раз я заметила нечто, ускользнувшее от моего внимания в предыдущий: за столом обычно царило гробовое молчание. Словно все боялись разговаривать. Через пару

¹ Дельфы — древнегреческий город у подножия горы Парнас на юге Греции

дней я начала понимать, в чем дело. Кэтрин Вули была женщиной эмоциональной и потому непредсказуемой — соответственно и атмосфера была то легкой и непринужденной, то страшно напряженной. Я заметила, что все стараются ей услужить, подать молоко для кофе, масло или джем «Почему, интересно, они все так ее боятся?» — подумала я

Однажды утром, когда она была в дурном расположении духа, я услышала, как она произнесла.

— Видимо, никто так и не догадается передать мне соль

Сразу четыре руки поспешно потянулись к солонке, едва не опрокинув ее. Последовала пауза, затем мистер Уитберн, склонившись вперед, предложил ей тост.

— Разве вы не видите, что у меня и так полон рот, мистер Уитберн? — услышал он в ответ и, откинувшись на спинку стула, покраснел от неловкости. Все лихорадочно поглощали тосты, стараясь не смотреть друг на друга. Через некоторое время ей снова предложили тост. Она отказалась.

— Мне хотелось бы, — заявила она, — чтобы Макс у тоже достался хоть один, прежде чем вы все съедите

Я взглянула на Макса. Ему протянули последний тост. Он, не отказываясь, быстро взял его, хоть съел до того уже два. Интересно, почему он промолчал? Это я тоже поняла позднее.

Мистер Уитберн частично посвятил меня в эту тайну

— Видите ли, она всегда выбирает себе любимчиков

— Миссис Вули?

— Да. Они у нее меняются — то один, то другой, но в зависимости от этого либо все, что вы делаете, — плохо, либо все — хорошо. Я сейчас — один из изгоев

Не было сомнения, что Макс Мэллоуэн, напротив, был из тех, кто «все делает хорошо». Быть может, потому, что он пропустил предыдущий сезон и оказался как бы на новенького, но скорее потому, что за пять лет совместной работы понял, как надо вести себя с супругами Вули. Он знал, когда промолчать, а когда высказаться.

Скоро я убедилась, что он мастер находить с людьми общий язык. Он прекрасно ладил и с рабочими, и — что гораздо труднее — с Кэтрин Вули.

— Конечно, — сказала мне Кэтрин, — Макс — идеальный помощник. Не знаю, что бы мы делали без него все эти годы. Уверена, он вам очень понравится. Я пошла его с вами в Наджаф и Кербелу. Наджаф — священный мусульманский город мертвых, а в Кербеле есть чудес-

ная мечеть. Когда мы подем в Багдад, он вас туда свозит. А по дороге вы осмотрите Ниппур¹.

— О, — возразила я, — но, может быть, он тоже захочет поехать в Багдад? У него, наверное, там есть друзья, с которыми ему приятно повидаться перед отъездом домой.

Я испытывала неловкость при мысли, что молодому человеку придется сопровождать меня, вместо того чтобы свободно вздохнуть и развлечься в Багдаде после напряженного трехмесячного сезона раскопок.

— Нет-нет, — твердо сказала Кэтрин, — Макс будет в восторге.

Я опасалась, что Макс будет далеко не в восторге, хотя виду, конечно, не подаст, и была смущена. Уитберна я считала своим другом, поскольку познакомилась с ним еще в предыдущий приезд, и решила посоветоваться с ним.

— Не думаете ли вы, что это бесцеремонно? Мне бы не хотелось оказаться бестактной. Может быть, сказать, что я не хочу ехать в Наджаф и Кербелу?

— Нет, думаю, вам стоит там побывать, — ответил Уитберн. — Не переживайте. Макс не станет возражать. А кроме того, если Кэтрин что-то вбила себе в голову, так оно и будет, вы же знаете.

Я знала и искренне восхищалась. Как чудесно быть женщиной, которой покоряются все, стоит лишь ей чего-то захотеть, причем покоряются не нехотя, не из-под палки, а естественно, словно так и должно быть.

Помню, спустя много месяцев в разговоре с Кэтрин я с восторгом отозвалась о ее муже Лене:

— Удивительно, он начисто лишен эгоизма. Как он встает среди ночи и готовит вам «Бенджерз фуд» или горячий суп! Не многие мужья способны на это.

— В самом деле? — изумилась Кэтрин. — А Лен считает, что это его привилегия.

Он и вправду так считал. Вообще, делая что-то для Кэтрин, каждый был уверен (по крайней мере, в тот момент), что ему оказана честь. Когда по возвращении домой до вас доходит, что вы лишились двух только что купленных книг, которые мечтали прочесть, и лишились потому лишь, что Кэтрин, вздохнув, пожаловалась, что ей нечего читать, и

¹ Ниппур — древний шумерский город на территории современного Ирака. При раскопках Ниппура обнаружены постройки третьего тысячелетия до н. э., клинописные таблички и т. п.

вы тут же с радостью сами ей их отдали, — тогда только вы осознаете, насколько она замечательная женщина!

Редко кому удавалось не идти у нее на поводу. Я помню только одного такого человека — Фрею Старк. Как-то Кэтрин захворала, и ей все время нужно было что-то подавать, что-то для нее делать. Фрея Старк, гостившая тогда у нее, вполне дружелюбно, но твердо сказала:

— Я очень вам сочувствую, дорогая, но совершенно не умею обращаться с больными, поэтому вам же будет лучше, если я уеду на денек.

И уехала. Что удивительно — Кэтрин вовсе не рассердилась; она лишь отметила, что у Фреи очень сильный характер. С этим было невозможно спорить — та его продемонстрировала.

Возвращаясь к Максусу. Похоже, все сочли вполне естественным, что молодой человек, изнуренный тяжелыми раскопками, дождавшийся наконец отпуска и мечтавший приятно провести время, жертвует всем и везет совершенно незнакомую женщину, много старше его, бог знает куда осматривать древности. Похоже, и сам Макс счел это в порядке вещей. Но вид у него был весьма угрюмый, и я немного нервничала. Не зная, как оправдаться, начала мямлить, что не сама придумала эту поездку, но Макс невозмутимо ответил, что ему это совсем не в тягость: домой он возвращается не сразу — сначала поедет с супругами Вули, потом — поскольку в Дельфах он уже бывал — расстанется с ними и отправится посмотреть некоторые менее известные греческие достопримечательности, к тому же он сам всегда рад поездке в Ниппур, это удивительно интересное место. Да и Наджаф с Кербелой лишний раз посмотреть не мешает.

Итак, мы отправились в путь. В Ниппуре мне очень понравилось, хоть устала я невероятно. Часа четыре мы ехали по пустыне безо всякой дороги, а потом пешком обошли несколько акров раскопок. Думаю, не будь рядом со мной знающего человека, все это не показалось бы мне столь интересным. Благодаря же пояснениям Макса я еще больше влюбилась в археологию.

Наконец, часов в семь вечера, мы прибыли в Диуанию, где нам предстояло переночевать у Дичбернов. Я едва стояла на ногах и мечтала только об одном — поспать, но все же — сама не знаю как — нашла в себе силы вычесать песок из волос, смыть его с лица, припудрить нос и с трудом облачиться в некое подобие вечернего платья.

Миссис Дичберн обожала развлекать гостей и очень любила поговорить — ее бодрый звонкий голос не умолкал. Меня познакомили с ее мужем и усадили рядом с ним. Он оказался человеком тихим, чего и следовало ожидать, и мы довольно долго сидели в полном молчании. Я попыталась начать разговор, поделиться впечатлениями от Ниппура, но он на них никак не отреагировал. По другую руку от меня сидел американский миссионер, тоже весьма неразговорчивый. Боковым зрением я заметила, что руки его все время двигаются под столом: он постепенно рвал на клочки свой носовой платок. Меня это насторожило: с чего это он так нервничает? Сидевшая напротив его жена тоже казалась чрезвычайно взволнованной.

Странный это был вечер. Миссис Дичберн в пароксизме¹ светскости непрерывно болтала со своими соседями, обращалась через стол ко мне, к Максу. Макс весьма прилежно поддерживал беседу. У четы миссионеров языки словно к небу прилипли, жена с каким-то отчаянием следила за мужем, а он продолжал рвать свой платок на все более мелкие кусочки.

В полусонном оцепенении мне пришла в голову прехвосходная идея для детективного романа. Миссионер от первого напряжения медленно сходит с ума. А отчего напряжение? Отчего-нибудь, не важно, придумаем. И повсюду, где он бывает, остаются улики в виде клочков носового платка. Улики, носовые платки, клочки — комната закружилась у меня перед глазами, и я чуть было не упала со стула, задремав.

В этот момент хриплый голос рявкнул мне в левое ухо.

— Все археологи — лжецы.

Тон мистера Дичберна был довольно агрессивным. Я даже проснулась. Не зная, что ответить на это весьма обидное для археологов заявление, я лишь мягко спросила:

— Почему вы считаете их лжецами? В чем они лгут?

— Во всем, — мрачно заявил мистер Дичберн. — Во всем Они утверждают, что знают дату того или иного события — это, мол, случилось семь тысяч лет назад, а это — три тысячи лет назад, и правил якобы тогда такой-то король, а такой-то правил после него. Лжецы! Все лжецы! Все до одного!

— Не может такого быть, — решительно возразила я.

¹ Пароксизм — внезапный приступ болезни, припадок, бурные эмоции

— Не может?! — Мистер Дичберн сардонически захохотал и снова погрузился в молчание.

Я несколько раз пыталась заговорить с моим соседом-миссионером, но безо всякого успеха. Мистер Дичберн еще раз нарушил молчание, и по следующему высказыванию я сразу догадалась, откуда у него такая ненависть к археологам:

— Опять придется уступать свою комнату очередному археологу.

— О, — смущенно сказала я, — простите. Я не знала

— Каждый раз одно и то же, — продолжал мистер Дичберн. — Она всегда мне это устраивает — я имею в виду свою жену. Всегда приглашает кого-нибудь. Нет, вас это не касается, вы будете ночевать в комнате для гостей. У нас их целых три. Но Элли умудряется забить гостями все три и выставить меня из моей. Как я все это терплю — сам не знаю!

Я выразила ему свое сочувствие. Большой неловкости я никогда еще не испытывала, но сейчас все мои силы уходили на то, чтобы не заснуть за столом. Мне это едва удавалось.

После обеда я слезно выпросила разрешения пойти спать. Миссис Дичберн явно была разочарована, так как рассчитывала составить чудесную партию в бридж. Но к тому времени глаза у меня совсем слиплись, и сил хватило лишь на то, чтобы на заплетающихся ногах взобраться по лестнице, скинуть платье и рухнуть в постель.

На следующее утро, в пять часов, мы снова пустились в дорогу. Путешествие по Ираку было прологом к моей дальнейшей поистине кочевой жизни. Мы посетили Наджаф — замечательное место: некрополь, город мертвых, по которому, словно тени, скользили, громко стеля, женщины-мусульманки в черных одеждах с черными покрывалами на головах.

Здесь было гнездо религиозных фанатиков, попасть сюда было не так-то просто. Следовало заранее поставить в известность полицию, чтобы та была начеку на случай экстремистских выходов.

Из Наджафа наш путь лежал в Кербелу, к прелестной мечети с бирюзово-золотым куполом. Первая мечеть, которую я видела вблизи. Ночь мы провели в полицейском участке. Тюк с постельными принадлежностями, которыми снабдила меня Кэтрин, так и остался неразвязанным, а прилечь мне удалось в одной из камер-клетушек. Макс, сказав, что-

бы в случае необходимости я его позвала, отправился ночевать в другую камеру. В дни моей викторианской юности я даже в страшном сне не могла помыслить о том, что смогу разбудить едва знакомого молодого человека и попросить его проводить меня в туалет! Между тем именно это я и сделала в ту ночь: разбудила Макса, он вызвал полицейского, полицейский взял фонарь, и мы втроем совершили путешествие по длинному коридору до смердящей комнаты, где прямо в полу зияло черное отверстие. Макс с полицейским, повернувшись спиной, вежливо ждали снаружи, держа за спинами фонарь, чтобы осветить эту конуру.

Накануне вечером мы обедали в саду полицейского участка при свете луны под монотонное, но довольно музыкальное кваканье лягушек. С тех пор, слыша лягушачий концерт, я всегда вспоминаю Кербелу и тот вечер. Полицейский обедал вместе с нами. Время от времени он старательно произносил несколько слов по-английски, но в основном говорил с Максом по-арабски, а Макс иногда переводил мне то, что касалось меня. После одной из долгих пауз, которые являются непременным атрибутом восточного ритуала беседы и всегда соответствуют царящему во время нее настроению, наш товарищ по застолью внезапно нарушил молчание.

— «Здравствуй, дух веселый! Взвившись в высоту ..»¹ — продекламировал он.

Я взглянула на него в изумлении. Он дочитал стихотворение до конца.

— Я выучил, — сказал он, кивая головой. — Очень хорошо, по-английски.

Я согласилась, что стихотворение чудесное. Что еще я могла сказать. Никогда не могла бы представить, что в роскошном восточном саду услышу, как однажды вечером иракский полицейский читает «Жаворонка» Шелли.

На следующее утро, после раннего завтрака я увидела садовника, приближающегося с букетом только что срезанных роз, и приготовилась одарить его любезной улыбкой. Но, приведя меня в немалое замешательство, садовник прошел мимо, даже не взглянув в мою сторону, и с глубоким поклоном преподнес букет Максусу. Макс рассме-

¹ Начальные строки стихотворения «Жаворонок» английского поэта-романтика Перси Биши Шелли (1792—1822) Перевод В. Лесика

ялся и напомнил мне, что это Восток и здесь подношения принято делать мужчинам, а не женщинам.

Мы погрузили свои пожитки, постельные принадлежности, свежий хлеб и розы в машину и снова двинулись в путь. Чтобы по дороге в Багдад осмотреть арабский город Ухадир, нам предстояло сделать крюк: город находился в стороне, посреди пустыни. Пейзаж был однообразным, и, дабы убить время, мы пели. Репертуар состоял из песен, которые знали оба. Начали с «Брата Жака», потом вспомнили другие баллады и шуточные куплеты. Осмотрев Ухадир, прекрасный в своей изолированности, часа через два пути мы выехали к раскинувшемуся среди песков озеру с прозрачной, голубой, искрящейся на солнце водой. Стояла невыносимая жара, и мне страшно хотелось искупаться.

— Действительно хотите? — спросил Макс. — Ну так купайтесь.

— Можно? — Я задумчиво оглядела тюк с постельными принадлежностями и свой маленький чемоданчик. — Но у меня нет купального костюма...

— Ну, что-нибудь более-менее подходящее найдется? — деликатно спросил Макс.

Поразмыслив, я надела розовую шелковую сорочку, две пары панталон — и была готова. Шофер — сама вежливость и деликатность, что вообще свойственно арабам, — отошел подальше. Макс, в шортах и нательной фуфайке, присоединился ко мне, и мы окунулись в голубую воду.

Какое это было блаженство! Мир казался прекрасным, по крайней мере, до того момента, когда мы попытались продолжить свой путь. Наш автомобиль засосало в песок, и его никак не удавалось сдвинуть с места — так я узнала еще кое-что о превратностях путешествий по пустыне. Макс с шофером, достав лопаты, проволочные сетки и прочие приспособления, старались освободить машину из песчаного плена — увы, безрезультатно. Час проходил за часом. Невыносимая жара не спадала. Я легла в тени машины, если это можно назвать тенью, и уснула.

Позднее Макс говорил — уж не знаю, так ли было на самом деле, — будто именно тогда решил, что я могла бы стать для него идеальной женой. «Никакой суетливости, — вспоминал он. — Ты не жаловалась, не говорила, что это я виноват, не причитала: «Ох, и зачем только мы остановились!» Казалось, тебе все равно, поедем мы дальше или нет. Именно тогда я начал восхищаться тобой».

С тех пор как я это от него услышала, я всегда старалась соответствовать его столь лестному представлению обо мне. Я действительно умею принимать жизнь такой, какова она есть, не впадать в истерику, а также очень полезное умение — засыпать в любой момент в любом месте.

Мы застряли вдали от караванных путей, и вероятность того, что ни грузовик, ни другое средство передвижения не наткнутся на нас много дней, а то и недель, была очень велика. Нас сопровождал охранник из Верблюжьего корпуса, который в конце концов решил идти пешком и привести кого-нибудь на подмогу, как он надеялся, не позже чем через сутки, самое большее — через двое. Он отбыл, оставив нам весь свой запас воды. «Солдаты Верблюжьего корпуса пустыни, — гордо заявил он, — умеют обходиться без воды, если нужно», — и зашагал прочь, а я посмотрела ему вслед с каким-то дурным предчувствием. Это, несомненно, было замечательное приключение, но я молила Бога, чтобы оно не оказалось роковым. Воды у нас осталось в обрез, и, как только я об этом подумала, мне тут же захотелось пить. К счастью, нам повезло — случилось чудо примерно через час из-за горизонта показался «форд» с четырнадцатью пассажирами. Наш доблестный друг из Верблюжьего корпуса сидел в кабине рядом с шофером и радостно махал нам невероятных размеров винтовкой.

По пути в Багдад мы останавливались у заброшенных раскопок, обходили их и подбирали черепки глиняной посуды. Мне особенно нравились те, что были покрыты глазурью. Цвета росписи сохранились великолепно — зеленый, бирюзовый, синий, золотистый... Все это принадлежало гораздо более поздним эпохам, чем те, которые интересовали Макса, но он любезно помог набрать целый мешок.

Вернувшись в Багдадский отель, я расстелила на полу свой макинтош, вымыла черепки и сложила из них некий радужный цветовой узор. Макс, великодушно потворствуя моему увлечению, присовокупил свой макинтош и добавил четыре явно недостававших фрагмента. Я поймала на себе его взгляд — добрый и снисходительный взгляд ученого, наблюдающего за взбалмошным, но симпатичным ребенком. Думаю, этот взгляд вполне отражал его тогдашнее отношение ко мне. Я всегда обожала ракушки, разноцветные камешки — все те сокровища, что так любят собирать дети. Яркое птичье перышко, пестрый листок — иногда я чувствую, что это и есть истинные драгоценнос-

ти, они приносят несравнимо больше радости, чем топазы, изумруды и дорогие безделушки Фаберже¹.

Кэтрин и Лен Вули уже прибыли в Багдад и были жутко рассержены тем, что мы посмели на сутки задержаться — из-за посещения Ухадира. С меня вину сняли, поскольку я была лишь вещью, которая не ведала, куда ее везут.

— Но Макс! Макс должен был подумать о том, что мы будем беспокоиться, — сказала Кэтрин. — Мы могли выслать с вами поисковую группу или сделать еще какую-нибудь глупость.

Макс терпеливо повторял извинения — ему в голову не пришло, что они будут тревожиться.

Через пару дней мы отправились на поезде в Киркук и Мосул — это был первый этап нашего возвращения домой. Мой друг, полковник Дуайер, прибыл на Северный вокзал проводить нас.

— Вам придется за себя постоять, знаете ли, — доверительно сказал он мне.

— Постоять за себя? Что вы имеете в виду?

— Я имею в виду Ее Светлость, вон ту. — Он кивнул в сторону Кэтрин Вули, беседовавшей с приятельницей.

— Но она очень добра ко мне.

— О да, вижу, что и вы во власти ее обаяния. Мы все испытываем на себе эту власть время от времени. Признаться по чести, я и сейчас от нее не совсем свободен. Эта женщина в любое время может заставить меня делать все, что пожелает, но вы, повторяю, должны за себя постоять. Силой воли она даже птиц может вынудить сорваться с дерева, да так, что те и не заподозрят, что ими кто-то управляет.

Паровоз издал леденящий кровь воющий звук, весьма характерный, как я вскоре узнала, для иракских железных дорог. Этот зловещий звук напоминал душераздирающий вопль женщины, оплакивающей смерть страстного любовника. На самом деле ничего романтического в нем не было — просто поезд собирался трогаться. Мы поднялись в вагон — Кэтрин и я ехали в одном купе, Макс с Леном — в другом, — и путешествие началось.

В Киркук прибыли на следующее утро, позавтракали в дорожной гостинице и на машине отправились в Мосул.

¹ Фаберже — прославленная ювелирная фирма в России середины XIX — начала XX веков, изготавливавшая украшения, сервизы, пасхальные яйца, часы и т. п. Названа по имени основателя Густава Фаберже

Тогда поездка занимала шесть — восемь часов по ухабистой дороге и включала переправу через Малый и Большой Забы на пароме. Паром был столь примитивен, что на нем пассажир чувствовал себя прямо-таки библейским персонажем.

В Мосуле мы тоже обосновались в дорожной гостинице, при которой был чудесный сад. Впоследствии Мосул на долгие годы стал главным городом моей жизни, но в тот раз он не произвел на меня впечатления, вероятно, потому, что я мало его видела.

Здесь я познакомилась с будущими своими друзьями — доктором и миссис Маклеод, у них была больница в Мосуле, они оба были врачами. Пегги Маклеод ассистировала мужу, Питеру, на операциях в тех случаях, когда оперировали женщин. По мусульманским обычаям, посторонний мужчина, пусть даже врач, не имеет права прикасаться к женщине, так что приходилось соблюдать декорум. Кажется, в операционной устанавливалась ширма. Доктор Маклеод стоял за ней, его жена — у операционного стола. Он руководил ее действиями, а она детально описывала ему состояние органов, открывающееся во время операции.

После двух или трех дней пребывания в Мосуле началось собственно путешествие. Первую ночь мы провели в гостинице в Тель-Афаре, что в двух часах езды от Мосула, а наутро в пять часов снова двинулись в путь. Осмотрев кое-какие примечательные места по берегу Евфрата, мы взяли курс на север в надежде отыскать старого друга Лена — Басрауи, шейха одного из тамошних племен. Пересекая множество вади — русл высохших рек, сбиваясь с пути и вновь находя дорогу, к вечеру мы наконец нашли племя, которое искали, и были приняты с щедрым гостеприимством. Нам закатали великолепный пир, а потом проводили на покой. В доме-развалюхе две комнаты, в каждой из которых в углах по диагонали стояли две железные кровати. И тут возникла проблема. Одна из кроватей, в глубине первой комнаты, была якобы абсолютно надежно защищена, — считалось, что ни одна капля воды не упадет на нее в случае дождя. Но когда ночью пошел дождь, нам представилась возможность убедиться, что это бессовестное преувеличение. Другая кровать стояла на сквозняке, кроме того, в дождь ее просто заливало. Мы осмотрели вторую комнату. Здесь потолок тоже внушал большие опасения, сама комната была меньше, кровати уже, а сверх того, в ней было темнее и почти нечем было дышать.

— Кэтрин, думаю, вам с Агатой лучше занять меньшую комнату с двумя сухими постелями, а мы с Максом пойдем в большую, — сказал Лен.

— А я думаю, — возразила Кэтрин, — что мне необходимо спать в большей комнате на хорошей кровати. Я глаз не сомкну, если на лицо будет капать. — Она решительно направилась в чудный сухой угол и положила на кровать свои вещи.

— Чтобы избежать неприятных ощущений, я могу немного сдвинуть свою кровать к центру, — предложила я.

— Не понимаю, почему Агата должна спать на этой плохой кровати под протекающим потолком, — заявила Кэтрин. — На ней может спать кто-нибудь из мужчин. Один пусть ложится здесь, другой — в комнате с Агатой.

Предложение было принято, и Кэтрин, оценивающим взглядом окинув обоих мужчин, словно решая, который из них будет ей полезнее, милостиво пожаловала этой честью любящего Лена, а Макса сослала в меньшую комнату. Похоже, эти перемещения позабавили лишь нашего веселого хозяина — он отпустил по этому поводу несколько непристойных шуточек по-арабски и добавил:

— Как угодно, устраивайтесь и делитесь между собой как хотите. Мужчины в любом случае внакладе не останутся, они будут довольны.

Однако утром выяснилось, что и делить, в сущности, было нечего... Я проснулась в шесть часов оттого, что дождь лил прямо на меня. Макс оказался жертвой наводнения в другом углу. Он вытащил мою кровать из-под льющей струи и свою вытолкнул из угла. Кэтрин досталось не меньше нашего: над ней тоже текло. Мы поели и отправились с Басрауи осматривать его владения, а потом двинулись дальше. Погода была отвратительной, некоторые пересохшие русла, вади, стали снова наполняться водой, и их трудно было преодолевать.

Наконец, мокрые и измученные, мы приехали в Алеппо и устроились в относительной роскоши отеля «Барон», где нас приветствовал сын хозяина Коко Барон — человек с большой круглой головой, желтоватым лицом и печальными темными глазами.

Единственное, о чем я мечтала, была горячая ванна. Ванная в отеле оказалась полоевропейского-полувожосточно-го типа. Мне удалось на этот раз найти горячую воду, но она, как обычно, вырвалась из крана вместе с клубами пара, напугав меня до смерти. Я попыталась закрыть кран — не

сумела и стала звать на помощь Макса. Тог явился, усмирил воду и велел мне вернуться в комнату, он позовет меня, когда все будет готово. Я вернулась и стала ждать. Ждала долго, Макс все не шел. Наконец, зажав под мышкой губку, в халате я решительно направилась в ванную сама. Дверь оказалась запертой. В этот момент появился Макс

— Ну, что же с моей ванной? — поинтересовалась я.

— О, там Кэтрин Вули, — ответил он.

— Кэтрин?! И вы позволили ей захватить ванну, которую приготовили для меня?

— Да, — ответил он и пояснил: — Ей так захотелось.

Макс строго посмотрел мне прямо в глаза, давая понять, что я покушаюсь на некий незыблемый закон.

Я тем не менее заявила:

— Считаю, что это очень несправедливо. Это была моя ванна, я ее для себя наливала.

— Да, — согласился Макс, — я знаю. Но Кэтрин тоже захотелось искупаться.

Я вернулась к себе и задумалась над советом полковника Дуайера.

На следующий день мне снова представился случай вспомнить о нем. У Кэтрин было что-то не в порядке с настольной лампой. Неважно себя чувствуя, страдая от головной боли, Кэтрин в тот день осталась в постели. На сей раз по собственному почину я предложила ей свою лампу, принесла, поставила на столик у кровати и ушла. Похоже, в отеле ламп не хватало, поэтому мне самой пришлось читать при свете единственной тусклой лампочки, висевшей высоко под потолком. Легкую обиду я ощутила лишь на следующий день, и было отчего... Кэтрин решила перейти в другой номер, куда меньше доносился шум с улицы. В новом номере с лампой все было в порядке, но мою она даже не подумала вернуть, так что теперь я окончательно осталась без лампы: в ее бывшем номере уже поселился кто-то другой. Что поделасшь — Кэтрин есть Кэтрин. Однако я решила впредь не забывать и о свои интересах.

Еще через день, хоть температуры у нее явно не было, Кэтрин объявила, что чувствует себя хуже. Она никого не хотела видеть.

— Оставьте меня в покое, — стенала она. — Уходите, это невыносимо: целый день кто-то входит, выходит, спрашивает, не нужно ли мне чего, — ни минуты покоя. Если бы мне дали полежать в тишине и никто ко мне не заходил, мне бы уже к вечеру стало лучше.

Я прекрасно понимала ее, потому что сама чувствовала то же самое, когда болела: мне тоже хотелось, чтобы меня оставили одну. Так собака заползает в укромный уголок, где ее никто не достанет, и лежит там, пока не случится чудо и она не выздоровеет.

— Я не знаю, что мне делать, — беспомощно разводил руками Лен. — Действительно не знаю.

— Послушайте, — попыталась утешить я его, потому что он был мне очень симпатичен. — Ей виднее, что для нее лучше. Она хочет побыть одна — я бы оставила ее в покое до вечера, а вечером посмотрим.

Так и порешили. Мы с Максом отправились осматривать замок крестоносцев в Калаат Симане, а Лен остался в отеле, чтобы быть под рукой, если Кэтрин что-нибудь понадобится.

У нас с Максом было чудесное настроение. Погода исправилась, и поездка удалась на славу. Дорога пролегла через холмы, поросшие кустарником и красными анемонами¹, тут и там попадались овечьи отары, а выше стали появляться черные козы с козлятами. В Калаат Симане мы устроили пикник. Там, во время нашего привала, Макс немного рассказал о себе, о своей жизни, о том, как ему повезло, что Леонард Вули взял его к себе в экспедицию сразу после университета. Мы пособирали черепки и, когда солнце стало садиться, двинулись в обратный путь.

В отеле нас ждала неприятность: Кэтрин была в ярости из-за того, что мы уехали и «бросили» ее.

— Но вы же сами сказали, что хотите побыть одна, — напомнила я.

— Мало ли что говорит человек, когда ему плохо. Кто бы мог подумать, что вы с Максом окажетесь такими бессердечными! Ну, вы-то, быть может, и не так уж виноваты, вы многого не понимаете, но Макс — Макс, который так хорошо меня знает, который знает, что мне может что-нибудь понадобиться, — как мог он вот так взять и уехать?! — Она закрыла глаза и добавила: — А теперь лучше уходите.

— Не нужно ли чего-нибудь принести или посидеть с вами?

— Нет, мне от вас ничего не нужно. Как горько! А Лен и вовсе повел себя позорно.

— Что же он сделал? — с некоторым любопытством спросила я.

— Он оставил меня здесь без какого бы то ни было питья — ни капли воды или лимонада, совсем ничего. Так я и лежала здесь, беспомощная, умирающая от жажды.

¹ Анемоны — многолетние растения из семейства лютиковых с цветами в форме чашечек — белого, красного и фиолетового цветов.

— Но разве нельзя было позвонить и попросить принести воды? — спросила я.

Этого делать не следовало. Кэтрин бросила на меня испепеляющий взгляд:

— Вижу, вы не понимаете самого главного: Лен оказался таким безжалостным! Конечно, если бы здесь была женщина, все было бы по-другому. Она бы обо всем подумала.

Утром мы боялись подойти к Кэтрин, но она успела сменить гнев на милость: обворожительно улыбалась, была рада нас видеть, благодарна за все, что мы для нее сделали, любезна, хоть и чуточку снисходительна, и щебетала как ни в чем не бывало.

Она действительно была незаурядной женщиной. С годами я научилась немного лучше понимать ее, но все равно никогда не умела предугадывать заранее перемены в ее настроении. Из нее, думаю, вышла бы великая актриса — оперная или драматическая, — умение моментально переходить из одного состояния в другое очень пригодилось бы. Впрочем, искусству она не была чужда: скульптурный портрет королевы племени шабад ее работы со знаменитым золотым ожерельем и головным убором даже экспонировался на выставках.

Она прекрасно вылепила голову Гамуди, самого Леонарда Вули, прелестную головку мальчика... Но Кэтрин — парадоксально! — никогда не верила в себя, вечно призывала кого-нибудь на помощь и следовала всяческим советам.

Что бы ни делал Леонард, все было не так, хоть он и выполнял малейшие ее капризы. Думаю, она немного презирала его за это, как и любая женщина на ее месте. Женщины не любят бесхарактерных мужчин. А Лен, умевший быть непререкаемым диктатором на раскопках, в ее руках превращался в глину.

В одно воскресное утро перед отъездом из Алеппо Макс устроил мне экскурсию по молельным местам разных конфессий. Такая экскурсия требовала большого напряжения.

Мы побывали у маронитов¹, сирийских католиков, православных греков, несторианцев², доминиканцев³ и у

¹ Марониты — приверженцы особой христианской церкви, возникшей в VII веке в Сирии и названной по имени ее основателя Марона.

² Несторианцы — течение в христианстве, основанное константинопольским патриархом Несторием в V веке и осужденное как ересь за отказ от признания Богом младенца Иисуса Христа.

³ Доминиканцы — члены нищенствующего католического ордена, основанного в 1215 году испанским монахом Домиником.

кого-то еще, уже не помню. Служителей одной из этих религий я назвала «луковыми священниками», поскольку они носили маленькие круглые шапочки, формой напоминавшие луковицу. Больше всего напугали меня православные греки, так как в их храме я была решительно отсечена от Макса и препровождена вместе с другими женщинами на противоположный конец. Там нас согнали во что-то вроде стойла, и, протянув веревку, прижали к стене. Служба была восхитительно таинственной и проходила преимущественно в глубине алтаря за занавесом, или покровом, из-за которого доносился звучный, богатый распев и вырывались клубы курящегося ладана. Через положенные промежутки времени мы все били земные поклоны. Вскоре, однако, Макс истребовал меня обратно.

Оглядываясь на свою жизнь, я вижу, что живее и ярче всего в памяти сохранились места, где я побывала. Внезапное радостное волнение пронизывает меня при воспоминании о дереве, холме, белом домике, спрятавшемся где-то вдаль у ручейка, абрисе¹ горы... Иногда приходится напрягать память, чтобы вспомнить, где и когда. Но вот перед глазами ясно всплывает картинка — и я уже знаю.

На лица у меня никогда памяти не было. Мне дороги мои друзья, но люди, с которыми я просто встречалась однажды, почти тут же исчезают из головы. Обо мне скорее можно сказать: «Она никогда не запоминает лиц», чем: «Она никогда не забывает лиц». Но места навсегда запечатлеваются в моем мозгу. Порой, возвращаясь куда-нибудь через пять-шесть лет, я прекрасно, до мелочей, вспоминаю дорогу, даже если до того побывала там всего лишь раз.

Не знаю, почему у меня такая хорошая память на места и такая слабая на людей. БЫть может, от дальновзоркости. Я всегда страдала дальновзоркостью, поэтому людей, с которыми, как правило, общаешься вблизи, видела только в общих чертах, в то время как места — в мельчайших подробностях, поскольку их я рассматривала издали.

¹ Абрис — очертание предмета.

Мне вполне может не понравиться какое-то место только потому, что очертания холмов кажутся неправильными, — очень, очень важно, чтобы холмы имели нужную форму. На Сицилии большинство холмов неправильные, поэтому я не люблю Сицилию. На Корсике холмы восхитительные и в Уэльсе очень красивые. В Швейцарии холмы и горы слишком близко подступают к человеку. Горы, покрытые снегом, невероятно скучны, их оживляет лишь игра света и тени. Осматривать «виды» тоже скучно. Карбакаешься на вершину по горной тропе — и на тебе! Перед тобой действительно открывается панорама, вполне живописная. Больше ничего. Ну, увидел ты ее, ну, сказал: «Грандиозно!» — и что дальше? Панорама расстилается под тобой, ты ее уже покоришь.

Глава 5

Из Алеппо мы отправились в Грецию на пароходе, по пути останавливаясь в разных портах. Лучше всего помню, как мы с Максом сошли на берег в Мерсине¹ и провели счастливый день на пляже, купаясь в великолепном, теплом море. Он собрал тогда для меня огромный букет желтых ноготков. Я сплела из них венок, он надел его мне на шею, и мы устроили пикник среди необозримого желтого моря цветов.

Я предвкушала поездку в Дельфы в обществе Вули, рассказывавших об этом городе с таким поэтическим восторгом! Они настояли, чтобы там я считалась их гостьей — чрезвычайно любезно с их стороны. По прибытии в Афины я была счастлива и полна ожидания.

Но беда всегда приходит негаданно. Как сейчас помню: я у стойки администратора, получаю свою накопившуюся корреспонденцию, сверху — стопка телеграмм. Как только я их увидела, мучительная тревога охватила меня: семь телеграмм — это наверняка дурные вести. Я вскрыла первую — она оказалась последней по времени. Я сложила их по порядку. В первой сообщалось, что у Розалинды тяжелая пневмония. Моя сестра решила забрать ее из школы и отвезти к себе в Чешир. В следующих меня ставили в известность, что положение серьезное. В последней, которую я вскрыла первой, было написано, что состояние Розалинды несколько улучшилось.

¹ Мерсина — город на юге Турции, порт на Средиземном море.

Теперь, конечно, можно попасть домой менее чем за двенадцать часов, поскольку из Пирея¹ ежедневно летает самолет, но тогда, в 1930 году, таких средств сообщения не было. При условии, что удастся достать билет на ближайший Восточный экспресс, я могла оказаться в Лондоне не раньше чем через четыре дня.

Мои друзья горячо откликнулись на мою беду. Лен, отложив все дела, отправился в транспортное агентство, чтобы забронировать место на ближайший поезд. Кэтрин искренне старалась утешить меня, Макс был молчалив, по обыкновению, но поехал вместе с Леном за билетом.

В оцепенении бредя по улице, я неосторожно попала ногой в одну из квадратных ям, приготовленных для высадки деревьев, — такие ямы вечно зияют на афинских улицах — и растянула связки. Ходить после этого мне стало трудно. Сидя в отеле и выслушивая сочувственные речи Лена и Кэтрин, я удивлялась — где же Макс? Наконец он явился и принес два плотных и один эластичный бинт. Затем спокойно сказал, что будет сопровождать меня домой, потому что с больной ногой мне будет сложно добраться.

— Но вы же собирались побывать еще где-то в Греции! — воскликнула я. — Разве вам не нужно там с кем-то встретиться?

— Я изменил свои планы, — ответил он. — Пожалуй, мне лучше вернуться домой, поэтому я могу ехать вместе с вами. Буду водить вас в вагон-ресторан или приносить еду в купе и делать все, что нужно.

Это казалось чересчур прекрасным, чтобы быть правдой. Я подумала тогда — и с тех пор всегда так считала, — что Макс замечательный человек. Он молчалив, скуп на выражение сочувствия, но делает то, что нужно, что нужно именно вам, и это помогает лучше всяких слов. Макс не горевал вместе со мной по поводу Розалиндиной болезни, не убеждал, что моя дочь скоро поправится, не призывал не волноваться. Он просто понимал, что у меня большая беда. Тогда еще не было сульфамидов, и пневмония представляла реальную опасность.

Мы с Максом отбыли следующим вечером. В пути он много рассказывал мне о своей семье: о братьях, о матери-француженке, женщине артистического склада, весьма

¹ Пирей — порт в Греции, входит в состав Больших Афин (то есть города Афины с пригородами).

способной художнице, об отце, который, видимо, был похож на моего брата Монти, но, к счастью, его финансовое положение отличалось большей надежностью.

В Милане случилось приключение. Поезд опаздывал. Мы вышли из вагона — теперь, с эластичной повязкой на щиколотке, я кое-как могла ковылять — и спросили проводника своего wagon lit, сколько длится стоянка. «Двадцать минут», — ответил он. Макс предложил купить апельсин. Мы зашли во фруктовую лавку и вернулись на перрон. Думаю, прошло не более пяти минут, но поезда уже не было. Нам сообщили, что он ушел.

— Ушел?! Но нам сказали, что он стоит здесь двадцать минут! — воскликнула я.

— Обычно — да, сеньора, но сегодня он сильно опаздывал и сократил стоянку.

Мы испуганно переглянулись. На помощь пришел один из станционных начальников. Он предложил нанять хорошую машину и догнать поезд, считая, что у нас есть реальная возможность сделать это на ближайшей станции Домодоссала.

И началась погоня, совсем как в кино. То мы обгоняли поезд, то он обгонял нас. Мы мчались по горной дороге, а поезд нырял в тоннели и выныривал из них то впереди, то позади — соответственно мы то впадали в отчаяние, то ощущали собственное превосходство. В Домодоссолу мы прилетели через три минуты после прибытия поезда. Казалось, все пассажиры — уж нашего-то wagon lit наверняка — высунулись из окон, чтобы посмотреть, успеем ли мы.

— О, мадам, — сказал пожилой француз, помогая мне подняться в вагон, — *que vous avez dû éprouver des émotions!*¹

Французы умеют удивительно точно выразить чувство словами.

Так как у нас не было времени поторговаться с водителем, он содрал с нас безбожно много, и мы с Максом остались почти без денег. В Париже Макса должна была встречать мать, и он с надеждой предположил, что у нее можно будет взять в долг. Я часто спрашиваю себя, что должна была подумать моя будущая свекровь о молодой женщине, которая выскакивает из поезда вместе с ее сыном и, едва познакомявшись, отнимает все, что было у нее в кошельке, до последнего су². Времени пускаться в объяс-

¹ Что вам пришлось пережить! (*фр*)

² Су — мелкая французская монета.

нения не оставалось, мне нужно было немедленно возвращаться в вагон, поэтому, схватив деньги и неловко извинившись, я исчезла. Не думаю, что заслужила этим ее расположение.

Я смутно помню ту поездку с Максом, помню лишь, что он был исключительно добр, тактичен и участлив, отвлекал от дурных мыслей рассказами о себе. Он регулярно делал мне перевязки и водил в вагон-ресторан, куда я без него конечно же не добралась бы, особенно учитывая, что Восточный экспресс страшно трясло на полном ходу. Одна фраза Макса врезалась мне в память. Мы ехали вдоль побережья Итальянской Ривьеры¹. В полудреме я сидела в углу, откинувшись на спинку дивана. Макс вошел в мое купе и сел напротив. Приоткрыв глаза, я обнаружила, что он внимательно меня изучает. «У вас очень благородное лицо», — сказал он. Это меня так удивило, что мне разом расхотелось спать... Никогда не оценивала себя с этой точки зрения, да и мои знакомые — тоже. Неужели у меня действительно благородное лицо? Что-то не похоже. И вдруг меня осенило: наверное, это из-за моего римского носа, да, конечно же из-за носа. Он мог придавать моему профилю некий оттенок аристократизма. Не уверена, что это открытие меня обрадовало: такие вещи слишком ко многому обязывают. Могу признать, что добродушна, жизнерадостна, немного рассеяна, забывчива, робка, чувствительна, на редкость не уверена в себе, в меру бескорыстна... Но благородна? Нет, на это я не согласна. Тем не менее я снова задремала, изменив, правда, позу — чтобы мой нос был виден ему не в профиль, а анфас.

Глава 6

Уже в Лондоне, снимая телефонную трубку, я дрожала от страха: пять дней я не имела никаких новостей. И какое же было облегчение, когда я услышала бодрый голос сестры: Розалинде намного лучше, она вне опасности и быстро поправляется. Еще через шесть часов я была в Чeshire.

Хоть кризис миновал и Розалинда действительно быстро поправлялась, увидев ее, я чуть не заплакала. Тогда я еще не знала, с какой быстротой меняется состояние у детей во

¹ Имеется в виду итальянская часть Лазурного берега Средиземного моря.

время болезни. Мне приходилось ухаживать лишь за взрослыми, и я не была готова к тому, что ребенок, который выглядит полуживым, может уже в следующий момент чувствовать себя прекрасно. Розалинда, как мне показалось, сильно выросла и похудела, она полулежала в кресле, вялая и апатичная, — как это было не похоже на мою девочку!

Определяющая черта ее характера — неумная активность. Она была из тех непосед, которые минуты не сидят спокойно и, вернувшись после долгого и утомительного пикника, бодро спрашивают: «До ужина еще полчаса — что будем делать?» Я ничуть не удивлялась, когда, завернув за угол дома, обнаруживала ее стоящей на голове.

— Боже, зачем ты это делаешь, Розалинда?

— Не знаю, просто чтобы убить время. Нужно же что-то делать.

И вот Розалинда лежала в кресле, тихая, совсем обесилевшая. Единственное, что сказала моя сестра: «Видела бы ты ее неделю назад: тогда она действительно выглядела полуживой».

Розалинда выздоравливала на глазах. Через неделю мы были уже в Девоншире, в Эшфилде, и Розалинда почти совсем пришла в себя, так что мне стоило немалых усилий не давать ей слишком много двигаться.

Розалинда казалась вполне здоровой и жизнерадостной, когда уезжала в школу перед моим вояжем. И все шло хорошо, пока не разразилась эпидемия гриппа. Полшколы заболело инфлюэнцей. Вероятно, то, что у Розалинды организм был ослаблен недавно перенесенной корью, и вызвало осложнение на легкие. В школе все за нее беспокоились и сомневались, стоит ли везти ее на север на машине. Но Москитик была уверена, что поступает правильно, — и оказалась права.

Розалинда прекрасно справилась с болезнью. Осмотрев ее, доктор заявил, что она здорова и полна сил, как прежде, если не больше. «Она словно провод под напряжением», — добавил он. Я ответила, что Розалинда всегда была выносливым ребенком, не раскисала. На Канарских островах болела тонзиллитом, но ни разу не пожаловалась, только однажды сказала: «Я очень сердита».

По опыту я знала: раз Розалинда говорит, что сердита, это может означать, что она либо больна, либо действительно сердита и считает, что честнее предупредить нас об этом заранее.

Матери, разумеется, пристрастны в оценке собственных детей, это естественно, но все-таки я рискну утверждать, что Розалинда была занятнее большинства своих сверстников. Она обладала поразительной способностью давать неожиданные ответы. Очень часто можно заранее предугадать, что скажет ребенок. Розалинда обычно меня удивляла. Быть может, она унаследовала это своеобычие от ирландских предков. Мать Арчи была ирландкой, и, я думаю, непредсказуемость моей дочери — оттуда.

— Конечно, — говорила Карло с бесстрастным видом, который любила на себя напускать, — Розалинда способна довести до бешенства, я иногда бываю от нее вне себя. Но рядом с ней другие дети кажутся скучными. С ней можно сойти с ума, но соскучиться с ней невозможно.

Такой она и осталась на всю жизнь.

Мы вообще остаемся такими, какими были в три, шесть, десять или двадцать лет. В шесть-семь лет характер проявляется даже четче, потому что в этом возрасте наше поведение почти лишено притворства, а в двадцать мы уже надеваем некую маску, выдаем себя за кого-то другого — в зависимости от того, что модно в данный момент. Если в моде интеллектуализм, мы становимся интеллектуалами; если среди девушек популярны легкомыслие и фривольность, мы становимся легкомысленными и фривольными. С годами, однако, устаешь играть придуманную роль и все больше возвращаешься к себе самому, вновь обретая собственную индивидуальность. Это иногда смущает окружающих, но самому человеку приносит большое облегчение.

Подозреваю, нечто подобное происходит и в писательском мире. Начинающий литератор, находясь под обаянием какого-нибудь мэтра, вольно или невольно начинает копировать его стиль. Подчас стиль этот ему противопоказан и копирует он его плохо. Но со временем обаяние проходит. Вы по-прежнему можете восхищаться своим кумиром и даже хотеть писать, как он, но вы уже твердо знаете, что не сумеете. Быть может, это учит смиреннию? Если бы я умела писать, как Элизабет Боуэн¹, Мюриэл Спарк²

¹ Боуэн Элизабет (1891—1973) — английская писательница, в ее романах мастерски переданы тончайшие грани взаимоотношений героев

² Спарк Мюриэл (род 1918) — английская писательница и литературовед

или Грэм Грин¹, я прыгала бы до небес от счастья, но я знаю, что не могу, и мне в голову не придет подражать им. Я понимаю, что я — это я, что я могу делать то, что я умею, а не то, что мне хотелось бы. Как сказано в Библии, никто, сколько ни суетись, не может прибавить себе росту².

Мне часто вспоминается грамота, висевшая на стене у меня в детской, — кажется, я получила ее в награду за победу в соревнованиях по метанию мячиков, которые проводились для детей во время одной из регат. На ней было написано: «Не умеешь водить паровоз — стань кочегаром». По-моему, лучшего жизненного девиза не сыскать. Смею думать, мне удавалось придерживаться его. Я попробовала себя в разных областях, но никогда не упорствовала в том, что плохо получалось и к чему у меня не было природной одаренности. Румер Годден³ в одной из своих книг приводит два перечня: того, что ей нравится, и того, что не нравится. Мне это показалось занятным, и я тут же составила свои списки. Теперь, наверное, можно продолжить работу, перечислив то, чего я не умею и что умею делать. Разумеется, первый перечень окажется гораздо длиннее.

Я никогда ни во что не умела хорошо играть; из меня не получился, и уже никогда не получится, интересный собеседник; я настолько легко внушаема, что бросаюсь вперед прежде, чем успеваю сообразить, что же именно мне предлагают сделать. Я не умею рисовать, не способна к живописи, не могу ни лепить, ни вырезать; не сдвинусь с места, пока меня не растормошат; плохо объясняю то, что хочу сказать, — мне легче писать. Я умею быть твердой в принципиальных вопросах, но не в повседневной жизни. Даже если я знаю, что завтра вторник, стоит кому-нибудь раза четыре повторить, что завтра среда, на пятый я соглашусь и начну действовать соответственно.

Что я умею делать? Ну, писать. Могла бы стать приличной музыкантшей, но не профессиональной — я хорошо аккомпанирую певцам. В трудной ситуации способна импровизировать — это умение пригодилось мне больше всего. То, что я умею делать при помощи шпилек для волос и английских булавок в неожиданных домашних обстоятельствах, всех удивляет. Это я придумала слепить из хлеб-

¹ Грин Грэм (1904—1991) — английский писатель, автор романов, затрагивающих важные общественно-политические проблемы.

² Евангелие от Матфея, 6,27

³ Годден Румер (род. 1907) — писательский псевдоним (по девичьей фамилии) английской писательницы Румер Хэйнз Диксон.

ного мякиша липкий шарик, насадить его на шпильку, шпильку сургучом прикрепить к концу шеста для раздвигания штор и с помощью этого приспособления достать мамин зубной протез, упавший на крышу оранжереи! Я успешно усыпила с помощью хлороформа ежа, запутавшегося в теннисной сетке, и таким образом спасла его от удушья. Скажу без ложной скромности, в доме от меня косая польза есть. И так далее, и тому подобное. А теперь о том, что я люблю и чего не люблю.

Я не люблю находиться в толпе, где тебя сжимают со всех сторон, не люблю, когда громко разговаривают, шумят, не люблю долгих разговоров, вечеринок, особенно коктейлей, сигаретного дыма и вообще курения, каких бы то ни было крепких напитков — разве что в составе кулинарных рецептов, не люблю мармелада, усгриц, остывшей еды, пасмурного неба, птичьих лапок, вернее, прикосновения птицы. И наконец, больше всего я ненавижу вкус и запах горячего молока.

Люблю: солнце, яблоки, почти любую музыку, поезда, числовые головоломки и вообще все, что связано с числами; люблю ездить к морю, плавать и купаться; тишину, спать, мечтать, есть, аромат кофе, ландыши, почти всех собак и ходить в театр.

Я могла бы составить перечень и получше, более впечатляющий и многозначительный. Но опять-таки это была бы не я, а мне кажется, я должна примириться с тем, что я такая, какая есть.

Начиная новую жизнь, мне пришлось критически пересмотреть круг своих друзей. Испытание, через которое пришлось пройти, стало своего рода пробным камнем в отношениях с ними. Мы с Карло учредили между собой два ордена: орден Крыс и орден Верных Собак. О ком-нибудь мы могли сказать: «О да, этот достоин ордена Верных Собак первой степени». Или: «Этот заслуживает ордена Крыс третьей степени». Крыс оказалось не так много, но среди них были совершенно неожиданные: иные люди, которые считались моими настоящими друзьями, как выяснилось, не желали теперь иметь ничего общего с человеком, привлечшим к себе внимание в связи с сомнительными, как им казалось, обстоятельствами. Подобное открытие не могло не ранить меня и не заставить замкнуться в себе. С другой стороны, обнаружилось, что у меня мно-

го истинно преданных друзей, демонстрировавших мне большую любовь и сердечность, чем прежде.

Пожалуй, преданность восхищает меня больше всех других достоинств. Преданность и отвага — два самых прекрасных качества. Как физическая, так и нравственная смелость вызывает у меня восторг. Это одна из главных жизненных добродетелей. Если вы решились нести бремя жизни, вы должны нести его отважно. Это ваш долг.

Много кавалеров ордена Верных Собак обнаружилось среди моих друзей-мужчин. В жизни каждой женщины есть свои преданные Доббины¹. Вот и меня искренне тронул один приятель, который примчался ко мне, словно верный Доббин. Он прислал огромные букеты цветов, писал письма и в конце концов сделал предложение. Вдовец, на несколько лет старше меня, он признался, что, увидев впервые, считал меня слишком юной, но теперь уверен, что сможет дать мне семейный покой и сделать счастливой. Я была тронута, но вовсе не хотела выходить замуж, поскольку никогда не испытывала к нему нежных чувств. Он был для меня добрым другом — не более. Конечно сознание, что кто-то тебя любит, приятно, но глупо высказывать замуж лишь потому, что хочется, чтоб тебя утешали и чтоб была жилетка, в которую можно поплакаться.

Во всяком случае, я не желала, чтобы меня утешали, и боялась нового замужества. Я поняла — думаю, все женщины рано или поздно это понимают, — что причинить боль по-настоящему может только муж. Потому что нет никого ближе; ни от кого ваше повседневное душевное состояние не зависит так, как от него. И я решила: больше никогда и никому не сдамся на милость.

Приятель-летчик в Багдаде, делясь собственными семейными неурядицами, как-то сказал одну вещь, настроившую меня:

— Тебе кажется, что ты устроил свою жизнь — теперь уже навсегда, но все кончается одним и тем же, выбор приходится делать лишь между двумя возможностями: завести либо одну любовницу, либо — несколько.

Иногда у меня бывало неприятное ощущение, что он прав — оба этих варианта я предпочла бы теперь замуже-

¹ Имеется в виду полковник Доббин, герой романа Уильяма Теккерея «Ярмарка тщеславия», долгие годы влюбленный в главную героиню Эмилию Седли, за что и был прозван «верным Доббином»

ству. Если у вас несколько любовников, ни один из них не сможет причинить вам существенной боли. Если один, это возможно, но все же не так мучительно, как если бы это был муж. Для меня с мужьями было покончено. В тот момент для меня было покончено с мужчинами вообще, но, как утверждал все тот же приятель-летчик, это временное состояние.

Что меня поразило, так это сколько мужчин стали ухаживать за мной, как только я оказалась в несколько двусмысленном положении дамы, развехавшейся с мужем и официально с ним разводящейся.

— А чего бы вы хотели? — удивился моей непонятливости один молодой человек. — Вы ведь живете без мужа и, как я догадываюсь, разводитесь с ним.

Сначала я не могла решить, приятно мне такое внимание или раздражает. В общем-то это было приятно. Женщина никогда не чувствует себя достаточно старой, чтобы признать, что вряд ли кто уже покусится на ее честь. С другой стороны, такое внимание утомляло и порой вызывало осложнения. Одним из таких «осложнений» стал итальянец, которого я сама накликала на свою голову по незнанию итальянских обычаев. Как-то утром он спросил, не беспокоил ли меня ночью грохот от погрузки угля в трюм (дело было на пароходе), и я ответила, что нет, поскольку моя каюта расположена по правому борту, а не со стороны причала.

— А, — подхватил он, — ваша каюта, навсрное, тридцать третья?

— Нет, — ответила я, — у моей каюты четный номер — шестьдесят восемь.

С моей точки зрения, разговор был вполне невинным, но я не знала, что по итальянской традиции, спрашивая номер каюты, мужчина спрашивает и разрешения навесить вас в ней. Больше не было сказано ни слова, но вскоре после полуночи мой итальянец явился. Последовала очень забавная сцена. Я не говорю по-итальянски, он с трудом объясняется по-английски, поэтому мы сердитым шепотом выясняли отношения по-французски: я выражала свое возмущение, он — свое, но по другому поводу. Ругались мы приблизительно так:

— Как вы смеете ломиться в мою каюту?!

— Но вы же меня пригласили!

— Ничего подобного, я вас не звала!

— Нет, звали! Вы сказали мне, что номер вашей каюты шестьдесят восемь.

— Но вы меня спросили об этом.

— Конечно спросил. Спросил, потому что хотел прийти к вам. И вы разрешили мне это.

— Да ничего подобного!

Порой наш спор накалялся до такой степени, что мне приходилось одергивать себя и его. Я не сомневалась, что весьма чопорный посольский врач и его жена, занимавшие соседнюю каюту, составили обо мне весьма неблагоприятное впечатление. Я требовала, чтобы итальянец ушел, но он желал остаться во что бы то ни стало. В какой-то момент его возмущение превзошло мое собственное, и я даже стала извиняться перед ним за то, что не поняла его: я ведь не знала, что подобный вопрос означает и предложение. В конце концов мне удалось от него избавиться, но я была раздосадована тем очевидным фактом, что не являюсь многоопытной женщиной, за которую он меня принял. Мне даже пришлось сказать ему — и именно это, кажется, возымело действие, — что я англичанка и, следовательно, холодна по природе. Этим объяснением он, видимо, удовлетворился, честь — его честь — была спасена. Жена посольского врача одарила меня на следующее утро ледяным взглядом.

Только спустя много времени я узнала, что Розалинда с самого начала оценивала всех моих поклонников с сугубо практической точки зрения.

— Я, конечно, понимала, что когда-нибудь ты снова выйдешь замуж, и, разумеется, немного беспокоилась — кто это будет, — объяснила она.

Макс вернулся, погостив во Франции у матери, и сообщил, что приглашен работать в Британский музей¹. Он выразил надежду, что мы непременно будем видеться, когда я буду навещать в Лондон. Однако в ближайшее время я собиралась осесть в Эшфилде. Тем не менее случилось так, что мои издатели, «Коллинз»², решили устроить большой прием в «Савое»³, на котором очень хотели бы

¹ Британский музей — один из крупнейших музеев мира, открытый в Лондоне в 1759 году и обладающий богатейшими коллекциями памятников древних культур различных народов.

² «Коллинз» — лондонское издательство, выпускающее литературу широкого профиля, в том числе серии книг в мягкой обложке «Фонтана» и «Армада». Основано в 1819 году.

³ «Савой» — одна из самых дорогих лондонских гостиниц с рестораном на улице Странд.

видеть меня, чтобы познакомить с американскими издателями и еще кое с кем. На этот день у меня было назначено еще несколько встреч, поэтому я выехала накануне ночным поездом и пригласила Макса в свой «конюшенный» домик позавтракать.

Я ликовала при мысли, что снова его увижу, но, когда он вошел, меня охватила странная робость, и я не могла понять, почему после проделанного вместе путешествия, при теплых дружеских отношениях, которые между нами установились, я так скованна. Он, казалось, тоже оробел. Однако к концу завтрака, который я сама приготовила, прежняя свобода вернулась к нам. Я пригласила его в Девон, и мы условились о времени: в один из ближайших выходных. Меня радовало, что наша дружба будет продолжаться.

После «Убийства Роджера Экройда» я написала «Тайну семи циферблатов» — продолжение более ранней книги «Тайна замка Чимпиз» — и считала ее, по собственному выражению, веселым триллером. Такие книги легко писать — они не требуют кропотливой разработки и выстраивания сюжета.

Теперь ко мне стала приходиться уверенность. Я чувствовала, что смогу писать в год по книге плюс несколько рассказов. Писательство в те времена имело один приятный аспект: все написанное можно было непосредственно выразить в деньгах. Если я решала написать рассказ, я знала, что он будет стоить шестьдесят фунтов. И так с любой вещью. Учтя подоходный налог, который составлял тогда четвертую-пятую часть, я высчитывала, что получу сорок пять фунтов чистыми. Это стимулировало мою производительность. Я говорила себе: «Хочу построить оранжерею-лоджию, где можно будет отдыхать. Сколько это стоит?» Произведя подсчеты, садилась за машинку, задумывалась, составляла план и не позже чем через неделю рассказ уже существовал у меня в голове. Далее я записывала его и строила оранжерею.

Это совсем не похоже на то, что происходит в последние двадцать лет. Теперь я никогда не знаю, каким капиталом располагаю, сколько денег у меня сейчас, сколько будет на будущий год, и у налоговых чиновников со мной всегда масса проблем, возникших еще в предшествующие годы и до сих пор не решенных. Ну и что теперь мне прикажете делать?

А тогда было все четко и ясно. Я называю то время своим «плутократическим»¹ периодом. Меня начинали печатать в американских журналах, за что я получала гораздо больше, чем от публикаций в периодике в Англии, к тому же тогда этот доход не облагался налогом, он рассматривался как основной капитал. Пусть я не получала таких крупных сумм, как впоследствии, но зато видела, как они набегают, и считала, что от меня требуется лишь одно — быть трудолюбивой и грести деньги лопатой.

Теперь мне частенько кажется, что лучше бы не писать больше ни слова, потому что это создает лишь дополнительные трудности.

Макс приехал в Девон. Мы встретились на Паддингтонском вокзале и сели в ночной поезд. В мое отсутствие вечно что-нибудь случалось. Розалинда встретила нас в обычном своем бодром настроении и тут же деловито сообщила неприятную новость:

— Питер укусил Фредди Поттера за нос.

Совсем невесело услышать по возвращении домой, что наш драгоценный пес тяпнул за нос драгоценного сына нашей драгоценной экономки-поварихи.

Розалинда объяснила, что Питер не виноват. Она предупредила Фредди Поттера, чтобы он не приближал свою физиономию к морде Питера и не дразнил его.

— А он все равно подходил к Питеру все ближе и ближе и жужжал, вот Питер и цапнул его.

— Попятно, — ответила я, — но, боюсь, миссис Поттер такое объяснение не убедит.

— Нет, представь себе, она отнеслась к этому довольно спокойно, хотя, конечно, она не в восторге.

— От чего же ей быть в восторге?

— Но Фредди, надо сказать, вел себя очень храбро. Он вообще храбрый, — добавила Розалинда в защиту своего любимого приятеля по играм.

Фредди Поттер, сын кухарки, был года на три младше Розалинды, и ей доставляло огромное удовольствие верховодить им, заботиться о нем, исполнять роль великодушной заступницы и в то же время быть безжалостной тиранкой при выборе игр.

¹ Здесь обеспеченный, благополучный (плутократия — форма правления, при которой власть принадлежит богатым)

— Хорошо еще, что Питер не откусил ему нос совсем, правда? — сказала она. — А то мне пришлось бы что-то придумывать, чтобы приладить нос обратно, — не знаю, как бы я это сделала. Наверное, сначала тебе нужно было бы его простерилизовать, да? Правда, я не понимаю, как можно простерилизовать нос. Нельзя же его прокипятить?

День нашего приезда оказался одним из тех невнятных дней, которые могут разгуляться и стать ясными и солнечными, но — как это хорошо известно знатокам девонширской погоды — могут нагулять еще больше туч и разразиться дождем.

Розалинда предложила устроить пикник в вересковой роще. Я ее охотно поддержала, и Макс согласился с явным удовольствием.

Оглядываясь назад, понимаю, как часто из любви ко мне друзья вынуждены были жестоко расплачиваться за мой безрассудный оптимизм в отношении погоды, равно как и за слепую уверенность в том, что вересковая роща предпочтительней Торки в любую погоду. Это был как раз тот самый случай. Я ездила тогда на своем верном «моррисе каули», а это, разумеется, открытая прогулочная машина. Откидной брезентовый верх вытерся, в нем зияло несколько дыр. Во время дождя сидящим сзади вода лилась прямо за шиворот. Словом, поездка с семейством Кристи на пикник представляла собой суровое испытание на выносливость.

Как только мы стартовали, припустил дождь. Несмотря на это, я настаивала на продолжении путешествия, расписывая Максу прелести вересковой рощи, которые он едва ли мог рассмотреть за плотной пеленой дождя и летящими из-под колес фонтанами брызг. Это был прекрасный экзамен для моего нового ближневосточного друга. Видимо, я ему очень нравилась, если он выдержал все это и еще сохранил довольный вид.

Вернувшись в конце концов домой и сняв с себя мокрую одежду, каждый из нас принял горячую ванну, и мы долго играли с Розалиндой в разные игры. На следующий день, поскольку снова было довольно сыро, мы надели плащи и бодро отправились на прогулку под дождем в сопровождении нераскаявшегося Питера, который, впрочем, уже опять был в прекраснейших отношениях с Фредди Поттером.

Оказавшись снова рядом с Максом, я чувствовала себя счастливой. Я осознала, насколько близки мы с ним стали, как понимали друг друга без слов. Тем не менее на следую-

щий вечер я испытала шок. Пожелав друг другу спокойной ночи, мы разошлись по своим комнатам. Я читала, лежа в постели, когда в дверь постучали и на пороге появился Макс. В руке он держал книгу, которую я ему дала.

— Спасибо за книгу, — сказал он. — Она мне понравилась.

Положив ее на ночной столик, он присел на край кровати, внимательно посмотрел на меня и сказал, что хочет на мне жениться. Обычный в таких случаях для викторианской девицы возглас: «О, мистер Симпкинс, это так неожиданно!» — и близко не мог выразить моего ошеломления. Большинство женщин прекрасно чувствуют, когда нечто подобное носится в воздухе, — они заранее знают, что им вскоре сделают предложение, и — в зависимости от собственных намерений — либо показывают свою неприязнь так явно, что поклонник понимает ложность выбора, либо мягко доводят его до высшей точки кипения — и дело сделано. Но теперь я понимаю, что возглас: «О, мистер Симпкинс, это так неожиданно!» — может быть абсолютно искренним.

Мне в голову не приходило, что случится или что даже может случиться нечто подобное. Мы были только друзьями, хотя Макс неожиданно стал для меня самым близким другом.

Между нами произошел смешной разговор, который едва ли стоит здесь воспроизводить. Я сразу же заявила, что не могу согласиться на его предложение. Он спросил почему. Я все ему объяснила: я намного старше его — он признал это, но сказал, что всегда хотел жениться на женщине старше себя. Я возразила: чушь, ничего хорошего из этого не выйдет, напомнила, что он — католик; он ответил, что и об этом подумал и вообще взвесил все. Единственное, чего я не сказала и что, естественно, должна была бы сказать, будь это правдой, — что я не хочу выходить за него замуж, потому что вдруг поняла, что нет на свете ничего восхитительней, чем стать его женой. Если бы только он был постарше или я — помоложе.

Мы поспорили, думаю, часа два. И постепенно он сломил меня — не столько доводами, сколько мягким напором.

На следующее утро он уехал ранним поездом, сказав на прощание:

— Уверен, вы согласитесь выйти за меня, когда хорошенько подумаете.

Было слишком рано, чтобы снова затевать спор. Проводив его, я вернулась домой в полной растерянности.

Спросила у Розалинды, поправился ли ей Макс. «О да, очень! — ответила она. — Он поправился мне больше, чем полковник Р. и мистер В.» Розалинда наверняка поняла, о чем идет речь, но, будучи воспитанной девочкой, не стала говорить об этом открыто.

Несколько последовавших за этим недель были ужасны. Я чувствовала себя несчастной, сбитой с толку, ни в чем не уверенной. Сначала решила, что вообще не хочу снова выходить замуж, что мне необходимо сохранить независимость и поберечь свое самолюбие от новых ударов судьбы, что нет ничего глупее, чем выходить замуж за человека, который намного моложе тебя, что Макс слишком молод, чтобы разобраться в своих чувствах, и это, следовательно, будет нечестно с моей стороны — ему надо жениться на хорошей молоденькой девушке, к тому же я только теперь начала ощущать вкус свободы. Затем, незаметно, мои аргументы стали меняться. Да, он намного моложе меня, но у нас так много общего. Он тоже не любит веселых вечеринок и танцев — с другим молодым человеком мне было бы трудно держаться на равных, но не с Максом. А по музеям я могу ходить не хуже любого другого, может быть, даже с большим пониманием и интересом, чем молодая женщина. Смогла же я обойти все церкви в Алеппо и даже получить от этого удовольствие; я буду слушать рассказы Макса о древних временах, выучу греческий алфавит и прочту переводы «Энеиды»¹. — по сути дела, работа Макса и то, чем он живет, мне гораздо ближе, чем деловые проекты Арчи для Сити.

«Но ты не должна снова выходить замуж, — говорила я себе. — Нельзя быть такой дурочкой».

Все это так неожиданно. Если бы я восприняла Макса как вероятного будущего мужа, когда мы впервые встретились, я была бы осторожнее: не отдалась бы так легко этим непринужденным, счастливым взаимоотношениям. Но я ничего не подозревала — и вот, пожалуйста, нам так хорошо, так легко и радостно вместе, словно мы уже женаты.

В отчаянии я обратилась к своему домашнему оракулу:

— Розалинда, как ты посмотришь на то, что я снова выйду замуж?

¹ «Энеида» — эпическая поэма римского поэта Марона Публия Вергилия (70—19 гг до н э), посвященная Энею, участнику Троянской войны и родоначальнику римлян

— Ну что ж, я ожидала, что когда-нибудь это случится, — ответила Розалинда с видом провидца, которому все всегда известно заранее. — Считаю это вполне естественным.

— Да, наверное...

— Мне бы только не хотелось, чтобы ты выходила за полковника Р., — задумчиво продолжала она.

Я удивилась, потому что полковник Р. всегда уделял ей много внимания, и мне казалось, что ей нравятся игры, которые он для нее изобретал.

Я упомянула Макса.

— По-моему, это лучше всего, — откликнулась Розалинда. — Нет, правда, будет очень хорошо, если ты выйдешь за него. — И прибавила: — Мы могли бы завести свою лодку. Он, кажется, неплохо играет в теннис? Мы будем с ним играть. И вообще, он может быть во многом полезен. — Она перечисляла достоинства Макса сугубо со своей, утилитарной точки зрения с предельной искренностью. — И Питер его любит, — прибавила она последний, самый главный аргумент.

Тем не менее то лето было одним из самых трудных в моей жизни. Все мои родственники отговаривали меня. Я расстраивалась, но на самом деле их уговоры почему-то лишь укрепляли мою решимость. Сестра была категорически против: разница в возрасте! Даже в голосе моего зятя Джеймса звучало предостережение.

— А ты не думаешь, — сказал он, — что принимаешь решение под обаянием... э... той жизни, которая тебе так понравилась, жизни археологов? Что тебе просто было хорошо в Уре, у Вули. Быть может, поэтому твои чувства кажутся тебе настолько теплыми... серьезными?

Но я знала, что это не так.

— Конечно это твое личное дело, — мягко добавил он.

Милая Москитик, разумеется, вовсе не считала, что это мое личное дело, она была уверена, что это ее дело — уберечь меня от опрометчивого шага. Лишь Карло, моя дорогая, добрая Карло и ее сестра были мне опорой. Они поддерживали меня, хотя, догадываюсь, лишь из преданности. На самом деле и они, вероятно, думали, что я совершаю досадную ошибку, но ни разу об этом не обмолвились, потому что не в их правилах было вмешиваться в чужие дела. Наверное, они сожалели, что я не выбрала симпатичного сорокадвухлетнего полковника, но раз я выбрала другого, что ж, они встали на мою сторону.

Наконец я сообщила новость супругам Вули. Они, как мне показалось, обрадовались. Лен, во всяком случае. Кэтрин, как всегда,отреагировала очень своеобразно.

— Только вы должны подождать хотя бы два года, — сказала она.

— Два года?! — испуганно переспросила я.

— Да, иначе это его погубит.

— Но мне кажется, это глупо. Я и так намного старше Макса. Какой смысл ждать, пока я состарюсь еще больше?

— Я думаю, нельзя его так баловать, — ответила Кэтрин. — Он еще мальчишка — возомнит, что он такой неотразимый. Ему очень полезно будет подождать — пройти испытательный срок.

С этим я согласиться не могла. Такая суровость разве что у истых пуритан.

Максу я заявила, что его женитьба на мне будет полным безрассудством, и предложила еще раз хорошенько все взвесить.

— А что, по-твоему, я делал последние три месяца? — ответил он. — Я все время об этом думал, пока жил во Франции, и решил: снова увижу ее — станет ясно, придумал я все это или нет. Оказалось — нет. Ты была такой, какой я помнил тебя, такой, какой я и хотел тебя видеть...

— Это страшный риск.

— Для меня — нет. Можешь считать, что рискуешь ты. Но почему бы нет? Если не рисковать, ничего и не получишь.

В этом я была абсолютно с ним согласна. Я и сама не из тех, кто привык осторожничать. Его слова успокоили меня: что ж, пусть я рискую, но игра того стоит, возможно, этот человек сделает меня счастливой. Мне будет жаль, если у нас ничего не получится, но, в конце концов, это его решение и он принял его сознательно. Я постановила ждать шесть месяцев. Макс не видел в этом смысла. «К тому же, — добавил он, мне нужно снова ехать за границу, в Ур. Думаю, мы должны пожениться в сентябре». Я поговорила с Карло, и мы составили план.

Вокруг меня было столько шума, и я так страдала от этого, что хотела сохранить все в тайне, насколько возможно. Было решено, что Карло и Мэри Фишер, Розалинда и я отправимся на остров Скай¹ недели на три. Оглашение о предстоящем браке можно сделать там, а обвенчаться скромно в соборе Святого Коломба в Эдинбурге.

¹ Скай — остров у западного побережья Шотландии.

Затем я повезла Макса к Москитику и Джеймсу — Джеймс смирился, но был печален, Москитик всеми силами старалась расстроить наш брак.

Однажды я и сама чуть не отменила свою свадьбу. Мы ехали в поезде, и Макс, внимательней, чем обычно, слушая рассказ о моих родственниках, вдруг сказал:

— Джеймс Уоттс? Я учился в Новом колледже с неким Джеком Уоттсом. Это не сын твоего Уоттса? Потрясающий был артист — замечательно всех изображал.

Мне стало не по себе при мысли, что Макс и мой племянник — ровесники. Наш брак показался мне невозможным.

— Ты слишком молод, — сказала я в отчаянии. — Ты слишком молод!

Макс явно испугался, что я передумаю.

— Ну что ты, — сказал он, — просто я поступил в университет довольно рано, но все мои друзья были очень серьезными. К веселой компании Джека Уоттса я не имел никакого отношения.

Но сомнения не покидали меня.

Москитик из кожи вон лезла, чтобы отговорить Макса от женитьбы, и я испугалась, что он невзлюбит ее, но случилось наоборот. Он понял, что она очень искренна и от всей души желает мне счастья. «И вообще она такая забавная», — сказал он. Все находили мою сестру забавной. «Дорогой Москитик, — говорил, бывало, мой племянник Джек своей матери, — я тебя очень люблю, ты такая забавная и такая милая». Это очень точное определение.

Визит закончился тем, что Москитик, рыдая, удалилась, а Джеймс стал сердечно утешать меня. Хорошо еще, что моего племянника Джека не было дома — он мог расстроить все планы.

— Конечно я с самого начала знал, что ты твердо решила выйти за него замуж, — сказал мне зять. — И знаю, что своих решений ты не меняешь.

— О Джимми, ничего ты не знаешь. Я весь день только и делаю, что меняю решения.

— Но не по существу. Однако я надеюсь, что все будет хорошо. Это не то, что выбрал бы для тебя я, но ты всегда была благоразумна, а он мне кажется молодым человеком с будущим.

Я так любила милого Джеймса — он всегда был необыкновенно терпимым и мягким человеком.

— Не обращай внимания на Москитика, — сказал он. — Ты же знаешь ее — когда все свершится, она станет вести себя совсем по-другому.

Мы всё по-прежнему держали в секрете.

Я спросила Москитика, приедет ли она в Эдинбург на наше венчание, она ответила, что лучше ей не ездить: «Я буду все время плакать, только всех расстрою». Я была ей искренне благодарна за такую деликатность. У меня были двое добрых, спокойных шотландских друзей, на которых я вполне могла положиться. Итак, я отправилась на Скай с ними и с Розалиндой.

Скай мне чрезвычайно понравился. Иногда, правда, хотелось, чтобы дождь шел не каждый день, но это был мелкий моросящий дождь, который не очень и мешал. Мы бродили по вересковым зарослям, где чудесно пахнет мокрой землей и торфом.

Через пару дней после нашего приезда Розалинда привлекла всеобщее внимание в гостиничном ресторане одной репликой. Питера, который приехал с нами, разумеется, туда не брали, но как-то во время ленча Розалинда громко произнесла, обращаясь к Карло:

— Конечно же, Карло, Питер должен был бы стать твоим мужем, не правда ли? Ведь он спит с тобой.

Все постояльцы, преимущественно пожилые дамы, дружно воззрились на Карло.

Меня же Розалинда тоже сочла нужным предупредить.

— Знаешь, — сказала она, — когда ты выйдешь замуж за Макса, тебе придется спать с ним в одной постели.

— Я знаю, — ответила я.

— Знаю, что ты знаешь, ведь ты уже была замужем за папой, но, быть может, ты об этом не подумала?

Я заверила ее, что подумала обо всем.

Шли недели. Я гуляла по вересковым рощам, и порою меня охватывало отчаяние мне казалось, что я ломаю Макс-у жизнь.

Макс тем временем был завален работой в Британском музее, кроме того, заканчивал рисунки археологических находок. В последнюю неделю накануне свадьбы он рисовал каждый день до пяти часов утра. Я подозревала, что это Кэтрин Вули заставляла Лена загружать его работой сверх всякой меры: она очень сердилась на меня за то, что я не захотела отложить нашу свадьбу.

Перед моим отъездом из Лондона Лен зашел ко мне явно чем-то смущенный — я не могла понять, что с ним.

— Видите ли, — сказал он наконец, запинаясь, — боюсь, у нас возникнут затруднения. Я имею в виду в Уре и Багдаде. То есть, понимаете, вы, наверное, не сможете поехать с нами в экспедицию. Дело в том, что там у нас нет лишнего места ни для кого, кроме членов экспедиции.

— Конечно, — ответила я, — я это хорошо понимаю — от меня там никакой пользы. Мы уже все обсудили. Макс конечно же и сам бы не поехал, но не считает возможным бросить вас накануне сезона, когда уже поздно искать замену.

— Я думаю... Я уверен... — Лен помолчал. — Я полагаю, что — ну, знаете, кому-то может показаться странным, если вы не приедете в Ур.

— Не понимаю, что здесь странного, — ответила я. — К тому же в конце сезона я приеду в Багдад.

— Да, конечно, тогда, надеюсь, вы проведете несколько дней в Уре.

— Значит, все в порядке? — подвела я итог.

— Да, но я думал... мы думали... то есть Кэтрин... конечно, мы оба считали...

— Да? — подстегнула я его.

— ...Может быть, вам лучше не приезжать в Багдад — сейчас. То есть если вы приедете в Багдад вместе с Максом, а потом он отправится в Ур, а вы — домой, не кажется ли вам, что это будет выглядеть странно? То есть я не знаю, все ли это одобряют.

Я вдруг страшно разозлилась. Я не собиралась ехать в Ур, я бы никогда и не заговорила об этом, потому что не считала такую поездку возможной, но почему мне нельзя ехать в Багдад, если я того пожелаю?

Вообще-то мы с Максом уже решили, что я и в Багдад не поеду — не было никакого смысла. Мы собирались провести медовый месяц в Греции, а из Афин он должен был ехать в Ирак, а я — домой, в Англию, и все билеты были уже заказаны, но сообщать об этом Лену в сложившейся ситуации я не сочла нужным.

Я возразила — и довольно резко:

— Полагаю, Лен, едва ли ваше дело решать, куда мне ездить, а куда — нет. Если я захочу приехать с мужем в Багдад, я туда приеду — ни к раскопкам, ни к вам это никакого отношения не имеет.

— О! Я надеюсь, вы не обиделись. Просто Кэтрин думает...

Я не сомневалась, что сам Лен тут ни при чем — все это штучки Кэтрин. И хоть я ее любила, плясать под ее дудку

совсем не собиралась. Когда я рассказала Максy о разговоре с Леном и о том, что скрыла свое намерение не ездить в Багдад, мой жених пришел в ярость. Мне едва удалось его успокоить.

— Раз они так, я хочу, чтобы ты обязательно поехала.

— Глупо. Это дорого, к тому же нам будет очень грустно там расставаться.

Тогда он сказал, что на следующий год, вероятно, будет работать у доктора Кэмбелла-Томпсона на раскопках Ниневии¹ в Северном Ираке и при любых обстоятельствах возьмет меня туда с собой.

— Еще ничего не решено, — добавил он, — многое нужно уладить, но после этого сезона я больше не собираюсь расставаться с тобой так надолго. У Лена будет достаточно времени, чтобы найти мне замену.

Дни на острове Скай шли своим чередом. В положенный срок состоялось церковное оглашение нашего предстоявшего брака, и все пожилые дамы в церкви, обожающие романтические события вроде свадеб, смотрели на меня добрыми, ласковыми глазами.

Макс приехал в Эдинбург, туда же с острова Скай направились я с Розалиндой, Карло, Мэри и Питером. Нас обвенчали в маленькой часовне при соборе Святого Колумба. Свадьба получилась именно такой, как мы хотели, — никаких репортеров, все удалось сохранить в тайне. Двусмысленность нашего существования, однако, никуда не исчезла, ибо мы, как поется в старой песне, расстались на церковном пороге. Макс поехал в Лондон заканчивать работу, связанную с урскими находками, мы с Розалиндой на следующий день вернулись на Крессуэл-плейс, где нас встретила моя верная Бесси, тайно туда вызванная. Макс держался поодаль и лишь через два дня подъехал к крыльцу дома на Крессуэл-плейс в нанятом «даймлере»². На нем мы прибыли в Дувр, затем пересекли Канал и направились к первой цели нашего свадебного путешествия — Венеции.

Все турне Макс придумал сам: для меня оно должно было стать сюрпризом. Уверена, никто не получал от свадебного путешествия такого удовольствия, как мы. Единственное, что его омрачило, это то, что уже на подступах к Венеции Восточный экспресс подвергся нашествию клопов.

¹ Ниневия — древнеассирийский город, некогда столица Ассирии.

² «Даймлер» — марка дорогого легкового автомобиля, производившегося одноименной компанией

Часть девятая

ЖИЗНЬ С МАКСОМ

Глава 1

В свой медовый месяц мы побывали еще в Дубровнике¹, отсюда — поехали в Сплит². Сплит я не забуду никогда. Как-то вечером, прогуливаясь по городу и завернув за какой-то угол, мы очутились на площади, посреди которой до неба возвышалась огромная статуя святого Григория³ — одна из лучших работ скульптора Мештровича⁴. Она была настолько огромна и так господствовала над всем окружающим, что навсегда врезалась мне в память как некая вежа на жизненном пути.

Много смешных воспоминаний связано у нас с югославскими меню. Они все написаны только на местном языке, и мы, разумеется, понятия не имели, что в них. Мы, бывало, тыкали в меню пальцем наугад и не без волнения ждали, что же принесут. Иногда нам подавали огромное блюдо из цыпленка, иногда яйца-пашот под очень острым белым соусом, а иногда гигантские тарелки с гуляшем. Порции всегда были чрезмерными, и ни в одном ресторане не хотели получать по счету. Официант обычно бормотал на ломаном английском, французском или итальянском: «Не сегодня, не сегодня. Заплатите завтра». Не знаю, что они делали, если кто-то питался в ресторане неделю, а потом уплывал на пароходе, так и не заплатив. В последнее перед отъездом утро, твердо решив расплатиться по всем счетам, мы, разумеется, столкнулись с самыми большими трудностями в своем любимом ресторане: у нас не хотели брать денег. «Зайдите попозже», — сказали нам. «Но мы не можем зайти попозже, — в кото-

¹ Дубровник — город и порт в Хорватии на Адриатическом побережье, известный курорт.

² Сплит — крупный город и порт в Хорватии на Адриатическом море

³ Имеется в виду восьмиметровая медная статуя епископа из древнего города Нинна на Адриатическом море.

⁴ Мештрович Иван (1883—1962) — югославский скульптор, для творчества которого характерны романтические и патристические мотивы

рый раз твердили мы, — потому что отплываем в полдень на пароходе». Небольшого роста официант тяжело вздохнул — перспектива заниматься подсчетами его явно удручала, — ушел в маленькую комнатку, долго чесал там затылок, пробовал поочередно разные карандаши, ворчал и в конце концов минут через пять вынес просто смехотворный счет за то невероятное количество еды, которое мы проглотили, после чего пожелал нам удачи, и мы отбыли.

Следующим этапом было путешествие вдоль побережья Далмации¹ и Греции в Патры². Макс объяснил, что мы поплывем на маленьком грузовом суденышке. Стоя на пристани в ожидании его, мы немного нервничали. Потом вдруг увидели совсем крохотный корабль, эдакую «скорлупку», и не поверили, что именно на нем нам предстояло плыть. У него было необычное название, состоявшее из одних согласных — «Сбрн», — как его следовало произносить, мы так и не узнали. Но это действительно был наш корабль — сомневаться не приходилось. Он брал на борт четырех пассажиров: в одной каюте — мы, в другой — еще двое, сошедшие на берег в следующем порту. Теперь весь корабль был в нашем распоряжении.

Нигде больше не едала я таких блюд, как на том пароходике: вкуснейшая баранина, нежная, разделанная на небольшие отбивные, с сочными овощами, рисом, чудесным соусом и чем-то аппетитным, зажаренным на вертеле. С капитаном корабля мы болтали на ломаном итальянском.

— Вам нравится еда? — спросил он. — Я рад. Я специально для вас заказал настоящую английскую еду.

Я искренне надеялась, что он никогда не попадет в Англию и не узнает, что на самом деле представляет из себя «настоящая английская еда». Капитан поведал нам, что ему предлагали перейти на большее пассажирское судно, но он отказался от повышения и остался здесь, так как предпочитает тихую, спокойную жизнь — пассажиры не

¹ Далмация — область на северо-западном побережье Адриатического моря

² Патры — город и порт на юге Греции на полуострове Пелопоннес

докучали ему на этом корабле, к тому же у него великолепный кок.

— На корабле, где много пассажиров, забот не оберешься, — объяснил он. — Словом, не нужно мне никакого повышения.

Несколько чудесных дней мы провели на этом маленьком сербском суденышке, останавливаясь в небольших портах — Санта-Анна, Санта-Маура, Санта-Каранта. Мы сходили на берег, а капитан предупреждал нас, что за полчаса до отплытия даст гудок. Бродя по оливковым рощам или сидя среди цветов, мы вдруг слышали гудок, разворачивались и бросались к причалу. Как чудесно было, отдыхая в оливковой роще, чувствовать себя совершенно счастливыми и умиротворенными. Это был наш Эдемский сад¹, наш рай земной.

Наконец мы прибыли в Патры, помахали на прощание капитану и сели в маленький смешной поезд, который должен был доставить нас в Олимпию². Его переполняли не только пассажиры, но и огромное количество клопов. На сей раз они укусили мне ноги — так, что на следующий день пришлось разрезать брюки — настолько ноги распухли.

Греция не нуждается в восхвалениях. Олимпия оказалась именно такой прекрасной, какой я ее себе представляла. Через день мы отправились на мулах в Андритсену³ — и это, надо сказать, чуть не кончилось крахом нашей семейной жизни.

Четырнадцать часов верхом на муле — и это впервые в жизни — привели к тому, что я едва не криком кричала от невыносимой боли. Я уже не знала, что мучительней — идти пешком или сидеть на муле. Когда мы наконец прибыли на место, я буквально свалилась с мула, не в силах сделать ни единого шага одеревеневшими ногами настолько, что не могла идти, и накинулась на Макса:

— Тебе вообще не следовало жениться, если ты не способен понять, как чувствует себя женщина после подобного путешествия!

¹ Эдемский сад — согласно Библии, место, где до грехопадения обитали первые люди, Адам и Ева, рай.

² Олимпия — древний город на северо-западе полуострова Пелопоннес, центр культа Зевса и место проведения Олимпийских игр

³ Андритсена — город в Греции в области Мессения

Макс, бедняга, и сам не мог ни согнуться, ни разогнуться и морщился от боли. Его объяснения, что по предварительным расчетам переход должен был занять не более восьми часов, мало меня утешили. Мне понадобилось семь с лишним лет, чтобы понять: если мой муж утверждает, что ехать надо три часа, можно смело накидывать еще час.

Два дня мы приходили в себя в Андритсене, после чего я призналась, что все же не жалею о том, что вышла за него замуж и что он, вероятно, может еще научиться правильно обращаться с женой, в частности не таскать ее бог знает куда, не зная, сколько ей придется трястись на муле. Тем не менее мы решились на еще один такой переезд к отдаленному храму. Он занял не более пяти часов и совсем не измучил меня.

Побывали мы в Микенах¹, Эпидавре². В Нафплоне жили в номере, напомиавшем королевские покои: стены обтянуты красным бархатом, а посередине спальни — необъятных размеров кровать, над которой на четырех столбцах возвышался балдахин с пологом из золотой парчи. Завтракали мы на не слишком надежном, но богато украшенном лепниной балконе с видом на остров посреди моря, а потом не без опасений шли купаться, поскольку море кишело медузами.

Эпидавр показался мне особенно красивым, хотя именно там я впервые столкнулась с тем, что называют «археологическим сдвигом». День выдался божественный, и я, вскарабкавшись на самый верх амфитеатра, сидела там, пока Макс изучал надписи в музее. Прошло очень много времени, он все не приходил. Наконец терпение мое лопнуло, я спустилась вниз и вошла в музей. Макс по-прежнему, распластавшись, лежал на полу, в полном восторге рассматривая там какую-то надпись.

— Ты все еще не прочел это? — удивилась я.

— Нет, довольно необычная надпись, — ответил он. — Хочешь, я объясню тебе?

— Пожалуй, не стоит, — твердо сказала я. — На улице так хорошо — просто чудесно.

— Да, конечно, — рассеянно согласился он.

— Не возражаешь, если я пойду туда снова? — спросила я.

¹ Микены — древний город на юге Греции, центр эгейской культуры, расцвет которой приходится на XIV—XII века до н. э.

² Эпидавр — древний город в Пелопоннесе, центр культа бога врачевания Асклепия.

— Нет, — ответил он, немного удивившись, — конечно нет. Просто я подумал, что тебе эта надпись тоже будет интересна.

— Боюсь, не настолько, — сказала я и снова заняла свое место в верхнем ряду амфитеатра. Макс присоединился ко мне час спустя, совершенно счастливый, поскольку ему удалось расшифровать некое темное место в греческой фразе и, следовательно, день, как он считал, удался.

И все же главное — это Дельфы. Они поразили меня такой неправдоподобной красотой, что мы даже поискали место, где когда-нибудь, быть может, смогли бы построить небольшой домишко. Помню, мы присмотрели три таких места. Это была чудесная греза — не думаю, чтобы и тогда мы верили в ее осуществимость. Попав в Дельфы пару лет назад и увидев огромные автобусы, снующие взад-вперед, кафе, сувенирные лавки и толпы туристов, я подумала: как хорошо, что мы не построили там дома.

Мы вообще любили выбирать места для своего будущего жилища. В основном это было мое пристрастие, я всегда обожала собственные дома — в моей жизни был момент, незадолго до начала Второй мировой войны, когда я владела восемью домами. Я отыскивала в Лондоне полуразвалившиеся, ветхие здания, перестраивала, отделяла и обставляла их. Когда началась война и пришлось страховать их от бомбежки, иметь столько домов не казалось мне уже таким приятным. Впрочем, я получила хороший доход от их продажи. Как только я могла себе это позволить, я покупала очередной дом — самое любимое мое занятие. Мне и сейчас интересно пройти мимо «своего» дома, посмотреть, как его содержат, и попробовать угадать, что за люди в нем теперь живут.

В последний день мы спускались от Дельф к морю в сопровождении местного грека. Макс разговорился с ним; он вообще очень любознателен и не упускает случая выведать что-то интересное у местных жителей, где бы ни оказался. В тот раз он спрашивал у проводника названия разных цветов. Наш очаровательный грек с удовольствием ему отвечал. Макс указывал на цветок, грек называл его, и Макс тщательно заносил все в блокнот. Записав названий двадцать пять, он заметил, что в перечне встречаются повторы. Он произнес греческое название синего цветка с колючими шипами на стебле, только что сообщенное ему

проводником, и увидел, что точно так же тот чуть раньше назвал большие желтые ногти. И тут мы сообразили, что, не желая огорчать нас, грек просто произносил те названия, которые знал. А поскольку знал не так уж много, начал повторяться. Макс был раздосадован: его скрупулезно составленный список ничего не стоил.

Мы завершили свое путешествие в Афинах, и здесь дня через четыре счастливых обитателей Эдема настигло несчастье. Я подхватила болезнь, которую сначала приняла за обычное кишечное расстройство. На Ближнем Востоке люди страдают этим очень часто: бывает «египетское недомогание», «багдадское», «тегеранское» и прочие. Свою болезнь я вначале нарекла «афинским недомоганием», но все оказалось гораздо серьезней.

Через несколько дней я встала и даже поехала на экскурсию, но почувствовала себя так плохо, что вынуждена была вернуться. Меня привезли обратно с очень высокой температурой. Когда выяснилось, что никакие лекарства не помогают — несмотря на мои протесты, вызвали врача. В наличии имелся только греческий врач, однако он говорил по-французски. Увы, вскоре обнаружилось, что хотя я довольно свободно объясняюсь по-французски, я не знаю медицинских терминов. Доктор считал, что я отравилась красной кефалью, которая, оказывается, была очень опасна, особенно для иностранцев, не знающих, как правильно разделывать эту рыбу. Он поведал мне жуткую историю о некоем министре, который чуть не умер из-за этой рыбы — его чудом спасли в самую последнюю минуту. Мне тоже было настолько худо, что я приготовилась к любому исходу... У меня была температура под сорок, и я ничего не могла удержать в желудке. Тем не менее доктору удалось вытащить меня почти с того света. В один прекрасный момент я снова почувствовала себя человеком. Сама мысль о еде все еще казалась мне отвратительной, и у меня не было сил пошевелиться, но я точно шла на поправку, а посему убедила Макса, что через день он может уезжать.

— Это ужасно! Как же я оставлю тебя, дорогая?

Дело в том, что Максу поручили приехать в Ур раньше на пару недель и проследить, чтобы вовремя были сделаны пристройки к прошлогоднему дому, и подготовить все к приезду четы Вули и остальных членов экспедиции Макс

должен был обеспечить строительство новой столовой и ванной для Кэтрин.

— Я уверен, они поймут, — сказал Макс, но в его голосе звучало сомнение, а я просто наверняка знала, что они не поймут.

Изю всех сил я старалась уговорить Макса ехать, иначе они все свалят на меня, дескать, по моей милости он нарушил свое слово. Это было делом нашей общей чести, чтобы Макс оказался на месте вовремя. Я заверила, что теперь волноваться не о чем: полежу спокойно еще с недельку, окончательно поправлюсь и поеду прямо домой на Восточном экспрессе.

Бедный Макс не знал, что ему делать. Его мучило пресловутое английское чувство долга. Леонард Вули строго наказал ему: «Я доверяю вам, Макс. Вы можете развлекаться сколько угодно, но обещайте, что будете на месте в назначенный срок и отпесетесь к поручению со всей ответственностью».

— Ты же знаешь, что скажет Лен, — заметила я.

— Но ты серьезно больна!

— Знаю, что больна, но они этому не поверят. Решат, что я просто не хочу тебя отпускать, а я не желаю давать им повод для этого. И вообще, если ты будешь спорить, у меня опять поднимется температура и я действительно снова заболею.

Итак, в конце концов Макс отправился выполнять свой долг, и мы оба чувствовали себя героями.

Однако наш доктор категорически не желал принимать никаких объяснений. Воздев руки к небу, он разразился гневной отповедью:

— Да-да, все они таковы, эти англичане! Я знал многих из них, очень многих — и все были одинаковы. Они преданы своей работе, своему долгу. А что такое работа и долг в сравнении с человеческой жизнью?! Жена — живое существо, не так ли? Жена больна — но какое это для них имеет значение?! Между тем только это и имеет на самом деле значение — человек в беде!

— Вы не понимаете, — возразила я. — Это действительно важно. Он дал слово. На нем лежит большая ответственность.

— Ответственность?! Какая ответственность?! Что такое работа, долг? Долг? Да он ничто по сравнению с любовью и преданностью! Но англичане есть англичане. О, какое

равнодушие, какая froideur!¹ Какое несчастье быть заму-жем за англичанином! Ни одной женщине не пожелал бы этого — честное слово — ни одной!

Я была слишком слаба, чтобы продолжать спор, но за-верила его, что довольна своей судьбой.

— Вам нужно очень беречь себя, — предупредил он. — Но говорить же бесполезно. Министр, о котором я вам рассказывал, — знаете, когда он вернулся к исполнению своих обязанностей? Только через месяц!

На меня это не произвело особого впечатления. Я ска-зала, что английские желудки намного крепче и возвраща-ются в прежнее здоровое состояние гораздо быстрее. Док-тор снова воздел руки, громко запричитал по-французски и отбыл, в известной мере «умыв руки». Если мне захо-чется, сказал он, можно съесть немного пустых отварных макарон. Словно бревно, лежала я в спальне с зелеными стенами; самочувствие отвратительное, боли в животе и пояснице, слабость такая, что рукой пошевелить трудно. Попросила принести пустых вареных макарон. Съела, мо-жет быть, штучки три и оставила тарелку. Мне казалось невероятным, что когда-нибудь я снова получу удоволь-ствие от еды.

Я думала о Максе. Сейчас он, должно быть, прибыл в Бейрут. Завтра отправится через пустыню с «Наирнами». Бедный Макс, он будет тревожиться за меня.

К счастью, сама я больше за себя не волновалась. Мне уже хотелось что-нибудь предпринять или куда-нибудь от-правиться. Я ела теперь больше пустых макарон, потом ста-ла чуть-чуть посыпать их тертым сыром и каждое утро триж-ды обходила вокруг комнаты, чтобы упражнять ноги. Когда снова пришел доктор, я доложила ему, что мне гораздо лучше.

— Отлично. Вижу, что лучше.

— По сути дела, — вставила я, — я могла бы послезав-тра отправляться домой.

— И слышать не хочу подобных глупостей! Я же гово-рил вам, что министр...

Этот министр начинал мне надоедать. Я вызвала слу-жащего отеля и попросила его заказать мне билет на Вос-точный экспресс, отбывающий через три дня. Доктору я призналась в своем решении только вечером накануне отъез-

¹ Сдержанность (фр)

да. Его руки, как обычно, взметнулись вверх. Он обвинял меня в неблагодарности, в безрассудстве и предупредил, что меня могут снять с поезда en route и я умру на вокзальном перроне в страшных мучениях. Я точно знала, что он стущает краски. Английские желудки, повторила я, приходят в норму быстро.

В положенный срок я отбыла. Носильщик из отеля помог мне доползти до своего места. Я рухнула на вагонный диван и почти всю дорогу на нем пролежала. Иногда просила принести мне из вагона-ресторана горячего супа, но, поскольку обычно он был жирный, не ела. Подобное воздержание пошло бы на пользу моей фигуре несколько лет спустя, но в то время я была еще достаточно стройна, так что к концу поездки походила на мешок костей. Как замечательно было вернуться домой и плюхнуться на свою постель! Надо признать, что обрести прежнее состояние тела и духа я действительно смогла только через месяц.

Макс благополучно добрался до Ура, но страшно переживал за меня. Он без конца слал мне телеграммы и постоянно ждал моих, но ни те, ни другие, разумеется, никогда не доходили. Он работал с такой энергией, что сделал гораздо больше, чем ожидали от него Вули.

«Я им покажу!» — говорил он себе.

Ванную для Кэтрин он построил по собственному проекту — настолько тесную, насколько было возможно, а укорашений в ней и в столовой сделал ровно столько, сколько считал достаточным.

— Но мы не требовали, чтобы вы все это делали! — воскликнула по приезде Кэтрин.

— Я решил, поскольку уж я здесь, сделать все, что можно, — мрачно ответил Макс и пояснил, что оставил меня в Афинах на пороге смерти.

— Вам следовало остаться с ней, — сказала Кэтрин.

— Я тоже так думаю, — ответил Макс. — Но вы оба слишком хорошо объяснили мне, сколь важна моя миссия здесь.

Кэтрин допекала Лена, твердя, что ванная ей не правится, что ее нужно сломать и построить новую, что, разумеется, и было в конце концов сделано ко всеобщему неудобству. Правда, позднее она похвалила Макса за прекрасный проект столовой и сказала, что теперь чувствует себя в ней совсем по-другому.

К старости я неплохо научилась обращаться с самыми разными импульсивными натурами — с актерами и продюсерами, с архитекторами, музыкантами и примадоннами, подобными Кэтрин Вули. Мать Макса я называла примадонной в своем праве. Моя собственная мать тоже любила пользоваться этой привилегией «старшего»: она могла взвинтить себя до полного иступления, однако на следующий день начисто об этом забывала. «Но ты была в таком отчаянии!» — бывало, говорила ей я. «В отчаянии? — очень удивлялась мама. — Разве? Это так выглядело?»

У нас и сейчас есть несколько друзей, весьма подверженных переменам настроений. Когда Чарлз Лоутон¹ играл Эржуля Пуаро в «Алиби», мы с ним как-то во время перерыва на репетиции ели мороженое и потягивали содовую, и он объяснил мне свой метод:

— Очень полезно притворяться импульсивным, даже если на самом деле у вас другой характер. Люди говорят: «Не раздражайте его. Вы же знаете, он человек настроения». Иногда, правда, это утомляет, — добавил он. — Особенно когда не хочется притворяться. Но это вознаграждается. Всегда вознаграждается.

Глава 2

Я очень смутно припоминаю свои занятия литературой в тот период. Не думаю, что даже тогда я воспринимала себя как писателя *bona fide*². Кое-что я писала, да — книжки, рассказы. Их печатали, и я стала привыкать к тому, что могу рассчитывать на это как на надежный источник дохода. Но когда я заполняла анкету и добиралась до графы «род занятий», мне и в голову не приходило написать что бы то ни было, кроме освященного веками: «Замужняя дама». Я была замужней дамой, таков был мой статус и род занятий. Попутно я писала книжки, но никогда не относилась к своему писательству как к чему-то, что торжественно величают «делом жизни» — было бы смешно.

¹ Лоутон Чарлз (1899—1962) — англо-американский актер, прославившийся исполнением характерных ролей.

² Настоящего, без обмана (*лат.*).

Моя свекровь не могла этого понять. «Вы так чудесно пишете, Агата, дорогая, и именно поэтому вам следовало бы написать что-нибудь... ну... более серьезное». Она имела в виду: более «стоящее». Мне было трудно ей объяснить, да я особенно и не старалась, что пишу для собственного удовольствия.

Мне хотелось стать хорошим писателем в детективном жанре, и к тому времени я весьма тщеславно считала себя таковым. Некоторыми своими книгами я была довольна, и они мне даже нравились. Разумеется, не без оговорок — полное удовлетворение, полагаю, вообще недостижимо. Никогда произведение не получается точно таким, каким задумано, как вы представляете его себе, предварительно набрасывая первую главу или прокручивая сюжет в голове.

Моей дорогой свекрови, догадываюсь, хотелось, чтобы я написала биографию какой-нибудь всемирной знаменитости. Едва ли можно найти что-нибудь, менее подходящее для меня. Но я старалась спрятаться за маской скромности, повторяя иногда (хоть на самом деле так и не думала): «Да, конечно, но ведь я не настоящий писатель». Розалинда в этих случаях обычно поправляла меня: «Нет, мама, ты — писатель. Теперь ты уже определенно писатель».

В известном смысле женитьба на мне обернулась для Макса наказанием. Как вскоре выяснилось, он никогда не читал моих романов. Кэтрин Вули заставляла его прочесть «Убийство Роджера Экройда», но ему удалось отвертеться. Кто-то в его присутствии сказал, чем кончается книга, после чего у него появились все основания заявить: «Какой смысл читать роман, если знаешь, чем он кончится?» Однако теперь, в качестве моего мужа, он стоически одолевал мою писанину.

К тому времени я уже написала книг десять, и он мало-помалу начал «выплачивать долги». Поскольку легким чтением Макс считал профессионально написанные труды по археологии и древней культуре, было забавно наблюдать, с каким трудом давалось ему истинно легкое чтение. Тем не менее он был прилежен, и я могу с гордостью сказать, что в конце концов эта добровольно возложенная им на себя повинность ему даже понравилась.

Любопытно, что я плохо помню, как писала книги сразу после замужества. Наверное, я так наслаждалась жизнью, что работала лишь урывками, между делом. У меня никог-

да не было собственной комнаты, предназначенной специально для писания. Впоследствии это создало массу неудобств, поскольку любой интервьюер всегда первым делом желал сфотографировать меня за работой. «Покажите, где вы пишете свои книги».

«О, везде!»

«Но у вас наверняка есть постоянное место, где вы работаете».

У меня его не было. Мне нужен был лишь устойчивый стол и пишущая машинка. Я привыкла уже к тому времени писать сразу на машинке, хотя начальные и некоторые другие главы по-прежнему сперва записывала от руки, а потом перепечатывала. Очень удобно было писать на мраморном умывальном столике в спальне или на обеденном столе в перерывах между едой.

Домашние обычно замечали приближение у меня периода писательской активности: «Глядите, миссис снова села на яйца». Карло и Мэри всегда называли меня в шутку «миссис» и говорили словно бы от имени пса, Питера, да и Розалинда гораздо чаще звала меня так, а не мамой. Во всяком случае, они всегда знали, когда я была «на сносях», смотрели на меня с ожиданием и убеждали закрыться где-нибудь в дальней комнате и заняться делом.

Многие друзья удивлялись: «Когда ты пишешь свои книги? Я никогда не видел тебя за письменным столом и даже не видел, чтобы ты собиралась писать». Должно быть, я вела себя как раздобывшая кость собака, которая исчезает куда-то на полчаса, а потом возвращается с перепачканным землей носом. Я делала приблизительно то же самое. Мне бывало немного неловко «идти писать». Но если удавалось уединиться, закрыть дверь и сделать так, чтобы никто не мешал, тогда я забывала обо всем на свете и неслась вперед на всех парусах.

С 1929 по 1932 год я сделала довольно много: кроме нескольких «полноформатных» книг опубликовала два сборника рассказов. В один из них вошли рассказы мистера Кина — это мои любимые. Я писала их без спешки, по одному в три-четыре месяца, иногда еще реже. Журналам они, похоже, нравились, мне тоже, но я не соглашалась печатать их с продолжением. Мне не хотелось делать из мистера Кина сериал: я надеялась со временем собрать их в книгу. Мистер Кин был для меня эхом моих ранних стихов об Арлекине и Коломбине.

Он просто присутствовал в рассказе — был катализатором сюжета, не более — но само его присутствие влияло на окружающих. Какой-нибудь незначительный факт, казалось бы, не имеющая отношения к делу фраза вдруг показывали, что он есть на самом деле: случайно упавший из окна свет выхватывал из темноты человека в костюме Арлекина — он появлялся на мгновение и тут же снова исчезал. Мистер Кин всегда был другом влюбленных и ходил рядом со смертью. Коротышка мистер Саттертуэйт, можно сказать, агент мистера Кина, тоже стал моим любимым персонажем.

Вышел у меня и другой сборник — «Сообщники». В нем каждый рассказ был написан в манере какого-нибудь известного тогда автора детективов. Сейчас некоторых из них я даже вспомнить не могу. Помню лишь Торили Колтона¹, слепого сыщика, — это, разумеется, Остин Фримен²; Фримена Уиллса Крофта³ с его знаменитыми расписаниями; и конечно же узнаю неизбежного Шерлока Холмса. Любопытно проследить, кто из двенадцати авторов, отобранных тогда мною, все еще известен — одни по-прежнему у всех на слуху, другие более-менее канули в забвенье. В то время мне казалось, что все они, каждый по-своему, пишут прекрасно и занимательно. В «Сообщниках» фигурировали два молодых героя — Томми и Таппенс, — главные действующие лица моей второй по счету книги «Таинственный противник». Было забавно снова встретиться с ними.

«Убийство в доме викария» напечатано в 1930 году, но я совершенно не помню, где, когда, при каких обстоятельствах написала его, почему или, по крайней мере, что подсказало мне выбор нового действующего лица — мисс Марпл — в качестве сыщика. У меня тогда, разумеется, и в мыслях не было сделать ее своим постоянным персонажем до конца жизни, и я никак не могла предположить, что она составит конкуренцию Эркюлю Пуаро.

Читатели в письмах часто предлагают мне устроить встречу мисс Марпл с Эркюлем Пуаро. Но зачем? Уверена, им самим это не понравилось бы. Эркюль Пуаро, законченный эгоист, не стал бы терпеть, чтобы какая-то старая

¹ Торили Колтон — слепой сыщик, персонаж главного произведения английского писателя Клинтон Холланда Стэлга (1890—1916).

² Остин Фримен Ричард (1862—1943) — английский писатель, автор детективных произведений об инспекторе Френче.

³ Крофт Фримен Уиллс (1879—1957) — ирландский писатель, автор детективных произведений об инспекторе Френче.

дева учила его ремеслу. Он профессионал, в мире мисс Марпл он чувствовал бы себя не в своей тарелке. Нет, они оба — звезды, каждая в своем роде. Я не собираюсь сводить их, во всяком случае, если не почувствую вдруг неодолимого желания сделать это.

Быть может, мисс Марпл появилась потому, что я испытала огромное удовольствие, описывая сестру доктора Шеппарда в «Убийстве Роджера Экройда». Она — моя самая любимая в этой книге — ворчливая старая дева, очень любопытная, знающая все и вся обо всех, все слышащая, — словом, розыскная служба на дому. Когда книгу решили инсценировать, больше всего меня огорчило то, что Кэролайн из сюжета исключили. Вместо нее доктора снабдили другой сестрой — гораздо более молодой, симпатичной девушкой, которая могла представить для Пуаро романтический интерес.

Когда мне впервые предложили сделать из моей книги пьесу, я понятия не имела, какие страдания испытывает автор из-за перекраивания сюжета. У меня была — уже не помню когда — написана собственная детективная пьеса. Хьюз Мэсси ее не одобрил, по сути дела, мне предложили от нее отказаться, и я упорствовать не стала. Пьеса называлась «Черный кофе». Это был традиционный шпионский триллер, который хоть и строился в соответствии с общепринятыми клише, казался мне вовсе недурным. Впрочем, пьеса дождалась своего часа: приятель по Саннингдейлу, мистер Берман, как-то связанный с Королевским театром¹, предложил ее поставить.

Странно: почему-то роль Пуаро всегда исполняли актеры нестандартных габаритов. Чарлз Лоутон имел немало лишнего веса, и Фрэнсис Салливен был широк в плечах, толст и ростом под два метра. Он играл Эркюля Пуаро в «Черном кофе». Первая постановка была, если не ошибаюсь, в «Эвримене»², в Хэмпстеде³, роль Люсии исполняла Джойс Блэнд, которую я всегда считала очень хорошей актрисой.

¹ Королевский театр — театр в лондонском районе Сохо, открытый в 1840 году. Здание театра было разрушено во время Второй мировой войны. Ставились классические и современные пьесы.

² «Эвримен» — небольшой театр в Лондоне, пик популярности которого приходится на 20-е годы, сейчас известен как кинотеатр.

³ Хэмпстед — модный район на севере Лондона, сохраняющий черты живописной деревни.

«Черный кофе» тихо играли там четыре или пять месяцев, после чего он перебрался и в Уэст-Энд¹; двадцать с лишним лет спустя спектакль был возобновлен с небольшими изменениями и долго держался в репертуаре.

Пьесы-триллеры обычно похожи друг на друга по сюжету. Разнятся они лишь Врагом. Всегда имеется международная банда преступников à la Мариарти² — сначала это были немцы, «гунны» Первой мировой войны, затем коммунисты, потом, в свою очередь, их сменили фашисты. Были русские, китайцы, затем снова международная банда, но неизменно оставался Главный Преступник, стремящийся к мировому господству.

Впервые мою книгу «Убийство Роджера Экройда» инсценировал Майкл Мортон, набивший себе руку на инсценировках. Пьеса называлась «Алиби». Первый вариант мне очень не понравился: Пуаро в нем был лет на двадцать моложе, звали его Красавчик Пуаро, и все девушки в него влюблялись. К тому времени я уже так привязалась к Пуаро, что поняла: это на всю жизнь. Вот почему я яростно возражала против искажения его образа. В конце концов с помощью продюсера Джералда Дюморье³, который поддерживал меня, удалось сохранить Пуаро, пожертвовав сестрой доктора, Кэролайн, которую, как я уже говорила, заменили молодой привлекательной девушкой, что мне очень не понравилось. Кэролайн играла существенную роль в деревенской жизни: было интересно наблюдать, как по-разному жизнь эта преломляется в сознании доктора и его властной сестры.

Думаю, именно тогда, в Сент-Мэри-Мид, хоть я и не отдавала себе в том отчета, родились мисс Марпл и все ее окружение — мисс Хартнел, мисс Уэтерби, полковник Бэнтри с женой. Они жили уже в моем подсознании, готовые воплотиться в персонажей и выйти на сцену.

Перечитывая «Убийство в доме викария», я не испытываю уже такого удовлетворения, как прежде. В книге слишком много персонажей и побочных сюжетных линий. Но основа сюжета — добротная. Деревня кажется мне совершенно реальной — таких деревень существует множество, даже и сейчас. Молодые горничные из сиротских

¹ Уэст-Энд — западная фешенебельная часть Лондона.

² Подобно Мариарти (*фр.*) — имеется в виду смертельный враг Шерлока Холмса, глава преступного мира Лондона в произведениях Артура Конан Дойла.

³ Дюморье Джералд — английский актер и импресарио.

приютов и вышколенные слуги, делающие карьеру, исчезли, но приходящие служанки, сменившие их, так же естественны и человечны — хоть, надо признать, по части обученности им далеко до своих предшественниц.

Мисс Марпл так быстро вошла в мою жизнь, что я и опомниться не успела. Я написала для журнала цикл из шести рассказов. В них было шесть персонажей, которые встречаются в своей маленькой деревушке и каждый вечер рассказывают друг другу истории о нераскрытых преступлениях. Первой я вывела мисс Джейн Марпл, пожилую даму, очень напоминавшую некоторых илинских подруг моей Бабушки — сколько я перевидала их в деревнях, куда меня возили в детстве! Мисс Марпл ни в коей мере не есть портрет моей Бабушки: она гораздо суетливей, к тому же она — старая дева. Но одна черта их роднит — сколь ни была бы жизнерадостна моя Бабушка, ото всех и от всего она ждала худшего и с пугающим постоянством оказывалась права.

«Буду удивлена, если то-то и то-то не случится», — говорила, бывало, Бабушка, с мрачным видом покачивая головой. И хоть у нее не было никаких оснований для подобных умозаключений, происходило именно то-то и то-то.

«Хитрый парень, не верю ему», — замечала Бабушка, и, когда впоследствии оказывалось, что вежливый молодой банковский служащий совершил растрату, она несколько не удивлялась, а просто кивала головой.

«Да, — говорила она, — знавала я пару подобных молодцов».

Никто никогда не выудил из Бабушкиных сбережений ни единого пенни и ни на одно сделанное ей предложение она не соглашалась легковерно. Любого претендента в чьи-нибудь женихи она пригвождала пронизательным взглядом, а потом роняла: «Знаю я таких и знаю, какими они становятся потом. Надо будет позвать друзей на чай и рассказать, что за тип вертится поблизости».

От Бабушкиных пророчеств становилось порой не по себе. У моих брата и сестры была ручная белочка, жившая в доме около года. Как-то Бабушка, обнаружив ее в саду со сломанной лапкой, с умудренным видом сказала: «Помяните мое слово, на днях эта белка сгорит в дымоходе».

Белочка сгорела через пять дней.

Или вот еще история с вазой, стоявшей в гостиной на полке, над дверью.

«На твоём месте, Клара, я бы ее здесь не держала, — сказала маме Бабушка. — Кто-нибудь хлопнет дверью или потянет сквозняком — и ваза упадет».

«Но, Бабушка-Тетушка, милая, она стоит там уже десять месяцев».

«Может быть», — согласилась Бабушка.

Несколько дней спустя была гроза, дверь хлопнула — ваза свалилась. Быть может, это ясновидение. Во всяком случае, в какой-то мере я наделила мисс Марпл даром Бабушки-Тетушки. Мисс Марпл не назовешь недоброй, просто она не доверяет людям. И хоть ждет от них худшего, бывает добра, независимо от того, что они собой представляют.

Когда мисс Марпл родилась, ей было уже под семьдесят, что, как и в случае с Пуаро, оказалось неудобным, ибо ей предстояло еще долго жить вместе со мной. Если бы я обладала даром предвидения, я бы в самом начале придумала не по годам смышленного мальчика-детектива, который вырослел и старел бы вместе со мной.

В цикле из шести рассказов я окружила мисс Марпл пятью партнерами. Во-первых, это ее племянник — современный писатель, предпочитающий довольно специфические сюжеты — кровосмешение, секс, — склонный к отвратительным описаниям спален и отхожих мест. Словом, Реймонд Уэст видит жизнь с худшей стороны. К своей старой, милой, дорогой суетливой тетушке он относится с великодушием и добротой, как к человеку, не понимающему в каком суровом мире он живет. Во-вторых, я придумала молодую женщину — современную художницу, у которой с Реймондом Уэстом особые отношения. Затем мистер Пэттигрю, местный адвокат — пожилой, сдержанный, наблюдательный. Деревенский доктор — очень полезный человек, так как знает массу историй, подходящих для вечернего обсуждения. И, наконец, священник.

Для истории, рассказанной самой мисс Марпл, я придумала смешное название — «Пальцы святого Петра». Позднее я написала еще шесть рассказов с мисс Марпл, и все двенадцать плюс еще один, дополнительный, были опубликованы в Англии под названием «Тринадцать загадочных случаев», а в Америке — «Вторичный клуб убийц».

«Загадка Эндхауза» — еще одна книга, оставившая по себе столь незначительное впечатление, что я даже не по-

мню, как писала ее. Может быть, я детально разработала ее сюжет гораздо раньше, что делаю очень часто и из-за чего порой не могу припомнить, когда книга была написана, а когда опубликована. Идеи возникают у меня в голове в самые неподходящие моменты: когда иду по улице или с пристальным интересом рассматриваю витрину шляпного магазина. Вдруг меня осеняет, и я начинаю соображать: «Как бы замаскировать преступление таким образом, чтобы никто не догадался о мотивах?» Конечно конкретные детали предстоит еще обдумать, и персонажи проникают в мое сознание постепенно, но свою замечательную идею я тут же коротко записываю в тетрадку.

Пока все чудесно — но потом я непременно теряю тетрадку. Обычно у меня в работе их около дюжины одновременно: раньше я заносила в них идеи, вдруг пришедшие в голову, сведения о каком-нибудь яде или снадобье, сообщения о ловких мошенничествах, вычитанные из газет. Конечно, если бы тетрадки были у меня аккуратно сложены, рассортированы и надписаны, это избавило бы меня от многих хлопот. И все же иногда так приятно, просматривая кипу старых тетрадей, наткнуться на что-нибудь вроде: «Вероятный сюжет — додумать — девушка на самом деле не сестра — август» — и далее набросок сюжета. О чем все это, я уже вспомнить не могу, но зачастую такая запись дает толчок к написанию если не того самого рассказа, то чего-нибудь другого.

Есть сюжеты дразнящие, я люблю подолгу обдумывать и обыгрывать их, зная, что в один прекрасный день из них получатся книги. Идея «Роджера Экройда» очень долго бродила у меня в голове, пока удалось придумать все детали. Еще одной идеей я обязана посещению спектакля Рут Дрейпер¹. Я восхищалась ее профессионализмом и способностью к перевоплощению, она удивительно умела из сварливой жены моментально превратиться в девушку-крестьянку, смиренно преклонившую колена в соборе. Под этим впечатлением был написан роман «Смерть лорда Эджвера».

Начав писать детективы, я совершенно не была расположена оценивать события, в них происходящие, или

¹ Дрейпер Рут — английская актриса, получившая широкую известность благодаря виртуозному исполнению драматических монологов, которые сама и писала.

серьезно размышлять над проблемами преступности. Детектив — рассказ о погоне; в значительной мере это моралите — правоучительная сказка: порок в нем всегда повержен, добро торжествует. Во времена, относящиеся к войне 1914 года, злодей не считался героем: враг был плохой, герой — хороший, именно так — грубо и просто. Тогда не было принято окунаться в психологические бездны. Я, как и всякий, кто пишет или читает книги, была против преступника, за невинную жертву.

Впрочем, одно исключение все же существовало — популярный герой Рэффлз¹, блестящий игрок в крикет, удачливый вор-взломщик со своим кроликоподобным помощником Банни. Рэффлз всегда немного шокировал меня, а теперь, оглядываясь назад, я испытываю еще большее смущение, чем тогда, хотя он, разумеется, написан в духе старых традиции — эдакий Робин Гуд². Но Рэффлз был безобидным исключением. Кто бы мог подумать, что настанут времена, когда книги о преступлениях будут провоцировать тягу к насилию и приносить садистское удовольствие описаниями жестокости ради жестокости? Резонно было бы предположить, что общество восстанет против таких книг. Ничего подобного — жестокость стала сегодня вполне заурядным явлением. Я все не могу взять в толк, как это может быть, если подавляющее большинство людей, знакомых каждому из нас — и молодых и постарше, — на редкость добрые и любезные. Поддерживают стариков, всегда готовы прийти на помощь. Меньшинство, которых я называю «ненавистниками», весьма немногочисленно, но, как любое меньшинство, оно заявляет о себе громче, чем большинство.

Пишущий криминальные истории неизбежно начинает интересоваться криминалистикой. Мне особенно интересно читать свидетельства тех, кто вступал в контакт с преступниками, особенно тех, кто пытался помочь им или, как говорили в старину, «перевоспитать» — теперь, вероятно, существуют гораздо более подходящие для этого термины. Безусловно, есть такие, кто, подобно шекспировс-

¹ Имеются в виду сыщик Джент Рэффлз и преданный ему Банни, персонажи английского писателя Эрнеста Уильяма Хорнунга (1866—1921).

² Робин Гуд — полупоупендарный герой шотландских и английских баллад, живший в XII—XIII веках, боровшийся против богатей и помогавший беднякам, благородный разбойник.

кому Ричарду III¹, имеет основания сказать, что зло — их бог. Они сознательно привержены злу, словно мильтоновский Сатана², который хотел быть великим, жаждал власти, мечтал сравниться с Богом. Он не знал любви, следовательно, не было в нем и смирения. Могу сказать на основании собственных жизненных наблюдений, что там, где нет смирения, люди гибнут.

Одна из самых больших радостей для автора, работающего в детективном жанре, — многообразие выбора: можно писать легкий триллер, что очень приятно делать, можно — запутанную детективную историю со сложным сюжетом, это интересно технически, хотя и требует большого труда, зато всегда вознаграждается. И еще можно написать нечто, что я назвала бы детективом на фоне страсти, где страсть помогает спасти невинного. Ибо только невинность имеет значение, а не вина. Не стану много рассуждать об убийцах; просто я считаю, что для общества они — зло, они не несут ничего, кроме ненависти, и только она — их орудие. Хочу верить, что так уж они созданы, от рождения лишены чего-то; наверное, их следует пожалеть, но все равно щадить их нельзя, как — увы! — нельзя было в средние века щадить человека, спасшегося из охваченной эпидемией чумы деревни, ибо он представлял собой угрозу для невинных и здоровых детей в соседних селениях. Невинный должен быть защищен; он должен иметь возможность жить в мире и согласии с окружающими.

Меня пугает то, что никому, кажется, нет дела до невинных. Читая об убийстве, никто не ужасается судьбой той худенькой старушки в маленькой табачной лавке, которая, повернувшись, чтобы снять с полки пачку сигарет для молодого убийцы, подверглась нападению и была забита им до смерти. Никто не думает о ее страхе, ее боли и ее спасительном забытии. Никто не чувствует смертельной муки жертвы — все жалуют убийцу: ведь он так молод.

Почему его не казнят? Мы ведь убиваем волков, а не пытаемся научить их мирно ладить с ягнятами, — сомнева-

¹ Ричард III — главный персонаж хроники Шекспира «Ричард III» (1592—1593), король, добившийся трона с помощью многочисленных убийств и преступлений и абсолютно лишенный моральных принципов.

² Сатана — персонаж эпических поэм «Потерянный Рай» и «Возвращенный Рай» английского поэта и политического деятеля Джона Мильтона (1608—1674), богоборец, побуждаемый гордыней и завистью и призывающий ангелов к войне с Творцом.

юсь, чтобы это было возможно. За дикими кабанами, которые спускались с гор и убивали детей, игравших у ручья, охотились и расправлялись с ними. Эти животные были нашими врагами — и мы их уничтожали.

А что делать с теми, кто заражен бациллой безжалостной ненависти, для кого чужая жизнь — ничто? Часто это люди из хороших семей, имеющие блестящие возможности, неплохо образованные, но они оказываются, попросту говоря, порочными. А разве существует лекарство от порока? Чем наказывать убийцу? Только не пожизненным заключением — это еще более жестоко, чем чаша с цикутой¹, которую подносили осужденному в Древней Греции. Наиболее подходящим выходом, с моей точки зрения, была бы депортация на голые земли, населенные только примитивными человеческими существами.

Нужно набраться смелости и признать: то, что мы называем пороками, когда-то почиталось за весьма полезные качества. Без жестокости, безжалостности, полного отсутствия милосердия человек, быть может, и не выжил бы, он бы очень скоро исчез с лица земли. Наш порочный современник в доисторические времена имел бы реальный шанс преуспеть. Тогда он был полезен, но теперь — вреден и опасен.

По-моему, можно приговаривать таких людей к принудительным общественным работам. Или позволить преступнику выбор между ядом и предоставлением себя для научных опытов, к примеру. Существует множество сфер, особенно в медицине, врачевании, где человеческий организм жизненно необходим для проведения исследований — опыты на животных недостаточны. Сейчас ученые, исследователи-энтузиасты, насколько мне известно, рискуют собственными жизнями. Преступник вместо того, чтобы быть казненным, мог бы добровольно стать подопытным кроликом на определенный срок, по истечении которого, если останется жив, считался бы отбывшим наказание и становился бы свободным человеком — каинова печать² была бы смыта с его чела.

Конечно, это может никак не повлиять на преступника, он лишь скажет себе: «Что ж, повезло, как бы то ни

¹ Цикута — смертельный яд, добываемый из некоторых водных и болотных трав семейства зонтичных, произрастающих главным образом в Северной Америке.

² Каинова печать — печать убийцы, согласно Библии (Книга Бытия, 4), такой метой Господь пометил Каина, старшего сына Адама и Евы, который из зависти убил своего младшего брата Авеля.

было, я спасся». Но, быть может, тот факт, что общество станет теперь обязанным такому человеку, затронет все же какую-то струнку в его душе? Никогда не следует питать чрезмерных надежд, но и терять надежду не стоит. У преступника, по крайней мере, появится шанс сделать нечто полезное и избежать заслуженной кары — шанс начать жизнь сначала. Разве не может случиться, что на сей раз он проживет ее несколько иначе? И разве не будет у него оснований чуть-чуть гордиться собой?

Если же нет, останется лишь сказать — помилуй их Бог. Пусть не в этой, в следующей жизни они, быть может, все же пойдут «все выше и вперед»? Но остается проблема невинных людей — тех, кто искренне и отважно идет по нынешнему жизненному пути и здесь нуждается в защите от зла. Они — главная наша забота.

Вероятно, когда-нибудь порочность научатся лечить, — может, будут пересаживать сердца, может, — замораживать людей, не исключено, что найдут способ менять клетки и гены. Представьте себе, скольких кретиннов можно исцелить, изучив, как влияет на интеллект недостаточная или чрезмерная функция щитовидной железы.

Я отвлеклась от предмета, но, надеюсь, объяснила, почему жертвы интересуют меня больше, нежели преступники. Чем больше у жертвы жизненной энергии, тем больше возмущает меня преступление и тем больше я ликую, если удастся в последний момент выволить обреченного из объятий смерти.

Однако вернемся из долины мертвых. Я решила не «вылизывать» эту книгу до блеска. Во-первых, возраст у меня преклонный, а нет ничего утомительней, чем перечитывать написанное и пытаться привести все в хронологическое соответствие или организовать факты по-новому, избегая повторов. Я скорее просто разговариваю сама с собой, что свойственно писателю. Бредешь иногда по улице, проходишь мимо магазинов, куда собирался заглянуть, мимо учреждений, которые должен был посетить, энергично — но, надеюсь, не слишком громко — беседуешь сам с собой, выразительно закатывая глаза, и вдруг замечаешь, что прохожие сторонятся, явно принимая тебя за сумасшедшую.

Ну что ж, вероятно, это то же самое, что разговаривать с Котятами — кошачьим семейством моего детства, я обожала это занятие, когда мне было четыре года. Вообще-то я и сейчас люблю поболтать с ними.

В марте следующего года, как и предполагалось, я отправилась в Ур. Макс встречал меня на вокзале. Интересно, буду ли я смущена, думала я, в конце концов, до разлуки мы были вместе совсем недолго. К моему удивлению, мы встретились так, словно расстались лишь вчера. Макс писал мне подробнейшие письма, и я была осведомлена о ходе археологических раскопок того сезона настолько, насколько вообще может быть осведомлен новичок в этой области. Несколько последних дней перед возвращением домой я провела в доме экспедиции. Лен и Кэтрин принимали меня очень тепло, а Макс решил, что я должна непременно ходить на раскопки.

Нам не повезло с погодой: началась песчаная буря. Тогда-то я впервые заметила, что глаза у Макса невосприимчивы к песку. В то время как я, ослепленная этим бедствием, принесенным ветром, ковыляла позади Макса, постоянно на него натываясь, сам Макс шагал впереди с широко открытыми глазами и показывал то, другое, пятое, десятое. Первым моим побуждением было бежать назад и укрыться в доме, но я мужественно поборолла собственное малодушие, потому что, несмотря на все превратности погоды, мне было чрезвычайно интересно самой увидеть то, о чем писал Макс.

По окончании сезона мы решили возвращаться домой через Персию¹. Тогда как раз начала действовать авиалиния, немецкая. Небольшой самолет летал из Багдада в Персию, и мы воспользовались его услугами. Это была одномоторная машина, экипаж которой состоял из одного пилота, и мы чувствовали себя отчаянными храбрецами. Быть может, тот полет и в самом деле был рискованным — нас не покидало ощущение, что мы вот-вот врежемся в горный склон.

Первая посадка была в Хамадане², вторая — в Тегеране³. Из Тегерана мы полетели в Шираз⁴. Помню, он чу-

¹ Персия — прежнее название Ирана.

² Хамадан — город в центральной части Ирана, славящийся производством ковров.

³ Тегеран — столица Ирана, один из древнейших на Востоке торговых и культурных центров.

⁴ Шираз — город на юго-западе Ирана, центр ковроделия и лаковой миниатюры.

десно выглядел с воздуха — словно темно-зеленый изумруд посреди обширной серо-коричневой пустыни. По мере снижения зеленый цвет становился еще более насыщенным, и, когда мы наконец сели, нашим взорам открылся зеленый город-оазис со множеством садов и пальмовых аллей. Я не думала, что столь большая часть территории Персии покрыта пустынями, но теперь знаю, почему иранцы так ценят сады — они им слишком дорого даются.

Помню, мы побывали в очень красивом доме. Спустила много лет, снова приехав в Шираз, я упорно пыталась найти его — увы, безуспешно. А в третий приезд мы его отыскали. Я узнала его по медальонам, которыми были расписаны стены и потолок одной из комнат. Один медальон изображал Холборнский виадук¹. Видимо, еще в викторианские времена местный шах, побывав в Лондоне, направил туда художника, приказав зарисовать приглянувшиеся владыке места. И вот, спустя много лет, Холборнский виадук, слегка, правда, выцветший, затертый и поцарапанный, все еще украшал стену ширазского дома. В доме никто уже не жил, он разваливался, но все еще был красив, несмотря на то что входить в него стало небезопасно. Он послужил мне местом действия для рассказа «Дом в Ширазе».

Из Шираза на машине мы отправились в Исфahan². Это была долгая поездка по разбитой колее. Все время через пустыню. Лишь изредка попадалась захудалая деревушка. На ночь пришлось остановиться в очень уж примитивном доме для проезжающих и спать на голых досках, прикрытых лишь ковриками, вытащенными из машины. Прислуживал в доме мужчина сомнительного вида, похожий на бандита, а помогали ему несколько крестьян, напоминавших скорее головорезов.

Мы провели там ужасную ночь. Доски, на которых мы спали, были невероятно жесткими. Трудно поверить, но после нескольких часов такого сна бедра, руки и плечи покрылись синяками. Однажды мне уже доводилось столь же неудобно спать в номере багдадского отеля. Помню, я ре-

¹ Виадук — сооружение мостового типа, возводимое на пересечении дороги с глубоким оврагом, лощиной, горным ущельем и т. п.

² Исфahan — город на территории современного Ирана, древний торговый центр Ближнего и Среднего Востока.

шла узнать, в чем дело: подняла матрас и обнаружила тяжелую доску, положенную явно для того, чтобы прижать выскочившие пружины. Однако коридорный дал другое объяснение — якобы до меня в номере жила иракская дама, которая не могла уснуть, потому что постель была слишком мягкой, вот доску и положили, чтобы дать возможность даме отдохнуть хоть несколько часов.

Утром мы снова пустились в путь и, сильно измученные, прибыли наконец в Исфахан. С того первого визита я всегда считала Исфахан самым красивым городом в мире. Нигде больше нет таких великолепных цветов — розового, голубого и золотого, — в какие окрашены растения, птицы, арабески¹, прелестные сказочные дома и чудесные яркие изразцы. Поистине волшебный город! После того первого знакомства я не была в Исфахане почти двадцать лет и со страхом ожидала новой встречи — вдруг все окажется совсем иным? К счастью, город очень мало изменился. Естественно, появились новые современные улицы и несколько более современных магазинов, но здания и дворики благородной исламской архитектуры, чудесные изразцы и фонтаны никуда не исчезли. Исфаханцы не были теперь столь фанатично настроены, и появилась возможность заглянуть в некоторые мечети, недоступные чужакам прежде.

Дальше мы с Максом решили ехать через Россию, если получение паспортов, виз, обмен денег и прочие формальности не окажутся слишком труднопреодолимыми. Дабы осуществить эту идею мы отправились в Иранский банк. Здание, в котором он располагался, было настолько великолепным, что больше напоминало дворец, нежели финансовое учреждение. И точно: обнаружить, где же именно проводятся банковские операции, было очень нелегко. Пройдя сложную систему коридоров с фонтанами, мы попали в просторный вестибюль, в дальнем конце которого молодые люди в элегантных европейских костюмах писали что-то за стойкой в конторских книгах. Но, как я успела заметить, на Ближнем Востоке за банковской стойкой дела не делаются. Вас всегда посылают к управляющему, заместителю управляющего или, на худой конец, к чиновнику, который выглядит как управляющий.

¹ Арабеска — европейское название сложного орнамента, состоящего из сплетения геометрических и стилизованных растительных мотивов, иногда в композицию включены надписи.

Чиновник кивком головы подзывает одного из посыльных в живописных одеждах, приглашает вас присесть на любой из необъятных кожаных диванов и надолго исчезает. Наконец он возвращается, кивает посыльному, и тот ведет вас по грандиозной мраморной лестнице к некой заветной двери. Он стучит в нее и входит, оставив вас снаружи, затем выходит, сияя улыбкой и показывая, как он рад, что вам дозволено приобщиться к сокровенному. Входя в комнату, вы чувствуете себя по крайней мере эфиопским принцем.

Обаятельный, обычно довольно тучный человек встает вам навстречу и приветствует на безупречном английском или французском языке, приглашает сесть, предлагает чай или кофе, спрашивает, когда вы приехали, понравился ли вам Тегеран, откуда вы следуете, и, наконец, — как бы случайно, между делом — интересуется, чем может быть вам полезен. Вы сообщаете, что вам нужны дорожные чеки. Он берет маленький колокольчик, стоящий у него на столе, звонит — входит другой посыльный, и чиновник бросает ему: «Мистера Ибрагима». Приносят кофе, продолжается разговор о путешествиях, о мировой политике, видах на урожай.

Является мистер Ибрагим — обычно человек лет тридцати в красно-коричневом европейском костюме. Управляющий банком объясняет ему, что вы желаете, а вы сообщаете, в каких купюрах предпочитаете получить сумму, требующуюся вам наличными. Тогда мистер Ибрагим достает из папки шесть или больше бланков, которые вы должны подписать, после чего исчезает и начинается новая интермедия¹.

Воспользовавшись именно такой паузой, Макс и заговорил о нашем намерении посетить Россию. Управляющий банком вздохнул и воздел руки к небу.

— Вас ждет множество трудностей, — сообщил он.

Макс согласился, он знает, что это трудно, но в принципе — возможно. Ведь не существует официального запрета пересекать границу.

— Сейчас там, кажется, нет вашего дипломатического представительства. Ни одного консульства.

¹ Интермедия — комическая «вставная» пьеса, исполняемая между актами драматического представления.

Макс сказал, что и это ему известно, но, по его сведениям, нет и запрета для англичан посещать эту страну по своему желанию.

— Конечно никаких запретов! Разумется, вам придется взять с собой наличные.

Естественно, согласился Макс, он понимает, что придется брать наличные.

— И любые финансовые отношения с нами будут считаться незаконными, — печально сообщил управляющий.

Это меня немного насторожило. Я, в отличие от Макса, не знала специфики восточной манеры ведения дел и не могла взять в толк, как банковская операция может быть незаконной и в то же время широко практикуемой.

— Видите ли, — объяснил управляющий, — законы меняются, меняются постоянно. И они всегда друг другу противоречат. Один закон гласит, что при определенных условиях вы не можете получить деньги, а другой утверждает, что только при этих самых условиях вы и можете их получить, — что прикажете делать? Мы делаем то, что кажется наиболее разумным в данный день данного месяца. Говорю вам это, чтобы вы знали заранее, что, хоть я и могу вести ваши дела — оплачивать покупки, обеспечивать нужной валютой, — все это будет незаконно.

Макс сказал, что все понял. Управляющий повеселел и заверил нас, что путешествие будет чудесным.

— Давайте подумаем — вы хотите до Каспийского моря ехать на машине? Да? Это восхитительная поездка: сначала в Решт¹, из Решта — в Баку на пароходе, на русском пароходе. О нем я совсем ничего не знаю, но люди ездили на нем, да, ездили.

По его тону можно было предположить, что люди, плававшие на этом пароходе, бесследно исчезли и об их дальнейшей судьбе никому ничего не известно.

— Вам придется взять с собой не только деньги, но и еду, я не знаю, можно ли в России где-нибудь поесть. Во всяком случае, в поезде Баку — Батум² поесть негде, все надо брать с собой.

Мы перешли к обсуждению гостиниц и некоторых других проблем, и все оказывалось неимоверно сложным.

¹ Решт — город в западной части Ирана.

² Батум — старое название грузинского города Батуми, столицы Аджарии, порт на Черном море.

Тем временем появился еще один джентльмен в красно-коричневом костюме, моложе мистера Ибрагима, этого звали мистер Магомет. Мистер Магомет принес еще несколько бланков, которые Макс подписал, и попросил мелочь на приобретение необходимых марок. Был вызван очередной посыльный, его отправили на базар менять деньги.

Снова явился мистер Ибрагим и вручил нам требуемую сумму — в крупных купюрах, хотя мы просили помельче.

— О да, но это очень трудно, — печально оправдывался он, — действительно очень трудно. Иногда у нас имеются в наличии купюры одного достоинства, иногда — другого. Одним клиентам везет, а другим не везет.

Пришлось смириться с невезением.

Управляющий попытался подсластить пилюлю, снова послав за кофе, затем, обернувшись к нам, сказал:

— Лучше всего в Россию взять все деньги в туманах¹. Туманы в Персии запрещены, но это единственное, на что здесь можно жить, ибо ничего, кроме туманов, у вас на базаре не возьмут.

Еще один мармидонянин² был послан на базар менять значительную часть только что полученных нами денег на туманы. Туманы оказались чрезвычайно тяжелыми монетами из чистого серебра.

— А с паспортом у вас все в порядке? — поинтересовался управляющий.

— Да.

— Он действителен для Советского Союза?

Мы ответили утвердительно — он действителен для всех стран Европы, включая Советский Союз.

— Ну, тогда хорошо. Визу, безусловно, будет нетрудно получить. Итак, решено? Вам нужно нанять машину — это помогут сделать в отеле — и взять с собой еды дня на три-четыре. Поездка из Баку в Батум занимает несколько дней.

Макс сказал, что хотел бы сделать остановку в Тифлисе³.

¹ Туман (*перс*) — серебряная монета

² Мармидонянин — верный приспешник-слуга, первоначально в греческой мифологии прозвище воинов из Сессалии (страна на северо-востоке Греции), которые под предводительством царя Ахилла принимали участие в Троянской войне.

³ Тифлис — старое название Тбилиси (до 1936 года), столицы Грузии.

— О, об этом спросите, когда будете получать визу. Не думаю, чтобы это было возможно.

Макс огорчился, однако пришлось смириться. Поблагодарив управляющего, мы откланялись. Наш визит продолжался два с половиной часа.

Еда в отеле была несколько однообразной. Что бы мы ни заказывали, что бы ни просили, официант всегда говорил: «Сегодня очень хорошая икра — очень хорошая, очень свежая». Мы охотно заказывали икру, она была смешотворно дешева — сколько бы нам ее ни приносили, это неизменно стоило всего пять шиллингов. Но иногда мы все же пытались отказаться от икры, скажем, на завтрак — утром икры почему-то не хочется.

— Что у вас на завтрак? — спрашивала я.

— Икра — *très frais*¹.

— Нет, икры я не хочу, принесите, пожалуйста, что-нибудь другое. Яйца? Бекон?

— Больше ничего нет, — отвечал официант. — Есть еще хлеб.

— Совсем ничего? Даже яиц?

— Икра, *très frais*, — твердо стоял на своем официант.

Нам приносили немного икры и очень много хлеба. Другое блюдо, которое, помимо икры, нам предлагали на ленч, — нечто под названием «*La Tourte*»², представлявшее собой большой и слишком сладкий пирог с джемом, тяжелый, но с приятным ароматом.

Пришлось консультироваться с нашим официантом относительно того, какую еду брать в Россию. В основном официант рекомендовал, разумеется, икру — мы смирились с двумя невероятных размеров банками. Официант посоветовал также захватить шесть жареных уток. Плюс к этому мы везли с собой хлеб, коробку печенья, несколько банок джема и фунт чая — «для паровоза», как объяснил официант. Мы не совсем поняли, зачем паровозу чай. Быть может, он хотел сказать, что в России принято, чтобы пассажиры угощали чашкой чаю машиниста? Как бы то ни было, мы прихватили чай и кофе.

В тот вечер после обеда мы разговорились с молодой французской парой. На француза произвела большое впечатление наша предполагаемая поездка — он с ужасом качал головой. «*C'est impossible! Impossible pour Madame! Ce*

¹ Очень свежая (фр)

² «Круглый пирог» (фр)

bateau, le bateau de Recht à Baku, ce bateau russe, c'est infecte. Infecte, Madame»¹.

Замечательный язык! Это французское «infecte» было преисполнено такого отвращения к мерзости, творившейся на пароходе, что я готова была отказаться от поездки.

— Вы не должны везти туда мадам, — настаивал француз. Но «мадам» не дрогнула.

— Думаю, этот пароход вовсе не так «infecte», как он говорит, — сказала я Максу позднее. — Во всяком случае, у нас полно присыпки от клопов и прочих насекомых.

В назначенный срок, получив необходимые документы в российский консульстве, ни за что не пожелавшем разрешить нам посещение Тифлиса, мы двинулись, нагруженные множеством туманов. Нам удалось нанять хорошую машину.

Путешествие к Каспию действительно было восхитительным. Сначала мы карабкались вверх по голым скалистым холмам. А перевалив через высшую точку и спустившись вниз, оказались в совершенно другом мире — в Реште была теплая, мягкая погода и шел дождь.

Когда нас вели на infecte русский пароход, мы немного нервничали. Но, взойдя на борт, обнаружили такое разительное отличие от Персии и Ирака, какое трудно себе представить. Во-первых, на пароходе было безупречно чисто, как в больнице, как в настоящей больнице. В каютах стояли высокие железные кровати, на них лежали жесткие соломенные тюфяки, покрытые чистыми простынями из грубой хлопковой ткани; в каждой каюте был простой жестяной кувшин и таз. Члены корабельной команды напоминали роботов — все под два метра ростом, светловолосые, с безразличным выражением лиц. Они обращались с нами вежливо, но так, словно на самом деле нас там не было. Мы с Максом чувствовали себя точно так же, как самоубийцы из пьесы «Уходящие в плаванье»² — муж и жена, словно призраки кружащие по кораблю. С нами никто не разговаривал, никто на нас не смотрел и вообще не обращал ни малейшего внимания.

¹ Это невозможно! Невозможно для мадам! Этот пароход, пароход из Решта в Баку, этот русский пароход заразен. Заразен, мадам! (фр.)

² «Уходящие в плаванье» — пьеса английского драматурга Саттона Вэйна (1888—1963) о пассажирах плывущего в неизвестность корабля, которые обнаруживают, что они мертвы и что их никто не слышит и не видит

Однако наконец мы увидели, что в салоне накрывают столы, и с надеждой заглянули внутрь. Никто не сделал приглашающего жеста и даже, кажется, не заметил нас. Макс, собрав все свое мужество, спросил, можно ли нам поесть. Его вопроса явно не поняли. Он попробовал задать его по-французски, по-арабски и, как мог, по-персидски. Никакого впечатления. Тогда, отчаявшись, он раскрыл рот и решительно указал пальцем на горло — этого универсального жеста не понять было невозможно. Официант тут же пододвинул к столу два стула, мы сели, и нам принесли еду. Она была вполне приличной, хоть и весьма простой, и стояла неправдоподобно дешево.

В Баку нас встречал представитель «Интуриста» — обаятельный, все знающий и бегло говорящий по-французски. Он предложил нам пойти в оперу на «Фауста». Мне этого, однако, вовсе не хотелось: не затем я ехала в Россию, чтобы слушать «Фауста». Мы попросили составить нам другую программу. Тогда вместо «Фауста» он потащил нас осматривать разные здания, в том числе недостроенные многоквартирные дома.

Очень забавной была процедура схождения на берег. Шесть роботоподобных носильщиков, выстроившись по старшинству, поочередно подходили к нашим вещам. Такса, как сообщил наш интуристовский гид, составляла один рубль за любое место багажа. Каждый носильщик брал одну вещь. Самому незадачливому достался неподъемный чемодан, набитый книгами Макса; самому везучему — мой зонтик. Плату оба получили равную.

Отель, где нас поселили, тоже оказался забавным. Этот, как нетрудно догадаться, реликт прежней роскоши был переполнен грандиозной старомодной белой мебелью со множеством резных роз и херувимов. Почему-то вся она стояла посреди комнаты, словно грузчики только что внесли гардероб, стол, комод — и все так и оставили. Даже кровати не придвинули к стене. Кстати, они были очень красивыми и удобными, но простыни из слишком грубой хлопчатобумажной ткани, явно для них не предназначенные, не покрывали матрасы целиком.

На следующее по приезду утро Макс попросил принести горячей воды для бритья, но не тут-то было. «Горячая вода» — два слова, которые он только и знал по-русски, не считая, разумеется, слов «пожалуйста» и «спасибо». Женщина, к которой он обратился со своей просьбой, энер-

гично покачала головой и принесла большой кувшин холодной. Макс несколько раз повторил слово «горячая», прикладывая к щеке бритву в надежде, что женщина поймет, зачем ему горячая вода. Но та продолжала качать головой, и вид у нее был возмущенный и осуждающий.

— Требуя горячей воды для бритья, ты, видно, кажешься ей изнеженным аристократом. Советую тебе быть осторожнее, — сказала я.

Баку очень напоминал Шотландию в воскресный день: никаких уличных развлечений, большинство магазинов закрыто, в двух-трех открытых — длинные очереди. Люди терпеливо стояли за какими-то непривлекательными товарами.

Интуристовский приятель повез нас на вокзал. Очереди за билетами не было видно конца. «Сейчас попробую пробиться в кассу брони», — сказал он и исчез, а мы медленно пошли вдоль очереди к ее концу.

Вдруг кто-то тронул меня за руку. Эта была женщина из начала очереди, она приветливо улыбалась. Люди там вообще охотно улыбались, если был повод. Они казались очень добрыми. Жестами кое-как женщина объяснила, чтобы мы прошли вперед. Мы не хотели, показывали в конец очереди, но все начали настаивать: нас трогали за руки, похлопывали по плечам и, кивая головами, подталкивали вперед. В конце концов какой-то мужчина подхватил нас под руки и силой потащил к кассе; женщина, тронувшая меня за руку первой, тоже вышла из очереди, кланяясь и улыбаясь. Так были куплены билеты.

Вернулся человек из «Интуриста».

— А! Вы уже справились? — удивился он.

— Эти люди любезно уступили нам свою очередь, — смущенно сказал Макс. — Может быть, вы объясните им, что нам очень неловко.

— Что вы! Они всегда так делают, — ответил интуристец. — Как будто им нравится снова становиться в хвост — такое, знаете ли, увлекательное занятие — постоять в очереди, они, наверное, хотят продлить удовольствие. А вообще говоря, они просто всегда очень вежливы с иностранцами.

Последнее было чистой правдой. Пока мы шли к поезду, они махали нам руками и приветливо кивали. На перроне толпились люди; как выяснилось, однако, почти никто, кроме нас, в поезд не садился. Они пришли просто развлечься, приятно провести время. Наконец мы очути-

лись в своем вагоне. Интуристовец попрощался и заверил, что через три дня в Батуме нас встретят и все будет хорошо.

— У вас, как я вижу, нет с собой чайника, — сказал он. — Ну ничего, вам его кто-нибудь обязательно одолжит.

Я поняла, что он имел в виду, на первой же остановке, часа два спустя: старушка из нашего купе энергично хлопнула меня по плечу, указала на свой чайник и с помощью юноши, сидевшего в углу, который говорил по-немецки, объяснила, что нужно положить в чайник заварку и пойти к паровозу, где машинист нальет в него горячей воды. Чайником мы, как известно, не запаслись, но чашки у нас были, и старушка вызвалась все остальное сделать сама. Вскоре она вернулась с двумя дымящимися чашками чаю. Мы достали свой провиант, предложили новым друзьям угощаться, и путешествие пошло своим чередом.

Продукты сохранялись сравнительно неплохо — мы успели съесть уток до того, как они испортились, и теперь ели хлеб, становившийся все черствее и черствее. Мы надеялись купить свежего хлеба в дороге, но это оказалось невозможным. В последний день мы умирали с голоду, так как у нас осталось лишь утиное крылышко и две баночки ананасного джема. Есть джем без хлеба очень противно, но голод он утолял.

В Батум мы прибыли в полночь под проливным дождем. Места в отеле нам, разумеется, не зарезервировали. Мы вышли с вокзала в ночь, нагруженные вещами. Никакого интуристовского представителя видно не было. У входа стояли дрожки — древняя разбитая упряжка, напоминающая старомодную английскую викторию¹. Услужливый, как обычно, возница помог нам забраться в экипаж и завалил вещами до самой головы. Мы попросили отвезти нас в гостиницу. Он бодро кивнул, шелкнул кнутом, и лошадь двинулась вперед неуверенной рысью.

Вскоре мы прибыли в гостиницу, но кучер знаками объяснил, что сначала мы должны пойти туда без вещей. Через несколько минут мы поняли почему: нам сразу же сообщили, что мест нет. Мы спросили, где они могут быть, портье лишь безразлично пожал плечами. Снова сев в экипаж, двинулись дальше, объехали гостиниц семь — все они были переполнены.

¹ Виктория — легкий четырехколесный экипаж с поднимающимся верхом, в котором места для двух пассажиров расположены спина к спине, а спереди — возвышение для кучера.

В восьмой Макс решил действовать хитрес: нужно же было где-то спать. Мы рухнули на плюшевый диван в вестибюле и притворились, что не понимаем, когда нам привычно сообщили об отсутствии мест. Через некоторое время портье и все служащие воздевали руки к небу и бросали на нас отчаянные взгляды, но мы продолжали изображать непонимание и на всех известных нам языках тупо твердили через равные промежутки времени, что нам нужна комната на одну ночь. В конце концов они сдались. Возница внес наши вещи и удалился, приветливо помахав рукой на прощанье.

— Не кажется ли тебе, что мы сожгли мосты? — неуверенно спросила я.

— И только на это теперь наша надежда, — ответил Макс. — Поскольку уехать нам больше не на чем и весь багаж при нас, они, мне кажется, что-нибудь придумают.

Прошло минут двадцать, и вдруг к нам спустился местный ангел-спаситель в облике огромного — под два метра ростом — мужчины с устрашающими черными усами, в сапогах для верховой езды — я такого видела в русском балете. Мы смотрели на него с восхищением. Он улыбнулся, дружески похлопал нас по плечам и кивком пригласил следовать за ним. Мы поднялись на верхний этаж, пройдя два лестничных марша, затем сопровождающий толкнул дверь люка, ведущего на крышу, и приставил к отверстию переносную лестницу. Это показалось нам весьма необычным, но делать было нечего; Макс пролез первым, втащил меня, и мы вышли на крышу. Продолжая кивать и улыбаться, хозяин повел нас на крышу соседнего дома, где через такой же люк мы спустились в мансарду. Это была просторная, мило обставленная комната с двумя постелями. Он похлопал по ним рукой, сделал приглашающий жест и исчез. Вскоре нам доставили багаж. К счастью, на сей раз он не был слишком велик: часть его у нас забрали в Баку, пообещав отправить в Батум в грузовом вагоне. Мы надеялись на следующий день получить его, а пока единственное, чего нам хотелось, — спать.

Наутро предстояло пайти французский корабль, в тот же день отплывавший в Стамбул, — у нас на него были заказаны билеты. Как ни пытались мы объяснить это своему хозяину, он ничего не понимал, и, похоже, не было вокруг никого, кто мог бы нас понять. Тогда мы пошли по улицам в надежде отыскать порт самостоятельно. Я не

подозревала до той поры, как трудно найти море, если нет высокой точки, откуда его можно увидеть. Мы шли то в одну, то в другую, то в третью сторону, время от времени обращаясь к прохожим, на всех доступных нам языках называя слова «пароход», «порт», «причал» — никто не понимал ни по-французски, ни по-немецки, ни по-английски. В конце концов нам чудом удалось найти лишь дорогу обратно в гостиницу.

Теперь Макс нарисовал на листочке бумаги корабль — и наш хозяин моментально все понял. Он отвел нас в гостиную на первом этаже, усадил на диван и, как глухонемым, объяснил, что мы должны ждать. Через полчаса он вернулся в сопровождении дряхлого старика в остроконечной шляпе, который говорил по-французски. Этот реликт, видимо, служил портье в старые времена и все еще оказывал гостям услуги. Он продемонстрировал готовность немедленно проводить нас на корабль, получив предварительно наш багаж, отправленный из Баку. Старик повел нас прямо к дому, который по виду мог быть только тюрьмой. Там нас препроводили в запертую на множество замков камеру, посреди которой благополучно покоились наши вещи. Старик собрал их и повел нас в порт. Всю дорогу он ворчал на правительство, и мы начали немного нервничать, поскольку вовсе не желали критиковать власти страны, где не было даже английского консульства, которое могло бы, случись что, вызволить нас из беды.

Мы попытались успокоить старика, но безуспешно.

— Теперь все не так, как прежде, — продолжал ворчать он. — Почему, как вы думаете? Вот посмотрите на мое пальто. Это хорошее пальто, ничего не скажешь, но мое ли оно? Ничего подобного, мне его выдали на службе, оно принадлежит государству. В былые времена у меня было не одно пальто — четыре! Может быть, они не были такими хорошими, как это, но то были мои вещи: зимнее пальто, осеннее, плащ для дождливой погоды и выходное пальто. Четыре!

Наконец он немного понизил голос и произнес:

— У нас строго запрещено брать чаевые, поэтому, если вы собирались мне что-нибудь заплатить, лучше сделать это сейчас, на этой тихой улочке.

Такой прозрачный намек нельзя было оставить без внимания. Поскольку помощь старика была неоценима, мы поспешно отсчитали ему щедрое вознаграждение. Он

одобрительно хмыкнул, еще немного поворчал на правительство и наконец гордо указал нам на пристань, у которой стоял наш почтово-пассажирский морской корабль.

Путешествие по Черному морю было чудесным. Больше всего мне запомнился заход в порт Инеболу, где на борт взяли восемь или десять прелестных бурых медвежат. Их везли, по слухам, в марсельский зоопарк. Я жалела их: они были так похожи на игрушечных, но, в отличие от тех, могли иметь печальную участь — не исключено, что их убьют, сделают из них чучела или случится что-нибудь столь же ужасное. Пока, впрочем, их ждало приятное морское путешествие. До сих пор не могу без смеха вспоминать, как какой-то оборванный французский матрос кормил их по очереди молоком из соски.

Глава 4

Другим важным событием в нашей тогдашней жизни был визит к доктору и миссис Кэмпбелл-Томпсон. Нас пригласили на выходные, чтобы подвергнуть меня испытанию и таким образом определить, стоит ли Максу брать меня с собой в Ниневию. Относительно самого Макса вопрос был практически решен: он ехал с ними на раскопки в следующий осенне-зимний сезон. Вули были недовольны, что он оставляет Ур, но Макс сделал окончательный выбор.

У Си-Ти¹, как обычно его называли, была своя система тестов. Одним из испытаний считался поход по пересеченной местности. В самый дождливый день он приглашал своих гостей на прогулку по деревенскому бездорожью и смотрел, какую обувь они надевают, быстро ли устают, не злятся ли, когда приходится продирааться сквозь кустарник и прокладывать путь через лесную чащу. Я успешно выдержала испытание, имея за плечами исхоженный вдоль и поперек Дартмур. Деревенское бездорожье меня не пугало, но все же хорошо, что он не водил нас по сплошь вспаханым полям — вот это в самом деле утомительно!

¹ Инициалы «С Т» двойной фамилии доктора.

Далее он проверял, не слишком ли я разборчива в еде. Убедившись, что я ем практически все, Си-Ти тоже остался доволен. Ему нравились мои детективы, что заранее расположило его в мою пользу. А когда оказалось, что я и по другим статьям подхожу для ниневийского общества, решение было принято окончательно. Макс должен был отправиться на раскопки в конце сентября, я собиралась приехать к нему в конце октября.

Мне хотелось провести несколько недель на Родосе¹ — отдохнуть и написать что-нибудь, а затем доплыть на пароходе до порта Александретта, где британским консулом был мой знакомый. Там я должна была нанять машину до Алсипо. Оттуда на поезде доехать до местечка Нусайбин на турецко-иракской границе, а далее — восемь часов на автомобиле до Мосула.

Этот отличный план был согласован с Максом, который, как предполагалось, встретит меня в Мосуле. Но на Ближнем Востоке планы редко удается осуществить в первоизданном их виде. На Средиземном море часто случаются штормы. После захода в Мерсину я пластом лежала на своей койке и стонала. Стюард-итальянец мне очень сочувствовал, особенно из-за того, что я ничего не могла есть. Время от времени он просовывал голову в дверь и соблазнял меня чем-нибудь вкусеньким: «Я принес вам замечательные спагетти. Отличное блюдо, много томатного соуса — как вы любите». — «О!» — стонала я в ответ. Даже мысль о горячей жирной еде, обильно политой томатным соусом, была невыносимо мучительна. Стюард возвращался чуть позже: «Я принес то, что вы любите: голубцы из виноградных листьев в оливковом масле, начиненные рисом. Очень вкусно!» Я отвечала лишь новыми стонами. Однажды он принес мне полный судок супа, но, увидев слой жира в дюйм толщиной на поверхности, я позеленела.

При подходе к Александретте мне удалось встать на ноги, одеться, сложить вещи и неверной походкой выйти на палубу, чтобы освежиться. Там, под резким холодным ветром я почувствовала себя немного лучше. В этот момент мне передали просьбу капитана зайти к нему в каюту. Он огорошил меня сообщением, что из-за шторма корабль не сможет зайти в Александретту.

¹ Родос — греческий остров в Эгейском море у берегов Малой Азии, до 1948 года принадлежавший Турции.

— Слишком опасно швартоваться при такой волне, — сказал он.

Это было серьезной неприятностью — я не могла даже связаться с консулом.

— Что же мне делать? — спросила я.

Капитан пожал плечами:

— Вам придется следовать до Бейрута. Больше делать нечего.

Я пришла в ужас: Бейрут совсем не в той стороне, куда мне нужно. Но выхода не было.

— Зато вам это ничего не будет стоить, — добавил капитан, стараясь подбодрить меня. — Поскольку мы не можем высадить вас там, где вам нужно, мы бесплатно довезем вас до следующего порта.

К тому времени, когда мы подходили к Бейруту, море немного успокоилось, хоть до штиля было еще очень далеко. Меня посадили в какой-то еле-еле ползший поезд, на котором, однако, я все же добралась до Алеппо. Насколько помню, дорога заняла целый день, даже чуть больше, часов шестнадцать. В поезде не было туалета, и далеко не на каждой станции можно было его найти. Пришлось терпеть все шестнадцать часов, но, к счастью, в этом отношении у меня проблем не было.

На следующий день я села в Восточный экспресс, чтобы ехать в Телль-Кочек, где в то время кончалась железная дорога Берлин — Багдад. Здесь меня поджидало новое несчастье. Накануне шел такой сильный дождь, что дорога до Мосула оказалась размытой в двух местах, где вadi снова заполнились водой. Мне пришлось томиться целых два дня в гостинице для проезжих, где можно было с ума сойти от скуки. Я бродила вдоль ограды из колючей проволоки, немного углублялась в пустыню и возвращалась обратно. Кормили все время одним и тем же: яичницей и жилистыми цыплятами. У меня была с собой одна-единственная книга, которую я и читала снова и снова. Зато времени для размышлений оказалось предостаточно.

Но в конце концов я все же добралась до Мосула, где — о, чудо! — на ступеньках гостиницы меня ждал Макс.

— Ты, наверное, страшно волновался, когда я не пришла вовремя, — сказала я.

— Ничего подобного! — ответил Макс. — Здесь это часто случается.

Мы поехали на машине в дом, который снимали Кэмпбелл-Томпсоны — у подножия Ниневийского холма, в полутора милях от Мосула. Дом этот с плоской крышей, с квадратной угловой башней и красивой мраморной верандой был очарователен, я всегда вспоминаю о нем с любовью и нежностью. Наша с Максом комната находилась наверху. Мебели в ней было немного, преимущественно ящики из-под апельсинов да две походные кровати. Вокруг дома росло множество розовых кустов. Когда мы приехали, они были усыпаны бутонами, и я подумала, что бутоны вот-вот распустятся и превратятся в восхитительные цветы. Однако и на следующее утро они оставались бутонами. Этой загадки природы я постичь не могла — ведь розы не из тех растений, что расцветают лишь ночью. Оказалось, что эти розы выращивали для получения розового масла: в четыре часа утра приходили сборщики и срезали только что распустившиеся цветы. К рассвету на кустах снова оставались лишь бутоны.

Работа Макса требовала умения ездить верхом. Не думаю, чтобы до того он был искусным наездником, но, зная, что от него потребуется, он еще в Лондоне посещал занятия в манеже. Он отнесся бы к ним гораздо серьезнее, если бы знал, что страстью Си-Ти была экономия. Очень щедрый во многих других отношениях, Си-Ти платил своим рабочим невообразимо низкое жалованье. На лошадей он тоже очень не любил раскошелиться, поэтому у каждой купленной им лошади был какой-нибудь изъян, который продавец держал в секрете до тех пор, пока сделка не была заключена. Обычно его лошади вскидывали головы, взбрыкивали, шарахались или имели иные дурные привычки. Лошадь Макса тоже была с норовом, и было божьим наказанием карабкаться на ней каждое утро на вершину холма по скользкой, размытой тропе, тем более что Макс старался делать это с небрежным видом. Тем не менее все обошлось — он ни разу не упал.

— Помните, — сказал ему Си-Ти перед отъездом из Англии, — если вы упадете с лошади, ни один рабочий вас в грош не будет ставить.

Утро начиналось в пять с ритуала оповещения. Си-Ти поднимался на крышу, Макс — следом за ним, и они сигналили фонарем ночному сторожу на вершине холма: позволяет ли погода в этот день вести работы. Поскольку наступила осень и часто шли дожди, вопрос этот становился

все более острым; множество рабочих жило за две-три мили от места раскопок и, чтобы знать, следует ли им пускаться в путь, они следили за сигнальными огнями на холме. В положенный час Макс и Си-Ти садились на лошадей и отправлялись на вершину.

Мы с Барбарой Кэмпбелл-Томпсон шли туда пешком в восемь утра и там завтракали: яйца вкрутую, чай и хлеб местной выпечки. В октябрьские дни это было очень приятно, а вот позднее становилось уже холодно и приходилось потеплее укутываться. Окрестности были очаровательны: вдали виднелись горы и холмы — суровый Джебел-Маклиб, иногда Курдские горы со снежными вершинами. В другой стороне можно было видеть реку Тигр и минареты Мосула. Мы возвращались домой. А потом снова — на холм, где все вместе съедали ленч под открытым небом.

Однажды у меня произошла стычка с Си-Ти. Из вежливости он уступил, но, думаю, втайне имел на меня зуб. Из-за того, что я пожелала — всего-навсего — купить себе на базаре стол. Я могла держать вещи в ящиках из-под апельсинов, сидеть на них и использовать в качестве прикроватной тумбочки, но для работы мне был необходим большой, устойчивый стол, на который можно поставить машинку и под который — поставить ноги. Я не просила Си-Ти оплатить покупку — это я собиралась сделать сама, но мне очень не хотелось, чтобы он смотрел на меня с презрением из-за этой, с его точки зрения, совершенно напрасной траты. Но я настаивала, что без стола мне никак не обойтись.

— Писать книжки, — заметила я, — моя работа, для которой требуются соответствующие орудия: машинка, карандаш и стол, за которым можно сидеть.

Си-Ти в конце концов согласился, но остался недоволен. Я требовала также, чтобы стол был прочным — не какое-нибудь хлипкое сооружение о четырех ногах с крышкой, которое начинает качаться, как только вы его касаетесь, — а такой стол стоил десять фунтов, сумма для Си-Ти немыслимая. Недели две он не мог простить мне этого безрассудства. Тем не менее, заполучив стол, я была счастлива, а Си-Ти со временем стал даже любезно интересоваться, как идет работа. Я писала тогда «Лорда Эдгвайра», и скелет, увиденный мною в раскопанном на холме погребении, немедленно был наречен лордом Эдгвайром.

У Макса был свой интерес в работе на Ниневийском холме: он хотел проделать в нем глубокую скважину. У Си-Ти это особого энтузиазма не вызывало, но они заранее договорились, что возможность такая Максу будет предоставлена. В археологии вдруг вошли в моду доисторические эпохи. До той поры почти все находки были в пределах нашей эры, а теперь все помешались на доисторических цивилизациях, о которых еще почти ничего не было известно.

Археологи изучали небольшие, едва различимые холмы по всей стране, выкапывали осколки глиняной посуды, тщательно их систематизировали, складывали, изучали орнаменты — это была весьма интересная работа. Столь древние черепки представляли собой нечто совершенно непознанное.

Поскольку во времена создания этой посуды письменности еще не существовало, датировать черепки было чрезвычайно трудно. Очень сложно, сравнивая их, определить, который из них которому предшествует. Вули в Уре копал до слоев эпохи потоп¹ и глубже, найденная им в Тель-Убейде посуда произвела невероятную сенсацию. Макс, как и все другие, заразился этим безумием, и результаты глубинных раскопок в Ниневии действительно дали интереснейшие результаты, ибо, как выяснилось, огромный холм высотой в двадцать семь с половиной метров на три четверти состоял из доисторических культурных слоев, о которых никто и не догадывался. И лишь верхние слои принадлежали ассирийской культуре.

Спустя некоторое время глубинные раскопки стали небезопасными, так как приходилось спускаться на большую глубину, чтобы достичь нетронутых слоев. Сделать это удалось лишь к концу сезона. Си-Ти, как человек отважный, взял себе за правило раз в день спускаться с рабочими в раскоп. Дело в том, что он боялся высоты и для него такой спуск был мукой. У Макса высотобоязни не было, и он с удовольствием спускался и поднимался по многу раз на день. Рабочим, как и всем арабам, головокружения были неведомы. Они сновали вниз-вверх по узкому спиральному проходу, мокрому и скользкому по утрам, бросались друг в друга корзинами, в которых носили землю, играли, толкались и пугали друг друга в нескольких сантиметрах от края раскопа.

¹ О всемирном потопе во времена патриарха Ноя рассказано в Библии (Ветхий Завет, Бытие, 5—10).

— Боже милостивый, — стонал Си-Ти, обхватывая голову руками, не в силах смотреть на все это. — Кто-нибудь из них обязательно разобьется!

Но никто не разбился. Они держались на ногах твердо, как мулы.

В самом конце сезона мы решили нанять машину и поискать великий Нимруд, который последним раскапывал Лэйярд¹ лет сто назад. Максу нелегко было вести машину, уж больно плохи там дороги. Большую часть пути ехали вовсе по бездорожью, часто невозможно было перебраться через вад и оросительные каналы. Но в конце концов мы все же отыскали холм и даже устроили на нем пикник. Какое это чудное место! Всего лишь в миле от него течет Тигр, а великий курган утыкан вросшими в землю огромными каменными глыбами — головами ассирийских статуй! И еще там имелось огромное каменное крыло какого-то божества. Замечательное место — мирное, романтическое, овеянное древностью.

Помню, Макс сказал: «Вот где я хотел бы копать, но это можно сделать только с благословения больших чиновников: пужны огромные средства. Однако, если бы мне предоставили выбор, из всех курганов мира я выбрал бы этот. — Он вздохнул. — Не думаю, что моя мечта когда-нибудь сбудется».

Передо мной лежит книга Макса «Нимруд и то, что в нем сохранилось». Как я счастлива, что его заветное желание сбылось. Нимруд был пробужден от столетней спячки. Лэйярд начал работу, мой муж ее завершил.

Он открыл множество тайн Нимруда, в частности раскопал знаменитую крепость Шалманезер на границе города, сделал любопытнейшие находки в разных слоях кургана. Перестала быть загадкой история Калаха, военной столицы Ассирии! Нимруд перестал быть «белым пятном» для историков, а музеи мира обогатились прекрасными изделиями, созданными руками древних ремесленников, настоящими произведениями искусства. Изящные, изысканно вырезанные фигурки из слоновой кости — как они восхитительны!

Я тоже внесла свою лепту в эту работу — чистила находки. У меня, как у любого профессионала, даже появились свои любимые приспособления: палочка из апельсинового дерева, — быть может, она когда-то служила тонкой вя-

¹ Лэйярд сэр Остен Генри — английский археолог (1817—1894), автор раскопок многих месопотамских памятников. Наиболее важные открытия были сделаны им в Нимруде.

зальной спицей; в один из сезонов я пользовалась зубным зондом — это такой острый крючок, который мне сначала одолжил, а потом подарил знакомый дантист; баночка косметического крема, с помощью которого удобнее всего было очищать от грязи трещины, не повредив при этом хрупкую слоновую кость. Мой крем пользовался таким успехом, что через пару недель от него ничего не осталось, и мне нечем было мазать свое бедное немолодое уже лицо.

Эта работа требует тщательности, терпения и осторожности, прикасаться к предмету следует очень деликатно. Но как это волнует! А самым волнующим моментом из всех — да, пожалуй, и самым волнующим в моей жизни — был тот, когда рабочие, прочищавшие ассирийский колодец, ворвались в дом с криками: «Мы нашли женщину в колодце! Там, в колодце, женщина!» — и внесли на куске дерюги какую-то кучу грязи.

Я с удовольствием осторожно смывала грязь в большой лохани, и понемногу показывалась голова, пролежавшая в земле около двух с половиной тысяч лет. Это была самая большая из когда-либо найденных голова из слоновой кости — одна из дев Акрополя¹ с мягким, бледно-коричневатым цветом лица, черными волосами, слегка подкрашенными губами и загадочной улыбкой. Дева Колодца, или Мона Лиза², как хотел назвать ее директор Иракского департамента древностей. Теперь она хранится в новом багдадском музее — это одна из самых сенсационных археологических находок в мире.

Было найдено много других изделий из слоновой кости, даже красивее той женской головки, хоть и не таких эффектных. Пластины с вырезанными на них телятами — головы повернуты в одну сторону, они сосут корову; дамы, напоминающие распутную Иезавель³, — они тоже глядят из окон на улицу; две декоративные пластины с изображением львицы, убивающей негра. В золотой набедренной

¹ Акрополь — в древних городах возвышенная и укрепленная часть города, часто украшенная произведениями архитектуры и скульптуры.

² Мона Лиза — портрет прекрасной женщины с загадочной улыбкой, написанный Леонардо да Винчи (1452—1519), крупнейшим художником и ученым итальянского Возрождения.

³ Иезавель — согласно Библии, дочь финикийского царя и жена царя Израиля, поклонявшаяся языческим богам и преследовавшая христианских пророков, за что была наказана: убита и брошена на растерзание собакам (Первая книга Царств, 18—19 и др.).

повязке, с золотыми перьями в волосах, он лежит на земле, голова приподнята, он в беспамятстве, а над ним склонилась львица, готовая растерзать. Позади них — сад: цветы и листва из ляпис-лазурита¹, сердолика² и золота. Как хорошо, что таких пластин найдено две: одна хранится в Британском музее, другая — в Багдаде.

Глядя на эти великолепные произведения, созданные руками человеческими, испытываешь гордость от принадлежности к людскому роду. Те мастера были творцами и по праву несут в себе частичку святости Творца, создавшего мир и все сущее в нем и увидевшего, что созданное им — хорошо. Однако многое еще предстояло создать — все то, что потом было сделано руками человека. Человеку предназначил Он сотворить эти шедевры, идя вслед за Ним, ибо и сам человек создан по образу и подобию Его, и человек создал все эти вещи и увидел, что созданное им — хорошо³.

Радость творчества — великая вещь. Даже плотник, однажды смастеривший для нашей экспедиции уродливую вешалку для полотенец, имел душу творца. Когда я спросила его, зачем, вопреки нашим распоряжениям, он приделал к ней такие несообразно большие ножки, он обиженно ответил: «Я не мог не сделать их такими, потому что это красиво». Что ж, нам вешалка казалась уродливой, а ему — красивой, и он соорудил ее в соответствии со своим видением, потому что находил это прекрасным.

Человек может быть злым — гораздо более злым, чем братья наши меньшие, — но в порыве творчества он может подниматься до небес. Английские соборы возвышаются как памятники поклонения человека тому, что выше его самого. Мне нравится роза Тюдоров⁴ — кажется, она украшает одну из капителей часовни Королевского колледжа⁵

¹ Ляпис-лазурит — полудрагоценный камень небесно-голубого цвета.

² Сердолик — полудрагоценный поделочный камень обычно желтого или оранжевого цвета, иногда дымчатый.

³ Библийская аллюзия (Ветхий Завет, Бытие, I).

⁴ Роза Тюдоров — красно-белая роза в гербе короля Генриха VII (1457—1509), наследника Ланкастеров, женившегося на дочери Эдуарда IV (1442—1484), наследнице Йорков, символизовавшая объединение враждующих королевских династий, воевавших в Войне Красной и Белой розы (1455—1485).

⁵ Королевский колледж — один из крупнейших колледжей Кембриджского университета, основанный в 1441 году и известный своей церковной капеллой — замечательным памятником архитектуры.

в Кембридже, — в центре которой резчик по собственному желанию поместил лик Мадонны, ибо считал, что Тюдоров слишком боготворят, а Творцу, Богу, которому посвящена эта часовня, недостаточно воздают почести.

Тот сезон был для доктора Кэмпбелл-Томпсона последним. Конечно он считал себя прежде всего специалистом по эпиграфике, и написанное слово, историческая надпись интересовали его гораздо больше, чем археологический аспект раскопок. Как любой эпиграфист, он всегда мечтал найти сокровищницу, полную табличек с текстами.

В Ниневии было сделано столько находок, что разобраться во всех этих строениях оказалось нелегко. Развалины дворцов Макса мало интересовали: он был одержим своими доисторическими исследованиями, потому что об этом периоде почти никто ничего не знал.

У него созрел план, который казался и мне увлекательным — раскопать небольшой курган в этих местах самостоятельно. Он конечно же не мог быть большим — на это понадобилось бы слишком много денег, но Макс считал, что маленький курган он осилит и что ему невероятно важно сделать это. А пока его усилия были направлены на раскопку глубинного шурфа¹ сквозь все культурные слои. К тому времени, как они достигли целинного слоя, основание шурфа представляло собой крохотный клочок земли — меньше метра в поперечине. Там нашли всего несколько черепков — много находок и быть не могло, слишком мала поверхность раскопа, — представлявших совсем иную по сравнению с вышележащими слоями эпоху. С тех пор систематизация слоев в Ниневии была уточнена: после подкультурного слоя шла Ниневия-1, затем Ниневия-2, Ниневия-3, Ниневия-4 и Ниневия-5. Этот последний слой представлял эпоху, когда начали пользоваться гончарными кругами, и здесь были найдены чудесные сосуды с рисованными и лепными орнаментами. Особенно характерны для этой эпохи сосуды в форме кубков, украшенные очаровательными жизнерадостными рисунками. Однако сами по себе — то есть материал, из которого они сделаны, — эти сосуды не могли сравниться с той тонкой работой, ко-

¹ Шурф — вертикальный узкий раскоп для предварительной разведки.

тую мы наблюдаем в вещах, относящихся к эпохе, на несколько тысяч лет более ранней: то были хрупкие изделия прекрасного абрикосового цвета, напоминающие лучшую греческую посуду, с гладкой глазурованной поверхностью и своеобразным точечным, преимущественно геометрическим узором. Они походили, объяснил мне Макс, на посуду, найденную в Телль-Халафе, в Сирии, но та всегда считалась гораздо моложе, к тому же эта все равно была лучшего качества.

Макс попросил рабочих, живших в радиусе от одной до восьми миль, собирать и приносить ему найденные по дороге черепки разной глиняной посуды. В некоторых курганах посуда была преимущественно из позднего, пятого ниневийского периода. Кроме разнообразной расписной здесь встречалась и красивая лепная посуда очень тонкой работы. Кто-то принес красный кубок более раннего периода и зеленый — оба гладкие, без рисунка.

Очевидно, один или два маленьких холма из тех, что покрывали все пространство до самых гор образовались на местах, покинутых людьми раньше, до того как был изобретен гончарный круг. Был там очень маленький курганчик, называвшийся Арпачия — милях в четырех от Ниневийского ареала. В нем не хранилось ни малейших следов эпох, более поздних, чем вторая ниневийская. Очевидно, именно в то время люди покинули это место.

Макса привлекал этот курган. Я подогревала его азарт, потому что найденные там черепки казались мне очень красивыми, и мне хотелось о них что-нибудь узнать. Это чистая авантюра, сказал Макс. Вероятно, здесь существовала когда-то крохотная деревенька, едва ли чем-нибудь знаменитая, так что сомнительно, чтобы здесь оказалось много интересного. И все же люди, сделавшие эту посуду, здесь жили. Возможно, занятия их были примитивными, а вот посуда — нет: качество очень высокое. И они не могли делать ее для великого соседнего города, как ремесленники Суонси¹ или Веджвуда², поскольку, когда они месили свою глину, Ниневии еще и в помине не было. Она появилась

¹ Суонси — город и порт в Великобритании в графстве Западный Гламорган.

² Веджвуд — фарфор и фаянс компании, основанной в 1759 году Джошуа Веджвудом, главная особенность — белый рельеф в виде камня.

несколько тысяч лет спустя. Так для чего же они ее делали? Просто из любви к искусству?

Естественно, Си-Ти считал, что Макс совершенно напрасно уделяет столько внимания доисторическим временам, поднимая «новомодную волну» вокруг всех этих глиняных черепков. Важны только исторические находки, связанные с текстами, говорил он, ибо в них человек сам письменно запечатлевает свою историю. Они оба были по-своему правы: Си-Ти — потому, что архаические тексты действительно бесценные свидетельства древнейших событий, Макс — потому, что мы должны изучать и то, что сделано руками людей, чтобы узнать все об истории человечества. И я тоже была права, возжаждав узнать, почему в этой крохотной доисторической деревушке «водились» такие красивые горшки и блюда?.. Для людей с моим складом характера без всех этих «почему» жизнь делается пресной.

В первый же сезон жизнь на раскопках мне поправилась необычайно. Я полюбила Мосул; искренне привязалась к Си-Ти и Барбаре; успешно завершила убийство лорда Эдгвайра и преследование его убийцы. Я прочла рукопись целиком Си-Ти и его жене, и они ее весьма высоко оценили. Кажется, они были единственными, кому я когда-либо читала рукопись — исключая, разумеется, моих домашних.

Я почти не верила своему счастью, снова очутившись в начале слудующего февраля в Мосуле, на сей раз в гостинице. Полным ходом шли переговоры о возможности ведения раскопок на нашем маленьком кургане, на Арпачии, крохотной Арпачии, о которой никто тогда не ведал и которой суждено было стать знаменитой на весь археологический мир. Макс уговорил Джона Роуза, который был архитектором урской экспедиции, работать с нами. Он был нашим другом — чудесный рисовальщик, человек со спокойной манерой речи и мягким юмором, который я находила неотразимым. Поначалу Джон колебался: он, разумеется, не собирался возвращаться в Ур, но не знал, продолжать ли ему вообще работать с археологами или снова заняться архитектурной практикой. Но Макс сказал ему, что экспедиция продлится недолго, максимум два месяца, и работы, скорее всего, будет мало.

— Считай, что едешь в отпуск, — уговаривал Макс. — Чудесное время года, кругом потрясающей красоты цве-

ты, хороший климат — никаких песчаных бурь, в отличие от Ура, горы и холмы вокруг. Тебе там страшно понравится. Ты отлично отдохнешь.

И Джон согласился.

— Конечно это авантюра, — повторял Макс.

Для него это было тревожное время — начало самостоятельной карьеры. Он сам сделал выбор, и от результата зависело, одержит ли он победу или потерпит поражение.

Начало оказалось крайне неблагоприятным. Во-первых, погода стояла ужасная. Дождь лил беспрестанно, почти никуда нельзя было просхать на машине; к тому же выяснить, кому принадлежит земля, где мы собирались копать, было невероятно сложно. Вопрос землевладения на Ближнем Востоке вообще крайне запутан. На территориях удаленных городов полноправные хозяева — шейхи, и все финансовые и прочие проблемы следует решать с ними, правительство лишь оказывает вам некоторую поддержку, обеспечивая определенный авторитет. Земли же, занесенные в разряд археологически перспективных — то есть такие, на которых имеются остатки древних поселений, — являются собственностью правительства, а не частных землевладельцев. Но я сомневалась, чтобы Арпачии — этому незаметному прыщичку на лице земли — была оказана такая честь, поэтому нам предстояло связаться с хозяином земли.

Кажется, чего же проще? Пришел добродушный толстый весельчак и заверил нас, что он и есть хозяин. Но через день мы узнали, что на самом деле земля принадлежит троюродному брату его жены и на нее имеются также другие претенденты. На третий день непрерывного дождя, из-за которого все казалось еще более мрачным, Макс бросился на кровать и застонал:

— Нет, ты только представь! Их девятнадцать — владельцев!

— Девятнадцать владельцев на этот крохотный клочок земли?! — недоверчиво переспросила я.

— Похоже на то.

В конце концов этот запутанный клубок удалось все же размотать. Настоящий владелец был найден — им оказалась троюродная сестра двоюродной сестры тетки мужа чьей-то тети, чьи интересы, ввиду ее неспособности вести какие бы то ни было дела, представляли муж и несколько

родственников. С помощью мутасарифа¹ Мосула, Багдадского департамента по охране древностей, британского консула и ряда других лиц все было улажено и подписан контракт на драконовских условиях. Ужасные кары грозили любой стороне в случае его нарушения. Хозяйкиного мужа больше всего обрадовал пункт, обязывавший его в случае любых препятствий, чинимых нашей работе, или расторжения контракта возместить нам убытки в сумме тысячи фунтов. Он немедленно вышел на улицу похвастать этим перед собравшимися друзьями.

— Это очень важно, — гордо заявил он. — Если я не смогу обеспечить нужное содействие и выполнить все обещания, которые дал от имени жены, рискую тысячью фунтами.

На тех это произвело сильное впечатление.

— Тысяча фунтов! — наперебой галдели они. — Он может поплатиться тысячью фунтами! Вы слышали? Они могут потребовать с него тысячу фунтов, если что не так!

Я готова была биться об заклад, что если бы и пришлось взимать с него какой-то денежный штраф, самое большее, что он мог заплатить, это динаров десять.

Мы сняли небольшой домик, очень похожий на тот, в котором жили с Си-Ти, чуть дальше от Мосула, ближе к Ниневии — с такой же плоской крышей и мраморной верандой, типичными для Мосула мраморными оконными нишами, напоминающими церковные, и мраморными подоконниками, где было удобно раскладывать черепки. У нас были повар и мальчик-слуга, огромная свирепая собака, любившая облаивать всех других собак в округе и любого, кто приближался к дому, и в положенный срок — шесть новорожденных щенков. Был у нас и небольшой грузовичок, который водил шофер-ирландец по фамилии Галлахер, оставшийся на Ближнем Востоке после войны 1914 года и никогда так и не вернувшийся домой.

Он был выдающейся личностью, этот Галлахер, и рассказывал нам порой удивительные истории. Была у него, например, сага об осетре, которого они с другом нашли на берегу Каспия и, набитого льдом, пронесли через горы в Иран, где продали за бешеные деньги. Его рассказы сливались в бесконечную «Одиссею»² или «Энеиду» со множеством невероятных приключений, случившихся в пути.

¹ Мутасариф — арабский городской глава, начальник уезда.

² «Одиссея» — эпическая поэма, авторство которой приписывается легендарному древнегреческому поэту Гомеру, жившему между XII и VII веками до н. э.

От него мы узнали точную стоимость человеческой жизни. Информация, безусловно, крайне полезная.

— Ирак лучше Ирана, — сказал он. — В Иране убийство человека обходится в семь фунтов — деньги на бочку! А в Ираке — всего три.

Галлахер сохранил воспоминания о службе в армии и дрессировал собак на военный манер. Он выкликал шестерых щенков по именам, и те по очереди подбегали к кухне. Суисс-мисс¹ была любимицей Макса, и ее всегда звали первой. Щенки были чрезвычайно уродливы, но — как все детеныши в мире — одновременно и очаровательны. После чая они, бывало, подходили к веранде, и мы тщательно выбирали клещей из их шерсти. На следующий день, правда, она снова кишела клещами, но мы старались как могли.

Галлахер оказался ненасытным пожирателем книг. Каждую неделю я получала от сестры посылки с книгами и, прочитав их, все отдавала Галлахеру. Глотал он их очень быстро, и казалось, что ему совершенно все равно, что читать: биографические сочинения, художественную прозу, любовные романы, остросюжетные истории, научные труды — что угодно. Он был похож на умирающего от голода, которому не важно, что есть, была бы еда. Галлахеру требовалась пища для ума.

Однажды он поведал нам о своем дядюшке Фреде.

— В Бирме его сожрал крокодил, — печально сообщил он. — Я не знал, что делать. В конце концов мы решили, что из этого крокодила нужно сделать чучело. Сделали. И отослали его дядиной жене.

Он рассказывал свои истории ровным, деловым тоном. Поначалу я думала, что он фантазирует, но потом пришла к заключению, что практически все, что он говорил, было правдой. Просто он был из тех «счастливчиков», с которыми вечно происходят невероятные истории.

Тот период был для нас очень тревожным, поскольку никаких признаков того, что игра Макса стоила свеч, не обнаруживалось. Мы откопали лишь развалины нескольких жалких, бедных жилищ — они даже не были сложены из саманных кирпичей — просто глинобитные постройки, внешний вид которых было трудно восстановить. Повсюду валялись прелестные глиняные черепки, нашли мы

¹ Суисс-мисс (англ.) — швейцарская девушка.

несколько восхитительных черных обсидиановых¹ ножей с изящно отделанными лезвиями, но выдающихся находок не было.

Джон с Максом подбадривали друг друга, убеждая, что рано еще делать выводы и что к приезду доктора Джордана, немца — директора Багдадского музея древностей, мы, во всяком случае, сделаем все необходимые замеры и проведем систематизацию культурных слоев, чтобы он увидел, что раскопки ведутся грамотно, в соответствии с научными требованиями.

Но наконец небо послало нам великий день! Макс влетел в дом, где я корпела над черепками, схватил меня за руку и потащил за собой.

— Потрясающая находка! — кричал он. — Мы обнаружили сгоревшую гончарную мастерскую. Пошли! Такого зрелища ты еще никогда не видела!

Это было чистой правдой: нам выпала просто королевская удача. Гончарная мастерская вся была там, под слоем земли. Ее, видимо, бросили после пожара, и благодаря огню она сохранилась. Множество великолепных блюд, ваз, чаш и тарелок, многокрасочной посуды, сверкающей на солнце алым, черным, оранжевым цветами, представляло собой восхитительное зрелище.

С этого момента у нас появилось столько работы, что мы не знали, как с ней справиться. На свет извлекались сосуд за сосудом. Они разбились, когда обвалилась крыша, но все осколки остались в одном месте, почти каждый предмет можно было собрать целиком! Некоторые, правда, успели слегка обуглиться, но рухнувшие стены, загасив огонь, спасли их — около шести тысяч лет пролежали они здесь нетронутыми. Одно огромное полированное блюдо с розеткой из лепестков в центре и красивым, очень симметричным орнаментом вокруг нее состояло из семидесяти шести фрагментов! Но все они лежали рядом, блюдо удалось собрать, и теперь оно радует глаз посетителей музея. Я любила еще одну чашу, сочного, приглушенно оранжевого цвета, сплошь покрытую узором, напоминающим «Юнион Джек»².

¹ Обсидиан — твердое вулканическое стекло.

² «Юнион Джек» — государственный флаг Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии, учрежденный в 1801 году.

Я была на седьмом небе от счастья. И Макс тоже, и наш Джон — хотя внешне он отреагировал на эту находку более сдержанно. Но как же мы работали — с этого момента находки и до самого окончания сезона!

Той осенью я много занималась дома, чтобы «соответствовать уровню». Я даже посещала местную среднюю школу и брала уроки у очаровательного маленького человечка, который никак не мог поверить, что я так мало знаю.

— Похоже, вы никогда не слышали, что существует прямой угол, — неодобрительно заметил он как-то.

Я признала, что так оно и есть — не слышала.

— В таком случае мне будет трудно объяснить вам материал, — сказал он.

Но я все же выучилась делать замеры и подсчеты и зарисовывать предметы в две трети их натуральной величины или в другом нужном масштабе. И вот настал момент, когда я должна была приложить полученные знания на практике. Работы было столько, что ее никогда бы не переделывать, если бы свою лепту не внес каждый. У меня, конечно, времени на все уходило втрое больше, чем у других, но Джон помогал мне, так что кое-какую пользу приносила и я.

Максу приходилось с утра до вечера торчать на раскопках, Джон все это время делал зарисовки. Покачиваясь, он выходил к обеду со словами: «Думаю, я скоро ослепну. У меня болят глаза и так кружится голова, что я едва стою на ногах. С восьми часов утра я без перерыва рисую как проклятый».

— После обеда нам всем придется вернуться к своим занятиям, — констатировал Макс.

— И этот человек обещал мне отличный отдых! — приторно сокрушался Джон. — Вы только на него посмотрите!

В ознаменование окончания сезона мы решили устроить скачки. Такого здесь еще никогда не было. Мы приготовили разные чудесные призы. Участвовать мог каждый, кто пожелает.

Вокруг этой затеи шло множество толков. Начать с того, что люди постарше и посерьезнее опасались, не уронят ли они своего достоинства ввязавшись в такое мероприятие. Достоинство — превыше всего, а соревноваться придется с более молодыми людьми, быть может, с безумными юнцами. Для уважающего себя мужчины это как-то несолидно. Но в конце концов все приняли предложе-

ние, и мы обсудили детали. Дистанция составляла три мили, участникам предстояло пересечь реку Хоср за Нивейским холмом. Строго определили правила, которые никто не имел права нарушать. Запрещалось таранить и отталкивать друг друга, выбивать из седла, подсесть и вообще проявлять какую-либо враждебность. Хотя мы и не очень рассчитывали, что правила эти будут соблюдаться, все же надеялись, что опасных происшествий избежать удастся.

Пришедшего первым ожидал приз в виде коровы с теленком, второго — овца, третьего — коза. Было несколько призов помельче: куры, мешки с мукой и лукошки с яйцами — от сотни штук до десятка. Всем участникам полагалось по пригоршне фиников и столько халвы, сколько каждый сможет унести в двух ладонях. Заметьте, все эти призы обошлись нам в десять фунтов. Были же времена!

Мы учредили АААЛ — Арпачийскую ассоциацию атлетов-любителей. На реке как раз было половодье и переправиться через мост, чтобы наблюдать за финальным этапом скачек, не представлялось возможным, для этой цели был нанят самолет.

Наконец день настал и подарил нам массу веселья и удовольствия. Началось с того, что все дружно рванули с места по выстрелу стартового пистолета и, доскавав до Хосра, большинство плюхнулось лицом прямо в воду. Те, кому удалось выбраться из этой свалки, продолжали скачку. Без протаранивания соперников как-то обошлось, никого из седла не выбили. Многие делали ставки, но никто из фаворитов даже отдаленно не напоминал приличного наездника. Победили три темные лошадки, и овацию им устроили оглушительную. Первым пришел сильный, атлетически сложенный всадник; вторым — этот призер снискал больше всего симпатий — бедняк, вечно выглядевший полуживым от голода, третьим — молодой человек, совсем мальчик. Вечером состоялся грандиозный праздник: танцевали бригадиры, танцевали рабочие. А человек, получивший овцу, тут же зарезал ее и устроил пир для родных и друзей. Это был великий день для Арпачийской ассоциации атлетов-любителей!

Мы покидали Арпачию под крики: «Да благословит вас Аллах!», «Приезжайте снова!» и всяческие добрые пожелания. Мы направились в Багдад, где нас уже ждали все наши находки.

Макс с Джоном Роузом распаковывали их. Теперь предстоял дележ: что останется в Ираке, а что отойдет Англии. К тому времени наступил май, в Багдаде было больше сорока градусов в тени. Джон плохо переносил жару и все время выглядел больным. Мне повезло — я не входила в команду распаковщиков и могла оставаться дома.

Политическая ситуация в Багдаде неуклонно ухудшалась и, хотя мы надеялись вернуться на следующий год, чтобы раскапывать другой курган или продолжать работы в Арпачии, особой уверенности на этот счет у нас не было. После нашего отъезда возникли сложности с транспортировкой контейнеров по морю, нам с трудом удалось получить свои драгоценные находки. В конце концов все было улажено, но ушло много месяцев. В итоге — нам не рекомендовали продолжать там раскопки на следующий год. В течение нескольких лет в Ираке практически никто не копал; все переместились в Сирию. Мы тоже решили на предстоявший сезон выбрать себе подходящее местечко в Сирии.

Помню случай, который оказался предзнаменованием грядущих событий. В Багдаде нас пригласили на чай к доктору Джордану. Он слыл неплохим пианистом и играл в тот день Бетховена. У него была красивая голова, и, любуясь им, я подумала, какой это замечательный человек: всегда любезен и тактичен. Но вот кто-то невзначай упомянул о евреях. Доктор сразу изменился в лице, — никогда и ни у кого я не видела такого жесткого выражения...

— Вы не понимаете, — сказал он. — Возможно, у вас евреи не такие, как у нас. Они опасны. Их следует истребить! Ничто другое не поможет!

Я уставилась на него, не веря своим ушам. Но он имел в виду именно то, что сказал. Тогда я впервые столкнулась с ужасом, который позднее пришел из Германии. Для тех, кто много путешествовал, думаю, кое-что было ясно уже тогда, но обыкновенным людям в 1932—1933 годах явно недоставало способности предвидеть.

Там, в гостиной доктора Джордана, играющего на пианино, я увидела первого в своей жизни нациста — позднее я узнала, что жена его была еще более оголтелой нацисткой. Они выполняли в Багдаде определенную миссию — не только по части древностей и не только на благо своей страны, они еще и шпионили за собственным германским послом. Есть вещи, которые — когда в конце концов убеждаешься в них — повергают в отчаяние.

Глава 5

Мы вернулись в Англию в ореоле славы, и Макс все лето не отрываясь писал отчет об экспедиции. Некоторые из наших находок были выставлены в Британском музее; то ли в том же году, то ли в следующем вышла книга Макса об Арпачии — Макс сказал, что ее нужно издавать без промедления: у археологов есть привычка надолго откладывать публикации, сказал он, а полученную информацию следует делать всеобщим достоянием как можно скорее.

Во время Второй мировой войны, работая в Лондоне, я написала о нашей сирийской экспедиции. Я назвала книгу «Расскажи, как живешь» и люблю перечитывать ее время от времени, вспоминая нашу сирийскую жизнь. На раскопках год похож на год — происходят одни и те же события, поэтому повторы неизбежны. И все же то были счастливые годы, нам было невыразимо хорошо вместе, и раскопкам сопутствовал успех.

Годы с 1930-го по 1938-й вспоминаются как особенно удачные, так как они не были омрачены внешними невзгодами. По мере того как работы становятся все больше, а тем более по мере того как становится больше успехов, свободного времени человек оставляет себе все меньше. Но те годы были все еще беззаботными: да, работы хватало и тогда, но она не поглощала нас целиком. Я писала детективные истории, Макс — книги по археологии, доклады и статьи. Мы были заняты, но не чувствовали постоянного напряжения.

Поскольку Максу было затруднительно приезжать в Девоншир так часто, как ему хотелось бы, мы проводили там лишь Розалиндины каникулы, а большую часть времени жили в Лондоне, по очереди перебираясь из одного моего дома в другой и пытаясь понять, какой из них нам больше всего нравится. В один из тех годов, что мы прожили в Сирии, Карло и Мэри, искавшие для нас подходящий дом, составили целый список и настойчиво рекомендовали мне посмотреть дом 48 по Шеффилд-террас. Как только я увидела его, мне захотелось тут же в нем поселиться, настолько он меня очаровал. Дом казался идеальным, смущало, пожалуй, лишь одно: в нем был ненужный подвал. Комнат насчитывалось не так много, зато все — просторные и пропорциональные, как

раз то, что нужно. При входе справа была большая столовая, слева — гостиная. Дверь на лестничной площадке между первым и вторым этажами вела в ванную и туалет. А на втором этаже справа, над столовой — вход в комнату того же размера, что и столовая, там помещался кабинет Макса с библиотекой. Обширная площадь позволяла расставить здесь большие столы для бумаг и археологических находок. Слева, над гостиной, мы устроили свою спальню. На верхнем этаже были еще две большие комнаты, а между ними — маленькая, ее отдали Розалинде. Большую «двойную» комнату над кабинетом Макса предназначили для гостей — при необходимости; а что касается комнаты слева, то на нее я заявила свои права — она стала моим кабинетом и гостиной. Все были немало удивлены, так как прежде я ни о чем подобном и не помышляла, но дружно согласились, что пора уже бедной старушке-миссус завести собственную комнату.

Мне хотелось иметь угол, где никто бы меня не беспокоил. В комнате не должно быть телефона — только большое пианино, крепкий большой стол, удобная софа или диван, стул с высокой прямой спинкой, чтобы печатать на машинке, и одно кресло, в котором можно расслабиться, — больше ничего. Я купила большой «Стейнвей»¹ и несказанно наслаждалась своей комнатой. Пока я находилась в доме, на моем этаже запрещалось пользоваться пылесосом, и даже если бы поблизости случился пожар, я бы пальцем не пошевелила. Впервые в жизни у меня появился собственный уголок, и я блаженствовала в нем пять или шесть лет, вплоть до одной из бомбежек во время войны. Сама не знаю, почему я никогда больше не устраивала себе кабинета. Наверное, потому, что привычка работать за обеденным столом или на углу умывального столика слишком въелась в меня.

Особняк на Шеффилд-террас оказался счастливым домом; я почувствовала это, едва переступив порог. Наверное, человек, выросший в особняке с большими комната-

¹ «Стейнвей» — рояль производства американской фирмы «Стейнвей и сыновья», основанной в Нью-Йорке в 1853 году немецким мастером Г.Э. Штайнвегом (изменил фамилию на американский лад) и специализирующейся на выпуске концертных фортепиано.

ми, подобном Эшфилду, всегда испытывает тоску по простору. Мне доводилось жить в очаровательных маленьких домиках — оба дома: на Кэмпден-стрит и «копюшенный» были небольшими, — но я никогда не чувствовала себя там безоговорочно удобно. И дело вовсе не в мании величия; можно иметь небольшую, но очень элегантную и дорогую квартиру, а можно — гораздо дешевле — снять дом сельского священника, огромный, обветшалый, готовый вот-вот развалиться. Важно ощущение простора, возможность расправить плечи. Кстати, если вам самой приходится делать уборку, то приводить в порядок большую комнату гораздо легче, чем вытирать пыль во всех закуточках и со множества предметов мебели в маленькой комнатушке, где к тому же постоянно натыкаешься на углы.

Макс не отказал себе в удовольствии соорудить у себя в кабинете новый камин, причем строительством руководил лично. На Ближнем Востоке ему так часто приходилось иметь дело с очагами и дымоходами из обожженного кирпича, что он считал себя докой в этой области, хотя приглашенный специалист, мистер Уизерс, к его проекту отнесся скептически.

— С каминами и дымоходами никогда ничего не угадаешь наперед, — сообщил он. — Все делаешь по правилам, вроде должны работать нормально, а они не работают. Что же до этого, вашего, то он и придуман-то против правил, должен вам сказать, — заявил он Макс.

— Делайте точно, как я говорю, — ответил Макс, — сами увидите!

К великому огорчению мистера Уизерса, камин Макса действительно никогда не дымил. В каминную доску Макс смонтировал один из знаменитых ассирийских кирпичей с клинописной надписью, который стал как бы предупредительным щитом, оповещающим: «Берлога археолога. Частное владение».

Единственное, что беспокоило меня на Шеффилд-террас, это какой-то запах в нашей спальне. Макс его не чувствовал, и Бесси считала, что я все придумываю, но я твердо стояла на своем: пахнет газом. Макс обратил мое внимание на то, что в доме нет газа, он к нему не подведен.

— Ничего не могу с собой поделать, — упорствовала я. — Чувствую запах газа.

Я вызывала строителей и газовщиков, они ползали на животах, нюхали под кроватью и в конце концов заявили, что мне все мерещится.

— Конечно, если здесь что-то и есть, леди, хоть мой нос ничего не чувствует, — сказал газовщик, — так это, может быть,дохлая мышь или дохлая крыса. Хотя крыса вряд ли, крысу я бы учуял, а мышь, может, и есть. Очень маленькая мышка.

— Не исключено, — согласилась я, — но если так, то это очень дохлая маленькая мышка.

— Надо поднять доски.

Подняли доски — никакой мышки не нашли, ни большой, ни маленькой. Но что бы то ни было, газ ли, дохлая ли мышь, запах не исчезал. Я продолжала вызывать строителей, газовщиков, водопроводчиков — всех, кто, как мне представлялось, может как-то помочь. В конце концов все они стали смотреть на меня с ненавистью. Я всем надоела — Макс, Розалинде, Карло, все они называли это «мамиными выдумками». Но мама-то знала, как пахнет газ, и продолжала стоять на своем. Едва не доведя всех до помешательства, я все же доказала свою правоту. Оказалось, что под полом нашей спальни проходила старая, давно не используемая газовая труба, из которой понемногу продолжал течь газ. На чей счет этот газ тек, никто сказать не мог — в нашем доме даже газового счетчика не было, но как бы то ни было, он тек по заброшенной трубе и проникал в нашу спальню. Я так гордилась своей победой, что на какое-то время стала просто невыносимой и больше, чем обычно, задирала нос.

Перед тем как купить дом на Шеффилд-террас, мы с Максом приобрели еще один, за городом. Нам нужен был небольшой домик или деревенский дом, потому что каждый раз ездить на выходные в Эшфилд и обратно было невозможно. Если бы мы имели загородный дом неподалеку от Лондона, это решило бы все проблемы.

У Макса было два любимых места в Англии — окрестности Стокбриджа, где он провел детство, и пригороды Оксфорда¹. Время, проведенное в Оксфорде, он считал самым счастливым в жизни. Там все было ему знакомо, и он очень любил Темзу. Поэтому в поисках дома мы ездили

¹ Оксфорд — город в Англии на реке Темза в графстве Оксфордшир.

вдоль реки туда-сюда. Искали в Горинге, Уоллингфорде, Пэнбурне. На берегу реки дом найти оказалось трудно, так как это были либо грандиозные сооружения в позднем викторианском стиле¹, либо небольшие деревенские дома, полностью затопляемые зимой.

Наконец я увидела объявление в «Таймс»². Это случилось за неделю до нашего очередного отъезда в Сирию.

— Посмотри, Макс, — сказала я, — в Уоллингфорде продается дом. Помнишь, как нам понравилось в Уоллингфорде? А что, если это один из домов на берегу? Когда мы там были, ни один из них не продавался.

Мы созвонились с агентом и тут же отправились в Уоллингфорд.

Это оказался восхитительный дом в стиле эпохи королевы Анны³, расположенный, правда, близко к дороге, но позади был сад и отделенный от него каменным забором огород — даже слишком большой для нас, а ниже — то, о чем всегда мечтал Макс: луга, расстилающиеся до самой реки. И река здесь, приблизительно в миле от Уоллингфорда, была очень хороша. Дом состоял из пяти спален, трех гостиных и замечательной кухни. Из окна одной гостиной сквозь пелену дождя виднелся потрясающий кедр, ливанский. Он стоял на лугу, луг подступал к самой изгороди неподалеку от дома, и я подумала, что за изгородью мы устроим лужайку для игр, так что кедр окажется посреди нее и жаркими летними днями мы сможем пить под ним чай.

Времени терять не следовало. Дом продавался на удивление дешево, безо всяких особых оговорок, и мы там же на месте приняли решение. Позвонили агенту, подписали необходимые бумаги, поговорили с юристами и земельными подрядчиками — все как положено — и купили дом.

К сожалению, целых девять месяцев нам не пришлось его больше видеть. Мы уехали в Сирию и там все время мучились сомнениями, не сделали ли мы большую глуп-

¹ Имеется в виду стиль архитектуры, относящийся ко времени правления английской королевы Виктории (1837—1901).

² «Таймс» — ежедневная газета консервативного направления, основанная в Лондоне в 1785 году.

³ Имеется в виду стиль эпохи королевы Анны Английской (1665—1714, правила 1702—1714) — здания из красного кирпича с простыми линиями в классической манере.

пость. Мы ведь намеревались купить маленький коттедж, а вместо этого приобрели дом в стиле королевы Анны с изящными окнами и изысканными пропорциями. Но Уоллингфорд казался таким прелестным! Железнодорожное сообщение с ним не было толком налажено, поэтому он не стал местом паломничества ни для лондонцев, ни для оксфордцев.

— Я думаю, — сказал Макс, — нам будет там очень хорошо.

И нам действительно всегда очень хорошо там, вот уже лет тридцать пять, если не ошибаюсь. Мы вдвое удлиннили кабинет Макса, теперь из него открывается вид прямо на реку. Зимний дом в Уоллингфорде — дом Макса, и всегда был его домом. Эшфилд — мой дом и, думаю, Розалиндин.

Вот так мы и жили. Макс со своей археологией, которой был предан всей душой, я — со своим писательством, становившимся все более профессиональным и вызывавшим поэтому все меньше энтузиазма.

Прежде писать книги было увлекательно — отчасти потому, что настоящей писательницей я себя не ощущала и каждый раз удивлялась тому, что оказалась способной написать книгу, которую опубликовали. Теперь же писание книг стало рутинным процессом, моей работой. Издатели не только печатали их, но и постоянно требовали чего-нибудь новенького. Однако я была бы не я, если бы иногда не сворачивала с проторенной колеи; полагаю, без этого жизнь показалась бы мне скучной.

Теперь мне хотелось написать что-нибудь другое, не детектив. Испытывая чувство некоторой вины, я с удовольствием принялась за роман под названием «Хлеб гигантов». Это была книга главным образом о музыке, и нередко она выдавала мое слабое знание предмета с технической точки зрения. В прессе ее заметили и уделили довольно много колонок. И продавалась книга недурно — вполне прилично для «первого романа». На обложке стояло имя Мэри Уэстмакотт, и никто не знал, что это я. Мне удалось сохранять свое авторство в секрете пятнадцать лет.

Год или два спустя я написала под тем же псевдонимом еще одну книгу — «Незаконченный портрет». Разгадал мою тайну только один человек: Нэн Уоттс — теперь ее зовут Нэн Кон. У Нэн была очень цепкая память, некоторые

мои высказывания о детях, а также стихотворение, процитированное в первой книге, обратили на себя ее внимание. Она тут же сказала себе: «Это написала Агата, не сомневаюсь».

Как-то, слегка подтолкнув меня в бок, она притворным тоном произнесла:

— На днях прочла книжку, которая мне очень понравилась; постой-ка, как же она называется? «Кровь карлика»? Да, точно, «Кровь карлика»! — И она лукаво подмигнула мне.

Когда мы подъехали к ее дому, я спросила:

— Как ты догадалась насчет «Хлеба гигантов»?

— Ну как же мне было не догадаться, я ведь знаю твою манеру речи, — ответила Нэн.

Время от времени я, бывало, писала песни, преимущественно баллады. Я и представить себе не могла, что мне выпадет невероятное счастье освоить еще одну, совершенно новую для меня сферу писательской деятельности, тем более в возрасте, когда люди уже не так легко пускаются в авантюры.

Думаю, подвигло меня к этому раздражение, вызванное неудачными, с моей точки зрения, опытами инсценирования моих книг. Хотя я и написала когда-то пьесу «Черный кофе», всерьез о драматургии не помышляла — работа над «Эхнатомом» доставила мне удовольствие, но я никогда не верила, что кто-нибудь ее поставит. Однако мне вдруг пришло в голову, что раз другие инсценируют мои книжки неудачно, надо самой попробовать сделать это лучше. Мне казалось, неудачи проистекают оттого, что инсценировщики не могут оторваться от текста и обрести свободу. Детектив дальше всего отстоит от драматургии, и его инсценировать труднее, чем что бы то ни было другое. В нем ведь такой замысловатый сюжет и обычно столько действующих лиц и ложных ходов, что пьеса неизбежно получается перегруженной и чрезмерно запутанной. Адаптируя детектив для театра, его нужно упрощать.

Я написала «Десять негрятя», потому что меня увлекла идея: выстроить сюжет так, чтобы десять смертей не показались неправдоподобными и убийцу было трудно вычислить. Написанию книги предшествовал длительный период мучительного обдумывания, но то, что в конце концов вышло, мне понравилось. История получилась яс-

ной, логичной и в то же время загадочной, при этом она имела абсолютно разумную развязку: в эпилоге все разъяснялось. Книгу хорошо приняли и всячески ее расхваливали, но истинное удовольствие от нее получила именно я, потому что лучше всякого критика знала, как трудно было ее писать.

Вскоре я сделала следующий шаг. Было бы занятно сделать из «Негритят» пьесу. На первый взгляд, это казалось невозможным, потому что под конец не остается в живых ни одного персонажа, который мог бы объяснить, что же произошло. Пришлось несколько изменить сюжет. Я считала, что путем введения одного нового хода сумею сделать отличную пьесу — нужно лишь оставить двух действующих лиц невиновными. В финале они, объединившись, преодолеют все испытания. Это не противоречило и сюжету детской считалочки, ибо в «десяти негритятах» есть и строчка о негритенке, который женился, после чего не осталось уже никого.

Я написала пьесу. Восторга она ни у кого не вызвала, вердикт был таков: «Невозможно поставить». Однако Чарльзу Кокрену она понравилась. Он сделал все, что мог, чтобы поставить ее, но, к несчастью, не смог убедить тех, от кого это зависело, разделить его восторг. Они твердили то же самое — невозможно ни поставить, ни сыграть, зритель будет смеяться, в пьесе нет необходимой драматургической напряженности. Кокрен твердо заявил, что не согласен с ними, но сделать ничего не смог.

— Надеюсь, когда-нибудь вам больше повезет с этой пьесой, — сказал он, — я бы хотел увидеть ее на подмостках.

Прошло время — и счастье действительно улыбнулось. Человеком, оценившим пьесу, оказался Берти Мейер, ранее открывший путь на сцену другой моей пьесе, «Алиби», где главную роль играл Чарльз Лоутон. «Негритят» поставила Айрин Хеншелл¹, и поставила, по-моему, превосходно. Мне было очень интересно познакомиться с ее режиссерским методом, так как он существенно отличался от метода Джералда Дюморье. Начать с того, что мне, не искушенной в театральной жизни, Айрин показалась неловкой, словно бы неуверенной в себе, но, наблюдая за ее работой, я поняла, какого высокого класса профессионалом она была. Она в первую очередь чувствовала сцену, видела, а не слышала будущий спектакль, представляла себе мизансцены, освещение, — словом, зрительный образ

спектакля. И лишь после этого, как бы обдумывая уже свершившееся, обращалась к тексту. Такой метод оказывался очень плодотворным, она добивалась впечатляющего результата. В спектакле постоянно поддерживалось нужное напряжение. А со светом она работала просто виртуозно — достаточно вспомнить эпизод, где трое детей держат в руках зажженные свечи. Сцена постепенно погружается в темноту, и три маленьких язычка пламени остаются таинственными световыми пятнами.

Кроме того, актеры играли превосходно, и зритель ощущал, как постепенно нарастают напряжение, страх и недоверие между действующими лицами; гибель персонажей была обставлена режиссерски так искусно, что в зале не возникло и намека на смех, постановщица не стремилась заставить зрителя дрожать от волнения, что порой вызывает обратный эффект: зритель начинает потешаться. Я не хочу сказать, что больше других люблю эту свою пьесу или эту книгу или что считаю их своими самыми большими удачами, но я уверена, что это моя самая искусная работа. Именно после «Десяти негрят» я всерьез, наравне с писанием книг, занялась драматургией и решила, что впредь никто, кроме меня, не будет инсценировать мои вещи: я сама буду выбирать, что инсценировать, и решать, какие из моих книг для этого пригодны.

Следующей моей пробой пера в этом жанре, предпринятой, правда, лишь через несколько лет, была «Лощина». Мне вдруг пришло в голову, что из этой повести получится неплохая пьеса. Я поделилась своим соображением с Розалиндой, которая играла значительную роль в моей профессиональной жизни, постоянно и безуспешно пытаюсь охладить мой пыл.

— Сделать пьесу из «Лощины», мама?! — с ужасом воскликнула Розалинда. — Это хорошая книга, я люблю ее, но из нее невозможно сделать пьесу!

— А я смогу, — ответила я, вдохновленная ее возражениями.

— Ну что ж, искренне желаю удачи, — вздохнула Розалинда.

Несмотря ни на что, я с удовольствием время от времени записывала мысли, приходившие в голову по поводу «Лощины». В известном смысле это конечно же был скорее роман, чем детективная история. Мне всегда казалось,

что я испортила его, введя в число персонажей Пуаро. Но, привыкнув к тому, что он действует во всех моих книгах, я, естественно, ввела его и в эту. Однако здесь он был не к месту. Он честно выполнял свою работу, но я не могла отделаться от мысли, что без него книга вышла бы намного лучше. Вот почему, приступив к инсценировке, я выкинула Пуаро.

«Лощина» была написана, несмотря на всеобщее, не только Розалиндино, неодобрение. И только Питеру Сондерсу, поставившему впоследствии столько моих пьес, она понравилась.

После успеха «Лощины» я закусила удила. Разумеется, я понимала, что писание книг — моя постоянная, надежная профессия. Я могла придумывать и кропать свои книжки, пока не спячу, и никогда не испытывала страха, что не смогу придумать еще один детективный сюжет.

Всегда, правда, остаются безумные три-четыре недели, предшествующие началу работы, когда пытаешься приступить собственно к написанию, но понимаешь, что ничего не получается. Худшей муки не придумать! Сидишь в кабинете, обкусываешь карандаш, тупо смотришь на машинку, меряешь шагами комнату или валяешься на диване и при этом так хочется реветь! Выходишь, начинаешь мешать тем, кто занят делом, — чаще всего Макс, благо он человек великодушный:

— Макс, это ужасно, я совершенно разучилась писать — я больше ничего не умею! Я не напишу больше ни одной книги.

— Напишешь, — утешает Макс. Поначалу в такие моменты в его голосе слышалась тревога, теперь, успокаивая меня, он продолжает думать о своей работе.

— Нет, не напишу, я знаю. У меня в голове — ни единой мысли. Была одна, но теперь я вижу, что это суцая чепуха.

— Тебе просто нужно пройти через эту стадию. Ведь это уже столько раз бывало! В прошлом году ты говорила то же самое. И в позапрошлом.

— Теперь совсем другое дело, — искренне возражаю я

На самом деле ничего нового, конечно, нет. Все забывается и, повторяясь, воспринимается как нечто необычное. Я опять впадаю в безысходное отчаяние, чувствую себя не способной к какой бы то ни было творческой рабо-

те. Но делать нечего: через этот несчастный период неизбежно приходится проходить. Словно запускаешь хорьков в кроличью нору, чтобы они вытащили оттуда зверька, который тебе нужен, и ждешь, между тем как в тебе происходит какая-то подспудная борьба, ты проводишь часы в томительном ожидании, чувствуешь себя не в своей тарелке. О будущей вещи думать не можешь, книгу, которая попадает под руку, толком не в состоянии читать. Пытаешься разгадывать кроссворд — не удается сосредоточиться, ощущение безнадежности парализует.

Затем, по какой-то неизвестной причине, срабатывает внутренний «стартер», и механизм начинает действовать, ты понимаешь, что «оно» пришло, туман рассеивается. С абсолютной ясностью ты вдруг представляешь себе, что именно А. должен сказать Б. Выйдя из дома и дефилируя по дороге, энергично беседуешь сам с собой, воспроизводя диалог между, скажем, Мод и Элвином, точно зная, где он происходит, и ясно видя других персонажей, наблюдающих за героями из-за деревьев. Перед твоими глазами возникает лежащий на земле мертвый фазан, который заставит Мод вспомнить нечто забытое, и так далее и так далее. Домой возвращаешься, как на крыльях; еще ничего не сделано, но ты уже в писательской форме и торжествуешь.

В такой момент писание пьес представляется мне занятием увлекательнейшим, видимо, просто потому, что я дилетант и не понимаю, что пьесу необходимо придумать — писать можно лишь ту пьесу, которая уже полностью придумана. Написать пьесу гораздо легче, чем книгу, потому что ее можно мысленно увидеть, здесь вы не зажаты в тиски неизбежных в книге описаний, которые мешают развивать сюжет динамично. Тесные рамки сценического диалога облегчают дело. Вам не нужно следовать за героиней вверх и вниз по лестнице или на теннисный корт и обратно, а также «думать мысли», которые приходится описывать. Вы имеете дело лишь с тем, что можно увидеть, услышать или сделать. Смотреть, слушать и чувствовать — единственное, что от вас требуется.

Я знала, что всегда буду писать свою одну книгу в год — в этом я была уверена; драматургия же навсегда останется моим увлечением, и результат будет неизменно непредсказуем. Ваши пьесы одна за другой могут иметь успех, а потом, по никому не ведомой причине, следует серия прова-

лов. Почему? Никто не знает. На моих глазах это случилось со многими драматургами. Я видела, как провалилась пьеса, которая, с моей точки зрения, была ничуть не хуже, а может быть, и лучше той, что считалась большой удачей этого театра, — то ли потому, что она не завоевала зрительских симпатий, то ли написана была не ко времени, то ли постановщики и актеры изменили ее до неузнаваемости. Да, занимаясь драматургией, ни в чем нельзя быть уверенным. Каждая пьеса — великий риск, но мне нравилось играть в эту азартную игру.

Закончив «Лошину», я уже знала, что вскоре захочу написать еще одну пьесу по своей книге, а если удастся, мечтала когда-нибудь произвести на свет и оригинальное сочинение, не инсценировку. Мне хотелось, чтобы это была пьеса в полном смысле слова.

С «Каледонией» Розалинде повезло. Школа и впрямь была выше всех похвал. Казалось, что все предметы там преподавали лучшие в своей области учителя. Конечно, самым хорошим в себе Розалинда обязана им. В конце концов она стала первой ученицей, хоть и призналась мне, что это несправедливо, так как в школе училась китайка, которая была гораздо умнее ее. «Я знаю, почему они назвали первой меня, — они считают, что первой ученицей должна быть английская девочка». Боюсь, Розалинда была права.

После «Каледонии» она поступила в «Бененден». Там с самого начала ее все раздражало. Понятия не имею почему — по всем отзывам, это была очень хорошая школа. Розалинда никогда не училась ради того, чтобы учиться, — в ней не было никаких задатков ученой дамы. Менее всего ее интересовали предметы, которые любила я, например история, но у нее хорошо шла математика. В письмах ко мне в Сирию она часто просила разрешить ей уйти из «Бенендена». «Я не выдержу здесь еще год», — писала она. Однако я считала, что раз уж она начала свою школьную карьеру, следует ее должным образом завершить, поэтому отвечала, что сначала нужно получить аттестат, а потом можно уходить из «Бенендена» и продолжать образование в другом месте.

Мисс Шелдон, классная дама, написала мне, что Розалинда собирается по окончании следующего семестра сдавать экзамены на аттестат; она, мисс Шелдон, сомневает-

ся, что у моей дочери есть шанс выдержать их, но почему бы не попробовать? Мисс Шелдон ошиблась, потому что Розалинда с легкостью сдала экзамены. Мне предстояло обдумать следующий шаг в судьбе почти уже пятнадцатилетней дочери.

В конце концов мы с дочерью сошлись на том, что ей следует поехать за границу. Мы с Максом отправились выполнять миссию, которая всегда давалась мне с огромным трудом — выбирать место, где Розалинда продолжит учебу. Выбор предстояло сделать между некой парижской семьей, несколькими в высшей степени благовоспитанными молодыми дамами, державшими школу в Эвиане¹, и, наконец, школой в Лозанне², возглавлявшейся тремя педагогами, которых нам горячо рекомендовали. Было еще учебное заведение в швейцарском местечке Гштаад, где девочки наряду с прочими дисциплинами овладевали мастерством катания на лыжах и другими зимними видами спорта. Я не умела расспрашивать людей. Как только я садилась напротив, язык мой словно прилипал к небу. А в голове вертелось: «Посылать мне сюда свою дочь или нет? Как мне узнать, что вы за люди? Господи, как мне узнать, хорошо ли ей будет с вами? И вообще, как тут?» Вместо этого я начинала мямлить: «Э... э...» — и задавать, по-видимому, совершенно idiotские вопросы.

После множества домашних советов мы выбрали мадемуазель Тшуми из Гштаада. И потерпели фиаско. Розалинда писала мне чуть ли не по два раза в неделю: «Мама, здесь ужасно, совершенно ужасно. Девочки здесь, ты даже не можешь себе представить, какие они! Они носят ленты в волосах — надеюсь, тебе все ясно?»

Мне ничего не было ясно. Я не понимала, почему бы девушкам не носить ленты в волосах, во всяком случае, я не знала, что уж такого плохого в этих лентах.

«Мы ходим парами — парами, ты только вообрази! В нашем - то возрасте! И нас никуда не пускают, даже в деревню купить что-нибудь в магазине. Ужасно! Как в тюрьме! И не учат ничему. Что касается ванн, о которых ты говорила, так это просто вранье! Ими никто не пользуется. Ни одна из нас ни разу не приняла ванны! Здесь и

¹ Эвиан — город во Франции на берегу Женевского озера

² Лозанна — город на юго-западе Швейцарии на берегу Женевского озера, культурный и научный центр страны

горячей воды-то нет. А чтобы кататься на лыжах, мы находимся, разумеется, слишком низко. Может, в феврале здесь и будет достаточно снега, но и тогда нам наверняка не разрешат кататься».

Мы вырвали Розалинду из темницы и отправили сначала в пансион в Шато д'Экс, а потом в очень милую старомодную семью в Париж. Возвращаясь из Сирии, заехали туда за ней, питая надежду, что теперь она говорит по-французски. «Более-менее», — ответила на наш вопрос Розалинда и тщательно следила за тем, чтобы мы не услышали от нее ни одного французского слова. Но вдруг она заметила, что таксист, который вез нас с Лионского вокзала в дом мадам Лоран, делает крюк. Розалинда высунула голову в окно и на живом, беглом французском языке поинтересовалась, почему он поехал именно по этой улице, а затем указала ему более короткий путь. Шофер был посрамлен, а я порадовалась тому, что благодаря этому случаю получила основание утверждать, что Розалинда говорит по-французски.

У нас с мадам Лоран состоялась дружеская беседа. Она заверила меня, что Розалинда ведет себя очень хорошо, всегда *très comme il faut*¹. «Но, — продолжала она, — *madame, elle est d'une froideur excessive! C'est peut-être le phlegme britannique?*»²

Я поспешно подтвердила, что это «*le phlegme britannique*». Мадам Лоран все время повторяла, что старалась быть Розалинде матерью. «*Mais cette froideur — cette froideur anglaise!*»³

Мадам Лоран вздохнула при воспоминании о том, как был отвергнут ее бурный сердечный порыв.

Розалинде предстояло прожить за границей еще полгода, а может, год. Она провела это время под Мюнхеном, в одной немецкой семье, изучая немецкий язык. Следующий ее сезон был лондонским.

Здесь ее ждал безоговорочный успех, ее называли одной из самых привлекательных дебютанток года, и она развлекалась вовсю. Я лично думаю, что это пошло ей на пользу — придало уверенности в себе и позволило приобрести светские манеры, а также навсегда излечило от

¹ Как подобает в приличном обществе (*фр*).

² Мадам, она слишком холодна! Может быть, это британская флегматичность? (*фр*)

³ Но эта холодность — эта английская холодность! (*фр*)

безумного желания без конца участвовать в шумных забавах. Она сказала, что подобный опыт не был лишним, но больше совершать все эти глупости она не намерена.

Я заговорила с Розалиндой о работе — при этом присутствовала ее лучшая подруга Сьюзен Норт.

— Ты должна сделать выбор, — безапелляционно заявила я дочери. — Мне все равно, чем ты займешься, но надо что-то делать. Почему бы не выучиться на *masseuse*¹? Это всегда пригодится в жизни. Или изучи искусство аранжировки цветов.

— О, этим сейчас все увлекаются, — возразила Сьюзен.

В конце концов девочки пришли ко мне и сообщили, что решили заняться фотографией. Я очень обрадовалась, так как и сама хотела более серьезно заняться ею. На раскопках большую часть снимков приходилось делать мне, и я считала, что уроки в фотостудии окажутся для меня весьма полезными, ведь я мало что понимала в этом деле. Столько наших находок надо было снимать прямо на месте раскопок, вне студийных условий. И поскольку некоторым из них предстояло остаться в Сирии, было чрезвычайно важно сделать с них как можно более хорошие снимки. Я с энтузиазмом принялась рассуждать на эту тему и вдруг увидела, что девочки прыскают со смеху.

— Мы имеем в виду вовсе не то, что ты, — сказала Розалинда. — Мы не собираемся брать уроки фотографии.

— А что вы собираетесь делать? — обескураженно спросила я.

— Мы будем сниматься в купальных, ну и в других костюмах — для рекламы.

Я была страшно шокирована и не сочла необходимым это скрывать.

— Вы не будете сниматься для рекламы в купальных костюмах, — заявила я. — Даже слышать об этом не желаю!

— Мама ужасно старомодна, — со вздохом сказала Розалинда. — Множество девушек позируют для рекламы. И между ними существует большая конкуренция.

— А у нас есть несколько знакомых фотографов, — подхватила Сьюзен, — и мы могли бы убедить кого-нибудь из них снять одну из нас на обертку мыла.

Я была непреклонна, и в итоге, сдавшись, Розалинда сказала, что подумает об уроках фотографии. В кон-

¹ Массажистка (*фр*)

це концов, решила она, можно же и самим фотографировать манекенщиц — и необязательно в купальных костюмах.

— Пусть это будут настоящие костюмы, застегнутые до самого подбородка, если тебе так нравится, — сказала она.

Итак, в один прекрасный день я отправилась в фотошколу Рейнхардта и то, что я там увидела, так меня заинтересовало, что я записала на курс обучения не их, а себя. Они разразились безудержным смехом.

— Мама попалась вместо нас! — воскликнула Розалинда.

— О, бедная, голубушка, вам будет так тяжело! — подхватила Сьюзен.

И мне действительно было тяжело, я очень уставала! В первый же день, пытаюсь снять звездопад, я так набегалась, а потом так вымоталась, проявляя негативы и делая все новые и новые отпечатки, что едва стояла на ногах.

В фотошколе Рейнхардта было много разных отделений, включая и коммерческое. Я выбрала именно его. В то время была мода: чтобы все выглядело как можно менее похожим на себя самое. К примеру, фотограф клал на стол шесть столовых ложек, затем взбирался на стремянку, свешивался с нее вниз головой и таким образом добивался необычного ракурса или получал изображение не в фокусе. Существовала также тенденция помещать изображение не в центре снимка, а где-нибудь в углу или так, чтобы часть объекта уходила за пределы фотографии, даже на портрете могла присутствовать лишь часть лица. Все это были новомодные веяния. Я принесла в фотошколу головку, вырезанную из букowego дерева, и экспериментировала, снимая ее через самые разные фильтры — красный, зеленый, желтый, чтобы получить всевозможные эффекты, все, каких можно добиться с помощью светофильтров.

Мой бедный Макс отнюдь не разделял моих творческих мук. Ему требовались снимки абсолютно реалистичные. Он хотел, чтобы объект выглядел именно таким, каков он есть на самом деле, чтобы было видно как можно больше деталей, чтобы ракурс был точным и так далее.

— Не кажется ли тебе, что само по себе это ожерелье весьма невыразительно? — бывало, вопрошала я.

— Нет, не кажется, — твердо отвечал Макс. — Ты сняла его так, что оно получилось каким-то смазанным и перекрученным.

— Но теперь оно выглядит так привлекательно!

— Мне не нужно, чтобы оно выглядело привлекательно, — отвечал Макс, — мне нужно, чтобы оно выглядело таким, какое оно есть. И ты забыла положить рядом линейку.

— Но она разрушает художественное впечатление! С ней снимок выглядит ужасно!

— Ты должна показать, каков размер объекта, — вразумлял меня Макс. — Это чрезвычайно важно.

— Но можно, по крайней мере, поместить ее внизу, под названием?

— Нет, это будет совсем другое дело. Линейка должна быть отчетливо видна и находиться рядом.

Я вздыхала, понимая, что мои художественные искания мешают делу, и вынуждена была просить своего преподавателя дать мне несколько дополнительных уроков — для овладения мастерством съемки предметов в естественных ракурсах. Ему это удовольствия не доставило, так как он не находил интересной подобную рутину, но уроки пошли мне на пользу.

Во всяком случае, я поняла одно: о том, чтобы снять предмет, а потом переснимать его, так как предыдущий снимок не удался, не должно быть и речи. В фотошколе Рейнхардта менее десяти проб никто не делал, каков бы ни был объект, большинство же учащихся предпринимало попыток двадцать. Это страшно выматывало, и, возвращаясь домой, я часто жалела, что ввязалась в это дело. К следующему утру, правда, все проходило.

Однажды Розалинда приехала к нам в Сирию, и мне показалось, что ей понравилось на раскопках. Макс иногда просил ее делать для него зарисовки. Она исключительно хорошо рисует и прекрасно выполняла задания, но беда Розалинды заключается в том, что она, как и ее чудакотавая мать, постоянно стремится к совершенствованию, поэтому, сделав первый рисунок, она тут же порвала его, сделала еще серию и в конце концов сообщила Максусу:

— Они никуда не годятся — я их все порву!

— Не нужно их рвать, — убеждал Макс.

— Все равно порву, — упорствовала Розалинда. Однажды между ними произошла бурная сцена: Розалинда дрожала от ярости, Макс тоже разозлился не на шутку. Рисунки раскрашенных горшков удалось спасти, и позднее они

вошли в книгу Макса о Телль-Браке, но Розалинда никогда не была ими довольна.

Шейх предоставил нам лошадей, и Розалинда совершала верховые прогулки в сопровождении Гилфорда Белла, молодого архитектора, племянника моей австралийской подруги Эйлин Белл. Он был очень славным юношей и делал чудесные карандашные эскизы амулетов, найденных в Браке. Это были симпатичные маленькие фигурки лягушек, львов, баранов, быков. Мягкая манера Гилфорда накладывать тени оказалась самым подходящим для них способом изображения.

В то лето Гилфорд гостил у нас в Торки, и в один прекрасный день мы увидели объявление, что продается дом, который я знала с детства, — Гринвей, стоявший на берегу Дарта, усадьба, которую моя мать считала — и я полностью разделяла ее мнение — самой лучшей из всех, расположенных вдоль реки.

— Пойдем посмотрим, — предложила я. — Мне будет приятно снова побывать там, я не видела Гринвей с тех самых пор, когда мама водила меня туда еще ребенком.

Итак, мы отправились в Гринвей и убедились, что дом и парк были действительно хороши.

Белый особняк в георгианском¹ стиле, построенный в 1780—1790 годах, и роща со множеством прекрасных деревьев и кустов, простирающаяся до самого Дарта, — идеальное имение, о таком можно мечтать. Поскольку мы изображали из себя покупателей, я поинтересовалась ценой, впрочем, весьма равнодушно. Должно быть, я неверно расслышала ответ:

— Вы сказали шестнадцать тысяч? — переспросила я.

— Шесть тысяч.

— Шесть тысяч?! — Я не верила своим ушам.

По дороге домой мы обсуждали услышанное.

— Это неправдоподобно дешево, — сказала я. — Там тридцать три акра. И мне кажется, что дом в приличном состоянии, нуждается лишь в отделке, вот и все.

¹ Имеется в виду стиль архитектуры, который характерен для Англии начала XVIII — середины XIX веков, то есть для эпохи правления королей Георга I, Георга II, Георга III и Георга IV. Этот стиль иногда называют английским ампиром, ему присущи строгость и простота.

— Почему бы тебе не купить его? — спросил Макс. Услышать это от Макса было такой неожиданностью, что у меня перехватило дыхание. — Тебя ведь беспокоит Эшфилд, по-моему.

Я понимала, что он имеет в виду. Эшфилд сильно изменился. Там, где прежде стояли дома наших соседей — такие же виллы, как наша, — теперь возвышалось огромное здание средней школы, закрывавшее вид, и весь день нам не давал покоя детский крик. По другую сторону выстроили дом для душевнобольных. Оттуда время от времени доносились странные звуки, а в нашем саду иногда появлялись необычные посетители. Официально они не были признаны сумасшедшими, поэтому им разрешалось делать все, что заблагорассудится, и у нас уже случилось несколько неприятных историй.

Как-то появился дюжий полковник в пижаме, размахивавший клюшкой для гольфа и уверенный, что ему приказано уничтожить всех кротов в нашем саду; в другой раз он явился расправиться с собакой, потому что она лаяла. Сиделки приносили свои извинения, уводили его, уверяя, что он абсолютно безопасен, у него лишь легкое психическое расстройство, но нас это мало утешало, а гостившие у нас дети пару раз были не на шутку напуганы. Когда-то вся эта местность представляла собой тихий сельский уголок в пригороде Торки: три виллы на холме да дорога, ведущая к деревне. Сочные зеленые луга, где весной я любила наблюдать за ягнятами, теперь сплошь застроены маленькими домишками. На нашей улице не осталось ни одного знакомого. Эшфилд превратился в пародию на себя самого.

И все же едва ли это было достаточным основанием для покупки Гринвея. Хоть он мне и очень нравился. Я знала, что Макс никогда по-настоящему не любил Эшфилд. Он мне этого не говорил, но я чувствовала. Думаю, он немного ревновал меня к нему, потому что Эшфилд был той частью моей жизни, в которой его еще не было, — та была только моя жизнь. Вот у него и вырвалось произвольно: «Почему бы тебе его не купить?» — о Гринвесе.

Мы начали обсуждать этот вариант более обстоятельно. Гилфорд нам помогал. Он осмотрел дом с профессиональной точки зрения и сказал:

— Мой вам совет: снесите полдома.

— Снести полдома?!

— Да. Видите ли, все заднее крыло — викторианское. Оставьте ту часть, которая построена в тысяча семьсот девяностом году, а все позднейшие пристройки ликвидируйте — бильярдную, кабинет, кладовую и новую ванную наверху. Дом станет гораздо легче и строже. Изначально это, в сущности, очень красивый дом.

— У нас не останется ванной, если мы снесем викторианскую, — заметила я.

— Ванную нетрудно устроить на верхнем этаже. А кроме того, это значительно снизит для вас местный налог на недвижимость.

Итак, мы купили Гринвей и с помощью Гилфорда вернули ему изначальный облик. Устроили ваннные комнаты наверху, внизу — небольшой туалет, все остальное сохранили в неприкосновенности. Ах, если бы я обладала даром предвиденья! Тогда я избавилась бы и от значительной части дворовых построек: огромной кладовой для продуктов, дровяного сарая, нескольких кухонных строений. А вместо этого устроила бы маленькую кухню в доме, в нескольких шагах от столовой, чтобы можно было обходиться без прислуги. Но кто же тогда мог знать, что настанет день, когда нельзя будет найти прислугу? Поэтому кухонное крыло не тронули. Когда перепланировка и отделка — я хотела иметь простые белые стены — закончились, мы переехали.

Сразу же после этого — не успели еще улечься наши восторги — началась Вторая мировая война. Она не была громом среди ясного неба, как в 1914-м. Нас предупредили: был ведь Мюнхен¹, но мы прислушивались к бодрым речам Чемберлена² и, когда он обещал мир всем живущим поколениям, верили ему.

Однако мир нам дарован не был.

¹ Имеется в виду Мюнхенский пакт, соглашение, подписанное в сентябре 1938 года в Мюнхене (Бавария) Великобританией, Францией, Италией и Германией, в том числе об отторжении Судетской области у Чехословакии в пользу Германии, что спровоцировало дальнейшее наступление фашистских агрессоров и начало Второй мировой войны.

² Чемберлен Невил (1869—1940) — консервативный государственный и политический деятель Великобритании, премьер-министр в 1937—1940 годах.

Часть десятая

ВТОРАЯ ВОЙНА

Глава 1

И вот снова война. Она не походила на предыдущую. Все ожидали, что она будет такой же, вероятно, потому что людям свойственно полагаться на уже пережитый опыт. Первая война вызвала шок непонимания, воспринималась как нечто неслыханное, невозможное, такое, чего никто из ныне живущих не мог припомнить, чего не могло случиться. На сей раз все было по-другому.

Прежде всего все были невероятно поражены тем, что ничего не происходило. Мы ожидали услышать, что в первую же ночь Лондон подвергся бомбардировке. Но Лондон бомбардировке не подвергся.

Помню, все звонили друг другу. Пегги Маклеод, моя приятельница по Мосулу, врач, позвонила с Восточного побережья, где у них с мужем была практика, и спросила, не приму ли я их детей. Она сказала: «Мы здесь так напуганы, — говорят, именно отсюда все начнется. Если ты согласна приютить наших детей, я немедленно привезу их на машине». Я ответила — конечно, пусть привозит детей и няню, если та пожелает. На том и порешили.

Пегги Маклеод прибыла через сутки. Она ехала без остановок целый день и целую ночь, пересекла всю Англию и привезла моего трехлетнего крестника Кристала и пятилетнего Дэвида. Пегги была измотана. «Не знаю, что бы я делала без бензедрина¹, — сказала она. — Посмотри, у меня есть еще упаковка. Я отдам ее тебе. Когда-нибудь, когда у тебя совсем не останется сил, она тебе пригодится». Я все еще храню ту маленькую плоскую коробочку бензедрина, я ею так и не воспользовалась, но всегда берегла, надеясь, что это само по себе поможет избежать момента, когда у меня «совсем не останется сил».

Мы более или менее наладили наш новый быт и ждали, что вот-вот что-нибудь случится. Но поскольку ничего не случалось, мало-помалу вернулись к своим обычным

¹ Бензедрин — фирменное название средства, оказывающего стимулирующее действие на нервную систему, антидепрессант

занятиям, к которым, впрочем, добавились и другие, связанные с войной.

Макс вступил в отряд самообороны, имевший в то время, прямо скажем, опереточный вид. У них было очень мало винтовок — думаю, одна на восьмерых. Макс каждую ночь выходил на дежурство. Некоторым участникам отряда их новая роль очень нравилась, а некоторые жены, напротив, весьма подозрительно относились к их ночной караульной деятельности. И впрямь, по мере того как шли месяцы и ничего не происходило, их дежурства превратились в шумные и веселые сборища. В конце концов Макс решил ехать в Лондон. Как и все, он требовал, чтобы его отправили за границу, чтобы дали какое-нибудь настоящее дело, но единственным ответом, который они получали, был: «В данный момент ничего нельзя сделать. Никто не требуется».

Я поехала в торкийскую больницу и попросила разрешения поработать в аптеке, чтобы освежить свои знания на случай, если понадобится позднее. Поскольку раненные ожидалась со дня на день, заведующая аптекой охотно согласилась. Она познакомила меня с новыми препаратами и оборудованием. Что и говорить, со времен моей молодости наука не стояла на месте — появилось множество новых пилюль, таблеток, присыпок, мазей и прочего, и прочего.

Как бы то ни было, война началась не в Лондоне, не на Восточном побережье, она началась как раз у нас Дэвид Маклеод, в высшей степени смысленный мальчик, был без ума от самолетов и прилагал огромные усилия, чтобы научить меня различать их марки. Он показывал мне «мессершмитты» и другие немецкие машины на картинках, а «харрикейны» и «спитфайры» — в небе.

— Ну, на этот раз ты правильно рассмотрела? — нетерпеливо спрашивал он. — Видела, что это был за самолет?

Он летел так высоко — крапинка в небе, но я робко предполагала, что это «харрикейн».

— Нет, — презрительно фыркнул Дэвид — Ты опять ошиблась. Это «спитфайр».

Однажды, глядя в небо, он заметил

— Над нами летит «мессершмитт».

— Нет, дорогой, — возразила я, — это не «мессершмитт», это наш самолет, «харрикейн».

— Это не «харрикейн».

— Ну, значит, «спитфайр».

— Это не «спитфайр», это «мессершмитт». Разве ты не можешь отличить «харрикейн» или «спитфайр» от «мессершмитта»?

— Но это не может быть «мессершмитт», — сказала я. В этот самый момент на склон холма упали две бомбы. Дэвид, чуть не плача, укоризненно сказал:

— Я же говорил тебе, что это «мессершмитт», а ты не верила!

Как-то, когда дети переправлялись с няней на другой берег в лодке, на реку спикировал самолет и обстрелял из пулеметов суда, находившиеся на воде. Пули свистели рядом с няней и детьми, и они вернулись домой потрясенные.

— Может быть, лучше позвонить миссис Маклеод? — сказала няня. Так я и поступила.

Мы с Пегги обсудили, что делать дальше.

— Здесь ничего такого пока не было, — сказала Пегги, — но, думаю, может начаться в любую минуту. Полагаю, детям не следует сюда возвращаться. А ты?

— Будем надеяться, что и здесь это больше не повторится, — ответила я.

Дэвида потряс вид падающих бомб, и он потребовал, чтобы ему показали место, где они упали. Две разорвались у реки, в Диттишеме, другие — на склоне холма, позади нашего дома. Мы обнаружили одну из них, продравшись через заросли крапивы, преодолев пару изгородей и, наконец, натолкнувшись на трех фермеров, разглядывавших бомбовую воронку на лугу и еще одну бомбу, не взорвавшуюся при падении.

— Нечистый тебя задери, — сказал один из фермеров, с чувством пиная ногой неразорвавшуюся бомбу. — Какая гнусность, скажу я вам, сбрасывать такие штуки на землю! Гнусность!

Он снова пнул бомбу. Конечно было бы гораздо лучше, если бы он этого не делал, но он, по-видимому, желал таким образом продемонстрировать свое возмущение всеми деяниями Гитлера.

— Даже взорваться как положено не могут, — презрительно фыркнул он.

Это, разумеется, были очень маленькие бомбы по сравнению с теми, какие довелось видеть позднее во время той войны, но это были бомбы: первая встреча с врагом. На следующий день пришла весть из Корнверси, маленькой

деревушки вверх по течению Дарта: там самолет спикировал на школьную площадку и обстрелял игравших на ней детей. Одна из классных дам была ранена в плечо.

Теперь Пегги позвонила мне и сообщила, что организовала для детей переезд в Кольвин-Бей, к бабушке. Там было спокойно, во всяком случае, так казалось.

Мне было ужасно жаль, что дети уехали. Вскоре после этого я получила письмо от некоей миссис Арбатнот с просьбой сдать ей дом. С началом бомбежек детей стали эвакуировать в разные концы Англии. Она хотела поселить в Гринвее детей из Сент-Панкраса¹.

Казалось, война перенеслась из наших краев в другие: бомбежек больше не было. В установленный срок прибыли мистер и миссис Арбатнот, они приняли дом у моего дворецкого и его жены и поселили в нем двух больничных сестер и десятирех детей. Я решила ехать в Лондон, к Макс, где он работал над картой турецкого рельефа.

Перед прибытием нашего поезда в Лондоне только что кончился налет. Макс, встретив меня на Паддингтонском вокзале, повез в квартиру на Хафмун-стрит.

— Боюсь, это не слишком приятное место, — сказал он, извиняясь, — но мы можем подыскать что-нибудь другое.

Тот факт, что дом, куда мы приехали, торчал один, как зуб в беззубом рту, привел меня в некоторое замешательство. Справа и слева от него дома отсутствовали. Их разбомбило, кажется, дней за десять до того, именно поэтому здесь было нетрудно снять квартиру: жильцы быстро съехали из этого дома. Не могу сказать, что мне было там очень уютно. Повсюду стоял ужасный запах грязи, отвратительного жира и дешевых духов.

Через неделю мы с Максом переехали на Парк-плейс, за Сент-Джеймс-стрит, в квартиру с гостиничным обслуживанием, прежде весьма дорогую. Там мы прожили недолго — донимали бомбежки. Особенно мне было жаль официантов, которым после сервировки ужина приходилось добираться домой во время налетов.

Как раз тогда люди, снимавшие наш дом на Шеффилд-террас, попросили разрешения до срока расторгнуть контракт, и мы снова поселились там сами.

¹ Сент-Панкрас — крупная конечная железнодорожная станция Лондонско-Мидлендского района.

Розалинда подала заявление в Женские вспомогательные воздушные силы, но перспектива служить там не слишком ее увлекала, и она подумывала о том, чтобы мобилизоваться в качестве сельскохозяйственной работницы.

Отправившись в штаб Женских вспомогательных воздушных сил на собеседование, она продемонстрировала достойное сожаления отсутствие такта. На вопрос, почему она хочет служить в этих войсках, она ответила просто: «Нужно же что-то делать, а эта работа не хуже других». В штабе не оценили простодушия этого высказывания. Некоторое время спустя, поработав на раздаче школьных обедов и в какой-то военной канцелярии, она задумала потрудиться в военном училище: «Там не так любят командовать, как в летных частях» — и заполнила очередные бумаги.

Затем Макс, к своей великой радости, был зачислен в военно-воздушные силы, ему помог наш друг Стэфен Глэнвил, профессор-египтолог. Работая в Министерстве авиации, они с Максом сидели в одном кабинете, оба курили (Макс — трубку) без перерыва, и атмосфера в кабинете была такой, что друзья называли его не иначе как «бордельчик».

Развитие событий обескураживало. Помню, Шеффилд-террас бомбили в выходные дни, когда мы были за городом. Фугасные снаряды падали как раз напротив нас, на противоположной стороне улицы, и до основания разрушили три здания. Воздействие ударной волны на наш дом оказалось неожиданным — развалился цокольный этаж, место, которое можно было считать самым безопасным, были повреждены крыша и верхний этаж, в то время как вся средняя часть дома почти не пострадала. А вот мой «Стейнвей» уже никогда не стал тем инструментом, каким был прежде.

Поскольку мы с Максом всегда спали в своей спальне наверху и никогда не спускались в цокольный этаж, наши личные потери оказались бы невелики, даже случись мы дома во время бомбежки. Лично я за всю войну ни разу не спустилась ни в одно убежище, так как всегда боялась оказаться в ловушке под землей. Где бы я ни была, я всегда спала в своей кровати. В конце концов я привыкла к лондонским бомбежкам, тем более что меня вообще трудно разбудить. Завывание сирены или грохот взрывающихся неподалеку снарядов я слышала лишь сквозь сон.

— О боже, опять! — бормотала я и переворачивалась на другой бок.

Одним из неприятных последствий бомбардировки Шеффилд-террас было то, что негде стало хранить вещи — в Лондоне почти не осталось складских помещений. Поскольку цоколь разрушился, через парадную дверь попасть в дом было невозможно, приходилось пользоваться приставной лестницей. В конце концов я нашла выход — составить мебель в Уоллингфорде, в зале для игры в сквош¹, который мы незадолго до того соорудили, и одержала крупную победу над фирмой, которая взялась-таки перевезти мои вещи. Туда мы все и свезли. Плотники, готовые снять дверь зала, а если понадобится, и дверную раму, были наготове. Дверную раму действительно пришлось выбить, так как диван и кресла через узкий дверной проем не проходили.

Мы с Максом переехали в многоквартирный дом в Хэмпстеде, на Лоун-роуд, и я начала работать провизором в аптеке университетского колледжа.

Когда Макс открыл мне то, что было ему известно уже некоторое время, — что ему предписано отправиться за границу, на Ближний Восток или в Северную Африку, быть может, в Египет, — я порадовалась за него. Я знала, сколько усилий он прилагал, чтобы добиться этого назначения, там его знание арабского языка могло пригодиться. Впервые за десять лет мы расставались надолго.

В отсутствие Макса дом на Лоун-роуд был для нас самым подходящим местом. Там жили милые люди, имелся небольшой ресторан, и вообще царила неофициальная и приятная атмосфера. Из окна моей спальни, находившейся на третьем этаже, была видна насыпь, тянувшаяся вдоль дома и обсаженная кустами и деревьями. Как раз напротив него росла большая, вся в цвету, вишня с раздвоенным стволом, имевшая пирамидальную форму. Эффект получался тот же, что во втором акте «Дорогого Брута»² Барри: там герой поворачивается и видит, что верхушки деревьев заглядывают прямо в окно. Вишневому дереву я особенно радовалась. Всю весну, каждое утро оно приветствовало меня, как только я открывала глаза.

¹ Сквош — род упрощенного тенниса, в который играют на открытом корте, используя более легкую ракетку и мягкий резиновый мяч.

² «Дорогой Брут» — пьеса английского писателя, драматурга и журналиста Джеймса Барри (1860—1937).

На одном конце двора был маленький садик, летним вечером там было приятно поужинать или просто посидеть. Хэмпстедская вересковая роща тоже находилась всего в десяти минутах ходьбы, и я, бывало, хаживала туда, прихватив с собой Джеймса, собаку Карло. На мне лежала обязанность прогуливать его, так как Карло работала теперь на военном заводе и не могла брать его с собой. В больнице ко мне относились очень хорошо и разрешали приводить Джеймса в аптеку. Тот вел себя безупречно. Он растягивался этаким белой колбаской под навесными шкафчиками со склянками и лежал там, время от времени вставая лишь по просьбе уборщицы, мывшей пол.

Благополучно провалившись при приеме в Женские вспомогательные воздушные силы, Розалинда провалилась также и при поступлении в ряд других учреждений, мобилизовавших гражданское население на оборонные работы, и, насколько я могла судить, никаких предпочтений в выборе рода деятельности не имела. Собираясь поступить на работу в военное училище, она заполнила огромное количество анкет с датами, названиями мест, именами и прочей ненужной информацией, которую требуют официальные организации, но потом вдруг заявила:

— Сегодня утром я порвала все эти анкеты. В конце концов, мне вовсе не хочется работать в этом военном училище.

— Послушай, Розалинда, — грозно сказала я. — Так или иначе, но надо что-то решать. Мне все равно, чем ты займешься — выбери, что нравится, но перестань без конца рвать документы и начинать все сначала.

— Ну что ж. Я придумала кое-что получше, — ответила она и с крайней неохотой, с какой молодежь ее поколения вообще делится с родителями какой бы то ни было информацией, добавила: — В следующий вторник я выхожу замуж за Хьюберта Причарда.

Это не было для нас полной неожиданностью, если не считать того, что, оказывается, уже назначен день бракосочетания.

Хьюберт Причард, валлиец, был майором действующей армии; Розалинда познакомилась с ним у моей сестры, где он впервые появился в качестве друга моего племянника Джека. Однажды он гостил у нас в Гринвее и очень мне понравился. Это был спокойный, чрезвычайно

рассудительный брюнет, владелец множества greyхаундов¹. Дружба Хьюберга с Розалиндой продолжалась уже довольно долго, но я не предполагала, что из нее что-то выйдет.

— Надеюсь, — добавила Розалинда, — ты, мама, захочешь приехать на свадьбу?

— Разумеется, я захочу приехать на свадьбу, — ответила я.

— Я так и думала... Но вообще-то я лично считаю свадебную суету совершенно излишней. То есть тебе не кажется, что если бы ты отказалась присутствовать на свадьбе, это избавило бы тебя от утомительной процедуры и упростило бы дело? Нам придется регистрировать брак в Денби, знаешь ли, потому что Хьюберту не дают отпуска.

— Ничего, — заверила я ее, — я приеду в Денби.

— Ты уверена, что тебе этого хочется? — В голосе Розалинды звучала последняя надежда.

— Да, — твердо заявила я. И добавила: — Я приятно удивлена, что ты заранее уведомила меня о свадьбе, а не поставила перед свершившимся фактом.

Розалинда покраснела, и я догадалась, что попала в точку.

— Полагаю, это Хьюберт заставил тебя мне сообщить?

— Ну... В общем да, — ответила Розалинда. — Он напомнил, что мне нет еще двадцати одного года.

— Ну что ж, — сказала я, — придется тебе смириться с моим присутствием на свадьбе.

Было в Розалинде что-то «устричное», что всегда меня забавляло, и в тот момент я тоже не удержалась от смеха.

В Денби мы с Розалиндой прибыли на поезде. Утром за ней заехал Хьюберт. С ним был один из его братьев, офицер, и мы все вместе отправились в Бюро записи актов гражданского состояния, где состоялась церемония с минимумом суеты. Единственной загвоздкой оказалось то, что пожилой регистратор наотрез отказался поверить в правильность указанных в документах званий отца Розалинды: полковник Арчибалд Кристи, кавалер ордена «За безупречную службу», истребительный полк Военно-воздушных сил Великобритании.

— Если он служил в Королевских военно-воздушных силах, он не может быть полковником, — сказал регистратор.

¹ Greyхаунд — порода охотничьих собак с короткой гладкой шерстью, острой мордой и длинными ногами.

— Тем не менее он полковник, — твердо ответила Розалинда, — его звание указано верно.

— Он должен называться командиром эскадрильи, — настаивал регистратор.

— Но он не называется командиром эскадрильи. — Розалинда изо всех сил старалась втолковать, что двадцать лет назад все было по-другому и Королевских военно-воздушных сил еще не существовало. Регистратор твердил свое: летчик не может называться полковником. Тогда мне пришлось удостоверить «показания» Розалинды, и в конце концов регистратор с крайней неохотой записал звание Арчи так, как мы говорили.

Глава 2

Итак, время шло, и происходящее вокруг стало представляться уже не кошмаром, а чем-то обыденным, казалось, что так было всегда. Обычным, в сущности, стало даже ожидание того, что тебя могут скоро убить, что убить могут людей, которых ты любишь больше всего на свете, что в любой момент ты можешь узнать о гибели друзей. Разбитые окна, бомбы, фугасы, а позднее крылатые бомбы и ракеты — все это воспринималось не как нечто из ряда вон выходящее, а абсолютно в порядке вещей. Война шла уже три года, и все это стало нашей повседневностью. Мы не могли даже представить себе жизнь без войны.

Я была занята по горло: работала в больнице два полных дня, три раза в неделю — по полдня и раз в две недели — утром, по субботам. Все остальное время писала.

Я решила работать одновременно над двумя книгами, потому что, если работаешь только над одной, наступает момент, когда она тебе надоедает и работа застопоривается. Приходится откладывать рукопись и искать себе на время другое занятие — но мне нечем больше заняться, у меня нет ни малейшего желания сидеть над пяльцами. Я полагала, что, если буду писать сразу две книги, попеременно, смогу постоянно оставаться в форме. Одной из книг был «Труп в библиотеке», замысел которой я давно вынашивала, другой — «Икс или Игрек?», шпионская история, являвшаяся в некотором роде продолжением «Таинственного противника», в котором действовали Томми и Таппенс. Теперь, имея взрослых сына и дочь, мои герои с разоча-

рованием обнаруживают, что никому не нужны в этой войне. Тем не менее эта уже немолодая супружеская пара возвращается в строй и блестяще, с огромным энтузиазмом разоблачает шпионов.

Мне, в отличие от многих других, вовсе не стало труднее писать во время войны; наверное, я таким образом отгораживалась от печальной действительности. Я могла вся, без остатка, жить в книге, среди людей, которых описывала, бормотать себе под нос их реплики, видеть, как они двигаются по комнате, которую я для них придумала.

Раз или два я ездила погостить к актеру Фрэнсису Салливану и его жене. У них был дом в Хаслмире¹, окруженный испанскими каштанами.

Во время войны лучшим отдыхом мне казались часы, проведенные с актерами, потому что для них мир театра был более реальным, чем то, что их окружало. Война воспринималась ими как затянувшийся кошмар, мешающий жить так, как они привыкли, поэтому они говорили только о театре, о том, что происходит в актерских кругах, в Национальной ассоциации зрелищных учреждений². Это действовало освежающе.

Дома, на Лоун-роуд, ложась спать, я прикрывала голову подушкой на случай, если посыплются выбитые стекла, а на кресло, рядом с кроватью, клала самые дорогие свои пожитки: шубу и резиновую грелку — вещи совершенно незаменимые по тем холодным временам. Таким образом я была готова к любым превратностям.

Но затем случилось нечто неожиданное. Распечатав конверт, найденный в почтовом ящике, я нашла в нем уведомление Адмиралтейства о том, что оно забирает у меня Гринвей — и немедленно.

Я отправилась туда и была принята молодым лейтенантом, который подтвердил, что дом должен перейти в их распоряжение без проволочек. На него не произвело никакого впечатления то, что это поставит миссис Арбатнот в очень трудное положение. Сначала она попыталась оспо-

¹ Хаслмир — город в графстве Суррей на юго-востоке Великобритании.

² Имеется в виду благотворительная ассоциация, созданная в 1939 году для организации развлекательных мероприятий (концерты, спектакли и т. п.) для военнослужащих во время войны.

ритель приказ, потом попросила дать ей время связаться с Министерством здравоохранения, чтобы там подыскали другое место для ее приюта. Но поскольку это грозило конфронтацией с Адмиралтейством, Министерство здравоохранения осталось безучастным, миссис Арбатнот с детьми пришлось выехать, а я осталась еще раз с полным набором домашней мебели, которую некуда было девать. И снова я столкнулась с тем, что ни у одной фирмы, занимавшейся перевозкой или хранением мебели, не было свободных складов: все пустующие дома оказались забиты до потолков. Я снова отправилась в Адмиралтейство и на сей раз добилась разрешения оставить за собой гостиную, в которой предстояло храниться всей мебели, и еще одну маленькую комнатку наверху.

Пока мебель стаскивали в гостиную, Хэннафорд, садовник, старый добрый плут, всегда преданный тем, кому служил достаточно долго, отвел меня в сторону и сказал: «Поглядите-ка, что я вам от нее спрятал».

Я не поняла, кого он имел в виду, когда говорил о «ней», но последовала за ним в часовую башню, возвышавшуюся над конюшней. Там, проведя меня через какую-то потайную дверь, он с величайшей гордостью продемонстрировал несусветное количество лука, разложенного на полу и прикрытого соломой, а также массу яблок.

— Явилась ко мне перед отъездом и говорит: есть ли у меня лук и яблоки, она, мол, их с собой заберет. Но я их ей отдавать не собирался — не на того напала. Сказал, что большая часть урожая пропала, и дал ровно столько, сколько посчитал нужным, перебьется! С какой стати? Эти яблоки тут выросли, и лук тоже — с чего бы это их ей отдавать, чтобы она их увезла в центральные графства или на Восточное побережье или куда там она отчалила?

Я была тронута вассальской преданностью Хэннафорда, хоть он поставил меня в весьма затруднительное положение. Я бы, вне всяких сомнений, предпочла, чтобы миссис Арбатнот забрала весь этот лук и все яблоки и чтобы они не висели у меня на шее. Хэннафорд между тем стоял с видом собаки, которая вытасила из воды нечто, совершенно хозяину не нужное, и по этому поводу победно виляла хвостом.

Яблоки мы упаковали в ящики, и я разослала их родственникам, у которых были дети, — надеюсь, это доставило детям удовольствие. Но я представить себе не могла,

что буду делать на Лоун-роуд с таким количеством этого дурацкого лука. Попыталась предложить его разным больницам, но столько лука не требовалось никому.

Хоть переговоры вело наше Адмиралтейство, на самом деле Гринвей предназначался для Военно-морских сил США. В Мейпуле, большом доме на холме, должны были жить матросы и старшины, в нашем — офицеры американской флотилии.

Не могу сказать, чтобы американцы оказались людьми деликатными и бережно отнеслись к дому. Разумеется, кухонная команда превратила кухню в некое подобие бойни: им приходилось стряпать человек на сорок, поэтому они втащили туда чудовищно огромные коптящие печи, — правда, очень осторожно обошлись при этом с нашими дверьми из красного дерева, их командир даже приказал прикрыть их фанерой. Оценили они и красоту парка. Большинство служивших в этой флотилии были родом из Луизианы¹ и, глядя на магнолии², особенно те, что цвели крупными цветами, они чувствовали себя, вероятно, чуть-чуть дома.

Еще много лет после окончания войны родственники того или иного офицера, квартировавшего в Гринвее, приезжали посмотреть, где жил их сын, кузен или кто-нибудь еще. Они рассказывали мне, как те расписывали это место в письмах. Иногда я водила их по парку, помогая опознать какой-то любимый их родственником уголок. Правда, зачастую это было непросто, потому что парк сильно зарос.

К третьему году войны у меня не было ни одного дома, куда бы при желании я могла сразу переехать. Гринвей отобрало Адмиралтейство; Уоллингфорд был забит эвакуированными, а когда они вернулись в Лондон, его сняли у меня знакомые — пожилой инвалид с женой, к которым присоединилась их дочь с ребенком. Дом 48 по Кэмпден-стрит я очень выгодно продала. Покупателей туда водила Карло. «Меньше чем за три с половиной тысячи фунтов я его не продам», — предупредила я ее. Нам тогда это казалось баснословной суммой. Карло вернулась с победоносным

¹ Луизиана — один из южных штатов США на Мексиканском заливе.

² Магнолия — дерево или кустарник с крупными благоухающими белыми, розовыми или красными цветами

видом: «Я содрала с них еще полсотни, — сказала она. — И поделом им!»

— Что ты хочешь этим сказать?

— Они наглецы, — ответила Карло, как все шотландцы ненавидевшая то, что она называла беспардонностью. — В моем присутствии говорили о доме пренебрежительно! Этого им делать не следовало! «Какая ужасная отделка! Все эти цветочные обои — я их немедленно смею. Ах, что за люди! Надо же было такое придумать — убрать здесь перегородку!» Ну я и решила их проучить, прибавив лишние пятьсот фунтов, — продолжала Карло. — Заплатили как миленькие!

В Гринвее у меня есть собственный военный музей. В библиотеке, которую во время постоя превратили в столовую, по верхнему периметру стен кто-то из постояльцев сделал фреску¹. На ней изображены все места, где побывала эта флотилия, начиная с Ки Уэста², Бермуд³, Нассау⁴, Марокко и так далее до слегка приукрашенной картины лесов в окрестностях Гринвея с виднеющимся сквозь деревья белым домом. А дальше — незаконченное изображение нимфы — очаровательной обнаженной девушки, которая, полагая, воплощала мечту этих молодых людей о райских девах, ждущих их в конце ратного пути. Их командир спросил у меня в письме, желаю ли я, чтобы эту фреску закрасили и сделали стены такими, как прежде. Я тут же ответила, что это своего рода исторический мемориал и я очень рада иметь его в своем доме. Над камином кто-то сделал эскизы портретов Уинстона Черчилля⁵, Сталина и президента Рузвельта⁶. Жаль, что я не знаю имени художника.

Покидая Гринвей, я не сомневалась, что его разбомбят и я больше никогда его не увижу, но, к счастью,

¹ Фреска — одна из техник настенной росписи, выполняется водяными красками по сырой штукатурке.

² Ки Уэст — самый западный из островов у берегов Флориды — Флоридских Рифов.

³ Бермуды — группа островов в Атлантическом океане, принадлежащих Великобритании.

⁴ Нассау — главный город Багамских островов в Вест-Индии.

⁵ Черчилль Уинстон (1874—1965) — британский государственный и политический деятель, премьер-министр Великобритании в 1940—1945 и 1951—1955 годах.

⁶ Рузвельт Франклин Делано (1882—1945) — американский государственный и политический деятель, президент США в 1933—1945 годах.

предчувствия меня обманули. Гринвей совершенно не пострадал. На месте кладовой, правда, соорудили четырнадцать уборных, и мне пришлось долго воевать с Адмиралтейством, чтобы их снесли.

Глава 3

Мой внук, Мэтью, родился 21 сентября 1943 года в родильном доме в Чeshire неподалеку от дома моей сестры. Москитик, очень любившая Розалинду, была в восторге, что та приехала ложать к ней. Я в жизни не встречала более неутомимого человека, чем моя сестра: просто женщина-динамомашина. После кончины ее свекра они с Джеймсом переехали в Эбни, в тот самый громадный дом с четырнадцатью спальнями и массой гостиных. В мой первый приезд, еще девочкой, я застала там шестнадцать человек только домашней прислуги. Теперь не осталось никого, кроме моей сестры и бывшей кухарки, вышедшей замуж и приходившей готовить каждый день.

Приезжая в Эбни, я всегда слышала, как в полшестого утра сестра уже ходит по дому. Она все тогда делала сама — вытирала пыль, прибирала, подметала, разжигала камин, начищала медные ручки, до блеска натирала полированную мебель, а потом подавала всем ранний чай. После завтрака она чистила ванны и застилала постели. К половине одиннадцатого все в доме блестело, и она мчалась в огород, где росло много молодой картошки, гороха, фасоли, бобов, спаржи, моркови и прочих овощей. Ни один сорняк не смел поднять голову у Москитика в огороде. Никакой сорной травы никогда никто не видел и на розовых клумбах и цветниках, окружавших дом.

Москитик взяла в дом чау-чау¹, принадлежавшую офицеру, отправившемуся на фронт, и та постоянно спала в бильярдной. Однажды, спустившись вниз и заглянув в бильярдную, Москитик увидела, что собака неподвижно сидит на своей подстилке, а посреди комнаты уютно устроилась огромная бомба. В предыдущую ночь на крышу упало множество зажигалок, и все вышли тушить их. Эта

¹ Чау-чау — порода длинношерстных декоративных собак, выведенных в Китае и Маньчжурии.

же бомба, пробив потолок, проникла в бильярдную, не замеченная в общей суматохе, и упала там, не разорвавшись.

Сестра позвонила куда следует, и оттуда примчались люди, чтобы обезвредить бомбу. Осмотрев ее, они заявили, что через двадцать минут в доме не должно остаться ни души.

— Возьмите с собой самое ценное.

— И что, ты полагаешь, я прихватила? — спрашивала меня потом Москитик. — Вот уж поистине человек теряет рассудок от страха.

— Ну и что же ты прихватила? — поинтересовалась я.

— Ну прежде всего личные вещи Найджела и Ронни, — это были офицеры, которых определили к ней на постой, — было бы крайне неловко, если бы они пострадали. Затем зубную щетку и умывальные принадлежности, конечно, но, что еще нужно взять, я никак не могла сообразить. Обезжала весь дом, но голова совершенно не работала, и вдруг я схватила тот огромный букет восковых цветов, что стоял в гостиной.

— Вот уж не знала, что он тебе так дорог, — удивилась я.

— Вовсе он мне не дорог, — ответила сестра, — в том-то и дело!

— А драгоценности и шубу ты не взяла?

— Я даже не вспомнила о них.

Бомбу удалось вынести из дома и взорвать в отдаленном месте; к счастью, больше подобных неприятностей не случилось.

Когда все свершилось, я получила от Москитика телеграмму и бросилась в Чешир. Розалинда была в роддоме, она весьма гордилась собой и была не прочь похвастать размерами и статьями своего ребенка.

— Он просто великан, — говорила она, и лицо ее светило восхищением. — Неввероятно крупный ребенок — настоящий великан!

Я поглядела на «великана»: славный, спокойный ребенок со сморщенным личиком и легкой гримаской, которая, вероятно, была вызвана газами, но походила на приветливую улыбку.

— Ну, видишь? — спросила Розалинда. — Я забыла, какой, они сказали, у него рост, но он великан!

Итак, на свет появился «великан», и все были счастливы. А когда посмотреть на ребенка приехал Хьюберт со своим верным ординарцем Бэрри, устроили настоящий праздник. Хьюберт, как и Розалинда, сиял от гордости.

Было решено, что после родов Розалинда поедет в Уэльс¹. В декабре 1942 года умер отец Хьюберта, и мать собиралась перебраться в дом поменьше неподалеку от старого. Теперь настало время осуществить этот план. Розалинда должна была провести в Чeshire первые три недели после рождения сына, а затем отправиться в Уэльс вместе с «няней двух детей», как та сама себя называла, чтобы она помогла Розалинде устроиться. Я тоже должна была их сопровождать и оставаться с ними, пока все не будет налажено.

Во время войны это, конечно, было нелегко. В Лондоне я поселила Розалинду с няней на Кэмпден-стрит. Поскольку Розалинда была еще слаба, я каждый вечер приезжала туда из Хэмпстеда, чтобы приготовить им обед. Сначала я и завтрак готовила, но потом, увидев, что на ее статус патронажной-сестры-которая-не-должна-выполнять-никакой-домашней-работы никто не покушается, няня заявила, что завтрак будет готовить сама. К сожалению, бомбежки снова участились. Каждый вечер мы находились в состоянии полной готовности. Как только звучала сирена, мы быстро совали Мэтью с его переносной кроватью под большой стол из папье-маше с толстым стеклом наверху — это была самая тяжелая вещь, какую мы нашли для его прикрытия. Молодой матери такие переживания давались тяжело, и я очень жалела, что не могу перевезти ее ни в дом в Уинтербруке, ни в Гринвей.

Макс служил тогда в Северной Африке, сначала в Египте, потом в Триполи². Позднее его перевели в пустыню близ Феса³. Почта ходила неисправно, и я порой месяцами не имела о нем никаких известий. Мой племянник Джек тоже служил за границей, в Иране.

Стэфен Глэнвил пока оставался в Лондоне, чему я была очень рада. Иногда он заезжал за мной в больницу и отво-

¹ Уэльс — составная часть Великобритании, занимающая полуостров Уэльс на юго-западе страны и прилегающие к нему острова.

² Триполи — город на Средиземном море, столица Ливии.

³ Фес — город на западе Марокко, некогда одна из резиденций султанов, центр ремесла и мусульманского религиозного образования.

зил к себе в Хайгейт¹, чтобы вместе пообедать. Обычно мы таким образом отмечали получение продуктовых посылок.

— Я получил масло из Америки — у тебя есть какой-нибудь консервированный суп?

— Мне прислали две банки лобстера и целую дюжину яиц — темных.

Однажды он сообщил, что у него есть настоящая свежая селедка — с Восточного побережья. Мы явились на кухню, и Стэфен торжественно вскрыл посылку. Увы, увы! О дивная селедка, о которой мы так мечтали! Теперь место ей было лишь в кастрюле с кипящей водой. Какой печальный вечер!

К этому периоду войны люди начали терять друзей и знакомых. Было трудно поддерживать связь со старыми приятелями, даже близким друзьям писали все реже и реже.

Я ухитрилась видеться лишь с двумя очень близкими друзьями, Сиднеем и Мэри Смит. Он был хранителем в отделе египетских и ассирийских древностей Британского музея, имел характер примадонны и высказывал очень интересные мысли. Его взгляды всегда отличались оригинальностью. Проведя в его обществе полчаса, я так напитывалась идеями, что летела домой словно на крыльях. Он всегда вызывал у меня яростное желание спорить по любому поводу. Сам он не мог и не желал соглашаться ни с кем. Однажды невзлюбив кого-нибудь, он никогда не менял своего мнения. Зато, если вы с ним подружились, вы оставались его другом навсегда. Такой уж он был. Его жена Мэри, красивая женщина с чудесными седыми волосами и длинной изящной шеей, была очень даровитой художницей и обладала сокрушительным здравым смыслом — ее присутствие всегда напоминало превосходное пряное блюдо, украшающее ужин.

Смиты прекрасно ко мне относились. Мы жили неподалеку друг от друга, и они всегда радовались, если я заходила к ним после работы поболтать часок с Сиднеем. Он давал мне книги, которые, по его мнению, должны были меня заинтересовать. Я, бывало, смиренно сидела у его ног, словно ученик у ног древнегреческого философа.

¹ Хайгейт — фешенебельный жилой район в северной части Лондона.

Ему нравились мои детективные истории, хотя он позволял себе критиковать их как никто другой. О том же, что мне самой казалось слабым, он зачастую говорил: «Это самое сильное место в вашей книге». Если я заикалась, что считаю что-то своей удачей, он обычно осаживал меня: «Нет, это не дотягивает до лучших ваших вещей — здесь вы опустились ниже своего уровня».

Как-то Стэфен Глэнвил набросился на меня со словами:

— У меня есть для тебя прекрасная идея!

— Да? Какая же?

— Я хочу, чтобы ты написала детективную историю из жизни Древнего Египта.

— Древнего Египта?!

— Да.

— Но я не сумею.

— Сумеешь! Это совсем не трудно. Не вижу причин, по которым криминальные события не могут разворачиваться в Древнем Египте так же, как в Англии тысяча девятьсот сорок третьего года.

Я уловила его мысль. Люди одинаковы, в каком бы веке и где бы они ни жили.

— Это будет очень здорово, — сказал Стэфен, — потому что нужна книга, которую с равным увлечением прочтут и любители детективов, и любители древности.

Я повторила, что ничего подобного сделать не сумею. Знаний не хватит. Но Стэфен умел уговаривать, и к концу вечера я почти согласилась.

— Ты же читала много книг по египтологии, — сказал он. — И интересуешься не только Месопотамией¹.

Чистая правда — когда-то моей самой любимой книгой была «Заря сознания» Брестеда², и я действительно прочла много книг по истории Египта, когда писала пьесу об Эхнатоне.

— Единственное, что тебе нужно сделать, — это сосредоточиться на одном периоде или событии, на определенной ситуации, — убеждал Стэфен.

У меня возникло ужасное ощущение, что жребий уже брошен.

¹ Месопотамия — область в Междуречье между реками Тигр и Евфрат, колыбель древнейших человеческих цивилизаций

² Брестед Джеймс (1865—1935) — американский египтолог и историк, профессор Чикагского университета

— Но тебе придется подать мне какую-нибудь идею, — робко пискнула я, — хотя бы относительно времени или места действия.

— Ну что ж, — ответил Стэфен, — пара идей у меня найдется... — И он показал мне несколько мест в снятых тут же с полок книгах. Потом снабдил еще полудюжиной книг или около того, отвез вместе с ними домой на Лоунроуд и сказал:

— Завтра суббота. У тебя есть два дня, чтобы все это перечитать и посмотреть, что именно поразит твое воображение.

В результате я отметила для себя три интересных эпизода — все малоизвестные и с малоизвестными действующими лицами, ибо полагаю, что романы, основанные на знаменитых исторических событиях, часто получаются фальшивыми. В конце концов, кто знает, как на самом деле выглядел фараон Пепи¹ или царица Хатшепсут², а притворяться, что знаешь, — по-моему, верх самонадеянности. Но можно в те времена поместить придуманный персонаж, и если вы достаточно хорошо чувствуете местный колорит и общую атмосферу, все будет в порядке. Один из отобранных мной эпизодов относился к четвертой династии³, другой — к гораздо более позднему периоду, кажется, периоду правления одного из последних Рамзесов⁴, а третий, тот, на котором в конце концов остановилась, я нашла в незадолго до того опубликованных письмах жреца Ка, жившего во время царствования одиннадцатой династии⁵.

В них с живописной наглядностью изображалась жизнь семьи: отец — суетливый, самоуверенный, недовольный сыновьями, которые не делают того, что он велит. Сыно-

¹ Пепи — имя двух фараонов шестой династии, живших примерно 2400—2200 лет до н. э., чьи пирамиды были найдены археологами.

² Хатшепсут — древнеегипетская царица (1525—1505 до н. э.) дочь фараона Тутмоса I, о которой известно, что она вела большое храмовое строительство и что в результате военной морской экспедиции захватила страну Пунт в Южном Красноморье

³ Династия — из-за невозможности точной датировки события древнеегипетской истории датируются не по столетиям, а по династиям правивших тогда фараонов.

⁴ Рамзесы — двенадцать фараонов, которые правили Египтом в 1500—1000 годах до н. э.

⁵ Одиннадцатая династия — правила приблизительно в двухтысячные годы до н. э.

вья: один — послушный, но, по-видимому, не слишком одаренный, другой — резкий, хвастливый, расточительный. В письмах, адресованных им, отец пишет о заботах, связанных с некой женщиной средних лет, очевидно, одной из тех бедных родственниц, что всю жизнь живут в семье и к которым глава семьи обычно бывает добр, в то время как дети их не любят, поскольку они нередко наушничают и приносят несчастье.

Старик наставляет сыновей, как выбирать масло и ячмень. Сыновья не должны допустить, чтобы кто-то обвел их вокруг пальца, подсунув некачественные продукты. Постепенно эта семья вырисовывалась в моем воображении все яснее. Я ввела в нее дочь и добавила несколько деталей, почерпнутых из других текстов: например, появление новой жены, окружившей отца. Еще я придумала избалованного мальчика и скупую, но проницательную бабушку.

Воодушевленная, я принялась за работу. Другой у меня в тот момент не было. «Десять негрятя» с успехом шли в Сент-Джеймс-театре¹, пока его не разбомбили; после этого они еще несколько месяцев не сходили с афиши в Кембридже. Я как раз искала идею для новой книги, поэтому момент для начала работы над египетским детективом был весьма подходящим. Безусловно, Стэфен силой втянул меня в это дело. Если Стэфен решил, что я должна написать детектив из жизни Древнего Египта, сопротивление бесполезно. Такой уж он человек.

Но в последовавшие за этим недели и месяцы я не без удовольствия повторяла, что ему придется горько сожалеть о своей аванюре. Я постоянно звонила ему с вопросами, одно формулирование которых, как он говорил, занимало минуты три, а уж чтобы ответить на них, ему приходилось перелопачивать по восемь разных книг.

— Стэфен, что они ели? Как это готовилось? Были ли у них специальные блюда к разным праздникам? Мужчины и женщины ели вместе? Как выглядели их спальни?

— О боже, — стонал Стэфен и начинал искать в книгах ответы, не упуская случая заметить, что человек должен уметь, получив минимум информации, домыслить остальное. В книгах на картинках изображались блюда из

¹ Сент-Джеймс-театр — лондонский театр, расположенный на Кинг-стрит, существующий с 1835 года

птиц, живущих в рисовых чеках, капустные кочаны, сбор винограда и тому подобное. Во всяком случае, я получала достаточно информации, чтобы правдоподобно описать определенные детали быта того времени, а потом возникали новые вопросы.

— Они ели за столом или сидя на полу? Женщины жили в отдельной части дома? Они держали белье в сундуках или в шкафах? Как выглядели их дома?

Найти описание жилого дома было куда труднее, чем описания храмов и дворцов, поскольку дворцы и храмы, будучи построены из камня, сохранились, в отличие от домов, возводившихся из менее прочных материалов.

Стэфен отчаянно спорил со мной по поводу одного момента, касающегося развязки романа, и, должна признать, одержал верх.

А ведь я страшно не люблю сдаваться. Но в подобных случаях Стэфен воздействовал просто гипнотически. Он был так уверен в своей правоте, что вы, сами того не желая, начинали поддаваться ему. До той поры я уступала разным людям по самым разным поводам, но никогда и никому я не уступала ни в чем, что касалось моих книг.

Если я вбила себе в голову, что то-то и то-то описано у меня правильно, так, как и надлежит, меня нелегко переубедить.

Здесь же, вопреки своим правилам, я сдалась. Вопрос, конечно, спорный, но по сей день, перечитывая книгу, я испытываю желание переписать конец, что лишний раз доказывает, как важно не складывать оружия раньше времени, чтобы потом не пожалеть. Мне трудно, конечно, было проявить твердость, поскольку Стэфен столько сил вложил в эту книгу, ведь даже сам замысел принадлежал ему. Я была ему благодарна. Как бы то ни было, роман «Смерть приходит в конце» наконец был завершен.

Вскоре после того я написала книгу, которая принесла мне чувство полного удовлетворения. На свет снова появилась Мэри Уэстмакотт. Я всегда мечтала написать такую книгу, и она давно существовала у меня в голове. Это роман о женщине, которая имела вполне определенное представление о самой себе, но оно оказалось абсолютно ложным. Читатель понимает это, наблюдая за ее действиями, чувствами, мыслями. Героиня постоянно

сталкивается сама с собой, но не узнает себя и ощущает все большую неловкость. Откровение снисходит на нее, когда она впервые в жизни остается одна — совершенно одна — в течение четырех или пяти дней.

Теперь-то я представляла себе место действия, не то что с этим Египтом... Это должна быть одна из тех маленьких дорожных гостиниц, которых столько встречаешь, путешествуя по Месопотамии. Ты заперт в ней: выйти некуда, кругом — никого, кроме местных жителей, которые почти не говорят по-английски и лишь приносят еду, клапят и согласно кивают, что бы ты ни произнес.

Ты оказываешься словно в западне, пока не наступит момент, когда погода позволит двигаться дальше, поэтому по прочтении двух имеющихся у тебя книг не остается ничего другого, кроме как сидеть и размышлять о себе. А начинается все с вокзала Виктория (разве могло быть иначе?), с того, что героиня отбывает навестить одну из дочерей, которая замужем за иностранцем. Когда поезд трогается, она видит спину мужа, широким шагом удаляющегося по перрону, и ее вдруг пронзает догадка: он идет как человек, почувствовавший огромное облегчение, как человек, которому развязали руки, у которого впереди отпуск. Героиня не верит глазам своим. Ну разумеется, все это ей показалось. Конечно же Родни будет по ней страшно скучать, и все же зернышко сомнения запало ей в душу, оно смущало, и, оставшись одна, она начала размышлять. Мало-помалу стала раскручиваться назад лента ее жизни. Технически осуществить то, что я задумала, оказалось трудно; текст должен быть легким, язык разговорным, но неуклонно должны нарастать напряжение и тревога, неотвратимо должен вставать перед героиней вопрос, которым, я уверена, когда-нибудь задастся каждый: кто я? Каков я на самом деле? Что думают обо мне люди, которых я люблю? Действительно ли они думают обо мне то, что мне кажется?

Все вокруг внезапно начинает видиться по-другому, в новом свете. Вы пытаетесь успокаивать себя, но подозрения и тревога не исчезают.

Я написала эту книгу в один присест, за три дня. На третий день был понедельник, я передала в больницу, что не приду, прошу меня извинить, но не рискую прервать работу над книгой, я должна ее непременно закончить.

Книга получилась небольшой, около пятидесяти тысяч слов, но я ее долго вынашивала.

Это странное ощущение — книга словно растет в тебе, порой лет шесть-семь, и ты точно знаешь, что когда-нибудь напишешь ее, а она растет и растет, чтобы однажды превратиться в то, что уже есть. Да, она уже существует — просто очертания ее должны четче выступить из тумана. Все персонажи уже здесь, ждут в кулисах, готовые выйти на сцену, подхватив конец предыдущей реплики партнера, — и вдруг четко и ясно звучит команда: «Начали!»

Этот момент наступает тогда, когда наконец готовы и вы, когда вы уже знаете все, что нужно. О, какое счастье, если у вас есть возможность тут же выполнить команду, если, услышав: «Начали!», вы действительно можете начать.

Я очень боялась, что меня прервут, что в мою работу вторгнется нечто постороннее, поэтому, закончив первую главу и уже пребывая в состоянии высшего накала, тут же принялась за последнюю: я так четко знала, какова моя окончательная задача, что мне было необходимо запечатлеть это на бумаге. И тогда уж ничто меня не остановит — я пройду к ней напрямик.

Не помню, чтобы я когда-нибудь так уставала. Завершив работу и увидев, что в написанной ранее последней главе не нужно менять ни слова, я рухнула на кровать и проспала, если мне не изменяет память, двадцать четыре часа кряду. Затем проснулась, съела гигантский обед и на следующий день была готова вернуться в больницу.

Я, должно быть, странно выглядела, потому что все сочувственно спрашивали: «Вы, наверное, серьезно переболели, у вас синие круги под глазами».

Круги были всего лишь результатом усталости и изнеможения, но усталость и изнеможение можно считать справедливой платой за работу, которая не доставила никаких неприятностей — совсем никаких, если оставить в стороне физические усилия. Во всяком случае, это был очень благодарный труд.

Я назвала книгу «Вдали весной» — вспомнив шекспировский сонет «Нас разлучил апрель цветущий, бурный...»¹. Конечно, не мне судить о собственной книге; быть может, она получилась глупой, написана плохо и вообще не стоит

¹ Первая строка сонета 98. Перевод С. Маршака.

упоминания. Но писала я ее на одном дыхании, искренне, так, как мне и хотелось, а это для автора самая большая удача и предмет гордости.

Через несколько лет я выпустила еще одну книгу под псевдонимом Мэри Уэстмакотт — «Роза и тис». Ее я всегда перечитываю с удовольствием, хоть она и не рвалась из меня с такой же настоятельной требовательностью, как предыдущая. Но замысел этой книги тоже вынашивался очень долго — практически с 1929 года. То был эскиз, который, я не сомневалась, когда-нибудь воплотится в книгу.

Часто спрашивают, откуда берутся такие замыслы — я имею в виду те, что становятся для писателя неотвратимой потребностью. Иногда, мне кажется, выдаются моменты, когда человек чувствует себя ближе всего к Богу, они даруют ему частичку радости творчества. Вы оказываетесь способны сделать нечто, превзойдя себя самое, и ощущаете родство с Всемогущим, словно на седьмой день творения, когда видите, что сделанное вами — хорошо.

Мне предстояло освоить еще одну разновидность обычной литературной работы — написать ностальгическую книгу воспоминаний: мы были в разлуке с Максом, я редко получала от него известия и с болью в сердце вспоминала о днях, проведенных вместе в Арпачии и Сирии. Мне хотелось прожить нашу жизнь снова, насладиться воспоминаниями, и я написала. «Расскажи, как живешь» — веселую, легкомысленную книгу, но в ней отразились годы, пройденные вместе и полные милых глупостей, которые обычно забываются. Многим книга очень нравилась. Она вышла лишь небольшим тиражом, потому что не хватало бумаги.

Сидней Смит, разумеется, сказал:

— Это нельзя печатать, Агата.

— Но я собираюсь это сделать, — ответила я.

— Нет, лучше не надо.

— Но я хочу!

Сидней Смит недовольно взглянул на меня — такого высказывания он одобрить не мог. С его несколько кальвинистскими¹ взглядами не вязалось желание делать что-то только потому, что тебе лично этого хочется.

— Максу это может не понравиться.

Я не была в этом уверена.

¹ Кальвинизм — направление в протестантизме, основанное Жаном Кальвином (1509—1564), доктрина которого включала идею предопределения, учила житейскому аскетизму и скромности.

— Ну почему же? Ему, скорее, тоже приятно будет вспомнить о том, как мы жили. Я бы никогда не взялась писать серьезную книгу об археологии, потому что знаю, сколько наделала бы глупых ошибок. А это другое дело, это личное. И я это опубликую, — продолжала я. — Мне нужно что-то, за что можно держаться, что можно вспоминать. Ведь память ненадежна. Все забывается. Вот почему я хочу это напечатать.

— Ну что ж, — все еще с сомнением в голосе сказал Сидней. Однако, когда Сидней произносил «ну что ж», это означало уступку.

— Ерунда, — заявила его жена Мэри. — Конечно же вы можете это публиковать. Почему бы нет? Это очень занятно. И, наверное, действительно это замечательно — перечитывая книгу, вспоминать свою жизнь.

Не понравилась книга и моим издателям. Им все это казалось подозрительным, они меня не одобряли и опасались, что я скоро совсем отобьюсь от рук. Они ненавидели Мэри Уэстмакотт и все, что выходило из-под ее пера, они заранее с предубеждением отнеслись и к книге «Расскажи, как живешь», и вообще ко всему, что уводит меня в сторону от детективных сюжетов. Однако книга имела успех и, думаю, они потом пожалели, что было мало бумаги. Я опубликовала ее под именем Агаты Кристи-Мэллоуэн, чтобы ее не путали с моими детективными историями.

Глава 4

Есть в жизни события, о которых не хочется вспоминать. Их приходится принимать, поскольку они уже случились, но мысленно возвращаться к ним — больно.

Однажды Розалинда позвонила и сообщила мне, что Хьюберт, который воевал тогда во Франции, пропал без вести, вероятно, убит.

Это самое страшное, что может случиться с молодой женой во время войны. Неизвестность мучительна. Ужасно, если твой муж убит. Но с этим приходится жить, и ты знаешь, что деться некуда. Жестоко, когда не остается надежды, жестоко... И никто не поможет.

Я поехала к ней и какое-то время жила в Поллирэче. Мы, конечно, надеялись — человек всегда надеется, —

но, думаю, в глубине души Розалинда знала. Она тоже из тех, кто всегда ожидает худшего. Да и было в Хьюберте нечто — не то чтобы печальное, но что-то во взгляде, во всем облике, что наводило на мысль: долгая жизнь ему не суждена. Он был славным человеком; всегда хорошо ко мне относился, и была в нем жилка, не скажу поэтическая, но что-то в этом роде. Жаль, что мне не удалось познакомиться с ним поближе — мы виделись лишь во время кратких взаимных визитов да несколько раз случайно.

В течение многих месяцев никаких новостей о Хьюберте не было. То известие, которое наконец пришло, Розалинда, скорее всего, получила на сутки раньше, чем сказала мне о нем. Держалась как обычно — она всегда была человеком огромного мужества. В конце концов с неохотой, но зная, что сделать это все равно придется, она резко сказала: «Тебе, наверно, надо прочесть это» — и протянула телеграмму, в которой сообщалось, что Хьюберт теперь уже определенно числится среди погибших в бою.

Находиться рядом с любимым человеком, знать, как он страдает, и быть не в состоянии ему помочь. Что может быть ужаснее? Это тяжкая ноша. Можно облегчить физические страдания, но унять сердечную боль почти невозможно. Мне казалось, что лучшее, что я могу сделать — как можно меньше говорить, продолжать жить как прежде. Во всяком случае, я бы на ее месте желала именно этого: чтобы меня оставили в покое и не растравливали моего горя. Думаю, она чувствовала то же самое, но никогда нельзя быть уверенным, что лучше другому. Может быть, ей было бы легче, если бы я более открыто выражала свои материнские чувства. Интуиция тоже иногда подводит. Особенно если боишься причинить боль, сделать что-то не так. Кажется, знаешь, как следует поступить, но разве можно сказать наверняка?

Розалинда по-прежнему жила в Поллирэче, в огромном пустом доме вдвоем с Мэтью — очаровательным и, сколько я помню его, всегда очень жизнерадостным малышом. Он обладал особым даром — быть счастливым. Он и сейчас его не утратил. Слава богу, Хьюберт успел узнать, что у него есть сын, и увидеть его. Хотя иногда мне просто кажется, что это еще более жестоко — когда тебе не суждено вернуться к сыну, о котором так мечтал.

Слушая чьи-нибудь абстрактные рассуждения о войне, я не могу порой сдержать гнева. За слишком короткое вре-

мя англичане пережили слишком много военных невзгод. Первая мировая война была выморочным кошмаром, чудовищной нелепостью, она казалась такой ненужной. Но после нее люди надеялись и верили, что нарыв вскрыт, что стремление к войне больше никогда не возродится в сердцах тех же самых немцев. Тем не менее оно возродилось — теперь мы это знаем; в ряде исторических документов свидетельствующих, что Германия заранее тщательно планировала Вторую мировую войну.

Однако сейчас стало ясно — и все мы ужасаемся при мысли об этом, — что война не решает никаких проблем; победа не менее губительна, чем поражение! Наверное, был в истории период, когда без войны нельзя было обойтись, если человек хотел жить и продолжать свой род. В те далекие времена без войны человечество просто вымерло бы. Быть смиренным, добрым, уступчивым означало тогда гибель; война была неизбежна, ибо выжить могли лишь одни: либо вы — либо другие. Как птице или зверю, человеку приходилось воевать за место под солнцем. Война приносила рабов, земли, пищу, женщин — то, без чего нет жизни. Но теперь мы обязаны научиться жить без войн, не потому, что мы стали лучше или боимся причинять вред ближнему. Очередную войну мы просто не переживем, она погубит нас вместе с нашими врагами. Время лихих вояк миновало, настает, без сомнения, время мошенников и шарлатанов, воров, грабителей и карманников; но все равно это лучше, это шаг на пути вверх.

По крайней мере, я верю, что занимается заря доброй воли. Мы не остаемся безучастными, когда слышим о землетрясениях, о губельных для человека событиях. Мы хотим помочь. И это значительное достижение; думаю, оно нас куда-нибудь выведет. Не скоро — быстро ничего не делается, — но надеяться все же можно. Я считаю, что мы часто недооцениваем вторую добродетель в триаде, которую так часто повторяем — вера, надежда и любовь. Что касается первой, она у нас есть, я бы даже сказала, в избытке: вера может ожесточить человека, превратить в нетерпимого фанатика, верой можно злоупотребить. Любовь мы просто носим в сердцах как свою суть. Но как часто мы забываем, что существует еще надежда, и как редко думаем о ней. Мы слишком легко отчаиваемся, всегда готовы сказать: «Какой смысл что-либо предпринимать?» Между

тем именно надежда есть та добродетель, которую в наши дни, в наш век следовало бы особенно поощрять.

Мы создали государство всеобщего благоденствия, освободившее нас от страха, обеспечивающее нам хлеб насущный, и даже немного более того, тем не менее мне кажется, что сейчас и в государстве благоденствия с каждым годом становится все труднее смотреть на будущее с оптимизмом. Мы ничего не ценим по-настоящему. Почему? Не потому ли, что нам больше не нужно бороться за свое существование? Не перестала ли жизнь быть нам интересной? Мы разучились ощущать благодарность за то, что живем. Выходит, нам не хватает трудностей, связанных с освоением жизненного пространства, открытием новых миров, недостает каких-то иных невзгод и страданий, болезней и дикой жажды выживания?

Впрочем, я сама никогда не теряю надежды на лучшее. Думаю, единственная добродетель, которая наверняка всегда останется при мне, — это надежда. Вот почему мне всегда так отрадно бывать с моим дорогим Мэтью. Он неисправимый оптимист. Помню (он учился еще в подготовительной школе), Макс как-то спросил его, думает ли он, что когда-нибудь попадет в сборную начальных школ по крикету.

— Ну как же, — ответил Мэтью с лучезарной улыбкой, — надежда всегда есть!

Полагаю, это отличный жизненный девиз. Я пришла в ярость, узнав о поступке одной французской супружеской пары средних лет. Когда началась война, они так испугались, что немцы вот-вот оккупируют Францию, что не нашли ничего лучшего, как совершить самоубийство. Но это же бессмысленно! Своим самоубийством они никому не принесли пользы. Между тем они вполне могли бы превозмочь посланные им испытания, борясь за то, чтобы выжить.

Сдаваться нельзя до самой смерти!

В этой связи я всегда вспоминаю притчу о двух лягушках, свалившихся в бидон с молоком, которую давным-давно рассказывала мне моя американская крестная. Одна из лягушек застонала: «О, я тону, тону!» Другая бодро ответила: «А я тонуть не собираюсь». «Но как же ты можешь не утонуть?» — спросила первая лягушка. «А я буду дрыгать, и дрыгать, и дрыгать ногами — изо всех сил!»

На следующее утро первую лягушку нашли мертвой на дне бидона. Вторая же, которая всю ночь, не сдаваясь, дрыгала ножками, как ни в чем не бывало сидела на горке взбитого с ю масла.

В последние годы войны, мне кажется, всеми овладело нетерпение. Ведь начиная с Дня Ди¹, нас не покидало чувство, что конец войны близок, и те, кто утверждали, что этого никогда не случится, вынуждены были прикусить языки.

Я тоже начала волноваться. Большинство больных вывезли из Лондона, хотя остались, конечно, амбулаторные пациенты. Мы хорошо понимали, что нынешняя война — не то что предыдущая, когда нужно было оказывать экстренную помощь доставленным прямо из окопов раненым. Теперь половина времени уходила на выдачу огромных количеств пилюль эпилептикам — работа, конечно, необходимая, но она не приносила столь необходимого тогда ощущения причастности к военному подвигу. Некоторые матери даже приносили в благотворительные больницы грудных детей, чтобы иметь возможность работать на оборонных заводах. Впрочем мне казалось, было бы гораздо лучше, если бы они оставались с ними дома. Главный фармацевт полностью разделяла это мое соображение.

В то время я разрабатывала сразу несколько планов своей дальнейшей деятельности. Одна молодая приятельница, служившая в Женских вспомогательных ВВС, свела меня со своим другом, который мог устроить на работу в отдел аэрофотосъемки военной разведки. Меня снабдили впечатляющим пропуском, дающим право проходить по протянувшимся, казалось, на мили подземным коридорам Военного министерства, и там я была принята утрюмым молодым лейтенантом, напугавшим меня до полусмерти. Хоть у меня был приличный фотографический опыт, аэрофотосъемкой я никогда не занималась и понятия о том, что это такое, не имела. К тому же мне не удалось опознать практически ни одного объекта на снимках, которые мне предъявили. Правда, Осло я все-таки узнала, но после множества «ляпов» я настолько уже была не уверена в себе,

¹ День Ди — 6 июня 1944 года, начало высадки англо-американских войск в Нормандии, открытие второго фронта.

что не решилась назвать и его. Молодой человек тяжело вздохнул, посмотрел на меня как на слабоумную и деликатно сказал: «Может быть, вам лучше вернуться к своей медицинской деятельности?» В общем, я потерпела сокрушительное поражение.

Между прочим, в начале войны Грэм Грин прислал мне письмо, в котором спрашивал, не хочу ли я заняться пропагандой. Но я полагала, что это категорически не для меня, ибо я начисто лишена умения быть максималистом, видеть лишь черное или белое. Нет ничего более бесполезного, чем бесстрастный пропагандист. Настоящий пропагандист, говоря, что «Некто Икс черен как ночь», должен это чувствовать. Я не была на это способна и отказалась.

Но теперь с каждым днем я становилась все беспокойней. Нужна была, в конце концов, работа, имеющая непосредственное отношение к войне. Мне предложили стать провизором у некоего доктора в Уэндове, неподалеку от места, где жили мои друзья. Я была не прочь пожить в деревне, мне бы это подошло, но что, если Макс вернется из Северной Африки, ведь прошло уже три года, его могут отпустить? Мне будет неловко подвести доктора.

Лелеяла я и театральные планы. Была возможность поехать в турне по Северной Африке от Национальной ассоциации зрелищных учреждений. В качестве второго продюсера или чего-то в этом роде. Меня очень вдохновляла эта идея. Чудесно, если удастся попасть в Северную Африку!

Какое счастье, что я туда не уехала! Недели за две до предполагавшегося отъезда я получила от Макса письмо, в котором он сообщал, что через две-три недели, вероятно, прибудет из Северной Африки в распоряжение Министерства авиации. Вот было бы обидно, если бы я уехала в Северную Африку — а он как раз вернулся бы оттуда домой.

Несколько следующих недель оказались мучительными. Взвинченная до предела, я была вся — ожидание. Еще две недели, три, нет, скорее всего, больше, — я уговаривала себя, что обычно такие вещи случаются позже, чем ожидаешь.

Я съездила на выходные в Уэльс к Розалинде и вернулась в воскресенье ночным поездом. Это был один из ужасных поездов военного времени, чудовищно холодный и конечно же доставлявший пассажиров на Паддингтонский вокзал в час, когда уже ни на чем никуда нельзя было до-

браться. Я села на другой, случайно подвернувшийся поезд, который в конце концов довез меня до какой-то станции в Хэмпстеде, не слишком далеко от моего дома на Лоунроуд; отсюда я шла пешком, неся привезенную из Уэльса копченую рыбу и чемодан. Усталая и замерзшая, добравшись до дома, я начала одновременно зажигать газ, снимать пальто и распаковывать вещи. Бросив рыбу на сковородку, я услышала внизу, у парадной двери, какой-то щелчок и решила проверить, что бы это могло быть. Выйдя на балкон, взглянула вниз, на крыльцо. По ступенькам поднималась фигура, с ног до головы обвешанная какими-то лязгающими предметами — словно карикатура на бравого Билла времен Первой мировой войны. Нет, пожалуй, самым подходящим сравнением для нее было бы сравнение с Белым Рыцарем¹. Трудно представить себе, что можно так чем-то обвешаться. Но сомнений в том, кто это, быть не могло — мой муж! Уже через две минуты все мои страхи — что он переменялся, что все будет теперь по-другому — рассеялись. То был Макс! Словно он уехал только вчера и вот вернулся. Мы вернулись друг к другу. Ужасный запах подгоревшей рыбы донесся из-за двери, и мы бросились в квартиру.

— Что, черт возьми, ты готовишь? — спросил Макс.

— Копченую рыбу, — ответила я. — Хочешь? — Мы взглянули друг на друга. — Макс, — сказала я, — ты же стал килограммов на пятнадцать тяжелее!

— Около того. Но и ты не похудела, — добавил он.

— Это потому, что ела одну картошку, — попыталась оправдаться я. — Когда нет мяса, приходится есть слишком много картошки и хлеба.

Вот так. На двоих у нас было теперь килограммов на двадцать пять больше веса, чем когда он уезжал. Казалось бы, должно было быть наоборот.

— Я думала, что жизнь в пустыне скорее способствует похуданию, — заметила я.

Макс ответил, что пустыни вовсе не способствуют похуданию, потому что там нечего делать, кроме как сидеть, есть жирную пищу и пить пиво.

Какой это был чудный вечер! Мы ели подгоревшую рыбу и были счастливы!

¹ Белый Рыцарь — персонаж книги Льюиса Кэрролла «Алиса в Зазеркалье», имевший обыкновение носить с собой самые причудливые предметы — на всякий случай.

Часть одиннадцатая

ОСЕНЬ

Глава 1

Я пишу это в 1965 году. А тогда был 1945-й. Двадцать лет. Но мне не кажется, что с тех пор прошло двадцать лет. Вот и военные годы вспоминаются как что-то ненастоящее. Они были кошмаром, в котором действительность словно замерла. Долго еще я говорила: «То-то и то-то случилось пять лет назад», — и это означало, что к этим пяти нужно добавить еще пять военных. Теперь, когда я говорю: «Несколько лет», — я имею в виду довольно много лет. Время стало для меня другим, как для всех стариков.

С окончанием войны жизнь моя снова обрела реальные черты. На самом деле война еще продолжалась на Востоке, с Японией, но для нас она была позади. Настало время собирать камни — камни и камешки, разбросанные повсюду, частицы разных судеб.

После недолгого отпуска Макс вернулся на работу в Министерство авиации. Адмиралтейство решило вернуть нам Гринвей — и, как обычно, «без промедления». День для этого был выбран самый неподходящий — Рождество. Едва ли можно найти более неудачное время для возвращения в покинутый дом. Тем более было обидно, что мы из-за спешки не успели воспользоваться счастливым шансом. Дело в том, что, когда дом забирало Адмиралтейство, наш автономный электрогенератор был на последнем издыхании. Командир американской флотилии несколько раз уведомлял меня, что агрегат вот-вот прикажет долго жить. «Ну да ладно, — добавлял он, — мы вам поставим чудесный новенький генератор, когда этот даст дуба, так что вам есть на что надеяться». К сожалению, дом был возвращен нам за три недели до того, как в нем запланировали заменить движок.

Мы прибыли в Гринвей зимним солнечным днем. Усадьба выглядела прекрасной, однако запущенной и напоминала джунгли. Дорожки заросли, огород, где прежде красовались латук¹ и морковка, был сплошь забит сорняками, а фруктовые деревья не подрезаны. Грустно было видеть все это, но, несмотря ни на что, эти джунгли были

¹ Латук — разновидность салата.

очень хороши. Сам дом пострадал гораздо меньше, чем мы ожидали, но и там предстояло немало потрудиться. Не было линолеума. Когда военные въезжали, они сняли его, выплатив нам стоимость, а нового достать так уже и не удалось. Кухню описать невозможно — стены были покрыты сажей и все в пятнах. И как я уже упоминала, вдоль каменного перехода, ведущего в кладовую, выстроились четырнадцать клозетов.

Один замечательный человек взял на себя труд сражаться за меня с Адмиралтейством, и, надо сказать, ему пришлось-таки серьезно повоевать. Мистер Адамс работал в некой фирме, и мне сказали, что он — единственный человек, способный выжать кровь из камня или деньги из Адмиралтейства.

Они отказались восстановить отделку комнат под странным предлогом, что стены были покрашены всего за год или два до того, как они забрали наш дом. Согласились лишь частично оплатить покраску. Не знаете, как можно покрасить три четверти комнаты? Однако «лодочный домик» пострадал весьма значительно, в стенах недоставало кирпичей, ступеньки были сломаны и прочее в том же роде, а это уже считалось конструктивным ущербом и оценивалось недешево, за это они обязаны были платить. Таким образом, получив деньги за домик, я смогла отремонтировать кухню.

Еще одно тяжелое сражение пришлось выдержать из-за клозетов. В Адмиралтействе утверждали, что это я должна им, потому что клозеты являются якобы элементом благоустройства. Я отвечала, что вряд ли можно считать благоустройством возведение четырнадцати ненужных мне клозетов поблизости от кухни. Если там что и нужно, так это погреб, дровяной сарай и кладовая, каковые там изначально и были. Чиновники настаивали, что четырнадцать клозетов очень пригодятся, если в доме будет организована женская школа. Я заверяла их, что в доме не будет организована женская школа. На один дополнительный клозет я, впрочем, великодушно согласилась. Но они стояли на своем: либо они сносят все клозеты, либо стоимость их сооружения будет удержана из суммы, в которую оценят ущерб, нанесенный усадьбе. Тогда, как Королева Червей¹, я заявила: «Головы им — долгой!»

¹ Королева Червей — персонаж книги Льюиса Кэрролла «Алиса в Стране чудес».

Адмиралтейству это грозило многими хлопотами и расходами, но делать было нечего. К тому же мистер Адамс заставлял рабочих возвращаться снова и снова, чтобы сделать все как положено, поскольку по их милости трубы и какая-то арматура торчали из земли. Кроме того, он заставил их привести в порядок сарай и кладовую. Борьба была долгой и изнурительной.

Настал день, когда грузчики снова расставили наши вещи по дому. Удивительно, но вещи пострадали совсем незначительно, если не считать съеденных молью ковров. Постояльцам было велено принять меры защиты от моли, но они пренебрегли распоряжением из ложного оптимизма. «К Рождеству все закончится!» — считали они тогда. От сырости пропало несколько книг, но на удивление мало. Крыша над гостиной осталась цела, и мебель сохранилась в очень приличном состоянии.

Как прекрасен был Гринвей в своем величавом запустении! Но мне хотелось когда-нибудь снова расчистить дорожки или хотя бы найти, где они раньше были. А наш сад продолжал дичать; в окрестностях его, видимо, считали ничьим. Приходилось постоянно разворачивать едущие напрямик машины. А по весне люди свободно разгуливали по парку, выдергивая рододендроны и беспечно ломая кусты. Конечно, какое-то время усадьба вообще пустовала. Мы жили в Лондоне, поскольку Макс все еще работал в Министерстве авиации. За домом никто не следил, любой был волен войти и взять что пожелает — вот люди и рвали цветы и приглянувшиеся ветки.

Но наконец мы смогли туда перебраться, и жизнь пошла своим чередом, хоть и не так, как прежде. Мы были счастливы, что мир все-таки наступил, но уверенности, что он воцарился надолго, и вообще определенности в отношении будущего у нас не было. Мы словно нащупывали новую жизненную колею, благодарные за то, что Бог сохранил нас друг для друга, мы как бы делали пробные попытки, чтобы посмотреть, что из этого получится. Разом навалилось множество дел. Приходилось заполнять массу анкет, подписывать контракты, улаживать налоговые недоразумения, — словом, разбираться в хаосе, в котором никто ничего не смыслил.

Лишь теперь, оглядываясь назад на то, что написала за годы войны, я по-настоящему осознаю, что сделала невероятно много. Думаю, объясняется это тем, что в то

время ничто меня не отвлекало: никакой светской жизни не было, практически никто никуда не выходил по вечерам.

Кроме того, в первый год войны я написала две книги сверх нормы — сделала это, опасаясь, что меня убьют во время налета. Поскольку работала я в Лондоне, вероятность такого исхода была велика. Одну, первую, я написала для Розалинды, в ней действовал Эркуль Пуаро; другую, с мисс Марпл — для Макса. Написав, я положила их в банковский сейф и официально оформила дарственную на авторские права Розалинде и Максу. Полагаю, рукописи были надежно застрахованы от любых неприятностей.

— Когда вы вернетесь с похорон или с заупокойной службы, — объяснила я, — вас будет греть сознание, что у каждого из вас есть по моей книге.

Они ответили, что предпочитают книгам меня самое, на что я заметила: «Надеюсь, что так». И мы все посмеялись.

Не понимаю, почему людей всегда так смущают разговоры о смерти. Милый Эдмунд Корт, мой агент, всегда очень расстраивался, когда я говорила: «Хорошо, но предположим, я умерла». На самом деле вопрос о смерти так важен в наши дни, что его нужно обсуждать. Насколько я смогла понять из объяснений адвокатов и налоговых инспекторов — надо признать, правда, что поняла я очень немного, — моя кончина обернется для моих родственников неслыханным бедствием, их спасение состоит только в том, чтобы сохранять мне жизнь как можно дольше!

Увидев, как повысились налоги, я не без удовольствия подумала, что мне не стоит теперь так уж утруждать себя работой: одной книги в год вполне достаточно. Написав две, я едва ли получу больше, чем написав одну — это лишь потребует от меня лишних усилий. Разумеется, прежнего стимула уже не было. Если придет в голову что-то из ряда вон выходящее, что мне действительно захочется написать, тогда другое дело.

Примерно тогда же мне позвонили из Би-би-си¹ и спросили, не смогу ли я написать короткую радиопьесу,

¹ Би-би-си — сокращенное название (по первым буквам) Британской радиовещательной корпорации, находящейся под контролем правительства Великобритании. Была учреждена в Лондоне в 1923 году, а с 1936 года ведет и телепередачи.

которую они хотели включить в программу, посвященную некоему торжеству, связанному с королевой Мэри¹. Она пожелала, чтобы в передаче было что-нибудь мое, поскольку ей нравились мои книги. Не могла бы я написать что-нибудь в очень короткий срок? Идея показалась мне увлекательной. Я ее обдумала, расхаживая по комнате взад-вперед, затем позвонила им и сказала «да». Мне пришла в голову мысль, вполне, с моей точки зрения, подходящая, и я сочинила радиоскетч под названием «Три слепых мышонка». Насколько мне известно, королеве он понравился.

Казалось бы, на том дело и закончилось, но вскоре мне предложили переделать этот радиоскетч в рассказ. Я назвала его «Лощина» и впоследствии инсценировала, режиссером той весьма успешной постановки был Питер Сондерс. Мне самой «Лощина» так понравилась, что я подумала: не продолжить ли свои драматургические упражнения? Почему бы вместо книги не написать пьесу? Это гораздо приятнее. Одна книга в год обеспечивает необходимый доход, поэтому я могу доставить себе удовольствие и написать пьесу.

Чем больше я размышляла о «Трех слепых мышатах», тем больше убеждалась, что из этой двадцатиминутной радиопьесы можно сделать детективный боевик для сцены в трех актах. Придется добавить пару персонажей, расширить экспозицию и фабулу и детальнее выписать развитие действия. Думаю, одно из преимуществ «Мышеловки» — так называется сценическая версия «Трех слепых мышат» — состоит в том, что она выросла как бы из конспекта, я наращивала мышцы на кости скелета. Каркас существовал с самого начала, что позволило создать обратную конструкцию.

Названием пьесы я полностью обязана своему зятю Энтони Хиксу, о котором пока ничего не рассказывала. Энтони для нас — не воспоминание, он вошел в нашу жизнь позднее, он, слава богу, и сейчас с нами, представить себе не могу, как мы жили когда-то без него. Он милейший человек, необыкновенной доброты, и к тому же выдающаяся, чрезвычайно интересная личность. У него есть

¹ Королева Мэри (1867—1953) — супруга короля Георга V и мать короля Георга VI.

и де и. Он может зажечь любую собравшуюся за столом компанию неожиданно поставленной проблемой. Не успеешь глазом моргнуть, как все уже яростно о ней спорят.

Когда-то он изучал санскрит¹ и тибетские диалекты, со знанием дела может рассуждать о бабочках, редких кустарниках, юриспруденции, марках, птицах, нантгарском фарфоре², древностях, об атмосфере и климате. Единственный его недостаток, что он слишком много говорит о винах. Впрочем, быть может, здесь я несправедлива — просто мне не нравится сей предмет.

Когда выяснилось, что изначальное название, «Три слепых мышонка», использовать нельзя, так как пьеса с таким заглавием уже имеется, мы все стали ломать голову над новым. Энтони пришел и сразу же сказал: «Мышеловка» — и мы тут же согласились.

Ему, думаю, должна бы причитаться часть гонорара, но тогда мне и в голову не могло прийти, что именно этой пьесе суждена долгая сценическая судьба.

Меня часто спрашивают, чем объяснить успех «Мышеловки». Обычно я отвечаю «Удачей!» — потому что пьесе действительно сопутствовала удача. Полагаю, на девяносто девять процентов именно удаче она обязана успехом. Но, кроме того, есть у меня еще одно соображение, объясняющее счастливую театральную судьбу «Мышеловки». По-моему, в этой пьесе есть понемногу для каждого, вот почему она нравится людям разных возрастов и вкусов, молодым и пожилым, Мэтью и его итонским друзьям. А позднее Мэтью с удовольствием водил на нее своих университетских приятелей, и даже высококобым³ оксфордским профессорам она нравилась. Позволю себе заметить без ложной скромности, что для сочинения такого жанра — а это легкая пьеса, в которой есть и юмор, и притягательность боевика, — она хорошо сработана. По мере того как события разворачиваются, зрителю все время хочется знать, что же дальше, а угадать, куда повернет сюжет в следующие несколько минут, трудно. Нужно также сказать, что обычно, если спектакль идет долго, рано или

¹ Санскрит — древнеиндийский язык.

² Нантгарский фарфор — разновидность фарфора из мягкой глины, производившаяся в первой половине XIX века на фабриках в Нангаре и Свонсе в Уэльсе.

³ Ироническая характеристика интеллектуала, занимающегося высокими материями.

поздно исполнителям их роли надоедают и персонажи окрикурируются. С «Мышеловкой» этого не произошло — в этом спектакле все исполнители по-прежнему играют вполне живых людей.

Сюжет таков: когда-то давно муниципалитет поселил трех сирот на некоей ферме, где о них не заботились и плохо с ними обращались. Один из детей в результате умер. Другой, несколько неуравновешенный психически, вырос с мыслью о мести. В тех местах происходит, если помните, убийство, совершенное кем-то, долгие годы вынашивавшим детскую, затаенную жажду мести. Все весьма правдоподобно.

Теперь о персонажах: молодая, отчаявшаяся женщина, живущая только мыслями о будущем; юноша, который прячется от жизни и мечтает о материнской опеке; мальчик, по-детски стремящийся отомстить жестокой женщине, из-за которой погиб Джимми, и молодой школьной учительнице, не сумевшей спасти его, — все эти характеры, как мне представляется, должны казаться зрителю вполне правдоподобными.

В первой постановке ведущие роли исполняли Ричард Аттенборо¹ и его очаровательная жена Шила Сим. Какой это был чудесный спектакль! Актеры просто влюбились в пьесу, верили в ее успех, и Ричард Аттенборо отнесся к своей роли очень вдумчиво. Я получала огромное удовольствие, присутствуя на репетициях — на всех.

И наконец состоялась премьера. Надо сказать, что у меня вовсе не было ощущения большого успеха или даже чего-то похожего. Я понимала, что все прошло весьма удачно, но, помнится, никак не могла сообразить, первое это представление или нет. Кажется, перед началом гастролей в Оксфорде, куда мы ехали с несколькими друзьями, я с грустью подумала, что как автор села между двух стульев: ввела слишком много забавных эпизодов, в зале чересчур много смеются, и это снижает необходимое напряжение. Да, помню, меня это очень огорчало.

Но Питер Сондерс мягко кивнул мне и сказал: «Не волнуйся! Мой прогноз — пьеса удержится больше года, уж четырнадцать-то месяцев я точно буду ее давать».

«Нет, столько она не продержится, — ответила я. — Ну, от силы восемь. Да, думаю, восемь месяцев».

¹ Аттенборо Ричард (род. 1923) — английский актер и режиссер театра и кино.

Когда я пишу эти строки, подходит к концу тринадцатый год, как пьеса остается в репертуаре, в спектакле сменилось бесчисленное множество исполнителей. Театру «Амбассадор»¹ за это время пришлось полностью заменить кресла в зрительном зале и занавес. Недавно я слышала, что они обновляют и декорации — старые истрепались. А зрители все ходят на спектакль.

Мне с трудом верится в это. Почему легкая, развлекательная пьеса держится в репертуаре вот уже тринадцать лет? Вот и не верь, что чудеса существуют на свете!

Кому идут доходы? Как и все доходы, главным образом, разумеется, они идут на уплату налогов. Но кто получает то, что остается? Я передала права на многие свои книги другим людям. Доход от публикаций рассказа «Святылище Астарты», например, идет в благотворительный фонд Вестминстерского аббатства, от других произведений — тому или иному из моих друзей. Гораздо приятнее написать книгу и непосредственно передать кому-то права на нее, чем вручать чеки или вещи. Вы скажете — а какая, собственно, разница? Но разница есть. Права на одну из моих книг принадлежат племянникам моего мужа, и хоть опубликована она много лет назад, они до сих пор получают кругленькую сумму с переизданий. Свою часть прав на фильм по «Свидетелю обвинения» я отдала Розалинде.

Что касается «Мышеловки», то все права на нее принадлежат моему внуку. Мэтью, безусловно, всегда был самым везучим у нас в семье, и подарок, обернувшийся большими деньгами, конечно же должен был достаться ему.

Особое удовольствие принесло мне написание рассказа — издатели, правда, обозначили жанр как повесть, нечто среднее между романом и рассказом, — доход от которого пошел на изготовление витража для моей церкви в Черстон Феррерс. Это прелестная маленькая церквушка, но гладкое стекло в ее восточном окне зияло, как дырка от недостающего зуба. Каждое воскресенье, глядя на него, я представляла себе, как чудесно выглядел бы здесь витраж в пастельных тонах. Я ничего не понимала в витражах и ухлопала много времени, посещая студии и знакомясь с эскизами художников-витражистов. В конце концов ос-

¹ «Амбассадор» — театр в Лондоне, где в течение двадцати двух лет, с 1952 по 1974 год, шла пьеса А. Кристи «Мышеловка».

тановилась на работах одного из них, по фамилии Пэттерсон. Он жил в Байдфорде и прислал эскиз, который показался мне восхитительным, особенно подбор цветов: это не были обычные для витражей красный и синий, а преимущественно розовато-лиловый и бледно-зеленый — мои любимые. Я хотела, чтобы центральной фигурой в витраже был Добрый Пастырь. По этому поводу у меня даже вышла размолвка с Эксетерской епархией и, должна признать, с мистером Пэттерсоном: и те, и другой настаивали, что центральным образом витража в восточном окне должно быть распятие. Тем не менее, проведя некоторую исследовательскую работу по этому вопросу, епархия согласилась, чтобы в моей церкви было изображение Иисуса как Доброго Пастыря, поскольку это был пастырский приход. Мне хотелось, чтобы витраж выглядел радостным и доставлял удовольствие детям. Итак, в центре витража — Добрый Пастырь со своим ягненком, а вокруг изображены ясли, Непорочная Дева с младенцем, ангелы, являющиеся пастухам в степи, рыбаки в лодках, забрасывающие сети, и фигура Идущего по воде. Это все персонажи известных евангельских сюжетов. Витраж мне очень нравится, и я с удовольствием каждое воскресенье его разглядываю. Мистер Пэттерсон прекрасно выполнил работу. Полагаю, она останется в веках благодаря своей простоте. Я горда и смущена тем, что смогла заказать этот витраж — на деньги, полученные за свою работу.

Глава 2

Один театральные вечер — премьера «Свидетеля обвинения» — особенно запечатлелся в моей памяти. С уверенностью могу сказать, что это единственная премьера, доставившая мне удовольствие.

Обычно премьеры мучительны, их трудно вынести. Ходишь туда только по двум причинам. Одна — не такая уж постыдная: бедные актеры вынуждены через это пройти, хотя бы они того или нет, и если случится провал, просто нечестно не разделить их позор. Подобные муки я испытала на премьере «Алиби». По ходу действия дворецкий и врач стучат в дверь кабинета, а потом, в нарастающей тревоге, взламывают ее. На премьере дверь взламывать не пришлось — она с готовностью распахнулась прежде, чем

кто бы то ни было к ней прикоснулся, и перед изумленными зрителями предстал труп, удобно устраивающийся в посмертной позе. После того случая я всегда нервничаю, если в спектакле нужно рваться в запертую дверь. Обычно свет не гаснет в тот момент, когда весь смысл состоит именно в том, чтобы он погас, и не зажигается тогда, когда он непременно должен зажечься. Такие накладки — бедствие театра.

Другая причина, по которой автор ходит на премьеры, — любопытство. Знаешь, что будет противно, что будешь мучиться, что заметишь массу вещей, сделанных не так, деталей, оказавшихся смазанными, ошибок в тексте, пропусков, забытых реплик, но идешь из щенячьего, неутолимого любопытства — увидеть своими глазами. Ничье свидетельство тут не поможет. И вот ты в театре, ты трепещешь, тебя попеременно бросает то в жар, то в холод, и ты молишь Бога, чтобы никто не заметил тебя в твоём укрытии, там, в самом заднем ряду амфитеатра.

Так вот, премьера «Свидетеля обвинения» обошлась без неприятных сюрпризов. Это одна из моих любимых пьес, хотя поначалу она вызывала во мне не больше энтузиазма, чем любая другая. Я не хотела ее писать, мне было страшно. Заставил Питер Сондерс, обладавший поразительной силой убеждения, — вот кто умел уговаривать.

— Ну конечно же у тебя все прекрасно получится!

— Но я понятия не имею о судопроизводстве. Я выставляю себя на посмешище.

— Да это же очень просто! Ты считаешь специальную литературу, у нас будет свой барристер¹, который выловит и исправит все ошибки.

— Я не умею описывать заседания суда.

— Умеешь! Ты же видела их на сцене, можешь считать что-нибудь о судебных процессах.

— Не знаю... Не думаю, что у меня получится...

Питер Сондерс продолжал твердить, что конечно же я все смогу и чтобы я начинала работать немедленно, потому что пьеса ему нужна очень быстро. Итак, загипнотизированная и, как всегда, легко поддающаяся на уговоры, я принялась за тома «Знаменитых судебных процессов». Мысленно

¹ Барристер — в английской системе судопроизводства адвокат, имеющий право выступать в высших судах.

я выступала и за прокурора, и за адвоката и наконец почувствовала интерес, поняла вдруг, что эта игра доставляет мне удовольствие. Это самый прекрасный момент для писателя. К сожалению, длится он очень недолго, но увлекает, как мощная океанская волна, несущая к берегу. «Потрясающе! Я это делаю! И у меня получается! Ну а теперь куда?» Бесценное мгновение прозрения, когда ты видишь события и персонажей не на сцене, но перед мысленным взором. Вот, оказывается, как все было в действительности, в настоящем суде (не в Олд-Бейли¹, там я еще не бывала, а в суде, который представился моему воображению). Я видела отчаявшегося, нервничающего молодого мужчину на скамье подсудимых и загадочную женщину, вышедшую давать показания не в пользу любимого человека, а как свидетель обвинения. Эту вещь я написала быстрее, чем что бы то ни было другое — по окончании подготовительного периода работа заняла не более трех недель.

Конечно в процессе постановки пришлось внести кое-какие изменения, а также выдержать яростную борьбу за придуманный мною финал. Он никому не нравился, меня убеждали, что он испортит все дело: «Этим пьесу заканчивать нельзя», — говорили мне и предлагали сделать другую концовку, желательно такую же, как в написанном много лет назад рассказе. Но рассказ — не пьеса. Там не было эпизода в суде, слушания дела об убийстве. То был набросок истории об обвиняемом и таинственном свидетеле. Я решила не отдавать финал. Обычно я не держусь мертвой хваткой за собственные идеи — мне для этого не хватает убежденности, — но здесь твердо стояла на своем. Развязка будет такой и никакой иной — в противном случае я забираю пьесу из театра. Я победила, и пьеса имела успех. Кое-кто утверждал, что это обман, что финал притянут за уши, но я-то знала, что это не так: финал абсолютно логичен. Такое вполне могло произойти на самом деле, очень вероятно, что где-то когда-то оно и произошло — быть может, без такой театральности, но психологически именно так.

Барристер со своим помощником давали необходимые советы и дважды присутствовали на репетициях. Самым суровым критиком оказался помощник. Он заявил:

¹ Олд-Бейли — центральный уголовный суд в Лондоне, названный по названию улицы, на которой он находился.

— Так, здесь все неправильно, с моей, по крайней мере, точки зрения. Видите ли, такой суд обычно длится дня три-четыре, его нельзя втиснуть в полтора-два часа.

Конечно же он был совершенно прав, но мы объяснили ему, что сцены суда всегда изображаются с прощительной театральной вольностью, без скрупулезного соблюдения процедуры: ведь надо три дня спрессовать в несколько часов. Время от времени опускающийся занавес отсекает отрезки времени. Кстати, в «Свидетеле обвинения» в значительной мере удалось сохранить цельность и последовательность судебной процедуры.

Как бы то ни было, в день премьеры я получила удовольствие. Помню, шла на нее с обычным трепетом, но, как только подняли занавес, тревога исчезла. Из всех моих пьес именно в этой были заняты актеры, чей внешний облик ближе всего подходил к моему видению персонажей: Дерек Блумфилд в роли молодого обвиняемого, служащие суда, которых я никогда особенно ясно себе не представляла, поскольку очень мало знала о судах вообще, но которые вдруг ожили на подмостках, и Патриция Джессел¹, у которой была самая трудная роль и от которой в основном зависел успех спектакля. По-моему, нет более подходящей на эту роль актрисы. Особенно трудна роль в первом акте, где текст не может помочь — он сдержанный и неопределенный, все переживания героини должны выражаться во взгляде, в умении держать паузы, показать, что за всем этим есть нечто зловещее. И актриса сыграла это великолепно — зритель увидел непроницаемую и загадочную женщину. Я и теперь думаю, что Ромэн Хелдер в исполнении Патриции Джессел — одна из самых блестяще сыгранных ролей, виденных мною на сцене.

Итак, я была счастлива, я сияла от восторга, слыша овацию в зале. Как только занавес опустился в последний раз, я, по обыкновению, выскользнула на Лонт-Акр. За те несколько минут, что я искала машину, меня окружила толпа улыбающихся людей — это были рядовые зрители, узнавшие меня. Они похлопывали меня по плечу и одобрительно восклицали: «Это ваша лучшая вещь, голубушка!», «Первый класс — вот!» — и вверх взлетал большой палец или поднимались средний и указательный в форме

¹ Джессел Патриция (1920—1968) — английская актриса.

буквы V — «Победа!» Мне протягивали программки, и я радостно раздавала автографы. Мою замкнутость и нервозность как рукой сняло.

Да, то был памятный вечер, до сих пор горжусь им. Время от времени, копаясь в памяти, я извлекаю его оттуда, любовно оглядываю и приговариваю: «Вот это был вечер так вечер!»

Другой эпизод, который я тоже вспоминаю с большой гордостью, но, надо признать, и с привкусом горечи, — десятилетие сценической жизни «Мышеловки». Был прием по этому случаю — так положено. Более того, я обязана была на нем присутствовать. Я не имела ничего против небольших театральные вечеринки для узкого актерского круга, там я была среди своих и, хоть волновалась, конечно, все же такое испытание было мне под силу. Но на сей раз ожидался шикарный прием в «Савое» со всеми его ужасными атрибутами: толпами людей, телевидением, фотографами, репортерами, речами и так далее, и тому подобное. На свете не было менее подходящей фигуры на роль героини этого действия, чем я. Тем не менее я понимала, что придется через это пройти. Мне полагалось не то чтобы произнести речь, но сказать несколько слов, чего я никогда не делала прежде. Я не умею произносить речи, я никогда не произношу речей, я не буду их произносить, и это к лучшему, потому что я бы делала это очень скверно.

Я знала: с какой бы речью ни обратилась я в тот вечер к присутствующим, это все равно будет плохо. Решила заранее придумать, что бы такое сказать, но отказалась от этого намерения, ибо чем дольше думала, тем хуже представляла свое выступление. Лучше вообще ни о чем не думать, в этом случае, когда настанет ужасный момент, я вынуждена буду что-то сказать — и не так уж важно что, все равно это будет не хуже, чем заранее приготовленная и через силу проговоренная речь.

Начало вечера меня обескуражило вконец. Питер Сондерс просил прибыть в «Савой» за полчаса до официального открытия. (Приехав, я поняла зачем — для пытки фотографированием. Может, это не так уж и страшно, но именно здесь я осознала, с каким размахом проводится мероприятие.) Я сделала, как он просил, и храбро, в полном одиночестве явилась в «Савой». Но когда попыталась пройти через отдельный вход для участников приема, меня

развернули назад: «Пока рано, мадам, начнем пускать через двадцать минут». Я ретировалась. Почему я не решилась сказать: «Я миссис Кристи, и меня просили прийти заранее» — не знаю. Видимо, из-за своей несчастной, отпратительной, неистребимой стеснительности.

Это тем более глупо, что обычная светская жизнь не вызывает у меня никакой робости. Я не люблю больших приемов, но могу ходить на них, и то, что я там испытываю, вряд ли называется робостью. Это скорее ощущение — не знаю, все ли писатели его испытывают, но, думаю, многим оно знакомо — словно я изображаю из себя что-то, чем в действительности не являюсь, потому что даже и теперь я не чувствую себя настоящим писателем. Может быть, в тот вечер я немного напоминала своего внука Мэтью, который в двухлетнем возрасте, спускаясь по лестнице, успокаивал себя, приговаривая: «Это Мэтью, он спускается по лестнице». Приехав в «Савой», я тоже сказала себе: «Это Агата, она притворяется преуспевающей писательницей, идет на большой прием в свою честь и делает вид, что что-то из себя представляет. Сейчас будет произносить речь, чего делать не умест, то есть будет заниматься не своим делом».

Как бы то ни было, встретив отпор, я поджала хвост и стала бродить по коридорам «Савоя», пытаясь собрать все свое мужество, чтобы вернуться и сказать, как леди Маргот Асквит¹: «Вот, это я!» К счастью, меня выручила милая Вериги Хадсон — главный менеджер Питера Сондерса. Она не могла удержаться от смеха, как и Питер, и они долго надо мной потешались. Итак, меня ввели, заставили разрезать ленточки, целоваться с актрисами, изображать улыбку до ушей, жеманиться и переносить удары по самолюбию: прижимаясь щекой к щеке какой-нибудь молоденькой хорошенькой актрисы, я знала, что на следующий день это будет показано в новостях: она — красивая и естественная в своей роли, я — откровенно ужасная. Ну что ж, так самолюбию, наверное, и надо!

Все прошло хорошо, хотя возможно было бы лучше, если бы царица бала обладала хоть небольшими актерскими способностями и смогла поприличней сыграть свою

¹ Леди Маргот Асквит — жена премьер-министра Великобритании (занимал пост в 1908—1916 годах), популярная общественная деятельница.

роль. Во всяком случае, моя речь не стала для меня катастрофой. Я произнесла всего несколько слов, но ко мне отнеслись снисходительно: люди подходили и говорили, что было «очень мило». Я, конечно, не настолько самоуверенна, чтобы этому верить, но, думаю, они не так уж кривили душой. Наверное, они простили мою неопытность, поняли, что я очень старалась, и проявили доброту. Нужно заметить, что моя дочь придерживалась иного мнения. Она сказала: «Мама, тебе надо было заранее приготовить что-нибудь подходящее». Но она — это она, а я — это я, и домашние заготовки приводят меня к более страшной катастрофе, чем абсолютный экспромт, когда, по крайней мере, можно рассчитывать на рыцарское великодушие слушателей.

Глава 3

Несколько лет назад мы гостили в нашем посольстве в Вене, когда его посетили сэр Джеймс и леди Боукер. Эльза Боукер всерьез взялась учить меня, как вести себя во время предстоявшего интервью.

— Ну, Агата, — воскликнула она с очаровательным акцентом своим восхитительным голосом, — я вас не понимаю. Будь я на вашем месте, я бы радовалась и гордилась. Я бы им сказала: «Да, да, заходите, садитесь, пожалуйста! То, что я сделала, замечательно, я знаю. Я лучший автор детективных романов на свете. И этим горжусь. Да, да, разумеется, я вам все расскажу. Я очень талантлива! Я в восторге!» Если бы я была на вашем месте, я бы чувствовала себя чуть ли ни гением, я бы чувствовала себя такой талантливой, что без умолку об этом говорила бы.

Я от души рассмеялась и ответила:

— Как бы я хотела, Эльза, на ближайшие полчаса поменяться с вами местами. Вы бы дали прекрасное интервью, и репортеры носили бы вас на руках. А я совершенно не умею вести себя на публике.

Как правило, мне хватало ума не появляться на публике без крайней необходимости, когда своим отсутствием я могла кого-то обидеть. Если вы чего-то не умеете, гораздо разумнее и не пытаться, не вижу причин, почему бы этим правилом не руководствоваться и писателям — не нужно пользоваться чужим инструментом. Есть такие

профессии — взять, например, актеров или политических деятелей, — которые требуют постоянного пребывания на людях. Дело же писателя — книжки писать, это другая профессия.

Третья пьеса, которая должна была пойти в Лондоне (в то же самое время) — «Паутина». Я писала ее специально для Маргарет Локвуд¹. Питер Сондерс попросил меня встретиться с ней и поговорить. Она с радостью восприняла мою идею, и я спросила, какого рода роль она хотела бы сыграть. Не задумываясь, она ответила, что ей надоело играть злодеек в мелодрамах — в последнее время она снялась во множестве фильмов в роли «роковой женщины». Ей хотелось бы теперь сыграть в комедии. Думаю, она была права, потому что обладала большим комедийным даром, равно как и драматическим. Она прекрасная актриса с великолепным чувством ритма, что позволяет ей возвращать тексту его истинную значимость.

Я с удовольствием писала роль Клариссы в «Паутине». Мы были не уверены в названии, колебались между «Кларисса обнаруживает тело» и «Паутиной», но остановились на «Паутине». Спектакль шел больше двух лет, и мне это было очень приятно. Когда Маргарет Локвуд вела полицейского инспектора по садовой дорожке, она была бесподобна!

После этого я написала пьесу под названием «Нежданный гость» и еще одну, которая не имела успеха у публики, но мне нравилась. Спектакль по этой пьесе назывался «Вердикт» — плохое название. Я назвала пьесу «Не растут в полях амаранты» — по строке Уолтера Ландора²: «Не растут амаранты³ по эту сторону могилы...» Я до сих пор считаю, что это лучшая моя пьеса после «Свидетеля обвинения». И провалилась она, полагаю, лишь потому, что не была ни детективом, ни боевиком. Да, это пьеса об убийстве, но смысл ее в том, что идеалисты опасны: они легко губят тех, кто их любит. В ней поставлен вопрос: где тот пре-

¹ Локвуд Маргарет (1916—1990) — популярная английская актриса.

² Ландор Уолтер Сэвидж (1775—1864) — английский писатель и поэт, автор лирических стихов и героических поэм.

³ Амарант — в языке поэзии цветок, никогда не увядающий, вечно живой.

дел, за которым недопустимо жертвовать, нет, не собой, а теми, кого любишь, в кого веришь, даже если они не платят тебе взаимностью?

Из моих детективных книг, пожалуй, больше всего я довольна двумя — «Кривым домишкой» и «Испытанием невиновностью». К своему удивлению, перечитав недавно «Отравленное перо», я обнаружила, что он тоже недурен. Великое испытание перечитывать написанное тобой семнадцать-восемнадцать лет назад. Взгляды меняются, и не все книги это испытание выдерживают. Но иные выдерживают.

Одна индийская корреспондентка, интервьюировавшая меня (и, надо признать, задававшая массу глупых вопросов), спросила: «Есть ли среди опубликованных книг такая, которую считаете откровенно плохой?»

Я с возмущением ответила:

«Нет! — и добавила: — Ни одна книга не вышла точно такой, как была задумана, и я никогда не была удовлетворена, но если бы моя книга оказалась действительно плохой, я бы никогда ее не опубликовала».

И все же «Тайна Голубого экспресса» довольно далека от совершенства. Перечитывая ее, вижу, как она банальна, напичкана штампами, вижу, что сюжет ее неинтересен. Многим, к сожалению, она нравится. Не зря говорят, что автор — не судья своим книгам.

Как печально будет, когда я не смогу больше ничего написать, хоть и понимаю, что негоже быть ненасытной. В конце концов, то, что я в состоянии писать в свои семьдесят пять, уже большая удача. К этому возрасту следовало бы довольствоваться сделанным, угомониться и уйти на покой. Признаюсь, у меня возникала мысль уйти на покой в этом году, но тот факт, что моя последняя книга продается лучше, чем любая из предыдущих, оказался неодолимым искушением: глупо останавливаться в такой момент. Может быть, отодвинуть роковую черту к восьмидесяти?

Я счастливо прожила «вторую» молодость, наступающую, когда заканчивается пора страстей, и вдруг обнаруживаешь, скажем, лет в пятьдесят, что перед тобой открыта полноценная новая жизнь, наполненная размышлениями, открытиями, чтением. Вдруг понимаешь, что те-

перь посещать художественные выставки, концерты, оперу так же увлекательно, как в двадцать или двадцать пять. Какое-то время назад все силы уходили на личную жизнь, теперь ты снова свободна и с удовольствием оглядываешься вокруг. Можно наслаждаться отдыхом, можно наслаждаться вещами. Ты еще достаточно молода, чтобы получать удовольствие от путешествий по новым местам, хотя уже и не так непритязательна в отношении бытовых условий, как прежде. В тебе словно происходит прилив жизненной энергии и новых идей. Но следом идет расплата надвигающейся старостью: у тебя почти постоянно где-нибудь что-нибудь болит — то прострел в пояснице, то всю зиму мучает ревматизм шейных позвонков так, что повернуть голову — сушая мука, то артрит в коленках не дает долго стоять на ногах и спускаться под гору — все это неотвратимо, и с этим нужно смириться. Зато именно в эти годы острее, чем когда бы то ни было в молодости, испытываешь признательность за дар жизни. При всей своей реальности она напоминает яркую мечту — а я все еще безумно люблю мечтать.

Глава 4

В 1948 году археология вновь гордо вскинула свою ученую голову. Повсюду только и было разговоров, что о новых возможных экспедициях, строились планы поездок на Ближний Восток. В Ираке утихли революционные страсти, и можно было снова ехать туда на раскопки.

В Сирии накануне войны археологи сняли сливки, а теперь и иракские власти в лице Департамента древностей предлагали вполне приличные условия: хоть все уникальные находки отходили Багдадскому музею, «дубликаты», как их называли, подлежали разделу, и археологи получали справедливую долю. Итак, после года пробных раскопок на маленьких высотах там и сям в этой стране снова началась настоящая работа. В Институте археологии Лондонского университета после войны открылась кафедра западноазиатской археологии, профессором которой стал Макс. Теперь он мог каждый год много месяцев проводить в поле.

После десятилетнего перерыва мы с восторгом вернулись к работе на Ближнем Востоке. На сей раз — увы — мы

не ехали в Восточном экспрессе, он перестал быть самым дешевым средством сообщения, поездку на нем из конца в конец теперь мало кто мог себе позволить. Мы летели — начиналась унылая пора путешествий по воздуху. Впрочем, нельзя не признать, что время они экономят. Еще печальнее, что фирма «Наирн» больше не осуществляла перевозки пассажиров через пустыню. Вы просто сели в самолет в Лондоне и выходили из него в Багдаде, вот и все. В те времена, на заре пассажирского воздухоплавания, еще приходилось делать посадки на ночь, тем не менее эре воздушных путешествий, чрезвычайно утомительных, дорогостоящих и лишенных при этом всякого удовольствия, начало было положено.

Итак, мы с Максом отправились в Багдад вместе с Робертом Хэмилтоном, копавшим когда-то с Кэмпбелл-Томпсонами, а потом служившим куратором музея в Иерусалиме. В намеченный срок мы выехали на север Ирака, осматривая по пути достопримечательности, разбросанные между Малым и Большим Забами, и прибыли наконец в живописный город Эрбил, неподалеку от которого находился не менее живописный курган. Оттуда наш путь лежал в Мосул, но по дороге мы нанесли свой второй в жизни визит Нимруду.

Нимруд по-прежнему был тем дивным уголком страны, каким я запомнила его по первому, давнему знакомству. На этот раз Макс изучал его с особым пристрастием. Прежде о возможности работать здесь не было и речи, теперь же, хоть тогда он мне ничего и не сказал, у Макса появилась надежда. Мы опять устроили там пикник, осмотрели несколько курганов и наконец прибыли в Мосул.

После этой поездки Макс «выложил карты на стол» и твердо заявил, что единственное, чего он хочет, — копать в Нимруде.

— Это великое место, историческое, — заявил он, — и его необходимо раскопать. К нему не прикасались лет сто, со времен Лэйярда, а Лэйярд копнул его только по краешку. Тем не менее он нашел фрагменты прекрасных изделий из слоновой кости — их здесь, должно быть, тьма-тьмушая. Это ведь один из самых важных ассирийских городов. Ассур был религиозной столицей, Ниневия — политической, а Нимруд, или Каллах, как его тогда называли, — военной. Его необходимо раскопать. Ко-

нечно это потребует много людей, много денег и займет несколько лет. Если повезет, он станет одним из великих археологических открытий, эти раскопки обогатят сокровищницу мировой науки.

Я спросила, интересуется ли его по-прежнему доисторическая керамика. Он ответил — да, но в этой области ответы, которые он искал, уже получены, и теперь он готов полностью переключиться на Нимруд.

— Там нас ждут открытия, равные открытию гробницы Тутанхамона¹, — сказал он, — Кносского дворца² на Крите и Ура. На такие раскопки и денег просить не стыдно.

Деньги нашлись, правда, их хватило бы только на то, чтобы начать работу, но по мере увеличения количества находок мы рассчитывали и на увеличение вложений в наше дело. Одним из главных источников субсидий был нью-йоркский музей Метрополитен, дала деньги также иракская Археологическая школа Гертруды Белл и кое-кто из частных лиц — Эшмолин, Фицуильямс; участвовал в расходах и город Бирмингем. Так началось то, что стало нашим делом на последующие десять лет.

В нынешнем году, уже в этом месяце, выйдет книга моего мужа «Нимруд и то, что в нем сохранилось». Он писал ее десять лет, очень боялся, что не успеет закончить. Жизнь так ненадежна: тромбоз вен, высокое кровяное давление и прочие современные болезни подстерегают на каждом шагу, особенно мужчин. Но, славу богу, обошлось. Это работа всей его жизни — он упорно шел к ней начиная с 1921 года. Я горжусь им и очень рада за него. Чудом кажется, что нам обоим удалось сделать в жизни то, что мы хотели.

Трудно представить себе что-нибудь менее близкое, чем его и моя работы. Моя — для обывателей, его — для избранных, тем не менее мы взаимно ценили нашу работу и, думаю, помогали друг другу. Он часто интересуется моим мнением по тому или иному вопросу, и хоть я всегда буду только любителем, о том, чем в археологии занимается

¹ Тутанхамон — египетский фараон, царствовавший в XIV веке до н. э., усыпальница которого была найдена при раскопках в 1922 году неразграбленной, в полном великолепии ее убранства.

² Кносский дворец — великолепный дворец в главном городе древнего Крита, найденный при раскопках на этом греческом острове в начале XX века.

именно он, знаю довольно много. Один раз — давным-давно это было — я с грустью посетовала, что не занялась в молодости археологией, тогда я была бы компетентней во многих вопросах, на что Макс ответил: «А тебе не приходило в голову, что в настоящее время, пожалуй, нет в Европе женщины, которая знала бы о доисторической керамике больше, чем ты?»

Вероятно, в тот момент так оно и было, но ситуация меняется. Я никогда не претендовала на статус профессионала, не могла точно запомнить, скажем, даты жизни ассирийских царей, но меня всегда страшно интересовал человеческий аспект того, что открывает археология. Я с волнением брала в руки маленькую фигурку собачки, найденную под крыльцом раскопанного дома, на которой были вырезаны слова: «Не раздумывай, кусай!» Очень верный девиз для сторожевого пса. Он встречается и на глиняных табличках рядом с фигуркой смеющегося человека. Интересны таблички-контракты, проливающие свет на то, как и где можно было продать себя в рабство или на каких условиях усыновить ребенка. Из других табличек мы узнали о том, что в крепости Шалманезер был зоопарк, и из всех военных походов войны привозили для него разных экзотических животных, а также саженцы необычных растений и деревьев. Жадная до такого рода находок, я была в восторге, когда нашли каменную плиту с описанием пира, устроенного царем, где перечислялось все, что на нем ели. Самым странным казалось мне то, что к сотне баранов, шестистам коровам и массе прочей еды подавали всего лишь двадцать караваев хлеба. Почему так мало? И зачем вообще эти караваи?

Мне никогда не хватало специальных познаний, чтобы оценить пласты, планы раскопок и тому подобное, обсуждаемое современными научными школами с таким жаром. Я безо всякого смущения признаю, что меня интересуют только ремесленные поделки и предметы искусства, которые достают из-под земли. Понимаю, что первое, быть может, и важнее, но для меня самое большое очарование всегда таится в изделиях рук человеческих: маленькие дарохранительницы из слоновой кости, на которых по кругу вырезаны музыканты со своими инструментами, фигурка мальчика с крыльями, замечательная головка женщины — уродливой, но явно незаурядной и полной жизненной силы...

Нам отвели часть дома шейха, дом стоял между раскопом и Тигром. У нас была комната внизу, где мы ели и держали вещи, рядом с ней — кухня, две комнаты наверху: одна наша с Максом, другая, крохотная, над ней, — Роберта. По вечерам я проявляла негативы в столовой. Макс и Роберт должны были в это время находиться наверху. Каждый раз, когда кто-то из них ходил по комнате, с потолка в ванночку с проявителем падали кусочки глины. Прежде чем приступить к следующей серии снимков, я поднималась к ним и гневно выговаривала: «Помните, что я проявляю как раз под вами. Как только вы начинаете ходить, что-то падает с потолка. Неужели нельзя разговаривать, не двигаясь?»

Однако, беседуя, они обычно приходили в крайнее возбуждение, бросались к чемодану, чтобы достать оттуда какую-нибудь книгу и в ней найти убедительный аргумент, и мне на голову снова летели куски грязной глины.

Во дворе было аистное гнездо. Аисты, спариваясь, хлопали крыльями и производили жуткий шум и какие-то щелчки, напоминавшие хруст костей. Аистов на Ближнем Востоке почитают, относятся к ним с большим пиететом.

Уезжая по окончании первого сезона, мы приготовили все, что нужно для строительства дома-мазанки прямо на кургане. Кирпичи были слеплены из жидкой глины и земли и разложены для просушки. Припасли и покрытие для крыши.

По возвращении мы с гордостью осмотрели свой дом. В нем была кухня, рядом — столовая (она же и гостиная), а дальше — рабочая комната для находок. Спали в палатках. Пару лет спустя мы сделали пристройку к дому: небольшой кабинет, где перед окном, через которое рабочим выдавалась их дневная зарплата, стояла конторка, а у противоположной стены — стол для специалистов по эпиграфике; дальше — комната для рисования и рабочая комната, где на подносах лежали находки, требовавшие реставрации. Кроме того, здесь, как обычно, устроили нечто вроде собачьей конуры, в которой несчастный фотограф вынужден был проявлять пленки и заряжать фотоаппарат. Время от времени неизвестно откуда налетал страшный ветер и поднимал песчаную бурю. Мы мгновенно выскакивали из дома и изо всех сил вцеплялись в палатки, а с мусор-

ных ящиков тем временем срывало крышки. Кончалось тем, что палатки с громким хлопанием заваливались, погребая нас под своими складками.

Спустя еще пару лет я попросила пристроить еще одну маленькую комнатку лично для себя, я и за строительство собиралась сама заплатить. За пятьдесят фунтов мне соорудили из саманных кирпичей маленькую квадратную комнатушку, и именно в ней я начала писать эту книгу. В комнате было окно, стул с прямой спинкой и большое кресло фирмы «Минти», настолько дряхлое, что сидеть в нем нужно было осторожно — зато очень удобно. На стену я повесила две картины молодых иракских художников. На одной была изображена печальная корова подле дерева, другая на первый взгляд казалась прихотливым узором из пятен всевозможных цветов — очень похоже на лоскутное одеяло... но, присмотревшись, можно было увидеть, как из этого многоцветья проступают контуры двух осликов и их хозяина, который ведет их через сук,— меня эта картина очаровала. Пришлось ее уступить, потому что она всем очень нравилась и ее перевесили в общую гостиную. Но когда-нибудь я хотела бы получить ее обратно.

Доналд Уайзмен, один из наших эпиграфистов, прикрепил на дверь моей комнаты табличку, оповещавшую, что это «Бейт Агата» — «Дом Агаты», и в этот «Агатин домик» я удалялась ежедневно, чтобы немного поработать. Но большая часть дня уходила на фотографирование или реставрацию и чистку находок из слоновой кости.

Через наш дом прошла великолепная плеяда поваров. Один из них был сумасшедший из португальской Индии. Готовил он хорошо, но с каждым днем становился все более угрюмым и неразговорчивым. Наконец пришли повара и заявили, что Джозеф стал какой-то странный. Однажды он исчез. Мы повсюду искали его, уведомили полицию, но нашли и привели его обратно люди шейха. Он объяснил, что получил указание от Господа Бога и обязан был повиноваться, поэтому ушел, но теперь ему велено вернуться и следить за тем, чтобы воля Божья исполнялась. Похоже, он не делал различия между Всемогущим и Максом: бродил, бывало, вокруг дома и, завидев Макса, что-то разясняющего рабочим, падал перед ним на колени и целовал край его брючины, чем страшно его смущал.

— Встань, Джозеф, — говорил Макс.

— Я должен сделать то, что Ты велишь мне, Господин. Скажи мне, куда идти, и я пойду. Пошлешь в Басру — пойду в Басру, велишь посетить Багдад — посету Багдад; отправишь на север, в снега, — пойду в снега.

— Я велю тебе, — отвечал Макс, стараясь говорить с важностью, приличествующей Всемогушему, — идти сейчас на кухню и приготовить нам пищу нашу засушную.

— Иду, Господин, — отвечал Джозеф, еще раз целовал отворот брючины Макса и отправлялся на кухню. К сожалению, иногда происходили сбои, Джозеф принимал команды по каким-то другим каналам и куда-то уходил. В конце концов мы вынуждены были отправить его обратно в Багдад. Деньги мы зашили ему в карман и дали телеграмму родственникам.

Тогда наш второй слуга, Дэниел, сказал, что умеет стряпать кое-какие блюда и готов поработать на кухне оставшиеся до конца сезона три недели. В результате у всех началось постоянное расстройство желудков. Он всегда кормил нас одним и тем же блюдом, которое называл «яйца по-шотландски» — нечто неудобоваримое, приготовленное к тому же на каком-то подозрительном жире. Дэниел был разжалован до окончания сезона, после того как поссорился с нашим шофером, и тот в сердцах сообщил нам, что Дэниел припрятал в своих вещах двадцать четыре банки сардин и много других деликатесов. Дэниел получил нагоняй, ему было объявлено, что он опозорил себя не только как христианин, но и как слуга, что он скомпрометировал христианство в глазах арабов и что мы больше в его услугах не нуждаемся. Это был худший наш слуга, а их за долгие годы перебивало у нас великое множество.

Как-то он явился к Хэрри Сэгсу, одному из наших эпиграфистов, и сказал:

— Вы единственный добрый человек на этой раскопке; вы читаете Библию, я видел. Так вот, поскольку вы человек добрый, отдайте мне пару своих лучших брюк.

— Вот как? — удивился Хэрри Сэгс. — И не подумаю!

— Это будет по-христиански, если вы отдадите мне свои лучшие брюки.

— Ни лучших, ни худших, — ответил Хэрри Сэгс. — Мне нужны и те и другие.

Дэниел ретировался и попытался попрошайничать в других местах. Он был чудовищно ленив и всегда старался

чистить ботинки, когда стемнеет, чтобы никто не заметил, что он вовсе их не чистит, а сидит, мурлычет что-то себе под нос и покуривает.

Нашим лучшим слугой был Майкл, работавший до того в Британском консульстве в Мосуле. Он был похож на Эль Греко¹ — длинное печальное лицо и огромные глаза. У него вечно были неприятности с женой. Как-то она даже пыталась ударить его ножом. В конце концов наш врач уговорил Майкла повезти ее в Багдад.

По возвращении он нам сообщил:

— Багдадский доктор сказал, что все дело в деньгах. Если я заплачу ему двести фунтов, он постарается ее вылечить.

Макс велел ему возвести ее в Главный госпиталь, снабдил рекомендательными письмами и посоветовал не доверяться шарлатанам.

— Нет, — ответил Майкл, — это очень большой человек, он живет в большом доме на большой улице. Это, должно быть, самый лучший врач.

В первые три-четыре года жизнь в Нимруде была относительно спокойной. Из-за вечно плохой погоды мы были отрезаны от проезжих путей, что избавляло от большого количества визитеров. Но затем, учитывая растущую важность нашей работы, к нам проложили проселочную дорогу, соединившую нас с главной, а дорогу в Мосул на большом отрезке даже заасфальтировали.

Это обернулось большими неприятностями. В течение последних трех лет мы вынуждены были держать специального человека, в обязанности которого входило только одно — водить экскурсии, оказывать посетителям знаки внимания, поить их чаем или кофе и так далее. Приезжали целые автобусы со школьниками, и это было для нас постоянной головной болью, потому что повсюду зияли раскопы, края которых осыпались и представляли опасность для непосвященных. Мы умоляли учителей держать детей подальше от них, но те, разумеется, относились к нашим

¹ Эль Греко (наст. имя Кюриакос Теотокопулос, 1541—1614) — художник и скульптор, родившийся на острове Крит, но работавший в Италии и Испании.

просьбам с обычным арабским «Иншаалла!»¹, все обойдется! А однажды к нам заявила группа родителей с грудными детьми.

Роберт Хэмилтон, оглядывая комнату для рисования, где стояли три коляски с пронзительно орущими младенцами, вздохнул и недовольно сказал:

— Это не раскопки, а какие-то детские ясли! Пойду замерять уровни.

Мы все громко запротестовали:

— Ты что, Роберт, ты же отец пятерых детей! Кому же, как не тебе, присматривать за яслями? Не оставлять же детей на каких-нибудь бестолковых молодых холостяков!

Роберт смерил нас ледяным взглядом и вышел, не удостоив ответом.

Хорошие были времена! Каждый год отмечен чем-нибудь приятным, хотя, в определенном смысле, жизнь год от года становилась все сложнее, теряла простоту, урбанизовалась.

Что касается самого холма, он утратил былую красоту из-за множества перерезавших его высоких отвалов. Ушло первозданное очарование каменных глыб, торчавших из зеленой травы, напоминавшей ковер, расшитый лютиками. Стаи пчелоедов — прелестных золотисто-зелено-оранжевых маленьких птичек, дразня порхавших над курганом, — правда, по-прежнему прилетали каждую весну, а чуть позже являлись и сизоворонки — птички покрупней, сине-оранжевые, умевшие забавно и неожиданно камнем падать с неба. По преданию, Иштар² наказала их, продырявив крылья, за то, что они ослушались ее.

Теперь Нимруд погрузился в сон.

Он весь покрылся шрамами, нанесенными нашими бульдозерами. Зияющие шурфы были засыпаны свежей землей. Когда-нибудь его раны затянутся, и на нем снова расцветут ранние весенние цветы.

Так когда-то здесь стоял Калах, Великий город. А потом Калах уснул...

Пришел Лэйярд и потревожил его. И снова Калах-Нимруд погрузился в сон...

¹ Иншаалла — «Если пожелает Аллах» (араб.).

² Иштар (Астарт) — у древнесеMITских народов богиня плодородия и плотской любви.

Затем явились Макс Мэллоуэн с женой. Теперь Калах спит снова...

Кто потревожит его в следующий раз?

Мы не знаем.

Я не рассказала о нашем багдадском доме. На западном берегу Тигра у нас был старый турецкий дом. Мы любили его, и многие находили наш вкус странным — они предпочитали коробки в стиле модерн. А наш турецкий дом был прохладным и восхитительным, с чудесным двориком и пальмами, подступающими прямо к балконным перилам. Позади дома находились поливные пальмовые сады и уютный домик какого-то скваттера¹, сделанный из бензиновых канистр. Вокруг дома резвились дети. Женщины входили и выходили, спускались к реке мыть кастрюли и сковородки. В Багдаде богатые и бедные жили бок о бок.

Как же сильно он разросся с тех пор, как я увидела его впервые! Дома современной архитектуры по большей части выглядели уродливо и совершенно не подходили для местного климата. Они были скопированы из новомодных журналов — французских, немецких, итальянских. В них нет сирабов², куда можно спуститься в дневную жару, и окна совсем не похожи на традиционные — маленькие, прорезанные в верхней части стены, чтобы скрадывать солнечный свет. Быть может, оборудование ваннных и уборных в них лучше (хоть я и сомневаюсь). Оно теперь хорошо выглядит — сиреневые или светло-лиловые унитазы и прочее, — но канализационная система все равно нигде не работает как положено. Все сточные воды по-прежнему спускаются в Тигр, и количество воды для смыва, как обычно, удручающе недостаточно. Есть что-то особенно раздражающее в красивом современном оборудовании ваннных и туалетов, которые не работают из-за недостатка воды в водозаборах.

Должна рассказать и о нашем первом после пятнадцатилетнего перерыва визите в Арпачию. Нас там сразу же узнали. Вся деревня высыпала из домов, приветствуя радостными возгласами.

¹ Скваттер — человек, самовольно поселившийся на чужой земле или в чужом доме.

² Си раб (*араб.*) — затемненное помещение на первом этаже дома.

— Вы меня не помните, госпожа? — спросил один человек. — Я был мальчиком, таскал землю в корзинах, когда вы уезжали. А теперь мне двадцать четыре, я женат, у меня есть большой сын, взрослый, я вам его покажу!

Их удивляло, что Макс не может припомнить каждого по имени и в лицо. Они вспоминали знаменитые скачки, вошедшие в местную историю. Повсюду нас встречали друзья пятнадцатилетней давности.

Однажды я ехала по Мосулу в грузовичке. Полицейский-регулирующий вдруг поднял свой жезл и с криком: «Мама! Мама!» — бросился к грузовику, схватил мою руку и бешено затряс ее.

— Какая радость видеть тебя, мама. Я Али — мальчик-официант, помнишь? Да? Теперь я полицейский!

С тех пор при каждой поездке в Мосул я встречала Али, и как только он видел нас, движение на улице замирало, мы приветствовали друг друга, после чего он давал нам зеленую улицу.

Какое счастье иметь таких друзей — добросердечных, простодушных, жизнерадостных, всегда готовых посмеяться! Арабы вообще большие любители посмеяться и славятся своим гостеприимством. Когда бы вы ни проходили через деревню, где живет хоть один из ваших рабочих, он обязательно выйдет из дома, уговорит войти и угостит кислым молоком. Некоторые городские эфенди¹ в пурпурных одеждах бывают назойливы, но простые крестьяне очень симпатичны, они великолепные друзья!

Как я любила этот уголок земли!

Я и сейчас люблю его и буду любить всегда.

Эпilog

Желание написать автобиографию, как я уже говорила, обуяло меня абсолютно неожиданно в моем нимрудском «Бейт Агата».

Теперь, перечитав написанное, я осталась довольна. Я сделала именно то, что хотела, — совершила путешествие. Не столько назад, через прошлое, сколько вперед — к началу всего, к той себе, которой еще предстояло взойти на

¹ Эфенди (*тур.*) — «господин», почтительное обращение к мужчине на Ближнем и Среднем Востоке.

борт корабля, и этот корабль должен был пронести меня сквозь годы. Я не связывала себя ни временем, ни местом повествования, останавливалась там, где хотела, совершала скачки то вперед, то назад — по желанию.

Я вспоминала то, что мне хотелось вспоминать, — иногда просто забавные эпизоды, которые приходили на память безо всякой видимой причины. Так уж мы, человеческие существа, устроены.

Теперь, когда я дожила до семидесяти пяти, думаю, наступило время остановиться: если речь идет о жизни, все уже сказано.

Теперь я живу в долг, жду в прихожей вызова, который неминуемо последует, после чего я перейду в иной мир, чем бы он ни оказался. К счастью, об этом человеку уже заботиться не надо.

Я готова к встрече со смертью. Я была исключительно счастлива в этой жизни. Со мной и сейчас мой муж, дочь, мой внук, зять — те, кто составляют мой здешний мир. И еще не настал момент, когда я стану для них только обузой.

Я всегда обожала эскимо. Однажды для дорогой старушки-мамы будет приготовлено изысканное холодное блюдо, а потом она уйдет по ледяной дороге — и больше не вернется...

Такой жизнью — достойной и насыщенной, — какую прожила я, можно гордиться.

Хорошо, конечно, писать такие возвышенные слова. А что, если я проживу лет до девяноста трех, сведу с ума всех близких тем, что не буду слышать ни слова, стану горько сетовать на несовершенство слуховых аппаратов, задавать бесчисленное множество вопросов, тут же забывать, что мне ответили, и спрашивать снова то же самое? Буду яростно ссориться с сиделкой и обвинять ее в том, что она хочет меня отравить, или сбежать из лучшего заведения для благородных старых дам, обрекая свою бедную семью на бесконечные тревоги? А когда наконец схвачу бронхит, все вокруг станут шептать: «Бедняжка, но нельзя не признать, что это для всех будет избавлением...»

Это действительно будет избавлением — для них; и это лучшее, что может случиться.

А пока, удобно расположившись, я все еще жду вызова в приемной у смерти и наслаждаюсь жизнью. Правда, с каждым годом приходится что-то вычеркивать из списка удовольствий.

Дальние прогулки пешком — долой! И — увы! — морские купания тоже. Жареное филе, яблоки и свежую ежевику (неприятности с зубами). Чтение мелкого шрифта. Но многое еще и остается. Опера и концерты, чтение, наслаждение, которое испытываешь, ложась в постель и засыпая, самые разные сны, молодая поросль, которая приходит навестить меня и бывает удивительно мила. А самое, пожалуй, лучшее, сидеть на солнышке, тихо дремать и... вот мы и добрались до главного — вспоминать! «Я вспоминаю... Я вспоминаю дом, где я родился...»

Подобно поэту, и я всегда мысленно возвращаюсь в дом, где родилась, — в Эшфилд.

O, ma chère Maison; mon nid, mon gîte,
Le Passé l'habite... O! ma chère Maison...

Как много он для меня значит! Мне почти никогда не снятся ни Гринвей, ни Уинтербрук. Только Эшфилд. Старая, хорошо знакомая обстановка усадьбы, где начиналась жизнь, хоть люди во сне могут быть и нынешние. Как хорошо я знаю там каждую мелочь: вот вылинявшая красная портьера на кухонной двери, медная решетка с узором из подсолнухов перед камином в холле, турецкий ковер на лестнице, большая, обшарпанная классная комната с тисненными обоями — темно-синими с золотом.

Года два назад я поехала посмотреть — нет, уже не на Эшфилд, на место, где он когда-то стоял. Я знала, что рано или поздно не удержусь и поеду туда, несмотря на то что это неизбежно причинит мне боль.

Три года назад кто-то сообщил мне, что дом собираются снести и на его месте построить новый. Меня спрашивали, не могу ли я спасти этот чудесный старый дом, ведь, говорят, я жила в нем прежде.

Я проконсультировалась со своим адвокатом: можно ли купить дом и передать его в дар, скажем, приюту для престарелых? Это оказалось невозможным. Четыре или пять больших вилл с усадьбами были проданы — en bloc¹, с тем чтобы все их снести и возвести новое здание. Отсрочки приговора для милого Эшфилда быть не могло.

Это случилось через полтора года после того, как я добилась разрешения подвести туда дорогу.

¹ Оптом (фр.).

Ничто не напоминало здесь больше о прошлом. Повсюду стояли самые унылые, убогие дома, какие я когда-либо видела. Не осталось ни одного большого дерева. Ясени умерли. Торчали жалкие остатки большого бука, веллингтонии¹, виднелись сосны, вяза, окружавшие огород, — я даже не могла определить, где раньше стоял дом. И вдруг нашла единственную путеводную ниточку — изломанные останки того, что когда-то было араукарией, отчаянно цеплявшиеся за жизнь на разоренном заднем дворе. Это был единственный сохранившийся клочок бывшего сада — все вокруг заасфальтировали, нигде не пробивалось ни травинки.

Я сказала: «Храбрая араукария!» — и, повернувшись, ушла.

Но после того что я увидела, мне было уже не так горько. Эшфилд существовал когда-то давно, теперь дни его подошли к концу. А поскольку все, что когда-нибудь существовало, продолжает существовать в вечности, Эшфилд остается Эшфилдом. И мне больше не больно думать о нем.

Быть может, однажды девочка, сосущая пластиковую игрушку и стучащая по крышке мусорного бака, увидит другую девочку — со светлыми золотистыми локонами и серьезным выражением лица. Девочка с серьезным лицом будет стоять в волшебном кольце зеленой травы возле араукарии с обручем в руке. Она во все глаза будет смотреть на пластмассовый космический корабль, который сосет первая девочка, а та точно так же — на обруч. Она не будет знать, что такое обруч. И она не будет знать, что видит перед собой призрак... Прощай, милый Эшфилд!..

Сколько же всего сохранилось в памяти: прогулка по ковру из живых цветов к алтарю Изида в Шейх Ади... Красота изразцов в мечети Исфахана — города волшебной сказки... Огненный закат над домом в Нимруде... Остановка поезда у Киликийских ворот в вечерней тишине... Деревья Нью-Фореста осенью... Купание с Розалиндой в Торбее... Мэтью, играющий за Итон и Хэрроу... Возвращение Макса с войны и ужин из подгоревшей рыбы... Так много всего — глупого, забавного, красивого... Два исполнившихся тщес-

¹ Веллингтонии (секвойядендроны) — род вечнозеленых хвойных деревьев родом из Северной Америки, достигающих 100-метровой высоты и растущих 1500 лет. Разводятся также в парках.

лавных желания: обед у английской королевы (как бы радовалась Няня... «Где ты была сегодня, киска?») и покупка бутылконосного «морриса» — первого моего собственного автомобиля! Самое острое ощущение: Голди, слетающий с карниза для штор после целого дня наших безнадежных, отчаянных поисков.

Ребенок, вставая из-за стола, говорит: «Спасибо тебе, Господи, за хороший обед».

Что сказать мне в свои семьдесят пять? Спасибо тебе, Господи, за мою хорошую жизнь и за всю ту любовь, которая была мне дарована.

Уоллингфорд, 11 октября 1965 г.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Автобиография

Опубликованная посмертно, «Автобиография» Агаты Кристи была начата писательницей еще в 1950 году в Ираке и закончена в 1965 в Англии. Это очень большая книга, и очень интересная — читается она на одном дыхании. Бросается в глаза, что автор явно оберегает свою частную жизнь. Она с удовольствием делится с читателем подробнейшими воспоминаниями о собственном детстве и юности, о жизни их семьи, о родителях и родителях родителей, но сообщает она лишь то, что ей угодно самой, припоминая множество деталей, и сознательно опуская не меньшее их количество. Что же касается откровенности, то автор явно ограничивал себя, причем совершенно сознательно, в том что касается интимных подробностей личных взаимоотношений, — в отличие от многих мемуаристов того периода, прямо-таки смакующих подобные моменты.

Три четверти книги занимает описание первых сорока лет жизни автора, о которых дается, кажется, полнейший отчет. Другие же сорок с небольшим лет втиснуты в оставшуюся четверть и описаны куда более сдержанно, — так что возникает явственное ощущение, что чем старше писательница становилась, тем с большим удовольствием вспоминала и описывала свою молодость. «Я пишу эту книгу, — признается она в своем предисловии, которое в отличие от большинства предисловий, действительно было написано до, а не после завершения работы над книгой, — ради того, чтобы насладиться счастьем воспоминаний, время от времени, не спеша, по две три странички. Это занятие, вероятно, растянется на годы». Так оно и получилось.

Хотя трудно вполне полагаться на память престарелого автора, ценность и интерес «Автобиографии» — не только в сообщенных там фактах, но и в том, что Агата Кристи делится в ней своими воззрениями на самые разные стороны жизни — воззрениями, которые в своих произведениях она довольно часто вкладывала в уста Пуаро, мисс Марпл или миссис Оливер и которые занятно услышать от первого лица. Столь же любопытно узнать от самой писательницы и о ее творческих методах.

«Автобиография» Кристи оказалась не менее популярной, чем ее детективы. «Агата Кристи снова на высоте, — писала «Таймс» — эта книга изумительно легко читается и не менее захватывающая, чем «Десять негритят».

Впервые вышла в Англии в 1976 году.

На русский язык переведена В.Чемберджи и И.Дорониной и впервые опубликована в книге Агата Кристи «Автобиография», «Вагриус», 1999. Для настоящего издания перевод выправлен и заново отредактирован.

А. Титов

СОДЕРЖАНИЕ

АВТОБИОГРАФИЯ	5
Библиографическая справка	649

Артур
Конан Дойл

Собрание сочинений
в 12 томах

*Первое
иллюстрированное
Собрание сочинений
знаменитого
английского писателя*

*Прекрасные переводы
70—100 иллюстраций
к каждому тому*

*Объем книг
600—700 страниц*

Кристи А.

Собрание сочинений. Т. 27, кн. 1.
Автобиография. Пер. с англ./ Сост. А.Титов. — М.:
Артикул-принт, 2003. — 656 с.

ISBN 5-93776-029-8 (т. 27/1)

В двадцать седьмой том книгу первую Собрания сочинений вошла «Автобиография» (1976).

УДК 820 Кристи 2+820-31
ББК 84(4Вел)

**Издательство «Артикул»
осуществляет издание Собрания сочинений
АГАТЫ КРИСТИ
в 42 томах**

В настоящее время вышли из печати
и имеются в наличии
1—17, 19, 20(1,2,3,4), 22—26, 27(1,2),
32, 33, 35, 36, 38, 40, 41 тома

Информацию по приобретению уже
вышедших томов и вопросам оптовых
поставок можно получить по
телефону издательства:

(095) 289-30-37

В Москве
все вышедшие тома
можно приобрести в магазинах:

«БИБЛИО-ГЛОБУС»
ул. Мясницкая, 6
проезд: ст. метро «Лубянка»

«МОСКВА»
ул. Тверская, 8
проезд: ст. метро «Тверская»

Иногородним читателям,
желающим оформить подписку и получить
любые из вышедших томов по почте,
следует обращаться по адресу:

ПКП «Техника — Быт — Сервис»
390000, Рязань, почтамт, а/я 12
Тел. (0912) 76-15-87

Агата Кристи

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Том двадцать седьмой

Книга 1

**Собрание сочинений выходит
под общей редакцией
*А. Титова***

**Литературный редактор *М. Макарова*
Выпускающий редактор *Г. Шафигуллина*
Корректор *Е. Назарова*
Компьютерная верстка *Т. Носова***

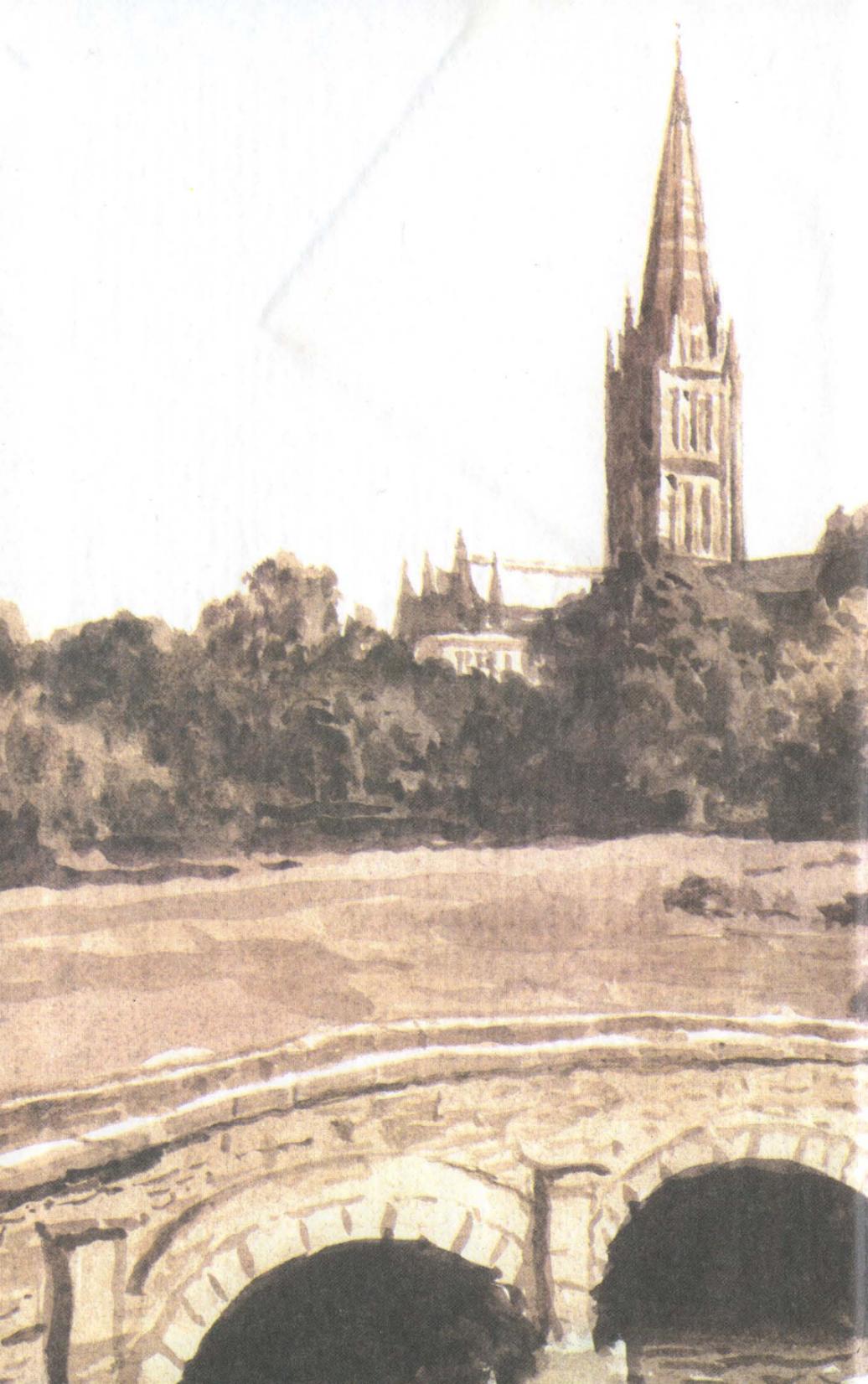
ИД № 00803 от 20 01 2000

Подписано в печать 12 03 2003 Формат 84×108¹/₃₂ Бумага газетная
Гарнитура «Таймс» Печать высокая Усл печ л 52,1 Уч -изд л 53,9

Тираж 18 000 экз (1-и завод 1—8 000) Заказ № 4455

Издательство «Артикул-принт»
127018, Москва, Сущевский вал, 49

Отпечатано с готовых диалитивов в ордена Трудового Красного Знамени
ФГУПП «Детская книга» Министерства Российской Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникации
127018 Москва Сущевский вал, 49

ISBN 5-93776-029-8

9 785937 760296 >